

Д. О. БЪЛЯЕВЪ.

ВУЗАНТИНА.

ОЧЕРКИ, МАТЕРИАЛЫ И ЗАМѢТКИ

ПО

ВИЗАНТІЙСКИМЪ ДРЕВНОСТЯМЪ.

КНИГА II.

Съ таблицами и планами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ
II
ВОСКРЕСНЫЕ ПРИЕМЫ
ВИЗАНТИЙСКИХЪ ЦАРЕЙ

И ПРАЗДНИЧНЫЕ ВЫХОДЫ ИХЪ

ВЪ

ХРАМЪ СВ. СОФІИ

ВЪ IX—X В.

Feci quod potui.

Съ таблицами и планами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *В. Дружининъ*.

Оттискъ изъ шестого тома Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго
Общества.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ИМПЕРАТОРСКОМУ
РУССКОМУ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Приемы императорами сановниковъ во времена Римской имперіи.—Обряды приемовъ и видоизмѣненія ихъ.—Дошедшіе до насъ обряды ежедневныхъ и воскресныхъ приемовъ.—Мѣсто приемовъ.—Отпирание дверей Большаго Дворца и другія подготовительныя дѣйствія.—Собраніе чиповъ синклита въ Ипподромѣ и переходъ ихъ въ палаты Дворца.—Выходъ царя въ Христотриклинѣ; дѣйствія и занятія его во время приема: дѣловые доклады логовета, преозвита и другихъ сановниковъ; назначенія на должности и частныя аудіенціи посламъ.—Воскресные приемы, ихъ отличительныя черты; приглашеніе къ царскому столу.—Отпускъ.—Производство въ чины	1
ГЛАВА ВТОРАЯ. Большіе, средніе и малые выходы.—Повѣстка чинамъ о предстоящемъ выходѣ.—Собраніе чиновъ для участія въ выходѣ.—Праздничныя облаченія чиновъ.—Перенесеніе царскаго облаченія и короны изъ Ризницы при храмѣ св. Θεодора въ Октагонѣ дворца Дафны.—Парадные щиты.—Жезлъ Моисея и крестъ св. Константина.—Выходъ царя изъ своихъ покоевъ въ Христотриклинѣ и шествіе до Китона Дафны.—Облаченіе царя въ дивитисій, хламиду и корону.—Дивитисій.—Выходъ царя въ парадномъ облаченіи чрезъ Августей въ портикъ Августей (Золотая Рука).—Пріемъ здѣсь высшихъ чиновъ.—Вводъ ихъ по рангамъ (βῆλα) и разстановка чиновъ.—Многолѣтіе и переходъ царя и чиновъ въ Оноподѣ.—Пріемъ въ Оноподѣ и переходъ въ Консисторію.—Пріемъ и привѣтствіе царя всѣмъ синклитомъ въ Консисторіи.—Дальнѣйшее шествіе чиновъ и царя изъ Консисторіи въ триклинѣ Капдиатовъ.—Встрѣча клиромъ храма Господа	36
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Шествіе царей чрезъ Палату Экскувировъ.—Славословія на латинскомъ языкѣ.—Шествіе чрезъ Школы или Трибуналъ.—Украшеніе Трибунала.—Первый пріемъ въ Трибуналѣ.—Пѣснопѣнія и поднесеніе ливелларія.—Второй пріемъ въ Палатѣ Школъ.—Третій пріемъ въ Халкѣ.—Четвертый пріемъ внѣ рѣшетки Халки.—Пятый пріемъ у большихъ воротъ Халки.—Шестой пріемъ въ Орологіи св. Софіи.—Видоизмѣненія славословія и пѣснопѣній сообразно съ праздниками и личными качествами царей.—Извѣстіе Льюдприанда о словословіяхъ димовъ	70
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Милій.—Орологіи св. Софіи.—Дворъ св. Софіи.—Красныя врата.—Λογίον.—Западный фасадъ св. Софіи.—Царскія врата.—Алтарная конха.—Мѣсто св. престола и алтарной преграды.—Назначеніе боковыхъ нишъ.—Горнее мѣсто.—Царскій мутаторій и его части.—Св. Кладезъ.—Мутаторій въ верхнемъ этажѣ.—Патріаршія Палаты и части ихъ.—Гинэконитъ въ дѣвомъ нижнемъ кораблѣ и женскій (сѣверный) нарокъ.—Сосудохранилище (Σκευοφυλάκιον).—Круглое аданіе на сѣверо-восточномъ углу св. Софіи	90

ГЛАВА ПЯТАЯ. Входъ царя въ пропилей парьика и сниманіе короны.—Встрѣча царя патріархомъ и духовенствомъ въ парейкѣ.—Входъ въ храмъ чрезъ царскія врата и въ алтарь чрезъ св. врата.—Возложеніе на св. престолъ апокомвія, чашъ и другихъ приношеній.—Кажденіе св. престола и запрестолнаго креста.—Удаленіе въ Мутаторій.—Выходъ царя для участія въ великомъ входѣ.—Выходъ для цѣлованія любви съ духовными чинами и чинами царскаго синклита.—Выходъ царей для приобщенія св. Таинъ.—Мѣсто причащенія царя.—Причащеніе царей въ алтарь въ день коронаціи.—Завтракъ послѣ причащенія въ Мутаторіи.—Проводы царя патріархомъ и надѣваніе короны въ св. Кладезѣ.—Апокомвій, получаемый патріархомъ и другими лицами.—Просфоры и масло, даваемыя царю патріархомъ. 150

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Пріемы димовъ на возвратномъ пути царей изъ храма св. Софіи во Дворецъ: 1-й пріемъ у св. Кладезя, 2-й пріемъ у желѣзныхъ воротъ Хита, 3-й пріемъ въ Халкѣ, 4-й у пропилея св. Апостоловъ, 5-й въ Трибуналѣ или Лихнахъ.—Дальнѣйшее шествіе царя чрезъ палаты Эккувиторовъ, Кандидатовъ, Консисторію и Оноподъ до Августея.—Переоблаченіе въ Августеѣ и шествіе оттуда въ Христотриклинь.—Послѣднія привѣтствія чиновъ.—Особенности Пасхальнаго выхода.—Облаченіе въ цикакій.—Христосованіе въ Палатѣ 19 аккувитовъ.—Входъ чиновъ для христосованія по βῆλα.—Облаченіе чиновъ въ лоры.—Христосованіе царицы.—Акакии и скипетры.—Исторія лора.—Оплечье, или бармы.—Происхожденіе обычая облачатся въ лоры въ 1-й день Пасхи 185

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Средніе выходы.—Отличительныя черты ихъ сравнительно съ большими выходами.—Пріемы димовъ.—Выходъ въ Великую Субботу для омовенія и переоблаченія св. престола.—Выходъ въ Антипасху.—Исторія выходовъ въ этотъ день.—Выходъ въ день воссоединенія церкви.—Малые выходы въ Крестовоздвиженіе, Недѣлю Православія и понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго Поста.—Рѣчь царя въ Магнаврѣ.—Выходы въ царскіе дни и государственные праздники.—Выѣзды въ храмъ св. Софіи царей позднѣйшаго времени изъ Влахернскаго Дворца.—Пасхальный выходъ позднѣйшаго времени 220

Указатель 265

Опечатки и поправки 278

Объясненія къ таблицамъ 281

Таблицы и планы.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Византійскій Придворный Уставъ или Царскій Чинъ Константина VII Багрянороднаго до прошлаго столѣтія не былъ извѣстенъ ученому міру; потому византологи прежнихъ временъ, въ томъ числѣ и знаменитый Дюканжъ, лишены были возможности пользоваться для своихъ работъ тою огромною массою археологическаго матеріала, которая находится въ этомъ Уставѣ и которая, по своей важности и количеству, не уступаетъ всему тому, что мы находимъ у другихъ, дошедшихъ до насъ средневѣковыхъ писателей, такъ или иначе касавшихся разныхъ предметовъ и сторонъ византійской археологіи. Но такъ какъ давно былъ извѣстенъ трудъ Кодина Куропалаты О чинахъ Константинопольскаго Двора и должностяхъ Великой Церкви ¹⁾, то въ вопросахъ археологическихъ, затронутыхъ Кодиномъ, трудъ Кодина служилъ главнымъ источникомъ свѣдѣній о придворныхъ чинахъ, обрядахъ и другихъ сторонахъ официальнаго византійскаго строя и быта. Тѣ извѣстія, которыя находили у Кодина, безъ дальнѣйшихъ разсужденій часто прилагали ко всему 1000-лѣтнему періоду существованія Византійскаго Царства, какъ будто бы въ этой части Римской Имперіи традиціи и порядки великаго прошлаго до конца сохранялись безъ измѣненій. Имѣя въ виду славныя времена великой и могущественной Римской Имперіи, считая себя прямыми и единственными наследниками этой славной имперіи, а предъ глазами имѣя все болѣе и болѣе ухудшавшееся настоящее, византійцы, правда, старались сохранять по возможности прежніе порядки и поддерживать строй

¹⁾ Περὶ τῶν ὀφφικαλίων τοῦ Παλατίου Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῶν ὀφφικίων τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας. Первое изданіе этого труда Кодина было сдѣлано въ 1588 г. Юніемъ (Fr. Junius); второе изданіе того же Юнія вышло въ 1596 г. Гораздо лучше было изданіе Гретсера (Jas. Gretserus), Paris. 1625 и Гоара (Goarus), 1648. Объ этихъ изданіяхъ, кромѣ praefationes къ Боннскому изданію, см. В. Васильевскаго, Обзорніе трудовъ по Византійской Исторіи, Спб. 1890, стр. 26, 36 и 79. Ср. Krumbacher, Geschichte d. Byzantin. Litteratur, s. 168.

жизни, созданный и установившийся въ славныя времена Римской или по крайней мѣрѣ Восточно-Римской Имперіи.

Но, не смотря на весь консерватизмъ, обскурантизмъ и застой, въ которыхъ такъ часто обвиняють византійцевъ, жизнь и новыя обстоятельства брали свое; строй жизни, официальной и частной, все-таки измѣнялся, хотя медленно, постепенно, но постоянно, такъ что въ концѣ-концовъ отъ прежняго строя и порядка осталась только слабая тѣнь, какъ отъ всей Восточной Римской Имперіи остался только Константинополь, укрываемый своими крѣпкими стѣнами. Эту тѣнь, къ сожалѣнію, принимали часто, да и теперь иногда принимаютъ, за самое тѣло и по тѣни судили о тѣлѣ, хотя видѣвшій и описавшій эту тѣнь Коди нъ Куропалата не имѣлъ самъ понятія о придворныхъ чинахъ и порядкахъ не только тѣхъ временъ, когда еще господствовали чисто римскіе обычаи, но и тѣхъ, когда все приняло чисто византійскій обликъ, т. е. временъ и вѣковъ, предшествовавшихъ латинскому плѣну. Для Коди на даже тѣ порядки, которые были при первыхъ Палеологахъ, естественно являются уже древними. Пускаясь въ историческія объясненія разныхъ обычаевъ и одеждъ и заходя при этихъ объясненіяхъ не только во времена римскихъ Кесарей, но и во времена господства вавилонянъ и ассириянъ, Коди нъ не зналъ того строя византійской официальной жизни, который былъ за 200—300 лѣтъ до него, а потому описываетъ многіе порядки и обычаи, какъ нормальные и постоянные византійскіе, хотя относительно многихъ пунктовъ онъ самъ сознаетъ свое невѣдѣніе и незнакомство съ тѣмъ, что было прежде. Потому можно себя а priori представить, какъ часто и сильно заблуждались и заблуждаются тѣ, которые, на основаніи Коди на, судили о томъ или другомъ предметѣ Византійской археологіи, прилагая сообщаемыя имъ свѣдѣнія ко всему времени существованія Византійскаго царства.

Весьма нерѣдко, впрочемъ, у другихъ византійскихъ писателей разныхъ временъ находились случайныя извѣстія, противорѣчащія тому, что говорилъ Коди нъ. Вслѣдствіе этого возникали недоумѣнія и затрудненія, которыя ученые старались объяснить и примирить, но которыя ни примирить, ни объяснить иначе нельзя, какъ разностию историческихъ эпохъ, къ которымъ эти извѣстія относятся. Примѣровъ такихъ недоумѣній и превратныхъ понятій, вызванныхъ отнесеніемъ на весь періодъ византійской исторіи того, что имѣло мѣсто только въ извѣстное определенное время, приведено было нѣсколько какъ въ I, такъ и во II моихъ очеркахъ и приводить ихъ еще нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что справедливость вышесказаннаго и безъ того очевидна.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ ¹⁾, явился въ свѣтъ въ изданіи Лейха и Рейске съ комментариемъ этого послѣдняго Придворный Уставъ (или Изложеніе Царскаго чина) Константина Багрянороднаго, который знакомить насъ съ придворными порядками и внутреннею жизнью византійскаго двора эпохи гораздо болѣе интересной и древней, нежели описанная Кодиномъ, и даетъ объ этой эпохѣ огромную массу свѣдѣній, несравненно болѣе важныхъ и обстоятельныхъ. Громадное, можно сказать, несравненное значеніе Придворнаго Устава для византійской исторіи и археологіи очень хорошо понялъ и оцѣнилъ первый издатель и комментаторъ Придворнаго Устава Яковъ Рейске (Reiske), который, обладая обширною, много-

¹⁾ Первые извѣстія о Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго появились въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія. Владѣлецъ единственной, но за то очень древней рукописи (XI в.) Придворнаго Устава, членъ городского сената во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Конрадъ Уффенбахъ, сообщилъ кое-какія свѣдѣнія объ этой рукописи Альберту Фабрицію (Fabricius), который и опубликовалъ первые извѣстія о Придворномъ Уставѣ въ 1-мъ изданіи своей знаменитой *Bibliotheca Graeca*, vol. VI, p. 621 sequ. (перепеч. въ Боннскомъ изданіи Придворнаго Устава, vol. I, p. LVIII—LX). Гербы Угорскаго и Чешскаго королевствъ, украшающіе переплетъ рукописи, позволяютъ ученымъ предполагать, что рукопись эта находилась первоначально въ библиотекѣ короля Матвѣя Корвина. Такъ долго скрывавшемуся отъ взоровъ ученаго міра кодексу не суждено было скоро явиться въ печати и послѣ появленія первыхъ извѣстій объ его существованіи. Первая попытка издать его, сдѣланная Гессепскимъ профессоромъ Маємъ (Majus), не удалась. Рукопись Придворнаго Устава отъ Уффенбаха перешла, между тѣмъ, въ собственность городской библиотеки гор. Лейпцига, гдѣ она сохраняется и до сихъ поръ. Завѣдывавшій тогда Лейпцигскою городской библиотекою проф. Масковъ (Masow) обратилъ на рукопись вниманіе молодого ученаго Лейха, который взялся за изданіе рукописи въ 1743 году и скоро приступилъ къ исполненію этой трудной задачи. Но Лейху не суждено было довести изданіе и до половины; смерть прекратила работу молодого ученаго въ 1750 г., когда онъ успѣлъ напечатать 200 стр. слишкомъ греч. текста съ латинск. переводомъ. Къ счастью, продолженіе труда Лейха поручено было, по указанію Маскова, ученому, еще болѣе компетентному, чѣмъ былъ Лейхъ. Это былъ Яковъ Рейске, который не только обладалъ обширною эрудиціею въ области древней филологіи, но и былъ въ то же время первокласснымъ ориенталистомъ (арабистомъ), что очень важно и полезно для всякаго, занимающагося византійскою археологіею и исторіею, благодаря постояннымъ вліяніямъ, столкновеніямъ и взаимодействію арабовъ и византійцевъ. Многосторонняя эрудиція, какъ нельзя болѣе подходящая къ предстоящей задачѣ, позволила Рейске не только докончить трудъ Лейха, но и написать такой комментарий, который Лессингъ по справедливости называлъ удивительнымъ и достойнымъ стать наравнѣ съ самыми славными произведеніями въ этомъ родѣ. Первый томъ Придворнаго Устава явился уже въ 1751 г., второй въ 1754 г. подъ заглавіемъ: *Constantini Porphyrogeniti, Imperatoris Constantinopolitani Libri duo de cerimoniis aulae Byzantinae, prodeunt nunc primum cum latina interpretatione et commentariis. Curarunt Jo. Henricus Leichius et J. Jacobus Reiskius*. Но III томъ, который долженъ былъ заключать комментарий Рейске на II кн., издатель отказался издавать, изъ опасенія окончательно разориться на это изданіе. Комментарій на II кн. явился въ Боннскомъ изданіи и составляетъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ прибавленій этого изданія. Подробности объ исторіи изданія Придворнаго Устава см. въ вышеуказанной превосходной и незамѣнимой книгѣ В. Г. Васильевскаго, стр. 214 слѣд., продолженіе которой ждутъ съ нетерпѣніемъ всѣ интересующіеся Византіею.

стороннею эрудиціею, снабдилъ изданіе достойнымъ удивленія комментариемъ и предисловіемъ. Въ этомъ послѣднемъ Reiske прекрасно выразилъ громадное значеніе издаваемого имъ впервые памятника для исторіи и древностей церковныхъ, политическихъ, военныхъ, придворныхъ и частныхъ, словомъ для всѣхъ сторонъ византійской жизни ¹⁾).

Не смотря, однакожь, на громадное значеніе Придворнаго Устава для византійской археологіи въ самомъ широкомъ смыслѣ, не смотря на тѣ восторженные похвалы, которыми былъ привѣтствованъ комментарий Reiske, надежды Reiske, что этотъ несравненный памятникъ вызоветъ много ученыхъ изслѣдованій и обратитъ на себя вниманіе ученыхъ, не сбылись: Придворный Уставъ очень мало привлекалъ и привлекаетъ вниманіе ученыхъ изслѣдователей; обработка заключающагося въ немъ археологическаго матеріала, за немногими исключеніями, подвигалась и подвигается плохо, такъ что комментарий Reiske и до сихъ поръ еще служитъ единственнымъ пособіемъ для пониманія Придворнаго Устава и считается послѣднимъ словомъ науки относительно бѣльшей части вопро-

---

¹⁾ Вотъ что говоритъ Reiske о значеніи изданнаго имъ Придворнаго Устава: если въ этомъ вѣкѣ и, можно сказать, вообще когда нибудь, издана была книга, важная для изученія римской и византійской исторіи, такъ это именно эта книга... Нѣтъ такого предмета ни изъ области церковной, ни изъ области свѣтской, котораго бы эта книга не касалась и не разъясняла. Кто пожелаетъ изучать церковныя обряды и порядки, тотъ узнаетъ изъ этой книги, какова была греческая церковь въ X в., какъ избирались патріархи, каковы были ихъ сношенія съ императорами, какія были части и устройство греческихъ храмовъ... какой порядокъ праздниковъ, какіе были, въ какіе дни совершались и въ какіе храмы и монастыри направлялись крестные ходы и религиозныя процессіи. Кого болѣе интересуетъ изученіе свѣтскихъ предметовъ, для того открывается обширное и пріятное поле, достойное созерцанія: здѣсь можно видѣть, какъ коронуютъ императоровъ, какъ императоры празднуютъ свои свадьбы, крестятъ дѣтей, производятъ въ чины, ѣздятъ въ загородные дворцы, отправляются ревизовать общественныя хлѣбныя магазины; какъ они смотрятъ игры въ Циркѣ, слушаютъ славословія партій, раздають награды побѣдившимъ наѣздицамъ, бросаютъ деньги, смотрятъ готскія игры, празднуютъ воты, вручаютъ, дни своего рожденія и бракосочетанія и другіе государственныя и царскія дни; какъ происходятъ царскія обѣды, совершаются ежедневныя приемы и поздравленія, производятся торжественныя приемы и праздничныя процессіи; какъ цари ходятъ на войну, что дѣлають въ походѣ, какъ возвращаются съ похода и совершаютъ торжественныя въѣзды въ городъ, попирають ногами побѣжденныхъ, раздають жалованье солдатамъ, снаряжаютъ войска и флоты, принимаютъ чужестранныхъ пословъ и отпускають своихъ и т. д. и т. д. Эта книга гораздо болѣе, чѣмъ какая нибудь другая, знакомитъ съ сановниками и чиновниками, военными и гражданскими, съ гвардейскими отрядами и свитою царей. Изъ всего вышесказаннаго видно, что изложенныя въ Придворномъ Уставѣ предметы такъ разнообразны, завлекательны и важны, что должны непременно возбудить вниманіе ученыхъ и вызвать изученіе всѣхъ указанныхъ сторонъ жизни и быта (Reiske, Praefat., p. XIV sequ. Bonn.). Далѣе Reiske совершенно вѣрно характеризуетъ спеціальное значеніе разныхъ отдѣловъ Придворнаго Устава, труда аттриклина Филофея, отрывковъ Петра Магистра и пр., и говорить о превосходствѣ издаваемого имъ памятника сравнительно съ трудомъ Кодина Куропалаты, который до изданія Придворнаго Устава былъ самымъ важнымъ и почти единственнымъ источникомъ для вышеуказанныхъ сторонъ византійской археологіи.

совъ общихъ и частныхъ, матеріалъ для рѣшенія которыхъ имѣется въ Придворномъ Уставѣ. Боннское изданіе, сдѣланное чрезъ 80 лѣтъ послѣ изданія Reiske, почти ничего не прибавило къ тому, что сдѣлано Reiske, и главная его заслуга заключается въ полномъ и тщательномъ изданіи комментарія Reiske. А между тѣмъ сдѣлать остается несравненно больше, нежели сдѣлано для уясненія Придворнаго Устава и обработки заключающагося въ немъ археологическаго матеріала.

Первый и единственный комментаторъ Придворнаго Устава имѣлъ слишкомъ мало времени для того, чтобы обработать громадный и безконечно разнообразный матеріалъ и составить полный и обстоятельный комментарий хотя бы въ объемѣ того матеріала, который заключается въ самомъ памятникѣ, какъ относительно главныхъ и общихъ вопросовъ, такъ и относительно частныхъ предметовъ. Хотя Reiske приступилъ къ составленію своего комментарія послѣ предварительнаго знакомства со всѣмъ памятникомъ, послѣ предварительнаго изученія заключающагося въ немъ матеріала, но это изученіе, при томъ короткомъ срокѣ, который былъ въ его распоряженіи до изданія, не могло быть такъ подробно, всесторонне и обстоятельно, какъ подробно и всесторонне оно должно было быть для составленія полнаго и обстоятельнаго комментарія. Когда Reiske приступилъ къ составленію своего комментарія, онъ не располагалъ еще всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который находится въ самомъ памятникѣ, потому что не извлекъ его предварительно, особенно по разнымъ мелкимъ и частнымъ вопросамъ; въ значительной степени и по многимъ вопросамъ онъ изучалъ матеріалъ, такъ сказать, по-путно, во время составленія самаго комментарія.

Потому объясненія Reiske носятъ весьма часто случайный характеръ: въ объясненіе того или другаго обычая, предмета или названія комментаторъ изъ матеріала, находящагося въ Придворномъ Уставѣ, приводитъ только то, что онъ замѣтилъ случайно при предварительномъ изученіи памятника. Вслѣдствіе этого объясненія Reiske большею частію неполны, т. е. не исчерпываютъ всего матеріала, находящагося въ объясняемомъ памятникѣ, часто неточны, а иногда и совсѣмъ невѣрны и противорѣчатъ тѣмъ даннымъ, которыя паходятся въ самомъ объясняемомъ памятникѣ. Во многихъ случаяхъ Reiske, при дальнѣйшемъ объясненіи и ближайшемъ изученіи матеріала, самъ поправляетъ и дополняетъ свои объясненія, сдѣланныя въ началѣ работы, и въ комментаріи на вторую книгу Reiske часто даетъ гораздо болѣе полныя и вѣрныя объясненія того, что невѣрно и неполно объяснилъ въ первый разъ. Очевидно, что изданіе и объясненіе Придворнаго Устава постепенно увели-

чивало его знакомство съ матеріаломъ и расширяло кругъ его познаній по византійской археологіи вообще, что совершенно естественно и понятно. Потому, при случайномъ заглядываніи въ комментарий Reiske иногда можно принять за его объясненіе или мнѣніе такое толкованіе, которое онъ потомъ самъ видоизмѣнилъ, дополнилъ или даже замѣнилъ другимъ.

Особенно неточностію и невѣрностію страдаютъ топографическія объясненія Reiske. Не найдя въ Const. Christ. Дюканжа точныхъ свѣдѣній о топографіи Большаго Дворца и частей его и наталкиваясь постоянно на разрозненныя указанія и намеки въ обрядахъ Придворнаго Устава, Reiske высказываетъ случайныя и часто совершенно превратныя сужденія о разныхъ частяхъ Дворца, доказывающія, что онъ самъ имѣлъ очень смутныя и неясныя понятія объ этомъ предметѣ, такъ какъ приступилъ къ толкованію Придворнаго Устава безъ предварительнаго изученія и свода матеріала, относящагося къ тому или другому предмету. Отсутствие ясныхъ понятій о мѣстѣ совершенія обрядовъ, о топографіи Большаго Дворца и его окрестностей не позволило Reiske составить себѣ ясное представленіе о ходѣ многихъ обрядовъ и дать въ своемъ комментарий такія объясненія, которыя позволили бы и читателю представлять себѣ ясно ходъ того или другаго обряда.

Какъ на примѣръ неясности, неполноты и недостаточности комментарія Reiske всего естественнѣе указать на тѣ обряды праздничныхъ выходовъ, которые составляютъ главное содержаніе этого очерка. Не смотря на то, что объясненія къ этимъ обрядамъ, т. е. къ началу I кн. Придворнаго Устава, написаны Рейске послѣ комментарія къ концу I кн., не смотря на то, что они занимаютъ очень много мѣста (почти четвертую часть всего комментарія), все-таки они не даютъ яснаго понятія о выходахъ, и при помощи одного комментарія Reiske, безъ самостоятельнаго изученія ихъ, не только нельзя составить себѣ яснаго понятія о всѣхъ моментахъ выхода и лицахъ, участвующихъ въ немъ, но даже нельзя получить общаго яснаго и отчетливаго представленія о направленіи шествія и цѣли главныхъ моментовъ выхода и дѣйствій лицъ, въ немъ участвующихъ. Reiske не разъясняетъ ни отношенія другъ къ другу обрядовъ, входящихъ въ составъ сборника обрядовъ богомольныхъ выходовъ, ни отношеній самыхъ выходовъ одного къ другому, потому при помощи его комментарія совершенно невозможно ориентироваться въ этой массѣ матеріала, то относящагося къ одному предмету, то къ различнымъ моментамъ разнаго рода выходовъ. Для пониманія обряда выходовъ, между тѣмъ, необходимо прежде всего выяснитъ взаимныя отношенія дошед-

шихъ до насъ обрядовъ и, установивши различные типы выходовъ, постоянно сравнивать обряды, трактующіе объ одинаковыхъ выходахъ, такъ какъ ни одинъ обрядъ, отдѣльно взятый, не даетъ того, что даютъ всѣ одинаковые по содержанію обряды, благодаря тому обстоятельству, что въ одномъ обрядѣ излагается подробнѣе одинъ моментъ, въ другомъ другой. Хотя общій обрядъ выходовъ въ большіе праздники (I, 1) изложень подробнѣе и обстоятельнѣе всѣхъ частныхъ обрядовъ, взятыхъ отдѣльно, тѣмъ не менѣе весьма многіе моменты и подробности могутъ быть поняты надлежащимъ образомъ только по сравненіи описанія этихъ моментовъ въ другихъ подобныхъ специальныхъ обрядахъ. Рейске, къ сожалѣнію, такія сравненія дѣлаетъ сравнительно рѣдко, обращая преимущественно вниманіе на объясненіе разныхъ археологическихъ предметовъ и чиновъ, упоминаемыхъ въ обрядахъ, вслѣдствіе чего ходъ самаго обряда и различные его моменты совершенно теряются изъ виду и читатель совершенно запутывается, благодаря постояннымъ дигрессіямъ въ область византійскаго чиновничества, военнаго и гражданскаго, тѣмъ болѣе, что Рейске не даетъ руководящей нити и общаго обзора выхода, который позволилъ бы, сходя съ главнаго пути, опять на него возвращаться. Хотя всѣ эти экскурсы важны въ научномъ отношеніи и представляютъ собою часто существенныя поправки и дополненія къ тому, что было извѣстно прежде, тѣмъ не менѣе объясненія Рейске далеко не исчерпываютъ всего матеріала и потому, взятые отдѣльно, могутъ быть названы слишкомъ краткими, а съ другой стороны они слишкомъ велики для прямой цѣли, т. е. объясненія самаго обряда, тѣмъ болѣе, что, быть можетъ, благодаря имъ, комментаторъ опускаетъ гораздо болѣе важныя и необходимыя для пониманія обряда разьясненія.

Наконецъ, возможно, что Рейске, какъ протестантъ, не только чуждый, но и враждебный обрядности какъ церковной, такъ и придворной, многого не объяснялъ потому, что частію считалъ нѣкоторыя детали обрядовъ незаслуживающими особеннаго вниманія, а частію не понималъ и не могъ понимать по своему практическому незнакомству съ церковными службами католической и особенно православной церкви, въ обрядахъ и облаченіяхъ которой сохранилось не мало элементовъ, могущихъ служить къ разьясненію разныхъ подробностей Придворнаго Устава, особенно обрядовъ богомольныхъ выходовъ.

Всѣ вышеуказанныя причины и обстоятельства были причиною того, что Рейске не далъ въ своемъ комментаріи достаточныхъ разьясненій выходовъ въ храмы и многихъ другихъ обрядовъ и не освѣтилъ ихъ на-

столько, чтобы при помощи его комментарія можно было ихъ понимать и болѣе или менѣе ясно представлять себѣ разные моменты ихъ.

Указывая все эти недостатки комментарія Reiske, которые въ значительной степени отразились и на текстѣ, я, однакожъ, нисколько не думаю умалять великихъ заслугъ Reiske. Рейске, какъ первый комментаторъ труднѣйшаго памятника, на мой взглядъ, сдѣлалъ скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Такой вполне достойный удивленія комментарий могъ сдѣлать только Рейске, благодаря своей обширной и многосторонней эрудиціи, которая и тогда встрѣчалась не часто, а теперь почти вовсе не встрѣчается.

Но предметъ комментарія былъ слишкомъ труденъ, матеріалъ слишкомъ обширенъ и необъятно разнообразенъ для того, чтобы первый же комментаторъ могъ все разъяснить вполне удовлетворительнымъ образомъ. Если бы Рейске располагалъ гораздо большимъ временемъ и неограниченными средствами, то и тогда онъ не могъ бы сдѣлать всего того, что нужно для разъясненія Придворнаго Устава: такая задача превышаетъ силы одного человѣка, какъ бы ни богаты и разнообразны были его способности и познанія. Рейске заслужилъ неувыдаемую славу уже тѣмъ, что положилъ начало научной разработкѣ этого многообъемлющаго и трудно перевариваемаго памятника.

Обязанность дальнѣйшей разработки и разъясненія Придворнаго Устава лежала на слѣдующихъ поколѣніяхъ, но слѣдующія поколѣнія отнеслись къ Придворному Уставу не только съ полнымъ равнодушіемъ, но даже и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Боннское изданіе Придворнаго Устава, вышедшее почти чрезъ 80 лѣтъ послѣ перваго подъ редакцію знаменитаго Нибуръ, не только ничего не прибавило къ труду незабвеннаго Reiske, но даже констатировало и, быть можетъ, укрѣпило презрительно равнодушное отношеніе ученаго міра къ Придворному Уставу. Въ концѣ своего предисловія къ этому изданію, Нибуръ говоритъ: „Я знаю, что многіе съ презрѣніемъ смотрятъ и осмѣиваютъ книги Константина de Cerimoniis, вздорное и пустое содержаніе которыхъ обозначается уже самымъ заглавіемъ. Я не стану отрицать, что большая часть первой книги составлена такъ, что въ чловѣкѣ порядочномъ возбуждаетъ тошноту (ut ingenuo homini nauseam moveat). Впрочемъ, и въ этихъ пустякахъ (quisquiliae) есть кое-что полезное для исторіи“. Такой отзывъ знаменитаго историка о Придворномъ Уставѣ не могъ, конечно, поощрить къ разработкѣ заключающагося въ немъ археологическаго матеріала и этотъ огромный и разнообразный матеріалъ остается до сихъ поръ почти такъ же мало обработаннымъ, какъ

оставилъ его Рейске, за исключеніемъ сравнительно очень немногихъ сторонъ и предметовъ, вызвавшихъ спеціальныя изслѣдованія. Въ Придворный Уставъ ученые заглядываютъ большею частію отрывочно и случайно, руководствуясь весьма краткимъ и недостаточнымъ *Index'омъ къ комментарию Рейске*, приложеннымъ къ Боннскому изданію. *Указателя къ тексту Придворнаго Устава* до сихъ поръ нѣтъ, а между тѣмъ такой указатель къ Придворному Уставу необходимъ гораздо болѣе, нежели къ произведеніямъ другихъ византійскихъ писателей. Нибуръ сознавалъ пользу такого указателя, но не счелъ возможнымъ ученыхъ, которые могли бы составить указатель, „отвлекать отъ болѣе благородныхъ занятій (a studiis nobilioribus)“; потому ограничился изданіемъ краткаго Index'a къ комментарию *Reiske*. Между тѣмъ, отсутствіе указателя къ тексту Придворнаго Устава является, по всей вѣроятности, одною изъ причинъ того, что археологическій матеріалъ, заключающійся въ Придворномъ Уставѣ, такъ мало до сихъ поръ разработанъ и обслѣдованъ. Чтобы извлечь его по тому или другому частному вопросу, нужно читать весь Придворный Уставъ, заниматься, по словамъ Нибура, вздоромъ и пустяками (*pugae, quisquilliae*), притомъ очень трудными и неудобоваримыми. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что охотниковъ доставать каштаны изъ огня собственными руками находится не много, и что многіе ученые, которымъ, при научныхъ изслѣдованіяхъ, желательно было бы познакомиться съ матеріаломъ, находящимся въ Придворномъ Уставѣ по тому или другому вопросу, предпочитаютъ не тратить время на чтеніе этой объемистой и трудно понимаемой книги для извлеченія матеріала по какому нибудь частному вопросу и считаютъ за лучшее или вовсе обойти этотъ вопросъ, или довольствоваться тѣми данными и тѣмъ рѣшеніемъ вопроса, на которыя наводитъ *Index* къ комментарию *Reiske* и которыя даетъ самый этотъ комментарий. И это совершенно естественно и понятно, особенно если принять во вниманіе отзывъ Нибура о содержаніи Придворнаго Устава. Стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ перерывать и перебирать всю эту огромную массу сора и хлама, чтобы найти какія нибудь крупинки золота, въ нахожденіи которыхъ, къ тому же, не всегда можно быть увѣреннымъ? Хорошій указатель къ тексту, избавляя отъ необходимости ради одного какаго нибудь слова перечитывать весь Уставъ, несомнѣнно, привлекъ бы многихъ къ изученію археологическаго матеріала, заключающагося въ Придворномъ Уставѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ изученію самаго Устава хотя бы по частямъ и отдѣламъ. Познакомившись ближе съ содержаніемъ Устава, безъ сомнѣнія, многіе убѣдились бы, что Уставъ вовсе не такъ безсодержателенъ и пустъ, какъ

думалъ Нибуръ, а напротивъ, такъ богатъ матеріаломъ, какъ рѣдкій памятникъ, и что гораздо вѣрнѣе оцѣнили значеніе Придворнаго Устава первый его издатель и комментаторъ Reiske, чѣмъ переиздатель труда Reiske, Нибуръ. Я не думаю, что нужно опровергать презрительный отзывъ Нибура: *de gustibus non est disputandum*. Для Нибура *res utilis* въ Придворномъ Уставѣ кажется только то, что относится къ римской исторіи, римскому праву и вообще римскимъ древностямъ. Хотя и такихъ данныхъ, которыя могутъ служить для разъясненія разныхъ сторонъ римской жизни императорскаго періода ¹⁾, гораздо больше, чѣмъ думалъ Нибуръ, тѣмъ не менѣе главный интересъ Придворнаго Устава состоитъ въ безконечно богатомъ и разнообразномъ матеріалѣ для византійскихъ древностей, которыя сами по себѣ, повидимому, казались Нибуру незаслуживающими серьезнаго вниманія.

Какъ велико и важно значеніе Придворнаго Устава въ этомъ отношеніи, объ этомъ, какъ мы видѣли, весьма вѣрно и краснорѣчиво говорилъ уже Reiske. Почти такія же соображенія относительно этого высказываетъ Крумбахеръ въ своей „исторіи византійской литературы“ ²⁾. А насколько важно знакомство съ Придворнымъ Уставомъ для историка, это видно изъ словъ одного изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ византійской исторіи, академика В. Г. Васильевскаго, который въ вышеназванной книгѣ говоритъ: „Кто пропустилъ случай и время ознакомиться съ обрядами Царскаго Чина, кто и потомъ не заглядываетъ въ нихъ чаще, тотъ осужденъ дѣлать совершенно неожиданные для себя промахи, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не спасаютъ и справки съ Глоссаріемъ Дюканжа... Мы могли бы привести весьма поучительные примѣры подразумеваемыхъ промаховъ изъ своего личнаго опыта, а также изъ наблюденій надъ другими, самыми почтенными и заслуженными сле-

¹⁾ Не говори уже объ отрывкахъ изъ труда современника Юстиніана, Петра Магистра, которые прямо вводятъ насъ въ жизнь и бытовую обстановку еще римскаго императорскаго двора, даже въ обрядахъ X в. сохранилось весьма много чертъ, ведущихъ свое начало отъ римской императорской эпохи. Помимо многочисленныхъ деталей придворнаго этикета, самые выходы и приемы сохранили свой древне-римскій характеръ и остались весьма близки къ своему римскому первообразу, какъ видно изъ сравненія описанія выходовъ, которое мы находимъ у Кориппа, съ тѣмъ, что мы находимъ въ обрядахъ Придворнаго Устава. Въ X в. уцѣлѣли даже латинскія славословія (см. въ этомъ очеркѣ, стр. 4, 72, 77). Относительно Цирка и скачекъ Придворный Уставъ даетъ также массу данныхъ, разъясняющихъ и дополняющихъ наши свѣдѣнія о римскихъ циркахъ и партіяхъ, игравшихъ такую видную роль въ римской жизни императорскаго періода.

²⁾ Karl Krumphacher, *Geschichte d. Byzantinischen Litteratur*, München, 1891, S. 61 (1-я часть IX тома, издаваемаго Ивановъ Мюллеромъ *Handbuch d. klassischen Alterthums-Wissenschaft*). Крумбахеръ жалѣетъ, что не изслѣдовано вліяніе придворныхъ византійскихъ порядковъ на западно-европейскіе дворы.

ціалістами, но здѣсь этому не мѣсто¹⁾). Я также не стану приводить подобныхъ примѣровъ, такъ какъ ихъ достаточно приведено въ этомъ и первомъ моихъ очеркахъ. Да и оба они, взятые цѣликомъ, представляютъ, надѣюсь, ясное доказательство того, какое обиліе совершенно новаго матеріала сравнительно съ другими византійскими писателями даетъ Придворный Уставъ, такъ какъ оба изслѣдованія основаны почти исключительно на матеріалѣ Придворнаго Устава. О Большомъ Дворцѣ и его частяхъ свѣдѣнія, сообщаемыя у другихъ средневѣковыхъ писателей, настолько разрозненны, кратки и смутны, что по нимъ совершенно нельзя составить себѣ такихъ точныхъ, подробныхъ и сравнительно ясныхъ понятій о Большомъ Дворцѣ, какія даютъ намъ многочисленныя указанія Придворнаго Устава.

Какая громадная разница въ количествѣ и качествѣ данныхъ по этому вопросу, находящихся съ одной стороны въ Придворномъ Уставѣ, а съ другой—во всѣхъ другихъ дошедшихъ до насъ источникахъ византійской исторіи и археологіи, это видно лучше всего изъ сравненія описанія Большаго Дворца и его частей въ Constantinopolis Christiana Дюканжа (Lib. II, c. IV, p. 91—100 ed. Ven.) и описанія того же Дворца въ книгѣ Лабарта: Le Palais impérial и моемъ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца. Затѣмъ, если читатель сравнитъ сказанное у меня въ приложеніи къ Обзору Большаго Дворца о дворцовыхъ чинахъ, то онъ увидитъ, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ Дюканжъ имѣлъ очень смутныя и неопредѣленныя понятія, а о нѣкоторыхъ и совсѣмъ не зналъ и не могъ знать, потому что не могъ видѣть Придворнаго Устава, въ которомъ единственно они упоминаются. Какъ Греческій Глоссарій Дюканжа, такъ и нѣкоторые другіе его труды были бы гораздо цѣннѣе и важнѣе, если бы великій Дюканжъ зналъ Придворный Уставъ. По справедливому и мѣткому выраженію проф. В. Г. Васильевскаго, „величайшій, но совершенно извинительный недостатокъ Греческаго Глоссарія Дюканжа именно въ томъ и состоитъ, что онъ появился раньше комментарія Reiske и раньше, чѣмъ сдѣлалось извѣстно о самомъ существованіи сочиненія De Cerimoniis“ (ibid. стр. 224).

Помимо этого общаго научнаго значенія Придворнаго Устава, какъ неисчерпаемаго источника данныхъ для византійской археологіи, для насъ, русскихъ, этотъ Уставъ имѣетъ особенное значеніе. Для насъ Византія—тоже, что для западно-европейскихъ народовъ Римъ. Какъ западная цивилизація въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова имѣетъ

¹⁾ В. Васильевскій, Обзорніе трудовъ по Византійской исторіи, вып. I, стр. 223—224.

своимъ основаніемъ западно-римскую цивилизацію, религію, литературу и культуру, такъ наша религія, литература и культура имѣетъ своимъ источникомъ византійскую литературу, культуру и греко-восточное православное вѣроученіе и потому безъ всесторонняго изученія византійской исторіи и жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ нельзя понять и объяснить себѣ весьма многихъ сторонъ древне-русской жизни, не говоря уже о религіозной сторонѣ, о православномъ вѣроученіи и богослуженіи, которыя по самой сущности своей остаются неизмѣнными и сохраняютъ отличительныя черты своихъ первоисточниковъ. Какъ всѣ нехристіанскія, нетронутыя еще цивилизаціею народности, принявши христіанское вѣроученіе отъ греко-восточной Церкви, усвоили въ большей или меньшей степени многіе византійскіе обычаи и литературу, такъ и русскіе, принявъ изъ Цареграда свѣтъ христіанскаго ученія, долго находились подъ почти исключительнымъ вліяніемъ греческой христіанской литературы и византійской цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что византійская цивилизація и культура того времени, какъ хранительницы греко-римскаго просвѣщенія, стояли высоко надъ западною культурою и литературою. Нѣтъ ничего удивительнаго, что наши князья, вмѣстѣ съ христіанскимъ ученіемъ и просвѣщеніемъ, заимствовали не мало византійскихъ обычаевъ и порядковъ. Владиміръ Святой, принявъ св. крещеніе отъ греческой Православной Церкви, въ то же время женился на греческой царевнѣ, которая, безъ сомнѣнія, внесла въ окружающую ее новую среду много византійскихъ придворныхъ обычаевъ, а сдѣлавшись христіанскимъ княземъ, Владиміръ Святой, по своему положенію и родственнымъ связямъ, сталъ весьма близокъ къ византійскимъ царямъ. Сознаніе этой близости выразилось въ томъ, что св. Владиміръ началъ чеканить монеты по византійскому образцу, на которыхъ онъ изображался въ византійскомъ *царскомъ* орнатѣ или нарядѣ. Принялъ ли онъ при этомъ царскій титулъ, т. е. сталъ ли величаться царемъ (*βασιλεύς*), указаній на это въ лѣтописяхъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣется ¹⁾.

¹⁾ Случай и мѣста, въ которыхъ древнимъ русскимъ великимъ князьямъ до татарскаго ига присвоивается если не титулъ, то значеніе царя, собраны въ прекрасной статьѣ Д. И. Прозорова: «О значеніи царскаго титула до принятія русскими Государями титула Императорскаго», помѣщенной въ VIII т. Извѣстій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, за 1877 годъ, стр. 450 слѣд. Доказавъ вполне убѣдительно изъ переводовъ слова *βασιλεύς* и написанія слова «царь» въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности, что царь = цесарь, цесарь, цесарь (*ibid.*, стр. 207 слѣд.), почтенный изслѣдователь переходитъ къ разбору мѣстъ въ древне-русской письменности, въ которыхъ великимъ князьямъ Кіевского періода приписывается значеніе царя. Г. Прозоровскій совершенно справедливо думаетъ и доказываетъ неопровержимо, что царь (*βασιλεύς*) означаетъ высшій титулъ верховнаго и самодержавнаго правителя и по своему значенію тождественно

Вліяніе Византіи на русскую жизнь и культуру продолжалось и при наслѣдникахъ Владимира Святаго. Ослабленное татарскимъ игомъ, оно снова усиливается послѣ паденія Константинополя и женитьбы Іоанна III на греческой царевнѣ Софіи Палеологъ. Наши великіе князья принимаютъ титулъ царя; потому что занимаютъ вакантное мѣсто византійскаго царя (*βασιλεύς*), являются его замѣстителями для православнаго греко-славянскаго міра, наслѣдниками завоеваннаго турками православнаго греко-восточнаго царства и носителями царскаго званія. Теперь, съ прекращеніемъ ряда византійскихъ царей, которые считали себя единственными законными наслѣдниками римской императорской власти и единственно законными обладателями царскаго == императорскаго титула, принятіе этого званія (*βασιλεύς*), которое и по русскимъ понятіямъ, какъ и византійскимъ, ничуть не ниже было титула императорскаго, не могло казаться никому притязаніемъ на чужое, занятое другими мѣсто и званіе; теперь это было законнымъ и ни для кого не обиднымъ наслѣдіемъ, переданнымъ исторіею русскимъ великимъ князьямъ, какъ единственнымъ православнымъ независимымъ монархамъ великаго православнаго государства ¹⁾.

Принявъ царскій титулъ и признавъ себя наслѣдниками восточно-римской царской власти, наши цари сознательно и памѣренно усвоили нѣкоторые византійскіе порядки и обычаи, насколько они ихъ знали и какъ понимали. Былъ даже проектъ распредѣленія нашихъ бояръ и воеводъ по рангамъ, подобно тому, какъ это было въ Византійскомъ царствѣ,

---

съ титуломъ императорскимъ, въ каковомъ смыслѣ понимали этотъ титулъ и наши предки и западные современники ихъ, величавшіе нашихъ царей императорами. (Въ виду того, что въ Византіи императоры назывались обыкновенно *βασιλεῖς*—цари, а обыкновенно восточно-римскихъ императоровъ называю царями). Къ сожалѣнію, почтенный изслѣдователь русской старины, вѣрно опредѣлившій на основаніи памятниковъ происхожденіе слова «царь» отъ Caesar, дѣлаетъ совершенно невозможныя этимологіи словъ: князь и король (*ibid.* 205—209). Какъ «царь» и нѣм. Kaiser произошли отъ собственнаго имени Caesar, такъ и король, краль произошло, несомнѣнно, отъ Karl, т. е. Карлъ Великій, Carolus Magnus, собственное имя котораго, благодаря обаянію его власти, у западныхъ славянъ сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія верховнаго правителя и вождя. Слово: князь, церк.-слав. **кнѣзь**, **кнѣзь** и **кнѣзь**, также, по всей вѣроятности, иноземнаго происхожденія и представляетъ славянскую форму древн. сакс. *cuning*. (ср. лит. *kuningas*), König. Ср. Miklosich, Lexic. Palaeslov. Gr.-Lat., emend. et auctum, Vindob. 1862—1865, s. v. **краль** и **кнѣзь**. А. г. Прозоровскій, справедливо отвергнувшій разныя невозможныя этимологіи слова: «царь», производитъ слово «князь» отъ какого-то корня *нг*, отъ котораго якобы происходятъ слова: нога и нагъ, а «въ составѣ слова «краль, король» видитъ «земледѣльческій терминъ ролы, рля, рало» и т. д.

¹⁾ О развитіи у насъ идеи царской власти и понятія о русскомъ царѣ, какъ замѣститель и наслѣдникъ византійскаго православнаго царя, обстоятельно и превосходно трактуетъ г. Діаконовъ въ своей книгѣ: Власть Московскихъ государей, Спб. 1889, стр. 54 и слѣд. О рангѣ русскаго царя въ ряду другихъ монарховъ см. тамъ же, стр. 146 слѣд.

при чемъ русскіе сановники сопоставлялись съ соотвѣтствующими по характеру должности византійскими. Предполагалось, очевидно, сдѣлать нѣчто подобное тому, что чрезъ нѣсколько времени сдѣлалъ Петръ Великій, съ тою, конечно, разницею, что Петръ Великій переименовалъ нашихъ сановниковъ и чиповниковъ въ западно-европейскіе чины и званія и потому ввелъ западно-европейскую табель о рангахъ ¹⁾).

Къ числу обычаевъ, въ которыхъ наши цари слѣдовали византійскимъ, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, обычай дѣлать въ большіе церковные праздники и царскіе дни торжественные выходы въ храмы, когда цари наши являлись народу во всемъ блескѣ своего царскаго наряда и во всемъ величіи своего царскаго могущества, окруженные, предшествуемые и сопровождаемые государственными и придворными сановниками и чиновниками, военными и гражданскими. Въ виду того значенія, которое имѣли богомольные выходы въ жизни нашего Двора въ до-Петровскую эпоху, для насъ выходы византійскихъ царей имѣютъ особый интересъ и заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія, какъ прототипъ богомольныхъ выходовъ нашихъ царей. Выходы византійскихъ царей, кромѣ большаго значенія ихъ для собственно византійскихъ древностей, имѣютъ немаловажное значеніе и для русскихъ древностей.

Благодаря нѣкоторому пренебреженію западноевропейскихъ ученыхъ къ обрядамъ Придворнаго Устава, къ этимъ, по выраженію Нибура, *pucae* и *quisquiliae*, обряды богомольныхъ выходовъ остались почти нетропнутыми западною наукою на той степени обработки, на которой оставилъ ихъ Reiske. Западные ученые ими мало интересовались, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, изученіе Придворнаго Устава могло бы пролить свѣтъ на многіе обычаи и порядки и западныхъ дворовъ, и такимъ образомъ пока какъ бы предоставили этотъ матеріалъ разработывать намъ, какъ наиболѣе заинтересованнымъ въ обработкѣ этой части византійскихъ древностей и eo ipso обязаннымъ по возможности пополнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что, по своимъ историческимъ судьбамъ и своей культурѣ, мы вмѣстѣ съ греками и православными славянами стоимъ ближе къ византійской культурѣ, чѣмъ западноевропейскіе народы, и для насъ многія

¹⁾ Я разумѣю «Проектъ Устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольныхъ и думныхъ людей по 34 степенямъ, составленный при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ» и напечатанный во 2-мъ отдѣленіи 1-й книжки Архива Калачева, Москва, 1850, стр. 23 слѣд. Здѣсь бояринъ 1-й степени приравнивается къ *ὁ δομέστικος τῶν βασιλέων*, бояринъ 2-й степени и дворцовый воевода къ *ὁ σεβαστοκράτωρ* или *κρίτης τοῦ φοσιίου*, бояринъ надъ пѣхотою (8-я степень) къ *ὁ μέγας στρατοπεδάρχης*, бояринъ надъ конною ратью къ *ὁ στρατοπεδάρχης τῶν μοχοβαλλῶν* (9-я степень), кравчей (30-я степень) сопоставляется съ куропалатою, начальникъ надъ чашники (31-я степень) съ *ὁ πικέρυς*.

стороны византийских древностей понятнее, нежели западным народамъ, такъ какъ многіе обычаи и воззрѣнія, перешедшіе къ намъ изъ Византіи, живутъ въ насъ и среди насъ до сихъ поръ, хотя иногда мы этого не замѣчаемъ и не знаемъ, отчасти благодаря своему малому знакомству съ источникомъ нашей первоначальной образованности.

Особый интересъ и значеніе для насъ изученія Придворнаго Устава вообще и обрядовъ богомольныхъ выходовъ въ особенности сознавались и сознаются у насъ многими, особенно въ послѣднее время. Это сознаніе особенно ясно выразилось въ запискѣ нашихъ извѣстныхъ византологовъ: В. Г. Васильевскаго и Н. П. Кондакова, читанной въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 28 декабря 1889 года и напечатанной въ Протоколахъ этого Общества (Записки Императорскаго Арх. Общ., т. V, новая серія, вып. I и II, стр. II и III). Названные ученые указываютъ здѣсь на неисчерпаемое богатство археологическаго матеріала и капитальное значеніе Придворнаго Устава какъ для византийской археологіи, такъ и для русской и совершенно справедливо настаиваютъ на необходимости составленія подробнаго систематическаго указателя къ Придворному Уставу. Но и прежде нѣкоторые наши ученые сознавали необходимость и важность изученія Придворнаго Устава и ознакомленія нашей публики съ содержаніемъ его, особенно съ обрядами богомольныхъ выходовъ, какъ прототипомъ подобныхъ же выходовъ, совершавшихся въ извѣстные церковные праздники нашими благочестивыми царями.

Какъ на плодъ этого сознанія, можно смотрѣть на двѣ русскія попытки изложенія обрядовъ богомольныхъ выходовъ въ храмъ св. Софіи. Обѣ эти попытки сдѣланы почти въ одно время, по крайней мѣрѣ вышли въ свѣтъ въ одномъ, 1872 году, и сдѣланы независимо одна отъ другой ¹⁾.

¹⁾ Къ попыткамъ ознакомленія русской публики съ обрядами Придворнаго Устава можно отнести и переводъ нѣкоторыхъ обрядовъ (коронаціи царя и царицы и провозводства въ кесари и патрикіи), помѣщенный въ «Исслѣдованіяхъ и Замѣткахъ» кн. Мих. Оболенскаго по русскимъ и славянскимъ древностямъ, Спб. 1875 г., стр. 436—450. Хотя переводъ обыкновенныхъ мѣстъ текста сдѣланъ довольно недурно и бойко, но за то многіе термины, представлявшіе, очевидно, для переводчика камень преткновенія, переданы крайне неудачно и ставятъ иногда читателя въ тупикъ. Такъ первыя же строки перваго переведеннаго обряда (коронаціи царя,—*Сегім. I, 38, p. 191 sequ.*) переведены невѣрно и непонятно: «Всѣ приходятъ въ другомъ одѣяніи и начальникъ схолъ и другія должностныя лица и вынимаютъ нужное для процессіи оружіе». Слѣдовало вмѣсто этого сказать: «Всѣ приходятъ съ парадными облаченіями и облачаются какъ весь синклитъ, такъ и начальствующія лица (отряда) школъ и другихъ гвардейскихъ отрядовъ. Послѣдніе (т. е. начальники гвардейскихъ отрядовъ) берутъ и готовятъ знамена для несенія предъ владыками (т. е. царями)».

Въ дальнѣйшемъ переводѣ обряда встрѣчается также нѣсколько подобныхъ неточностей, а въ концѣ мы находимъ совершенно непонятое, а потому и непонятное мѣсто:

Одна изъ нихъ принадлежитъ г. Н. Марковичу и составляетъ часть его большой статьи, помѣщенной въ „Христіанскихъ Древностяхъ“, издававшихся г. Прохоровымъ, за 1872 годъ, стр. 1—73. Въ своей статьѣ подъ заглавіемъ: „Богомольные выходы Русскихъ царей по сравненію съ такими же выходами византійскихъ императоровъ“, г. Марковичъ, послѣ довольно обширнаго разсужденія о значеніи богомольныхъ выходовъ (1—18), дѣлаетъ а) общій взглядъ на церковно-придворныя церемоніи древнихъ русскихъ царей по сравненію съ такими же выходами византійскихъ императоровъ (стр. 18—42) и б) частный обзоръ выходовъ по отдѣльнымъ праздникамъ (стр. 42—73). Въ общемъ обзорѣ г. Марковичъ излагаетъ сначала довольно подробно общій обрядъ выходовъ византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи въ большіе праздники, а потомъ вкратцѣ говоритъ о выходахъ въ другіе храмы, заканчивая этотъ отдѣлъ характеристикою выходовъ русскихъ царей. Въ частномъ обзорѣ авторъ излагаетъ подробно выходы русскихъ царей по отдѣльнымъ праздникамъ, привлекая иногда для сравненія обряды выходовъ византійскихъ императоровъ въ соответствующіе праздники, но не описывая ихъ подробно.

«Что же касается до любви и общенія, по обычаю торжествъ, все совершается по порядку» (стр. 437). Читатель, я думаю, согласится, что понять это мѣсто трудно: что это за любовь и общеніе, которыя совершаются по порядку? Да и грамматически періодъ построенъ неправильно; очевидно, что тутъ чего то не хватаетъ. А между тѣмъ ларчикъ открывается просто. Дѣло въ томъ, что въ переведенномъ въ книгѣ кн. Оболенскаго обрядѣ коронаціи царя сначала очень кратко излагается большой выходъ царя въ храмъ св. Софіи, потомъ обрядъ коронаціи, затѣмъ поздравленія чиновъ, а такъ какъ царь послѣ этого слушалъ литургію и совершалъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя онъ совершалъ во время выходовъ въ большіе праздники, то въ концѣ обряда, послѣ описанія поздравленій сказано: *εις δε την αγαπην και την κοινωνіαν, ως εχει η συνηθεια των εορτων, και τα λοιπα πάντα πληρουνται, καθως εστιν η συνηθεια* (I, 38, 193). Если мы это мѣсто сравнимъ съ соответствующимъ мѣстомъ Крещенскаго обряда (I, 26, 145), гдѣ сказано: *εις δε τα αγα και την αγαπην και την κοινωνіαν εκτελει (ο βασιλευς), ως η συνηθεια εχει*, и примемъ во вниманіе соответствующія мѣста другихъ обрядовъ большихъ выходовъ (ср. стр. 169—178. этого очерка), то для насъ будетъ ясно: а) что въ обрядѣ коронаціи царя послѣ *κοινωνіαν* пропущено *εκτελει (ο βασιλευς)*, б) что подъ *η αγαπη* здѣсь разумѣется цѣлованіе любви, совершавшееся предъ причащеніемъ, а подъ *η κοινωνια* не общеніе, а приобщеніе св. таинъ (см. стр. 173 и слѣд. этого очерка) и в) что слѣд. вышеприведенное мѣсто коронаціоннаго обряда нужно перевести такъ: «относительно цѣлованія любви и приобщенія св. таинъ царь совершаетъ все такъ, какъ это обыкновенно совершается въ праздники; равнымъ образомъ и все прочее происходитъ такъ, какъ требуетъ обычай». Подъ «всѣмъ прочимъ» разумѣются здѣсь завтракъ въ Мутаторіи, выходъ изъ храма чрезъ св. Кладезъ и шествіе въ Собственный Дворецъ по обычаю большихъ праздниковъ (ср. стр. 178 слѣд. этой книги). Въ первомъ выпускѣ книги бывшаго харьковскаго проф. Зернина: Жизнь и литературные труды Константина Багрянороднаго (Харьковъ, 1858), излагается только біографія Константина и объ обрядахъ Придворнаго Устава въ немъ ничего не говорится, а по словамъ В. Г. Васильевскаго (Обозрѣніе трудовъ по Византійской Исторіи, 224), былъ изданъ только первый выпускъ этой книги.

Въ основаніе своего изложенія обряда выходовъ въ св. Софію въ большіе праздники г. Марковичъ положилъ общій обрядъ большихъ выходовъ, т. е. *Segim*. I, 1, p. 5 sequ. до 22, а для выходовъ въ другіе храмы г. Марковичъ пользовался обрядомъ выхода въ Рождество Пресв. Богородицы (I, 1, 26—33) и понедѣльникъ Пасхальной недѣли (I, 10, 71—86) и нѣкоторыми другими обрядами подобныхъ выходовъ. Актологіями на отдѣльные праздники г. Марковичъ пользовался рѣдко и мало, ограничившись общими всѣмъ праздникамъ словословіями и многолѣтіями. Объ обрядахъ выходовъ въ другіе храмы, кромѣ св. Софіи, сказано очень кратко, но общій обрядъ выходовъ въ св. Софію изложенъ довольно подробно и въ изложеніи этого обряда попадаются мѣста, представляющія почти дословный переводъ текста. Свое изложеніе или извлеченіе г. Марковичъ сопровождаетъ довольно многочисленными подстрочными примѣчаніями и объясненіями разныхъ словъ и терминовъ, занимающими болѣе половины тѣхъ страницъ, на которыхъ сдѣлано изложеніе обрядовъ. Объясненія эти представляютъ или по крайней мѣрѣ должны представлять сокращенное изложеніе примѣчаній и объясненій *Reiske* къ соотвѣтствующимъ обрядамъ.

Къ сожалѣнію, г. Марковичъ взялся за это трудное, хотя и небольшое по объему дѣло, безъ предварительнаго изученія обрядовъ Придворнаго Устава и той спеціальной подготовки, которая необходима для правильнаго пониманія обрядовъ какъ въ общемъ и главномъ, такъ и въ подробностяхъ. Безъ такого предварительнаго изученія довольно рискованно и трудно браться за изложеніе или переводъ какого-нибудь простаго историческаго произведенія. Тѣмъ менѣе возможно ожидать большаго успѣха, при этихъ условіяхъ, отъ попытки правильно изложить во всѣхъ подробностяхъ обряды Придворнаго Устава. Придворный Уставъ, какъ всѣ вообще церемоніалы, представляетъ собою такой родъ литературы, который понимать очень трудно, а потому безъ предварительнаго спеціального изученія его правильно излагать въ подробностяхъ и переводить совершенно невозможно! Здѣсь мало помогаетъ и латинскій пе-

---

¹⁾ Отсутствіе такой подготовки, видное во всемъ изложеніи и объясненіяхъ къ нему, доказывается уже замѣчаніемъ относительно источниковъ. «Источникомъ для византійскихъ церковно-придворныхъ церемоній служить для насъ сочиненіе (?) Константина Багрянороднаго и примѣчанія на нихъ и дополненія (!?) къ нимъ *Кодина*—«*observanda*» (!!!). Но, къ сожалѣнію, этими «*observanda*» *Кодина* г. Марковичъ не пользовался; онъ въ примѣчаніяхъ и текстѣ цитуетъ сочиненіе *Кодина de officiis* нѣсколько разъ, но на «*observanda*» *Кодина* г. Марковичъ нигдѣ не ссылается, и потому трудно сказать, что онъ разумѣетъ подъ этими «*observanda*»; вѣроятно, тоже самое сочиненіе *Кодина de officiis*.

реводъ, помѣщаемый въ изданіяхъ рядомъ съ текстомъ или подъ нимъ; такъ какъ латинскій переводъ или передаетъ буквально тѣ же непонятныя названія и термины, которыми наполнены обряды, или вводитъ вмѣсто греческой латинскую терминологию, которал, перенося насъ въ другую эпоху Восточно-Римской Имперіи, еще болѣе сбиваетъ съ толку читателя ¹⁾. Объясненія Рейске къ обрядамъ выходовъ, какъ уже было замѣчено, неполны, недостаточны и частію совершенно невѣрны, особенно относительно топографіи частей Большаго Дворца, площади Августеона и св. Софіи, а между тѣмъ эти объясненія, названныя въ числѣ источниковъ г. Марковича, служили для него почти единственнымъ научнымъ пособіемъ. Нѣтъ потому ничего удивительнаго въ томъ, что у г. Марковича рядомъ съ болѣе или менѣе вѣрною или по крайней мѣрѣ близкою къ истинѣ передачею содержанія общаго обряда частенько встрѣчаются крупныя промахи и ошибки, которыя даютъ смутныя понятія объ обрядѣ и обстановкѣ и сбиваютъ съ толку ²⁾. Но, принимая во вниманіе трудности задачи, взятой на себя авторомъ, и недостаточную его подготовку, все-таки можно сказать, что общій обрядъ выхода изложенъ г. Марковичемъ, не смотря на крупныя промахи, довольно вѣрно, особенно въ той части, въ которой идетъ рѣчь о пребываніи царя въ храмѣ св. Софіи и въ которой г. Марковичъ ограничивается общими и главными чертами, не вдаваясь въ частности и подробности.

Во всякомъ случаѣ изложеніе самаго обряда у г. Марковича

¹⁾ Зналъ ли г. Марковичъ греческій языкъ, мнѣ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ онъ слѣдовалъ болѣе латинскому переводу, чѣмъ греческому тексту, что и было причиною довольно многихъ крупныхъ промаховъ и недоразумѣній. Такъ, напр., жезлъ Моисея называется *мозаическимъ жезломъ*, очевидно, по той причинѣ, что по латини называется *Virga Mosaica*, дворецъ Дафны и его части называются дворцомъ *Дафнесъ*, потому что ими *Daphne* употребляется обыкновенно въ родит. пад. При описаніи возвращенія императора, латино-греческія восклицанія чиповъ кувуклія въ Августеѣ переданы латинскими словами: *feliciter venistis multos annos* (Марковичъ, lib. с., стр. 31; ср. стр. 195 этого очерка).

²⁾ Такъ, напр., изложивши безъ большихъ погрѣшностей шествіе царя до дворца Дафны, г. Марковичъ говоритъ далѣе (стр. 21), что царь на пути къ храму св. Стефана проходитъ «августыйиій триклиній» и осьмиугольную комнату, входитъ въ храмъ св. Стефана, молится и послѣ молитвы входитъ въ *портикъ Дафнесъ* (вмѣсто: въ Китонъ Дафны). Облацившись здѣсь, царь проходитъ «триклиній Августеона» (Августейиій триклиній превратился уже въ триклиній Августеона!), гдѣ находятся логофетъ дрома, *царскій капитанъ* (это *ὁ κατεπάνω τῶν βασιλικῶν*, т. е. начальникъ царскихъ спаваріевъ!)... Въ Консисторіи стоитъ крестъ Константина и *мозаическій жезлъ* (вмѣсто жезлъ Моисея), цари становятся предъ камилавкою... Въ Триклиніи Энѣубиторовъ ожидаютъ царя военныя чины, «носящіе скиптры Римскіе и другіе знаки отличія, къ которымъ причисляются знаки протекторовъ, сенаторовъ, *знаки драконовъ, лабора*, кампидукторіи и ванды. (Это — знамена, о которыхъ см. стр. 70 этого очерка).

сдѣлано гораздо вѣрнѣе и лучше, нежели примѣчанія и объясненія ¹⁾. Не зная книги Л а б а р т а объ Императорскомъ Дворцѣ (Le Palais impérial) и принужденный довольствоваться топографическими объясненіями Reiske, который самъ имѣлъ о топографіи Дворца очень смутныя и часто совершенно невѣрныя понятія, г. М а р к о в и ч ъ не могъ, понятно, составить себѣ и дать читателю вѣрныхъ и точныхъ, хотя бы и краткихъ, свѣдѣній и понятій о тѣхъ мѣстахъ, по которымъ совершался ходъ въ храмъ св. Софіи и обратно. Естественнымъ слѣдствіемъ полнаго незнанія топографіи Большаго Дворца и его окрестностей было то, что г. М а р к о в и ч ъ не понялъ и того, что сказано въ его пособіяхъ, все перепуталъ и написалъ такія объясненія, которыя ничего не объясняютъ, а только показываютъ полное незнакомство автора съ тѣми предметами, о которыхъ онъ пишетъ. Такой же характеръ имѣютъ и многія другія объясненія г. М а р к о в и ч а, касающіяся чиновъ, одеждъ, утвари и т. п. предметовъ, принадлежащихъ въ области византійскихъ государственныхъ, частныхъ и церковныхъ древностей. Рядомъ съ болѣе или менѣе вѣрными замѣчаніями и объясненіями здѣсь находятся совершенно невѣрныя, превратныя толкованія, смотря по тому, что сказано у Reiske и на сколько авторъ понялъ сказанное въ его „источникѣ“ ²⁾. Wahrheit und Dichtung тутъ

¹⁾ Къ приведеннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи мѣстамъ обряда большихъ выходовъ г. М а р к о в и ч ъ даетъ, между прочимъ, слѣдующія поясненія: «Подъ осьмиугольною комнатою разумѣется *портикъ Дафнессъ*, такъ называемый *Августеонъ Дафнессъ*. Онъ находился *внутри Халки подлѣ Христотриклинія* и имѣлъ форму *осьмиугольной галлерей или корридора* (?!), въ которомъ можно было прогуливаться, почему и получилъ названіе *портика октагоноса*» (стр. 21, прим. 1). Трудно на такомъ количествѣ строкъ сдѣлать больше ошибокъ, чѣмъ сдѣлалъ ихъ г. М а р к о в и ч ъ! А вотъ объясненіе Августѣйшаго триклинія: этотъ триклиній находился, повѣствуетъ г. М а р к о в и ч ъ (стр. 20, прим. 13), за зданіемъ Халки, лежащимъ по срединѣ между Дворцомъ и Софійскою церковью, однакожь не за Софійскимъ храмомъ, такъ что ходъ изъ Халки былъ въ этотъ триклиній, а потомъ въ Софійскій храмъ. Называется онъ Августѣйшимъ или Августеономъ потому, что въ немъ короновались Императрицы. При торжественныхъ ходахъ въ него не дозволялось никому входить, кромѣ евнуховъ. Vid. Curs. Compl. Patrol. p. 119, n. 65, t. e. Reiske Comm. ad Cerim. p. 59 Bonn., гдѣ, кромѣ этой путаницы находится еще замѣчаніе относительно Августея: *videtur quasi Seraglium imperatorum Constantinopolit. fuisse.*—Интересно также объясненіе загадочнаго *σκαραμανγίου*. Г. М а р к о в и ч ъ, опять-таки введенный въ заблужденіе Reiske, высказываетъ предположеніе, что скараманга дѣлалась изъ кожи и была подобна кожухамъ русскихъ купцовъ (стр. 19, пр. 2). Ср. Reiske, Comm. p. 459 и стр. 7 и слѣд. этого очерка.

²⁾ Такъ, напр., мы здѣсь узнаемъ (стр. 22, прим. 4), что «проконсулами въ древнее время были лица, носившія титулъ *illustros*; въ позднѣйшее время они были не болѣе, какъ помощники консуловъ, исправлявшіе должность гражданскихъ судей. Въ Германіи въ настоящее время должность проконсула равняется должности штаттгалтера или намѣстника бургомистра, а у насъ соотвѣтствуютъ должности гражданского губернатора при военномъ генералъ-губернаторѣ». Всѣ эти разсужденія о проконсулахъ вызваны единственно тѣми обстоятельствомъ, что византійскій чинъ *ἀνεπίστα* (*ἀνέπιστας*) въ латинскомъ переводѣ переданъ словами: *proconsul*. Въ слѣд. прим. (на той же стр.) мы узнаемъ, что

такъ перепутаны, что разобратъся въ этой путаницѣ и отдѣлить *Wahrheit* отъ *Dichtung* чрезвычайно трудно. Да и не стоитъ. Въ оправданіе г. Марковича, однакожь, необходимо замѣтить, что многими заблужденіями въ своихъ толкованіяхъ онъ обязанъ своимъ „источникамъ“, т. е. главнымъ образомъ комментарию *Reiske*, толкованіямъ котораго онъ безусловно вѣрилъ, считая ихъ за несомнѣнную истину. Этой вѣрой въ непогрѣшимость *Reiske* объясняется и то, что объясненія и толкованія *Reiske* преподносятся читателю большею частію въ положительной, не допускающей сомнѣній формѣ.

Другую русскую попытку изложить обрядъ выходовъ въ храмъ св. Софіи мы имѣемъ въ статьѣ г. Каневскаго, напечатанной въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ за 1872 г. (августъ, стр. 780—848) подъ заглавіемъ: Выходы Византійскихъ Императоровъ въ церковь св. Софіи въ праздники Рождества Христова и Богоявленія. Статья эта, какъ мы передавали въ Кіевѣ, написана г. Каневскимъ въ бытность его студентомъ Кіевской Духовной Академіи на заданную однимъ изъ профессоровъ тему и, по разсмотрѣніи, признана достойной напечатанія въ органѣ Академіи. Почему г. Каневскому и его товарищамъ предложено было изложить выходы въ праздники Рождества Христова и Крещенія, а не выходы въ Господніе праздники вообще, мы неизвѣстно. Выходы въ эти праздники отличаются какъ между собою, такъ и отъ другихъ выходовъ въ большіе Господніе праздники собственно только актологіями или актами; потому естественнѣе всего было бы изложить общій всѣмъ названнымъ праздникамъ обрядъ большого выхода и воспользоваться для этого общимъ обрядомъ выходовъ въ большіе праздники, т. е. первою главою I книги, какъ самымъ подробнымъ и наиболѣе обстоятельнымъ обрядомъ большихъ выходовъ, какъ сдѣлалъ г. Марковичъ. Г. Каневскій, къ сожалѣнію, не принялъ во вниманіе не только общаго обряда, но и спеціальными обрядами Рождества Христова

«кромѣ патриціевъ, носившихъ титулъ *illustros*, были еще патриціи—синклитики—тоже, что въ Англіи члены Королевскаго Совѣта. Они были ближайшими совѣтниками Императора и ведутъ свое начало изъ древности, когда патриціи городовъ, областей и царей были тоже, что ихъ отцы (*patres*), заботившіеся о нихъ, какъ о дѣтяхъ, и содѣйствовавшіе благосостоянію ихъ. На стр. 23, прим. 6, г. Марковичъ говоритъ, что «спатарій — имя великаго достоинства въ Константинопольской имперіи» и т. д. Все это подтверждается ссылками частію на невѣрно понятыя комментаріи *Reiske*, *Gloss.* Дюкажа и нѣкоторыя другія сочиненія, частію на понятія болѣе или менѣе вѣрно, но невѣрныя или неточныя объясненія этихъ «источниковъ», которые г. Марковичъ считаетъ непогрѣшимыми. Такъ, напр., относительно вышеприведенныхъ объясненій Октагона и Августей прямо можно сказать, что г. Марковича ввелъ въ заблужденіе *Reiske*, который смѣшивалъ Августей съ Августеономъ (*Comment.* p. 59 sequ. Bonn) и считалъ Октагонъ за осьмиугольный портикъ (*ibid.* p. 49).

и Крещенія почти вовсе не пользовался, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ-трехъ §§ Рождественскаго обряда, по которымъ составлено описаніе возвратнаго пути царя изъ св. Софіи во Дворецъ. Описаніе шествія царя въ храмъ св. Софіи составлено у г. Каневскаго не по обрядамъ Придворнаго Устава, а по случайнымъ извлеченіямъ изъ него въ книгѣ Лабарта: *Le Palais impérial*. Дѣло въ томъ, что г. Каневскій зналъ и читалъ не только книгу г. Лабарта, но и написанную по поводу ея въ *Annales Archéologiques* статью извѣстнаго французскаго археолога Дидрона, редактора этого журнала ¹⁾. Познакомившись съ произ-

¹⁾ Статья Дидрона подъ заглавіемъ *Le Palais Impérial de Constantinople* помѣщена въ XXI томѣ его журнала *Annales Archéologiques* (за 1861 годъ, вып. 5 и 6, стр. 263 и слѣд.). Эта статья была переведена на русскій языкъ и помѣщена въ 5 и 6 книжкѣ Христіанскихъ Древностей и Археологіи Прохорова за 1862 годъ. Къ 6-й книжкѣ приложенъ снимокъ съ 2-ме planche Лабарта, т. е. общій планъ Дворца и его окрестностей, тотъ самый, который приложенъ къ моему Обзору главныхъ частей Большаго Дворца, а къ 8-й книжкѣ приложенъ снимокъ съ подробнаго плана собственно Дворца, т. е. 3-ме planche Лабарта. Къ сожалѣнію, о русскомъ переводѣ статьи Дидрона и приложенныхъ къ ней планахъ Лабарта я узналъ только въ самое послѣднее время и потому не упомянулъ о нихъ въ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца. Нельзя не поблагодарить, конечно, г. Прохорова за его стремленіе знакомить русскую публику съ произведеніями почтенныхъ французскихъ археологовъ, но въ тоже время необходимо замѣтить, что выборъ статьи для перевода сдѣланъ не особенно удачно, такъ какъ Дидронъ не только не исправляетъ ошибокъ Лабарта, но къ выдумкамъ Лабарта прибавляетъ еще свои фантазіи, которыя онъ самоувѣренно выдаетъ, подобно Лабарту, за несомнѣнныя истины. Вся статья г. Дидрона доказываетъ, что онъ не смелъ пугливымъ самостоятельно познакомиться съ тѣми основаніями, на которыхъ построена книга Лабарта. вмѣсто критическаго разбора книги г. Лабарта, г. Дидронъ составилъ по ней краткое, живое, интересное, но полное промаховъ и фантастическихъ выдумокъ описаніе Большаго Дворца и нѣкоторыхъ происходившихъ въ немъ обрядовъ, руководствуясь почти исключительно книгою Лабарта и, для большей картинности, къ выдумкамъ Лабарта, прибавляя собственные измышленія. Такъ, напр., назвавъ византійскаго царя папою и императоромъ вмѣстѣ, влѣдствіе того, что царь благословлялъ народъ, подобно тому, какъ благословляетъ папа, Дидронъ заявляетъ, что «соборъ св. Софіи скорѣе долженъ быть названъ дворцовымъ храмомъ, чѣмъ главнымъ храмомъ Имперіи. Это—большая моельня императора, тамъ находится постоянный тронъ, между мраморными колоннами, надъ которыми помѣщенъ киворій. Этотъ тронъ, такъ сказать, мірекой алтарь, выстроенный подъ главнымъ куполомъ противъ духовнаго алтара, устроеннаго въ святая святыхъ» (Прохоровъ, Христіанскія Древности, 1862 кн. 5, стр. 17). Это очень эффектно, но откуда взялъ Дидронъ, что въ св. Софіи подъ куполомъ стоялъ постоянный тронъ царя, неизвѣстно; тутъ, кромѣ амвона, сколько мнѣ извѣстно, ничего не было. Трудно также сказать, откуда взялъ Дидронъ, что при Θεодосіи Великому былъ логоветъ имперіи, которому якобы Θεодосій вручилъ актъ или хартію о призваніи Аркадія и Гонорія къ участию въ дѣлахъ управленія (*ibid.* кн. 6, стр. 7). Свою статью Дидронъ, не довольствуясь довольно таки фантастическимъ планомъ Лабарта, заканчиваетъ пожеланіемъ, уже совершенно фантастическимъ: «издавъ планы, говоритъ почтенный редакторъ *Annales Archéologiques*, надобно было бы теперь заняться фасадами, разрѣзами и деталями, которые бы дали намъ понятіе о системѣ архитектуры и украшеній этого самаго дворца» (*ibid.* стр. 27). Критикъ, такимъ образомъ, вмѣсто охлажденія фантазіи, еще болѣе разжигаетъ ее и поощряетъ къ дальнѣйшимъ измышленіямъ, упуская изъ виду, что не только для фасадовъ и разрѣзовъ, но и для плановъ, подобныхъ Лабартовскому, у насъ нѣтъ почти никакихъ основаній.

веденіями этихъ французскихъ археологовъ, Лабарта и Дидрона, г. Каневскій до того увлекся этими трудами, что почти забылъ о своемъ главномъ источникѣ, Придворномъ Уставѣ, и бѣльшую часть своей статьи составилъ по названнымъ трудамъ Лабарта и Дидрона, при чемъ не только повторилъ сдѣланные ими промахи и ошибки, но и прибавилъ не мало своихъ, благодаря тому, что г. Каневскій не всегда вѣрно понималъ Лабарта.

Дидронъ, принявъ всѣ измышленія Лабарта за чистую истину и фантастическій планъ Лабарта за дѣйствительность, уже отъ себя сравниваетъ рядъ дворцовыхъ зданій отъ фіалы Триконха до Хрисотриклина включительно съ храмомъ, при чемъ фіала Триконха оказывается соотвѣтствующею двору (atrium) храмовъ, Триконхъ — пареику, діаватики, ведущіе отъ Триконха къ Хрисотриклину, боковымъ кораблямъ, Хрисотриклинь — алтарю и т. д. Не подозрѣвая, что всѣ эти фантастическія сравненія основаны на столь же фантастическомъ планѣ Лабарта, г. Каневскій повторяетъ всѣ эти измышленія французскаго археолога, прибавляя отъ себя пенужныя и невѣрныя объясненія, что Хрисотриклинь значитъ собственно золотое ложе и что триклиніями назывались нѣсколько зданій или покоевъ, обыкновенно три, соединенныхъ одною кровлею (стр. 783). Описывая разныя дворцовыя зданія по статьѣ Дидрона и книгѣ Лабарта, г. Каневскій многое излагаетъ невѣрно и несогласно съ Лабартомъ, путаетъ расположеніе и порядокъ дворцовыхъ зданій и заставляетъ царя, на пути въ храмъ св. Софіи, идти по такимъ палатамъ, по которымъ онъ туда не ходилъ (напр. Юстиніановъ Триелинь, куда якобы былъ выходъ изъ 19 ложъ, т. е. Палаты 19 аккувитовъ, и откуда былъ ходъ на югъ въ Консисторію, стр. 789). Ужасная путаница! (Ср. планъ Лабарта, приложенный къ моему Обзору главныхъ частей Большаго Дворца). Описавши такимъ образомъ шествіе царя въ св. Софію, г. Каневскій говоритъ о дымахъ, преимущественно руководствуясь указаніями комментарія Reiske, описываетъ облаченіе царя, говоритъ много о чинахъ и во всемъ дѣлаетъ крупныя промахи и ошибки.

Описавъ такимъ образомъ все это *шествіе*, г. Каневскій вдругъ объявляетъ, что это шествіе въ св. Софію совершалось императоромъ не пѣшкомъ, а на конѣ, да притомъ бѣломъ, описываетъ его сбрую и т. д. (стр. 818), говоритъ, что при встрѣчахъ (*αι δοχαί*) димовъ императоръ сходилъ съ коня и входилъ на какія-то эстрады и т. д. и т. д. Словомъ, и здѣсь, какъ у г. Марковича, *Wahrheit und Dichtung* идутъ рядомъ и не мало нужно времени, чтобы отдѣлить въ первой половинѣ статьи

г. Каневскаго плевелы отъ пшеницы и фантази отъ дѣйствительности. Потому вся первая часть труда г. Каневскаго не имѣетъ научнаго значенія и представляетъ собою неудачную компиляцію.

Гораздо лучше и не лишена нѣкотораго научнаго значенія вторая часть труда (стр. 824 слѣд.), гдѣ г. Каневскій даетъ переводъ пѣснопѣній или „актовъ“ димовъ во время выходовъ въ Рождество Христово и Крещеніе. Какъ студентъ духовной академіи, г. Каневскій болѣе или менѣе близко знакомъ съ содержаніемъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній, а „акты“ димовъ на нихъ очень походятъ какъ по содержанію, такъ и по языку. Потому пѣснопѣнія димовъ г. Каневскій переводитъ болѣе или менѣе правильно и даетъ большею частію вѣрныя понятія о содержаніи и характерѣ пѣснопѣній димовъ на Рождество Христово и Крещеніе. Но и здѣсь, когда г. Каневскій начинаетъ что нибудь объяснять, впадаетъ въ крупныя ошибки, которыхъ могъ бы и не дѣлать, если бы хорошенько изучилъ свои научныя пособія, особенно книгу Лабарта¹⁾.

Въ описаніи возвратнаго шествія отъ св. Кладезя, г. Каневскій слѣдуетъ краткому тексту Рождественскаго обряда и потому описываетъ возвратный пугъ ближе къ истинѣ, но топографическіе термины, которые онъ могъ бы правильно разяснить себѣ по книгѣ Лабарта, составляли для него, очевидно, камень преткновенія. Въмѣсто Августея у него является Августеонъ Дафны (?!), Октагонъ называется палаткою, веститоры снимаютъ съ императора тунику, (туника какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ статьи г. Каневскаго смѣшивается съ хламидою и плащемъ); императоръ входитъ въ свое ложе, гдѣ и возлегаетъ во дворцѣ Дафны, не дойдя до своихъ покоевъ и спальни единственно потому, что г. Каневскій *когѣо* Дафны принялъ за ложе, а на ложѣ, конечно, остается только спать²⁾.

Изъ всего вышесказаннаго относительно русскихъ попытокъ изложить обряды выходовъ въ св. Софію видно, что обѣ онѣ были не особенно удачны. Главный недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что авторы ихъ, не понявъ характера обрядовъ Придворнаго Устава, считали возможнымъ, безъ предварительнаго изученія обрядовъ вообще, описать выходъ. Второй

¹⁾ Такъ, напр., по поводу титула царицы «Августа» г. Каневскій безъ всякой надобности пускается въ разсужденіе объ Августеѣ, придумываетъ кое-что отъ себя, смѣшиваетъ Августей съ Августеономъ, такъ что въ концѣ концовъ выходитъ большая путаница, которой навѣрно не было бы, еслибы г. Каневскій основательно проштудировалъ книгу Лабарта, на которую онъ такъ часто ссылается.

²⁾ Относительно сниманія веститорами хламиды и пр. см. приложеніе къ Обзору главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 167. Относительно дворца Дафны и его частей: Августея, Октагона и Котона см. *ibid.* стр. 100 слѣд.

существенный недостаток ихъ заключается въ томъ, что они слѣпо вѣрили своимъ пособіямъ, да и тѣ, благодаря недостаточной филологической и археологической подготовкѣ, далеко не всегда правильно понимали. Существенная разница между вышеназванными двумя статьями заключается въ томъ, что г. Марковичъ положилъ въ основаніе своего изложенія выходовъ въ св. Софію общій обрядъ (I, 1), а г. Каплевскій текстомъ Придворнаго Устава пользовался почти только для актологій, которыя г. Марковичъ почти вовсе не излагаетъ, за исключеніемъ общихъ вѣсѣмъ приемамъ многолѣтній. Г. Каневскій большую часть своей статьи написалъ на основаніи статьи Дидрона и книги Лабарта, а г. Марковичъ съ этими трудами вовсе не былъ знакомъ.

Кромѣ этихъ русскихъ попытокъ, мнѣ извѣстно только краткое описаніе выходовъ въ св. Софію, сдѣланное г. Паспати въ концѣ его книги о Дворцахъ (*Ἀνάκτορα, σελ. 262—272*). На десяти страницахъ г. Паспати излагаетъ обрядъ выхода почти исключительно по обряду выходовъ въ большіе Господніе праздники (Сегім. I, 1). Такъ какъ въ сочиненіи, написанномъ на новогреческомъ литературномъ языкѣ, переводить текста не было надобности, то г. Паспати излагаетъ обрядъ большею частію почти словами текста, только значительно сокращая его. Къ сожалѣнію, г. Паспати не всегда строго держался текста и въ своихъ отступленіяхъ отъ него, излагая обрядъ своими словами, допускаетъ нѣкоторыя неточности и даже явныя ошибки. Такъ, напр., въ Золотую Руку, т. е. портикъ Августей, высшихъ сановниковъ у Паспати вводитъ препозитъ, а не остіарій, какъ бы слѣдовало по тексту обряда (I, 1, 10; ср. стр. 60 этого очерка). Точно также ни препозитъ, ни другіе чиновники не говорятъ: *πολυχρονίσατε*, а всегда восклицаютъ: *κελεύσατε!* (сел. 266). Въ Палатѣ Кандидатовъ встрѣчаетъ царя не клиръ патриарха, а клиръ дворцоваго храма Господа. Изъ Палаты Кандидатовъ царь, идя въ св. Софію, входилъ всегда въ Палату Эккувитовъ чрезъ Первую Школу, а у г. Паспати, который, какъ было показано въ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца (стр. 109, прим.), смѣшиваетъ аккувиты съ эккувиторами и потому считаетъ Палату Эккувитовъ тождественною съ Палатою XIX Аккувитовъ, царь вступаетъ изъ Палаты Кандидатовъ въ Палату XIX Аккувитовъ¹⁾. Неясно или ошибочно изложены и нѣкоторыя

¹⁾ Такая ошибка со стороны г. Паспати была бы невозможна, еслибы онъ принялъ во вниманіе, что по Пасхальнымъ обрядамъ царь въ Палату XIX Аккувитовъ идетъ изъ дворца Дафны для христосованія съ чинами, а послѣ христосованія идетъ отсюда въ Опоподъ, Консисторію, Палату Кандидатовъ и уже отсюда въ Палату Эккувитовъ. Кромѣ того, г. Паспати, при болѣе внимательномъ чтеніи обрядовъ могъ бы

другіе моменты шествія, отчасти благодаря невѣрнымъ понятіямъ Паспати о нѣкоторыхъ частяхъ Большаго Дворца, а отчасти вслѣдствіе того, что Паспати не различаетъ выходовъ по степени ихъ торжественности. Благодаря этому, у него ни количество, ни отличительныя черты, ни мѣсто пріемовъ или встрѣчъ царя димами не опредѣлены точно, такъ что даже послѣдній пріемъ на пути въ храмъ св. Софіи, происходившій въ Орлогіи, опъ называетъ первымъ (стр. 268), хотя предъ этимъ упомянуто уже было нѣсколько пріемовъ.

Такимъ образомъ и краткій очеркъ выходовъ, сдѣланный г. Паспати, нельзя назвать, по моему мнѣнію, вполне удовлетворительнымъ въ научномъ отношеніи. Хотя г. Паспати изложилъ выходы вѣрнѣе и промаховъ сдѣлалъ гораздо меньше, но, припимая во вниманіе, что г. Паспати имѣлъ значительную археологическую подготовку и для своихъ „Дворцовъ“ читалъ Придворный Уставъ, нельзя не пожалѣть, что г. Паспати не потрудился сдѣлать изложенія болѣе тщательнаго и болѣе научнаго. Поверхностное чтеніе Придворнаго Устава и неумѣніе разобратъ въ матеріалѣ и здѣсь помѣшали ему, какъ при описаніи Дворца, исполнить свою задачу надлежащимъ и достойнымъ его ученаго имени образомъ.

Хотя значительная часть промаховъ и ошибокъ, сдѣланныхъ гг. Марковичемъ и Каневскимъ, произошли отъ недостаточной ихъ филологической и археологической подготовки вообще и малаго знакомства съ Придворнымъ Уставомъ, тѣмъ не менѣе, въ извиненіе и оправданіе ихъ нельзя не замѣтить, что подготовки и предварительнаго изученія требовалось бы гораздо меньше, а слѣдовательно, и промаховъ было бы гораздо меньше, а у г. Паспати, быть можетъ, и вовсе бы не было ихъ, еслибы Придворный Уставъ не представлялъ особенныхъ, ему только свойственныхъ затрудненій для желающихъ его изучать, переводить, объяснять или излагать его содержаніе. Проф. Alfr. Rambaud весьма остроумно и мѣтко называетъ Придворный Уставъ „одною изъ самыхъ неудобоваримыхъ компиляцій, которыя когда либо были сдѣланы“. Какъ трудно понимать Придворный Уставъ, а тѣмъ болѣе переводить или излагать его, испыталъ каждый, пытавшійся сдѣлать это, а пытались сдѣлать это навѣрное гораздо большее число лицъ, чѣмъ можно думать по попыткамъ изложенія или перевода, явившимся въ печати. Увидавши, что съ обрядами Придворнаго Устава далеко не такъ легко справиться, какъ

замѣтить, что, на пути въ св. Софію, царь только въ Пасху идетъ черезъ Палату XIX Аккувитовъ, а черезъ Палату Экскувитовъ идетъ всегда, когда выходитъ изъ Дворца черезъ Халку (ср. стр. 70 и слѣд.; ср. 199 и слѣд. этой книги).

съ произведеніями обыкновенными историческаго, богословскаго, философскаго и т. п. содержанія, многіе, быть можетъ, бросали задуманную работу и убѣждались, что она требуетъ гораздо большаго времени и труда, чѣмъ можно было думать съ перваго взгляда. Специальная римско-греческая терминологія для обозначенія разныхъ дѣйствій, чиновъ, одеждъ, утвари, дворцовыхъ зданій и частей ихъ и т. п. представляетъ такъ много новаго, неразъясненнаго, непонятнаго, что можетъ дѣйствительно приводить въ отчаяніе и самыхъ искреннихъ поклонниковъ и любителей византійской археологіи, пожелавшихъ постигнуть тайны придворной византійской жизни.

Чѣмъ же обусловливаются, отчего завясятъ эти трудности Придворнаго Устава, отчего его такъ трудно понимать и еще труднѣе переводить и передавать его содержаніе?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, слѣдовало бы разсмотрѣть составныя части Придворнаго Устава и выяснить себѣ происхожденіе какъ ихъ, такъ и всего Придворнаго Устава. Но разсмотрѣніе всего вопроса о происхожденіи и составѣ всего Придворнаго Устава завело бы насъ слишкомъ далеко и потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста. Потому мы ограничимся пока краткимъ и общимъ обзоромъ состава того отдѣла Придворнаго Устава, часть обрядовъ котораго составляютъ предметъ этого очерка, т. е. отдѣла, заключающаго въ себѣ обряды богомольныхъ выходовъ (Сегіи, I, сар. 1—37), причѣмъ вопроса о происхожденіи Придворнаго Устава я позволю себѣ коснуться лишь на столько, на сколько это необходимо для нашей настоящей цѣли, т. е. уясненія причинъ тѣхъ трудностей, которыми отличается Придворный Уставъ.

При разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи Придворнаго Устава, мнѣ кажется, мы должны отказаться отъ вопроса объ авторѣ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, который обыкновенно ставится и рѣшается въ такихъ случаяхъ. Такія книги, какъ дошедшій до насъ Придворный Уставъ, не сочиняются, да и сочинить ихъ нельзя; онѣ вырабатываются и составляются постепенно, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, какъ и самыя порядки и обряды, въ нихъ изложенныя.

Придворный Уставъ состоитъ изъ обрядовъ (*ἀκολουθίαι*), чиновъ

¹⁾ Такой вопросъ ставить и рѣшаетъ Reiske въ § 4 своего предисловія: de auctore libri (р. XXII sequi. Bonn.). M-g Rambeau говоритъ объ этомъ гораздо осторожнѣе и выражается правильнѣе. Хотя и онъ говоритъ объ авторѣ (L'Empire Grec au dixième siècle, p. 128—136), тѣмъ не менѣе изъ его трактата объ этомъ предметѣ видно, что подъ авторомъ онъ разумѣетъ скорѣе составителя, компилятора, чѣмъ автора въ настоящемъ смыслѣ слова.

(τάξεις) или церемоніаловъ, выработавшихся на основаніи продолжительной практики, и написанъ съ цѣлью закрѣпить на будущее время установившіеся порядки, особенности, подробности тѣхъ или другихъ выходовъ, приемовъ, празднествъ и т. п., достойные сохраненія въ будущемъ и способные поддержать великолѣпіе „и престижъ Византійскаго Двора и царской власти въ глазахъ какъ своихъ подданныхъ, такъ и чужеземныхъ народовъ“ ¹⁾. Рѣчь такимъ образомъ идетъ не о сочиненіи новаго, неизвѣстнаго, небывалаго, а о сохраненіи, констатированіи стараго, установившагося, принятаго и практиковавшагося. Составитель Придворнаго Устава можетъ быть еще названъ авторомъ тѣхъ обрядовъ, которые онъ *первый записалъ и описалъ*, первый далъ ту литературную форму, въ которой они дошли до насъ, а не нашелъ ихъ уже записанными и совершенно готовыми.

Составитель Придворнаго Устава прямо заявляетъ въ своихъ предисловіяхъ, что онъ собралъ и привелъ въ порядокъ большею частью то, что было записано раньше, но было разрознено, разбросано и не систематизировано. Къ этому онъ прибавилъ, для дополненія недостающаго, кое-какіе обряды, которые частью ему переданы были другими, частью извѣстны ему самому, какъ совершавшіеся при немъ и при его участіи ²⁾. Только эти послѣднія двѣ категоріи обрядовъ онъ записалъ самъ и можетъ въ извѣстномъ смыслѣ быть названъ ихъ авторомъ, какъ впервые записавшій и изложившій ихъ. Все остальное взято уже въ готовомъ видѣ и только приведено въ порядокъ и систему. Что же нашелъ или могъ найти составитель Устава? Отвѣтъ на это даетъ частію составитель въ предисловіи ко второй книгѣ, частію разнообразное содержаніе самаго Придворнаго Устава. Составитель говоритъ, что онъ въ первой книгѣ своего труда привелъ въ порядокъ и систему то, что было записано и написано прежде, но безъ порядка и частію безъ всякой связи, а въ видѣ отдѣльныхъ обрядовъ. Во второй книгѣ составитель, по его собственнымъ словамъ, изложилъ то, что прежде никѣмъ не было записано, но что сохра-

¹⁾ Извѣстно, что этими именно мотивами объясняетъ въ своемъ предисловіи составитель первой книги Придворнаго Устава то, что онъ взялся за этотъ трудъ, который, по его пророческимъ словамъ, можетъ нѣкоторымъ показаться излишнимъ и ненужнымъ (Сегим. I, р. 3 и 4). Почти тоже говорится и въ предисловіи ко второй книгѣ (Сегим. р. 516—517).

²⁾ Чтобы сохранить для будущихъ поколѣній память о порядкѣ и великолѣпін придворныхъ обрядовъ, «я счелъ нужнымъ, говоритъ составитель первой книги, все то, что я нашелъ у предковъ, что слышалъ отъ видѣвшихъ и что самъ видѣлъ» заботливо собрать и представить въ удобномъ для обозрѣнія и пользованія видѣ (р. 4 ed. Bonn.), а тѣмъ самымъ «сохранить для послѣдующихъ поколѣній преданіе о староотеческихъ обычаяхъ, которыми часто пренебрегаютъ».

нялось въ памяти и послѣдовательно передавалось изъ поколѣнїя въ поколѣнїе старшими младшимъ, благодаря чему и дошло до времени составителя ¹⁾. Сюда принадлежитъ, вѣроятно, и то, что составитель не только знаетъ по рассказамъ другихъ, но и самъ видѣлъ, какъ онъ говорилъ въ предисловіи къ первой книгѣ.

Изъ словъ составителя Придворнаго Устава какъ нельзя болѣе ясно видно, что вся первая книга составлена имъ изъ обрядовъ уже прежде записанныхъ и только вторая книга имъ самимъ написана въ томъ смыслѣ, что онъ первый записалъ обряды, частію совершавшіеся уже до него, частію при немъ. Ближайшее разсмотрѣніе содержанія этой второй книги показываетъ однакожь, что и это нельзя сказать относительно всей второй книги въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ; такъ какъ значительную часть ея составляютъ явныя выписки изъ готовыхъ уже записей и даже приложенія, принадлежащія другимъ авторамъ (клиторологїи Филоея). Но если относительно состава византійскихъ хроникъ часто трудно сказать и опредѣлить, что принадлежитъ первоначальному ихъ составителю и что позднѣйшимъ продолжателямъ и распространителямъ, то тѣмъ болѣе могъ нѣсколько разъ редактироваться, распространяться и дополняться позднѣйшими прибавками и выписками Придворный Уставъ ²⁾. Потому вышеприведенное заявленіе составителя второй книги

¹⁾ Cerim. II, praef. p. 516: ὅσα μὲν αὐτῶν συγγραφῆς παρὰ τισὶν ἔτυχεν, οὐκ ἐπιμελῶς οὐδὲ κερκισμένως, ἀλλὰ ὑδὴν καὶ σποράδην ἐκτεθεμένα... ἡμετέρας ἐπιμελείαις φιλοπόνως συναθροισθέντα ἐν τῇ πρὸ τῆσδε βίβλῳ εἰρημῶ τινὶ καὶ τάξει λογιζομένη περιελήφθη τε καὶ συντέτακται· ὅσα δὲ ἢ παρῶσα βιβλὸς ἐμπεριέχει, ἔτυχεν μὲν συγγραφῆς ὑπὸ τινος οὐδαμῶς... ταῖς μνήμας μέντοι διασωζόμενα καὶ παρὰ τῶν πρεσβυτέρων ἀκολούθως τοῖς νεωτέροις παραπεμπόμενα τὸν φθόνον (τὸν χρόνον;) ἤδη διαφωρόντα μέχρις ἡμῶν ἴσχυσε καταστήσει.

²⁾ Извѣстно, что въ дошедшей до насъ редакціи Придворнаго Устава, приписываемаго Константину VII, сыну Льва VI, имѣются позднѣйшія прибавки, которыя написаны и внесены въ Уставъ послѣ смерти Константина VII. Эти вставки или прибавки указаны были Reiske въ его praefatio (p. XXII sequ. ed Bonn.): а) 96 и 97 гл. I кн., изъ которыхъ въ одной говорится о вѣздѣ въ Константинополь и коронаціи Никифора Фоки, при внукахъ Константина VII, Василии II и Константиноѣ VIII, а во второй о производствѣ въ просдры синклита, а чистъ проедра введенъ впервые Никифоромъ Фокою (ср. стр. 28 этого Очерка); б) въ 42 гл. II кн., стр. 613 упоминается не только гробница Константина VII Багрянороднаго, но даже и внука его, Василия II Болгаробойцы. На этомъ основаніи Reiske предполагалъ, что Придворный Уставъ могъ быть составленъ или Константиномъ VII, но потомъ подвергъ интерполяціямъ и дополненъ позднѣйшими вставками, или составленъ внукомъ Константина VII, Константиномъ VIII, братомъ Василии II, послѣ смерти этого послѣдняго. Самъ Reiske склонялся болѣе въ пользу перваго предположенія. M-g Alfr. Rambaud въ своей книгѣ о Константиноѣ VII Багрянородномъ къ этимъ прибавилъ еще два факта, указывающіе на составленіе дошедшей до насъ редакціи послѣ Константина VII, а именно: а) въ послѣдней главѣ II кн. идетъ рѣчь не только о препоzitѣ Іосифѣ Врингѣ, который былъ смѣненъ при Никифорѣ Фокѣ, но и о его пріемникахъ; б) въ 15 гл. II кн., въ описаніи пріема Саракинскихъ пословъ Константиноѣ VII называется святымъ, τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου (p. 587), какъ въ другомъ мѣстѣ называется покойниа Θεοφάνο, жена Льва VI Мудраго, а греки, по словамъ Ram-

Придворнаго Устава, очевидно, слѣдуетъ относить къ первоначальной редакціи и составу II книги, а не къ тому объему и виду ея, въ которомъ она дошла до насъ. Составителю и первому редактору второй книги принадлежитъ, безъ сомнѣнія, первая ея часть, состоящая изъ обрядовъ собственно, а въ томъ числѣ и двѣ первыя главы о ежедневныхъ и воскресныхъ пріемахъ, положенныя въ основаніе первой главы этого Очерка. Эти обряды составитель написалъ частію на основаніи того, что слышалъ отъ другихъ, частію на основаніи собственной практики. Но откуда онъ взялъ матеріалъ для первой книги, первый отдѣлъ которой, обнимающей богомольные выходы, наиболѣе насъ интересуесть? Какого рода записи могъ найти составитель, какъ возникли и появились эти записи, когда,

band'a, не дошли еще до такой степени лести, которая позволяла бы имъ признавать святыми (à béatiser) царей при жизни ихъ» (L'Empire grec au dixième siècle, p. 133). Почтенный французскій ученый считаетъ эти мѣста прибавками, слѣдующими при Константинѣ VIII или Романѣ III и нѣсколько не мѣшающими приписывать самый Уставъ Константину VII или по крайней мѣрѣ его времени. Соглашаясь въ этомъ случаѣ съ г. Рамбо, я, однакожъ, долженъ замѣтить, что упоминаніе Константина *святаго* въ *Сегим.* II, 15, 187, въ описаніи Саракинскихъ пословъ ни мало не говоритъ въ пользу того, что 15 гл. написана послѣ Константина VII. Почтенный профессоръ думаетъ, что живыхъ царей не называли святыми, а только умершихъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ живыхъ царей постоянно титуловали святыми, а изъ умершихъ, когда рѣчь идетъ не о царяхъ вообще, а объ отдѣльныхъ личностяхъ, только тѣхъ, которые признаны были Церковью святыми. Потому въ томъ самомъ перечнѣ, на который ссылается г. Рамбо, святыми (*ἅγιοι*) названы только Теофанъ, апостолъ Тома, да Константинъ Великій, а блаженными (*μακάριοι*) Елена, мать Константина Великаго, да Теодора, жена Теофила. Потому въ 15 гл. II кн., гдѣ, при описаніи пріема Саракинскихъ пословъ, говорится о разстановкѣ троновъ, подъ св. Константиномъ нужно разумѣть Константина Великаго. Ради большей торжественности для Романа II былъ поставленъ въ Хрисотриклинѣ тронъ Аркадія, а для Константина VII тронъ св. Константина Великаго, самый древній и важный тронъ. Потому изъ этого мѣста относительно написанія 15 гл. послѣ смерти Константина VII ничего заключать нельзя, тѣмъ болѣе, что въ томъ же перечнѣ гробницъ Константиновъ VII, какъ многіе другіе цари, святымъ не названъ и вполнѣдствіи святымъ не назывался. Но при жизни всякій царь назывался святымъ и «святость» входила въ титулъ царя, какъ святѣйшество входитъ и входило въ титулъ папы и патріарховъ, которые назывались *ἁγιώτατοι* (см. *Сегим.* II, 48, 686). Но это титулованіе не значило еще, что всѣхъ царей и патріарховъ считали святыми и святѣйшими, какъ отдѣльныхъ лицъ: этотъ титулъ относился не къ личности того или другаго царя, папы или патріарха, а къ его священному сану. Въ такомъ смыслѣ не только умершіе, но и живые греческіе цари и царство ихъ называются святыми, божественными (*θεῖος*) и т. п. въ самомъ Придворномъ Уставѣ (см. мой Обзоръ главн. частей Польш. Дворца, стр. 11) и во множествѣ другихъ случаевъ. Потому въ *Gloss. Gr. Du Sang'e'a s. v. ἅγιοι* сказано совершенно справедливо: *ἅγιοι dicuntur et compellantur apud graecos antistites et imperatores, hi ob ordinationem, isti ob sacram unctionem. Nihil tritius de imperatoribus..* Здѣсь же приведены мѣста, въ которыхъ объясняются причины такого титулованія или величанія царей. Въ посланіяхъ патріарховъ къ русскимъ князьямъ византійскіе живые цари постоянно называются святыми. См. Дьяконова, *Власть Московскихъ Государей*, стр. 19, 20. Этотъ титулъ перешелъ и на нашихъ царей, *ibid.*, стр. 86, 96, 99. Ср. Miklosich et Müller, *Acta et diplomata gr.*, v. II, p. 26, 98, 143, 382 и др. О значеніи словъ: *ἅγιος* и *θεῖος* въ величаніяхъ и титулахъ царей и духовныхъ особъ ср. Reiske, *Comment.* p. 247 и 389.

къмъ и для чего дѣлались эти записи обрядовъ. Составитель Устава, къ сожалѣнію, отвѣта на эти вопросы не даетъ, своихъ источниковъ онъ не указываетъ точно и о происхожденіи ихъ ничего не говоритъ. Потому опредѣленнаго и положительнаго отвѣта и намъ дать нельзя; но самое содержаніе Придворнаго Устава позволяетъ сдѣлать предположенія и догадки, которыя могутъ, кажется, объяснить какъ происхожденіе обрядовъ I книги, такъ и характеръ обрядовъ вообще, ихъ отличительныя черты и свойства, благодаря которымъ ихъ такъ трудно намъ понимать.

Какъ извѣстно, у насъ велись при дворѣ „выходныя книги“, въ которыхъ записывались изо дня въ день всѣ выходы царей, при чемъ отмѣчалось, куда они ходили, какъ шли или ѣхали и въ какомъ были нарядѣ ¹⁾. Хотя эти записи большею частію имѣютъ въ виду указать составъ царскаго наряда, тѣмъ не менѣе въ нихъ упоминаются и главные моменты выхода, такъ что „выходныя книги“, сами по себѣ могутъ служить богатымъ матеріаломъ для описанія разныхъ типовъ выходовъ и основаніемъ для составленія церемоніаловъ или обрядовъ въ родѣ тѣхъ, которые мы имѣемъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго ²⁾. Еще ближе подходятъ къ церемоніаламъ и съ небольшими передрѣзками прямо могутъ обратиться въ церемоніалы нѣкоторыя записи „Камеръ-фурьерскихъ Журналовъ“, замѣнившихъ „Выходныя книги“. Въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ изъ временъ императрицъ Елизаветы и Екатерины II имѣется не мало записей, которыя прямо могутъ быть со-

¹⁾ «Выходныя книги» изданы, какъ извѣстно, Павломъ Строевымъ подъ заглавіемъ: Выходы Государей, Царей и Великихъ Князей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, всея Руси Самодержцевъ, Москва, 1844.

²⁾ Такъ, напримѣръ, если мы возьмемъ наудачу выходъ 19 апрѣля 1673 года, въ первый день Пасхи, то мы здѣсь узнаемъ не только относительно наряда, но и найдемъ главные моменты выхода: «Алексѣй Михайловичъ полунощницу слушалъ въ комнатѣ, гдѣ «опашень и шапку горлатную и посохъ держали спальники для того, что входили видѣть сего государскіе очи бояре и окольнічіе, и думные люди и дворяне и дьяки». Къ заутрени ходилъ Великій Государь въ Соборъ (слѣдуетъ описаніе наряда). «А послѣ заутрени Великій Государь изволилъ ходить въ соборъ Архангела Михаила да Благовѣщеня пресв. Богородицы въ томъ же платьѣ... А предъ литоргією изволилъ ходить въ Столовую и жаловалъ къ рукъ столычниковъ и стряпчихъ и иныхъ чиновъ. Да въ Столовую жъ къ нему Великому Государю приходили власти, Новгородскій Іоакимъ митрополитъ и иные... А какъ власти изъ Столовой вышли и Великому Государю поданъ нарядъ царскій (слѣдуетъ перечень предметовъ наряда). И въ томъ царскомъ нарядѣ изволилъ Великій Государь слушать божественныя литоргіи въ соборной же церкви Успенія пресв. Богородицы. А послѣ литоргіи изволилъ Великій Государь то свое царское платье передрѣзати въ придѣлѣ великомученика Дмитрія Солунскаго, и изволилъ надѣть: опашень, зуфъ червчата и т. д. Столъ былъ по Столовой, а на Великому Государѣ платье было тожъ, въ которомъ шолъ изъ Соборныя церкви» (Строевъ, Выходы, стр. 572). Эта записка очень напоминаетъ краткіе обряды и записи, вошедшіе въ составъ Придворнаго Устава, и въ сущности даже въ такомъ видѣ представляетъ собою готовый обрядъ.

поставлены съ нѣкоторыми обрядами Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго.

Велись ли такія подепныя записи о выходахъ и другихъ обрядахъ, совершавшихся съ участіемъ царя, при Римско-Византійскомъ Дворѣ, сказать трудно; сколько мнѣ извѣстно, прямыхъ указаній на это не имѣется. Но наиболѣе замѣчательныя обряды, приемы и выходы несомнѣнно записывались и въ формѣ такихъ записей дошли до насъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго, гдѣ мы имѣемъ довольно много такихъ записей изъ разныхъ временъ и эпохъ. Изъ подобныхъ записей первое мѣсто по древности принадлежитъ записямъ современника Юстиніана, по мнѣнію Reiske, Петра Магистра, о восшествіи на престолъ царей: Льва I (457 г.), Анастасія (491 г.), Юстина I (518 г.), Льва II (474 г.) и Юстиніана I (527 г.). Эти записи или описанія, занимающія 91—95 гл. первой книги Придворнаго Устава, могли быть сдѣланы такъ же, какъ обряды Придворнаго Устава, т. е. частію по прежнимъ, современнымъ записямъ, частію по рассказамъ другихъ, старшихъ, а частію, наконецъ, на основаніи собственной практики ихъ составитель, на основаніи которой составлены имъ другіе обряды, занимающіе гл. 81—90 I кн. Придворнаго Устава. Къ обрядамъ восшествія на престолъ, записаннымъ современникомъ Юстиніана I присоединенъ былъ при позднѣйшей и, быть можетъ, послѣдней редакціи Придворнаго Устава обрядъ или описаніе восшествія на престолъ и коронованія царя Никифора Фоки. Проф. Альфредъ Рамбо недоумѣваетъ, какимъ образомъ и зачѣмъ пошали сюда эти записи о восшествіи на престолъ. „Такъ какъ всѣ эти императоры, говоритъ почтенный французскій ученый (*L'Empire grec au dixième siècle*, p. 128), достигли власти благодаря революціямъ и гражданскимъ войнамъ, то интересъ этихъ отрывковъ чисто историческій. Для церемоніймейстера изъ нихъ нельзя извлечь никакихъ указаній, и потому не понятно, для какой цѣли эти революціонныя отрывки фигурируютъ въ руководствѣ придворнаго этикета“.

Но, во-первыхъ, въ обрядахъ провозглашеній императоровъ ничего революціоннаго нѣтъ: ни Левъ I, ни Анастасій, ни Юстинъ I для достиженія императорскаго трона никакихъ революцій противъ живыхъ и царствующихъ императоровъ не производили, а были избраны, послѣ императоровъ умершихъ безъ прямыхъ наслѣдниковъ, войскомъ, синклитомъ и духовенствомъ, а Анастасій, кромѣ того, императрицею Аріадною. Что же касается до Льва II и Юстиніана, то они получили императорское достоинство изъ рукъ своихъ предшественниковъ и, слѣдовательно, о какой-нибудь революціи, при восшествіи ихъ на престолъ, и

вовсе рѣчи быть не можетъ. Только въ позднѣйшей прибавкѣ, заключающей въ себѣ описаніе восшествія на престолъ Никифора Фоки, мы имѣемъ, если угодно г. Рамбо, революціонный отрывокъ, но и этотъ „революціонный“ обрядъ для собирателя обрядовъ имѣетъ важное значеніе, такъ какъ представляетъ образчикъ коронаціи царя, провозглашеннаго войскомъ въ провинціи и дѣлающаго для коронаціи торжественный въѣздъ въ Константинополь и идущаго пѣшкомъ отъ фора (forum) Константина до храма св. Софіи.

Если мы, во-вторыхъ, признавая вмѣстѣ съ Рейске авторомъ этихъ обрядовъ Петра Магистра, примемъ во вниманіе, что магистръ былъ именно тотъ сановникъ, на которомъ во времена Юстиніана, когда званіе магистра (magister officiorum) было еще должностью, соотвѣтствующею приблизительно должности министра двора, лежала обязанность руководить придворными церемоніями, какъ впоследствии на препозитѣ, то, я думаю, найдемъ болѣе или менѣе вѣроятное объясненіе какъ того, что Петръ Магистръ составилъ книгу о восшествіяхъ на престолъ или буквально „о провозглашеніяхъ“ разныхъ императоровъ, такъ и того, что отрывки изъ этой книги попали въ Придворный Уставъ въ видѣ добавленія, на ряду съ другими отрывками изъ труда того же Петра, обнимающаго собою разные придворные обряды разнаго содержанія и представляющаго собою родъ небольшого Придворнаго Устава. Очень возможно, что книга о восшествіяхъ составляла часть именно такого труда. Во всякомъ случаѣ записи объ отдѣльныхъ случаяхъ восшествія на престолъ для царей и церемоніальныхъ сановниковъ и чиновниковъ, для которыхъ и писались эти обряды, должны были служить матеріаломъ, на основаніи котораго составлялись церемоніалы въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Эта цѣль записей ясно выражена въ концѣ описанія провозглашенія Льва I (I, 92, 417) и въ началѣ обряда „Провозглашенія Льва Малаго“ (Сегим. I, 94, р. 431). Въ первомъ случаѣ, послѣ обряда провозглашенія и въѣзда въ Константинополь вновь провозглашеннаго царя, авторъ говоритъ: „мы сочли необходимымъ вкратцѣ описать провозглашенія и другихъ царей, чтобы каждый, въ случаѣ надобности (дай Богъ, чтобы рѣдко бывали такіе случаи!) выбиралъ такой (обрядъ), который ему болѣе правится и кажется наиболѣе подходящимъ“. Затѣмъ слѣдуютъ „провозглашенія“ Анастасія и Юстина I. Представивши такимъ образомъ описаніе трехъ случаевъ „провозглашенія“ (ἀναγόρευσις) императоровъ по смерти ихъ предшественниковъ, составитель обрядовъ беретъ два „провозглашенія“ (Льва Малаго и Юстиніана I) императоровъ-пресмниковъ живыми еще императорами и

въ началѣ перваго говорить: „Считаемъ нужнымъ сказать и то, какъ царь провозглашается царемъ“. Ясно, что какъ первые три случая восшествія на престолъ, по смерти царствовавшаго предъ тѣмъ императора, такъ и послѣдніе два, описаны какъ образцы (*σχηματα*) подобнаго рода обрядовъ; потому въ концѣ „провозглашенія“ Юстиніана I (I, 95, 433) сказано, что „все прочее происходило по такому же образцу“ (*κατὰ τὸ ἕμοιον σχῆμα*), какъ и въ предъидущихъ случаяхъ. Эти замѣчанія, позволяю себѣ думать, разсѣбають всякія сомнѣнія и недоумѣнія относительно цѣли написанія обрядовъ „провозглашеній“ и занесенія ихъ въ Придворный Уставъ ¹⁾.

Такия записи о совершенныхъ царями торжественныхъ обрядахъ, въѣздахъ и приѣмахъ дѣлались и въ послѣдующія времена. Такъ, въ трактатѣ Константина Багрянороднаго о походахъ царей на войну приложена выписка, очевидно, изъ старинной записи о въѣздѣ въ Констан-

¹⁾ Reiske въ praefat. p. XVII—XVIII приписываетъ Петру Магистру, занимавшему при Юстиніанѣ I должность *magistri sacrorum officiorum* не только главы 84 и 85 I кн., которыя прямо приписываются Петру Магистру (*ἐκ τῶν τοῦ Μαγίστρου Πέτρου*), но и слѣдующія до 95 включительно, въ которой описывается провозглашеніе Юстиніана I. Хотя главы 86—95 не имѣютъ такой приписки, какъ 84 и 85, тѣмъ не менѣе какъ содержаніе ихъ, такъ и характеръ говорятъ въ пользу того, что онѣ также принадлежатъ Петру Магистру и заимствованы изъ сочиненія его *περὶ τῆς πολιτικῆς καταστάσεως*. Рейске справедливо замѣтилъ, что *ἡ κατάστασις promittit non tantum praeserta sapienter administrandae reipublicae, sed etiam rituum expositionem*. Въ пользу этого говоритъ и позднѣйшее названіе церемоній-мейстера, *cerimoniarum: ὁ τῆς καταστάσεως*, столь часто встрѣчающееся въ Придворномъ Уставѣ Константина. Мнѣніе Рейске о принадлежности Петру Магистру не только 84 и 85, но и слѣдующихъ главъ старается опровергнуть уже давно занимающійся текстомъ Придворнаго Устава Dr. Hermann Wäschke въ своей статьѣ *Ueber das von Reiske vermuthete fragment der excerpte Konstantins περὶ ἀναγορεύσεως* (Программа Герцогской Гимназіи въ Дессау, 1878, стр. I и слѣд.). Dr. Wäschke главнымъ образомъ на основаніи языка доказываетъ, что ни слѣдующія непосредственно за 84 и 85 гл., которыя принадлежатъ несомнѣнно Петру Магистру, главы 86—90, ни 91—96 (собственно *ἀναγορεύσεως*) не могутъ принадлежать Петру Магистру. Совершенно справедливо, конечно, что мы не имѣемъ никакихъ несомнѣнныхъ доказательствъ принадлежности Петру Магистру главъ, слѣдующихъ за 85-ю, но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что данными языка въ рѣшеніи вопроса о принадлежности подобныхъ произведеній тому или другому лицу нужно пользоваться очень осторожно. Обряды, написанные дѣловымъ, техническимъ языкомъ и первоначально составленные, быть можетъ, даже не самимъ Петромъ, а какимъ нибудь церемоніальнымъ чиновникомъ, и внесенныя Петромъ Магистромъ въ его трудъ *περὶ τῆς πολιτικῆς καταστάσεως* естественно должны отличаться отъ другихъ литературныхъ произведеній, какъ отличаются Обряды Придворнаго Устава Константина отъ его другихъ произведеній и современныхъ ему литературныхъ трудовъ и какъ отличаются по своему языку главы 84 и 85, принадлежащія несомнѣнно Петру Магистру, отъ фрагментовъ изъ его *Ἱστορίαι* (Dindorf *Historici graeci minores*, v. I, p. 425 sequ.). Въ виду этого, основанія, выставленныя г. Вешке противъ мнѣнія Рейске, мнѣ не представляются убѣдительными и предположеніе Рейске о заимствованіи главъ 84—96 изъ труда Петра Магистра *περὶ τῆς πολιτικῆς καταστάσεως* мнѣ кажется очень возможнымъ и вѣроятнымъ, хотя, конечно, нельзя этого мнѣнія признать за несомнѣнную и вполне доказанную истину. Въ такомъ смыслѣ понимаю я принадлежность означенныхъ главъ Петру Магистру, когда мнѣ приходилось упоминать ихъ въ этомъ очеркѣ.

тинополь императора Юстиниана I, затѣмъ слѣдуетъ подробная записъ о подобномъ же вѣздѣ Василя Македонянина и Теофила (Append. ad. lib. I, p. 497 sequ.). Во второй книгѣ мы имѣемъ много выписокъ изъ подобныхъ записей, относящихся къ разнымъ вѣкамъ: здѣсь мы находимъ записи изъ временъ Ираклія, Михаила III, Романа I Лакапина и самого Константина VII Багрянороднаго.

Изъ сравненія этихъ записей съ обрядами, т. е. составленными для руководства на будущее время церемоніалами, видно, что записи объ отдѣльныхъ приѣмахъ и выходахъ служили основаніемъ для составленія церемоніаловъ и что многія черты почти буквально брались изъ записей и вносились въ церемоніаль, т. е. отдѣльный фактъ возводился въ общее правило и вносился въ обрядъ того или другаго выхода или приѣма.

Такъ, напримѣръ, записъ о приѣмѣ Михаиломъ III депутаціи отъ возставшихъ-было, но потомъ покорившихся славянъ (II, 37, 634) послужила основаніемъ для внесенной въ текстъ прибавки въ обрядѣ ежедневныхъ приѣмовъ (II, I, 52) относительно облаченія царя для подобныхъ приѣмовъ. Записъ о хиротоніи патріарха Теофилакта, младшаго сына Романа Лакапина, послужила основаніемъ и матеріаломъ для конца обряда избранія патріарха (II, 14, 565). Подробная записъ о приѣмѣ Саракинскихъ пословъ и св. Ольги (II, 15, 584 sequ.) послужила основаніемъ для составленія общаго обряда приѣма пословъ въ Магпаврѣ (II, 15, 566).

Что такія записи дѣлались именно для руководства на будущее время, видно какъ изъ вышеприведенныхъ замѣтокъ составителя „провозглашеній“, такъ и изъ заглавій нѣкоторыхъ такихъ записей. Такъ, напримѣръ, записи о томъ, какъ Михаилъ III шествовалъ въ храмъ св. Софіи въ Крещеніе, кѣмъ и какъ несена была драгоценная чаша, пожертвованная имъ въ этотъ праздникъ въ храмъ св. Софіи, дано такое заглавіе: „Какъ царю слѣдуетъ приносить пожертванія въ Великую Церковь“ (Πώς δεῖ προσφέρειν τὸν βασιλέα ἐν τῇ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ ἀναθήματα, II, 31, 631).

Такія и подобныя записи объ единичныхъ случаяхъ совершенія того или другаго обряда или о нѣкоторыхъ моментахъ его служили, какъ мы видѣли, издавна матеріаломъ и основаніемъ для постепеннаго составленія цѣлаго ряда обрядовъ общихъ, которые могли составлять на основаніи одной записи, если она обнимала всѣ главные моменты обряда, или нѣсколькихъ, одна другую дополняющихъ. Такъ, напримѣръ, обрядъ вѣзда Василя Македонянина чрезъ Золотыя Ворота по Средней или Великой Улицѣ до св. Софіи изложенъ такъ обстоятельно, что легко можетъ быть передѣланъ въ общій обрядъ вѣздовъ: для этого нужно исключить только

нѣкоторыя индивидуальныя черты, вмѣсто собственныхъ именъ поставить нарицательныя, а вмѣсто прошедшаго времени — настоящее, и общій обрядъ вѣзда готовъ.

Составитель Придворнаго Устава, очевидно, нашелъ много какъ такихъ записей, такъ и уже составленныхъ на основаніи ихъ готовыхъ обрядовъ, изъ которыхъ онъ и составилъ всю первую книгу; такъ какъ такіе общіе обряды составлялись постоянно издавна, какъ показываютъ общіе обряды Петра Магистра. Мало того! Хотя составитель Придворнаго Устава говоритъ, что онъ нашелъ только отдѣльныя (*σποράδη*) записи, не приведенныя въ порядокъ и систему (*χύδη*), по разсмотрѣніи всего состава Придворнаго Устава и отдѣльныхъ обрядовъ его показываетъ, что это заявленіе не слѣдуетъ понимать слишкомъ буквально и что составитель его нашелъ не только *готовые обряды, составленные въ разное время* гораздо раньше его, но, быть можетъ, и *цѣлыя*, хотя и небольшіе, *сборники* обрядовъ одного рода, такъ что составителю Придворнаго Устава приходилось во многихъ случаяхъ только еще разъ проредактировать эти сборники, дополнить и въ иныхъ случаяхъ видоизмѣнить или по крайней мѣрѣ оговорить то, что въ старомъ обрядѣ оказывалось несогласнымъ съ существовавшими въ его время порядками. Но и это дѣлалось не всегда: въ сборникахъ однородныхъ по содержанию обрядовъ остались безъ всякихъ замѣчаній такіе обряды, которые совершались прежде, но которые во времена составителя уже не могли совершаться и завѣдомо не совершались по разнымъ причинамъ. Едва ли составитель сталъ бы вносить въ формѣ обрядовъ, а не записей въ свой Уставъ, предназначенный въ руководство для будущихъ поколѣній и современной практики, такіе порядки, которые ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ совершаться не могли, еслибы онъ не вносилъ въ свой Уставъ готовыхъ уже сборниковъ, въ которыхъ эти обряды имѣли мѣсто, какъ практиковавшіеся или по крайней мѣрѣ возможные во время составленія подобныхъ сборниковъ, вошедшихъ потомъ цѣликомъ въ Придворный Уставъ.

Въ виду этого мнѣніе почтеннаго изслѣдователя произведеній Константина Багрянороднаго, профессора R a m b a u d, который полагаетъ, что обряды первой книги Придворнаго Устава до 83 гл. влчательно принадлежатъ современнику Константина VII, а скорѣе всего ему самому, можно принять, по моему крайнему разумѣнію, только съ значительными поправками и оговорками (*L'Empire grec au dixième siècle*, p. 135). Правда, французскій ученый признаетъ также разновременность составленія обрядовъ и допускаетъ, что нѣкоторыя изъ вышеназванныхъ главъ были впервые составлены при Львѣ VI, Александрѣ и Романѣ I Лакапиннѣ; но онъ

утверждаютъ въ то же время, что всѣ они написаны послѣ Василия I Македонянина и что окончательная ихъ редакція сдѣлана при Константиѣ VII въ разное время его самостоятельнаго царствованія, частью когда царемъ былъ онъ одинъ, частью когда Романъ II былъ уже коронованъ. Ко времени единоличнаго царствованія Константина VII (съ 27 января 945 г. до 6 апрѣля того же года) г. Rambaud относитъ обряды, въ которыхъ упоминается одинъ царь, а во времени совмѣстнаго царствованія съ Романомъ II (съ 6 апрѣля 945 до ноября 959 г., т. е. до смерти Константина) обряды, въ которыхъ идетъ рѣчь о нѣсколькихъ царяхъ (*βασιλεῖς, δεσπότες*), и полагаетъ, что подъ однимъ царемъ пужно разумѣть одного Константина, а подъ нѣсколькими царями (*βασιλεῖς* или *δεσπότες*) Константина и сына его Романа II (*ibid.* p. 131).

Но обрядовъ, въ которыхъ упоминается одинъ царь, слишкомъ много для того, чтобы составленіе всѣхъ ихъ приписывать времени единоличнаго царствованія Константина, продолжавшагося лишь два мѣсяца съ небольшимъ, да къ тому же въ числѣ ихъ имѣется не мало обрядовъ, несомнѣнно написанныхъ гораздо раньше Константина. Не говоря уже объ обрядахъ приѣма партій Ипподрома въ фіалахъ (гл. 64), которые, какъ я старался показать въ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца, могли исполняться только до перестройки Василиемъ Македоняниномъ одной изъ фіалъ въ баню (стр. 38; ср. 58), я не могу согласиться съ г. Ра м б о относительно составленія при Константиѣ даже перваго отдѣла первой книги, т. е. обрядовъ богомольныхъ праздничныхъ выходовъ. Мнѣ кажется, что и значительная часть этихъ обрядовъ составлена и написана не только раньше Константина VII, но даже и раньше Льва VI, а при Константиѣ или имъ самимъ только еще разъ проредактирована и дополнена кое-какими замѣчаніями относительно современныхъ редактору порядковъ. Точно также я не могу вполне присоединиться къ г. Ра м б о относительно строгаго единства плана и композиціи, которое французскій ученый находитъ въ 1—84 гл. первой книги.

Если мы повнимательнѣе присмотримся къ составу одного перваго отдѣла, т. е. наиболѣе интересныхъ для насъ въ данное время обрядовъ богомольныхъ выходовъ (I, 1—37), не говоря уже о другихъ отдѣлахъ, то даже въ этихъ узкихъ рамкахъ мы не найдемъ строгаго единства въ планѣ; напротивъ, найдемъ явные слѣды того, что въ Придворномъ Уставѣ до насъ дошли продукты разныхъ эпохъ, механически между собою связанные и дополненные позднѣйшими прибавками и поясненіями. Другаго, впрочемъ, и ожидать мы не въ правѣ: въ предисловіи ко второй книгѣ, какъ мы видѣли, прямо сказано, что всѣ первая книга

составлена изъ ранѣе составленныхъ и редактированныхъ обрядовъ прежнихъ временъ, а въ томъ числѣ, значить, и обряды богомольныхъ выходовъ представляютъ продуктъ прежнихъ временъ. Справедливость этого заявленія составителя подтверждается составомъ этого отдѣла Придворнаго Устава и характеромъ вошедшихъ въ него обрядовъ, которые сохранили явные слѣды своего разновременнаго происхожденія.

Праздничные богомольные выходы царей изложены въ первыхъ 37 главахъ I кн., но первоначально въ рукописи главъ было больше, такъ какъ въ дошедшей до насъ единственной рукописи послѣ 2 § (B) 9-й гл. выпалъ конецъ этой главы и слѣдующія главы до 3 § (Г) 18 гл., которая въ печатныхъ изданіяхъ сливается съ началомъ 9 гл. въ одну 9 главу. Всѣхъ главъ, значить, было 46 вмѣсто теперешнихъ 37 (см. Reiske, Comment., p. 152 seq.). Обряды праздничныхъ выходовъ въ этомъ отдѣлѣ расположены въ такомъ порядкѣ: въ 1-й гл., кромѣ общаго обряда большихъ Господнихъ праздниковъ, въ основаніи котораго положенъ въ сущности обрядъ выхода въ Рождество Христово ¹⁾, излагаются, въ видѣ дополненія къ нему, особенности Пасхальнаго выхода, затѣмъ обрядъ выхода въ Рождество Богородицы, какъ типическій обрядъ выходовъ въ Богородичные праздники, и обрядъ выхода въ Великую Субботу, какъ стоящій особо и не вполнѣ подходящій подъ раньше изложенные типы (ср. стр. 38 и 39 этого Очерка).

Съ 2 гл. до 18-й слѣдовали „акты“ на праздники, *начиная съ Рождества Христова*, но до насъ дошли только акты или пѣсношѣнія димовъ до Троицына дня включительно (два первые §§ 9-й гл.). Вмѣстѣ съ этими актами 1 гл. составляетъ вполнѣ законченное цѣлое: здѣсь мы имѣемъ главнѣйшіе типы выходовъ на разные праздники и затѣмъ акты на каждый изъ нихъ, которые, составляя главное отличіе обряда выходовъ одного типа, не могли войти въ общій обрядъ и потому изложены на каждый праздникъ отдѣльно.

Изложеніе типическихъ обрядовъ и актовъ на отдѣльные праздники представляетъ въ главныхъ чертахъ все, что нужно, для совершенія выхода, подходящаго подъ тотъ или другой изложенный типъ, и въ изложеніи обрядовъ отдѣльныхъ праздниковъ, описанныхъ въ 1 гл. типовъ, собственно говоря, нѣтъ особенной надобности, тѣмъ болѣе, что общій

¹⁾ Что въ основаніи общаго обряда положенъ Рождественскій, это видно изъ вставки въ Пасхальномъ обрядѣ, сдѣланной, очевидно, при редакціи этого обряда и начинающей по обыкновенію съ *ιστέον* I, 9, 63: *ιστέον δέ, ότι ἐν τῇ διόδῳ* (т. е. на пути отъ Консисторіи до Орологія св. Софіи) *τοῦ βασιλέως τελούνται ἅπαντα τὰ αἴσια ἀκολούθως, ὡς τρόπον ἀνωτέρω ἐν τῇ καθόλου προελεῦσαι τῆς Χριστοῦ γεννήσεως ἐξ ἐθέμεθα.*

обрядъ большихъ выходовъ изложенъ подробно. Однакожь, за актами слѣдуетъ рядъ спеціальныхъ обрядовъ не только такихъ, которые не подходятъ подъ изложенные въ 1 гл. типы, но и такихъ, *которые исполняютъ подъ нихъ подходятъ.*

Рядъ этихъ спеціальныхъ обрядовъ начинается не Рождественскимъ обрядомъ, а Пасхальнымъ, и кончается обрядомъ Великой Субботы, представляя собою другой цѣльный и законченный циклъ обрядовъ, расположенный въ другомъ порядкѣ. Къ обряду Великой Субботы, въ видѣ примѣчанія или дополненія къ цѣлу обрядовъ, прибавленъ краткій обрядъ воссоединенія церкви. Заканчивается этотъ циклъ спеціальныхъ обрядовъ 37-ю главою, въ которой перечисляются облаченія царей въ дни богомольныхъ выходовъ.

Такимъ образомъ въ первомъ отдѣлѣ I кн. Придворнаго Устава, 1—37 гл. мы имѣемъ, собственно говоря, два самостоятельныхъ сборника: 1) Общій обрядъ съ актами, т. е. 1—9 гл. изданій или 1—17 рукописи, и 2) Сборникъ спеціальныхъ обрядовъ на отдѣльные праздники, начиная съ Пасхи и кончая Великою Субботою (съ § Г, 9 гл.—35 изданій). Ближайшее разсмотрѣнiе содержанія и характера этихъ сборниковъ приводитъ къ заключенію, что первый сборникъ составленъ послѣ втораго, по всей вѣроятности, на основаніи спеціальныхъ обрядовъ, вошедшихъ въ составъ втораго сборника, а частію вошедшихъ въ него.

На сравнительно большую древность сборника спеціальныхъ обрядовъ указываютъ нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя при его послѣдней редакціи для внесенія въ Придворный Уставъ. Такъ, изъ прибавки, сдѣланной въ концѣ обряда поведѣльника Пасхальной Недѣли видно, что обрядъ этотъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ записанъ и занесенъ въ сборникъ, совершался до Льва VI или до начала его царствованія, а Левъ VI измѣнилъ начало обряда: вмѣсто крестнаго хода изъ храма св. Софіи въ храмъ св. Апостоловъ, совершавшагося прежде, Левъ VI установилъ торжественный и парадный выѣздъ верхомъ въ храмъ св. Апостоловъ прямо изъ Дворца. „Такъ совершается этотъ обрядъ и до сего дня“, сказано въ самомъ концѣ обряда (I, 10, 86; ср. стр. 230 и слѣд. этого Очерка). Очевидно, что обрядъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ попалъ въ Уставъ, написанъ до Льва, слѣдовательно, при Василии Македонянинѣ, если еще не при Михаилѣ III. Если бы онъ былъ написанъ при Львѣ VI, послѣ сдѣланныхъ имъ измѣненій, то, по всей вѣроятности, былъ бы записанъ въ новомъ видѣ, а относительно стараго порядка могло быть сдѣлано только упоминаніе, а между тѣмъ обрядъ изложенъ настоящимъ временемъ, стало быть написанъ еще тогда, когда совершался выходъ согласно

съ нимъ. Точно также въ Антипасху, т. е. въ первое воскресенье послѣ Пасхи, цари уже до 900 года не ходили въ храмъ св. Софіи, а ѣздили въ храмъ св. Апостоловъ, какъ это видно изъ клиторологіи Филофея (II, 52, 773), составленнаго въ 900 году, а между тѣмъ старый обрядъ остался въ сборникѣ, только въ схолии къ нему замѣчено, что этотъ обрядъ *недавно* измѣненъ (ср. стр. 231 этого Очерка). Весьма вѣроятно, что эта замѣтка сдѣлана довольно задолго до внесенія сборника специальныхъ обрядовъ въ дошедшій до насъ Уставъ и обрядъ внесень въ Уставъ уже вмѣстѣ съ схолиемъ. Слѣдующій за Антипасхою обрядъ выѣзда въ Преполовеніе въ храмъ св. Мокія, возобновленный, по всей вѣроятности, при Василии, который возобновилъ и самый храмъ св. Мокія, Львомъ VI былъ отмѣненъ и послѣ не совершался, а между тѣмъ въ сборникѣ специальныхъ обрядовъ онъ былъ и цѣликомъ внесенъ въ Уставъ.

Въ обрядѣ Педѣли Православія замѣчено, послѣ изложенія обряда, что такъ совершался выходъ въ старину (*Ἰστέον, ὅτι παλαιὸν τοιοῦτος τύπος ἦν*), а теперь онъ совершается иначе. Ясно, что при составленіи Устава взятъ уже готовый старый обрядъ, который и занесень цѣликомъ, а составитель Устава и послѣдній редакторъ обрядовъ, внесшій сборникъ специальныхъ обрядовъ въ Уставъ, ограничился замѣчаніемъ относительно современнаго ему порядка выходовъ. Еще яснѣе видна сравнительная древность сборника специальныхъ обрядовъ изъ замѣчанія въ концѣ Благовѣщенскаго обряда (I, 30, 169). Послѣ изложенія того, что царь дѣлаетъ въ храмѣ пресв. Богородицы Халкопратійской, куда совершался по одному типу выходъ въ Благовѣщеніе и въ Рождество Богородицы, въ концѣ обряда сдѣлана замѣтка, которая гласитъ, что и теперь все совершается, какъ изложено въ обрядѣ, но нынѣ (*νυν!*) царь не ходитъ въ катихуменіи, а слушаетъ литургію, стоя при входѣ въ смежный храмъ св. Раки (*τῆς ἁγίας Σοροῦ*), въ которой хранилась одежда и поясъ пресв. Богородицы. Обращаясь къ обряду Рождества Богородицы, вошедшему въ составъ 1 гл., мы дѣйствительно находимъ, что по этому обряду царь не ходитъ въ катихуменіи, а слушаетъ литургію при входѣ въ храмъ св. Раки (I, 1, 31). Въ концѣ этого обряда (I, 1, 33) сказано, что точно такимъ же образомъ совершается выходъ и въ Благовѣщеніе. Ясно, что обрядъ Рождества Богородицы, изложенный согласно съ новыми порядками, измѣненъ и внесень въ измѣненномъ видѣ въ 1 гл. послѣ Благовѣщенскаго обряда, который составленъ еще до нововведенія въ выходѣ и въ такомъ видѣ вошелъ въ сборникъ специальныхъ обрядовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и въ Придворный Уставъ, при внесеніи въ который въ Благо-

въщепенскомъ обрядѣ сдѣлана замѣтка относительно новыхъ порядковъ, существовавшихъ во время составленія общаго обряда, т. е. 1 гл. I кн.

Не считая возможнымъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе какъ указанныхъ, такъ и другихъ обрядовъ богомольныхъ выходовъ относительно времени ихъ первой редакціи, я ограничусь этими указаніями и полагаю, что вышеприведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для того, чтобы видѣть, что указанные выше и нѣкоторые другіе обряды богомольныхъ выходовъ не только написаны гораздо раньше Константина Багрянороднаго, но и подверглись значительнымъ измѣненіямъ раньше его. Потому и упоминаемаго въ нѣкоторыхъ обрядахъ одного царя (βασιλεύς) нужно относить не къ Константину, какъ думаетъ г. Raubaud, а скорѣе къ Василию Македонянину, при которомъ по всей вѣроятности составлена была по записямъ значительная часть сборника обрядовъ богомольныхъ выходовъ, такъ какъ Василій I много обрядовъ возобновилъ, а нѣкоторые ввелъ впервые въ придворную практику, какъ можно заключить изъ замѣчаній, находящихся въ Придворномъ Уставѣ¹⁾. Возможно, что въ основаніи нѣкоторыхъ обрядовъ лежатъ записи, сдѣланныя еще при Михаилѣ III, но ко временамъ до Михаила III, или, точнѣе, до возстановленія иконопочитанія (842) первое возникновеніе дошедшихъ до насъ обрядовъ богомольныхъ выходовъ едва ли можно относить, такъ какъ при царяхъ-иконоборцахъ не могло быть рѣчи о поклоненіи иконамъ, мощамъ и другимъ священнымъ реликвіямъ, которыя столь часто упоминаются въ обрядахъ.

Послѣднюю редакцію дошедшаго до насъ сборника богомольныхъ выходовъ можно, мнѣ кажется, относить ко времени автократоріи Константина VII Багрянороднаго и при томъ къ концу этого періода, такъ какъ въ обрядѣ Недѣли Православія о патриархѣ Теофилактѣ, сынѣ Романа I Лакапина, упоминается въ прошедшемъ времени, а Теофилактъ умеръ въ 956 г. за три года слишкомъ до смерти самого Константина. Константиномъ Багрянороднымъ или по крайнѣй мѣрѣ при немъ и подъ его руководствомъ могъ быть составленъ общій обрядъ съ прибавками къ нему (т. е. вся первая глава) и сборникъ актовъ или актологій на праздники, начиная съ Рождества Христова; но составленъ этотъ сбор-

¹⁾ Такъ въ схолияхъ къ обрядамъ праздниковъ пророка Ильи (I, 19, 114) и освященія Новой Великой Церкви (I, 20, 118) сказано, что праздникъ этотъ установленъ Василиемъ. Раньше Василія этихъ праздничныхъ выходовъ и быть не могло, такъ какъ они совершались въ храмъ, построенный Василиемъ Македоняниномъ, т. е. въ Новую Великую Церковь, въ предѣлахъ которой былъ устроенъ алтарь въ честь Ильи пророка, какъ возвѣстившаго матери Василія объ ожидающей Василія великой судьбѣ (см. Const. Porphyrog. Vita Basilii въ Theoph. Cont. ed. Bonn., p. 325; ср. Cerim. I, 19, 116).

никъ актовъ также изъ старыхъ обрядовъ и записей, по всей вѣроятности изъ времянь Льва VI, такъ какъ актологіи на Антипасху указываютъ на выѣздъ въ храмъ св. Апостоловъ, какъ это дѣлалось при Львѣ, а присутствіе въ сборникѣ актологій па Преполовеніе, совершавшихся во время богомольнаго выѣзда въ храмъ св. Мокія, указываетъ, кажется, на то, что сборникъ актовъ или пѣснопѣній составленъ до отмѣны этого выхода, т. е. до 912 года (см. стр. 232 свѣд. этого Очерка). При редакціи актовъ для внесенія въ Уставъ сдѣланы соотвѣтствующія современнымъ условіямъ измѣненія относительно царицъ и багрянородныхъ дѣтей, упоминаемыхъ въ актологіяхъ во множественномъ числѣ (напр., I, 2, 36).

Точно такъ же и обихій обрядъ составленъ на основаніи прежнихъ обрядовъ, частію не вошедшихъ въ сборникъ специальныхъ обрядовъ (болѣе новый обрядъ выхода въ Рождество Христово, часть обряда Пасхальнаго, обрядъ Рождества Богородицы), частію сохранившихся въ немъ (обрядъ Благовѣщенія и Великой Субботы).

Составленіе общаго обряда, т. е. первой главы, состояло частію въ дополненіяхъ, измѣненіяхъ и прибавкахъ, частію въ сокращеніяхъ тѣхъ частей, вошедшихъ въ составъ его обрядовъ Пасхи, Рождества Богородицы и Великой Субботы, которыя уже изложены въ обрядѣ выхода въ большіе Господніе праздники, такъ что это составленіе имѣло болѣе редакціонный характеръ и потому, приписывая составленіе первой главы времени Константина Багрянороднаго или ему самому, мы не станемъ въ противорѣчіе съ заявленіемъ составителя второй книги, что вся первая книга составлена изъ прежнихъ, раньше записанныхъ и составленныхъ обрядовъ, — заявленіемъ, которое въ значительной степени противорѣчитъ вышеприведенному мнѣнію г. Рамбо, приписывающаго самое составленіе большей части обрядовъ 1-й книги времени Константина VII Багрянороднаго или ему самому.

Если мы такимъ образомъ послѣднюю редакцію обрядовъ богомольныхъ выходовъ будемъ относить къ концу царствованія Константина Багрянороднаго, а составленіе самыхъ древнѣйшихъ изъ нихъ къ началу царствованія Василія I Македонянина (867—886 г.), то мы получимъ періодъ времени, обнимающій около 100 лѣтъ, въ теченіе которыхъ обряды эти составлялись по записямъ, редактировались, измѣнялись, дополнялись примѣчаніями, пока не получили, при внесеніи въ Придворный Уставъ, своего настоящаго вида. Занимающіе насъ обряды представляютъ такимъ образомъ трудъ нѣсколькихъ поколѣній, жившихъ, приблизительно, съ половины IX в. до половины X в. Кто былъ первымъ составителемъ каждаго отдѣльнаго обряда, сказать нельзя. Но такъ какъ

въ этотъ періодъ времени общее руководство и наблюденіе за правильнымъ совершеніемъ царскихъ выходовъ принадлежало препозитамъ, какъ прежде магистрамъ, а исполненіе лежало на обязанности церемоніаріевъ (*ὁ τῆς καταστάσεως ἐπιτοπίαγιος* церемоніймейстеръ), то можно предполагать, что этимъ сановникамъ, обязаннымъ по своей должности интересоваться обрядами, обряды выходовъ и пріемовъ обязаны своимъ происхожденіемъ и составленіемъ, подобно тому, какъ дошедшій до насъ клиторологій изъ временъ Льва VI, т. е. трактатъ о порядкахъ, соблюдавшихся на царскихъ обѣдахъ, написанъ атриклиномъ Филоесемъ, завѣдывавшимъ приглашеніемъ чиновъ къ столу и наблюдавшимъ за установленными порядками, и написанъ для руководства товарищамъ и преемникамъ по этой должности.

Весьма возможно, что сановники и чиновники, завѣдывавшіе придворными обрядами, составляли не только отдѣльные обряды, но и цѣлые сборники извѣстнаго содержанія обрядовъ, на примѣръ, богомольныхъ выходовъ, чинопроизводства, игръ и скачекъ въ Ипподромѣ. Такіе сборники, хотя, быть можетъ, не полные, неправильно и не систематично расположенные, могъ найти составитель Придворнаго Устава и, дополнивши, исправивши и приведя въ болѣе или менѣе стройный порядокъ, внести въ Придворный Уставъ, составить полный и систематическій сводъ всѣхъ извѣстныхъ составителю отдѣльныхъ, частныхъ сборниковъ. Какъ первый составитель такого полнаго свода, обнимающаго по возможности всѣ виды придворныхъ обрядовъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ и системѣ, Константинъ Багрянородный или его помощникъ въ этомъ дѣлѣ могъ сказать, что онъ нашелъ старыя обряды, составившія содержаніе первой книги, въ беспорядкѣ, т. е. они частію были вовсе не приведены въ систему, не отнесены къ соответствующему отдѣлу, а частію представляли не полныя и разрозненныя отдѣльные небольшіе сборники (*χῶδῆν καὶ σποράδην*).

Кромѣ вышеизложенныхъ соображеній, дѣловое, можно сказать, официальное происхожденіе обрядовъ Придворнаго Устава подтверждается характеромъ языка, которымъ они написаны. Языкъ обрядовъ рѣзко отличается отъ языка современныхъ писателей, старавшихся писать болѣе или менѣе литературно. Если мы сравнимъ „Жизнь Василія Македонянина“, написанную Константиномъ Багрянороднымъ, съ составленнымъ имъ или подъ его руководствомъ Придворнымъ Уставомъ, то мы сейчасъ же увидимъ огромную разницу въ языкѣ и стилѣ обоихъ произведеній: „Жизнь Василія“ написана искусственнымъ, книжнымъ языкомъ по всѣмъ правиламъ тогдашней риторики, а Придворный Уставъ про-

стымъ, ежедневнымъ, дѣловымъ, въ которомъ предметы быта и разныя дѣйствія обозначаются ихъ собственными, бывшими тогда въ употребленіи именами, часто греко-римскими, а не чисто греческими, литературными; потому что Придворный Уставъ, какъ и составляющіе его обряды предназначались не для чтенія, а для практическаго пользованія, примѣненія на дѣлѣ. Чтобы всѣмъ было ясно и понятно, что въ каждомъ случаѣ дѣлалось и слѣдуетъ дѣлать, чтобы не было никакого сомнѣнія относительно дѣйствій, предметовъ, лицъ и т. д., въ обрядахъ оставленъ тотъ простой и ежедневный языкъ, который обыкновенно употреблялся при Византійскомъ Дворѣ для обозначенія предметовъ и дѣйствій, составляющихъ содержаніе обрядовъ Придворнаго Устава, какъ объ этомъ заявляетъ составитель Придворнаго Устава въ концѣ предисловія къ первой книгѣ ¹⁾.

Но то, что было совершенно ясно и понятно для современниковъ Константина Багрянороднаго и ближайшихъ къ нему поколѣній, то со-всѣмъ неясно для насъ; потому спеціальныи и дѣловой языкъ обрядовъ для насъ тѣмъ болѣе не понятенъ, чѣмъ болѣе въ немъ терминовъ, чѣмъ чаще встрѣчаются въ немъ спеціальныя римско-византійскія слова и названія мало или вовсе неизвѣстныхъ намъ предметовъ и дѣйствій. А такими словами и названіями переполнены все обряды до такой степени, что рѣдко можно найти мѣсто въ двѣ-три строки, въ которомъ бы ихъ не встрѣчалось, а иногда многія строки и даже цѣлыя страницы состоятъ почти цѣликомъ изъ такихъ спеціальныхъ, техническихъ, если можно такъ выразиться, словъ и названій. Благодаря дѣловому характеру и назначенію обрядовъ, композиція и стиль обрядовъ весьма далеки отъ грамматической и стилистической правильности литературныхъ произведеній. Постройка предложеній и періодовъ весьма часто неправильна; ни о послѣдовательности, ни о связи предложеній и періодовъ составители обрядовъ не заботились: для нихъ нужна была только суть дѣла, главныя моменты обряда. М-г R a m b a u d справедливо говоритъ относительно Придворнаго Устава, что *sa composition est barbare* (lib. c. p. 128), но это варварство обусловливается и объясняется происхожденіемъ и цѣлями Придворнаго Устава и составляющихъ его обрядовъ. Мы не должны разсматривать ихъ, какъ литературное произведеніе одного автора, желавшаго описать, возможно подробнѣе и яснѣе изложить и объяснить при-

¹⁾ Вотъ что говоритъ относительно этого составитель Придворнаго Устава: *ὡς ἂν ἴδῃ σαφέη καὶ εὐδιάγνωστα εἶεν τὰ γεγραμμένα, καὶ καθομιλημένη καὶ ἀπλοστέρῃ φράσει κεχρημένα καὶ λέξαι ταῖς αὐταῖς καὶ ὀνόμασι τοῖς ἐφ' ἑκάστῳ πρίσματι πάλα προσηρμοσθεῖσι καὶ λεγομένοις* (Serim., p. 5, Bonn.).

дворные обряды и порядки для незнакомых съ ними современниковъ и потомковъ. Если бы первые составители обрядовъ и послѣдній редакторъ ихъ, составившій изъ нихъ цѣлый Уставъ, имѣли въ виду ознакомить съ придворными обрядами современниковъ и потомковъ вообще, то характеръ изложенія былъ бы, по всей вѣроятности, другой: термины замѣнены были бы, вѣроятно, другими словами или пояснены, многое изложено было бы подробнѣе и пояснено, многое было бы опущено и не повторялось бы такъ часто, какъ въ дошедшихъ до насъ обрядахъ; всѣ моменты выхода, вся обстановка и топографія выходовъ и приемовъ изложена была бы, безъ сомнѣнiя, подробнѣе и обстоятельнѣе. Ничего подобнаго въ огромномъ большинствѣ обрядовъ мы не находимъ: составители обрядовъ, очевидно, имѣютъ въ виду не обыкновенныхъ читателей, не публику, незнакомую съ обстановкою Двора и придворными порядками, а людей, весьма близко знакомыхъ съ Дворцомъ и его частями, хорошо знающихъ придворные обычаи и порядки, обстановку и придворный бытъ. Потому они ограничиваются большею частію краткими намеками, одними названіями знакомыхъ предметовъ, указаніями главныхъ моментовъ дѣйствія, случайно говорятъ то короче, то подробнѣе объ одномъ и томъ же предметѣ или дѣйствиіи, смотря по тому, что первому составителю хотѣлось особенно отмѣтить и отгѣнить и на что только намекнуть, если не совсѣмъ пропустить, какъ общеизвѣстное и совершенно понятное для тѣхъ лицъ, для которыхъ обряды и записи составлялись. Потому ни въ одномъ обрядѣ мы не найдемъ всѣхъ подробностей того или другаго дѣйствія и нѣтъ почти ни одного обряда, который бы не нуждался въ поясненіи другимъ. Даже общій обрядъ выходовъ въ большіе праздники, изложенный подробнѣе и обстоятельнѣе другихъ, не можетъ быть понятъ не только въ подробностяхъ и частностяхъ, но и въ главныхъ моментахъ безъ помощи другихъ обрядовъ: такъ много предполагается въ немъ извѣстнаго. А нѣкоторые частные обряды иногда такъ коротки, что всѣ состоятъ изъ намековъ и совершенно непонятны безъ знанія того, къ чему эти намеки относятся и на что указываютъ. Весьма часто эти намеки разъясняются другими обрядами, въ которыхъ тѣ же дѣйствія, лица и предметы обозначены подробнѣе, но часто такихъ разъясненій найти нельзя, такъ какъ составитель обряда предполагалъ свои намеки и краткія указанія и безъ того понятными для тѣхъ церемоніальныхъ чиновъ, для которыхъ главнымъ образомъ составлялись обряды.

Позволяю себѣ думать, что послѣ этого краткаго разсмотрѣнiя вопроса о происхожденіи обрядовъ Придворнаго Устава причины тѣхъ трудностей, которыя приходится преодолѣть комментатору и переводчику

обрядовъ, стали болѣе или менѣе ясны и понятны. Обряды составлены по записямъ объ отдѣльныхъ выходахъ и приѣмахъ въ разное время разными лицами не для публики, незнакомой съ придворными порядками, а главнымъ образомъ для церемоніальныхъ чиновъ двора, какъ нельзя болѣе близко знакомыхъ съ обстановкою и придворными порядками; потому обряды изложены неполно, безъ объясненій того, о чемъ идетъ рѣчь, а иногда совсѣмъ кратко и для людей, чуждыхъ двору, неясно и непонятно, изложены языкомъ техническимъ, хорошо извѣстнымъ придворнымъ сановникамъ, но мало понятнымъ для насъ.

Эти свойства Придворнаго Устава весьма важны и драгоценны для насъ, потому что вводятъ насъ прямо въ придворный бытъ и знакомятъ съ официально-придворнымъ языкомъ непосредственно, документально, но въ то же время, благодаря этимъ свойствамъ, Придворный Уставъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ трудныхъ для пониманія памятниковъ. Чтобы вполне понимать все его намеки и бытовые подробности, мы, собственно говоря, должны стать на точку зрѣнія придворныхъ византійскихъ чиновниковъ, обладать знакомствомъ съ Византійскимъ Дворомъ и его порядками въ такой же степени, въ какой знали все это лица, для которыхъ написанъ Уставъ, т. е. церемоніальные сановники и чиновники Византійскаго Двора, старавшагося блистать сложностью и великолѣпіемъ своихъ обрядовъ.

Само собою разумѣется, что дойти до знакомства съ придворными византійскими порядками, которое имѣли церемоніальные чины, мы никоимъ образомъ не можемъ, если бы даже византійская археологія въ широкомъ смыслѣ была такъ же подробно и обстоятельно разработана, какъ античная греческая и римская. Но до такой степени разработки византійской археологіи еще далеко; она еще находится на очень низкой ступени развитія, а нѣкоторые отдѣлы ея, какъ государственныя и частныя древности, находятся еще въ зачаточномъ состояніи. Одинъ изъ главнѣйшихъ и важнѣйшихъ источниковъ, Придворный Уставъ Константина Багрянороднаго, сравнительно мало понятъ и объясненъ, а между тѣмъ въ немъ самомъ и кроется ключъ къ разьясненію его; въ немъ самомъ нужно главнымъ образомъ искать тѣхъ данныхъ, которыя позволили бы намъ приблизиться къ тому уровню знанія придворныхъ порядковъ, на которомъ пониманіе обрядовъ станетъ болѣе или менѣе возможнымъ, хотя все еще останется далеко не полнымъ и несовершеннымъ. Нѣтъ потому ничего удивительнаго въ томъ, что вышеуказанныя русскія попытки изложенія обрядовъ богомольныхъ выходовъ, сдѣланныя гг. Марковичемъ и Каневскимъ, не были удачны. Если такіе извѣстные

археологи, какъ Лабартъ, Дидронъ, Паспати и др., дѣлали относительно обрядовъ не мало крупныхъ промаховъ, то тѣмъ болѣе извинительны ошибки и промахи у вышеназванныхъ русскихъ авторовъ, взявшихся за изложеніе обрядовъ Константина безъ всякой специальной подготовки и безъ предварительнаго изученія Придворнаго Устава, который представляетъ такъ много всевозможныхъ затрудненій, такъ мало разъясненъ и обследованъ, что безъ специального предварительнаго знакомства съ его содержаніемъ и характеромъ браться за изложеніе и объясненіе какой либо части его весьма рискованно.

Во избѣжаніе промаховъ и ошибокъ моихъ предшественниковъ, я положилъ въ основаніе своего изложенія обрядовъ богомольныхъ выходовъ въ храмъ св. Софіи главнымъ образомъ данныя самого Придворнаго Устава, добытыя посредствомъ предварительнаго изученія обрядовъ. Позволю себѣ думать, что въ предлагаемомъ вниманію читателя Очеркѣ обряды ежедневныхъ пріемовъ и выходовъ въ храмъ св. Софіи въ общемъ и главнымъ изложены правильно и разъяснены многіе моменты выходовъ, прежде бывшіе неясными и непонятными. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя подробности остаются еще сомнительными или недостаточно разъясненными, а нѣкоторыя нарочито оставались безъ объясненій. Такъ, напримеръ, значеніе и названія разныхъ чиновниковъ и сановниковъ, фигурирующихъ въ обрядахъ, мною оставлены, за немногими исключеніями, безъ объясненій, по той главнымъ образомъ причинѣ, что научное и доказательное изложеніе вопросовъ, касающихся византійскаго чиновничества, потребовало бы слишкомъ много мѣста и заставило бы увеличить и безъ того большія примѣчанія втрое или вчетверо. Но и при такомъ увеличеніи связнаго и полнаго изложенія относящагося сюда матеріала все-таки нельзя было бы сдѣлать; потому эти вопросы я предпочелъ отложить до другаго времени и мѣста, чтобы сгруппировать ихъ въ отдѣльныхъ очеркахъ. Объ одеждахъ и облаченіяхъ не только сановниковъ, но и царей говорится кратко, т. е. столько, сколько это я считалъ необходимымъ для указанія отличительныхъ чертъ обрядовъ и облаченій царя въ IX—X вв. Подробный трактатъ о царскомъ облаченіи или нарядѣ въ его историческомъ развитіи можетъ быть предметомъ цѣлой книги и требуетъ массы рисунковъ. Кромѣ того, болѣе или менѣе подробное и обстоятельное разъясненіе всѣхъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ археологическихъ вопросовъ постоянно отвлекало бы отъ главнаго предмета Очерка и, какъ показываетъ комментарий Reiske къ общему обряду, не позволяло бы читателю слѣдить за ходомъ излагаемыхъ обрядовъ, ясное и по возмож-

ности подробное изложене и описаніе которыхъ составляетъ главную задачу настоящаго Очерка.

Читатели, болѣе меня свѣдущіе въ вопросахъ византійской и церковной археологіи, найдутъ, безъ сомнѣнія, въ этомъ Очеркѣ много неточностей, недосмотровъ, еще болѣе неяснаго и недостаточно разъясненнаго, недосказаннаго, но они, надѣюсь, будутъ имѣть въ виду, кромѣ изрѣченія: *ergare humanum est*, всѣ вышеуказанныя трудности правильнаго и точнаго пониманія и объясненія обрядовъ Придворнаго Устава, а равно и то обстоятельство, что автору приходилось значительную часть объяснительнаго труда сдѣлать самому и мало брать готовыхъ и не требующихъ дополненій и повѣрки толкованій и объясненій. У своихъ выше-названныхъ предшественниковъ по разработкѣ и описанію приемовъ и выходовъ, авторъ ничего не могъ взять, кромѣ, конечно, Reiske, комментарій котораго и до сихъ поръ остается во множествѣ случаевъ единственнымъ научнымъ пособіемъ для занимающагося изученіемъ Придворнаго Устава. При такомъ положеніи предмета, составляющаго главное содержаніе настоящаго труда, сдѣлать все, что нужно и желательно, весьма трудно и я сдѣлалъ только то, что было для меня возможно: при тѣхъ научныхъ средствахъ, которыя были въ моемъ распоряженіи. *Feci, quod potui; faciant meliora potentes.*

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность представителямъ и членамъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества А. Ѳ. Бычкову, Н. П. Кондакову, В. Г. Васильевскому, Г. С. Дестунису, И. В. Помяловскому, графу И. И. Толстому, В. Г. Дружинину, барону В. Р. Розепу и другимъ, которые своимъ ободрительнымъ сочувствіемъ и участіемъ содѣйствовали появленію въ свѣтъ моихъ посильныхъ трудовъ по византійской археологіи въ настоящемъ видѣ.

Казань, 15 апрѣля 1892 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Приемы императорами сановниковъ во времена Римской имперіи.—Обряды приемовъ и видоизмѣненія ихъ.—Дошедшіе до насъ обряды ежедневныхъ и воскресныхъ приемовъ.—Мѣсто приемовъ.—Отпирание дверей Большаго Дворца и другія подготовительныя дѣйствія.—Собраніе чиновъ синклита въ Ипподромѣ и переходъ ихъ въ палаты Дворца.—Выходъ царя въ Хрисотриклинъ; дѣйствія и занятія его во время приема: дѣловые доклады логоеета, препозита и другихъ сановниковъ; назначенія на должности и частныя аудіенціи посламъ.—Воскресные приемы, ихъ отличительныя черты; приглашеніе къ царскому столу.—Отпускъ.—Производство въ чины.

Какъ каждый знатный и богатый римлянинъ ежедневно принималъ поздравленія и привѣтствія болѣе или менѣе значительной толпы своихъ кліентовъ, такъ римскій императоръ ежедневно принималъ массу сановниковъ, чиновниковъ и другихъ лицъ, явившихся частію для принесенія поздравленій и привѣтствій, частію для дѣловыхъ докладовъ и представлений. Какъ тѣ, такъ и другіе приемы происходили раннимъ утромъ (*salutatio matutina*), въ теченіе первыхъ двухъ часовъ дня, т. е. въ 7-мъ и 8-мъ часу утра по нашему счету часовъ ¹⁾. Въ виду этого желаніе представиться собирались къ домамъ патроновъ и дворцамъ императоровъ на разсвѣтѣ или даже предъ разсвѣтомъ и, преодолевъ разныя препятствія и затрудненія, допускались въ приемные покои ²⁾. Такъ какъ толпы кліен-

¹⁾ О *salutatio matutina* кліентовъ см. Marcquardt, *Privatleben*, I, 252—253. О кліентахъ въ императорскій періодъ и отношеніи къ нимъ патроновъ см. Friedländer, *Darstellungen aus d. Sittengeschichte Roms*, I, IV, 1 (*die Klienten*). Ср. Н. М. Благовѣщенскій, Римскіе кліенты Домиціанова вѣка, *Русская Мысль*, 1890 года, кн. IV, стр. 31 слѣд. О приемахъ во дворцѣ римскихъ императоровъ см. Friedländer, *Darstellungen*, I, II, 4a (*der Morgenempfang*).

²⁾ Чтобы успѣть во время и не опоздать, кліенты, особенно тѣ, которые жили далеко отъ домовъ своихъ патроновъ, должны были вставать до свѣта, не выспавшись,

товъ-поздравителей (*salutatores*) состояли изъ людей разнаго званія и общественнаго положенія, то естественно при приѣмѣ скоро установилась извѣстная градація и церемоніаль, за соблюденіемъ которыхъ наблюдали у знатныхъ патроновъ особый штатъ служителей. Если же приѣмъ клиентовъ и подчиненныхъ у богатыхъ, знатныхъ и чиновныхъ римлянъ производился при непремѣнномъ участіи особыхъ приемныхъ (*admissionales*) слугъ, былъ обставленъ разными формальностями и подчиненъ извѣстнымъ правиламъ ¹⁾, то тѣмъ болѣе долженъ былъ выработаться извѣстный порядокъ и во всѣхъ деталяхъ опредѣленный и точный церемоніаль для приѣма безчисленнаго множества разнаго званія лицъ, желавшихъ представиться и привѣтствовать повелителей міра, вторыхъ Юпитеровъ, отъ которыхъ зависѣла судьба милліоновъ людей и въ распоряженіи которыхъ находился скоро развившійся изъ штата слугъ-рабовъ и вольноотпущенниковъ многочисленный штатъ приемныхъ и церемоніальныхъ служителей, чиновниковъ и сановниковъ, фигурировавшихъ въ разныхъ роляхъ при всякихъ приѣмахъ и выходахъ императоровъ.

и ночью шествовать по неосвѣщеннымъ и часто грязнымъ улицамъ Рима, когда еще почти никого не было на улицахъ. Эти ночныя шествія клиентовъ, которыхъ Марціалъ, Ювеналъ, Лукіанъ и многіе другіе писатели изображаютъ мрачными красками, затруднялись еще тѣмъ, что къ патронамъ необходимо было являться въ тяжелыхъ и жаркихъ (*sudatrix*) тогахъ, сдѣлавшихся давно мудрымъ римскаго гражданина. Преодоливши всѣ эти неудобства, несчастный клиентъ, дойдя наконецъ до дома патрона, долженъ былъ еще перѣдко мольбами и подарками упрашивать разныхъ слугъ о допущеніи предъ свѣтлыя очи патрона, преодолевать *ostiarum difficultatem, nomenclatoris superbiam, cubicularii supercilium*. Friedländer, *ibid.*

¹⁾ Какъ при дворѣ, такъ и у знатныхъ и чиновныхъ римлянъ поздравители (*salutatores*) высшихъ ранговъ естественно допускались раньше и встрѣчались съ большимъ почетомъ и вниманіемъ, чѣмъ бѣдные и ничтожныя клиенты, желавшіе получить отъ патрона разныя подачки и жившіе этими подачками. Однихъ патроновъ встрѣчали любезно и привѣтливо, удостоивая даже поцѣлуя, другихъ едва замѣчали и не узнавали безъ напоминанія воменклатора. Если нѣкоторые изъ *salutatores* приглашались къ столу, то и здѣсь нѣкоторые патроны только болѣе важныхъ удостоивали одинаковаго стола съ собою, а *minores amici* должны были довольствоваться гораздо худшими блюдами и винами. Friedländer, *Darstellungen*, I. с. Благовѣщенскій, Клиенты при Домиціанѣ, стр. 38. У римскихъ сановниковъ, правителей отдѣльных провинцій, приѣмъ происходилъ по извѣстнымъ, особымъ законамъ и распоряженіямъ установленнымъ, правиламъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, сходны были съ порядками, господствовавшими при дворѣ. *Olim quod receptum est apud Romanos*—говоритъ Моммзенъ—*non promiscue provinciales admittendos (sive ad praesides complexu scilicet et osculo salutandos et, quod cum ea re coniunctum fuit, ad introductionem in cubiculum eorum concessumque, id postea quoque mansisse constitutiones plures testantur. Quomodo autem quarto saeculo res administrata sit, ordo salutationis Thamugadi repertus clara luce illustrat.* (Th. Mommsen, вь *Ephemeris epigraphica*, vol. V, p. 629 слѣд., гдѣ знаменитый романистъ приводитъ и объясняетъ *ordo salutationis* изъ временъ Юліана, изданный правителемъ Нумидіи для всеобщаго свѣдѣнія. Здѣсь же Моммзенъ приводитъ и нѣкоторые законы изъ *Cod. Theodos.*, въ которыхъ говорится о порядкѣ допущенія разныхъ лицъ къ приѣмамъ у правителей провинцій).

Хотя изъ временъ Римской имперіи до насъ не дошли подробныя церемоніалы приемовъ у императоровъ, тѣмъ не менѣе указанія римскихъ писателей и довольно многочисленныя и ясныя законодательныя акты несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что такіе церемоніалы и правила, выработанныя практикою, существовали и составляли существенную и важную часть придворнаго этикета ¹⁾. Изъ этихъ указаній римскихъ писателей и законодательныхъ актовъ мы узнаемъ, что *salutatio*, поздравленіе, привѣтствіе императора уже во времена Римской имперіи постепенно превратились въ *adoratio*, *προσκύνησις*, поклоненіе императорамъ, и происходило въ строго опредѣленномъ порядкѣ, по извѣстнымъ правиламъ, согласно утвержденнымъ высшею властью церемоніаламъ, разнообразившимся и видоизмѣнявшимся сообразно съ характеромъ приѣма.

Эти церемоніалы и правила, сохраняя главныя и существенныя черты, измѣнялись въ частностяхъ и подробностяхъ съ теченіемъ времени вслѣдствіе измѣненій мѣста и состава лицъ, принимавшихъ участіе въ томъ или другомъ обрядѣ приѣма и выхода. Дѣло въ томъ, что какъ мѣста императорскихъ резиденцій, такъ и устройство парадныхъ палатъ въ одномъ и томъ же дворцѣ съ теченіемъ времени мѣнялись, а вмѣстѣ съ этимъ измѣнялись и подробности приѣма императорами лицъ, являющихся къ нему. Точно также измѣнялись штаты, названія, функціи и взаимныя отношенія придворныхъ чиновъ и служителей. Сообразно съ этими церемоніалами происходили постепенно и измѣненія въ подробностяхъ того или другаго церемоніала. Нагляднымъ примѣромъ такихъ измѣненій въ церемоніалахъ могутъ служить церемоніалы разныхъ придворныхъ торжествъ и дѣйствій, сохранившіеся въ сборникѣ церемоніаловъ или обрядовъ, составленномъ Константиномъ Багрянороднымъ и дополненнымъ заимствованіями изъ другихъ подобныхъ сборниковъ, существовавшихъ прежде, за два, за три вѣка до Константина Багрянороднаго. Такъ, обряды приемовъ пословъ, относящіеся ко временамъ Юстиніана Великаго и составленные Петромъ

---

¹⁾ На существованіе строго опредѣленнаго и въ деталяхъ установленнаго законодательнымъ порядкомъ церемоніала приемовъ въ императорскомъ дворцѣ указываютъ довольно многочисленныя мѣста императорскихъ конституцій, въ которыхъ говорится о правахъ разныхъ чиновныхъ особъ на извѣстное мѣсто при приѣмахъ и поклоненіи (*adoratio*) императорамъ. Значительное количество такихъ указаній собрано Годофредомъ въ комментаріи къ *Codex Theodosian.* Lib. VI, tit. VIII de *praepositis sacri cubiculi*, изд. Rittera, tom. II, p. 82 sequi. Изъ этихъ мѣстъ въ то же время ясно видно, что *salutatio principis* за долго до изданія *Cod. Theodos.*, т. е. до начала V вѣка по Р. X., превратилось въ *adoratio principis*, такъ что самое *salutatio*, когда рѣчь идетъ о приѣмахъ у императоровъ, понимается въ смыслѣ *adoratio* и употребляется какъ синонимъ этого послѣдняго. *Certo ordine salutatores, говоритъ Godofredus, per admissionales ad principem adorandum admittebantur, dignitatis cuiusque et praerogativae ratione habita... Adoratio principis nil aliud erat, quam salutatio principis genu flexo* (Godofr. l. c. p. 82).

Магистромъ ¹⁾, значительно отличаются отъ подобныхъ же обрядовъ временъ Константина Багрянороднаго. Обряды восшествия на престолъ и коронаціи императоровъ, помѣщенные въ концѣ 1-й книги Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, представляютъ цѣлый рядъ постепенныхъ измѣненій въ подробностяхъ сравнительно съ установившимся въ IX—X вв. обрядомъ коронаціи царя, помѣщенномъ въ той же 1-й книгѣ ²⁾. Еще большая разница въ обрядахъ приемовъ и выходахъ произошла впоследствии, благодаря разнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Когда цари византійскіе, послѣ латинскаго плѣненія, возвратились въ городъ Константина и стали жить во Влахернскомъ дворцѣ, при значительно измѣнившемся составѣ придворныхъ чиновъ, то естественно произошли большія измѣненія въ обрядахъ. Эти измѣненія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и ростѣ привели къ тому, что большая часть обрядовъ конца Византійской Имперіи весьма сильно, особенно въ деталяхъ, стала отличаться отъ обрядовъ IX—X вв. и между обрядами, изложенными въ сочиненіи Кодина *de officiis*, и обрядами, собранными Константиномъ Багрянороднымъ, гораздо болѣе разницы, нежели между обрядами временъ этого Константина и обрядами временъ Юстиніана ³⁾. Обряды IX—X вв. заключаютъ еще въ себѣ такъ много римскаго, что во многихъ случаяхъ могутъ служить для разъясненія чисто римскихъ обрядовъ и обычаевъ.

¹⁾ Обряды, составленные Петромъ Магистромъ, приложены къ I книгѣ Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго и начинаются съ 84-й главы (стр. 386 Воньскаго изданія). Хотя обряды эти написаны на греческомъ языкѣ, но они носятъ очевидные слѣды передѣлки съ обрядовъ, составленныхъ на латинскомъ языкѣ, и даютъ понятіе о тѣхъ церемоніалахъ, которые были въ употребленіи въ эпоху позднѣйшихъ римскихъ императоровъ, начиная, если не съ Диоклетіана, то съ Константина Великаго, конечно *mutatis mutandis*. Во всякомъ случаѣ обряды Петра Магистра, на мой взглядъ, для иллюстраціи придворныхъ обычаевъ послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ *ordo salutacionis*, найденный въ Тамугадѣ, для приемовъ у правителей провинцій, приемы которыхъ представляли, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе слабое отраженіе придворныхъ порядковъ. Потому обряды Петра Магистра, въ которыхъ заключается много драгоценныхъ данныхъ не только для римскаго церемоніала, но и для исторіи римскаго чиновничества, заслуживаютъ не меньшаго вниманія, чѣмъ эдиктъ нумидійскаго правителя, который Моммзенъ (*Erphem. Epigr.*, V, p. 633) считаетъ *suo genere unicum et inter antiquitatis reliquias sui tantum simile*.

²⁾ Обряды восшествия на престолъ и коронаціи, принадлежащія, вѣроятно, тому же Петру Магистру, начинаются Львомъ Великимъ (457 г.) и кончаются провозглашеніемъ Юстиніана Великаго (*Сегим. I, cap. 91—95, pag. 411—433*). Къ этому сборнику старыхъ обрядовъ впоследствии прибавленъ обрядъ восшествия на престолъ Никифора Фоки (*ibid.* p. 433—440).

³⁾ Между тѣмъ обряды, изложенные въ трудѣ Кодина, ставятся часто на одну доску съ обрядами Константина Багрянороднаго, а это приводитъ къ непримиримымъ противорѣчіямъ, изъ которыхъ нѣтъ другаго выхода, кромѣ различія во времени. Византійская имперія, какъ и всякое другое государство, въ теченіе своего тысячелѣтняго существованія, подвергалась постояннымъ измѣненіямъ, которыя необходимо принимать во вниманіе при разсмотрѣніи всѣхъ явленій византійской исторіи и археологіи.

Смѣшеніе всѣхъ византійскихъ эпохъ въ одну общую эпоху и относительно обрядовъ приводитъ къ недоразумѣніямъ и путаницѣ, какъ и относительно многихъ другихъ вопросовъ византійской археологіи. Потому при разсмотрѣніи тѣхъ или другихъ обрядовъ и обычаевъ всегда необходимо имѣть въ виду время, къ которому они относятся. Въ основаніи нижеслѣдующаго очерка ежедневныхъ и воскресныхъ пріемовъ и выходовъ будутъ положены обряды Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, въ которыхъ идетъ рѣчь о ежедневныхъ и воскресныхъ пріемахъ. Я разумѣю, главнымъ образомъ, 1-ю и 2-ю главу II книги Придворнаго Устава, которыя разъясняются и дополняются случайными намеками и указаніями другихъ обрядовъ. А такъ какъ обряды эти принадлежатъ времени, если не самого Константина, то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе близкому къ нему, то, не рискуя сдѣлать большой ошибки, можно сказать, что ежедневные пріемы, согласно съ этими обрядами, происходили въ IX—XI вѣкахъ ¹⁾. Болѣе важныя и существенныя черты этихъ пріемовъ, безъ сомнѣнія, восходятъ къ гораздо болѣе давнему времени, но какія именно подробности обряда слѣдуетъ относить къ тому или другому времени, сказать, за нѣкоторыми исключеніями, пока трудно, по неимѣнію или недостаточной разработкѣ данныхъ ²⁾. Потому чѣмъ тѣснѣе будетъ періодъ времени, къ которому мы отнесемъ обрядъ съ его подробностями, тѣмъ ближе мы будемъ къ истинѣ.

¹⁾ Если мы возьмемъ эти три вѣка, въ теченіе которыхъ началось и продолжалось господство Македонской династіи, такъ много содѣйствовавшей не только возстановленію величія Византійской имперіи, но возобновившей и развившей чисто византійскую обрядность, то этимъ самымъ мы сдѣлаемъ уже значительную уступку прославленному византійскому консерватизму и застою. Три вѣка—такой періодъ времени, въ который въ самыхъ консервативныхъ государствахъ происходятъ существенныя и важныя перемѣны и который потому можно считать скорѣе слишкомъ большимъ, чѣмъ слишкомъ малымъ для того или другаго придворнаго обычая или обряда, если его взять со всею обстановкою и дѣйствующими лицами.

²⁾ Эти данныя, за неимѣніемъ прямыхъ указаній на время того или другаго обряда, заключаются часто въ указанія на мѣсто дѣйствія и лица, принимающія участие въ томъ или другомъ обрядѣ. Такъ, если мы сравним нѣкоторые обряды временъ Юстиніана съ обрядами X-го вѣка, а эти послѣдніе съ обрядами конца Византійской имперіи, то мы увидимъ, что главную роль въ нихъ играютъ разные церемоніальные чины. При Юстиніанѣ первенствующую роль въ торжественныхъ обрядахъ играетъ *magister officiorum*, въ IX в.—*praepositus sacri cubiculi*, а въ концѣ имперіи и та и другая должность являются въ видѣ простаго титула, безъ всякихъ функций. Такая смѣна должностныхъ лицъ и замѣна однихъ другими происходитъ постоянно, причемъ прежнія должности или превращаются въ чинъ, или вовсе исчезаютъ, а на ихъ мѣсто выступаютъ или прежде подчиненныя имъ должностныя лица, или являются новыя должности. Когда будетъ болѣе или менѣе точно установлена исторія каждаго важнаго чина въ Византійской имперіи, тогда можно будетъ съ большою точностью опредѣлять и время разныхъ деталей того или другаго обряда, а пока приходится довольствоваться болѣе общими и широкими опредѣленіями времени тѣхъ обрядовъ, которые не имѣютъ опредѣленной даты,

Въ IX—XI вв. ежедневные и воскресные приемы происходили обыкновенно въ ближайшей къ покоямъ царей (*κασῶνες*) тронной залѣ, т. е. Хрисотриклинѣ или Золотой Палатѣ. Но относительно царя Теофила известно, что онъ такъ любилъ построенную имъ залу Триконха, что тамъ производилъ ежедневные приемы и рѣшалъ государственные дѣла. Послѣ Теофила, какъ и до него, ежедневные приемы опять стали происходить въ Золотой Палатѣ и потому въ обрядахъ ежедневныхъ и воскресныхъ приемовъ описывается Золотая Палата, а не палата Триконха ¹⁾.

Такъ какъ царскій или Большой Дворецъ въ тѣсномъ смыслѣ былъ обыкновенно запертъ ²⁾ и входы въ него охранялись придворною стражею, то для впуска чиновъ въ обыкновенные дни прежде всего, понятно, слѣдовало открыть входы въ залы, которыя вели къ Хрисотриклину и въ которыхъ до приглашенія къ царю собирались сановники и чиновники, т. е. Лаввiakъ, Юстинианову Палату и Скилы. Для утренняго приема, который происходилъ въ тѣ же часы, въ какіе патроны принимали клиентовъ, а римскіе императоры своихъ „друзей“ и сановниковъ, входы, ведущіе къ Хрисотриклину отпирались въ 1 часу дня, т. е. 7-мъ утра, прямо послѣ заутрени, которая оканчивалась на разсвѣтѣ, до наступленія дня, въ ночные часы, въ концѣ 6-го часа утра по нашему счету ³⁾.

¹⁾ О Золотой Палатѣ см. *Byzantina* кн. I, стр. 10 слѣд. Относительно Триконха см. тамъ же, стр. 89 слѣд.; ср. 37 прим. 2, гдѣ приведено извѣстіе о ежедневныхъ приемахъ въ Триконхѣ при Теофилѣ.

²⁾ Кромѣ прямаго и точнаго показанія относительно ежедневнаго запиранія и отпиранія дворца, которое находится въ обрядѣ ежедневныхъ приемовъ (*Сег.* II, 1, 518, 522), кромѣ указаній многихъ другихъ обрядовъ (напр. I, 1, 6; I, 10, 72; I, 15, 96; I, 19, 114 (вечеромъ); I, 22, 125 (ночью); I, 31, 170 (вечеромъ); I, 32, 171; ср. приложение къ 1 кн. моихъ *Byzantina* стр. 148 слѣд.), о ежедневномъ запираніи и отпираніи Большаго Дворца говорятъ по разнымъ случаямъ и другіе писатели. Лютпрандъ, восхваляя Дворецъ, между прочимъ говоритъ: *Constantinopolitanum palatium non pulchritudine solum, verum etiam fortitudine omnibus, quas unquam viderim, munitionibus praestat, quod etiam iugi militum stipatione non minima observatur. Moris itaque est hoc post matutinum diliculum mox omnibus patere; post tertiam vero diei horam, emissis omnibus, dato signo, quod est Mis, usque ad horam nonam cunctis aditum prohibere* (*Pertz, Monumenta, V, p. 332—333, Antapod. Lib. V, c. 21*).

Какъ мы увидимъ ниже изъ обрядовъ праздничныхъ выходовъ, запирались разныя дворцовыя зданія, а площадки предъ ними и нортки были открыты, такъ что чиновъ, въ ожиданіи открытія Священнаго Дворца, собирались тамъ и дожидались открытія тѣхъ частей этого Дворца, въ которомъ чинамъ нужно было собираться для участія въ томъ или другомъ обрядѣ.

³⁾ Дворецъ отпирался *μετὰ τὴν τοῦ ἡθέρου ἀπόλασιν*, послѣ отпуска, по окончаніи утрени, которая по уставу св. Саввы должна кончатся еще до свѣта, *ἔτι σκοτίας ὄσης*. *Du Cange Glossar. Gr. s. v. ἡθέρου*.

Имѣло-ли окончаніе утрени съ началомъ приема какую-нибудь причинную связь, или приемъ совершался въ эти именно часы по традиціи, унаслѣдованной отъ римлянъ, сказать не берусь. Но весьма возможно, что, кромѣ традиціи римской языческой, на открытіе дворца именно послѣ окончанія утрени имѣло вліяніе благочестіе христіанскихъ ви-

Отпирание, запираание и охрана дверей, ведущихъ во внутренніе покои царя, лежало на обязанности дворцоваго главнаго ключаря, великаго папія, съ подчиненными ему очередными недѣльными діетаріями, при участіи начальника дворцовой внутренней стражи, великаго этеріарха, съ начальниками и очередными недѣльщиками этеріи, которые охраняли ночью покой царя и всю ночь находились въ ближайшихъ къ нимъ внутреннихъ помѣщеніяхъ ¹⁾.

Прежде всего открывалась слононая дверь, ведшая посредствомъ двухъ витыхъ лѣстницъ къ гладкой двери Лавзіака ²⁾, для впуска помощниковъ (*οἱ παρεξδομάρτοι*) очередныхъ недѣльщиковъ этеріи. Войдя въ слоновою дверь, впущенные для дневной службы въ дворецъ этеріоты поднимались вмѣстѣ съ отпиравшими слоновою дверь по витой лѣстницѣ, потомъ по такой же витой лѣстницѣ (*διὰ τοῦ κολλίου*) спускались къ гладкой двери Лавзіака и входили въ Лавзіакъ ³⁾. По открытіи этой служебной двери и впускѣ этеріотовъ, великій этеріархъ и великій папія, бывшіе до сихъ поръ въ обычномъ, домашнемъ одѣяніи, облачались въ служебное верхнее одѣяніе, скарамангій ⁴⁾, и, вмѣстѣ съ недѣльными діетаріями

зантійскихъ императоровъ и сановниковъ ихъ, если не каждый день, то часто ходившихъ къ утрени, а затѣмъ, по окончаніи приѣма, къ литургіи даже и въ обыкновенные дни. Наши благочестивые цари, въ до-петровскій періодъ по крайней мѣрѣ, обыкновенно каждый день ходили къ утрени, а затѣмъ, послѣ приѣма бояръ и просителей, шли къ обѣднѣ (Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей, 2-е изд., стр. 315 слѣд.). Что въ праздничные дни также поступали византійскіе цари, не подлежитъ сомнѣнію, но ходили-ли къ утрени и обѣднѣ ежедневно, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ утренніе часы приѣма, приходившіеся между утренею и обѣднею, позволяли въ большинствѣ случаевъ быть у той и другой службы и благочестивые цари и сановники, вѣроятно, часто, если не каждый день, слушали всѣ три обычныхъ службы: утреню, обѣдню и вечерню, какъ наши цари съ своимъ синклитомъ. Относительно утреннихъ ежедневныхъ выходовъ послѣ утрени, ср. обрядъ 1 августа (II, 8, 549), гдѣ сказано, что *μετὰ τὴν τοῦ ὁρθρου ἀπόλοσιν παρίσταται ἄπας ὁ βασιλεὺς κληρὸς ψάλλον τὰ συνήθη σταυρώσιμα, καὶ ὅτε κελεύουσιν οἱ θεσπότες, εἰσέρχονται καὶ ἀσπάζονται αὐτὸν καὶ ἀπερχόμενα: καθέζονται ἐπὶ τοῦ Χρισοτρικλίνου εἰς τὴν συνήθη καὶ καθημερινὴν προέλευσιν* т. е. «по окончаніи утрени, присутствуетъ весь царскій клиръ (придворное духовенство) и постъ обычныхъ пѣсни св. кресту. Владыки (цари), когда имъ бываетъ угодно, входятъ (въ церковь), прикладываются (ко кресту) и, выйдя, садятся въ Хрисотриклинѣ для обычнаго ежедневнаго приѣма».

¹⁾ О папіи, діетаріяхъ и евдомаріяхъ см. приложение къ Обзору главн. частей Большаго Дворца, Византина, кн. I стр. 155—160.

²⁾ О слононой двери и главной двери Лавзіака см. Обзоръ главн. част. Больш. Дворца, стр. 49.

³⁾ О Лавзіакѣ, Орологіи и Хрисотриклинѣ см. *ibid.* стр. 46 слѣд. и 44 слѣд.

⁴⁾ Слово «скарамангій» (*σκαρμαγγίον*) принадлежитъ къ числу такихъ, которые употребляются весьма часто, но значеніе которыхъ остается все-таки очень темнымъ. Оставляя подробное разсмотрѣніе случаевъ употребленія этого слова до другаго раза и не входя въ критику разныхъ мнѣній объ отличительныхъ чертахъ одежды, обозначаемой этимъ словомъ, я здѣсь замѣчу только, что словомъ *σκαρμαγγίον*, являющимся въ Обрядахъ Константины Багрянороднаго чуть-ли не на каждой страницѣ, обозначается верхняя

пройдя через Золотую Палату, входили въ портикъ этой палаты, Орологій, и отпирали дверь, ведшую изъ Орологія въ Лавзіакъ.

Съ открытіемъ двери изъ Орологія въ Лавзіакъ, такимъ образомъ можно было изъ вѣшнихъ частей Большаго Дворца дойти черезъ слоновую дверь до Хрисотриклина и покоевъ царскихъ. Но это былъ служебный, а не парадный ходъ. Парадный ходъ, черезъ который входили обыкновенно чины, велъ изъ Лавзіака въ Юстиніанову Палату, а изъ нея черезъ Скилы въ Инподромъ. Чтобы открыть чиновникамъ и сановникамъ доступъ къ Хрисотриклину черезъ парадный ходъ, великій папѣ и етеріархъ, сопровождаемые маглавитами, діатаріями Большаго Дворца и помощниками недѣльныхъ етеріотовъ, отпирали двери, ведшія изъ Лавзіака въ Юстиніанъ, изъ Юстиніана въ Скилы и, наконецъ, двери, ведшія изъ Скилъ въ

служебная одежда, по своему официальному значенію занимающая у высшихъ чиновъ средину между домашней и парадной и, слѣдовательно, болѣе или менѣе соответствующая нашему вицмундиру. Такъ какъ сверхъ скарамангіи надѣвается плащъ (*σαγίον*), то можно думать, что скарамангіемъ царя и чиновъ въ X в. называлась верхняя официальная одежда, по своему покрою болѣе похожая на тунику, нежели на плащъ или хламиду.

Кромѣ случаевъ употребленія скарамангіи, которые мы встрѣтимъ далѣе, въ пользу этого говорятъ и другіе факты. Когда царю предстоялъ *выздѣ*, онъ обыкновенно облачался въ скарамангію. Такъ, предъ *выздѣмъ* верхомъ на лошади въ болѣе или менѣе отдаленные городскіе и пригородные храмы, царь всегда облачается въ скарамангію, а въ храмѣ, по приѣздѣ туда, переоблачается въ полную парадную форму: дивитисій (далматика) и хламиду. По окончаніи литургіи, царь обыкновенно снимаетъ дивитисій и хламиду и для ѣзды на лошади облачается опять въ скарамангію или коловій. Потому и при торжественныхъ въѣздахъ царей въ Константинополь, они иногда ѣхали въ скарамангіяхъ, а недалеко отъ св. Софіи, на форумѣ Константина, облачались въ дивитисій и хламиду и оттуда уже шли пѣшкомъ. (О въѣздахъ царей въ городскіе и загородные храмы ср. I, 38, 188—191; ср. I, 1, 31; I, 17, 99—101; I, 18, 109; I, 30, 167; II, 13, 557; ср. въѣздъ Никифора Фоки I, 96, 138—139). Принимая во вниманіе, а) что царь во всѣхъ этихъ случаяхъ надѣвалъ на скарамангію мечъ, который на хламиду или плащъ надѣваться не могъ, б) что вмѣсто скарамангіи въ подобныхъ случаяхъ иногда надѣвался коловій (см. ниже, стр. 26), и в) что въ парадномъ облаченіи скарамангію соответствуетъ дивитисій (родъ стихаря), можно, кажется, думать, что скарамангіемъ въ X в. назывался широкій верхній хитонъ или туника. Эта туника надѣвалась на несодное и домашнее платье и дѣлалась, по всей вѣроятности, не изъ тѣхъ матерій, изъ которыхъ готовилось домашнее платье, а изъ особой, болѣе цѣнной, а у царей и высшихъ чиновъ изъ расшитой золотомъ и шелками шелковой или бархатной, какъ и другія одежды для служебныхъ и парадныхъ облаченій.

Кромѣ такого значенія, слово скарамангію употреблялось для обозначенія верхней одежды, верхняго покрова вообще и даже особой ткани, въ какомъ смыслѣ это слово объясняется въ Gloss. Дюканжа. Ср. Reiske, Comment. ad Cerim. p. 459, который, посвятивъ вопросу о скарамангіи довольно длинное разсужденіе, не приходитъ однакожъ ни къ какому опредѣленному выводу и во всякомъ случаѣ неправильно считаетъ за скарамангію верхнюю одежду трехъ сановниковъ изъ четырехъ, стоящихъ съ двухъ сторонъ Никифора Вотаніата на рисункѣ, изданномъ Монфокономъ въ Bibliotheca Co'stantiniana. Это не скарамангіи, а безъ всякаго сомнѣнія застегнутыя фибулою хламиды съ нашивками патрикисвъ (*σαβλίαι*).

Ипподромъ, при чемъ въ Скилахъ, вестибулѣ Юстиніановой Палаты ¹⁾, оставляли въ качествѣ стражи недѣльныхъ этеріотовъ средней этеріи, между тѣмъ какъ очередные недѣльные этеріоты великой этеріи располагались близъ Портняжной (ἐπὶ τοῦ Ῥαφεῖου). Открывши такимъ образомъ всѣ двери палатъ, ведшихъ отъ Ипподрома къ Золотой Палатѣ, папія и этеріархъ съ діатаріями возвращались назадъ и этеріархъ располагался въ Лавзіакѣ, возлѣ двери, ведшей въ Цоварскую или Кухню (τὸ Μαγειρεῖον), а папія входилъ въ Золотую Палату и клалъ ключи за завѣсу лѣвой западной камары на стоявшую тамъ скамью.

Послѣ этого два діатарія съ маглавитомъ, взявши, вѣроятно у папіи, ключи отъ Асикритій и двери, ведшей изъ Лавзіака на Идикъ, отправлялись отпирать ведшія туда двери ²⁾, чтобы такимъ образомъ открыть путь къ Хрисотриклину изъ Асикритій и переходовъ Триконха со всѣми тѣми помѣщеніями и ходами, въ которые можно было пройти изъ переходовъ Триконха, т. е. всѣ залы и ходы, лежавшіе на западъ и сѣверо-западъ отъ Хрисотриклина и ведшіе къ каоисемъ Ипподрома (черезъ Дворецъ Дафны) и площади между св. Софіею и Большимъ Дворцомъ, такъ-называемому Августеону [черезъ Шеолы и Халку и черезъ діаватики Господа и Магнавру ³⁾].

Въ то же время очередные недѣльные китониты шли въ Царскую Ризницу ⁴⁾ и, взявши тамъ царскій скарамангій, въ который онъ долженъ

---

¹⁾ Объ Юстиніановой Палатѣ или просто Юстиніанѣ и Скилахъ, изъ которыхъ вела дверь на Ипподромъ, см. кн. I моихъ Византина, стр. 54 слѣд. Относительно *Μαγειρεῖον* см. тамъ же, стр. 51 слѣд. Что же касается до Портняжной мастерской (τὸ Ῥαφεῖον), то положеніе ея опредѣлить трудно. Принимая во вниманіе, что этеріоты великой этеріи, послѣ отпирания Скилъ, вмѣстѣ съ этеріархомъ и папіею *возвращаются* и этеріархъ садится въ Лавзіакѣ у дверей въ кухню, можно думать, что они, какъ и начальникъ ихъ, возвращаются въ Лавзіакъ и, слѣд., τὸ Ῥαφεῖον находился гдѣ нибудь близъ Лавзіака, откуда, быть можетъ, вела туда дверь, какъ и въ кухню.

²⁾ Замѣчательно, что какъ папія отпирала двери не одинъ съ своими подчиненными, а съ этеріархомъ и этеріотами, такъ и подчиненный папіи діатарій отпирала двери съ маглавитомъ: отпираніе дверей происходитъ, такимъ образомъ, подъ контролемъ внутренней военной стражи и ея начальниковъ. Ключи отъ Идика діатарій бралъ, вѣроятно, у папіи, который завѣдывалъ вообще ключами отъ дворцовыхъ дверей, но не всѣ двери отпиралъ самолично.

³⁾ Относительно Идика и ведущаго чрезъ него пути къ діаватикамъ Триконха и далѣе по разнымъ направленіямъ см. мой Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, Византина, кн. I стр. 47 слѣд.

⁴⁾ Хотя храмъ св. Θεодора, помѣщавшійся въ сѣверо-восточномъ углу Хрисотриклина, съ камарою предъ нимъ, служилъ, какъ мы видѣли (Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 29 слѣд.), ризницею для царскихъ парадныхъ облаченій, но здѣсь, вѣроятно, разумѣется не храмъ св. Θεодора, а особая царская Ризница (Βεστιαρίον), въ которой хранились какъ разныя царскія одежды, такъ и много другихъ принадлежностей гардероба, матерій и масса другихъ драгоценныхъ предметовъ. Главная ризница (Βε-

былъ облачиться предъ выходомъ изъ своего покоя въ Золотую Палату, относили этотъ скарамангій въ южную камару Золотой Палаты и клали здѣсь предъ серебряными дверьми, ведшими изъ этой камары въ покой царя на стоявшую здѣсь скамью, чтобы въ концѣ 1-го часа дня (7-го утра) внести его въ покой и облачить въ него царя.

До наступленія этого момента, по открытіи параднаго хода въ собственный Его Величества дворець, собирались и входили между тѣмъ сановники и чиновники, желавшіе и имѣвшіе надобность явиться и представиться царю, или могущіе быть вызванными и приглашенными царемъ по какому нибудь дѣлу или вопросу, относящемуся къ ихъ компетенціи, слѣдовательно, весьма значительное количество, если не всѣ болѣе или менѣе значительные и завѣдующіе отдѣльными частями военные и гражданскіе чины, находившіеся въ Константинополѣ ¹⁾.

Предъ входомъ во Дворецъ, до его открытія, сановники и чиновники въ простые и воскресные дни собирались обыкновенно въ Ипподромъ, если не было особаго распоряженія собираться въ другомъ мѣстѣ для

стіарій) находилась вблизи Христотрикліна и построена была Василиемъ Македоняниномъ вмѣстѣ съ другими постройками на востокъ отъ Фара, слѣд., вблизи фіалы Венецовъ, передѣланной Василиемъ въ баню, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Константинъ Вагрянородный въ біографіи своего дѣда (Theoph. Continuât., de Bas. Maced., p. 336, ed. Bonn). О разнообразіи и количествѣ хранившихся въ этомъ Вестіаріи предметовъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по дошедшимъ до насъ перечнямъ того, что бралось изъ «собственного царскаго Вестіарія» для царскихъ походовъ (Arrend. ad libr. I Serim. p. 466 слѣд.) и для похода на Критъ, бывшаго при Константинѣ Вагрянородномъ и сынѣ его Романѣ II (Сег. II, 45, 672). Вестіарій, построенный Василиемъ, вѣроятно, вмѣсто и въ дополненіе къ прежнему и отличавшійся солидностью постройки и крѣпостью, служилъ, очевидно, складомъ не только разныхъ одеждъ и матерій для нихъ, но и весьма разнообразныхъ военныхъ принадлежностей, изъ чего можно заключить, что зданіе было велико и состояло изъ многочисленныхъ отдѣленій, какъ и самое вѣдомство вестіарія (τὸ σέκρετον τοῦ βασιλικοῦ βεστιαρίου), состоявшее подъ управленіемъ хартуларія вестіарія (ὁ χαρτουλάριος τοῦ βεστιαρίου). Одно изъ отдѣленій этого Вестіарія могло служить складомъ царскихъ ежедневныхъ облаченій, гардеробною царя, откуда брались всѣ царскія одѣянія и въ походы (ἡ βασιλικὴ πᾶσα ἀμφύβρις). Ср. прилож. къ Обзору главн. частей Вольш. Дворца, стр. 176.

¹⁾ Повидимому, чины могли не являться на ежедневныя и праздничныя собранія только по болѣзни или другимъ какимъ нибудь уважительнымъ причинамъ, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ обрядовъ, въ которыхъ даются указанія на то, что присутствіе сановника въ собраніи предполагается само собою. Такъ, при производствѣ помощника димарха (ὁ δευτερεβαν) или помощниковъ городского ипарха, димарха и ипарха розыскиваютъ въ Ипподромѣ или Скилахъ для передачи имъ ихъ помощниковъ. Если же они больны (εἰ δὲ σὺμβῆ ἀσθενεῖν) и не могутъ явиться въ собраніе, то помощниковъ отсылаютъ къ нимъ на домъ съ очереднымъ недѣльнымъ (ἐξδομάρως) силенціаріемъ (I, 56, 272; I, 57, 273). То же самое указано при производствѣ антиграфей (I, 58, 274—275), причемъ замѣчено, что квестора, которому передавался ~~вновь~~ произведенный антиграфей, предварительно розыскиваютъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ могъ или долженъ былъ быть въ данное время для участія въ собраніи чиновъ или для исполненія своихъ обязанностей.

участія въ какомъ нибудь обрядѣ, имѣющемъ происходить или начинаться не въ Большомъ Дворцѣ. На Ипподромѣ, какъ на обычное мѣсто собранія чиновъ до открытія Дворца, указываетъ, кромѣ случайныхъ упоминаній и намековъ въ разныхъ обрядахъ, начало, къ сожалѣнію, не дошедшаго до насъ вполне обряда, въ которомъ излагается ежедневное собраніе въ Ипподромѣ начальниковъ гвардейскихъ отрядовъ ¹⁾. По этому обряду, если гвардейскіе отряды находились въ Константинополѣ, то начальники четырехъ гвардейскихъ отрядовъ ежедневно собирались рано утромъ въ Ипподромѣ ²⁾, причѣмъ главный начальникъ (доместикъ) школь, эскувиторовъ (эскувить) и иканатовъ (иканатъ) входили въ Ипподромъ тамъ, гдѣ обыкновенно входили магистры и патрикіи, т. е. высшіе чины имперіи ³⁾, къ которымъ принадлежали и командиры гвардейскихъ отрядовъ по рангу своихъ должностей, хотя бы по чину они были ниже. Войдя въ Ипподромъ, командиры садились на свои мѣста, предварительно поздоровавшись съ друнгаріемъ виглы, который, какъ начальникъ стражи вокругъ дворца, былъ уже въ Ипподромѣ ⁴⁾. Когда главные начальники

¹⁾ Начало этого обряда составляетъ 16-ю главу II кн. Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго и, начинаясь на 598 стр., кончается на предпоследней строкѣ 599 стр. Вонскаго изданія, а съ последней строки начинается продолженіе главы 18-й. Пропускъ конца 16-й главы, всей 17-й (Ἀναθήρεως Ἐρωμανὸς τοῦ Πορφυρογενήτου υἱὸς Κωνσταντίνου βασιλέως) и начала 18-й (о празднованіи Врумалій) обозначенъ только четырьмя звѣздочками, что, вѣроятно, и было причиною того, что Лабартъ, упуская изъ виду этотъ пропускъ, соединяетъ начало 16-й гл. съ началомъ 18-й, какъ объ этомъ было замѣчено въ Обзорѣ главн. частей Большаго Дворца, стр. 49, прим.

²⁾ Подъ именемъ Ипподрома здѣсь, безъ сомнѣнія, разумѣется не площадь, на которой скакали лошади и бѣгали люди, а одна изъ залъ, назначенная для собранія чиновъ и находившаяся въ какой нибудь постройкѣ, принадлежащей къ Ипподрому, въ родѣ Каоисмы, гдѣ также было нѣсколько залъ (τρίκλιμος).

³⁾ Какъ мѣста въ собраніяхъ, такъ и входы въ разные помѣщенія для разныхъ чиновъ были разные: чины высшіе входили обыкновенно въ среднія большія двери, а чины низшіе—въ боковыя. Потому замѣчанія относительно входа въ тѣ или другія двери мы встрѣтимъ и при изложеніи торжественныхъ шествій царей въ храмъ св. Софіи.

⁴⁾ Четыре гвардейскіе отряда (τάγματα) суть: школы съ доместикомъ школь во главѣ, эскувиты (начальникъ—доместикъ эскувитовъ или просто эскувить), число (ὁ ἀριθμὸς) съ друнгаріемъ числа (II, 52, 718) или виглы во главѣ и иканаты (начальникъ—доместикъ иканатовъ или просто иканатъ). Друнгарій виглы или числа былъ въ то же время начальникомъ стражи вокругъ дворца въ мирное время и вокругъ царской палатки во время похода (Append. ad libr. I Cerimon. p. 452, 474, 481—2, 489—90); потому въ мирное время служебнымъ мѣстопребываніемъ его былъ Ипподромъ, гдѣ помѣщался, такъ сказать, штабъ стражи (τάξις αὐτοῦ Cer. II, 18, 605—6) и гдѣ друнгарій виглы, вѣроятно, находился и ночью. Не считая возможнымъ говорить здѣсь обстоятельнѣе о друнгаріи виглы и другихъ военныхъ чинахъ, фигурирующихъ въ излагаемомъ обрядѣ, замѣчу только, что Reiske (Comment. ad Cerim. p. 36), вѣрно считающій друнгарія виглы за савонника, тождественнаго съ друнгаріемъ числа (τοῦ ἀριθμοῦ), неправильно отождествляетъ τὸν ἀριθμὸν съ ὁ νομμερος. Эти два отряда слѣдуетъ отличать: они имѣли особыхъ начальниковъ съ различнымъ составомъ второстепенныхъ начальниковъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться изъ довольно частыхъ упоминаній того и другаго почти рядомъ, напр. II, 52,

сидѣли уже на своихъ мѣстахъ, къ друнгарію виглы являлись второстепенные начальники и привѣтствовали его. Прежде всѣхъ являлись, входи боковымъ ходомъ, топотирить (намѣстникъ) школь съ первыми и вторыми чинами школь, т. е. съ комитами и domestиками, въ скарамангіяхъ и съ мечами. Войдя, комиты и domestики становились въ одинъ рядъ отъ одной стѣны до другой, а топотирить отдѣльно отъ нихъ, на разстояніи сажени, и, кланяясь друнгарію до колѣнъ, привѣтствовали его, т. е. желали ему добраго дня. Въ отвѣтъ на это друнгарій съ своей стороны привѣтствовалъ ихъ, говоря: „добрый день вамъ, начальники!“ Послѣ этого проксимъ школь (πρόξυμος или προέξυμος)¹⁾ становился посреди собранія и, получивши знакъ отъ domestика школь, самъ давалъ рукою знакъ²⁾ топотириту и другимъ начальникамъ школь выходить, а тѣ опять кланялись вышеуказаннымъ поклономъ, т. е. до колѣнъ, и выходили.

Вслѣдъ за ними входилъ топотирить экскувитовъ съ скривонами и драконаріями, точно также въ скарамангіяхъ и съ мечами. Ставши и поклонившись такимъ же точно образомъ, какъ чины школь, чины экскувитовъ привѣтствовали друнгарія виглы, послѣ чего протомандаторъ экскувитовъ становился по срединѣ собранія, бралъ знакъ у экскувита и дѣлалъ знакъ своимъ сослуживцамъ выходить.

„Послѣ экскувитовъ входилъ топотирить числа съ комитами и кентархами“... На этомъ обрывается дошедшее до насъ начало 16 главы. Продолжать ее, къ сожалѣнію, можно немного: безъ всякаго сомнѣнія начальники числа также привѣтствовали своего главнаго начальника, друнгарія виглы или числа и выходили. Послѣдними входили и привѣтствовали ибанаты³⁾.

713, 718—719, гдѣ перечислены подчиненные имъ чины, принадлежащія къ составу числа и номеровъ. Незнаніе этихъ перечней Филоея или пренебреженіе къ нимъ Шлумбергера было причиною того, что и онъ повторяетъ ошибку Reiske и считаетъ ἀριθμὸν и νομῆρον за одинъ и тотъ же отрядъ (Sigillographie de l'Empire Byzantin, Paris, 1884, p. 355). Если бы г. Шлумбергеръ прогугудировалъ перечни Филоея, то какъ распредѣленіе матеріала и классификація чиновъ, такъ и объясненія его имѣли бы болѣе систематическій и научный характеръ.

¹⁾ Комиты, domestики и проксимъ входили въ составъ начальниковъ отряда школь. Входящіе въ составъ другихъ гвардейскихъ отрядовъ являются дальше. Всѣ они перечисляются въ перечнѣ второстепенныхъ начальниковъ, подчиненныхъ главнымъ начальникамъ (II, 52, 716 слѣд.).

²⁾ Получать знакъ (νεῦμα λαμβάνειν) и давать знакъ (νεῦμα δίδοναι)—выраженія, которыя постоянно встрѣчаются въ обрядахъ. Эти выраженія обозначаютъ, что высшее лицо, царь, препозитъ, начальникъ даетъ низшему (νεῦμα) знакъ киваніемъ головы или движеніемъ руки совершать какое нибудь извѣстное и слѣдующее по порядку дѣйствіе. Низшее лицо, увидавши знакъ, или совершаетъ это дѣйствіе, или само даетъ такой же знакъ другимъ, что пора совершать слѣдующее по порядку извѣстное дѣйствіе.

³⁾ Порядокъ входа начальниковъ 4 гвардейскихъ отрядовъ въ обрядъ указанъ тотъ самый, въ которомъ при перечняхъ чиновъ занимаютъ начальники этихъ отрядовъ: изъ

Что происходило послѣ привѣтствія начальниковъ всѣхъ четырехъ гвардейскихъ отрядовъ, неизвѣстно; но изъ указаній другихъ обрядовъ видно, что и другіе чины обыкновенно собирались, какъ было уже сказано, въ Ипподромѣ, а оттуда уже шли въ Скилы, Юстиніанъ ¹⁾ и далѣе

нихъ выше всѣхъ былъ и раньше всѣхъ упоминается начальникъ (доместикъ) школъ (въ перечнѣ высшихъ сановниковъ занимаетъ 5-е мѣсто), за нимъ, послѣ нѣкоторыхъ стратиговъ, слѣдуетъ доместикъ экскувитовъ (17-е мѣсто), опять послѣ нѣсколькихъ стратиговъ и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ является другарій виглы (36-е мѣсто), за которымъ скоро слѣдуетъ доместикъ иканатовъ (41-е мѣсто). Сег. II, 52, 713. Ср. 715—718, 727—728, 730—731 и слѣд.

¹⁾ Наканунѣ праздника св. Иліи, вечеромъ около 7 часа, весь синклитъ собирается въ Ипподромъ и по открытіи Дворца, синклитъ входитъ чрезъ Скилы, Юстиніанъ, Лавзіакъ и Хрисотриклинь къ храму пресв. Богородицы Фара (I, 19, 114). Въ недѣлю Вайи всѣ проходятъ во Дворецъ чрезъ Ипподромъ и, по открытіи Дворца, входятъ въ Юстиніанъ (I, 32, 171). Для производства въ патрикіи, весь синклитъ по особой повѣсткѣ препозита, собирается рано съ облаченіями и *облачается въ Ипподромъ*, а оттуда входитъ въ Юстиніанъ порядкомъ и по обряду воскресныхъ собраній (объ этомъ обрядѣ будетъ рѣчь ниже). Изъ Юстиніана чины проходятъ въ Лавзіакъ и въ Орологій, приготовляючися для ввода въ Хрисотриклинь по рангамъ (βῆλα). Сег. I, 47, 236. Въ воскресенье Крестопоклонной недѣли Великаго Поста собираются ночью во Дворецъ и поклоняются св. кресту въ храмѣ пресв. Богородицы Фара, «послѣ чего выходятъ изъ Дворца и сидятъ въ Ипподромѣ». Когда наступитъ время входить во Дворецъ, они входятъ въ большой триклинь собраній, т. е. въ Юстиніанъ, тѣмъ порядкомъ, какой соблюдается при входахъ въ простые дни. Сег. I, 29, 161. Собираясь въ Ипподромѣ и находясь тамъ до входа во Дворецъ, чины въ нѣкоторые праздники, когда царь слушалъ литургію въ дворцовой церкви, слушали литургію въ храмѣ св. Стефана, находившемся въ Ипподромѣ, если царь не приглашалъ всѣхъ или только нѣкоторыхъ, высшихъ сановниковъ слушать литургію вмѣстѣ съ нимъ (Сег. I, 35, 183). Ипподромъ такимъ образомъ является постояннымъ мѣстомъ собранія чиновъ до входа ихъ во Дворецъ, утромъ и вечеромъ, вслѣдствіе чего въ обрядахъ обыкновенно не упоминается, какъ фактъ общезвѣстный, обыденный, о собраніи чиновъ въ Ипподромѣ, а указывается прямо мѣсто собранія ихъ во Дворцѣ для участія въ той или другой церемоніи. Такъ, напр., I, 11, 86; I, 12, 89; I, 14, 91; I, 15, 97; I, 16, 97, говорится прямо, что *εἰσέρχεται ἢ προέρχεται ἐν τῷ Ἰουστινιανῷ* и т. п., безъ упоминанія объ Ипподромѣ. Но эти обычные собранія въ Ипподромѣ не исключали, повидимому, возможности собраній въ извѣстныхъ случаяхъ, но особымъ повѣсткамъ, прямо во Дворцѣ (только не въ священномъ жилищѣ царя, не въ Большомъ Дворцѣ въ тѣсномъ смыслѣ), вблизи мѣстъ, гдѣ должна совершаться или по крайней мѣрѣ начинаться какая нибудь церемонія или процессія. Такъ, для производства кого нибудь въ чинъ магистра, синклитъ, по особой повѣсткѣ, собирается и облачается въ Макронѣ кандидатовъ, а патрикіи въ Индахъ (I, 46, 234), близъ Консисторіи, гдѣ происходило обыкновенно производство въ магистра. Предъ бракосочетаніемъ и коронаціею царицы синклитъ облачался въ Консисторіи (I, 41, 207). Въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли чины собираются въ Апсидѣ (I, 10, 71), въ Преполовенье предъ храмомъ Господа (I, 17, 98). Въ Крестовоздвиженіе собираются въ Синагаріи въ 9 или 10 часу ночи. Въ Рождество и Крещеніе собираются въ Апсидѣ (I, 23, 128; I, 26, 143). Если царь предполагаетъ куда нибудь поѣхать, то чины собираются въ той части Дворца, изъ которой царь выйдетъ для отъѣзда въ ту или другую часть города (II, 13, 557). Хотя и въ этихъ случаяхъ чины могли собираться предварительно въ Ипподромѣ, но утверждать этого навѣрно нельзя, тѣмъ болѣе, что въ виду специальныхъ церемоній ежедневныя собранія иногда отменялись, собственный Дворецъ не опирался и чинамъ предписывалось собираться вблизи мѣста церемоніи (II, 15, 566). Такъ бывало во дни торжественныхъ аудіенцій посламъ или иноземнымъ правителямъ. Такъ какъ вѣншія части Дворца, кромѣ собственнаго богохранимаго жилища царя

въ Лавзіакъ и Орологій или Трипетонъ, хотя и не всѣ, при чемъ сановники, самые высшіе по крайней мѣрѣ, встрѣчались въ разныхъ залахъ особыми церемоніальными чинами. Такъ, президентъ всего синклита (*πρόεδρος*) въ простые дни (*ἐν ταῖς κοιναῖς ἡμέραις*), слѣдовательно, обыкновенно и (за исключеніемъ нѣкоторыхъ дней, когда проедру нужно было, какъ и другимъ чинамъ, фигурировать въ какой нибудь особой церемоніи во Дворцѣ или внѣ его) ежедневно приходилъ въ Ипподромъ и облачался тамъ для ежедневнаго собранія въ скарамангій въ храмѣ св. Стефана. Когда проедръ шелъ туда, его сопровождалъ подчипсанный друнгарію виглы аколуюбъ, а при входѣ встрѣчалъ и привѣтствовалъ друнгарій виглы, собравшіеся уже въ Ипподромѣ магистры, судьи и, вѣроятно, другіе чины. Проедръ, въ свою очередь, отвѣчалъ имъ привѣтствіемъ, подобно друнгарію въ вышеизложенномъ обрядѣ привѣтствія начальниковъ гвардейскихъ отрядовъ. Изъ Ипподрома проедръ шелъ черезъ Скилы въ Юстиніановъ триклинъ, при самомъ входѣ въ который его встрѣчали, кланялись и привѣтствовали сиденціарій и адмиссіоналій, а потомъ чины кувуклія. Когда проедръ доходилъ до середины Юстиніанова триклина, его встрѣчали и привѣтствовали протоспаѳаріи, спаѳаріи, кандидаты и прочіе находившіеся здѣсь чины. Проедръ, выслушавъ ихъ привѣтствія, отвѣчалъ имъ тѣмъ же и шелъ въ Лавзіакъ, гдѣ его встрѣчалъ препозитъ, этеріархъ и другіе высшіе чины синклита, сидѣвшіе въ Лавзіакѣ. Принявъ отъ нихъ привѣтствіе и отвѣтивъ имъ тѣмъ же, проедръ садился въ Лавзіакѣ на скамьѣ, назначенной для высшихъ сановниковъ, и притомъ выше магистровъ и препозитовъ.

Изъ этого интереснаго обряда, помѣщеннаго въ самомъ концѣ I книги Придворнаго Устава ¹⁾ Константина Багрянороднаго, видно: а) что проедръ, какъ одинъ изъ самыхъ высшихъ сановниковъ, приходилъ въ собраніе, когда уже другіе сановники были тамъ; б) что входъ въ парадныя пріемныя залы, по крайней мѣрѣ высшихъ чиновъ, сопровождался церемоніальными встрѣчами и привѣтствіями, строго сообразованными съ чи-

съ прилегающими къ нему залами, не запирались папіею, то въ нихъ могли проходить чины безпрепятственно и сибираться до открытія папіею входовъ въ Большой Дворецъ въ тѣсномъ смыслѣ.

¹⁾ Сег I, 97. 440 Вонн. Обрядъ этотъ принадлежитъ къ числу позднихъ прибавокъ къ I-й книгѣ, во всякомъ случаѣ не ранѣе царствованія царя Никифора Фоки, который, по свидѣтельству Зонары, въ первый разъ далъ этотъ чинъ, не существовавшій прежде, паракимомену Василию. Ὁ Τζμισκῆς τῆς βασιλείας γενόμενος ἐγκρατής... τὸν παρακοιμώμενον Βασίλειον. Ἐν ᾧ Φωκᾷ τετίμηκε πρόεδρος, μήπω πρόην ὄντος τοῦ ἀξιώματος, προσλαβόμενος ὡς ἐντρίβῃ περὶ τῶν κοινῶν πραγμάτων διοίκησιν, αὐτῷ τὴν πᾶσαν οἰκονομίαν ἀνέθετο. Zonaras, Erit. Hist. lib. XVII, c. 1, ed. Dindorf, IV, p. 91. Такъ какъ производство въ проедры впервые совершилось при Никифорѣ Фокѣ, то обрядъ производства въ этотъ чинъ слѣдуетъ за обрядомъ въѣзда въ столицу и коронаціи Никифора Фоки.

номъ и рангомъ должности; с) что въ Юстиніанѣ и Лавзіакѣ для всѣхъ чиновъ, собиравшихся тамъ, были особыя мѣста, для каждаго класса чиновъ свои скамьи, на которыхъ они сидѣли, дожидаясь впуска или приглашенія въ Хрисотриклинь ¹⁾; d) судя по обряду входа проедра, можно думать, что во время ежедневныхъ собраній въ Лавзіакѣ собирались и сидѣли обыкновенно высшіе чины и по своимъ служебнымъ функциямъ стоявшіе ближе къ царю, какъ чины придворныя и такъ называемыя „царскіе“ (*οἱ βασιλικοί*) разныхъ степеней; но указать точно, какіе именно чины гдѣ находились, пока трудно, тѣмъ болѣе, что и въ Юстиніанѣ, и въ Лавзіакѣ мы перѣдко встрѣчаемъ всѣхъ чиновъ ²⁾, а съ другой стороны нѣкоторые даже высшіе чины, какъ друнгарій, нѣкоторые магистры и судьи, во время ежедневныхъ собраній находились не въ Юстиніанѣ и Лавзіакѣ, а въ Ипподромѣ, Ѳермастрѣ, Скилахъ и другихъ мѣстахъ; частью во Дворцѣ, частью около него, такъ что въ случаѣ надобности ихъ можно было скоро найти и сообщить о какомъ нибудь распоряженіи ³⁾. Зато нѣкоторые бли-

¹⁾ Такъ, кромѣ этеріарха, который, какъ мы видѣли раньше, сидѣлъ у двери, ведущей изъ Лавзіака въ кухню, имѣлъ свое опредѣленно мѣсто въ Лавзіакѣ куропалата, за сѣдавшій у двери изъ Юстиніана въ Лавзіакъ на особой скамьѣ (I, 61, 289). Ректоръ во время собраній въ Лавзіакѣ сидитъ вмѣстѣ съ препозитами и садится съ ними здѣсь прямо послѣ производства *ἐν τῇ ἰδίᾳ αὐτοῦ τῆξαι*, т. е. и съ препозитами не гдѣ нибудь, а на своемъ собственномъ мѣстѣ (II, 4, 530). Другіе чины, безъ сомнѣнія, имѣли также свои мѣста въ Лавзіакѣ, Маглавиты, напр., имѣли тамъ свою скамью (II, 1, 520). Въ Юстиніанѣ, когда тамъ происходили собранія всѣхъ или нѣкоторыхъ чиновъ, они размѣщались по особымъ скамьямъ (II, 2, 524; ср. II, 15, 584, 586), какъ можно заключить изъ того, что ипаты имѣли тамъ особыя скамьи, на которыхъ дожидались димархи выхода препозита въ день приѣма въ фіалѣ Триконха (I, 66, 296). Нѣкоторые, впрочемъ, стояли, не имѣя особыхъ скамей (II, 2, 525).

²⁾ Напр., вновь произведеннаго кувикюлярія выводили въ Лавзіакъ, гдѣ его всѣ чины (*πάντες οἱ τῆς συλλήτου*) поздравляли и цѣловали, а особенно кувикюлярій (II, 25, 625). Вновь произведеннаго доместика или стратига логоветъ выводилъ изъ Золотой Палаты въ Триптонъ и передавалъ препозитамъ; первый препозитъ велъ его въ Лавзіакъ и представлялъ всѣмъ, послѣ чего церемоніарій велъ его въ Ипподромъ и тамъ объявлялъ о производствѣ (II, 3, 527). Въ Лавзіакѣ же привѣтствовалъ синклитъ вновь произведеннаго ректора (II, 4, 530). Въ Великую Субботу въ Лавзіакѣ дается *μεταστάσιμον*, т. е. чины приглашаются перейти въ другое мѣсто, въ данномъ случаѣ въ Апсиду (I, 35, 180). Всѣ подобные случаи не опровергаютъ еще однакожъ общаго предположенія о ежедневныхъ собраніяхъ чиновъ въ Лавзіакѣ однихъ, въ Юстиніанѣ другихъ, такъ какъ для вышеуказанныхъ дѣйствій всѣ чины могли собраться въ Лавзіакѣ, т. е. низшіе чины могли перейти въ Лавзіакъ. Точно также, когда бывало собраніе всѣхъ чиновъ въ Юстиніанѣ, то высшіе чины могли для составленія полнаго собранія или возвратиться туда изъ Лавзіака или вовсе туда не входить, оставаясь въ Юстиніанѣ, какъ это было въ воскресные дни, послѣ обѣдни, когда чины приглашались только въ Юстиніанъ для приглашенія къ царскому столу. Ср. II, 2, 524. То же самое бывало въ Крестопоклонное Воскресенье. I, 29, 161. Подобные случаи, какъ спеціальныя, опять-таки не нарушаютъ общаго правила.

³⁾ Такъ, вновь произведеннаго квесторъ отводился препозитомъ въ Скилы и Ѳермастру и тамъ представлялся антиграфеемъ и канцеляріямъ квестуры (I, 54, 269). Точно также вновь произведеннаго антиграфеемъ передаютъ квестору въ Скилахъ, а если его тамъ

жайшіе къ царю сановники, какъ, напримѣръ, препозиты, во время пріемовъ находились въ Орологіи, или Трипетоу, т. е. портикѣ Хрисотриклина, слѣдовательно, предъ самымъ входомъ въ пріемную залу, и могли быть немедленно приглашены къ царю ¹⁾.

Когда такимъ образомъ военные и гражданскіе чины синклита занимали свои мѣста въ разныхъ залахъ Большаго Дворца и въ прилегающихъ къ нему помѣщеніяхъ, и первый часъ дня (=7-й утра) приходилъ къ концу, къ серебрянымъ дверямъ, ведущимъ изъ южной камары Хрисотриклина въ покой (χωρὸν) царя, подходилъ примикирій діатаріевъ и трижды ударялъ въ серебряную дверь. Дверь, по приказанію царя, тотчасъ открывалась и китониты вносили скарамангій, раньше положенный предъ этими дверьми на скамьѣ, въ царскій покой, гдѣ находился царь. Царь облачался въ этотъ скарамангій и выходилъ чрезъ южную камару въ Хрисотриклинъ. Войдя въ залу, царь направлялся къ восточной конхѣ и, войдя въ нее, становился предъ иконою Христа Спасителя, Господа и Бога нашего, находившеюся въ восточной конхѣ, чтобы помолиться и показать свое рабское благоговѣніе предъ Господомъ Богомъ ²⁾.

Помолившись предъ иконою, царь садился на золоченое кресло, стоявшее въ восточной конхѣ направо отъ занимавшаго центральное положеніе трона и, обращаясь къ папѣ, который съ своимъ помощникомъ уже стоялъ противъ царя у правой западной завѣсы возлѣ раздвижной завѣсы, царь говорилъ: „логовета!“ ³⁾. Папѣ тотчасъ выходилъ въ Лав-

не было, то за нимъ посылали и передавали антиграфенъ въ Оермастрѣ, быть можетъ потому, что Скилы уже бывали заперты, когда розыскивали квестора (I, 59, 274). При произведѣніи симпоновъ и логовета, подчиненныхъ инарха, препозитъ посылаетъ дежурнаго сиденціарія въ собраніе въ Ипподромѣ (ἐν τῇ προσλεύσει τοῦ Ἰπποδρόμου) узнать, тамъ-ли находится инархъ. Если онъ оказывается тамъ, то препозитъ отводитъ симпона и логовета въ Скилы и передаетъ тамъ инарху, который, слѣдовательно, приходитъ изъ Ипподрома, гдѣ онъ засѣдалъ во время собранія, въ Скилы. Если инарха въ Ипподромѣ не оказывалось, то его отыскивали чрезъ курьера (ὁ διατρέχων) и симпона передавали въ Оермастрѣ (I, 57, 273). Какъ инархъ, такъ и друнгарій вѣдлы засѣдалъ, повидимому, обыкновенно въ Ипподромѣ, φοιτῶν τὴν ἑαυτοῦ τάξιν (II, 18, 605). Тамъ же сидятъ нѣкоторые магистры и судьи (I, 97, 442).

¹⁾ Вновь произведеннаго domestica или стратига логоветъ передавалъ препозитамъ въ Трипетоу, гдѣ во время пріема они, слѣдовательно, всѣ сидѣли (II, 3, 527).

²⁾ Объ иконѣ Спасителя, восточной конхѣ и южной камарѣ Хрисотриклина см. Обзоръ главн. частей Большаго Дворца, стр. 13 слѣд.

³⁾ Не считая умѣстнымъ излагать здѣсь всѣ собранныя мною данныя о логоветахъ вообще и томъ логоветѣ, который вызывался ежедневно царемъ, и замѣчу только, что здѣсь разумѣется, безъ сомнѣнія, логоветъ дрома, начальникъ государственныхъ почтъ (cursus publicus, ἄρολος; δημόσιος, ὄξος), а не начальникъ Ипподрома, какъ думаетъ Краузъ. Завѣдуя и управляя государственными почтами, логоветъ дрома первый получалъ всѣ свѣдѣнія о состояніи провинцій, о происходившихъ въ нихъ замѣчательныхъ событіяхъ, приготовленіяхъ или нашествіи неприятелей, дѣйствіяхъ стратиговъ, вѣздъ и выѣздъ пословъ иностранныхъ и своихъ и т. п., такъ что логоветъ былъ не только завѣдующимъ

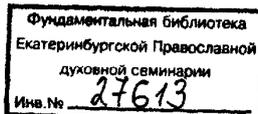
зіакъ, приказывалъ адмиссіоналію сходити въ Асиритін и привести логоета, а самъ садился въ Лавзіакѣ на скамью, назначенную для маглавитовъ, и дожидался возвращенія адмиссіоналія съ логоетомъ.

Адмиссіоналій скоро приводилъ логоета, идя впереди его, и передавалъ папіи, который, вставъ со скамьи маглавитовъ, велъ логоета, предшествуя ему, изъ Лавзіака чрезъ Трипетонъ въ Хрисотриклинъ. Какъ только логоеть, войдя въ западныя двери, становился подъ завѣсу, за которой была зала и далѣе восточная конха, въ которой сидѣлъ царь, логоеть падалъ ницъ, поклоняясь царю, затѣмъ вставалъ и подходилъ къ царю для доклада о важнѣйшихъ событіяхъ въ имперіи, получалъ приказанія и уходилъ исполнять ихъ.

Къ прочимъ ископнымъ обязанностямъ логоета дрома, одного изъ важнѣйшихъ и ближайшихъ къ царю сановниковъ, позднѣе присоединилась еще одна, которая прежде, какъ видно изъ сравнительно раннихъ обрядовъ Придворнаго Устава, обыкновенно исполнялась спеціальными церемональными чинами: препозитами, церемонаріями и т. п.¹⁾ Это—вводъ къ царю лицъ, которыя во время того или другаго ежедневнаго приѣма должны были получить назначеніе на какую нибудь высшую должность. Если царь желалъ кого нибудь назначить местникомъ, стратигомъ

почтами, по министромъ иностранныхъ и частію внутреннихъ дѣлъ. Нѣтъ потому ничего удивительнаго въ томъ, что логоеть ежедневно вызывался для доклада и совѣщанія къ царю о событіяхъ и распоряженіяхъ по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ, а вслѣдствіе такихъ постоянныхъ совѣщаній съ царемъ, логоеть дрома естественно сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ къ царю сановниковъ и однимъ изъ важнѣйшихъ по своему значенію, такъ что византійцы сравнивали логоета дрома съ западно-европейскими канцлерами, называя его *οἰκείος καγκελλάριος*, тѣмъ болѣе, что логоеть скрѣплялъ своею подписью царскіе указы и буллы (Du Salge, Gloss. Gr. s. v. *λογοετης*). Завѣдуя иностранными дѣлами, логоеть былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ при сношеніяхъ съ послами и приѣмахъ какъ пословъ, такъ и знатныхъ иностранцевъ вообще: онъ ихъ вводилъ въ тронную залу, дѣлалъ обычные вопросы, приглашалъ и указывалъ, когда и какъ нужно кланяться, и затѣмъ выводилъ пословъ (Ser. II, 15, 567—9; ср. I, 24, 138; II, 47, 680 слѣд.). Логоеть дрома вводилъ къ царю Константину при торжественномъ приѣмѣ и нашу княгиню св. Ольгу и предлагалъ обычные вопросы; но когда княгиня представлялась царю, то ее вводилъ уже не логоеть, а препозитъ (II, 15, 595—596).

¹⁾ По обрядамъ I книги Придворнаго Устава, не только при производствѣ въ чины, но и при назначеніи кого нибудь на должность, производимаго или назначаемаго вводилъ не логоеть, а препозитъ (I, 45, 229; I, 46, 232 и 235; I, 47, 237; I, 48, 248; I, 50, 257; I, 51, 261; I, 52, 263; I, 54, 268; I, 55, 269; I, 56, 272; I, 57, 273; I, 58, 273) съ церемонаріемъ, синеціаріями и остіаріями. Въ обрядѣ производства въ чины местниковъ и другихъ офиціальцевъ, помѣщенномъ во II книгѣ (гл. 3) и изложенномъ у меня въ текстѣ, вводилъ *назначаемыхъ* логоеть; только относительно ипарха въ концѣ обряда замѣчено, что его вводилъ не логоеть, а препозитъ, какъ въ обрядѣ производства въ ипархи, находящемся въ I книгѣ (гл. 52, стр. 263). Такимъ образомъ очевидно, что во время составленія обряда II книги логоеть исполнялъ часть функцій препозита, который въ X в. вообще началъ уже терять свое прежнее значеніе, благодаря возвышенію и постоянной близости къ царю парадинастевонтовъ.

или главноуправляющимъ какой нибудь гражданской части, то приказывалъ логоѳету, послѣ доклада и совѣщанія по текущимъ государственнымъ дѣламъ, привести то лицо, которое рѣшено было назначить. Логоѳеть приводилъ назначаемаго, который, послѣ обычнаго поклоненія, предшествуемый логоѳетомъ, подходилъ къ царю, выслушивалъ приличное получаемой должности наставленіе и получалъ назначеніе, которое царь выражалъ слѣдующими словами: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа производить тебя мое отъ Бога царство въ доместика богохранимыхъ школь“¹⁾, если производилъ кого нибудь въ доместика или друнгарія. Если же кто нибудь производился въ стратиги или начальники гражданской части, то царь говорилъ: „во имя Господа“ и пр. Послѣ обычнаго поклоненія и цѣлованія ногъ большому царю и малымъ, если таковые были²⁾, вновь назначенный саповникъ выводился логоѳетомъ въ Орологій, т. е. портикъ Хрисотриклина, и передавался препозитамъ, причемъ логоѳеть говорилъ: „наши святые цари, Богомъ руководимые, произвели сего въ доместика школь“. Препозиты славословили царя, а первый изъ нихъ отводилъ назначеннаго въ Лавзіакъ, гдѣ объявлялъ собравшимся тамъ чинамъ о производствѣ тѣми же словами, какъ логоѳеть. Всѣ чины славословили царя за милость и поздравляли назначеннаго, котораго потомъ церемоніарій отводилъ въ Ипподромъ или мѣсто его управленія и при этомъ объявлялъ о производствѣ, какъ и логоѳеть (II, 3, 525—527)³⁾.

Логоѳеть между тѣмъ или возвращался въ свои Аскритіи или, если нужно было, шелъ опять въ Хрисотриклинь къ царю, но ни на этотъ разъ, ни предъ этимъ, когда вводилъ кого нибудь для назначенія на высшую должность, царю, при входѣ въ Хрисотриклинь, не поклонялся,

¹⁾ Сер. II, 3, 526: ἐπὶ ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος προβάλλεται σε ἢ ἐκ Θεοῦ βασιλεία μου δομέστικον τῶν θεοφυλάκτων σχολῶν.

²⁾ Въ обрядѣ сказано: φιλεῖ τὰς πόδας τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ εἶθ' οὕτως τοῦ μικροῦ. Обрядъ, слѣдовательно, написанъ тогда, когда былъ одинъ малый царь. Весьма вѣроятно, что здѣсь подъ именемъ большаго царя разумѣется самъ Константинъ Багрянородный, а подъ именемъ малаго—сынъ его Романъ II, который рано былъ коронованъ отцомъ. Потому обрядъ, составляющій 3-ю главу II книги, можно относить ко времени царствованія Константина и сына его Романа.

³⁾ Предполагая обряды чинопроизводства и назначенія на должности слѣзать предметомъ особаго трактата, я ограничивалось въ изложеніи обряда назначенія офиціаліевъ самыми существенными чертами, такъ какъ въ данномъ случаѣ для насъ важны не детали обряда, а совершеніе такого обряда въ простой день, показывающее, что могло происходить во время ежедневныхъ собраний и выходовъ царя. А что такой или подобный обрядъ могъ происходить въ простой день, это видно ясно изъ замѣчанія въ началѣ обряда, что логоѳеть вводитъ назначаемаго въ скарамангій, въ которомъ, какъ мы уже видѣли и увидимъ еще, чины являлись въ ежедневныя собранія, и что въ парадномъ облаченіи входилъ къ царю назначаемый только въ томъ случаѣ, если день былъ праздничный, когда всѣ являлись въ парадныхъ облаченіяхъ (εἰ δὲ ἐστὶν ἡμέρα ἀλλαξίμων).

такъ какъ правила этикета требовали только однократнаго поклоненія въ теченіе собранія и приема. Потому, „если логовета или какого нибудь другаго саловника или чиновника царь пожелалъ видѣть, то только при входѣ къ царю въ первый разъ онъ падастъ ницъ и поклоняется ¹⁾. Если же онъ будетъ отпущенъ и выйдетъ, но царь снова пожелаетъ видѣть, то при вторичномъ входѣ вновь приглашенный уже не поклоняется царю“ (Сег. II, 1, 520) ²⁾.

¹⁾ Всякій, при входѣ къ царю или при появленіи самого царя, поклонялся царю, падая ницъ на землю, или, какъ говорится у насъ, кланялся въ землю, дѣлалъ земной поклонъ, что называлось *πίπτειν ἐπ' ἔδαφος καὶ προσκυνεῖν*, а самое поклоненіе *προσκύνησις*, *adoratio*, т. е. поклоненіе, какъ божеству или какъ раба своему господину. Reiske (Comm. ad Сег. р. 25), который справедливо видитъ въ ежедневныхъ приемахъ и выходахъ византийскихъ царей продолженіе и видоизмѣненіе древнихъ римскихъ присмовъ у императора и знатныхъ патроновъ, замѣчаетъ: *veterum imperatorum maior potestas, minus invidiosus et remissior erat cultus*, между тѣмъ какъ у византийцевъ *salutationes procerum non iam velut amicorum paullo inferiorum, sed ut cultus a servis debitus et rigide exactus*. Совершенно вѣрно, что въ византийскую эпоху обрядъ поклоненія соблюдался строго, и при дальнѣйшемъ изложеніи обрядовъ мы постоянно будемъ встрѣчать это паданіе на землю при выходѣ царя къ чинамъ или при входѣ чиновъ къ царю, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что этотъ способъ привѣтствованія царя былъ установленъ въ византийскую эпоху византийскими царями. Итъ, въ этомъ случаѣ, какъ и въ массѣ другихъ, мы имѣемъ дѣло только съ продолженіемъ и закрѣпленіемъ римскихъ традицій и обычаевъ. Уже въ первые вѣка Римской Имперіи частію подъ вліяніемъ обоготворенія императоровъ, частію подъ вліяніемъ восточныхъ обычаевъ, упоминаются случаи адораціи императоровъ. Со временемъ этотъ обычай, не смотря на неоднократную его отмѣну болѣе скромными императорами, все болѣе и болѣе укрѣпляется и укореняется, такъ что въ законодательныхъ актахъ IV и V вв. *adoratio*, какъ мы уже видѣли, является обыкновенною формою привѣтствія императоровъ и замѣняетъ *salutatio*. Паданіе ницъ, цѣлованіе рукъ, ногъ, одежды (*purpuras adorare*) было уже въ большомъ ходу давно; его требовали не только римскіе императоры, но и нѣкоторые патроны при приѣмѣ своихъ кліентовъ. Потому обычай адораціи несправедливо было бы приписывать не только византийскимъ императорамъ VII—X вв., но и даже Юстиніану, которому Прокопій въ своемъ памфлетѣ приписываетъ введеніе этого обычая при Константинопольскомъ Дворѣ (Anecd. с. 30, р. 164 Bonn.) для всѣхъ, не исключая даже самыхъ высшихъ чиновъ. (Это мѣсто приведено въ слѣд. примѣч.).

Да и римскихъ императоровъ едва-ли можно винить въ утвержденіи обычая поклоненія: въ этомъ скорѣе виноваты время и сами поклонявшіеся. Если нѣкоторымъ императорамъ первыхъ вѣковъ приходилось запрещать адорацію, то, безъ сомнѣнія, потому, что много было охотниковъ такъ поклоняться и такимъ императорамъ, которые этого вовсе не желали.

²⁾ *Προσκύνησις*, какъ и *adoratio*, означаетъ собственно поклоненіе божеству или, точнѣе говоря, его изображенію, посредствомъ цѣлованія (ср. *κυνεῖν* цѣловать) изображенія или посыланія ему поцѣлуя рукой (воздушный поцѣлуй); но такъ какъ изображенія цѣловали или къ нимъ прикладывались болѣею частію въ колѣнопреклоненномъ положеніи, послѣ поклоненія имъ въ землю, то *προσκύνησις*, какъ и глаголь *προσκυνεῖν* стали означать паданіе предъ кѣмъ нибудь на колѣна, ницъ, земной поклонъ и поклонъ, поклоненіе вообще, соединенное съ поцѣлуемъ или безъ него. Любопытно, что даже христіане, по свидѣтельству Иоанна Златоустаго (Homil. 30, in epistol. 2 ad Corinthios) замѣняли прикладываніе прикосновеніемъ пальцами руки къ поклоняемому предмету и цѣлованіемъ этихъ пальцевъ (*ἢ οὐχὲν ὄρατε, ἕσοι καὶ τὰ πρόθυρα τοῦ ναοῦ τούτου φιλοῦσιν, οἱ μὲν κούφιστες, οἱ δὲ τῇ χειρὶ κατέχοντες, καὶ τῷ στόματι τὴν χεῖρα προσάγοντες*). Цитата Reiske Comment.,

Какъ завѣдующій приѣмомъ пословъ и вводившій ихъ при торжественныхъ аудіенціяхъ, логоѣтъ дрома участвовалъ, безъ сомнѣнія, и при простыхъ, дѣловыхъ приѣмахъ пословъ во время ежедневныхъ выходовъ царя, который въ такихъ случаяхъ садился на кресло, обитое пурпурнаго цвѣта шелкомъ или бархатомъ (σελλίον βλαττόστρωτον), налѣво отъ трона,

р. 107. Въ византійскій періодъ въ придворномъ ритуалѣ выработались и употреблялись три главныя формы (σχήματα προσκυνήσεως) поклоненія или поклона, которыя мы уже встрѣчали: до колѣнъ (μέχρι τῶν γονάτων ποῖειν τὸ σέβας τῆς προσκυνήσεως), въ землю безъ цѣлованія, въ землю съ цѣлованіемъ (ногъ, колѣнъ, рукъ, груди, устъ). Поклонъ до колѣнъ и поклонъ въ землю опредѣлялся частію лицомъ, кому кланяются, частію днемъ, въ который кланяются. Какъ при дворѣ, такъ и въ храмѣ, въ воскресные дни не кланялись въ землю (διὰ τὴν ἀναστασιν, благодаря воскресенью I, 9, 66; I, 29, 161; I, 91, 414; ср. I, 48, 245 и I, 32, 172). Поклоненіе въ землю при царскихъ приѣмахъ картинно описываетъ Прокопій въ вышеуказанномъ мѣстѣ: πάλαι μὲν ἡ σύγκλητος βουλή παρὰ βασιλεῖ ἰδὲσα τρόπῳ τοιούτῳ προσκυνεῖν ἠβούλοντο· πατρίκιος μὲν τις ἀνὴρ παρὰ μαζῶν αὐτοῦ προσεζόνει τὸν δεξιόν, βασιλεὺς δὲ αὐτοῦ καταφιλήσας τὴν κεφαλὴν ἐξήκει, οἱ δὲ λοιποὶ ἅπαντες γόνῳ κλίναντες τὸ θεξιὸν ἀτηλλάσσοντο, βασιλεὺς μὲντοι προσκυνεῖν οὐδαμῇ εἴθιστο. παρὰ δὲ Ἰουστινιανόν τε καὶ Θεοδώρον τὰς εἰσόδους ποιούμενοι οἷτε ἄλλοι ἅπαντες καὶ ὅσοι τὸ πατρίκιον ἀξίωμα εἶχον ἐπιπτον μὲν εἰς τὸ ἔδαφος, εὐθὺς ἐπὶ στόμα, χειρῶν τε καὶ ποδῶν εἰς ἄγαν τεταγμένων, καὶ τῷ χειλεὶ ποδὸς ἐκατέρου ἀψάμενοι ἐξάνισταντο, т. е. «въ прежнія времена чины синклита, являясь къ царю, поклонялись такимъ образомъ: имѣющій чинъ патрикія цѣловалъ царя въ правую сторону груди, а царь цѣловалъ его въ голову и уходилъ, всѣ же прочіе чины преклоняли предъ царемъ правое колѣно и уходили. Поклоняться царицѣ вовсе не было принято. Представлявшіеся же Юстиніану и Θεодорѣ, напротивъ, какъ всѣ прочіе, такъ и имѣвшіе чинъ патрикія, падали наемъ, прямо на лицо, совершенно распростирая при этомъ руки и ноги, и, поцѣловавши въ ногу того и другую, поднимались». По Придворному Уставу Константина Багрянороднаго цѣлованіе ногъ при поклоненіи происходило только въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ, послѣ производства въ чинъ или должность, вновь произведенный падалъ въ ноги и цѣловалъ ихъ, какъ мы уже видѣли въ обрядѣ назначенія оффиціаліевъ; послѣ коронаціи царей, при поздравленіи королеванныхъ цѣловали въ колѣна (I, 38, 193; I, 40, 203; I, 41, 209); тоже при коронаціи кесаря I, 43, 221; но при производствѣ нобилиссима, цари цѣловали въ ноги и колѣна, кесаря въ одно колѣно, а нобилиссима въ руку (I, 44, 228). Обыкновенно же προσκύνησις состояла въ земныхъ поклонахъ, которые потому постоянно упоминаются въ обрядахъ царскихъ выходовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда поклоненія не полагалось или полагался только поклонъ до колѣнъ. Со всѣми подобными случаями мы много разъ встрѣтимся при дальнѣйшемъ изложеніи придворныхъ обрядовъ.

Объ adoratio у римлянъ, кромѣ вышеуказанныхъ уже трудовъ, см. D a r e m b e r g'a и S a g l i o, Dictionnaire des antiquités, s. v. adoratio. К. F. H e r m a n n, Gottdienstliche Alterth. d. Griech. § 21, прим. 16. H e r m a n n приводитъ здѣсь свидѣтельство Цицерова (Verr. II, 4, 43) о томъ, что къ бронзовой статуѣ Иракла въ Агригентѣ такъ много прикладывались, что отъ поцѣлуевъ немного стерты были губы и подбородокъ, а этотъ фактъ напоминаетъ значительно стертый палецъ ноги статуи св. Петра въ храмѣ этого апостола въ Римѣ, въ Ватиканѣ. О поклоненіи у византійцевъ ср. R e i s k e Comment. ad Cerim. p. 25, 107, 418. Отъ обычая цѣловать римскихъ императоровъ и византійскихъ царей въ ногу, безъ сомнѣнія, ведетъ свое начало прикладываніе къ туфлѣ папы, такъ какъ римскіе папы мало-по-малу присвоили всѣ прерогативы царей и окружили себя царскимъ дворомъ и царскимъ этикетомъ. Поклоненіе царю въ ноги у насъ въ до-Петровской Руси, быть можетъ, частію татарскаго происхожденія, а не одного греческаго, какъ думаетъ R e i s k e (Comment. 419), но возможно, впрочемъ, что оно утвердилось и развилось, благодаря греческому вліянію, послѣ приѣзда Софіи Палеологъ.

и облачался въ плащъ, обшитый золотой каймой (*σαχίον χρυσοπερίκλειστον*), а если угодно было царю, то, для большей торжественности, онъ надѣвалъ простую корону, такъ-называемый *бесарикій*, и златотканый плащъ, окаймленный драгоценными камнями и жемчугомъ (II, 1, 521—522). Въ такомъ облаченіи Михаилъ III принималъ въ Хрисотриклинѣ возмущившихся было, по потомъ покорившихся пелопоннесскихъ и македонскихъ славянъ ¹⁾, которые введены были остіаріемъ съ логоостомъ. Михаилъ былъ одѣтъ „въ порфиновый плащъ съ золотой обшивкой, украшенной драгоценными камнями, а на головѣ имѣлъ корону, такъ-называемый *бесарикій* ²⁾, украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями“; но сидѣлъ царь на самомъ тронѣ, а не на покрытомъ бархатомъ креслѣ, налѣво отъ трона (II, 37, 634).

Кромѣ логогета дрома, изъ высшихъ чиновъ къ царю во время ежедневныхъ выходовъ часто являлись сами и приглашались препозиты, которые въ IX—X вв. завѣдуютъ всѣми придворными торжествами и обрядами и обязаны были докладывать царю и испрашивать разрѣшенія царя на каждый предстоящій и полагающійся по церковному и придворному календарю выходъ и приемъ, кромѣ ежедневныхъ. По обрядамъ первой книги Придворнаго Устава, препозитъ самъ безъ доклада входитъ къ царю, но въ самомъ концѣ первой книги, въ обрядѣ производства въ чинъ проедра всего синклита имѣется замѣчаніе, что проедръ входитъ къ царю во время ежедневныхъ собраній прямо (*ἀμέσως*), безъ предварительнаго доклада, какъ въ прежнее время препозитъ (*ὡς τὸ παλαιὸν ὁ προπίσιτος*, I, 97, 442), который во время написанія этого обряда ³⁾ входилъ, слѣдовательно, уже съ докладомъ. Изъ обряда воскресныхъ собраній и выходовъ помѣщеннаго во II книгѣ (Сег. II, 2, 522), мы узнаемъ, что и во время напи-

¹⁾ О возмущеніи пелопоннесскихъ и македонскихъ славянъ при Теофілѣ и Михаилѣ и покореніи первыхъ при Михаилѣ стратигомъ протоспаваріемъ Теооктистомъ говорить Константинъ Багрянородный въ *de admin. imper.* с. 50, р. 222 (Вопп). Упомянутую въ Сег. II, 37, 634 *χώρα Σουββελιτία* Ш а ф а р и к ъ (Slov. Staroz., 1837, стр. 622) считается за тождественную съ *Sakulatia*, но не приводитъ въ пользу этого никакихъ доказательствъ. Очевъ возможно, что *Σουββελιτία* находилась въ Пелопоннисѣ, а не Македоніи.

²⁾ *Καισαρίκιον* назывался парадный головной уборъ кесаря, кесарская корона (*τὰ περιεφάλακα ἧτοι τὰ λεγόμενα καισαρίκια*), которая возлагалась на него при производствѣ въ чинъ кесаря (см. обрядъ этого производства I, 43, 21^с—220). Въ X в. кесарская корона, кромѣ разницы въ отдѣлѣ, отличалась тѣмъ, что не имѣла наверху креста (*στέρφανος ὑφὲς σταυροῦ τύπου*). Кромѣ того, кесарь не имѣлъ такъ-называемыхъ *προπενδοῦλια, κατὰξιστα, ἐνώτια, κρεμαστάρια*, т. е. жемчужныхъ нитей, привѣшиваемыхъ къ коронѣ около ушей. Византійскіе цари постоянно изображаются съ такими привѣсками, которыя составляли принадлежность и короны царицы (I, 41, 209; II, 52, 712. Ср. Reiske Comment. p. 264, 583, 688).

³⁾ Обрядъ этотъ, какъ уже было замѣчено выше (стр. 11 прим. 1), не могъ быть написанъ ранѣе царствованія Никифора Фоки (963—979).

санія этого обряда, уже не самъ препозитъ докладывалъ царю: между нимъ и царемъ сталъ временщикъ или первый министръ (*ὁ παραδυναστεύων*), которому собственно докладывалъ препозитъ, а тотъ уже докладывалъ царю и, получивъ тотъ или другой отвѣтъ, сообщаетъ препозиту, а препозитъ дѣлаетъ распоряженіе о приведеніи въ исполненіе приказанія царя черезъ церемоніарія, который обязанъ былъ напоминать препозиту о предстоящемъ выходѣ или другомъ обрядѣ. Вся процедура доклада, во время написанія обряда воскресныхъ выходовъ (II, 2, 522 слѣд.), состояла такимъ образомъ въ томъ, что церемоніарій (= церемоніймейстеръ) докладывалъ или напоминалъ о предстоящемъ торжествѣ или выходѣ препозиту, препозитъ сообщалъ первому министру, а тотъ уже царю, распоряженіе котораго шло опять черезъ перваго министра къ препозиту, а отъ него къ церемоніарію. Раньше, когда препозитъ самъ безъ доклада являлся къ царю, процедура была короче: получивъ напоминаніе отъ церемоніарія, что по придворному и церковному календарю полагается тотъ или другой обрядъ, препозитъ наканунѣ, во время ежедневнаго собранія, входилъ къ царю и докладывалъ объ этомъ царю, спрашивая при этомъ, угодно-ли царю дѣлать на слѣдующій день выходъ или собраніе ¹⁾).

Эти доклады препозита, какъ необходимые и всеѣмъ извѣстные, далеко не всегда упоминаются въ обрядахъ, но все-таки достаточно часто для того, чтобы видѣть, что они входили въ кругъ дѣлъ ежедневныхъ собраній и залятій царя во время приѣма въ Хрисотриклинѣ ²⁾.

¹⁾ Препозитъ вообще всегда докладывалъ царю послѣ напоминанія или доклада церемоніарія, на обязанности котораго лежало, очевидно, слѣдить за ходомъ и правильнымъ исполненіемъ придворныхъ обрядовъ. Примѣровъ подобнаго докладыванія препозиту церемоніаріемъ мы встрѣтимъ довольно при описаніи большихъ выходовъ царей въ храмъ св. Софіи; потому приводить здѣсь ихъ имѣтъ необходимости.

²⁾ Такъ въ началѣ общаго обряда выходовъ въ св. Софію въ большіе Господніе праздники сказано: *Πρὸ μιᾶς ἡμέρας τῆς οἴας οὖν ἐνισταμένης περιφανεστάτης ἐορτῆς εἰσερχονται οἱ πραιπόσιτοι ἐν τῷ Χρυσῷ Τρικλίνῳ, τῆς καθημερινῆς ὁμιλοῦντες ἰσταμένης προελεύσεως, καὶ ὑπομνήσκουσι τοὺς δεσπότης περὶ τῆς ἐορτῆς, εἴτα κελεύουσιν τοὺς δεσπότης ἄγεσθαι ἐπὶ τὴν αἴθριον πρόκλιον ἢτοι προέλευσιν οἱ δὲ ἐξερχόμενοι ὀρίζουσι πᾶσιν (I, 1, 5—6).* Въ среду Пасхальной недѣли *γρηὶ τὸν πραιπόσιτον ὄρα πρώτη εἰσελθεῖν πρὸς τὸν βασιλέα καὶ ὑπομνήσαι, нужно-ли завтра (въ четвергъ) прибыть патриарху съ духовенствомъ въ Хрисотриклинѣ для цѣлованія и обѣда съ царемъ (I, 13, 90). Наканунѣ Крещенія, во второмъ или въ третьемъ часу дня (8-мъ или 9-мъ утра), препозитъ входитъ къ царю и спрашиваетъ царя, когда онъ прикажетъ патриарху прибыть въ храмъ св. Стефана Дафны для освященія воды (I, 25, 140). Ср. I, 20, 118; I, 21, 121. Наканунѣ скачекъ 11 мая точно также *εἰσερχεται ὁ πραιπόσιτος πρὸς τὸν βασιλέα καὶ ὁμιλοῦ αὐτόν, εἰ κελεύει ἀγῶναι τὸ ἱππικόν (I, 70, 340). Ср. I, 73, 364; I, 72, 360 (ὁ πραιπόσιτος λαμβάνει τῇ πρὸ μιᾶς ἡμέρας τοῦ βότου παρὰ τοῦ βασιλέως ἀπόκρισιν, καὶ δίδωσι διάταξιν τῷ τῆς καταστάσεως (т. е. церемоніарію), ὥστε τῇ ἐξῆς ἄγεσθαι). Ср. II, 13, 557 (πρὸ μιᾶς δίδονται μάνδατα τῷ πραιπόσιτῳ); I, 88, 396; I, 86, 388. При Юстиніанѣ подобныя доклады дѣлалъ и получалъ распоряженія относительно совершенія въ слѣдующій день той или другой церемоніи магистръ (magister officiorum) болѣе или менѣе соотвѣтствующій по своимъ функциямъ министру двора (I, 90, 408).**

Если царю угодно было сдѣлать какой-нибудь выходъ или церемонію, не предвидѣнную Придворнымъ Уставомъ и календаремъ, если царь желалъ когонибудь произвести въ чинъ въ одинъ изъ слѣдующихъ дней или назначить на высшую должность въ тотъ же или другой день, то онъ самъ приглашалъ къ себѣ препозита и отдавалъ ему приказаніе сдѣлать надлежащія распоряженія, чтобы назначенная церемонія могла состояться, при участіи синклита или безъ него. Если царь желалъ назначить когонибудь на должность, то обыкновенно приказывалъ привести указанное лицо, производилъ въ должность и препозиту вводилъ вновь назначеннаго и объявлялъ о назначеніи въ надлежащемъ мѣстѣ ¹⁾. Въ виду возможности такихъ приглашеній въ Хрисотриклинь, препозиты, какъ уже было замѣчено, во время пріема сидѣли въ портикѣ Хрисотриклина.

Кромѣ логовета и препозита, царь безъ сомнѣнія въ ежедневные выходы принималъ не мало и другихъ должностныхъ лицъ, представлявшихъ или являвшихся къ нему съ докладами по предметамъ своего вѣдомства, и вызывалъ самъ для отдачи имъ приказаній и распоряженій. Если царь вызывалъ когонибудь изъ самыхъ высшихъ сановниковъ, т. е. магистровъ или патриковъ, то они являлись къ царю въ красныхъ плащахъ (*μετὰ σαγίωv ῥοῆς*) ²⁾, хотя въ ежедневныя собранія приходили

¹⁾ Во время ежедневныхъ выходовъ (*τῆς καθημερινῆς προελεύσεως ἱσταμένης*) производились кувикуляріи (мужскаго и женскаго пола), для чего приглашались препозиты и приводили указанныхъ царемъ лицъ (II, 24, 632; II, 25, 624). Но если царь хотѣлъ произвести когонибудь въ ректора въ простой день, то приказывалъ препозиту сдѣлать распоряженіе о собраніи синклита въ парадныхъ облаченіяхъ (II, 4, 528). То же дѣлалось и для производства въ чинъ патрикія (I, 47, 236). По случаю назначенія на должность царь приглашаетъ препозита: I, 52, 263 (назначеніе ипарха), I, 54, 268 (квестора) I, 56, 272 (двостеревонта), I, 57, 273 (симпоновъ ипарха и логоветовъ, подчиненныхъ ему), I, 58, 274 (антиграфей), I, 59, 275 (протоэпаеарія). Но для производства въ димархи наканунѣ оповѣщаются партіи Ипподрома и приглашаются во Дворецъ (I, 55, 269).

Назначеніе на одинъ изъ слѣдующихъ дней непредвидѣнныхъ обрядовъ могло происходить по случаю пріѣзда иноземныхъ пословъ и знатныхъ иностранцевъ вообще, по случаю празднованія побѣды (II, 19, 607), по случаю рожденія сына у царя (II, 21, 615), его крещенія (II, 22, 619), обрѣзанія его волосъ (II, 23, 620) и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ наканунѣ чрезъ препозита и церемоніарія всему синклиту отдавалось приказаніе явиться на другой день не въ скарамангіяхъ, а въ парадномъ облаченіи (*δίδονται μάνδατα εἰς ἄλλην τὴν σύγκλητον ἄλλαξιμόv*). Если обрядъ назначался на простой день, то ежедневное собраніе отменялось и папія не отпиралъ собственнаго царскаго дворца, если церемонія должна была происходить не въ немъ, а въ какойнибудь тропной залѣ вѣгъ его (II, 15, 566).

²⁾ *Σαγίωv*, очевидно, передѣлка зат. *saqum* военный плащъ. Хотя въ византійскую эпоху онъ сдѣлался полупараднымъ (*Halbgala*) плащемъ царя и чиновъ гражданскихъ, тѣмъ не менѣе онъ остался преимущественно военною одеждою и военачальники даже въ самыхъ торжественныхъ обрядахъ являлись въ плащахъ, когда равные имъ чины въ хламидахъ (см. особ. I, 47, 242). Потому военачальники обыкновенно изображаются въ плащахъ, а равно и царь, когда онъ изображается въ видѣ военачальника, какъ, напримѣръ, Василій II Болгаробойца въ нѣсколько разъ изданномъ изображеніи, находящемся въ Псалтыри, написанной для самого царя, Василія II. Знаменитая рукопись эта хранится въ

только въ однихъ скарамангіяхъ, какъ и всѣ другіе. Только тѣ высшіе сановники, которые были въ походѣ, въ командировкѣ или уѣзжали изъ города по собственной надобности, для представленія къ царю, прямо по возвращеніи, не облачались въ плащъ, а являлись въ скарамангіяхъ, въ которыхъ являлись къ царю, какъ и собирались для ежедневныхъ утреннихъ собраний, всѣ прочіе чиновники и должностныя лица (II, 1, 521—522).

Всѣ вышеизложенныя занятія и приемы происходили въ теченіе второго и третьяго часа дня. Въ концѣ 3-го (= 9-го утра), если царю не предстояло заниматься долѣе какими нибудь важными государственными дѣлами, нетерпящими отлагательства, или не нужно было совершать какого нибудь обряда ¹⁾, давался отпущекъ. По окончаніи приема, царь обра-

биотекѣ св. Марка въ Венеціи (во дворцѣ Дожей) подл. № 17. (О миниатюрахъ этой рукописи см. Н. Кондакова, *Исторія византийскаго искусства и иконографіи по миниатюрамъ греческихъ рукописей*, Одесса, 1876, стр. 166 слѣд., гдѣ указана и литература знаменитой Псалтыри). Изображеніе Василія II издано у Labarte, *Histoire des arts industriels au moyen age etc.*, pl. 85, а съ него у Schlumberger'a въ *Un empereur byzantin au dixième siècle*, Paris, 1890. Шлумбергеръ военный костюмъ Василія не вѣрно называетъ *grand costume imperial d'apparat*. Полный парадный костюмъ византийскаго царя, какъ мы увидимъ, былъ не такой. Василій II изображенъ въ костюмѣ полководца: въ туникѣ и плащѣ съ короною безъ креста, хотя и съ подвѣсками. (Ср. выше, стр. 21, прим. 2). Если бы на Василія не было панциря, то, безъ копья и меча, онъ былъ бы изображенъ приблизительно въ облаченіи, въ которомъ царя дѣлали воскресные приемы; только, быть можетъ, туника (скарамангія?) и плащъ были бы подлиннѣе. Проф. Н. П. Кондаковъ (I. c.) называетъ плащъ Василія воинскою хламидою, а воинскою хламидою и былъ плащъ *σαχίον*, *sagium*. Тутъ же можно видѣть образецъ *προσκύνησις*, когда поклоняются *πίπτοντες ἐπ' ἕδαφος*.

Reiske (Comm. ad Ser. p. 477) на основаніи того, что препозитъ I, 1, 10, lin. 1 διὰ τῆς οἰκείας γλανίδος νεβει τῷ ὀστιαρίῳ, а II, 10, 546, lin. 14 дѣлаетъ подобный жестъ плащемъ (καὶ ταῖς χερσὶ μετρίως κουφίζων τὸ ἑαυτοῦ σαχίον) заключаетъ, что τὸ σαχίον καὶ τὴν γλανίδα idem esse, но, очевидно, отъ того, что упускаетъ изъ виду разницу между облаченіемъ препозита во время выхода въ большой праздникъ и облаченіемъ въ простой день (понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста): въ первомъ случаѣ препозитъ былъ въ полной парадной формѣ и потому въ хламидѣ, а второмъ—въ полупарадной и потому въ плащѣ, въ которомъ былъ и царь.

¹⁾ Въ текстѣ сказано: ἰστέον, ὅτι ἐν ταῖς μεγάλαις ἡμέραις, εἰ οὐκ ἔστιν ἡ ἐπιείροσα καὶ συνέροσα δουλεία εἰς τὴν τῶν δημοσίων πραγμάτων ἀντίληψιν, δίδονται μίνσαι, ὅρας τρίτης πληρομένης. Здѣсь *μεγάλαις*, очевидно, поставлено ошибочно вмѣсто *κοιναῖς* или, что еще вѣроятнѣе, *παγναῖς*, т. е. въ обыкновенные, простые, неправдичные дни, такъ какъ ἡ μεγάλη ἡμέρα называется самый большой день у христіанъ, день Воскресенія Христова (Du Sangre, Glossarium Gr. s. v. ἡμέρα) и вообще большой праздникъ, а въ текстѣ идетъ рѣчь объ обычныхъ, ежедневныхъ собраніяхъ, о простыхъ дняхъ, которые назывались *κοιναῖ* или *παγναῖ*, какъ и простое, обыкновенное воскресенье называлось *παγανὴ κυριακὴ* (см. заглавіе 13 главы II кн. Ὅσα δεῖ παραφυλάττειν ἐν παγανῇ κυριακῇ ἢ ἐν ἄλλῃ κοινῇ ἡμέρᾳ). Ср. II, 14, 566, гдѣ *παγανὴ κυριακὴ* противопоставляется *μεγάλῃ κυριακῇ*, Великому Воскресенію, т. е. 1-му дню Пасхи, и II, 10, 548, гдѣ замѣчено, что въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста царь возвращается изъ храма св. Софіи во Дворецъ несопровождаемый чинами синклита и кувукліа, которые не сопровождаютъ царя на возвратномъ пути именно потому, что этотъ день простой, не праздничный (διὰ τὸ εἶναι τὴν ἡμέραν ταύτην παγανῆν). Въ

щался, какъ и въ началѣ, къ папіи, который все время находился въ Хрисотриклинѣ и стоялъ на своемъ мѣстѣ, и говорилъ: „ступай, сдѣлай отпущекъ“. Папія тотчасъ же бралъ со скамьи въ лѣвой западной камарѣ ключи и шелъ объявлять отпущекъ, причемъ потряхивалъ и гремѣлъ ключами, чтобы всѣ, находившіеся въ собраніи, чины слышали и знали, что папія вышелъ дѣлать отпущекъ“ (II, 1, 521). Являлся силенціарій и и говорилъ: „поведите“ (*κελεύσατε*), приглашая этимъ возгласомъ расходиться¹⁾. Утреннее собраніе кончалось и всѣ расходились по домамъ до вечерняго открытія папіею Большаго Дворца, до вечерняго собранія. Эти вечернія собранія происходили совершенно такимъ же образомъ, какъ и утреннія, съ тою только разницею, что чины являлись не въ скарамантияхъ, а въ въ эсофоріяхъ и коловіяхъ²⁾.

Великую Субботу царь облачается въ τὰ παγανά и надѣваетъ τὰς παγανὰς χλαμύδας для выхода въ св. Софію (I, 1, 33). Точнѣе это обозначается въ другомъ обрядѣ того же дня: царь облачается въ *ὀβητήριον τὸ παγανὸν καὶ χλαμίδα τὴν ὀψιμαρον*, а весь синклитъ надѣваетъ *χλαμίδα ἀτραχτικά* (I, 35, 181). Ср. Reiske Comment. ad Cerim. p. 138—139).

¹⁾ Отпущекъ въ Придворномъ Уставѣ обыкновенно обозначается словомъ *μίνσα*—missa отъ *mittere*. Дѣлать отпущекъ *μίνσα ποιῆν, δίδόναι*, отсюда часто встрѣчающіеся въ концѣ церемоніаловъ выраженія *δίδουσι μίνσαι, γίνονται μίνσαι* (напр. II, 1, 521; II, 2, 525; I, 33, 177; I, 12, 90; I, 16, 97; I, 21, 124 и др.). Отпущекъ давался посредствомъ возгласа: «*κελεύσατε*» повелите, представляющее, вѣроятно, переводъ лат. *inbete*, хотя Reiske (Comment. ad Cer. 603—4), дѣлающій рискованныя этимологіи и невѣрно объясняющій значеніе слова, думаетъ, что латинское *inbete* представляетъ переводъ съ греческаго. Затрудненіе, заставившее Reiske пуститься въ невозможныя этимологическія соображенія, состоитъ въ томъ, что возгласомъ «повелите!» приглашаются часто къ такимъ дѣйствіямъ, въ которыхъ возглаголюющій не только не испрашиваетъ позволенія, но самъ приглашаетъ другихъ дѣлать что нибудь, какъ, напримѣръ, приглашаетъ чиновъ выходить и расходиться по домамъ. Полагаю, что затрудненія этого не будетъ, если мы припомнимъ, что при большихъ царскихъ выходахъ и приѣмахъ *κελεύσατε* обыкновенно говорится то препозитомъ, то церемоніаріемъ или силенціаріемъ предъ выходомъ чиновъ въ слѣдующее помѣщеніе послѣ поклоненія въ предыдущемъ. Напримѣръ, во время шествія въ св. Софію, царь принимаетъ высшихъ сановниковъ въ портикѣ Августея. Чиновники входятъ, поклоняются, говорятъ полихроній, приѣмъ этимъ и кончается; нужно идти дальше, но такъ какъ здѣсь присутствуетъ царь, то никто не можетъ безъ его приказанія двинуться; потому препозитъ или въ древности *magister officiorum*, очевидно, обращаясь къ царю, говорилъ: «повелите», царь, быть можетъ, мановеніемъ головы или руки, приказывалъ и чины выходили, а за ними царь. Благодаря постоянному употребленію этого слова предъ выходомъ изъ одного помѣщенія въ другое, оно получило значеніе приглашенія къ выходу и царь даетъ знакъ препозиту не послѣ возгласа, обращеннаго собственно къ нему, а до возгласа, такъ какъ возгласъ получилъ уже значеніе приглашенія къ выходу. Съ этимъ возгласомъ мы постоянно будемъ встрѣчаться при изложеніи большихъ выходовъ и приѣмовъ торжественныхъ. Этотъ возгласъ и въ такомъ же смыслѣ перешелъ и въ церковные обряды и каждый, присутствовавшій при посвященіи въ духовные чины въ православной церкви, безъ сомнѣнія, слышалъ громогласные возгласы діакона или протодіакона: «повелите! или повели, повели, пресвященнѣйшій владыко!» Такъ какъ послѣ этого возгласа посвящаемого отводять иногда въ алтарь, то многіе понимаютъ возгласъ діакона иначе, въ смыслѣ: отвели, увели.

²⁾ Какъ можно заключить изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Льютиранда (см. выше стр. 6), послѣ утренняго приѣма Дворецъ запирался до 9-го часа, т. е. до 3-го

Воскресные утренние приемы, послѣ утреди, до обѣдни, производились такимъ же порядкомъ, какъ и ежедневные, отличаясь только нѣкоторою торжественностью. Такъ, высшіе сановники и чиновники, магистры, патриархи и оффиціаліи, т. е. особы, занимавшія высшія должности и управлявшія отдѣльными частями¹⁾, являлись для воскресныхъ собраний во Дворецъ не въ скарамангіяхъ только, но и въ красныхъ плащахъ. Царь также облачался въ плащъ, обшитый золотою каймою, и садился на обитое бархатомъ или шелкомъ кресло, налѣво отъ трона, а не на золоченое кресло, направо отъ трона. Предъ вызовомъ логовета, въ Хрисотриклинь вводились палиею хрисотриклиниты, т. е. протоспаеаріи царскіе, составлявшіе почетную стражу во время приема и стоявшіе въ

полоудни. Такъ, вѣроятно, было въ обыкновенные дни, когда не нужно было для какого нибудь обряда открывать позже, какъ на примѣръ, наканунѣ праздника св. Іліи, когда Дворецъ открывался *δειλὴς περὶ ὄρθην ἐξβόρην* (I, 19, 115), для слушанія всенощной въ храмѣ Пресв. Богородицы Фара. На открытіе Дворца въ 9-мъ часу дня указываетъ и обрядъ празднованія Врумалій (II, 18, 602). Коловіями (*κολοβίων* отъ *κολοβός* урбанский, куцый) назывались туники съ короткими рукавами, не доходящими до локтей, или вовсе безъ рукавовъ. Онѣ походили на стихари = далматики и иногда назывались, повидимому, делматикіями (*δελματικά* = *dalmaticia*), какъ видно изъ мѣстъ, приведенныхъ Дюканжемъ. Какъ для вечернихъ собраний чины надѣвали коловіи вмѣсто утреннихъ, очевидно, нѣсколько болѣе парадныхъ скарамангіевъ, такъ и цари иногда вмѣсто скарамангіевъ для выѣзда на лошади верхомъ надѣвали иногда коловіи (напр. I, 10, 80; ср. I, 37, 188), которыя дѣлались изъ такой же матеріи, какъ и скарамангіи, и отдѣлялись жемчугомъ, драгоценными камнями, золотыми каймами и нашивками. Сверхъ коловіи надѣвался мечъ. Подъ коловіи надѣвалась нижняя туника, *ἑσφύριον* = *interula*. См. Du Cange, Gloss. Gr. et Lat. s. *κολοβίων* и *colobium, dalmaticium* и *δελματικόν*. Ср. Reiske, Comment. ad Cerim., p. 185 и 534, гдѣ Reiske довольно много разсуждаетъ о коловіяхъ и приводитъ нѣкоторые изъ указанныхъ Дюканжемъ и другими учеными мѣста изъ писателей объ отличительныхъ чертахъ этой одежды. Но самъ Reiske совѣтъ неправильно считаетъ коловіи за короткую мантию или, точнѣе, накидку въ родѣ мантиліи (*colobia fuisse palliola, cervicem amicientia, pectus et scapulas et humeros ad cubitos usque tegentia, qualia gestant Lipsienses Rectores Magnifici et Decani*, Comment. p. 184). Изъ того, что царь надѣваетъ коловіи вмѣсто скарамангіи и на коловіи надѣваетъ мечъ, державшійся, очевидно, на поясѣ, видно, что коловіемъ называлась не мантилія, а туника, въ родѣ далматики, только съ короткими рукавами или безъ нихъ, каковое обстоятельство и было причиною того, что папа Сильвестръ (314—335 г.) приказалъ діаконамъ, ради приличія, какъ говорится въ его біографіи, замѣнить безрукавный коловіи далматикою. Хотя причина этой замѣны, быть можетъ, была и другая, тѣмъ не менѣе ясно, что коловіи, замѣненный далматикою, очень походилъ на нее, а не на мантилію, какъ думалъ Reiske. Krieg въ *Realencyklop. der christl. Alterthümer Krausa II*, 202 (ср. 208 о далматикѣ и коловіи) считаетъ короткую мантилію, подобною той, съ которой Reiske отождествляетъ коловіи, за укороченную пенулу (*penula, фелонь*), что гораздо вѣроятнѣе и правильнѣе. Коловіи, какъ и *penula*, съ 438 года составляла оффиціальную одежду сенаторовъ, которымъ императорскимъ эдиктомъ было предписано вмѣсто военной хламиды носить мирную пенулу, которая, быть можетъ, благодаря этому эдикту, сдѣлалась служебною одеждою священниковъ (см. *ibid.* 203).

¹⁾ Оффиціаліями назывались сановники, занимавшіе высшія *ὄφφicia* должности. Они перечислены Филооомъ атриклиномъ въ приложеніи къ Придворному Уставу Константина (II, 52, 713 сл.). Въ извѣстныхъ случаяхъ нѣкоторые изъ нихъ причисляются

западной входной камарѣ за раздвижною завѣсою (II, 1, 521)¹⁾. Если царь желалъ видѣть когонибудь изъ высшихъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и логофета, то они входили къ нему не въ скарамантияхъ только, но и въ красныхъ плащахъ, и кланялись не въ землю, какъ въ простые дни, а только до колѣнъ, не падая ницъ²⁾. Затѣмъ происходилъ пріемъ и царь занимался разными дѣлами такъ же, какъ и въ простые дни.

Главное отличіе воскресныхъ собраній заключалось не въ утреснемъ пріемѣ, а въ томъ, что послѣ общаго чина снова собирались въ Юсти-

---

къ патриархамъ, хотя бы и не имѣли этого чина, напримѣръ, при раздѣлѣ апокомвиевъ къ патриархамъ причисляются оффиціаліи, состоящіе въ числѣ протоспаварія: стратиги, препозиты, домашніе школы, домашніе эскувитовъ, ипсархъ, логофетъ геника, сакелларій, квесторъ и пр. (II, 52, 784). Для значенія слова *οφφικιάλοι* ср. II, 52, 788.

¹⁾ Христориклиниты, принадлежавшіе къ «царскимъ» (*οί βασιλικοί*) и потому называвшіеся протоспаваріями царскими, въ простые дни вводились такимъ же образомъ и стояли тамъ же, когда царь принималъ въ Христориклинѣ посланцевъ (II, 1, 521; ср. II, 15, 568).

²⁾ Хотя этого замѣчанія и нѣтъ въ описаніи обыкновенныхъ воскресныхъ дней, но эту особенность, отличающую воскресные пріемы отъ будничныхъ, необходимо предполагать, такъ какъ вообще чины предъ царемъ *εί μὲν οὐκ ἦν κυριακή, ἐπίπτον κάτω, ... εἰ δὲ ἦν κυριακή, οὐκ ἐπίπτον κάτω προσκυνούσας, ἀλλὰ μέγρι τῶν γονάτων ἐποίησαν τὸ σέβας τῆς προσκυνήσεως*, т. е. «если былъ не воскресный день, падали ницъ, если же былъ воскресный день, при поклоненіи не падали ницъ, но дѣлали поклонъ только до колѣнъ», какъ объ этомъ замѣчено въ описаніи Благовѣщенія или, топча, въ прибавленіи или схолии къ этому описанію. Въ изданіяхъ этого схоліи печатается въ концѣ описанія Крестопоклоннаго Воскресенія (I, 29, 161). Ср. I, 91, 414: *καὶ ἀπαντὰ αὐτῶν (τῶ βασιλεῖ) ὁ φύλαξ τοῦ παλατίου καὶ προσκυνεῖ, εἰ μὴ εἴη κυριακή, μετὰ τὸ εἰσελθεῖν αὐτὸν τὴν θύραν τοῦ παλατίου*. Ср. выше стр. 20 примѣч. и Дюканжа Gloss. Gr. s. v. *προσκυνεῖν* и производными отъ него. Дюканжа, между прочимъ, приводитъ мѣсто изъ Penitentiale Иоанна Постника, который говоритъ, что отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ Святыхъ во время молитвы не нужно преклонять колѣна, а совершать поклоны стоя (*μὴ γονυκλιτεῖν ἐν ταῖς εὐχαῖς, ἀλλὰ μόνον προσκυνήσεις ποιεῖν κατὰ πάντα*). Обычай молиться не колѣнопреклоненно, а стоя, по воскреснымъ днямъ и отъ Пасхи до Троицы существовалъ у христіанъ съ самыхъ первыхъ временъ (Tertullian, de coron. 3); потому что какъ воскресные дни, такъ и все время отъ Пасхи до Троицы посвящены воспоминанію о воскресеніи Христовомъ. Св. Иларій называетъ этотъ обычай апостольскимъ (Proleg. in PS. c. 12) преданіемъ. По словамъ св. Василія Великаго (de Spirit. S. c. 27), въ воскресные дни и въ теченіи семи недѣль священной Пятидесятницы мы молимся стоя (*ὄρθοι*) не только потому, что воскресеніемъ Христовымъ мы сами возстановлены, но и потому, что этотъ день (Воскресеніе Христова) представляетъ образъ будущей жизни, т. е. нашего воскресенія. Такъ какъ это правило не всегда и не вездѣ соблюдалось, то оно нѣсколько разъ подтверждалось на церковныхъ соборахъ и вошло въ составъ каноническихъ правилъ (Kraus, Realencyklop. der christlich. Alterth. I, 557—568 s. v. Gebet). Если уже въ молитвахъ къ Богу, по церковнымъ правиламъ, нельзя было въ воскресные дни кланяться въ землю и молиться съ колѣнопреклоненіемъ, то тѣмъ менѣе можно было это дѣлать для привѣтствія и почитанія царя. Византійскій Придворный Уставъ въ этомъ случаѣ, очевидно, долженъ былъ слѣдовать Уставу Церковному и запретить поклоненіе царю въ воскресные дни. Въ виду этихъ требованій Церковнаго и Придворнаго Устава, можно навѣрно сказать, что при воскресныхъ пріемахъ царю представлявшіеся чиновники не кланялись въ землю, хотя объ этомъ въ описаніи воскресныхъ пріемовъ и нѣтъ specialнаго указанія, которое, вѣроятно, опущено потому, что оно было и безъ того очень хорошо извѣстно.

нанѣ для приглашенія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ царскому столу, если царю угодно было пригласить кого нибудь. Для того, чтобы узнать, угодно-ли царю, чтобы состоялось собраніе для приглашенія чиновъ къ столу, церемоніарій, какъ мы уже видѣли, во время утренняго приема, до обѣдни, напоминалъ препозиту о необходимости узнать, желаетъ-ли царь, чтобы состоялось собраніе (εἰ κελεύει ὁ βασιλεὺς στήναι προέλευσιν II, 2, 522). Препозитъ шель самъ, а позднѣе просилъ узнать волю царя его перваго министра (τὸν παραδυναστεύοντα) ¹⁾. Если царю угодно было отвѣтить по-

¹⁾ Reiske очень затрудняло значеніе словъ τῷ κατὰ τὴν ἡμέραν παραδυναστεύοντι ὁ πραίβοιτος λέγει, но самъ онъ высказалъ совершенно вѣрное объясненіе, что ὁ κατὰ τὴν ἡμέραν παραδυναστεύων означаетъ состоящаго въ званіи ближайшаго совѣтника-фаворита въ данное время, τὸν αἰεὶ παραδυναστεύοντα; такъ какъ эти фавориты мѣнялись не только въ разные царствованія, но и у одного царя бывало ихъ нѣсколько въ разное время. Такъ, Романъ Лакапинъ очень любилъ своего парадинастевонта Иоанна Мистика, такъ что даже послѣ удаленія его изъ Дворца, по подозрѣнію въ стремленіи къ царской коронѣ, Романъ позволялъ ему приходиться во Дворецъ καὶ τῷ βασιλεῖ ὑπηρετεῖν καὶ τὰ ἀνήκοντα διοικεῖν; но затѣмъ, когда преступленіе сдѣлалось несомнѣннымъ и Иоаннъ постригся въ монахи, царь προβάλλεται ἀντὶ μυστικῶδ' Ἰωάννου Θεοφάνην πρωτοβεστιάριον παραδυναστεύοντα (Theoph. Contin. p. 410—111). Въ управленіе Теодоры παραδυναστεύων, самымъ довѣреннымъ и властнымъ человѣкомъ, былъ Теокистъ (Georg. Monach. de Mich. et Theod. c. 6, p. 815—816 Bonn.). При Львѣ παραδυναστεύων былъ Зауца, отецъ царицы Зои. У сына его Константина παραδυναστεύων былъ Василій, незаконный сынъ Романа Лакапина, у сына Константина, Романа II,—Иосифъ и нѣсколько другихъ одновременно играли роль фаворитовъ и наиболее вліятельныхъ сановниковъ (Theoph. Contin. p. 442, 469—70). Эти парадинастевонты называются иногда πρώτοι τῆς συγκλήτου или παραδυναστεύοντες τ. συγκλήτου. На основаніи этихъ эпитетовъ Reiske (Comment. p. 602) заключаетъ, что παραδυναστεύων=πρόεδρος τ. συγκλήτου. Правильнѣе было бы сказать, что παραδυναστεύων, не имѣвшій прежде оффиціального титула и особаго юридическаго положенія, получилъ таковыя съ учрежденія должности или скорѣе чина πρόεδρος; другими словами, изъ функций парадинастевонта вышло званіе проедра, поставившее его и юридически выше всего синклита. Титулъ проедра сталъ даваться, какъ было указано, со времени Никифора Фоки и его привилегіи, указанная въ обрядѣ производства (см. выше) совершенно совпадаютъ съ тою ролью, какую играли парадинастевонты. M-r Alf. Rambaud въ своей извѣстной книгѣ, L'Empire Grec au dixième siècle, Paris, 1870, p. 132 говоритъ, что, по свидѣтельству Кедрина (II, 379 Bonn), *Иоаннъ Цимискій* впервые возвелъ Василія паракимомена въ чинъ *проедра*, прежде не существовавшій, и что обрядъ производства въ чинъ проедра, гл. 97 (последняя) I кн. Придворнаго Устава принадлежитъ или времени Иоанна Цимискія или составлена въ VI в., когда тоже были проедры. При этомъ авторъ ссылается на Reiske (Comment. p. 465), у котораго дѣйствительно высказано *предположеніе*, что πρόεδρος idem esse, qui olim princeps senatus, caputque hoc non decimi saeculi, sed quinti aut sexti esse. Но тутъ же Reiske заявляетъ, на основаніи того же извѣстія Кедрина, что званіе проедра учреждено Иоанномъ Цимискіемъ въ замѣнъ титула патрикія, и заключаетъ даже, что присутствіе въ Придворномъ Уставѣ обряда изъ временъ Цимискія указываетъ на то, что Уставъ составленъ послѣ Цимискія Константиномъ, сыномъ Романа, братомъ Василія II Болгаробойцы, а не Константиномъ VII, сыномъ Льва VI. Не считая возможнымъ входить здѣсь въ разсужденіе о времени составленія Придворнаго Устава, я замѣчу только, что изъ всѣхъ предположеній Reiske, которому слѣдуетъ Rambaud, вѣрно только то, что 97 гл. I кн. внесена въ Уставъ гораздо позже Константина VII, можетъ быть, при Цимискіи или Василіи II и Константины VIII, но какъ то, что должность проедра существовала въ V—VI вв., такъ и то, что Иоаннъ Цимискій впервые возвелъ въ это званіе Ва-

ложительно, то препозитъ сообщалъ объ этомъ церемоніарію для надлежащихъ распоряженій по устройству собранія и приглашенію чиновъ.

Затѣмъ занятія шли обычнымъ порядкомъ и кончались обычнымъ роспускомъ собранія; бывшіе въ собраніи шли къ обѣднѣ, частію въ дворцовые храмы, частію въ храмъ св. Стефана въ Ипподромѣ и, быть можетъ, въ другіе храмы около Дворца. Въ дворцовомъ храмѣ св. Василія, находившемся въ Лавзіакѣ, слушали литургію царскіе протоспаваріи и другіе царскіе чиновники и придворные чины, проводившіе день на службѣ во внутреннихъ залахъ. Въ храмѣ св. Стефана въ Ипподромѣ могли слушать всѣ другіе сановники и чиновники, участвовавшіе въ утреннемъ собраніи и не приглашенные слушать литургію въ храмѣ пресв. Богородицы Фара вмѣстѣ съ царемъ ¹⁾). По окончаніи литургіи въ Лав-

силія, положительно невѣрно. У Кедрипа (II, 379), на котораго ссылаются Reiske и Rambaud, сказано, напротивъ, что Никифоръ Фока возвелъ Василія въ званіе проедра, а Иоаннъ Цимискій сдѣлалъ его главнымъ своимъ совѣтникомъ. Вотъ это мѣсто: εὐθὺς Βασίλειον τὸν παρακοιμώμενον, ὃν Νικήφορος ὁ βασιλεὺς ὁ μικρὰ συμβαλλόμενον αὐτῷ πρὸς τὴν τῆς βασιλείας κατάσχεσιν πρόεδρον ἐπέθηκε, μῆτις πρότερον ὄντος τοῦ ἀξιώματος, πρότερον αὐτοῦ τοῦτο ἐφευρηκότος, καὶ τότε μεταπεμφθεὶς κοινῶν τῆς ἀρχῆς προσελάβετο, т. е. Иоаннъ Цимискій, по восшествіи на престолъ, тотчасъ ночью призвалъ къ себѣ и сдѣлалъ участникомъ въ управленіи Василія паракимомена, котораго царь Никифоръ, какъ человѣка, весьма много содѣйствовавшаго ему въ достиженіи царской власти, почтилъ званіемъ проедра, котораго прежде никогда не было и которое придумалъ самъ Никифоръ». (Ср. вышеприведенное на стр. 14 мѣсто изъ Зоары). Изъ словъ Кедрипа какъ нельзя болѣе ясно, что званіе проедра первый придумалъ и далъ Василію Никифоръ Фока, а не Цимискій, и что званія этого прежде никогда не было. И это свидѣтельство, что званія проедра никогда до этого не было, совершенно вѣрно, такъ какъ princeps senatus, о которомъ говоритъ Reiske, совсѣмъ не то, что πρόεδρος, каковое званіе стало даваться только съ Никифора Фоки и не въ замѣну званія патрикія, которое оставалось долго и послѣ этого въ Византийскомъ царствѣ, а какъ высшій титулъ, ставившій проедра выше всѣхъ чиновъ синклита, который къ тому же въ то время давно уже не составлялъ отдѣльнаго учрежденія, а представлялъ совокупность или только извѣстную часть чиновъ гражданскихъ и военныхъ. (О значеніи слова σύγκλητος въ это время см. I кн. моихъ Византина, стр. 170). Потому и у историковъ званіе проедра встрѣчается только со временъ Никифора Фоки (см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. πρόεδρος). Помимо всего этого, обрядъ производства проедра заключаетъ въ себѣ такъ много слѣдовъ своего времени, что никакъ не можетъ быть отнесенъ къ V или VI вв., какъ всякій легко убѣдится, если сравнитъ 96 и 97 главу I кн. съ обрядами, составленными Петромъ Магистромъ (magister officiorum) и помѣщенными впереди этихъ главъ. (Ср. выше, стр. 3—4 этой книги).

¹⁾ Въ обрядѣ воскресныхъ собраній (II, 2, 522) нѣтъ замѣтки относительно обычнаго собранія чиновъ во Дворцѣ, дѣловаго приѣма у царя, слушанія чинами обѣдни и выходѣ ихъ въ Ипподромъ. Но собраніе ихъ въ Скилахъ послѣ обѣдни въ Лавзіакѣ и указаніе другихъ обрядовъ вполнѣ позволяютъ понимать ходъ воскреснаго собранія именно такъ, какъ оно описано въ текстѣ, т. е. что послѣ утрени было обычное собраніе и дѣловой приѣмъ (II, 1, 521), во время котораго препозитъ спрашивалъ о собраніи для приглашенія чиновъ къ столу, что чины, послѣ утренняго приѣма, выходили изъ Дворца и, кромѣ нѣкоторыхъ, слушали обѣдню не во Дворцѣ, а потомъ опять чрезъ Ипподромъ входили въ Скипы и Юстиніанъ. Такъ, если 1 августа случится въ воскресенье, то царь, послѣ утрени прикладывается ко кресту въ храмѣ Фара и затѣмъ садится εἰς τὴν συνήθη καὶ καθήμερην πρόεδρον, а затѣмъ предъ храмомъ Василія въ Лавзіакѣ крестъ пола-

зіакѣ, нѣкоторые изъ царскихъ протоспаѳаріевъ, по заранѣ составленному списку, приглашались дежурнымъ атриклиномъ къ царскому столу и оставались въ Лавзіакѣ, дожидаясь обѣда. Всѣ прочіе протоспаѳаріи уходили въ Юстиніановъ триклинь и садились тамъ въ ожиданіи отпуска. Къ нимъ скоро выходилъ силенціарій, возглашалъ: „повелите“, протоспаѳаріи вставали, уходили и расходились по домамъ.

Въ то же время всѣ другіе чины, военные и гражданскіе, собирались въ Скилахъ, помѣщеніи, выходившемъ на Ипподромъ и смежномъ съ Юстиніановою палатою. Здѣсь былъ между прочими лицами и друнгарій виглы со своимъ аколуюомъ, такъ какъ имъ предстояло играть видную роль при обрядѣ входа чиновъ въ Юстиніанъ. Друнгарій сидѣлъ, какъ въ ежедневныхъ собраніяхъ чиновъ въ Ипподромѣ, предъ входомъ во Дворецъ, повидимому въ качествѣ главы собранія, а аколуюеъ стоялъ у двери, ведущей въ Юстиніанъ, именно той, у которой висѣла завѣса съ вышитыми на ней птицами ¹⁾, и поглядывалъ, не явились-ли уже церемоніарій съ силенціаріями и не стали-ли они уже въ надлежащемъ порядкѣ внѣ вышеназванной завѣсы.

гается для поклоненія собравшихся въ Лавзіакѣ всѣхъ чиновъ синклита (II, 8, 539). Совершенно то же происходитъ въ воскресенье Крестопоклонной Недѣли (II, 11, 549). Но по обряду этого же воскресенья, находящемуся въ I, 29, 161, чины входятъ во Дворецъ еще ночью (ἐν νύκτι), патрикіи въ скарамангіяхъ и плащахъ, а прочіе только въ скарамангіяхъ, какъ и слѣдуетъ въ воскресные дни, и прикладываются не въ Лавзіакѣ, какъ было позднѣе, а въ храмѣ Фара, потомъ выходятъ опять изъ Дворца и садятся въ Ипподромѣ; съ наступленіемъ времени входа во Дворецъ, входятъ такимъ же образомъ, какъ и въ обыкновенные дни въ большой триклинь собраній (Юстиніанъ), а когда приблизится время и произойдетъ приглашеніе чиновъ, дѣлается отпускъ, послѣ чего царь вкорѣ выходитъ въ Юстиніанъ и садится за столъ съ приглашенными чинами. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ также описаніе собраній обычныхъ воскресній, за исключеніемъ поклоненія кресту до конца утрени и до входа во Дворецъ, вслѣдствіе чего чины опять выходятъ въ Ипподромъ и снова входятъ послѣ утрени для обычныхъ собраній (ὅν τρόπον καὶ ἐπὶ τῶν λοιπῶν καινῶν ἡμερῶν), но затѣмъ упоминается прямо приглашеніе къ столу и отпускъ. Время между обычнымъ дѣловымъ собраніемъ и клиторіемъ не обозначено; но изъ обрядовъ Вербнаго Воскресенья и Великой Субботы видно, что, когда царь въ праздничные дни слушалъ литургію въ дворцовомъ храмѣ (Фара), то чины, за исключеніемъ приглашенныхъ слушать литургію съ царемъ, шли въ Ипподромъ и тамъ слушали ее въ храмѣ св. Стефана (I, 32, 175; I, 35, 183). Можно думать, что то же самое бывало и въ простые воскресные дни, когда царь слушалъ литургію въ храмѣ Фара.

¹⁾ Βῆλον ταγγάριον отъ ταγγάρι и ταγγάριον=attagen, ἀτταγγή=куропатка. Reiske полагаетъ поэтому, что βῆλα ταγγάρια назывались такія завѣсы, на которыхъ вытканы или вышиты были attagenes, потому что при дворахъ любили вышивать на тканяхъ фигуры разныхъ животныхъ, звѣрей, птицъ и по этимъ фигурамъ называть ткани. Это объясненіе по всей вѣроятности вѣрно; ткани съ изображеніемъ птицъ были дѣйствительно въ большомъ ходу; остатки такихъ тканей дошли и до насъ. Рисунки нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Kultur historischer Bilder Atlas, II, Mittelalter, bearb. v. E s s e n w e i n, Leipz. 1883. Tafel XIII (Gewerbe. 6—10 Jahrhundert) и XXVIII (10—12 Jahrhundert). Въ спеціальныхъ сочиненіяхъ о старинныхъ тканяхъ съ изображеніями, понятно, можно найти еще болѣе подходящіе образцы тканей къ тѣмъ, изъ которыхъ дѣлались βῆλα ταγγάρια. Ср. Byzantina, I кн., стр. 58, прим. 1.

Въ это время церемоніарій съ остіаріемъ подходилъ въ Лавзіакѣ или Орологіи къ препозиту, кланялся ему и докладывалъ, что пора вводитъ собравшихся въ Скилахъ въ Юстиніанъ. Получивши разрѣшеніе, церемоніарій съ остіаріемъ и силенціаріями шель въ Юстиніанъ. Остіарій входилъ за завѣсу съ птицами и выставлялъ свою голову въ открытую дверь изъ Юстиніана въ Скилы, чтобы его могъ видѣть друнгарій виглы и знать, что скоро ему можно будетъ входить въ Юстиніанъ. Церемоніарій съ силенціаріями, между тѣмъ, становился должнымъ образомъ ¹⁾ внѣ завѣсы съ птицами и бивалъ стоявшему у дверей аколуту, что пора чинамъ входить.

Аколутъ, по данному знаку, возмашалъ, обращаясь къ друнгарію: „поведи!“ ²⁾. Друнгарій, съ мечемъ, съ сѣкирою на правомъ плечѣ и съ

¹⁾ Въ текстѣ обряда сказано: *στήται κοιταστήριον*. Выраженіе это часто употребляется въ обрядахъ и означаетъ просто: становиться въ должномъ порядкѣ, т. е. такъ, какъ слѣдуетъ стоять чинамъ въ собраніяхъ. Такой смыслъ получило это выраженіе, по всей вѣроятности, отъ порядка, въ которомъ стояли и сидѣли чины въ собраніяхъ консисторіи, а такъ какъ консисторія въ византійское время стала употребляться въ смыслѣ собранія чиновъ вообще для какихъ нибудь торжественныхъ обрядовъ, то *στήται κοιταστήριον* стало означать: «становится, какъ въ консисторіи», то-есть, въ торжественныхъ собраніяхъ, а въ такихъ собраніяхъ чины синклита становились въ два ряда, старшіе впереди, ближе къ царю или другому лицу, пачальствующему въ собраніи, причемъ справа становился первый послѣ начальствующаго, противъ него слѣва второй, опять справа третій, слѣва четвертый и т. д. Въ собраніи церемоніарія съ силенціаріями церемоніарій становился, вѣроятно, въ средину, а силенціаріи по бокамъ по старшинству. Ср. *Byzantia*, I кн., стр. 117. Во всякомъ случаѣ, изъ выраженія *στήται κοιταστήριον* никакъ нельзя заключать о существованіи въ X—XI вв. консисторіи въ смыслѣ римской императорской *consistorium*, какъ дѣлаетъ Лекриванъ (*Lécrivain*) въ своей прекрасной книгѣ о римскомъ сенатѣ послѣ Диоклетіана (*Le Sénat Romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople*, Paris, 1888, p. 229).

²⁾ Аколутъ, занимавшій въ концѣ существованія Византійской Имперіи одну изъ самыхъ важныхъ должностей и бывший главнымъ начальникомъ царской гвардіи, въ IX—X вѣкѣ является въ скромной сравнительно роли адъютанта друнгарія виглы или числа и, какъ во время собранія военныхъ чиновъ въ Инподромѣ, такъ и здѣсь является въ роли младшаго чина, исполняя при друнгаріи обязанности церемоніальнаго чиновника. *Reiske*, приписывая аколуту IX—X в. то, что онъ измѣлъ въ XIII—XIV вв. (*Comment. ad Cerim.*, 474), полагаетъ, что въ текстѣ воскреснаго обряда (I, 2, 524, строка 2) вмѣсто *ὁ δὲ δρουγγάριος εἰσέρχεται φορῶν τὸ ἑαυτοῦ σπαθίον* κтл. слѣдуетъ читать *ὁ δὲ ἀκολούθος εἰσέρχεται* κтл., почему и въ *Comment.* p. 606, говоря объ оружіи, въ которомъ входитъ друнгарій, ведетъ рѣчь объ аколутѣ, а не о друнгаріи. Въ лат. переводѣ вмѣсто *drungarius* также поставлено: *tum acoluthus intrat*. Поводомъ къ такому толкованію или, скорѣе, перетолкованію было, повидному, то обстоятельство, что предъ этимъ мѣстомъ въ текстѣ стоитъ: *ὁ τῆς καταστάσεως καὶ ὁ σιленціάριος ἵστανται...* μένοντες τῷ ἀκολούθῳ τοῦ εἰσελθεῖν, а входитъ друнгарій, а не аколутъ: *Ὁ δὲ δρουγγάριος εἰσέρχεται φορῶν τὸ ἑαυτοῦ σπαθίον καὶ τῇ δεξιᾷ χειρὶ κρατῶν τὸ τε μαγλάριον καὶ τὸ τζιχούριον ἐπισκείμενον τῷ δεξιῷ αὐτοῦ ὤμῳ*, гласитъ далѣ текстъ (p. 524, lin. 2 sequ.). Латинскій переводъ, какъ сейчасъ было сказано, замѣняетъ друнгарія аколутомъ, предполагая, что въ текстѣ невѣрно написано только это слово. Но, по моему мнѣнію, замѣнять друнгарія аколутомъ нѣтъ надобности и не слѣдуетъ, такъ какъ друнгарій также несомнѣнно входилъ въ Юстиніанову Палату раньше другихъ чиновъ, которые при входѣ въ Юстиніанъ ему кланяются. Кромя того, въ концѣ главы этой ска-

магавіемъ въ правой рукѣ, входилъ въ Юстиніанъ и, дойдя до каждаго изъ большихъ омфаліевъ ¹⁾, кланялся церемоніарію и сиденціаріямъ, а затѣмъ становился на возвышеніи, обратившись лицомъ къ западу, т. е. къ Скиламъ ²⁾.

Когда друнгарій такимъ образомъ занималъ должное мѣсто, аколуетъ „бралъ знакъ“ отъ церемоніарія и говорилъ магистрамъ и патрикіямъ: „повелите!“ . Магистры и патрикіи входили въ Юстиніанъ, кланялись

явно, что друнгарій предъ отпускомъ снимаетъ свой мечъ (σπαθίον), съ которымъ онъ вошелъ. Слѣдовательно, несомнѣнно съ мечемъ вошелъ друнгарій, а не аколуетъ; потому, если уже поправлять текстъ, такъ слѣдуетъ вмѣсто νεόντες τῷ ἀκόλουθῷ τοῦ εἰσελθεῖν читать νεόντες τῷ δρουγγαρίῳ τοῦ εἰσελθεῖν, послѣ чего друнгарій входитъ: ὁ δὲ δρουγγάριος εἰσέρχεται, и становится на своемъ обычномъ мѣстѣ въ Юстиніановомъ Триклинѣ, а аколуетъ, оставаясь въ Скилахъ, но видя церемоніарія съ сиденціаріями, а равно и друнгарія, «беретъ знакъ» для ввода сначала высшихъ чиновъ, потомъ слѣдующихъ.

Если же мы будемъ читать все, какъ стоитъ въ текстѣ, то необходимо допустить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пропускомъ, какъ это часто бываетъ въ обрядахъ Придворнаго Устава. Иногда эти пропуски легко возстановить изъ другихъ подобныхъ обрядовъ; одинъ такой случай будетъ указанъ ниже при изложеніи праздничныхъ большихъ выходовъ. Воскресный обрядъ, къ сожалѣнію, одинъ и другаго подобнаго нѣтъ; потому навѣрно возстановить пропущенное нельзя; но можно предполагать, что въ указанномъ мѣстѣ между двумя вышеприведенными открывками послѣ τοῦ εἰσελθεῖν пропущено: ὁ δὲ (или καὶ ὁ μὲν) ἀκόλουθος εἰσελθὼν (или εἰσέρχεται καὶ) προσκυνεῖ τὸν τε τῆς καταστάσεως καὶ τοῦς σιλενціаріους καὶ λαβὼν νεῖμα παρὰ τοῦ τῆς καταστάσεως προσκαλεῖται τὸν δρουγγάριον. Послѣ чего, какъ гласитъ текстъ: ὁ δρουγγάριος εἰσέρχεται φορῶν κтл. Эта вставка основана на послѣдующемъ текстѣ воскреснаго обряда. Позволю себѣ думать, что внимательно прочитавшій этотъ обрядъ не найдетъ въ предложенной вставкѣ ничего невѣроятнаго. Напротивъ, при этой прибавкѣ, нѣтъ надобности измѣнять ни одного слова въ текстѣ, а вѣроятность такой или подобной вставки очевидна изъ текста всего воскреснаго обряда. Если мы допустимъ такую или подобную вставку, то все это мѣсто будетъ имѣть такой смыслъ: аколуетъ, стоящій въ Скилахъ и смотрящій чрезъ дверь и поднятую завѣсу Юстиніана въ Юстиніанъ, видитъ, что церемоніарій и сиденціаріи даютъ ему знакъ войти въ Юстиніанъ (νεόντες τοῦ εἰσελθεῖν). Аколуетъ входитъ и, остановившись у входной завѣсы Юстиніана, кланяется церемоніарію и сиденціаріямъ и «беретъ знакъ» у церемоніарія пригласить друнгарія войти въ Юстиніанъ, что аколуетъ и дѣлаетъ, послѣ чего друнгарій входитъ въ Юстиніанъ и становится въ верхней его части, а аколуетъ, по всей вѣроятности, остается у завѣсы или на порогѣ дверей, ведущихъ изъ Юстиніана въ Скилы, такъ чтобы ему видно было, какъ находящихся въ Юстиніанѣ церемоніарія съ сиденціаріемъ, такъ и чиновъ, сидѣвшихъ въ Скилахъ, къ которымъ онъ долженъ былъ обращаться съ приглашеніемъ.

¹⁾ Относительно порфировыхъ омфаліевъ см. Byzantina, I кн., стр. 35, 59, 132.

²⁾ Скилы, вестибуль Юстиніановой Палаты, примыкали къ этой послѣдней въ западномъ концѣ ея и составляли крайнюю западную часть Дворца, обращенную къ Ипподрому, который лежалъ на западъ отъ дворцовыхъ зданій. См. Byzantina, I кн., стр. 62. Считаю необходимымъ замѣтить здѣсь, что Byzantina, I кн., стр. 65, строка 13 сверху и стр. 75, строка 17 снизу, по недосмотру, ошибочно напечатано, что Ипподромъ находился «на востокъ» отъ Дворца, вмѣсто «на западъ». Къ сожалѣнію, недосмотръ этотъ замѣченъ былъ уже послѣ напечатанія перечня болѣе важныхъ опечатокъ и не попалъ въ ихъ число. Хотя ошибочность напечатаннаго очевидна какъ изъ всего разсужденія объ Ипподромѣ и выходящихъ къ нему частяхъ Дворца, такъ и изъ приложеннаго плана Либарта, тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ обратить вниманіе на этотъ недосмотръ и поправить его хоть здѣсь.

друнгарію и церемоніарію съ силенціаріями и садились на свои скамьи. Тогда аколуюѣ по данному опять церемоніаріемъ знаку возглашала, обращаясь къ второстепеннымъ чинамъ, служившимъ въ разныхъ департаментахъ (σέκρητα): „повелите, секретники!“¹⁾ Секретники точно также входили, кланялись и садились на предназначенныя для нихъ скамьи. Аколуюѣ, наконецъ, еще разъ „бралъ знакъ“ отъ церемоніарія и такимъ же возгласомъ приглашалъ входить второстепенныхъ начальниковъ гвардейскихъ отрядовъ: топотиритовъ, хартуларіевъ, комитовъ и пр. Если не было въ Константинополѣ гвардейскихъ отрядовъ, то приглашались начальники отряда нумеровъ и стѣнъ и оставшіеся въ городѣ начальники числа. Входили они съ мечами и становились въ ширину Юстиніанова триклипа чинно и тихо, со сложенными руками²⁾. Когда такимъ образомъ всѣ займутъ свои мѣста въ Юстиніанѣ, на средину выходитъ дежурный атриклинь съ мечемъ и по пригласительному списку громко провозглашаетъ имена тѣхъ, которыхъ онъ долженъ пригласить на этотъ разъ. Затѣмъ атриклинь и церемоніарій съ остіаріемъ уходятъ изъ Юстиніанова триклипа къ препозиту и докладываютъ ему, что пора дѣлать отпущекъ. Препозитъ разрѣшаетъ сдѣлать отпущекъ; папіа беретъ ключи и, потряхивая и гремя ими, идетъ черезъ Лавзіакъ въ Юстиніанъ; друнгарій снимаетъ съ себя мечъ, въ знакъ окончанія собранія, силенціарій возглашаетъ: „повелите!“. Собраніе распускается и всѣ неприглашенные расходятся по домамъ, а приглашенные остаются и обѣдаютъ съ царемъ³⁾ въ одной

¹⁾ Въ текстѣ изъ многочисленныхъ чиновъ разныхъ ранговъ, служившихъ въ разныхъ управленіяхъ (σέκρητα), упоминаются только хартуларіи геника и стратіотика и антиграфей квестора. Очень можетъ быть, что они взяты для примѣра, а можетъ быть также, что въ воскресные дни въ теченіе года чины разныхъ вѣдомствъ приглашались къ царскому столу по очереди, какъ они приглашались въ праздники пасхальные и рождественскіе. Въ такомъ случаѣ въ качествѣ воскреснаго обряда вообще во 2-й главѣ II книги Придворнаго Устава мы имѣемъ обрядъ того именно воскресенія, когда приглашались вышеназванные чины. Кланяются чины при самомъ входѣ въ Юстиніанъ, такъ какъ τὸ τριπέδιον, въ которомъ кланялись чины, находился въ нижней (κάτω), западной части Юстиніановой Палаты, но какое архитектурное значеніе имѣетъ здѣсь τριπέδιον, сказать не берусь. Судя по тому, что τριπέδιον называлась головной уборъ царицы, имѣющей форму тперешней камилавки (D u C a n g e, Gloss. gr. s. v. τριπέδιον), можно думать, что τριπέδιον означало какую нибудь особую форму свода или купола. Ср. наши термины: тамбуръ или барабанъ купола.

²⁾ Въ знакъ покорности и смиренія руки складывались или назадъ, или на груди крестообразно. Какъ стояли въ Юстиніанѣ офицеры, приглашенные въ Юстиніанъ, сказать трудно. Reiske, обстоятельно обсуждавшій этотъ вопросъ (Comment. p. 607), полагаетъ, что они стояли, скрестивъ руки на груди.

³⁾ Хотя въ обрядѣ воскресныхъ приемовъ и не сказано, что послѣ приглашенія (ἐλθ-τόριον) приглашенные остаются, но и въ немъ относительно приглашенныхъ протоспаваріевъ замѣчено, что они остаются въ Лавзіакѣ, а въ другихъ обрядахъ довольно часто замѣчается, что послѣ обряда и приглашенія къ столу (στοιχηθέντες τὸ ἐλθτόριον), происходитъ отпущекъ (γίγνεται μίση) и приглашенные остаются, а остальные расходятся по до-

изъ большихъ дворцовыхъ палатъ. Въ Крестопоклонное Воскресеніе обѣдъ давался въ Юстиніановой Палатѣ, куда, „послѣ отпуска выходилъ царь и садился за свой честной столъ“ (I, 29, 16).

Кромѣ выпеизложеннаго обряда, въ воскресные дни нерѣдко совершалось производство въ чины. Въ самые высшіе чины, какъ кесаря и нобилиссима, производили обыкновенно въ большіе праздники предъ выходами въ храмъ св. Софіи; точно также и въ магистры и нѣкоторые другіе чины производили часто предъ выходами въ храмъ въ большіе праздники¹⁾, въ такъ-называемые „дни облачений“ (*ἡμέρα τῶν ἀλλοξίμων*), т. е. когда всѣ чины синклита собирались во Дворецъ въ полной парадной формѣ, въ какой необходимо было, кромѣ предстоящаго выхода, участвовать и въ обрядѣ производства въ высшій чинъ. Но нерѣдко производство даже въ такой высокой чинъ, какъ чинъ магистра, происходило въ простое воскресенье (*ἡ παλαιὴ κοριακή*) въ часы приема, но непременно въ Консistoriи, въ которой магистры производились всегда, почему Консistoriя и называлась палатою, въ которой производятся магистры²⁾. Производство въ магистра въ простое воскресенье происходило по особому обряду, который сохранился въ Придворномъ Уставѣ (I, 46, 234—236) и слѣдуетъ прямо за обрядомъ производства въ тотъ же чинъ во время большаго выхода въ храмъ св. Софіи (I, 46, 231—233).

Въ патрикіи, напротивъ, никогда не производили во время большихъ выходовъ въ св. Софію, а только въ простые воскресные дни и второстепенные праздничные дни, какъ 12 дней святокъ, Пасхальная недѣля, Вербное Воскресеніе и Великая Суббота. Обрядъ этотъ почти всегда происходилъ въ Хрисотриклинѣ, гдѣ происходило, большею частью, производство и въ другіе чины и должности³⁾.

Въ томъ случаѣ, если въ простое воскресенье должно было происхо-

---

мамъ (*καὶ οἱ μὲν κληθέντες φίλοι μένουσιν, οἱ δὲ ἀπέρχονται ἕκαστος αὐτῶν εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ*) (I, 35, 183; I, 14, 95; I, 33, 177; I, 16, 97).

¹⁾ См. I, 43, 218 (производство въ кесаря въ первый день Пасхи); I, 44, 228 (производство въ нобилиссима тоже въ первый день Пасхи или въ другой большой праздник); I, 46, 231 (производство въ магистра во время большаго выхода въ храмъ св. Софіи); ср. I, 26, 143 (производство въ магистра во время Крещенскаго выхода); I, 23, 132—133 (производство въ скривоны, domestici, комиты и протикторы во время Рождественскаго выхода).

²⁾ О Консistoriи и производствѣ въ ней магистровъ см. Byzantina, I кн., стр. 117 слѣд.

³⁾ См. I, 47, 241: *χρὴ εἰδέναι, ὅτι ἐν ἑορτῇ (въ большой праздникъ во время выхода въ храмъ св. Софіи) προβολὴ патриκίου οὐ γίνεται, τὴν δωδεκαήμερον τῶν ἑορτῶν γίνεται καὶ τὴν ἑξαήμερον τῆς διακλιτήριου καὶ τὴν ἡμέραν τῶν Βαῶν καὶ ἐν παλαιῇ κοριακῇ... Ср. Ibid. p. 236. Но въ Великую Субботу, если производили когонибудь въ патрикіи, то производство происходило въ Консistoriи во время шествія царя въ храмъ св. Софіи чрезъ эту палату (ibid. 241—242).*

дять производство въ высшій чинъ, приче́мъ должны быть всѣ чины синелита въ полномъ парадномъ облаченіи, чинамъ синелита чрезъ пресозита за́раше объявлялось о предстоящей церемоніи и синелить, облачившись въ Ипподромъ, входилъ чрезъ Скилы въ Юстиніанову Палату, по обычаю и порядку воскресныхъ дней, а оттуда проходилъ чрезъ Лавзіакъ въ Триптонъ, гдѣ и дожидался ввода по отдѣленіямъ въ Хрисотриклинь. Въ Хрисотриклинь между тѣмъ приготовляли все, необходимое для совершенія обряда производства въ патрикіи. Царь, выйдя изъ своихъ покоевъ и помолвившись предъ иконою Спасителя въ Хрисотриклинь, проходилъ въ камару предъ храмомъ св. Феодора, облачался тамъ въ дивитисій, а потомъ, при участіи веститоровъ, въ хламиду, а не плащъ, какъ обыкновенно въ простыя воскресенья, и надѣвалъ корону. Облачившись такимъ образомъ, царь выходилъ изъ камары св. Феодора и чрезъ Хрисотриклинь входилъ въ восточную конху и садился на тронъ (σέντζος), а не на кресло (σελλίον), послѣ чего папія или минсураторъ наполняли залу благовоннымъ дымомъ посредствомъ каждаго ¹⁾. Когда все было такимъ образомъ готово и чины кубукліи занимали свои мѣста вокругъ трона, начинался вводъ чиновъ по βῆλα и въ присутствіи ихъ, по установленному чину, совершался обрядъ производства.

Такъ какъ обряды чинопроизводства принадлежатъ къ другому отдѣлу Византійскихъ древностей, то мы не станемъ здѣсь излагать обряда производства въ чинъ патрикіи, а замѣтимъ только, что обрядъ этотъ совершался довольно долго, часъ по крайней мѣрѣ или 1¹/₂, такъ что, по всей вѣроятности, занималъ значительную долю времени воскреснаго утренняго приѣма между литургіею и утренею. Послѣ литургіи, чины, безъ сомнѣнія, опять входили въ Юстиніанову Палату вышеописаннымъ порядкомъ и, послѣ приглашенія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ царскому столу, неприглашенные расходились по домамъ ²⁾.

---

¹⁾ См. I, 47, 236: πρό μιᾶς δίδεται ἀπόκρισις (распоряженіе) καὶ μὴνύεται ἢ πᾶσα σύγκλητος, ἵνα προέλθῃ μετὰ ἀλλαγίμων, καὶ τὸ πρωὶ ἀλλάσσει ἐν τῷ Ἰπποδρόμῳ καὶ εἰσέρχεται ἢ προσέλευσις εἰς τὸν τρίκλινον τοῦ Ἰουστινιανοῦ καὶ πᾶς ὁ λαός, καθὼς ἔχει ἢ συνήθεια τῆς κυριακῆς κτλ. ср. I, 48, 244 слѣд.

²⁾ Кромѣ производства въ патрикіи, въ обыкновенные воскресные дни, вѣроятно, цари производили въ другіе, менѣе высокіе чины, а равно и назначали на должности, если это было нужно и угодно царю. Но прямыхъ указаній на это мнѣ не попадалось, потому я ограничиваюсь указаніемъ только производства въ магистры и патрикіи, такъ какъ совершеніе этихъ обрядовъ прямо отнесено на воскресные дни, кромѣ нѣкоторыхъ выше-названныхъ праздничныхъ дней.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Большіе, средніе и малые выходы.—Повѣстка чинамъ о предстоящемъ выходѣ.—Собраніе чиновъ для участія въ выходѣ.—Праздничныя облаченія чиновъ.—Перенесеніе царскаго облаченія и короны изъ Ризницы при храмѣ св. Феодора въ Октагонъ дворца Дафны.—Парадные щиты.—Жезлъ Моисея и крестъ св. Константина.—Выходъ царя изъ своихъ покоевъ въ Хрисотриклинъ и шествіе до Китона Дафны.—Облаченіе царя въ дивитисій, хламиду и корону.—Дивитисій.—Выходъ царя въ парадномъ облаченіи чрезъ Августей въ портинъ Августея (Золотая Руна).—Пріемъ здѣсь высшихъ чиновъ.—Вводъ ихъ по рангамъ (*βήλα*) и разстановка чиновъ.—Многолѣтіе и переходъ царя и чиновъ въ Оноподъ.—Пріемъ въ Оноподѣ и переходъ въ Консistorію.—Пріемъ и привѣтствіе царя всѣмъ синклитомъ въ Консistorіи.—Дальнѣйшее шествіе чиновъ и царя изъ Консistorіи въ Триклинъ Кандидатовъ.—Встрѣча илриомъ храма Господа.

Кромѣ ежедневныхъ и воскресныхъ выходовъ, благочестивые византійскіе цари, какъ представители царства Божія на землѣ и защитники православія, дѣлали въ большіе христіанскіе праздники и въ нѣкоторые другіе высокаторжественные дни выходы и выѣзды въ храмы, отличавшіеся большею или меньшею торжественностію, смотря по важности праздника. Эти праздничные выходы и выѣзды можно раздѣлить на 3 рода по мѣсту направленія ихъ: 1) выходы въ храмъ св. Софіи, 2) ходы и выѣзды въ другіе Константинопольскіе храмы и 3) выходы въ дворцовые храмы ¹⁾.

¹⁾ Почти во всѣ значительные праздники церковные, цари дѣлали выходы или выѣзды въ храмы, причѣмъ въ нѣкоторые праздники эти выходы соединялись съ крестными ходами изъ одного храма въ другой. Такъ, напримѣръ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли цари ходили изъ св. Софіи въ храмъ св. Апостоловъ (I, 10, 71 сл.); въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы (I, 1, 26 сл.; I, 30, 162 сл.) цари ходили *μετὰ τῆς οἰκίας λιτῆς* въ храмъ Богородицы Халкопратійской. Въ Срѣтеніе и Успеніе пресв. Богородицы цари ѣздили во Влахернскій дворецъ и дѣлали оттуда выходы во Влахернскій храмъ (I, 27, 147; II, 9, 541), причѣмъ, предъ входомъ въ храмъ съ патриархскаго, царь встрѣчалъ патриарха, приходившаго *μετὰ τῆς λιτῆς*. Въ дворцовыя церкви выходы совершались, соединяясь иногда также съ крестными ходами по дворцовымъ храмамъ, напр., въ Вербное Воскресеніе (I, 32, 171), въ день освященія Новой Великой церкви (1 мая) и Михайловъ день (8 ноября) I, 20, 118 сл. Выходы и выѣзды въ эти праздники, которыхъ мы не перечислили и половины, могутъ быть предметомъ отдѣльнаго очерка.

Всѣ эти три рода выходовъ, въ свою очередь, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько типовъ по своему характеру и большей или меньшей торжественности, съ которою они совершались. Оставивъ пока въ сторонѣ выходы 2-го и 3-го рода, мы остановимся на выходахъ царей въ храмъ св. Софіи, которые будутъ служить предметомъ этого очерка.

А. Первое мѣсто между выходами въ храмъ св. Софіи занимаютъ, несомнѣнно, по своей торжественности и важности праздниковъ выходы царей въ праздники Господніе: Воскресенія Христова, Пятидесятницы, Преображенія, Рождества Христова и Крещенія или Праздникъ Свѣтовъ. Эти выходы можно назвать, въ отличіе отъ другихъ выходовъ въ св. Софію, *большими*. Къ нимъ можно причислить и торжественные выходы въ нѣкоторые царскіе дни и высокоторжественные государственные праздники ¹⁾).

Б. *Средними* выходами въ св. Софію можно назвать царскіе выходы, совершавшіеся съ меньшею торжественностью въ тѣхъ случаяхъ, когда царь шелъ въ св. Софію не для того, чтобы слушать тамъ литургію, какъ въ первомъ случаѣ, а чтобы только начать изъ св. Софіи крестный ходъ въ другой храмъ. Такіе выходы совершались въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли и въ Богородичные праздники: Благовѣщенія и Рождества пресв. Богородицы. Такъ какъ эти выходы принадлежатъ ко 2-му ряду, т. е. выходамъ въ другіе храмы, кромѣ св. Софіи, то въ нижеслѣдующемъ очеркѣ они будутъ приниматься во вниманіе и разсматриваться только въ первой своей части, т. е. до выхода изъ св. Софіи въ другой храмъ. Къ этимъ выходамъ, по нѣкоторымъ признакамъ, можно причислить и выходъ въ св. Софію въ Великую Субботу и Антипасху (I, 35, 180—186) и выходы въ нѣкоторые царскіе дни ²⁾).

---

¹⁾ Господніе праздники, въ которые совершались большіе выходы въ храмъ св. Софіи, перечислены I, 1, 22; I, 2, 41; I, 37, 187. Ср. II, 15, 591; II, 52, 741, 754, 765, 775 и 779, гдѣ, при изложеніи порядка приглашеній къ царскому столу (*κλήτορια*) въ праздничные дни, упоминается, что въ вышеназванные пять Господнихъ праздниковъ дѣлается выходъ ἐν τῇ μεγάλῃ τοῦ Θεοῦ καθολικῆ ἐκκλησίᾳ. Кромѣ этихъ праздниковъ, большіе выходы въ св. Софію дѣлались въ день коронаціи, когда цари ходили въ св. Софію черезъ западныя, красныя врата для коронаціи (I, 38, 192). Въ день хиротоніи патріарха (II, 14, 565) и по случаю рожденія у царя сына въ прежнія времена дѣлался выходъ (*πρόβεντος*) въ Великую Церковь κατὰ τὸ πον τῶν μεγάλων προσελεύσεων (II, 21, 617); для крещенія царскаго сына цари προέρχοντα μετὰ τῶν ἀλλὰξίμων, καθὼς ἔχει ἡ συνήθεια τῶν μεγάλων ἑορτῶν (II, 22, 620). Но такъ какъ подробности выходовъ этихъ не извѣстны, то быть можетъ, эти послѣдніе выходы совершались, по крайней мѣрѣ иногда, по типу *среднихъ* выходовъ, которые въ Придворномъ Уставѣ также называются *большими*, но выдѣлены мною въ особый типъ, потому что въ эти выходы царь входилъ въ св. Софію черезъ южныя врата и шелъ съ нѣсколько меньшею торжественностію.

²⁾ Предъ совершеніемъ триумфа надъ побѣжденнымъ непріятелемъ на форумѣ Константина, бывалъ также выходъ, но не большой по образцу Господнихъ, а средній, по

В. *Малыми* выходами можно назвать выходы, которые цари совершали въ храмъ св. Софіи въ понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго поста, въ Крестовоздвиженіе и въ праздникъ Православія ¹⁾).

Обряды двухъ первыхъ типовъ выходовъ въ св. Софію составитель Придворнаго Устава далъ въ 1-й главѣ 1-й книги, но, кромѣ того, онъ внесъ въ свой Уставъ и обряды отдѣльныхъ праздниковъ, изъ которыхъ до насъ дошли: обряды выходовъ: въ 1-й день Пасхи (безъ начала), Рождества Христова, Крещенія, принадлежащіе къ выходамъ 1-го типа; обряды выходовъ въ Благовѣщеніе, въ Великую Субботу и въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, принадлежащіе ко второму типу, и наконецъ, обряды выходовъ въ понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго поста, въ Крестовоздвиженіе и недѣлю Православія ²⁾), принадлежащіе къ 3-му типу.

образцу Рождества пресв. Богородицы и Благовѣщенія, такъ какъ цари въ день триумфа шли изъ св. Софіи на форумъ Константина съ своимъ крестнымъ ходомъ (μετὰ ἰδίας λιτῆς), а затѣмъ патріархъ приходилъ туда же съ своимъ крестнымъ ходомъ, какъ это было и въ названные праздники (II, 19, 607 θριάμβου ἐπιπνικίων τελοῦμένου ἐν τῷ φόρῳ μετὰ λιτῆς). Выходъ въ день триумфа, такимъ образомъ, долженъ быть причисленъ къ выходамъ 2-го типа, а не 1-го, хотя разниа между ними, какъ мы увидимъ, была не особенно велика.

¹⁾ Ser. I, 22, 124—128 (Крестовоздвиженіе); I, 28, 156—160 (недѣля Православія). Къ нимъ можно причислить и выходъ въ понедѣльникъ 1-й недѣли поста, когда царь, послѣ увѣщанія чиновъ въ Магнаврѣ «въ чистотѣ и страхѣ Божиѣмъ проводитьъ всесвященную и святую сорокостницу», шелъ въ св. Софію, откуда возвращался безъ чиновъ, διὰ γὰρ τὸ εἶναι τὴν ἡμέραν ταύτην παγαγὴν εἰς τὴν ὑποστρωφὴν οὐ θηροχέουσαν ὄβοι (чины) τοὺς δεσπότης (I, 27, 155; тотъ же обрядъ, но подробности и съ вариациями II, 10, 545—548).

²⁾ Придворный Уставъ Константина Багрянороднаго, послѣ предисловія, начинается общимъ обрядомъ выходовъ въ большіе праздники: τὰς καὶ ἀκολουθία τῶν εὐσχημῶν καὶ περιπατῶν προελευσέων, ἐν αἷς οἱ βασιλεῖς ἀπίσιν ἐν τῇ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ. Но такъ какъ эти выходы видоизмѣнялись, сообразно съ праздникомъ и распадаются, какъ мы видѣли, на нѣсколько типовъ, то въ составъ общаго обряда, изложеннаго въ 1-й гл. I кн., вошли нѣсколько типическихъ обрядовъ: 1) обрядъ выхода въ вышеуказанные господніе праздники (р. 5—22), съ указаніемъ отличій выхода въ день Пасхи (р. 22—26); 2) обрядъ выхода въ св. Софію и крестнаго хода изъ св. Софіи въ храмъ пресв. Богородицы Халкопратійской (собственно обрядъ праздника Рождества пресв. Богородицы, р. 26—33); 3) обрядъ выхода въ Великую Субботу (р. 33—35), который, будучи сроденъ съ выходомъ въ Рождество пресв. Богородицы, отличается отъ него еще меньшею торжественностію. За этими обрядами во 2-й, 3, 4, 5, 6, 7, 8 главахъ I книги и двухъ первыхъ §§ 9-й слѣдуютъ актологіи, т. е. пѣнопѣнія димовъ на Рождество, Крещеніе, Пасху, понедѣльникъ Пасхальной Недѣли, Антипасху (воскресеніе Ѳоминой недѣли), Преполовенье, Вознесеніе и начало актологіи на Троицу; съ § 7 этой главы въ изданіяхъ идетъ съ середины обрядъ 1-го дня Пасхи, составлявшій въ рукописи 18-ю главу, такъ что между § 2-мъ 9-й главы и 3-мъ, между 41 стр. рукописи и 42-ю, были: конецъ 9-й главы, вся 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и начало 18-й. Какое было содержаніе этихъ главъ, сказать навѣрно нельзя, такъ какъ перечня главъ 1-й книги въ рукописи нѣтъ. Reiske (Comment. ad Cerim. p. 152—3), сообщая свѣдѣнія объ этомъ пропускѣ, высказываетъ предположеніе, что до 18-й главы шли все актологіи, но не указываетъ, на какіе именно праздники. Въ виду того, что за актологіями слѣдуютъ обряды на разные праздники, начиная съ 1-го дня Пасхи и кончая Великою Субботою, можно думать дѣйствительно, что между общимъ обрядомъ (1 гл.) и

Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ мы будемъ слѣдовать общему обряду выходовъ въ большіе праздники, постоянно имѣя въ виду спеціальныя обряды такихъ же праздниковъ, укажемъ особенности Пасхальнаго выхода, рассмотримъ выходы 2-го типа (средніе) и закончимъ изложеніемъ

Пасхальнымъ (9 гл., собств. 18-я) были въ рукописи актологіи на тѣ праздники, которые слѣдовали за Троицею. Возстановить общее содержаніе пропущенныхъ въ рукописи главъ и опредѣлить, къ какимъ праздникамъ относятся онѣ, можно отчасти на основаніи списковъ праздничныхъ выходовъ и выѣздовъ, находящихся въ 37 гл. I книги *Scrim.* и 52 главъ II кн. Въ 37 гл. I кн. называются разные предметы облаченія, которые цари надѣвали для выходовъ и выѣздовъ въ праздничные дни, и при этомъ перечисляются праздники, въ которые совершались эти выѣзды и выходы, а въ 52 гл. II кн. (клиторологіи Филовея) мы имѣемъ перечень праздничныхъ обѣдовъ царя, къ которымъ приглашались свѣтскіе и духовные чины (р. 741—783). Эти списки, изъ которыхъ второй (клиторологіи) составленъ въ 900 г. при Львѣ Мудромъ, позволяютъ намъ заключать навѣрно, что послѣ неоконченной Троицкой актологіи (I, 9, р. 61, lin. 5), слѣдовали актологіи: 1) на праздникъ всѣхъ Святыхъ (первое воскресенье послѣ Троицы, I, 37, 189 и II, 7, 535—538, гдѣ мы имѣемъ обрядъ этого выхода), 2) на праздникъ св. Апостоловъ (ibid., въ оба эти праздника цари ѣздили въ храмъ св. Апостоловъ по обряду Понедѣльника Пасхальной недѣли), 3) на Преображеніе (выходъ въ храмъ св. Софій, I, 1, 22; I, 2, 41; I, 37, 189; II, 52, 779; II, 15, 591), 4) на Рождество Богородицы (I, 1, 26; I, 37, 189), 5) на Благовѣщеніе (I, 1, 33; I, 30, 162—168). Кромѣ этихъ праздниковъ, въ которые несомнѣнно бывали всегда торжественныя приемы димовъ и пѣлись приличныя празднику пѣнопѣнія, бывали торжественныя выѣзды и выходы въ нѣкоторые другіе праздники, значеніе которыхъ, а слѣдовательно, и торжественность празднованія посредствомъ большого выхода или параднаго выѣзда зависѣла отъ обстоятельствъ и спеціальной важности этихъ праздниковъ для царей. Такъ, при Львѣ Мудромъ съ особенною торжественностью праздновалась память царя Василія I Македонянина; 29 августа совершался торжественный выѣздъ въ храмъ св. Апостоловъ, гдѣ погребенъ былъ Василій; послѣ литургіи тамъ, царь возвращался верхомъ съ полнымъ парадомъ (*ἐμπράττος*). А такъ какъ при парадныхъ возвращеніяхъ изъ храма бывали ветрѣчи димовъ и актологіи, то можно думать, безъ риска сдѣлать ошибку, что въ этомъ случаѣ бывали актологіи, которые и могли занимать одну изъ пропущенныхъ главъ. Если это предположеніе вѣрно, то мы будемъ имѣть содержаніе еще одной изъ пропущенныхъ главъ, именно 6-й, 7-ю пропущенную главу составляла, вѣроятно, актологія праздника возсоединенія церкви, установленнаго при Константинѣ VII Багрянородномъ, и торжественно праздновавшагося при немъ, благодаря особенному значенію этого праздника для Константина. По обряду этого праздника, который мы будемъ излагать въ свое время, въ этотъ праздникъ совершался большой выходъ и крестный ходъ въ храмъ св. Ирины, причѣмъ приемы происходили по установленному порядку большихъ выходовъ (*ἐμπράττος ὁ βασιλεὺς ἄπειν καὶ αἱ δοῦαι κατὰ τὸτον γίνονται*, I, 36, 186).

Какъ при Львѣ стали совершать торжественный выѣздъ въ день кончины Василія Македонянина, такъ при Константинѣ Багрянородномъ совершался торжественный выѣздъ въ храмъ же св. Апостоловъ 11 мая, день кончины Льва Мудраго. Въ этотъ же день праздновалась память св. и Великаго Константина, освященія города Константинополя, перестроеннаго для императорской резиденціи и освященія честныхъ крестовъ, водруженныхъ во дворцѣ Вола (II, 6, 532). Хотя въ обрядѣ празднованія этого дня ничего не говорится о приемѣ димовъ, но въ виду важности праздника, особенно для Константина Багрянороднаго, можно думать, что при возвращеніи изъ храма св. Апостоловъ совершался приемъ димовъ въ извѣстныхъ мѣстахъ и пѣлись пѣнопѣнія, которые и могли составлять содержаніе 8-й потерянной главы. Такое предположеніе тѣмъ болѣе возможно, что какъ общій обрядъ, такъ и актологіи на праздники прибавлены къ сборнику праздничныхъ спеціальныхъ обрядовъ, начинающемуся съ Пасхальнаго, по всей вѣроятности, именно при Константинѣ Багрянородномъ, которымъ, или по приказанію и подъ руководствомъ котораго редакци-

выходовъ 3-го типа, которые можно назвать, въ противоположность выходамъ 1-го типа, большимъ выходамъ, малыми выходами.

Наканунѣ большаго праздника, въ который совершался обыкновенно торжественный выходъ царя съ чинами въ храмъ св. Софіи или какой-нибудь другой храмъ, церемоніарій во время ежедневнаго приема напоминалъ препозиту, что наступалъ большой праздникъ и что нужно испросить распоряженіе царя относительно торжественнаго выхода. Препозитъ, выслушавъ докладъ, входилъ во время ежедневнаго приема въ Хрисотриклинь и, доложивъ царю о предстоящемъ праздникѣ, спрашивалъ царя, угодно-ли ему на слѣдующій день совершать торжественный выходъ въ храмъ или не угодно. Впослѣдствіи, когда между царемъ и препозитомъ сталъ парадинастевонтъ, этотъ докладъ, какъ мы видѣли, дѣлался препозитомъ чрезъ парадинастевонта. Если царю угодно было дать отвѣтъ утвердительный, то препозитъ сообщалъ объ этомъ церемоніарію и дѣлалъ чрезъ него распоряженіе о томъ, чтобы всѣ начальники отдѣльныхъ частей и весь синклитъ были увѣдомлены о предстоящемъ выходѣ ¹⁾. Такое увѣдомленіе необходимо было для того, чтобы одни могли явиться въ надлежащемъ облаченіи и собраться въ указанномъ мѣстѣ, а другіе имѣли время сдѣлать въ свою очередь и по своей части надлежащія распоряженія и приготовить все, необходимое для выхода (I, 1, 6).

Такъ, чины дувуклія увѣдомлялись для того, чтобы они не только явились сами въ надлежащее время и надлежащемъ облаченіи, но и чтобы приготовили нужные для того или другаго выхода предметы царскаго облаченія. Катепанъ и domestici „царскихъ“ въ свою очередь должны были сдѣлать распоряженіе о прибытіи къ выходу въ надлежащей формѣ царскихъ снаваріевъ, которымъ предстояло нести царское оружіе и конвоировать царя. Ипарха города извѣщали, чтобы онъ позаботился о чистотѣ и украшеніи улицъ и площадей, чрезъ которыя царю предстояло идти, усыпалъ путь царя зеленью, благовонными растеніями и цвѣтами, смотри по времени года, сдѣлалъ бы распоряженія объ украшеніи нѣко-

---

ровать Придворный Уставъ и дополненъ разными примѣчаніями и прибавками, большею частью легко узнаваемыми, благодаря тому, что эти прибавленія къ прежнему сборнику начинаются обыкновенно словами *ὅφ' εἰδέναι* или *ἰστέον*. А если актологіи составлены при Константиѣ Багрянородномъ, то въ числѣ ихъ, вѣроятно, находилась и актологія на 14 мая, обрядъ котораго внесенъ во 2-ю книгу (II, гл. 6), въ которой помѣщены и нѣкоторые другіе обряды, не вошедшіе по разнымъ причинамъ въ первую книгу.

¹⁾ Ср. выше, стр. 22, прим. 1, гдѣ приведенъ греческій текстъ начала 1 гл. I кн. Придворнаго Устава.

торыхъ залъ разными матеріями и утварью, что исполнялось обыкновенно кунцами, торговавшими этими предметами ¹⁾. Димарховъ извѣщали, чтобы они явились съ своими димами встрѣчать царей въ назначенныхъ мѣстахъ и приготовили славословія. Тѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей, управленіе которыхъ находилось довольно далеко отъ Дворца, посылались въ мѣста ихъ нахождения особые приказы (*ἀποστέλλουσι καὶ μάνδατα*), какъ, на примѣръ, domestivу нумеровъ и комиту стѣнь. „Однимъ словомъ, всѣмъ чинамъ и всѣмъ приказамъ посылается извѣстіе о выходѣ, чтобы каждый чинъ (*τάξις*) и каждый приказъ (*σέκρητον*) приготовили все, что слѣдуетъ имъ дѣлать, согласно съ установленнымъ для нихъ порядкомъ и образомъ дѣйствія каждаго изъ нихъ“ (I, 1, 6).

Въ день выхода въ храмъ св. Софіи чины собирались раннимъ утромъ, въ зимнее время еще до свѣта, въ Большой Дворецъ въ широкое смыслѣ и располагались въ тѣхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ или близъ которыхъ имъ предстояло привѣтствовать царя на пути его въ храмъ св. Софіи и затѣмъ присоединиться къ его свитѣ и шествовать съ нимъ. Самые высшіе и ближайшіе къ царю сановники, чины кувуклія и тѣлохранители царскіе, въ дни выходовъ въ св. Софію собирались обыкновенно въ Апсидѣ или Полукуполѣ Триконха, гдѣ они обыкновенно въ первый разъ привѣтствовали царя, кромѣ чиновъ кувуклія, которые, по открытіи переходовъ Триконха, проходили чрезъ нихъ и чрезъ переходы 40 мучениковъ къ Хрисотриклину. Препозиты и другіе высшіе чины кувуклія входили въ сѣверную камару, такъ-называемый Паптеопъ, и сидели тутъ за завѣсою, а прочіе чины кувуклія оставались въ переходахъ 40 мучениковъ, гдѣ потомъ привѣтствовали царя при выходѣ его изъ Хрисотриклина ²⁾.

¹⁾ Ипархъ города долженъ былъ чистить и украшать улицы и площади, чрезъ которыя предстояло шествовать царю со свитою, вѣтвями вѣчно зеленыхъ и благоуханныхъ деревьевъ и кустовъ, особенно если процессія происходила въ зимнее время или раннею весною, когда деревья, теряющія листву, еще не распустились. Для этихъ цѣлей употреблялись: самшитъ (*buxus sempervirens*), плющъ, лавръ, мирта и розмаринъ. Весною и лѣтомъ, когда деревья стояли въ листвѣ, для этой цѣли, понятно, употреблялись и другія растенія и путь усыпался не только зеленью, но и цвѣтами, «красивыми и благоуханными» (I, 1, 6). Ср. Reiske, *Comm.* 38, гдѣ приводятся извѣстія о подобномъ же украшеніи улицъ и площадей для торжественнаго шествія Балдуина изъ Влахернскаго Дворца въ св. Софію и торжественнаго въѣзда Мануила Комнина въ Антиохію. О торговцахъ, украшавшихъ дворцовыя палаты дорогими матеріями и утварью для большихъ выходовъ и пріемовъ, см. *Byzantina*, I кн., стр. 174—175.

²⁾ *Serim.* I, 10, 71—72: *πρόερχονται ἅπαντες οἱ ἄρχοντες ἐν τῇ Ἀψίδι... ἀνοίξαντος δὲ τοῦ Παλατίου, οἱ μὲν τοῦ κουβουκλείου ἅπαντες εἰσέρχονται διὰ τῶν διαβατικῶν τῶν ἁγίων μ', ἐνδεχόμενοι ἐκεῖσε τὸν βασιλέα, οἱ δὲ πατρίκιοι καὶ στρατηγοὶ ἅμα τῶν domestικῶν ἵστανται ἐν τῷ Ἡμικυκλίῳ τοῦ Τρικόγχου, ὡς εἶθισται αὐτοῖς.* Ср. I, 23, 128 (Рождество Христова), гдѣ сказано

Собравшись въ разныхъ пунктахъ Дворца, чины, если уже не приходили въ облаченіяхъ, облачались до выхода царя въ соотвѣтствующія празднику парадныя облаченія, такъ какъ Придворный Уставъ, какъ и Церковный, предписывалъ для разныхъ праздниковъ разныя облаченія, почему при извѣщеніи о выходѣ указывалось чинамъ, что они имѣютъ собраться съ облаченіями, соотвѣтствующими празднику или предстоящему придворному обряду. Вслѣдствіе этого и праздничные дни называются иногда днями облаченій (*ἡμέραι ἀλλαξίμων*)¹⁾.

Между тѣмъ какъ въ ежедневныя собранія чины собирались, какъ мы видѣли, въ скарамангіяхъ, а въ воскресные дни въ скарамангіяхъ и плащахъ, въ большіе праздники, когда дѣлались торжественные выходы въ св. Софію, высшіе чины облачались въ хламиды разнаго цвѣта и матерій. Такъ, въ первый день Пасхи 12 самыхъ высшихъ саповниковъ въ чинѣ магистра и аеѳипата облачались въ лоры, а прочіе аеѳипаты и патрикіи въ камисіи и бѣлыя хламиды съ золотыми пашивками (*μετὰ τῶν καμησιῶν καὶ λευκῶν χρυστάβλων χλαμιδίων*). Въ такихъ же бѣлыхъ

почти то же и гдѣ послѣ: *οἱ δὲ τοῦ κουβουκλείου ἄπαντες εἰσεργόμενοι διὰ τῶν διαβατικῶν τῶν ἁγίων* и слѣдуетъ, по всей вѣроятности, добавить: *ἐκδέχονται ἐκείσε τὸν βασιλέα*. Въ I, 26, 143 (Крещенье) сказано, что чины собираются *ἐνὸς ὄριος* въ Полукругѣ Апеиды. Въ общемъ обрядѣ только относительно препозитовъ сказано, что они со всемъ чиномъ кувуклія входятъ въ Кавалларію (*εἰς τὸν Καβαλλάριον*) и ждутъ тамъ открытія Дворца, а по открытіи великимъ папѣю Дворца, входятъ *καὶ καθέζονται ἐν τῷ βήλῳ τοῦ Πανθέου* (I, 1, 6). Относительно Кавалларія можно только сказать, что это былъ одинъ изъ выходовъ Дворца (ср. II, 13, 557), находившіяся по всей вѣроятности недалеко отъ Хрисотриклины. Болѣе точныя опредѣленія Кавалларія у Лабарта (*Palais*, p. 86; ср. 106) основаны на изображеніяхъ самого же Лабарта. Почему общій обрядъ говорить, что препозиты съ кувукліемъ собирались въ Кавалларію, между тѣмъ какъ, по специальнымъ обрядамъ, чины кувуклія собирались въ Апсидѣ или Полукругѣ Триконха, сказать трудно. Очень возможно, что обычай, указанный общимъ обрядомъ, установился послѣ написанія специальныхъ обрядовъ, вслѣдствіе новыхъ построекъ и передѣлокъ въ Апсидѣ, промзведенныхъ послѣ написанія специальныхъ обрядовъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, чины кувуклія, и находясь въ Кавалларію, были также близко къ Хрисотриклину, какъ и въ Полукругѣ Триконха. — Объ Апсидѣ, Триконхѣ, его Полукругѣ (Сигмѣ) и ведущихъ къ нему переходахъ см. Обзоръ главн. частей Большаго Дворца, стр. 86 и слѣд.

¹⁾ Напримѣръ, въ обрядѣ 1 мая сказано: *πρὸ μιᾶς ἡμέρας κελεύουσιν οἱ δεσπῶται τοῖς προϊετοῖς προσελθεῖν ἐπὶ τῇ αὔριον μετὰ ἀλλαξίμων πᾶσαν τὴν σύγκλητον* (I, 20, 118). Ср. I, 1, 121. Короче выражено это I, 41, 207: *πρὸ μιᾶς ὀδοῦ ἀπόκρισις ἀλλαξίμων*. Ср. I, 44, 225; I, 47, 236. *Ἡμέρα ἀλλαξίμων* I, 51, 261; II, 3, 526; II, 4, 527. *Δίδονται μάνδατα ἀλλαξίμων* II, 21, 615; II, 23, 620. Предъ взглядомъ въ какойнибудь изъ городскихъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ храмовъ въ праздники святыхъ, отдавался чинамъ приказъ собираться къ мѣсту выѣзда въ скарамангіяхъ (II, 13, 557). Хотя въ обрядахъ большихъ Господнихъ и Богородичныхъ праздниковъ о приказѣ собираться въ томъ или другомъ облаченіи не говорится, быть можетъ, потому, что распоряженіе о томъ, въ какихъ облаченіяхъ нужно быть, подразумевается само собою; но болѣею частію въ обрядахъ все-таки указано, въ какихъ облаченіяхъ были чины; иногда, впрочемъ, говорится просто: собираются въ облаченіяхъ (*προεργονται ἡλλαγμένοι*), само собою разумѣется, надлежащихъ.

хламидах собирались высшіе чины и во всѣ остальные дни Пасхальной недѣли ¹⁾).

Въ Троицынъ день царь и чины облачались въ бѣлыя облаченія. Въ Крещеніе, какъ въ праздникъ свѣтовъ, употреблялись также бѣлыя облаченія, но безъ лоровъ. Въ Преображеніе, Рождество Христово и Рождество Богородицы царь и чины облачались въ пурпурныя одежды, въ Благовѣщеніе опять въ бѣлыя, но въ Великую Субботу въ темныя. При саракинскихъ послахъ, для большей торжественности, едѣлао было отступление отъ Устава: въ Преображеніе цари дѣлали выходъ въ св. Софію въ лорахъ ²⁾, какъ въ Пасху.

¹⁾ I, 1, 24. Ср. I, 10, 71 (въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли *προέρχονται ἅπαντες οἱ ἄρχοντες ἀπὸ λευκῶν χλαυιδίων ἐν τῇ Ἀψίδι, ἀλλάσσοσι δὲ* (облачаются) *οἱ μὲν πατρικιοὶ χλαυιδία χρυσόταβλα, οἱ δὲ λοιποὶ ἕκαστος κατὰ τὴν αὐτοῦ τάξιν καὶ ἀξίαν*), I, 11, 86 (во вторникъ), I, 12, 89 (въ среду), I, 14, 91 (въ четвергъ), I, 15, 96—7 (въ пятницу и субботу *προέρχονται ἠλλαγμένοι ἀπὸ λευκῶν χλαυιδίων*). Относительно облаченія въ лоры чиновъ, кромѣ царя, ср. еще II, 40, 637 слѣд. Объ облаченіи въ лоры рѣчь будетъ ниже, при положеніи особенностей Пасхальнаго выхода.

²⁾ Облаченія царя въ праздничные дни во время хода въ храмъ и возвращенія изъ храма указаны въ особій главѣ (I, 37, 187—191), но указанія этой главы не всегда сходятся съ указаніями отдѣльныхъ обрядовъ (напр., относительно Благовѣщенія). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ данныхъ относительно цвѣта облаченій чиновъ, можно руководствоваться цвѣтомъ царскихъ облаченій, такъ какъ обыкновенно царь и высшіе чины облачались по одному типу. Обрядъ Рождества Христова гласитъ: *προέρχονται ἅπαντες ἠλλαγμένοι φοροῦντες οἱ πατρικιοὶ καὶ οἱ τοῦ κουβουκλείου καὶ οἱ τὰ πρῶτα ἀφρῖκια κατέχοντες χλαυιδία, οἱ μὲν τύρεα καὶ μηλινοκάθροπτα, καὶ οἱ τοῦ κουβουκλείου τύρεα, οἱ δὲ ταῦνας κογχεοτούς, ἕτεροι δὲ μαρζυλία* (I, 23, 128). Въ этомъ перечнѣ облаченій только τύρεа можно съ нѣкоторою вѣроятностію принимать, согласно съ объясненіемъ Дюканжа (Gloss. latin. s. v. Tyrius) и Reiske (Comment. 221), въ смыслѣ краснаго, пурпурнаго, собств. Тирскаго, тѣмъ болѣе, что и царь въ Рождество Христово облачался также въ *πορφύρα διβήτησια καὶ τὰς τούτων χλαυιδίας* (I, 37, 190). Остальные облаченія и особенности ихъ составляютъ загадку, которая, быть можетъ, будетъ разгадана тогда, когда установлено будетъ названіе и значеніе византійскихъ парадныхъ облаченій вообще, въ такомъ обиліи встрѣчающихся на памятникахъ искусства. Къ сожалѣнію, изъ этихъ облаченій, сколько мнѣ извѣстно, только сравнительно непогимъ можно дать названіе и навѣрное опредѣлить назначеніе. Въ Троицу цари облачались въ бѣлыя *δινιτίσι* и соотвѣтствующія имъ хламиды (I, 37, 189), а такъ какъ чины облачаются подобно царю, то можно думать, что и чины облачались въ Троицу въ бѣлыя облаченія. Въ Крещеніе, какъ и наканунѣ, всѣ *προέρχονται ἠλλαγμένοι ἀπὸ λευκῶν* (I, 26, 143), *διὰ γὰρ τὴν ἑορτήν τῶν φωτῶν ὅ τε βασιλεὺς καὶ ἡ σύγκλητος λευκὰ ἀλλάσσοσιν*, какъ замѣчено въ обрядѣ кануна Крещенія (I, 25, 142). Въ Благовѣщеніе *ἀλλάσσοσιν οἱ μὲν πατρικιοὶ χλαυιδία λευκὰ, ἔχοντα ταβλία ἀπὸ ὀξέων* (т. е. съ пурпурными нашивками на хламидахъ), *ἐν γὰρ ταύτῃ τῇ ἑορτῇ οὐ φοροῦσιν τὰ ὑποχρυσολάβων ταβλίων χλαυιδία* (какъ въ Пасху), *ὡσαύτως καὶ ἡ σύγκλητος πᾶσα ἀπὸ λευκῶν χλαυιδίων* (I, 30, 163). Въ Великую Субботу *ἀλλάσσοσιν οἱ τε πατρικιοὶ, δομέστικοὶ τε καὶ ἡ σύγκλητος ἅπανα ἀτραβατικά χλαυιδία*, а начальники кувукліа *χλαυιδία τύρεα* (I, 35, 180—1). *Ἀτραβατικά χλαυιδία* означаютъ: темныя хламиды (см. Reiske, Comment. p. 244, который говоритъ на основаніи Du Cange, Gloss. Lat. s. v. Atrabatiens). Сюда сравниваетъ этотъ цвѣтъ съ цвѣтомъ сушенаго винограда, вѣроятно, краснаго или темно-краснаго (Sophocles, Greek Lexicon s. v.). Относительно значенія *ὀξός* и *ὀξόβλαττος* см. Reiske, Comment. p. 228, 555 и 753. Всего выше-сказаннаго относительно разницы въ облаченіи въ разные праздники, полагаю, вполне до-

Пока такимъ образомъ чины собирались въ разныхъ пунктахъ и облачались въ соответствующія празднику одежды, въ Хрисотриклинѣ шли приготовления для облаченія царя. Веститоры, вошедшіе, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ чинами кувублія въ переходы 40 мучениковъ, входили оттуда въ Хрисотриелинъ и вмѣстѣ съ кувикюляріями, завѣдывавшими царскими облаченіями и состоявшими подъ начальствомъ помощника папіи, папіи діатаріями, подъ руководствомъ и по указаніямъ помощника папіи, шли въ храмъ св. Теодора, находившійся въ сѣверо-восточномъ углу Хрисотриелина и служившій ризницею парадныхъ царскихъ облаченій, и брали тамъ длинные плоскіе ящики (*τὰ ταβλίαι*); въ которыхъ хранились царскія облаченія, и ларцы (*τὰ κορνίλλια*) съ царскими коронами ¹⁾. Тѣ предметы облаченія, которые царь долженъ былъ надѣть предъ началомъ торжественнаго шествія изъ Августея въ св. Софію, относились въ лежащую за Августеемъ осьмиугольную комнату, Октагонъ, предъ храмомъ св. Стефана во дворцѣ Дафны, и тамъ оставляли, чтобы всѣ эти предметы были на готовѣ, когда настанетъ время облачать царя. Другіе предметы облаченія, которые царь долженъ былъ надѣвать во время дальнѣйшаго шествія или на возвратномъ пути, оставались у вышеназванныхъ чиновниковъ и доставлялись ими въ надлежащія мѣста, по указанію помощника папіи, которому, безъ сомнѣнія, сообщались препозитомъ подробности предстоящаго выхода. На случай починокъ и поправокъ предметовъ царскаго облаченія во время шествія за ними слѣдовали портные и золотыхъ дѣлъ мастера ²⁾.

статочно, чтобы убѣдиться въ томъ, что облаченія, какъ въ церковныхъ службахъ, видоизмѣнялись сообразно съ праздникомъ, или цвѣтомъ и матеріею, или по крайней мѣрѣ нашивками. Пускаться въ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ считаю здѣсь неудобнымъ и несумѣстнымъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко; при трудности и неразработанности этой части византійской археологій, говорить обстоятельно объ облаченіяхъ значитъ поднимать весь темный и запутанный вопросъ о визант. *res vestiaria*, въ которомъ о многихъ и важныхъ предметахъ и теперь, какъ и во времена Reiske, почти ничего опредѣленнаго сказать нельзя.

¹⁾ *Ταβλίαι* (отъ *tabula*) назывались плоскіе продолговатые ящики (по нашему картонны) для храненія и перенесенія полныхъ облаченій, подобранныхъ и уложенныхъ въ такой ящикъ. Кромѣ этихъ, такъ сказать, гардеробныхъ *ταβλίαι*, плоскихъ и длинныхъ ящиковъ, слово *ταβλίαιον* означаетъ табличевидную нашивку или вышивку на хламидахъ патриковъ и другихъ самыхъ высшихъ чиновъ. *Κορνίλλια* = *cornicula*, собств. рожки, обозначаетъ цилиндрическіе ларцы (*pyxides cylindricae*), имѣвшіе нѣкоторое сходство съ пустымъ рогомъ. Въ нихъ хранились и переносились на мѣсто облаченія царскіе вѣнцы или короны.

²⁾ Такъ какъ цари, во время праздничныхъ выходовъ, иногда нѣсколько разъ перемѣняли облаченія и вѣнцы, то для выхода очевидно бралось столько облаченій, сколько разъ предстояло царю переоблачаться. Хотя въ обрядѣ большихъ выходовъ говорится только объ одномъ облаченіи, относимомъ въ Октагонъ Дафны, но частія переоблаченія цари во время выходовъ заставляютъ предполагать, что для выходовъ, по крайней мѣрѣ

Кромѣ царскихъ облаченій и вѣнцовъ, веститоры брали изъ храма св. Феодора хранившійся тамъ Жезлъ Моисея, который относился ими въ Консисторію, отсюда этотъ жезлъ веститоры несли впереди процессіи вмѣстѣ съ большимъ и священнымъ крестомъ св. Константина Великаго, стоявшимъ обыкновенно въ храмѣ св. Стефана Дафны (I, 23, 129). Крестъ этотъ веститоры брали послѣ поклоненія ему царя и относили также въ Консисторію ¹⁾).

нѣкоторыхъ, бралось по нѣскольку разныхъ облаченій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нѣтъ надобности припоминать много подобныхъ случаевъ. Достаточно просмотрѣть указанную уже 37 гл. I книги (р. 187 слѣд.), чтобы увидать, что царь во время выходовъ иногда нѣсколько разъ переоблачался или только перемѣнялъ корону, особенно если выходъ соединялся съ крестнымъ ходомъ и царь не только шелъ, но и ѣхалъ на лошади туда или обратно. Такъ, напримѣръ, въ Вознесеніе, когда совершался выѣздъ въ храмъ пресв. Богородицы Иегочника, за городъ, царь садился въ лодку въ скарамангін, по выходѣ изъ лодки надѣвалъ около Золотыхъ воротъ вѣнецъ, по прибытіи въ храмъ, облачался въ дивитіей и хламиду, потомъ, по окончаніи обѣдни въ плащъ (σχιλον). Serim. I, 18, 108 слѣд. Во время выхода въ св. Софію въ 1-й день Пасхи, какъ мы увидимъ при дальнѣйшемъ изложеніи, цари также переоблачались нѣсколько разъ, потому чины, состоявшіе подъ начальствомъ девера при царскихъ парадныхъ облаченіяхъ, въ томъ числѣ и веститоры, должны были носить и доставлять на мѣсто всѣ необходимыя перемѣны. О всѣхъ этихъ чинахъ и начальникѣ царской парадной ризницы, деверѣ, сказано въ приложеніи къ Обзору главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 163 сл. Тамъ же сказано и о ношеніи веститорами во время процессіи жезла Моисеева и большаго креста св. Константина.

¹⁾ Что крестъ св. Константина хранился въ храмѣ св. Стефана Дафны, это видно изъ того, что царь, какъ мы сейчасъ увидимъ, молится передъ нимъ въ этомъ храмѣ, а кромѣ того, въ перечнѣ священныхъ предметовъ, облаченій и другихъ цѣнныхъ вещей, хранившихся въ разныхъ дворцовыхъ храмахъ, въ храмѣ св. Стефана Дафны значится большой крестъ св. и Великаго Константина, между тѣмъ какъ жезлъ Моисея значится въ числѣ предметовъ, хранившихся въ храмѣ св. Феодора въ Хрисотриклинѣ (II, 40, 640), а это совершенно согласно съ тѣмъ, что говорится объ этихъ предметахъ въ общемъ обрядѣ большихъ выходовъ (I, 1, 6—7).

Жезлъ Моисея (ἡ τοῦ Μωσέως Ῥάβδος), по словамъ Колина (de aedific. p. 103 Bonn), былъ привезенъ въ Константинополь при Константинѣ Великому, который встрѣтилъ его у воротъ св. Эмилиана и вскорѣ построилъ здѣсь храмъ пресв. Богородицы, куда и положенъ былъ Жезлъ Моисея, благодаря которому и храмъ этотъ сталъ называться храмомъ пресв. Богородицы Жезла (объ этомъ храмѣ см. Du Sange, Const. Christ. lib. IV p. 64, ed. Venet., = p. 96 Paris.). Но потомъ Константинъ перенесъ Жезлъ Моисея во Дворецъ. Въ IX—X вв., какъ показано, Жезлъ Моисея находился въ храмѣ св. Феодора, въ Хрисотриклинѣ. Когда Хрисотриклинъ и прилегающіе къ нему покои были оставлены царями, Жезлъ Моисея былъ перенесенъ въ Новую Великую Церковь и поставленъ въ одномъ изъ алтарей этого храма (а не во Дворцѣ Вуколеонта, какъ сказано у гр. Riant'a въ Euxinae Constantinopolitanae sacrae, Geneva, II, 1878, p. 223 въ лат. переводѣ путешествія Антонія Новгородскаго, сдѣланномъ о. Мартыновымъ). Здѣсь «въ велицей церкви» видѣлъ Антоній Новгородскій этотъ Жезлъ или, какъ онъ называетъ, «палицу Моисеову, еуже море раздѣлилъ и люди проведе сквозъ не, а Фараона потопивъ въ мори со Египтяны. Той же посохъ, прибавляетъ Антоній, окованъ со драгимъ камнемъ» (изд. г. Савваитова, стр. 101). По описанію Nicolaus Thingeurgensis, Жезлъ Моисея находился in palatiis antiquis, безъ указанія, гдѣ именно; изъ этого не слѣдуетъ однако-жъ, что онъ находился во дворцѣ Вуколеонта, какъ думаетъ гр. Riant (Euxinae s. C—nae, II, p. 213; ср. index, p. 398). Вскорѣ послѣ того, какъ Жезлъ Моисея и другія святыни видѣлъ Антоній Новгородскій, онѣ

Въ одно время съ веститорами въ храмъ св. Θεодора въ Хрисотриклинѣ входили царскіе оруженосцы, спаѳаріи, и брали хранившееся тамъ парадное царское оружіе: мечи, щиты и копья, которые оруженосцы должны были нести въ процессіи. Предъ выходами въ св. Софію парадное оружіе спаѳаріи относили въ Оноподъ и тамъ дожидались выхода царя изъ Августея въ полномъ облаченіи и затѣмъ присоединялись къ процессіи (I, 1, 7), которая, послѣ облаченія царя, принимала вполнѣ торжественный, парадный характеръ ¹⁾.

Во время этихъ приготовленій къ праздничному торжественному шествію въ храмъ, въ Хрисотриклинѣ шли обычныя приготовленія къ выходу царя изъ своего покоя. Тѣмъ же порядкомъ, какимъ приносили и клали на скамью у входныхъ дверей изъ южной камары Хрисотриклина въ покой царя царскіи скарамангій въ обыкновенные дни, выносили, клали и вносили въ покой скарамангій и въ праздничные дни, только скарамангій были разные и, какъ все облаченіе, согласовались съ характеромъ и важностію праздника.

были похищены не столько благочестивыми, сколько жадными и корыстолюбивыми крестоносцами. Жезль Моисея вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими святынями увезенъ былъ въ Soisson епископомъ Нивелонемъ (a Nivelone Suessionensi, Euxiviae, II, 33) въ 1206 г. Изъ письма Балдуина II къ Людовику IX, написанному въ 1247 г. изъ С.-Жермена, мы узнаемъ, что Жезль Моисея вмѣстѣ съ другими святынями былъ выкупленъ Людовикомъ IX изъ залога за дорогую цѣну, съ согласія Балдуина II, который послѣ этого предоставилъ его въ полную собственность Людовику. Жезль Моисея и другія святыни, пріобрѣтенныя такимъ образомъ, были поставлены Людовикомъ въ св. Капеллѣ (S. Chapelle), гдѣ они находились и сохранялись въ цѣлости до большой французской революціи. Во время революціи, въ 1792 г., Жезль Моисея, вмѣстѣ со многими другими святынями и древностями, пропалъ или былъ уничтоженъ (Riant'a, Des dépouilles religieuses enlevées à Constantinople au XIII siècle par les Latins, Paris, 1875, p. 180, таблица святынь съ показаніемъ мѣста похищенія, нахождения потомъ и времени исчезновенія. Книга гр. Riant'a представляетъ оттискъ изъ Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France, tom. XX XVI). Крестъ св. Константина, находившійся въ храмѣ св. Стефана Дафны, по словамъ гр. Riant'a (des Dépouilles religieuses, p. 178), достался также Людовику IX и хранился въ S. Chapelle, а въ 1792 былъ уничтоженъ вмѣстѣ съ другими святынями. Такъ какъ этотъ большой и великолѣпно украшенный крестъ носился въ процессіяхъ и крестныхъ ходахъ впереди царя, то онъ, безъ сомнѣнія, былъ съ рукояткою, за которую его держалъ носившій и которою онъ вставлялся въ поставецъ на мѣстѣ своего постоянного храненія. Такой крестъ, если не тотъ самый, изображенъ въ Menologium Basilii подъ 26 янв. Ed. Albani, II, p. 137, гдѣ дается изображеніе крестнаго хода. Предъ царемъ и патріархомъ идетъ крестоносецъ (σταυροφόρος) съ такимъ крестомъ.

¹⁾ Согласно съ указаніемъ общаго обряда, въ перечнѣ предметовъ, хранившихся въ храмѣ св. Θεодора, значатся мечи (σπαθία), два золотые щита, украшенные эмалью и драгоценными камнями, и два древка или копья серебряныя вызолоченныя (Cegim. II, 40, 640). Два спаѳаріи съ этимъ царскимъ оружіемъ часто изображаются на разныхъ художественныхъ памятникахъ идущими или стоящими возлѣ царя. На этихъ щитахъ во весь кругъ ихъ сдѣланы монограммы имени Христа; напр., на знаменитой и много разъ изданной Равеннской мозаикѣ, на которой изображено шествіе Юстиніана въ храмъ, направо отъ царя идетъ спаѳарій съ царскимъ параднымъ щитомъ, украшеннымъ монограммою ✠.

Когда все было готово для предстоящаго выхода, во 2-мъ часу дня (=8-мъ утра)¹⁾, царь, сопровождаемый китонитами, выходилъ въ скарамантии изъ своего покоя въ Золотую Палату и, какъ въ обыкновенные дни, прежде всего направлялся въ восточную конху и молился предъ образомъ Спасителя. Какъ только царь помолится и выйдетъ изъ восточной конхи, изъ за завѣсы Пантеона выходили препозиты и поклонялись царямъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ логоуетъ въ простые дни. Послѣ поклона препозитъ входилъ въ Хрисотриклинь и, вступивъ въ обязанности распорядителя церемоніи, приказывалъ подавать царю золотомъ обшитый плащъ. Облачившись въ него, царь, сопровождаемый препозитами, китонитами, паракимоменомъ, протовестіаріемъ, папіею, девтеромъ и другими высшими и ближайшими чинами кувуклія, частію вышедшими съ царемъ изъ его покоя, частію присоединившимися въ Хрисотриклинь, выходилъ чрезъ Филакъ въ переходы 40 мучениковъ, гдѣ ему поклонялись и привѣтствовали собравшіеся здѣсь остальные члены кувуклія, которые затѣмъ присоединялись къ свитѣ царя и шли съ нимъ дальше²⁾.

¹⁾ Въ Благовѣщеніе выходъ начинается въ половинѣ 2-го часа дня == 7¹/₂ утра (I, 30, 162). Въ Великую Субботу, во вторникъ Пасхальной недѣли и Антипасху выходъ начинается въ 3-мъ часу == 9-мъ утра (I, 11, 86; I, 16, 97; I, 35, 180). Выходы въ дворцовые храмы начинались большею частію во 2-мъ часу, напримѣръ, 1 января въ праздникъ св. Василія (I, 24, 137), св. Димитрія (I, 21, 122); освященія Новой Великой Церкви, 1 мая (I, 20, 119); св. Иліи (I, 19, 115). Въ Троицу, Никифоръ Фока, послѣ приѣма Лютпранда и бесѣды съ нимъ, сказалъ: *secunda hora iam transit; παρέλευται nobis est celebranda* (Legatio, с. 8, Pertz, Monumenta, V, р. 349). Такъ какъ послѣ этого царю предстояло еще пройти чрезъ значительное количество помѣщеній и почти во всѣхъ принимать поклоненія, выслушивать привѣтствія и пѣнопѣнія димовъ и другихъ лицъ, то, нужно думать, царь проходилъ въ храмъ не раньше начала 10-го часа. А такъ какъ царь приходилъ предъ «малымъ входомъ», т. е. предъ внесеніемъ Евангелія въ алтарь, то литургія, по всей вѣроятности, начиналась въ большіе Господніе праздники въ 9 часовъ по нашему или въ началѣ 4-го часа дня по старому времячисленію.

²⁾ Въ обрядахъ чины кувуклія, выходящіе съ царемъ изъ Китона въ Хрисотриклинь и отсюда въ переходы 40 мучениковъ или Трипстонъ и сопровождающіе царя дѣлѣ, обыкновенно называются или *ἀρχόντες τοῦ κουβουκλείου* или просто *οἱ τοῦ κουβουκλείου* (напр. I, 10, 72: *ἀνοίξαντος δὲ τοῦ παλατίου οἱ μὲν τοῦ κουβουκλείου ἅπαντες εἰσέρχονται διὰ τῶν διαβατικῶν τ. ἀγίων μ', ἐκδεχόμενοι ἐκεῖσε τὸν βασιλέα... ὁ δὲ βασιλεὺς ἀγρευόμενος ὑπὸ τῶν τοῦ κουβουκλείου... ἐξέρχεται...* I, 11, 86: *ὁ δὲ βασιλεὺς, ἀγρευόμενος ὑπὸ τῶν ἀρχόντων τοῦ κουβουκλείου διέρχεται διὰ τοῦ Χρισотρικλίνου...* Ср. I, 35, 180). Подъ этими общими обозначеніями разумѣются какъ тѣ члены кувуклія, которые служатъ и частію постоянно, частію поочередно находятся въ покояхъ царя, такъ и тѣ, которые не состояли постоянно при особѣ царя, а являлись во Дворецъ только днемъ или по особымъ повѣткамъ, для отправленія разныхъ обрядовъ. Къ первымъ принадлежатъ китониты, т. е. кувукуляріи, служившіе въ царскихъ покояхъ, и такіе близкіе къ особѣ царя чины кувуклія, какъ паракимомень, протовестіарій, папія, девтеръ и т. п. Ко вторымъ принадлежатъ остальные чины кувуклія, военные и гражданскіе, изъ которыхъ многіе не принадлежали къ штату лицъ, служившихъ при особѣ царя, а, имѣя чинъ, присвоенный евнухамъ, и принадлежа къ кувуклію, являлись во Дворецъ только въ извѣстныхъ случаяхъ. Первые, по всей вѣроятности, частію выходили съ царемъ изъ покоевъ, частію присоединялись къ

Изъ переходовъ 40 мучениковъ царь, сопровождаемый чинами кувуклія чрезъ гладкую дверь (*γανωτή τὴν πόλιν*) Триконха входилъ въ Полукругъ или Сигму Триконха, гдѣ, какъ мы видѣли, собирались высшіе сановники и чины царской свиты и охраны ¹⁾. Въ числѣ встрѣчающихся здѣсь и привѣтствующихъ царя упоминаются: логоеть дрома, протоасикритъ, протопотарій, каниклій, протоспаѳаріи царскіе или хрисотриклиныты, спаѳаріи царскіе съ своимъ катепаномъ и domestикомъ, маглавиты и эте-

нему въ Хрисотриклинѣ, а вторые встрѣчали царя въ переходахъ 40 мучениковъ. Правда, паракимомень, протосвѣтарій, девтеръ и др. высшіе чины кувуклія не называются поименно въ числѣ сопровождающихъ, но присутствіе ихъ частію нужно предполагать, такъ какъ они-то именно и могутъ называться *ἄρροτες τ. κουβουκλείου*, а частію въ дальнѣйшемъ ходѣ процессіи они прямо упоминаются, какъ присутствующіе или принимающіе участіе въ какомъ-нибудь дѣйстви. Такъ, напр., не упоминаются поименно при выходѣ царя «состоящіе при облаченіяхъ», девтеръ и китониты облачаютъ царя вмѣстѣ съ веститорами въ лоры во время Пасхальнаго выхода (I, 1, 25). Паракимомень, какъ самый близкій къ царю чинъ кувуклія, охранявшій и ночью спящаго царя, также несомнѣнно, фигурировалъ въ процессіи и притомъ шелъ въ скарамангій съ мечемъ, прямо за царемъ, какъ мы знаемъ изъ исторіи Василія Македоняна, который въ день своей коронаціи, во время выхода въ Троицкій день, *τὸν βασιλέως (Μιχαὴλ III) διερχομένου ἐν τῇ προεδείξει ὀπισθεν περιπάτει, φορῶν ἀκαρμάγγιον μετὰ σπαθίου, ὡς ἔθος τοῖς παρακοιμωμένοις* (Georg. Mon. de Mich. et Theod. c. 30, ed. Bonn, p. 832).

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ (I, 1, 7) названы въ числѣ привѣтствующихъ здѣсь царя маглавиты, этерія, логоеть, каниклій, протоасикритъ и протопотарій. Въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли сказано, что въ Полукругѣ Триконха собираются патрикіи и стратиги съ domestиками, которые и привѣтствуютъ здѣсь царя, а отсюда царь *ἠερχόμενος ἀπὸ τε τῶν τῶν κουβουκλείου, протоспаѳарίων ζαβράτων, μαγλαβιτῶν καὶ λοιπῶν οἰκειῶν*, идетъ въ Дафну (I, 10, 72). Въ чинѣ Рождества Христова сказано также, что въ Полукругѣ Апейды или Триконха царя встрѣчаютъ патрикіи и стратиги съ domestиками (I, 23, 128). Изъ этихъ двухъ специальныхъ обрядовъ можно заключить, что въ Полукругѣ Триконха царя встрѣчали патрикіи и стратиги вообще все; но принимая во вниманіе, что все вообще высшіе чины привѣтвовали царя послѣ облаченія, въ портикѣ Августея и Оноподѣ, и что, съ другой стороны, логоеть дрома, протоасикритъ, протопотарій и нѣкоторые другіе встрѣчаютъ иногда царя даже раньше этерія, маглавія и всѣхъ чиновъ кувуклія (напр., I, 21, 123), не говоря уже о патрикіяхъ и стратигахъ вообще,—правильнѣе, кажется, думать, что до облаченія, въ Полукругѣ Триконха царя встрѣчали только нѣкоторые, ближайшіе къ царю высшіе чины, а не все вообще патрикіи и стратиги, и что поэтому подъ общимъ названіемъ патрикіевъ и стратиговъ въ указанныхъ специальныхъ обрядахъ нужно разумѣть только нѣкоторыхъ изъ нихъ, а не всѣхъ, тѣмъ болѣе, что въ обрядахъ подобныя общія обозначенія, сдѣланныя для краткости, встрѣчаются часто, а при краткомъ изложеніи какого нибудь обряда и вовсе иногда не упоминаются фигурирующіе здѣсь или тамъ лица. Такъ, напр., ни въ Рождественскомъ обрядѣ, ни въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли не говорится, что въ Августеѣ, когда царь выходитъ туда прямо послѣ облаченія въ Октагонѣ, до выхода царя въ портикъ Августея, опять стояли (*ἵσταται*) тѣ же чины: логоеть, каниклій, катепанъ царскихъ, маглавія и этерія, а въ общемъ обрядѣ, который вообще даетъ больше подробностей, чѣмъ частные обряды, эта подробность указана (I, 1, 9). А присутствіе здѣсь этихъ лицъ во время пребыванія царя въ Китонѣ Дафны и Октагонѣ опять-таки указываютъ на ихъ особую близость и особое положеніе, сравнительно со всеми вообще патрикіями и стратигами, и говорить опять-таки въ пользу того, что не все патрикіи и стратиги привѣтвовали царя въ Полукругѣ Триконха и что въ частныхъ обрядахъ общамъ именемъ названы тѣ чины, которые въ общемъ и нѣкоторыхъ другихъ обрядахъ перечислены подробнѣе.

рія съ этеріархомъ и другіе высшіе и ближайшіе къ царю гражданскіе и военные чины, которые, благодаря своей близости къ царю, привѣтствовали и встрѣчали его раньше прочихъ чиновъ синклита, высшихъ и низшихъ, встрѣчавшихъ цари уже послѣ облаченія, когда онъ выходилъ въ полной парадной формѣ.

Предшествуемые и сопровождаемые всѣми этими чинами и охраняемые маглавитами, этеріотами и царскими протоспаѳаріями, цари шли изъ Полукруга или Сигмы Триконха чрезъ Апсиду во дворецъ Дафны, войдя въ который, заходили прежде всего въ дворцовый храмъ (*εὐκτήριον* или *ναός*) пресв. Богородицы, брали восковыя свѣчи у препозитовъ, которымъ подавали несшіе ихъ кувикюляріи, и съ зажженными свѣчами въ рукахъ совершали троекратный поклонъ и молились. Отсюда цари шли въ близлежащій дворцовый храмъ св. Троицы и къ покоившимся здѣсь въ узкомъ смежномъ помѣщеніи мощамъ и также молились, совершая три поклона со свѣчами въ рукахъ. Наконецъ, цари заходили въ Крестильницу, находившуюся на пути ихъ, во дворецъ Дафны, молились предъ стоявшими тамъ тремя большими и великолѣпными крестами и давали знакъ препозиту, а этотъ послѣдній кувикюляріимъ, чтобы они предъ крестами поставили свѣчи ¹⁾).

Между тѣмъ, какъ цари молились въ означенныхъ храмахъ, протоспаѳаріи - хрисотриклиниты, этеріоты, маглавиты и другіе „царскіе“ проходили раньше царей въ Августей и становились тамъ, чтобы привѣтствовать царей, когда они туда войдутъ. Другіе, сопровождавшіе царя, высшіе чины, частью шли съ нимъ въ Августей и оставались здѣсь, частью уходили въ другіе пункты Дворца, въ которыхъ они должны были привѣтствовать царя вмѣстѣ съ прочими чинами синклита ²⁾).

Царь съ китонитами и чинами кувикюлія входилъ въ тронную палату Дафны, Августей, и, привѣтствуемый вошедшими туда ранѣе и стояв-

¹⁾ Это хожденіе по дворцовымъ храмамъ Дафны, лежавшимъ на пути изъ Апсиды въ Августей, подробно изложено въ общемъ обрядѣ (I, 1, 7—8); въ частныхъ обрядахъ эти дѣйствія излагаются обыкновенно гораздо короче, напр. I, 10, 72: *διέρχεται διὰ τῆς Δάφνης ἄπτων ὡς ἐξ ἔθους ἐν τοῖς εὐκτηρίοις κηρία*; I, 26, 143 *καὶ ἄπτει κηροῦς εἰς τὰ εὐκτήρια, ὡς εἶθισται αὐτῷ*. Почти буквально тоже I, 30, 163; I, 35, 180; I, 68, 304 (когда царь шелъ въ Ипподромъ на скачки). Только въ обрядѣ Рождества Христова сказано подробнѣе: *ὁ δὲ βασιλεὺς διέρχεται διὰ τῆς Δάφνης εἰς τὴν ἁγίαν Τριάδα κεισὶς κηροῦς ἄψας, ἐξέρχεται διὰ τῆς πλαγίας τοῦ βήματος καὶ εἰσέρχεται ἐνθα τὰ λείψανα τῶν ἁγίων, ἄπτων ἐκείσε κηροῦς, ὡσαύτως ἄπτει κηροῦς καὶ εἰς τὸν Βαπτιστήρα ἔξω εἰς τοὺς σταυροὺς*. Здѣсь опущенъ храмъ пресв. Богородицы, но за то подробнѣе описано мѣсто, гдѣ покоились мощи святыхъ: *στενάκιον*, въ которомъ были мощи, находился, очевидно, востѣ алтаря св. Троицы. Объ этихъ молельняхъ и мѣстѣ ихъ см. *Byzantina*, I кн., стр. 97 слѣд.

²⁾ Такъ, протоасикритъ и протонотарій уходять въ Консисторію и тамъ привѣтствуютъ царя съ прочими синклитиками (I, 1, 10—11).

шими уже тамъ протоспааріями, маглавитами и этеріею, проходилъ черезъ Августей въ Октагонъ, гдѣ привѣтствовали царей пришедшіе туда раньше царя чины кувуклія и ставшіе тамъ въ должномъ порядкѣ.

Изъ Октагона, находившагося предъ храмомъ св. Стефана, царь, сопровождаемый только высшими чинами кувуклія, входилъ въ храмъ св. Стефана, молился со свѣчами въ рукахъ, какъ и въ прежде названныхъ дворцовыхъ храмахъ, и затѣмъ поклонялся большому, великолѣпному и многотимому кресту св. Константина Великаго ¹⁾. Помолвившись здѣсь, цари уходили въ прилегавшій къ храму и Октагону Покой (κοιτών) Дафны ²⁾, гдѣ и дожидались того момента, когда отъ патріарха изъ храма св. Софіи придетъ референдарій съ докладомъ о ходѣ службы въ св. Софіи.

Такъ какъ дальнѣйшее шествіе царь долженъ былъ совершать въ полномъ облаченіи, то, по прибытіи въ Китонъ Дафны, онъ облачался въ *дивитисій* ³⁾. Оставшіеся въ Октагонѣ кувукуляріи и китониты брали въ

¹⁾ Крестъ этотъ, какъ мы уже видѣли, брали потомъ веститоры и уносили въ Консисторію, гдѣ онъ стоитъ при входѣ туда царя, вмѣстѣ съ жезломъ Моисея, и отсюда веститоры несутъ ихъ во главѣ шествія.

²⁾ Такіе покои (κοιτώνες), въ которыхъ царь дожидается начала или продолженія какого нибудь обряда, были не только около парадныхъ залъ во дворцахъ, но даже и при храмахъ, въ которые цари имѣли обыкновеніе ходить въ извѣстные дни. Такой покой упоминается при храмѣ св. Мокія (I, 17, 103—4) и во Влахернскомъ храмѣ (I, 27, 153). Въ другихъ храмахъ такія помѣщенія называются мутаторіями или митаторіями, т. е. комнатами для переоблаченія, переизмѣны платья. Въ каменѣ Ипподрома былъ также свой покой, гдѣ цари, придя въ Ипподромъ, дожидались обыкновенно выхода на свое мѣсто, съ котораго они смотрѣли скачки (I, 68, 304—305, 377—308).

³⁾ Хотя о снятіи скарамангія и плаща и надѣваніи дивитисія не сказано ни въ общемъ обрядѣ, ни въ обрядѣ Рождества Христова, а говорится только объ облаченіи царей въ хламиду и вѣнецъ послѣ полученія извѣстія отъ патріарха, тѣмъ не менѣе переоблаченіе, безъ сомнѣнія, всегда было и происходило притомъ обыкновенно прямо по прибытіи царей въ Китонъ, чтобы, съ прибытіемъ референдарія отъ патріарха, царю оставалось только надѣть хламиду и вѣнецъ. Кромѣ 37 гл. 1 кн., которая посвящена царскимъ облаченіямъ во время выходовъ въ праздничные дни и въ которой говорится, что въ Троицу и въ Преображеніе цари облачаются въ Китонѣ Дафны въ бѣлые дивитисіи и такія же хламиды (λευκὰ διβητήσια καὶ τὰς τοῦτων χλαμύδας), въ Рождество Христова и Крещеніе въ красныя дивитисіи (πορφύρᾳ διβητήσια) и такія же хламиды (Сег. I, 37, 189—190),—относительно этого говорятъ частные обряды. Такъ, въ Пасхальномъ обрядѣ замѣчено, что цари облачаются въ свои дивитисіи въ Покой Дафны (I, 1, 22), а по обряду Рождества Богородицы, «цари выходятъ изъ Покоя Дафны въ дивитисіи и въ Октагонѣ облачаются въ хламиду» (I, 1, 26); въ Великую субботу цари въ Китонѣ Дафны облачаются въ τὰ παλαιὰ (т. е. очевидно διβητήσια), а по выходѣ въ Октагонъ,—въ τὰς παλαιὰς χλαμύδας (I, 1, 33); въ чинѣ Благовѣщенія сказано, что, по прибытіи въ Китонъ Августей или Дафны, царь ἔπαλλάξας τὸ διβητήσιον αὐτοῦ ἐκδέχεται τὸν κληρὸν (I, 30, 163). Въ Преполовенье, по прибытіи въ храмъ св. Мокія, царь входитъ въ катахуменіи, а изъ нихъ въ находившійся возлѣ нихъ китонъ, тамъ ἔπαλλάσσει διβητήσιον ἄσπρον и дожидается извѣстія о прибытіи патріарха. Получивъ это извѣстіе, царь выходитъ изъ китона въ катахуменіи и облачается въ хламиду и вѣнецъ (I, 17, 100—101). То же самое совершаетъ въ Вознесе-

Октагонъ принесенныя туда веститорами въ ящикахъ дивитисій и хламиду и, оставивъ хламиду въ Октагонѣ, вносили дивитисій въ Покой Дафны, снимали съ царей плащъ и скарамангій и облачали въ дивитисій, который составлялъ въ IX—XI вв. необходимую принадлежность параднаго царскаго облаченія. Парадная хламида и еще болѣе торжественный лоръ надѣваются обыкновенно на дивитисій; потому въ тѣхъ случаяхъ, когда цари облачаются для торжественныхъ обрядовъ въ хламиду, они надѣваютъ ее на дивитисій, въ который цари облачаются или въ камарѣ св. Θεодора или въ другомъ мѣстѣ, смотря по тому, гдѣ долженъ начинаться или совершаться торжественный обрядъ или шествіе.

Къ сожалѣнію, не такъ легко сказать, какая собственно парадная одежда называлась дивитисіею и какія были отличительныя черты этой парадной одежды, тѣмъ болѣе, что у другихъ византійскихъ писателей эта одежда почти не упоминается ¹⁾ и всѣ данныя относительно этой одежды

не въ храмѣ пресв. Богородицы Источника (I, 18, 110). Ср. I, 19, 115, гдѣ царь надѣваетъ также дивитисій и дожидается патріарха въ Хрисотриклинѣ, а съ полученіемъ извѣстія о прибытіи патріарха, облачается веститорами въ хламиду. Что облаченіе въ дивитисій, во время выходовъ въ св. Софію, дѣлалось въ Покой (Китонѣ) Дафны, а не въ Октагонѣ, гдѣ царей облачали веститоры въ хламиду, а препозиты, по выходѣ веститоровъ, надѣвали корону, видно изъ Благовѣщенскаго обряда, гдѣ точно сказано, что царь, *облачишисъ азъ дивитисіей въ Китонѣ*, дожидался тамъ времени дальнѣйшаго шествія, а по полученіи извѣстія отъ патріарха, надѣвалъ хламиду и шелъ чрезъ Августей (I, 30, 163). Изъ другихъ вышеприведенныхъ обрядовъ также ясно видно, что цари облачались въ дивитисій именно въ Китонѣ, а для облаченія въ хламиду выходили въ соседнее помѣщеніе. Согласно съ этимъ въ обрядахъ иногда отмѣчается, что для облаченія въ хламиду, предъ выходомъ въ храмъ св. Софіи, царь выходитъ изъ Китона въ Октагонъ, по полученіи извѣстія отъ патріарха, напр., I, 1, 9; I, 23, 129; I, 26, 143: *καὶ ἐξελθὼν (ὁ βασιλεὺς) ἀπὸ τοῦ Κοιτῶνος αὐτοῦ εἰς τὸ Ὀκτάγωνον, περιβάλλεται τὴν χλαμίδα*). Кромѣ этихъ прямыхъ свидѣтельствъ, въ пользу облаченія въ дивитисій именно въ Китонѣ говоритъ то обстоятельство, что дивитисій въ парадномъ облаченіи соотвѣтствуетъ скарамангію въ полупарадномъ или обыденномъ, а скарамангій всегда надѣвается въ Китонѣ, какъ мы видѣли уже, между тѣмъ какъ хламида, соотвѣтствующая плащу въ полупарадной формѣ, надѣвается въ залахъ или помѣщеніяхъ возлѣ Китона и притомъ съ участіемъ веститоровъ, которые при облаченіи въ дивитисій, какъ и въ скарамангій, не участвуютъ, такъ какъ для надѣванія того и другаго нужно было раздѣваться царю до исподняго платья, на которое надѣвался дивитисій и скарамангій (ср. II, 19, 608: въ день триумфа, царь, выйдя изъ Хрисотриклипа въ скарамангій и сагіи, въ Дафнѣ ἀπαλλάσσει (снимаетъ) τὸ скаραμάγγιον καὶ ἀλλάσσει (надѣваетъ) τὸ διζυτήριον καὶ περιβάλλει (накидываетъ) τὴν χλαμίδα), а это могло быть только при участіи ближайшихъ къ царю членовъ кувукліи и китонитовъ. Въ виду всего вышесказаннаго указанія 37 гл. I книги, что царь въ Китонѣ Дафны облачается въ дивитисій и хламиду, нужно считать не точными, такъ какъ здѣсь имѣлось въ виду указать, какія одежды и какого цвѣта надѣвались во дворцѣ Дафны, а не гдѣ именно.

¹⁾ Въ Gloss. Gr. Дюканжа приведено только одно нижеприведенное мѣсто изъ Льва Грамматика (=Georg. Mon. p. 744 ed. Murali) и объясненіе слова διζυτήριον у Суиды посредствомъ еще менѣе понятнаго διαζύκτα. Объясненіе Леуноклавія, которому слѣдуетъ Дюканжъ, также, какъ мы увидимъ, невѣрно. Какъ мало извѣстно было Дюканжу о дивитисіяхъ, постоянно встрѣчающихся въ Придворномъ Уставѣ Константина, видно изъ того, что рядомъ съ διζυτήριον у него поставлено въ видѣ варианта чтеніе Леуноклавія διχητήριον,

находятся только въ обрядахъ Константина Багрянороднаго, гдѣ зато эта принадлежность параднаго облаченія, по понятнымъ причинамъ, является очень часто, но описывается только со стороны цвѣта, какъ и другіе предметы облаченій. Относительно же покроя одежды, какъ общепонятнаго предмета, въ обрядахъ обыкновенно, къ сожалѣнію, ничего не говорится. Объ этомъ теперь приходится только догадываться, частію на основаніи упоминаній въ Придворномъ Уставѣ Константина, частію на основаніи дошедшихъ до насъ памятниковъ искусства.

Нѣсколько догадокъ относительно названія, происхожденія и формы этой одежды высказалъ въ своемъ комментарий Reiske ¹⁾. Къ сожалѣ-

представляющее явную ошибку вмѣсто *διβητήσιον*, явившуюся благодаря сходству въ написаніи β и γ. Но Du Cange не зналъ Придворнаго Устава Константина, потому винить его нельзя. Но какъ и почему удержано ошибочное чтеніе *διαιτήσιον* въ Боннскомъ изданіи Георгія Монаха, понять трудно. Принимая во вниманіе, что въ этомъ же мѣстѣ (въ разсказѣ о коронаціи Василія Македонянина Михаиломъ III, гдѣ говорится, что предъ облаченіемъ Василія въ хламиду, *οἱ περιπόσιτοι ἐνέγκαντες διβητήσιον καὶ τὰ τζάγγια ἐνέδυσαν τὸν Βασίλειον, ὅσπερ βαλὼν τὴν γλαυρόδα ἔπεσεν εἰς τοὺς πόδας τοῦ βασιλέως*, de Mich. et Theod. c. 30), слова *βαλὼν τὴν γλαυρόδα* переведены *abiecta chlamyde*, тогда какъ здѣсь *βαλὼν* = *περιβαλλόμενος*, какъ это мѣсто и читается въ Ватиканской рукописи (см. изданіе Георгія Монаха Муральта крит. примѣч. къ стр. 744), можно думать, что издатель (Imm. Becker), поставившій и въ лат. переводѣ *dietesium*, не позаботился о разъясненіи себѣ этого мѣста, не смотря на то, что въ *Seimoniae* Константина и комментарий Reiske онъ могъ бы пайти несомнѣнные и многочисленныя доказательства того, какъ нужно понимать это мѣсто. Еще менѣе понятно, для чего американецъ Софоклесь, цитующій подѣ *διβητήσιον* обряды Константина и знавшій, надо полагать, комментарий Reiske, прибавилъ замѣтку: *Written also διαιτήσιον Theoph. Contin. p. 833* (т. е. вышеприведенное мѣсто изъ Георгія Монаха), какъ будто это дѣйствительно какой нибудь вариантъ, а неявная ошибка, которая къ тому же давно исправлена Муральтомъ въ его изданіи Георгія Монаха (р. 744). Къ такимъ же «вариантамъ» нужно, кажется, отнести написаніе *διβητήσια*, которое находится въ недавно изданной Императорскою Академіею Наукъ книгѣ г. W. Regel's *Analecta Byzantine-Rossica, Petropoli, 1891, p. LXXVI*. Здѣсь въ числѣ принадлежностей царскаго византийскаго орната названы, послѣ чернаго (?) саккоса и пояса, *διβητήσια de rougre*. Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, что нужно, по его мнѣнію, разумѣть подѣ *διβητήσια*, гдѣ авторъ нашелъ такое написаніе и почему онъ думаетъ, что цари облачались только въ *διβητήσια de rougre*. Изъ вышеприведенныхъ мѣстъ видно, что *διβητήσια* были не только *porpore*, но и *λευκά*, но всегда *διβητήσια*, а не *διβητήσια*. Если этотъ «вариантъ» не описка или опечатка, то интересно было бы знать, гдѣ его нашелъ г. Regel, а если это написаніе—конъектура, то желательно было бы знать основанія ея. Правда, г. Regel совѣтуетъ *voir pour les ornements les passages relatifs chez Const. Porphyg. et Cod. ainsi que Du Cange, dissertatio de imperat. Const. numismatibus. p. 121 suiv.*; но у Кодина слово *διβητήσιον*, сколько мнѣ извѣстно, вовсе не встрѣчается; Дюканжъ, какъ мы видѣли, почти не былъ знакомъ съ этимъ словомъ, и въ указанномъ мѣстѣ о дивитісіяхъ вовсе не говоритъ, потому что оно у греческихъ писателей, кромѣ Придворнаго Устава, почти не встрѣчается, а въ Придворномъ Уставѣ такихъ «passages», въ которыхъ было бы написано *διβητήσιον*, я, при всемъ желаніи, найти не могъ, хотя, въ виду сдѣланной ниже попытки этимологически объяснить это загадочное слово, для меня весьма важно было бы знать всѣ написанія его.

¹⁾ Reiske въ своемъ комментарий р. 244 (Bonn) говоритъ въ объясненіе словъ: *διβητήσιον τὸ παχυνόν* (Обрядъ Велик. Субботы I, 35, р. 181) *dibitisium, genus super-humeralis*

нію, Reiske въ этомъ случаѣ, какъ и многіе другіе, смѣшиваетъ время Константина Багрянороднаго съ временами Кюдина и приурочиваетъ къ X вѣку то, что было въ употребленіи во времена Кюдина, но не во времена написанія обрядовъ, вошедшихъ въ составъ Придворнаго Устава

non valde prolixi (согласно съ Леунклавіемъ у Дюканжа), а р. 424, гдѣ онъ разсуждаетъ о дивитисіи подробнѣе, сравниваетъ его съ описанной у Кюдина *Γραβάτζα* (de offic. с. VII, п. 35), причеиъ производитъ слово *διβητήσιον* отъ арабскаго *Dibetsch*, vestis splendide auro picta. Тутъ же Reiske совершенно неправильно говоритъ, что e nostro codice (т. е. изъ Cerimoniae Константина) colligitur, fuisse vestem imperialem, qua uti praeter Imperatorem, Caesarem et Nobilissimum nemini licuerit, а это повторяетъ, какъ несомнѣнную истину, Шлумбергеръ въ своемъ «Никифорѣ Фокѣ», р. 304, гдѣ сказано: *dibétésion, tunique étroite et longue, à vastes manches retombant jusqu'aux talons. avec un capuchon dans le dos, tunique que seuls le Basileus et plus tard le César et le nobilissime étaient en droit de porter.* Если это такъ, то Шлумбергеру, украсившему свою книгу многочисленными рисунками, не мѣшало бы привести хоть одинъ рисунокъ, на которомъ бы царь былъ изображенъ въ такомъ дивитисіи. Дивитисіи составляетъ предметъ параднаго облаченія не для однихъ вышеупомянутыхъ особъ, принадлежащихъ обыкновенно къ царской фамиліи, но и для высшихъ чиновъ. Такъ, въ храмѣ св. Мокія не только царь облачается въ дивитисіи, но и *οἱ εὐνοῦχοι πρωτοσπαδάριοι υπαλλάσσοσι διβητήσια ἄσπρα καὶ σαβάνα* (I, 17, 100). При приѣмѣ саракинскихъ пословъ, эти самые евнухи-протоспаваріи были одѣты въ *τὰ ἑαυτῶν στιχάρια καὶ σαβάνα* (II, 15, 574). Если мы примемъ во вниманіе, что и царскій дивитисіи называется стихаремъ (*ἐφόρεσεν* (Анастасій) *στιχάρην διβητήσιν* I, 92, 423), то не будетъ сомнѣнія, что дивитисіи протоспаваріевъ-евнуховъ тождественны съ ихъ стихарями, тѣмъ болѣе, что ихъ парадною одеждою въ другомъ мѣстѣ называется *χιτὼν λευκὸς χρυσοκόλλητος διβητισιοειδής καὶ διπλὸς κόκκινος σὺν ταβλίοις χρυσοῦφάντοις* (II, 52, 722). А если дивитисіи тождественны со стихарями, то стихари носили магистры, примикирии и нѣкоторыя другіе чины (II, 15, 574). Съ другой стороны, дивитисіи евнуховъ-протоспаваріевъ называется и хитономъ дивитисіообразнымъ. Хитономъ же называется дивитисіи въ перечнѣ чиновъ Филоея Атриклина, когда идетъ рѣчь о нобилиссимѣ, куропалатѣ и магистратѣ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ сравненія обрядовъ производства въ эти высшіе чины съ перечнемъ Филоея, который въ перечнѣ чиновъ называетъ и отличительныя ихъ одежды. Такъ, отличительною одеждою нобилиссима, кромѣ хламиды, по Филоею, служитъ *χιτὼν ἐξ ἀουργίδος χρυσοῦθετος καὶ ζώνη* (II, 52, 711), а по обряду производства въ нобилиссима, онъ приводится для надѣванія хламиды *φορῶν διβητήσιον ροβτίον* (II, 44, 227). Куропалатъ при производствѣ получаетъ *διβητήσιον ἀληθινόν* (I, 45, 230), а по Филоею, его отличительною одеждою служитъ, кромѣ пояса и хламиды, *χιτὼν κόκκινος χρυσοποικίλος* (II, 52, 711). *Βραβείον* (отличительный знакъ или одежда) магистра, по Филоею, является *χιτὼν λευκὸς ὦν χρυσοῦφάντος καὶ ἐπομῆς χρυσοτάβλος καὶ ζώνη δερματίνη κόκκινος, ἣτις λέγεται βαλτίδον* (ibid. 710), а по обряду производства въ магистра, вновь производимый получаетъ изъ рукъ царя *τὸ στιχάριον καὶ τὸ βαλτίδιον* (I, 43, 235). Въ послѣднемъ случаѣ *διβητήσιον* названъ стихаремъ, какъ и въ обрядѣ приѣма саракинскихъ пословъ дивитисіи называются стихарями (II, 15, 574). Изъ всего вышесказаннаго видно не только то, что не одинъ царь съ кесарями и нобилиссимами носили дивитисіи, но и что эти дивитисіи походили на стихари, почему и называются иногда стихарями, а иногда стихареобразными (*διβητισιοειδής*) хитонами, а это даетъ уже нѣкоторое понятіе о покроѣ этой загадочной одежды. Мы можемъ заключать отсюда, что дивитисіи имѣли широкіе рукава, какъ стихари и надѣвались, по всей вѣроятности, чрезъ голову, за неимѣніемъ полей, и были длинны какъ хитоны. Изъ того обстоятельства, что нобилиссимама, куропалатама и магистратма даются еще пояса, можно заключать, что дивитисіи у нѣкоторыхъ чиновъ подпоясывались; сверхъ ихъ надѣвалась хламида. А такъ какъ хитонъ и стихарь означаютъ такую же одежду, какъ и лат. tunica, а стихарь, какъ извѣстно, соотвѣтствуетъ далматикѣ у римлянъ и въ западной церкви, то мы имѣемъ полное право сопоставлять tunica dalmatica

Константина Багрянороднаго. Гранаца (Γρανάτζα), описанная Кодиномъ и сравниваемая Reiske съ дивитисіемъ, по всей вѣроятности, ничего не имѣетъ общаго съ дивитисіемъ. Длинные до пять рукава гранацы, у савонниковъ завязываемые на спинѣ за кушакъ, напоминаютъ дѣйствительно

съ στιχάριον διζητήσιον. Сопоставленіе будетъ еще болѣе несомнѣннымъ, если мы доберемся до этимологіи слова «дивитисій», διζητήσιον. Принимая во вниманіе, что уже императоръ Анастасій (491—518 г.) носилъ, какъ было указано, στιχάριον διζητήσιον, можно а priori признать этимологію Reiske невѣрною, такъ какъ заимствованіе одежды и названія у арабовъ для царскаго орната могло произойти только послѣ развитія арабскаго могущества и во время процвѣтанія Арабскаго Двора и арабской роскоши. При Анастасіи никакихъ заимствованій отъ арабовъ для царскаго облаченія быть не могло. Нужно поискать, слѣдовательно, другаго пути, а такъ какъ отъ Византійскаго Двора почти все пути ведутъ къ Римскому Двору и римской жизни, то естественнѣе всего обратиться за разъясненіемъ загадочнаго дивитисія въ Римъ. Если мы примемъ во вниманіе, что латинскія слова на —ensis, —ense въ греческо-византійскомъ языкѣ оканчиваются —ήσιος, —ήσιον (нѣкоторые примѣры приведены въ I кн. моихъ Byzantina, стр. 164, прим. 3), которыя позднѣе стали писаться —ισος, —ισιον (оба эти написанія чередуются въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго), то διζητήσιον, διβιτήσιον или διβιτίσιον будетъ соответствовать лат. (divitensis), divitense и еще болѣе (divitensis), divitese. Оба эти написанія имѣются въ латинскихъ эпиграфическихъ и литературныхъ памятникахъ. Хотя происхожденіе этого прилагательнаго до сихъ поръ, кажется, не разъяснено окончательно, однакожь несомнѣнно, что Divitenses, Divitēses назывались военные отряды, набравшіеся, повидимому, преимущественно изъ Далматовъ и входившіе частью въ составъ гвардіи; потому въ Notitia dignitatum довольно часто встрѣчаются отряды подъ названіемъ Divitenses Dalmatae. Подъ командою viri spectabilis ducis Daciae Ripensis, напримѣръ, было нѣсколько отрядовъ (cunei) equitum Dalmatarum (Not. dign. Orient., с. 39, ed. В ѳ e k i n g, p. 107—108). Благодаря существованію такихъ отрядовъ divitensis, divitesis, вѣроятно, сдѣлалось почти синонимомъ Dalmatensis, Dalmaticus (объ употребленіи и значеніи слова divitensis см. В ѳ e k i n g, Notitia dignit. Orientis, p. 218 сл.; ср. Occid. p. 1199; другіе случаи употребленія этого слова см. въ Index и ср. de-Vitt'a, Totius Latinitatis Onomasticum, tom. II, p. 640, гдѣ указаны все случаи употребленія этого прилагательнаго) или замѣняло собою это послѣднее: вмѣсто numerus Divitesium Dalmatarum или Divitenses Dalmatae говорили, быть можетъ, просто numerus Divetesium или Diveteses. Такое словоупотребленіе повело, вѣроятно, къ тому, что слово divetesis стало употребляться вмѣсто Dalmaticus и въ другихъ случаяхъ и прилагалось къ tunica: tunica divetensis или divetesis вмѣсто tunica dalmatica. А такъ какъ греки перевели лат. tunica посредствомъ слова χιτών или στιχάριον (см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. Στιχάριον, στιχάριον sticharium. Glossae Gr. Lat. Στιχάριον. Tunica. Vox formata ex στιχίον tunica... In Basilic lib. 20, tit. 4, cap. 25 Tunica στιχάριον exponitur...; потому и священническіе и архіерейскіе подризники называются стихарями (G o a r, Euchol. p. 59), на которые уже надѣвается фелонь. Ср. G o a r, Euchol. 2 ed. p. 97), то, въ соединеніи съ существительнымъ средняго рода στιχάριον, изъ divetese вышло по-гречески διζητήσιον στιχάριον=tunica dalmatica, а затѣмъ, какъ лат. прилагательное стало употребляться безъ существительнаго и dalmatica означало tunica dalmatica, такъ и греки стали говорить одно прилагательное διζητήσιον вм. στιχάριον διζητήσιον; потому какъ у римскихъ позднѣйшихъ писателей и средневѣковыхъ латинскихъ мы встрѣчаемъ постоянно dalmatica, такъ у Константина Багрянороднаго διζητήσιον или διβιτήσιον, διβιτίσιον. Какъ въ латинскомъ западномъ царскомъ и папскомъ орнатѣ мы встрѣчаемъ далматикъ, такъ въ средневѣковомъ греческомъ, а впоследствии и патриаршемъ (σάκκος)—дивитисій. Но какъ въ западной церкви далматика была въ то же время одеждою діаконовъ (см. выше, стр. 26 прим.), такъ въ восточной обычною одеждою діаконовъ и иподиаконовъ былъ стихарь, который наиболѣе сохранилъ свой прежній характеръ, между тѣмъ какъ далматика дѣлалась до длиннѣе, то короче, то съ болѣе или менѣе длинными, то совсѣмъ короткими рукавами, то въ видѣ

одежды разныхъ южныхъ (по западному восточныхъ) народовъ, отъ которыхъ, вѣроятно, заимствовали этотъ покрой и наши предки, но не имѣютъ ничего общаго съ дивитисіемъ.

Принимая во вниманіе, что дивитисій походилъ на стихарь и назы-

узкаго мѣшка (*sáxmos*) съ отверстіемъ для головы и для рукъ, то въ видѣ двухъ полотенецъ для переда и зада, связываемыхъ на бокахъ тесьмою или застегиваемыхъ на пуговицы. Въ IX—XI вѣкахъ въ Византійской Имперіи дивитисій—далматика, какъ видно изъ вышеприведенныхъ мѣстъ, употреблялся сравнительно часто, во всѣхъ торжественныхъ, парадныхъ выходахъ царей, и надѣвался не только подъ лоръ, но и подъ хламиду, а иногда даже подъ плащъ. Въ болѣе древнее время далматика въ такихъ случаяхъ надѣвалась не всегда, какъ видно изъ Равеннской мозаики, изображающей выходъ Юстиніана, а вѣроятно только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, напр., въ день празднованія консульства, когда далматика надѣвалась подъ лоръ, и при коронаціи. Такъ же рѣдко она употреблялась и западными императорами, которые облачались въ далматикъ, повидимому, только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, а болѣею частью изображаются въ обыкновенныхъ туникахъ съ узкими рукавами, украшенными поручами. Наши цари вмѣстѣ съ царскимъ титуломъ, а патріархи съ полученіемъ этого высшаго духовнаго сана, заимствовали отъ византійскихъ царей и патріарха далматикъ = дивитисіи, первые въ видѣ царскаго платна съ широкими рукавами, сдѣланнаго по возможности сходнымъ съ далматикою—саккосомъ, а вторые въ видѣ саккоса. Обѣ эти одежды, при нѣкоторой разницѣ въ покроѣ (царское платно имѣло спереди полы), въ сущности были почти одинаковаго вида; потому цари въ своемъ парадномъ облаченіи почти также изображаются, какъ и патріархи, носившіе также, какъ и цари, корону (митру) съ крестомъ наверху. Если принять во вниманіе, что омофоръ, по всей вѣроятности, соответствуетъ въ концѣ концовъ царскому оплечью, то патріаршее облаченіе будетъ совершенно сходно съ царскимъ по своимъ отличительнымъ принадлежностямъ. Это сходство въ облаченіяхъ царя и патріарха особенно бросается въ глаза, когда царь и патріархъ изображаются рядомъ, какъ, напр., въ изображеніи креста, съ одной стороны котораго стоитъ св. Константинъ Великій, царь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ, а съ другой св. Елена и царица Марія Ильинична. Св. Константинъ изображенъ въ лорѣ и дивитисіи—саккосѣ, который очень походитъ на саккосъ патріарха и царское платно Алексѣя Михайловича (Древности Государства Россійскаго, отд. IV, № 1; ср. изображеніе царя въ полномъ парадномъ облаченіи № 7 и № 12 изображеніе царя Θεодора Алексѣевича). Съ Петра Великаго саккосъ, оставленный царями, сталъ принадлежностью облаченія не только патріарха, но всѣхъ епископовъ, чего прежде не было ни въ Византіи, гдѣ *sáxmos* носилъ только патріархъ, ни у насъ — Кромѣ рисунковъ, которые будутъ указаны ниже, когда будетъ рѣчь о лорахъ, изображенія царскихъ и другихъ высокихъ особъ въ дивитисіяхъ = саккосахъ, можно видѣть, напр., у Ch. L. o u a n d r e ' a, Les arts somptuaires, Paris, 1853, t. I: Изображеніе Оттона II и Θεофаніи, благословляемыхъ Христомъ; изображеніе царя Давида изъ рукописи Парижск. Націон. Библіотеки, X вѣка. (Этотъ же рисунокъ воспроизведенъ вмѣстѣ съ изображеніемъ Соломона у L a b a r t e ' a въ Histoire des arts au moyen age, 2 édit. vol. II p. 180, гдѣ они названы неправильно изображеніями Романа I и Константина Багрянороднаго). Въ дивитисіяхъ же изображены Давидъ и Соломонъ въ храмѣ св. Марка въ Венеціи въ изданіи Basilica di San Marco d' O n g a n i a, II Portafoglio, tav. III chromolitograph. Но подъ хламиду, однако же, и въ позднѣйшее время не всегда надѣвался дивитисій; иногда мы видимъ и обыкновенную туннику съ узкими рукавами (скарамангій?). Можно думать, что дивитисій и хламида были однимъ изъ самыхъ парадныхъ видовъ облаченія, быть можетъ, первымъ послѣ дивитисіи и лора. (Въ хламидѣ, но не далматикѣ изображенъ Иродъ у L u a n d r a, ibid.; сюда же можно отнести изображеніе царя надъ царскими вратами въ Храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ). О далматикѣ, ея видоизмѣненіяхъ и употребленіи см. D a r e m b e r g e t S a g l i o, Dictionnaire des Antiquités, tome III, p. 19—21 s. v. dalmatica; K r a u s, Encyklop. der christlich. Alterthümer, s. v. Kleidung, II, s. 207 слѣд.; Ма-

вается иногда стихаремъ, а иногда дивитисіообразнымъ хитономъ, можно думать, что дивитисіемъ называлась одежда длинная съ широкими рукавами, надѣвавшаяся чрезъ голову и походившая какъ на хитонъ, такъ и на стихарь. Обращаясь къ памятникамъ искусства и имѣя въ виду, что хламида и лоръ въ IX — X вв. надѣвались обыкновенно на дивитисій, мы дѣйствительно найдемъ, что въ изображеніяхъ царей этого времени въ полномъ облаченіи съ хламидами и коронами, подъ хламидами и лорами надѣты длинныя съ широкими рукавами стихаревидныя хитоны, подъ которыми виднѣется еще исподняя одежда (хитонъ = tunica), иногда съ расшитымъ подоломъ и поручами. Каждый, смотря на указанные ниже и прилагаемые здѣсь рисунки, убѣдится, что одежда подъ хламидою, которая надѣвалась, какъ и лоръ, на дивитисій, съ одной стороны вполне соотвѣтствуетъ извѣстнымъ намъ изъ Придворнаго Устава отличительнымъ чертамъ дивитисія, а съ другой стороны весьма походить на позднѣйшій царскій и патриаршій саккосъ. Такъ какъ дивитисій, за отсутствіемъ въ немъ поля, походилъ на мѣшокъ и надѣвался чрезъ голову, то его въ послѣдствіи стали называть мѣшкомъ, *σάκκος*, который былъ, какъ извѣстно, парадною одеждою царей и отличительнымъ предметомъ облаченія патриарха, а у насъ со временъ Петра Великаго и всѣхъ епископовъ ¹⁾. А саккосъ, въ свою очередь, безъ сомнѣнія, соотвѣтствуетъ западной далматикѣ, которая, какъ стихарь у грековъ, была служебною одеждою діаконовъ, парадною, торжественною одеждою императоровъ и отличительнымъ предметомъ облаченія высшихъ духовныхъ сановниковъ. Такимъ образомъ, если всѣ вышеизложенныя соображенія

riott, Vestiarium Christianum, London, 1868, стр. I.V слѣд.). Образцы сохранившихся далматикъ, которые совершенно сходны съ изображаемыми на вышеуказанныхъ рисункахъ, изображены въ извѣстномъ трудѣ Fr. Bock'a, Kleinodern des Römischen Reichs, гдѣ, между прочимъ, изображена знаменитая Ватиканская далматика греческой работы. Въ текстѣ Боккъ разсуждаетъ объ употребленіи и значеніи далматикъ (с. 53—55, 95 сл.). Изъ всего вышесказаннаго ясно, что въ употребленіи Императоромъ Павломъ I далматикъ не было ничего несвойственнаго царю и императору: это одежда императорская по преимуществу и до Петра Великаго, до возведенія военной европейской одежды въ парадную императорскую, составляла въ формѣ царскаго платна парадную одежду нашихъ царей, которымъ исторіею переданы титулъ и орнатъ восточно-римскаго цари (*βασιλεύς*), единственными законными обладателями которыхъ считали себя византійскіе цари, прямые и законные наслѣдники римскихъ императоровъ.

¹⁾ Такъ какъ у грековъ, сколько мнѣ извѣстно, саккосъ составлялъ отличительную одежду только патриарховъ, то греки, объяснявшіе Леуника въ значеніе слова *διβετήσιον*, въ сущности говорили вѣрно, считая *διβετήσιον* такою одеждою, quale Patriarchis superintici in solium patriarchale collocandis solet: ut intelligatur, hoc indutos iam factos esse Pontifices (Du Cange, Gloss. Gr. s. v *διβετήσιον*). Но Леуника въ невѣрно припаялъ эту одежду за *paludamentum* или *supramantellum*. Это не мантия, а широкая верхняя туника, сверхъ которой у патриарха надѣвался только омофоръ, а у царей лоръ, или оплечье, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

вѣрны, дивитисіи оказывается, конечно, *mutatis mutandis*, очень обыкновеннымъ и общеизвѣстнымъ предметомъ царскаго облаченія, въ который (въ видѣ царскаго платна) облачались до Петра Великаго и наши цари, какъ и наши патріархи, а теперь всѣ наши архіереи.

Облачившись въ дивитисіи и дожидаясь доклада о прибытіи отъ патріарха референдарія, царь могъ заниматься государственными дѣлами, принимать доклады и подписывать указы. Въ виду этого, логоуетъ дрома, являвшійся къ царю съ докладами каждый день, каниклій (*ὁ ἐπὶ τοῦ κλιμακίου*, хранитель царской чернильницы) и нѣкоторые другіе чины находились въ Августеѣ и могли быть немедленно приглашены къ царю. Иногда царь, какъ видно изъ разсказа Льюдранда, епископа Кремонскаго, во время выхода принималъ даже очень важныхъ пословъ и велъ съ ними переговоры ¹⁾, но для такихъ случаевъ царь, понятно, облачался въ хламиду и вѣнецъ, точно также какъ и для производства въ кесаря или нобилиссима, которое обыкновенно происходило во время выходовъ въ большіе праздники, въ Палатѣ 19 аккумулятовъ и Трибуналѣ, предъ началомъ торжественнаго шествія ²⁾.

Обыкновенно же царь дожидался въ Китоуѣ въ одномъ дивитисіи и облачался въ хламиду въ Октагонѣ, послѣ доклада препозита о томъ, что прибылъ отъ патріарха референдарій съ извѣщеніемъ о ходѣ службы. Посылка эта необходима была для того, чтобы царь могъ, принимая во вниманіе приемы, которые онъ долженъ сдѣлать на пути, прибыть въ храмъ св. Софіи въ надлежащее время, т. е. предъ малымъ входомъ. Референдарій, прибывъ во Дворецъ Дафны, сообщалъ о ходѣ службы церемо-

---

¹⁾ Льюдрандъ былъ принятъ въ Троицынъ день (*ipso sancto die Pentecostes*), вѣроятно, въ Октагонѣ или Августеѣ, возлѣ храма св. Стефана, въ которомъ, какъ сказано при описаніи этого храма (Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 103), происходило вѣнчаніе царей, отъ чего весь дворецъ Дафны назывался иногда, вѣроятно, *Στέφανα* (*in domo, quae dicitur Στέφανα, id est coronaria, ante Nicephorum sum deductus*). При аудіенціи присутствовали два малыхъ царя (*duo parvuli imperatores*), Василий II, будущій Болгаробойца, и братъ его Константинъ, но они *sedebant ad sinistram non eadem linea, sed longe deorsum*. Аудіенція продолжалась довольно долго и Льюдранду пришлось выслушать много нецѣльныхъ и рѣзкихъ рѣчей отъ царя Никифора Фоки, который вообще третировалъ Льюдранда, какъ варвара, за что Льюдрандъ отметилъ Никифору массою ругательныхъ эпитетовъ въ описаніи своего посольства. Послѣ разговора Никифоръ прекратилъ аудіенцію заявленіемъ: *«secunda hora iam transit; προέλευσις, id est processio, nobis est celebranda. Quod nunc instat, agamus»*. Вѣроятно, предъ этимъ царю доложилъ препозитъ, что отъ патріарха прибылъ референдарій съ извѣстіемъ о ходѣ церковной службы, и царямъ нужно было продолжать шествіе изъ дворца Дафны въ Оноподъ и далѣе (Pertz, Monumenta Germ. Hist. V, Script. III, p. 347—349: *Lindprandi relatio de legatione Const c. 2—8*).

²⁾ О производствѣ въ самыя высшія достоинства (кесаря, нобилиссима, магистра) во время большихъ праздничныхъ выходовъ въ храмъ св. Софіи было уже сказано по поводу чинопроизводства въ обыкновенные воскресные дни, см. выше, стр. 31—35.

ніарію, церемоніарій докладывалъ препозиту, а препозитъ царю ¹⁾: Царь выходилъ въ дивитисіи изъ Китона Дафны въ Октагонъ, а препозитъ громко кричалъ: „веститоры“! Веститоры, стоявшіе, вѣроятно, въ Августеѣ или близъ него, входили въ Октагонъ, брали заранѣе принесенную

¹⁾ Въ обрядахъ обыкновенно эта процедура обозначается кратко, какъ и процедура облаченія царя въ хламиду и надѣванія короны. I, 1, 9 говорится, что референдарій приноситъ отъ патріарха *μάνδατον περί τῆς ἐκκλησιαστικῆς καταστάσεως*; препозиты входятъ послѣ этого къ царю и *τὴν εἶδωσιν τούτων δίδουσι τοῖς δεσπόταις*. Но въ Рождественскомъ обрядѣ (I, 23, 129) показано, что препозитъ входитъ къ царю, *τοῦ τῆς καταστάσεως (церемоніарій) εἰσελθόντος, καὶ ἐνέγκαντος ἀπόκρισιν τῷ πραιποσίτῳ*. Тоже I, 27, 148; I, 32, 176; II, 9, 543. Процедура облаченія въ присутствіи кувуклія, вкратцѣ упомянутая въ общемъ обрядѣ, подробнѣе описана въ обрядѣ Срѣтенія, происходившемъ во Влахернскомъ Дворцѣ, но въ тотъ же моментъ выхода, I, 27, 149: когда царь въ дивитисіи выйдетъ для облаченія въ хламиду, начальники кувуклія становятся съ разныхъ сторонъ, спаарокувикуляріи и кувиккуляріи сзади ихъ, а протоспааріи-евнухи сзади царя. Препозитъ приглашаетъ веститоровъ и пр. Ср. о веститорахъ въ приложеніи къ Обзору главныхъ частей Больш. Дворца, *Byzantina*, I кн., стр. 167 слѣд.

Референдаріями назывались (а *referendo*) духовные чины, входившіе въ составъ патріаршаго синклита. Обязанности ихъ заключались въ передачѣ письменныхъ и словесныхъ распоряженій и приглашеній патріарха знатымъ лицамъ (*ὁ referendarius ἀποσταλλόμενος εἰς μεγάλους ἀνθρώπους μάνδατα παρὰ τῷ Ἀρχιερεῖ ἐγγράφως καὶ ἀγράφως φέρει καθεζόμενος καὶ εἰς τὰς κρίσεις*. G o a r, *Euchol., de officialibus ecclesiae Const.*, p. 214, ср. 224 ed. 2). Обязанности референдарія позволяютъ заключать, что онъ принадлежалъ къ высшимъ чинамъ патріаршаго управленія. И дѣйствительно, какъ въ спискѣ духовныхъ чиновъ у G o a r, изъ котораго взято вышеприведенное мѣсто, такъ и въ спискѣ К о д и н а (*de offic. c. 1, p. 4*), онъ принадлежитъ ко 2-й пентадѣ. У патріарховъ Константинопольскихъ референдаріи соответствовали апокрисиаріямъ другихъ восточныхъ патріарховъ (см. іеромонаха П а в л а, теперь архіепископа Казанскаго, О должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней Восточной Церкви, Спб. 1857, стр. 94 и 99). Въ обрядахъ Придворнаго Устава референдарій Патріарха фигурируетъ довольно часто въ роли патріаршаго посланника, который приноситъ царю извѣстія отъ патріарха о ходѣ церковной службы и доноситъ патріарху о ходѣ придворныхъ обрядовъ, когда они имѣютъ отношеніе къ патріарху. Такъ, наканунѣ производства нобилиссима референдарію патріарха, который во время производства читалъ молитвы надъ инсигніями, сообщалось о назначенномъ на слѣдующій день обрядѣ, чтобы референдарій доложилъ объ этомъ патріарху, а патріархъ прибылъ бы во время во Дворецъ (I, 44, 225). То же, безъ сомнѣнія, дѣлалось наканунѣ производства въ кесаря и коронаціи царицы. Предъ производствомъ когонибудь въ патрикія также приглашался референдарій, который входилъ вмѣстѣ съ синклитомъ въ Хрисотриклинь и присутствовалъ при производствѣ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы донести патріарху объ окончаніи обряда, такъ какъ послѣ производства, патрикіи шелъ съ своими инсигніями въ храмъ св. Софіи, гдѣ патріархъ читалъ надъ ними молитву (I, 47, 237). Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ референдарій являлся въ фелони (*φορῶν φελώνην ἄσπρον*, I, 48, 246). Когда вновь произведенный патрикіи приходилъ въ храмъ св. Софіи и патріархъ выходилъ для прочтенія молитвы, референдарій приглашалъ патрикія подойти къ мѣсту, гдѣ должна была читаться молитва (I, 47, 240). За это участіе въ чинопроизводствѣ референдарій получалъ съ патрикія *ἐμπρατος* одинъ солидъ (*solidus aureus*, *ὀμίσμα*) и 6 милліарисій, а съ патрикія *ἄπρατος* только одинъ солидъ (II, 55, 801 и 805). Такое же участіе принималъ, безъ сомнѣнія, референдарій патріарха и при производствѣ въ другіе высшіе чины, инсигніи которыхъ освящались патріархомъ, и получалъ соответствующее чину вознагражденіе. Въ случаѣ рожденія у царя сына, во Дворецѣ приходилъ референдарій и спрашивалъ, нужно ли и когда придти патріарху съ духовенствомъ для прочтенія молитвы въ Хрисотриклинѣ, и, получивъ утвердительный от-

сюда хламиду, облачали въ нее царя и застегивали фибулою. Препозитъ опять возглашалъ: „повелите“ и веститоры уходили; въ Октагонѣ съ царемъ оставались только чины кувуклія, да (со временъ Никифора Фоки) проедръ синклита, которые во время облаченія становились вокругъ царя, а препозитъ бралъ корону, принесенную сюда въ ларцѣ, и надѣвалъ ее на голову царя.

Царь теперь былъ въ полномъ облаченіи и начиналъ торжественное шествіе. Сопровождаемый и предшествуемый чинами кувуклія, которые были въ Октагонѣ, съ паракимоменомъ позади, съ проедромъ впереди ¹⁾, царь выходилъ въ Августей, гдѣ стояли логоетъ дрома, каниклій, катепанъ „царскихъ“ съ протоспаѳаріями, маглавиты и этеріоты и привѣтствовали царя. Пройдя среди нихъ къ большой двери, ведшей изъ Августея въ портикъ его, называемый обыкновенно Золотою Рукою, царь останавливался въ двери и мылъ руки въ золотомъ, украшенномъ драгоценными камнями,

---

вѣтъ, приглашалъ патріарха (II, 21, 616). Когда патріархъ приходилъ во Дворецъ, то о его прибытіи извѣщаль папію референдарій, а папія сообщалъ царю, который и приказывалъ ввести къ себѣ патріарха (I, 19, 116; I, 20, 119). Во время цѣлованія любви и въ другихъ подобныхъ случаяхъ референдарій подводитъ къ царю духовныхъ сановниковъ (I, 1, 17; I, 14, 93; I, 1, 29). Должность референдарія учреждена при патріаршемъ управленіи, безъ сомнѣнія, по образцу придворной. Во времена Юстиніана референдаріи были въ числѣ придворныхъ чиновниковъ: двое штатныхъ, одинъ у царя, а другой у царицы, и нѣсколько сверхштатныхъ. Послѣ смерти Теодоры, Юстиніанъ взялъ ея референдарія къ себѣ на службу, какъ свидѣтельствуеетъ магистръ Петръ (Cerin. I, 86, 390). Впослѣдствіи эта должность при Дворѣ была упразднена, но въ качествѣ церковной должности продолжала существовать. По новеллѣ царя Ираклія отъ 612 года въ Великой Церкви полагалось 12 референдаріевъ (Zachariae a Lingenthal, Jus Graeco-romanum, III, 36). Тотъ изъ нихъ, который посылался во Дворецъ для докладовъ царю или царицѣ отъ патріарха, назывался, по словамъ Никиты Хоніата (въ исторіи Алексѣя, сына Мануила, р. 312), *палатиномъ* (παλατινός). О референдаріяхъ царскихъ и патріаршихъ см., кромѣ того, Du Cange, Gloss. Gr. et Lat. s. v.; Reiske, Comment. ad Cerim. p. 60; Goar, Eucholog. Graec., p. 236, 2 ed., Codinus, de offic. p. 136 Bonn. и др. Reiske (Comment., p. 115) напрасно сомнѣвается въ томъ, что для цѣлованія любви въ храмѣ св. Софіи (Cerin. I, 1, 17) духовныхъ сановниковъ подводитъ къ царю референдарій патріарха, а не царскій. Изъ вышеприведенныхъ мѣстъ видно, что патріаршій референдарій и въ другихъ случаяхъ подводитъ къ царю духовныхъ сановниковъ, между тѣмъ какъ чиновъ царскаго синклита въ подобныхъ случаяхъ подводитъ церемоніарій, какъ видно изъ описанія цѣлованія царя съ своимъ синклитомъ (ibid.). Кромѣ того, въ числѣ придворныхъ чиновъ, какъ уже было замѣчено, должности референдарія въ X в. уже не было; да и самъ Reiske сознается, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Придворномъ Уставѣ упоминается референдарій, ei solummado cum patriarcha et rebus ecclesiasticis negotium fuisse; слѣдовательно, это былъ не императорскій референдарій, а патріаршій, обязанностью котораго и была передача сообщеній отъ патріарха царю и распоряженій царя или царицы патріарху.

¹⁾ Въ числѣ привилегій проедра, перечисленныхъ въ обрядѣ его производства, значится: ἐν ταῖς ἐορταῖς προπορεύεται ἔμπροσθεν τοῦ βασιλέως... καὶ ὀπίσκη μέλλει στέφειναι ὁ βασιλεὺς ἢ ἀποστέφειναι, σύνεστι τούτῳ (I, 97, 443). О мѣстѣ паракимомена въ торжественныхъ выходахъ было уже сказано (см. выше, стр. 47, прим. 2).

рукомойникъ, подаваемомъ ему нисистіаріями ¹⁾, стоявшими въ дверяхъ (I, 1, 9).

Вымывши руки, царь входилъ въ Золотую Руку, гдѣ во время самых торжественныхъ выходовъ происходилъ первый приемъ высшихъ чиновъ, которые вводились сюда по рангамъ, какъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Царь занималъ особое, возвышенное мѣсто ²⁾; сзади и по сторонамъ отъ него становились въ известномъ порядкѣ чины кувуклія; хрисотриклиты, т. е. бородатые протоспааріи, составлявшіе при приемахъ почетную стражу, становились слѣва у завѣсы большой двери ³⁾. Когда такимъ образомъ всѣ занимали свои мѣста, препозитъ, по знаку царя, становился предъ царемъ, дѣлалъ поклонъ царю наклономъ головы и затѣмъ, обернувши руку хламидою, дѣлалъ знакъ одному изъ 4 остіаріевъ, стоявшихъ съ золотыми жезлами ⁴⁾, чтобы онъ выходилъ въ

¹⁾ Νιψηστίαριοι, умывальщики, отъ νίψιστιον умывальникъ, тазъ для умыванія (νίπτειν), принадлежали къ кувуклію, т. е. къ евнухамъ. Чинъ нисистіарія представлялъ первую ступень въ числѣ евнушескихъ чиновъ. Во главѣ нисистіаріевъ стоялъ примикирій. (II, 52, 721). Царь, послѣ облаченія, предъ первымъ торжественнымъ приемомъ высшихъ чиновъ въ Золотой Рукѣ, моетъ руки такъ же, какъ священнослужители и архіереи моютъ руки послѣ облаченія, предъ началомъ совершенія службы. Объ умываніяхъ предъ молитвой и службой см. K r a u s, Realencyklop. s. v. Waschungen v. II, 967 сл. Ср. Habert u. Pontific, p. 50.

²⁾ Хотя объ этомъ въ обрядахъ, когда идетъ рѣчь о приемѣ въ Золотой Рукѣ, не говорится, но въ такихъ случаяхъ царь обыкновенно стоитъ на возвышеніи, какъ мы увидимъ дальше. На болѣе возвышенное мѣсто, гдѣ стоятъ и препозиты, указываетъ и намекъ въ Рождественскомъ обрядѣ, гдѣ говорится, что препозитъ киваетъ остіарію εἰς τὸ βῆλον κάτω, т. е., у двери, ведущей изъ Онопода въ портикъ Августея (I, 23, 128. Ср. Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 107).

³⁾ I, 1, 9: κάκεισε γάρ οἱ Χρισοτρικλίνου παρίστανται (т. е. ἔξωθεν τῆς μεγάλης πόλης τοῦ Αὐγουστέως). Ср. I, 10, 72: ἵστανται ἔξω τῆς πόλης, ἐνθα τὸ βῆλον κρεμάται, πρωτοσπαθάριοι βαρβάτοι (= οἱ τοῦ Χρισοτρικλίνου), ἠλλαγμένοι, βάσταζοντες σπαθοβάκλια. I, 23, 129: ἐξέρχεται (ὁ βασιλεὺς) διὰ τοῦ Αὐγουστέως εἰς τὸ στενόν (= Золотая Рука), ἐστῶτων πρωτοσπαθάρων βαρβάτων ἔξω τῆς πόλης ἐξ εὐωνύμων εἰς τὸ βῆλον. Уже изъ сопоставленія этихъ мѣстъ видно, что Хрисотриклиты = протоспааріи бородатые (неевнухи).

⁴⁾ Подробности ввода чиновъ для поклоненія царю разбросаны въ разныхъ мѣстахъ *Придворнаго Устава*, въ которомъ, однако же, нѣтъ полнаго и обстоятельнаго описанія этой процедуры со всѣми деталями, вслѣдствіе чего нѣкоторыя детали ввода остаются неясными. Вводы чиновъ были не всѣ одинаковы и отличались болѣею или меньшею торжественностію, сложностію и участіемъ большаго или меньшаго количества лицъ, производившихъ вводъ. Въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ церемоніальный вводъ чиновъ производятъ препозиты съ остіаріями. Въ менѣе торжественныхъ препозитъ только «даетъ знаки», а вводятъ остіаріи, какъ это происходило и при вводѣ чиновъ въ Золотую Руку во время большихъ праздничныхъ выходовъ. Церемоніальныя подробности, изложенныя у меня въ текстѣ, заимствованы частью изъ общаго обряда (I, 1, 9—10), гдѣ въ схоліи замѣчено, что препозитъ при всѣхъ приемахъ поступаетъ такъ, частью изъ другихъ обрядовъ, въ которыхъ вводъ вообще или нѣкоторыя стороны и детали его изложены подробно, напр., I, 1, 22—25, съ которымъ мы познакомимся скоро при изложеніи особенностей Пасхальнаго обряда, затѣмъ I, 14, 93, гдѣ изображенъ вводъ духовныхъ чиновъ въ Хрисотриклінь, и I, 48, 245—247, гдѣ описанъ подробнѣе всѣхъ вводъ свѣтскихъ чиновъ туда же

Оноподъ, гдѣ стояли въ парадныхъ облаченіяхъ высшіе чины, разставленные церемоніаріемъ по рангамъ и приготовленные къ вводу, и вводилъ сановниковъ для поклоненія царю. Остіарій отправлялся и вводилъ сначала самыхъ высшихъ сановниковъ, магистровъ, потомъ аноипатовъ и патрикіевъ, наконецъ, протоспаѳаріевъ, занимавшихъ высшія должности стратиговъ, domestikовъ и другихъ командировъ и начальниковъ отдѣльных частей, называемыхъ очень часто въ обрядахъ оффиціаліями. Всѣ эти чиновники и сановники вводились по большимъ или меньшимъ отдѣламъ, сообразно съ чиномъ и рангомъ должности. Эти отдѣлы въ обрядахъ называются обыкновенно „завѣсами“ βῆλα=vela, напр., завѣса первая, магистры, завѣса вторая, аноипаты и патрикіи и т. д. ¹⁾). Такая форма обозначенія вводимыхъ отдѣлений или классовъ чиновниковъ явилась отъ того, что каждый классъ вводился особо и для каждого класса поднималась завѣса входной двери и по входѣ ихъ въ залу опускалась. Прѣдатура ввода остіаріемъ чиновъ, на сколько можно понять изъ разныхъ указаній, состояла въ томъ, что остіарій, вышедши, по знаку препозита, за дверь пріемной комнаты, въ данномъ случаѣ портика Августея, приглашалъ слѣдовать за собою, быть можетъ, возгласомъ: „повелите, магистры“, магистровъ, и доведя ихъ до завѣсы, оставлялъ ихъ здѣсь, а самъ проходилъ за завѣсу, возлѣ которой стояли силенціаріи, и становился близъ нея, задомъ къ ней и лицомъ къ царю ²⁾). Послѣ этого пре-

для участія въ обрядѣ производства въ патрикіи. Въ массѣ другихъ случаевъ ввода чиновъ процедура не описывается, а говорится, что вводятся βῆλα, которыя или перечисляются всѣ или только первыя. Ср. мои Byzantina, I кн. стр. 22, прим.

¹⁾ Независимо отъ краткости или подробности описанія ввода чиновъ по βῆλα, безъ всякаго сомнѣнія, не только въ разныхъ случаяхъ, но даже и въ одинаковыхъ чины раздѣлялись для ввода на разное количество отдѣленій, смотря, вѣроятно, по времени и желанію царя, такъ какъ чѣмъ больше дѣлалось отдѣленій, тѣмъ длиннѣе была процедура пріема. Такъ, по общему обряду, въ 1-й день Пасхи, для христосованія съ царемъ, высшіе чины вводятся въ Палату 19 аккумулятовъ въ 4 βῆλα, а по частному Пасхальному обряду въ 9 βῆλα (I, 1, 23--25; I, 9, 61--62). По общему обряду «первую завѣсу» составляютъ магистры и аноипаты, вторую патрикіи и стратиги, а по частному первую—магистры, вторую—аноипаты и патрикіи, третью—патрикіи и стратиги. Въ общемъ обрядѣ высшіе оффиціаліи вводятся въ одну завѣсу, а по частному они раздѣлены на нѣсколько. Изъ перечня ихъ здѣсь можно видѣть, какіе сановники назывались оффиціаліями, хотя перечень ихъ здѣсь далеко не полонъ. Полный перечень см. II, 52, 713—716.

²⁾ Начало процедуры см. I, 1, 9: διὰ νεύματος τοῦ δεσπότου ὁ πραιπόσιτος τὴν κεφαλὴν ἀποκλίνας τοῖς δεσπόταις (при нѣсколькихъ царяхъ, знакъ даетъ большой царь или первый, а препозитъ дѣлаетъ поклонъ всѣмъ царямъ, которые стаятъ рядомъ, большою справа), διὰ τῆς αἰκείας χλαῖδος νεύει τῷ ὀστιάριφ τῷ τὴν χρυσὴν βέργαν κατέχοντι (тѣссарезъ γάρ ὀστίариоι τὰς χρυσὰς ἐκ λίθων τιμίων ἠμφιστρύμενας βασιτάζουσι βέργας) καὶ ἐξέρχεται. Ср. I, 1, 23, строка 2—8. I, 14, 92, строка 21—24. Далѣе, остіарій, пригласивши первый классъ, входитъ чрезъ завѣсу, оставивши, очевидно, введенныхъ за завѣсою, становится возлѣ нея, беретъ знакъ у препозита, кланяется царю и толкаетъ завѣсу правою рукою, очевидно, стоя въ пріемной залѣ, въ виду царя и препозита I, 1, 23, строка 8—14. Ср. I,

позить „бралъ знакъ у царя“, кланялся царю и давалъ знакъ хламидою или, точнѣе, рукою, обернутою въ хламиду, остіарію; тотъ, въ свою очередь, особымъ, установленнымъ образомъ кланялся царю и, не оборачиваясь, правой рукою толкалъ сзади себя завѣсу, которую силенціаріи раздвигали или поднимали, смотря по тому, какая была завѣса, раздвижная или подъемная (*βῆλον σπυρτόν* или *αἰρόμενον*). Остіарій становился подъ нее, приглашенные чины входили также подъ завѣсу и какъ только становились подъ нее, падали ницъ, если это было не въ воскресенье, вставали и, предшествуемые остіаріемъ, шли въ залу. Остіарій останавливался посрединѣ, а приглашенные чины становились на свои мѣста съ двухъ сторонъ, образуя предъ царемъ два ряда. Если входили самые высшіе сановники, то они становились прямо послѣ высшихъ чиновъ кувуклія, стоявшихъ съ двухъ сторонъ, возлѣ самого царя; при этомъ самый старшій изъ вошедшихъ становился на правой сторонѣ (отъ царя) или въ правомъ ряду, слѣдующій—въ лѣвомъ, третій по старшинству—опять въ правомъ, четвертый—въ лѣвомъ и т. д. ¹⁾. Когда такимъ образомъ первый отдѣлъ

14, 93, строка 1 слѣд. Здѣсь сказано, что послѣ подъема завѣсы силенціаріями, остіарій становится *ὀπὸ τὸ βῆλον* (ср. I, 48, 245) и тогда только введенные входятъ тоже подъ пятую завѣсу и, оказавшись въ виду царя, падаютъ ницъ. Выраженіе *καθεῖν τῇ χλαμίδι* или *διὰ τῆς χλαμίδος* подробнѣе описано I, 48, 244—245, гдѣ сказано, что препозить, ставши предъ царемъ, среди начальниковъ кувуклія *καὶ ἐφαπλώσας τὰς χεῖρας μετὰ τοῦ χλαμίδιου αὐτοῦ, προσκυνεῖ τὸν βασιλέα, μὴ κλίνας τὰ γόνατα, εἰ μὴ μόνον τὸ σχῆμα τῆς προσκυνήσεως, ὃν τρόπον ἢ τῆς ἡμέρας τάξις ἀπαιτεῖ*. Ср. II, 10, 54б *εἰσέρχεται ὁ πραιπόσιτος καὶ προσκυνεῖ, σχηματισθεὶς πὺς τὴν κεφαλὴν ὀποκλίνας καὶ ταῖς χερσὶ μετρίως κουφίζων τὸ ἑαυτοῦ σάγιον*. Изъ этихъ мѣстъ видно, что препозить давалъ знакъ не голою рукою, а покрытою хламидою или, другими словами, пряталъ руку подъ хламиду и поднималъ руку, покрытую хламидою, потому что показывать что нибудь, давать знакъ или подавать что нибудь старшему или при старшемъ голою рукою считалось неприличнымъ. Этотъ обычай въ церковномъ ритуалѣ сохранился, между прочимъ, въ томъ, что діаконъ, показывая что нибудь или приглашая къ чему рукою, обвертываетъ ее особеннымъ образомъ ораремъ. Объ этомъ обычай см. довольно обстоятельное разсужденіе у Reiske, Comment. p. 63—66. Ср. K r a u s, Realencyklop. d. christl. Alterth. II, 197 (церковные археологи, къ сожалѣнію, упускаютъ изъ виду факты, находящіеся въ Придворномъ Уставѣ, хотя они пригодились бы имъ для объясненія многихъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ).

¹⁾ При описаніяхъ ввода чиновъ обыкновенно говорится, что они становятся «отсюда и оттуда отъ начальниковъ кувуклія» (*ἐθεν καθεῖθεν ἀπὸ τῶν ἀρχόντων τοῦ κουβουκλείου*), но при болѣе подробныхъ описаніяхъ указывается, что только высшіе чины, впущенные въ первую завѣсу, становятся возлѣ архонтовъ кувуклія, стоящихъ возлѣ самого царя, а чины второй завѣсы становятся ниже (*ὀποκάτω*) чиновъ первой и т. д., съ правой и лѣвой стороны. Такъ, напр., въ частномъ Пасхальномъ обрядѣ I, 9, 61 сказано, что введенные магистры *ἵστανται ἀπὸ τῶν ἀρχόντων τοῦ κουβουκλείου ἐθεν καθεῖθεν, κατὰ τὰς αὐτῶν τάξεις καὶ στάσεις*. Въ общемъ Пасхальномъ обрядѣ магистры становятся *δεξιᾷ καὶ ἀριστερᾷ κατὰ τὰς οἰκείας τάξεις* I, 1, 24; слѣдующіе за ними становятся направо и налѣво ниже ихъ; вошедшіе въ третью завѣсу становятся опять *δεξιᾷ καὶ ἀριστερᾷ ὀποκάτω τοῦ δευτέρου βῆλου*; вошедшіе въ четвертую завѣсу становятся *καὶ αὐτοὶ δεξιᾷ καὶ ἀριστερᾷ ὀποκάτω τῆς τάξεως τοῦ τρίτου βῆλου* (*ibid.*). По обряду проиводства въ патрикіи, гдѣ вводитъ чиновъ описанъ всего подробнѣе, магистры, вошедшіе въ первую завѣсу, становятся *ἐν τῇ τάξει αὐτῶν ἀπὸ*

становился на свои мѣста, препозитъ, по знаку царя, давалъ знакъ хламидою остіарію и тотъ такимъ же порядкомъ опять выходилъ и такимъ же порядкомъ вводилъ второй отдѣлъ, вторую завѣсу, патрикіевъ и стратиговъ или только анепсатовъ и патрикіевъ, которые, войдя подъ завѣсу и ставши въ виду царя, также падали ницъ и занимали свои мѣста справа и слѣва, становясь предъ царемъ въ два ряда и образуя предъ нимъ широкій путь.

Наиболѣе наглядное понятіе объ этой разстановкѣ чиновъ, по моему мнѣнію, можетъ дать разстановка чиновъ духовныхъ при соборномъ служеніи, особенно архіерейскомъ. Судя по довольно многочисленнымъ описаніямъ этой разстановки чиновъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго, можно думать, что въ церковномъ порядкѣ разстановки духовнаго синклита при соборномъ служеніи мы имѣемъ болѣе или менѣе сходную копію съ разстановки чиновъ царскаго синклита, такъ какъ составъ патриаршаго синклита во многомъ напоминалъ царскій синклитъ и церковь усвоила не мало подробностей въ своихъ обрядахъ изъ придворныхъ обрядовъ, которые она уже застала готовыми и сформировавшимися ¹⁾).

Когда такимъ образомъ всѣ чины, допускаемые въ извѣстномъ случаѣ къ приему, въ данномъ случаѣ всѣ высшіе чины, удостоившіеся лицезрѣть и поклониться царю раньше низшихъ и отдѣльно отъ нихъ ²⁾), за-

---

τὸν ἀρχόντων τοῦ κοιβουκλείου ἔνθεν κάκειθεν. Вошедшіе во вторую завѣсу анепсаты становятся ἀπὸ τῶν μαγίστρων ἔνθεν κάκειθεν (I, 48, 245—6) и т. д. Ср. I, 14, 92—5. Совершенно также, какъ сановники, къ царю вводятся жены сановниковъ и чиновниковъ I, 9, 67.

¹⁾ Патриархъ былъ также глава духовнаго синклита, какъ царь мірскаго, и у патриарха былъ свой кувуклій или кувуклисіатъ, во главѣ котораго стоялъ препозитъ изъ діаконовъ или пресвитеровъ, который, по грамотѣ царя Ираклія къ патриарху Сергію, по рангу, если былъ пресвитеромъ, слѣдовалъ прямо за царскимъ препозитомъ, а если былъ только діакономъ, занималъ второе мѣсто послѣ царскаго препозита. (Serim. II, 39, 637). Нѣтъ ничего удивительнаго, если патриархъ заимствовалъ и нѣкоторые придворные обычаи. Еще болѣе, конечно, заимствовалъ изъ придворной жизни и обстановки римскій папа, который уже совершенно изображалъ изъ себя императора по придворной обстановкѣ и старался не уступать ему въ торжественности придворныхъ обрядовъ, во многомъ прямо подражая Византійскому Двору, особенно въ первые вѣка Византійской имперіи.

²⁾ Приглашеніе высшихъ чиновъ синклита для поклоненія и привѣтствія царя отдѣльно отъ прочихъ и раньше ихъ не можетъ разсматриваться иначе, какъ честь, право на которую достигается заслугами, благодаря которымъ и за которыя они награждены чинами, дававшими право adoraе царя раньше и чаще другихъ. Такая же градація въ допущеніи «видѣть его великаго государя пресвѣтлыя очи» соблюдалась въ извѣстныхъ случаяхъ и при дворѣ нашихъ царей. Такъ, въ Пасху, предъ выходомъ царя къ утрени, всѣ высшіе дворовые и служилые чины допускались для этого въ «Комнату», куда изъ чиновниковъ меньшихъ разрядовъ допускались только немногіе, по особому благоволенію царя. Всѣ остальные чиновники видѣли государскія очи и били челомъ уже во время выхода, частію въ сѣняхъ передъ переднею, частію (младшіе) предъ сѣнями, на Золотомъ Крыльцѣ, а у которыхъ золотыхъ кафтановъ не было, тѣ дожидались царскаго выхода на Постельномъ и на Красномъ Крыльцѣ (З а б ѣ л и н ѣ, Бытъ Русскихъ Царей, 1 изд.,

нимали свои мѣста, препозить, сдѣлавши царю обычный поклонъ, бралъ знакъ у царя и возглашалъ громогласно и съ извѣстною модуляціею голоса: „повелите“. Всѣ чины хоромъ возглашали: „на многія и счастливыя времена да продлитъ Богъ праведное Ваше царство!“¹⁾ Послѣ этого возгласа всѣ шли въ слѣдующее помѣщеніе въ томъ порядкѣ, въ какомъ стояли, младшіе впереди, дальше отъ царя, старшіе ближе²⁾, и войдя въ слѣдующую залу, въ данномъ случаѣ въ Оноподѣ, становились тамъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ шли. Царь съ чинами кувуклія, съ тѣлохранителями шелъ вслѣдъ за синклитомъ, но такъ, что синклитъ успѣвалъ стать въ Оноподѣ въ должномъ порядкѣ, когда туда входилъ царь.

Къ чинамъ, вошедшимъ впереди царя, въ Оноподѣ присоединялись стоявшіе здѣсь и не входившіе въ Золотую Руку друнгарій виглы и флота, царскіе спааріи, несшіе царское оружіе, взятое въ храмъ св. Θεодора,

---

стр. 333—334). Что касается до приѣма собственно въ Золотой Рукѣ или портикѣ Августея, то приѣмъ этотъ дѣлался только въ самые торжественные выходы, въ большіе Господніе праздники. Въ менѣе торжественные выходы этого приѣма не бывало: царь проходилъ Золотую Руку и, не дѣлая приѣма здѣсь, входилъ въ Оноподѣ, гдѣ ему поклонялись и привѣтствовали собравшіеся здѣсь и стоявшіе въ іерархическомъ порядкѣ высшіе чины синклита (*δέχονται αὐτὸν πατρίκιον καὶ στρατηγὸν* I, 10, 72). Въ школ. къ обряду Рождества Богородицы потому прямо замѣчено, что въ «этотъ выходъ не бываетъ приѣма въ портикѣ Августея или Золотой Рукѣ» (I, 1, 26). Ср. такое же замѣчаніе относительно Благовѣщенья I, 29, 161 и описаніе выхода въ Благовѣщенье I, 30, 163. То же въ Великую Субботу I, 35, 181.

¹⁾ Послѣ возгласа препозита *ἐπεύχονται πάντας: «εἰς πολλοὺς χρόνους καὶ ἀγαθοὺς ὁ Θεὸς ἀγάγοι τὴν (δικαίαν) ὑμῶν βασιλείαν»*. Это пожеланіе или молитву чины, привѣтствовали ли они царя всѣ или нѣкоторые изъ нихъ отдѣльно, произносили послѣ поклона хоромъ всякій разъ, когда они встрѣчали царя или царь ихъ принималъ. Это дѣлали чины кувуклія, когда царь выходилъ къ нимъ въ галерею 40 мучениковъ, патрикіи и стратиги въ Полукругѣ Триконха и т. д., что въ обрядахъ часто выражается однимъ словомъ *ἐπεύχονται* или *ἱστάται ἐπευχόμενοι* (I, 1, 7, 8) или *ἀπευχαριστοῦσι τοὺς δεσπότας* (ibid. 10). Точно также *ἐπεύχονται* и при прощаніи, какъ мы увидимъ (I, 1, 21). Эта формула пожеланія называется *πολυχρόνιον*, т. е. многолѣтіе.

²⁾ Какъ чины кувуклія съ препозитами, когда одни идутъ съ царемъ, идутъ впереди его (*προπορεύονται* I, 1, 21), кромѣ извѣстныхъ чиновъ, идущихъ сади, такъ и чины синклита шли, какъ и стояли, впереди царя, на что указываетъ и постоянно встрѣчающееся выраженіе *δηριγεύμενος* (отъ *dirigo*) руководимый, предшествуемый. Впереди царя, когда явились проедры, шелъ проедръ, а когда ихъ не было, шли высшіе чины кувуклія, а потомъ синклита; магистры, аевиаты, патрикіи и т. д., среди которыхъ мѣста въ свою очередь распредѣлялись по разнымъ причинамъ. Если было нѣсколько царей, то старшій или большой шелъ впереди, а младшіе или малые шли на нѣкоторомъ разстояніи сади, причемъ между ними соблюдалась иногда градация, если хотѣли отгнѣнить ихъ значеніе и права на фактическое царствованіе въ будущемъ. Такъ, Христофоръ, сынъ Романа I Лакапина, былъ поставленъ по настоянію Болгаръ, выше Константина Багрянороднаго, а Романъ I завѣщалъ, чтобы Константинъ Багрянородный, послѣ смерти Романа, былъ первымъ царемъ, а за нимъ вторымъ и третьимъ царями были уже дѣти Романа: Стефанъ и Константинъ (Theoph.-Contin. p. 414, 435). Дѣти Романа II, Василій II и Константинъ VIII, во время царствованія Никифора Фоки, въ процессіи шли сади его, какъ свидѣтельствоеть Л ъ ю д п р а н д ъ.

спаэарокандидаты и спаэаріи съ сѣкирами (*δισπάλια* = *dextralia*) и др. Царь, войдя чрезъ мѣдную дверь въ Оноподѣ, становился на высокомъ порогѣ (*πούλιτον*) этой двери, такъ что стоялъ по обыкновенію выше стоявшихъ въ Оноподѣ въ іерархическомъ порядкѣ чиновъ, которые, при появленіи царя, всѣ падали ницъ, вставали и послѣ возгласа „*χελεύσατε* повелите“, говорили опять: „на многіе и счастливые годы да продлитъ Богъ царство Ваше!“ Но возгласъ: „повелите!“ здѣсь говорилъ уже не препозитъ, а церемоніарій, который для этого становился посреди стоявшихъ въ два ряда чиновъ и бралъ знакъ отъ препозита, который, въ свою очередь, получалъ знакъ отъ царя и затѣмъ, послѣ поклона, давалъ хламидою знакъ церемоніарію ¹⁾).

Послѣ возгласа: „повелите“ и многолѣтія, всѣ собравшіеся въ Оноподѣ чины шли въ Консистоцію, причемъ спаэарокандидаты и спаэаріи царскіе шли чрезъ боковыя двери, одни чрезъ правую, другіе чрезъ лѣвую, и спускались по соотвѣтствующимъ лѣстницамъ, между тѣмъ какъ патрикій и стратиги шли чрезъ среднюю дверь Консистоіи и затѣмъ патрикій и стратиги, стоявшіе и шедшіе въ правомъ ряду, спускались по правой лѣстницѣ, а стоявшіе и шедшіе съ лѣвой стороны шли по лѣвой лѣстницѣ ²⁾. Сойдя по лѣстницамъ въ Консистоцію, чины ста-

¹⁾ Пріемъ въ Оноподѣ описанъ довольно обстоятельно въ общемъ обрядѣ I, 1, 10. Дополняется отчасти I, 10, 72; I, 23, 129—130; I, 30, 163; I, 35, 181. Относительно мраморнаго порога (пупьшита) двери изъ Золотой Руки въ Оноподѣ см. I, 46, 238 и ср. мой Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 107. Изъ указанныхъ мѣстъ видно, что въ Оноподѣ всегда возглашаетъ «повелите» не препозитъ, а церемоніарій, точно также какъ въ Консистоіи во время этихъ выходовъ это дѣлаетъ всегда силенціарій. Это чередованіе дѣлалось всегда въ трехъ послѣдовательныхъ пріемахъ совершенно также, какъ при соборномъ служеніи архіерейскомъ возгласы и ектении говорятся по-очередно священниками и діаконами, въ іерархическомъ порядкѣ, сперва старшими, потомъ младшими. Препозитъ, церемоніарій и силенціарій представляютъ въ сущности 3 степени одного и того же церемоніальнаго чина и чередуются въ возгласахъ, какъ чередуются іереи и діаконы въ ектеніяхъ и возгласахъ.

²⁾ Выходъ изъ Онопода въ Консистоцію описанъ обстоятельнѣе въ Пасхальномъ обрядѣ I, 9, 63 и обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли I, 10, 73. Сравненіе этихъ двухъ мѣстъ, какъ замѣтилъ уже Reiske (Comment. p. 159), показываетъ, что въ Пасхальномъ обрядѣ пропущено нѣсколько словъ, которыя необходимо вставить изъ обряда понедѣльника Пасхальной недѣли. Вставка эта можетъ быть сдѣлана тѣмъ съ большою увѣренностію, что выходъ описанъ почти дословно тождественно. Дѣло въ томъ, что въ Пасхальномъ обрядѣ сказано, что *οἱ πατρίκιοι καὶ στρατηγοὶ διέρχονται τὴν μέσην πόλην καὶ εὐθείως οἱ μὲν ἀπὸ δεξιᾶς πατρίκιοι καὶ στρατηγοὶ κατέρχονται τὰ γραδῆλια τῆς ἀριστερᾶς πόλης*. Если бы это было дѣйствительно такъ, то патрикій и стратиги, стоявшіе во время пріема въ Оноподѣ на правой сторонѣ, слѣдовательно, старшіе, чѣмъ ихъ визави на лѣвой, теперь въ Консистоіи должны были бы стать на лѣвой сторонѣ, т. е. ниже своихъ визави. Эта невозможная съ іерархической точки зрѣнія перестановка явилась въ Пасхальномъ обрядѣ влѣдствіе пропуска послѣ *κατέρχονται* словъ: *τὰ γραδῆλια τῆς δεξιᾶς πόλης, οἱ δὲ ἀπὸ ἀριστερᾶς κατέρχονται*. Въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли это мѣсто выражено такъ: *οἱ δὲ πατρίκιοι ἐπέρχονται τὴν μέσην πόλιν, καὶ οἱ μὲν ἐκ δεξιῶν κατέρχονται τὰ γραδῆλια τῆς*

новились тамъ въ обширной залѣ предъ возвышеніемъ (ποβλίτων), на которомъ становился царь и на которомъ подъ балдахиномъ становился, въ случаѣ надобности, царскій тронъ. Вошедшіе впереди царя изъ Онопода высшіе чины находили уже въ Консistorіи собравшія тамъ остальной синклитъ, т. е. асикритовъ, царскихъ нотаріевъ, хартуларіевъ и другихъ менѣе важныхъ чиновниковъ, служившихъ въ разныхъ управленіяхъ и имѣвшихъ чины, дававшіе имъ право на участіе въ пріемахъ и собраніяхъ синклита ¹⁾. Во главѣ ихъ находились встрѣтившіе уже царя въ Полукругѣ Трибонха протоасикритъ и протонотарій. Всѣ эти синклитики стояли въ іерархическомъ порядкѣ въ два ряда, предъ царскимъ мѣстомъ, оставивши извѣстное пространство впереди для высшихъ чиновъ, которые и занимали приходившіе изъ Онопода патрикіи, стратеги и оффиціали. Впереди всего собравшагося и стоявшаго въ два ряда царскаго синклита стояли жезлъ Моисея, принесенный изъ храма св. Θεодора, и крестъ св. Константина, взятый веститорами изъ храма св. Стефана Дафны ²⁾. По сторонамъ отъ двухъ рядовъ синклита стояли спаэаріи и спаэарокандидаты и нѣкоторые другіе чины, а посреди синклита, между двухъ рядовъ, силенціаріи. Словомъ, весь синклитъ былъ въ полномъ сборѣ и стоялъ въ полномъ порядкѣ въ ожиданіи входа въ Консistorію царя или царей ³⁾. Въ то время, какъ патрикіи и стратеги занимали та-

δεξιᾶς πόλης, οἱ δὲ ἐξ ἀριστερῶν κατέρχονται τὰ γραδύλια τῆς ἀριστερᾶς πόλης (р. 73). Въ Рождественскомъ (I, 23, 130), Крещенскомъ (I, 26, 143) и Благовѣщенскомъ (I, 30, 163) этотъ выходъ описанъ очень кратко, особенно въ двухъ послѣднихъ, какъ и въ обрядѣ Великой Субботы I, 35, 181. Ср. I, 46, 232.

¹⁾ Перечисленные у меня въ текстѣ чиновники названы въ общемъ обрядѣ I, 1, 10; но здѣсь былъ весь синклитъ (въ I, 10, 73 сказано, что здѣсь встрѣчали царя патрикіи и стратеги ἀπὸ τῆς συγκλήτου, т. е. съ остальнымъ синклитомъ), а въ составъ синклита, участвующаго въ церемоніяхъ, входятъ всѣ чиновники 18 классовъ, отъ кесаря до апоэпархія или стратилата (II, 52, 708—712).

²⁾ Крестъ св. Константина по Рождественскому обряду (I, 23, 129) веститоры несутъ предъ патрикіями и стратегами, когда, послѣ пріема въ Золотой Рукѣ, царь и чины выходятъ въ Оноподъ, слѣдовательно, его несутъ предъ царемъ съ самаго начала торжественнаго шествія царя въ облаченіи. По общему обряду, онъ стоитъ вмѣстѣ съ жезломъ Моисея въ Консistorіи, когда входитъ туда царь. Внесенъ-ли онъ туда вмѣстѣ съ приходомъ туда патрикіевъ или отнесенъ былъ раньше, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, возможно, что во время написанія Рождественскаго обряда крестъ Константина отнесли въ Оноподъ, откуда онъ и переносился вмѣстѣ съ ходомъ процессіи въ Консistorію, а при написаніи общаго обряда онъ прямо относился въ Консistorію.

³⁾ Подробной разстановки всѣхъ собирающихся въ пріемныя залы при подобныхъ пріемахъ въ обрядахъ не находится. Объ ней можно судить по другимъ обрядамъ, для участія въ которыхъ приглашались всѣ чины, напримѣръ, при пріемѣ пословъ II, 15, 574 слѣд., но здѣсь разстановка чиновъ пріурочена была къ обряду, имѣла особый характеръ, а, кромѣ того, описаніе и здѣсь не полно и требуетъ значительныхъ добавокъ изъ другихъ подобныхъ обрядовъ. При изложеніи одного изъ такихъ обрядовъ, я постараюсь впоследствии дать возможно полное и точное описаніе положенія и мѣста не только чиновъ синклита, но и другихъ чиновъ, особенно чиновъ кувукліи и такъ называемыхъ «царскихъ».

нимъ образомъ свои мѣста въ Консistoriи, изъ Онопода торжественно входилъ въ Консistoriю чрезъ среднюю и главную дверь царь, и предшествуемый высшими чинами кувуклія, сопровождаемый и охраняемый протоспафаріями, маглавитами, әтеріотами и оруженосцами ¹⁾, вступалъ на возвышеніе подъ балдахиномъ (*καμηλαόχιον*), на нѣсколько широкихъ ступеней высившееся надъ заломъ, въ которой стоялъ синклитъ. Какъ только чины кувуклія занимали на возвышеніи и на ступеняхъ его свои мѣста и царь становился на порфировую плиту на пульпитѣ, весь синклитъ повергался ницъ и поклонялся царю ²⁾.

Сдѣлавши земной поклонъ, синклитъ вставалъ и, если не предстояло производство въ магистры, препозитъ, по мановенію царя, дѣлалъ, послѣ поклона царю, знакъ одному изъ силенціаріевъ, стоявшихъ въ концѣ двухъ рядовъ, образованныхъ чинами синклита, и силенціарій, поклонившись, возглашалъ громогласно и гармонично: „повелите!“ . Весь синклитъ хоромъ отвѣчалъ: „да продлитъ Богъ царство Ваше на многіе и счастливые годы“ и направлялся къ выходу изъ Консistoriи ³⁾. Но такъ какъ въ Консistoriи именно всегда совершалось производство въ магистра и притомъ, когда угодно было царю, во время большихъ праздничныхъ выходовъ ⁴⁾, то послѣ поклона чиновъ здѣсь иногда происходила церемонія

¹⁾ По замѣчанію Рождественскаго обряда I, 23, 130 τὸ βασιλικὸν ἄρμα βαστάζοντες σπαράριοι βασιλικοὶ διοδεύουσι ἐπισθεν τῶν βαρβάτων протоспафаріων ἐν ἑκάστῃ προελθεῖσι οὕτως.

²⁾ О Консistoriи, дверяхъ изъ Онопода, тѣстницахъ, пульпитѣ, камилавкѣ или балдахинѣ, порфировой плитѣ и т. п. см. Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 117 и слѣд. Ср., кромѣ того, вышеуказанныя мѣста изъ обрядовъ: въ нихъ говорится также о нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ, какъ камилавка, пульпитъ и порфировая плита.

³⁾ Сер. I, 1, 11; ср. I, 10, 73; I, 23, 130 (по этому обряду силенціарій стоялъ ἐμπροσθεν τῆς πόλης, т. е. близко къ выходной двери, значить въ концѣ двухъ рядовъ синклита); I, 30, 163; I, 35, 181.

⁴⁾ Консistoriя, благодаря обычаю въ ней только производить въ магистра, называется нерѣдко триклиномъ, въ которомъ производятся магистры (см. Обзоръ главн. част. Больш. Дворца, стр. 117, примѣч. 2). Это производство, какъ мы видѣли (стр. 34), могло происходить или въ простое воскресенье (обрядъ производства въ простое воскресенье см. I, 46, 234) или во время большаго выхода (ἐν προκένσφ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας) въ св. Софію; обрядъ производства въ магистра во время такого выхода вставленъ въ обрядъ Крещенскаго выхода (I, 26, 144) и, кромѣ того, изложенъ отдѣльно I, 46, 231—233. Этотъ послѣдній обрядъ интересенъ для насъ въ данномъ случаѣ въ томъ отношеніи, что въ немъ излагается шествіе царя въ большіе праздники, начиная отъ приѣма въ портикѣ Августея и кончая выходомъ изъ Консistoriи. Обрядъ, слѣдовательно, можетъ служить дополненіемъ въ этой части шествія къ обрядамъ выходовъ въ большіе Господніе праздники. Между прочимъ, въ этомъ обрядѣ относительно собравшихся въ Консistoriи чиновъ синклита въ тѣсномъ смыслѣ до входа сюда патриковъ и стратиговъ изъ Онопода говорится: ἵσταται ἑκατοὶ κομιστήριον καὶ οἱ λοιποὶ συγκλητικοί (слѣдовательно, весь синклитъ) т. е. ипаты и прочіе синклитики составляютъ консistoriю, т. е. стоятъ въ іерархическомъ порядкѣ въ два ряда (ср. выше, стр. 31, прим. 1). Совершенно въ такой же фразѣ I, 16, 98 ἑκατοὶ отдѣлено отъ κομιστήριον запятою, такъ что выходитъ, что въ Консistoriи «стоятъ ипаты, консistoriя и прочіе синклитики». Такая интерпункція, придуманная Reiske, безъ вся-

производства, которая занимала довольно много времени, такъ какъ послѣ собственно производства слѣдовала церемонія благодаренія царя за дарованіе синклиту главы, т. е. высшаго сановника. Церемонія эта состояла въ томъ, что всѣ чины синклита „до самаго послѣдняго синклитика“ подводились къ царю силенціаріями и кланялись въ землю и отходили на свои мѣста. Когда такимъ образомъ всѣ синклитики приносили благодареніе и становились опять попрежнему на своихъ мѣстахъ, царь давалъ знакъ препозиту, а тотъ силенціарію, который и возглашалъ: „повелите!“.

Послѣ этого возгласа чины синклита, стоявшіе въ два ряда, шли, вѣроятно, какъ и входили, черезъ среднія двери изъ Консistoriи въ Триклинь Кандидатовъ, между тѣмъ какъ боковыми дверями входили тѣ, которые стояли направо и налѣво отъ обоихъ рядовъ синклита. Вышедши въ Триклинь Кандидатовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стояли въ Консistoriи, чины останавливались въ ожиданіи царя, который съ кувукліемъ, тѣлохранителями и оруженосцами выходилъ вслѣдъ за ними, конечно, черезъ среднюю дверь Консistoriи также въ Триклинь Кандидатовъ. Здѣсь его ожидалъ уже елירъ храма Господа съ кадиломъ и ризничій (*ὁ σκευοφύλαξ*) съ крестомъ изъ этого храма, примыкавшаго западною стороною къ Триклину Кандидатовъ, и подносилъ царю для цѣлованія вынесенный изъ храма крестъ. Царь прикладывался ко кресту и предшествуемый синклитомъ и сопровождаемый кувукліемъ и тѣлохранителями шелъ далѣе въ помѣщеніе Первой Школы, гдѣ былъ куполь на 8 колоннахъ и гдѣ стоялъ большой и прекрасный серебряный крестъ ¹⁾. Царь

каго повода со стороны рукописи, была, повидимому, одною изъ причинъ вышеуказаннаго (стр. 31) предположенія *Λε κ ρ ι ν ε ν α* относительно существованія въ X в. старинной императорской консistoriи.—Присутствіе всѣхъ синклитиковъ въ Консistoriи во время выходовъ, обозначенное въ общемъ обрядѣ названіемъ только нѣкоторыхъ чиновниковъ, а въ частныхъ общимъ именемъ синклита, подтверждается и тѣмъ, что послѣ производства въ магистры царя благодарятъ не только высшіе чины, но и низшіе чины синклита, ипаты и еще низшіе *μέγρι τοῦ ἐσχάτου τῶν συγκλητικῶν* (I, 46, 233) *ὡς λαβόντες κεφαλῆν σκευέτου* (= *συγκλήτου*).

¹⁾ Выходъ изъ Консistoriи въ Триклинь Кандидатовъ и шествіе черезъ него въ Первую Школу описывается I, 1, 11. Безъ упоминанія Первой Школы въ Рождественскомъ обрядѣ I, 23, 130, гдѣ Триклинь Кандидатовъ, Первая Школа и Триклинь Экскувитовъ обозначаются однимъ общимъ именемъ Экскувитовъ, какъ и въ большей части другихъ обрядовъ, въ которыхъ описывается шествіе черезъ эти Триклины (см. Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 116, прим.). Въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли, послѣ описанія приѣма въ Консistoriи, говорится: отсюда царь, сопровождаемый выше-названными (т. е. синклитомъ), проходитъ черезъ Экскувитовъ, Школы и Халку, *«λέγοντος τοῦ τῆς καταστάσεως (церемоніаріи) κατὰ βῆθρον· „καπλάτε Δόμην“*. То же самое говоритъ церемоніарій, когда царь въ недѣлю Православія возвращается черезъ эти помѣщенія I, 28, 159, т. е. черезъ Школы и Экскувиты. Такіе возгласы дѣлалъ церемоніарій, когда царю приходилось идти по лѣстницѣ, какъ это видно изъ того же обряда недѣли Православія:

бралъ у препозита зажженную восковую свѣчу, поклонялся трижды кресту со свѣчою въ рукахъ и шель въ Триклинь Экскувитовъ.

когда царь для встрѣчи патріарха *κατέρχεται τὰ γραδῆλια τοῦ ἀθύρου*, церемоніарій говоритъ *κατὰ βᾶθρον «καπλάτε Δόμην»*. Ср. I, 27, 154. Подробнѣе этотъ обычай описанъ въ Срѣтенскомъ орядѣ, при описаніи выхода царя изъ Триклина Данувія во Влахернскомъ Дворцѣ для встрѣчи патріарха. Сопровождаемый чинами, царь проходитъ, *ὁ δὲ τῆς καταστάσεως ἐν τῷ μέσῳ, καὶ κατὰ βᾶθρον ἐπιστρέφόμενος πρὸς τὸν βασιλέα, ἐραπλῶν δὲ καὶ τὰς χεῖρας αὐτοῦ ἐνδοθεν τοῦ χλανιδίου αὐτοῦ, λέγει πρὸς τὸν βασιλέα «καπλάτε Δόμην», τοῦτο ἐκτελῶν, ὅπως ἐν τῇ διόδῳ τοῦ βασιλέως μὴ τύχη βᾶθρον*. (I, 27, 149). Изъ этого описанія видно, что церемоніарій, идя въ срединѣ процессіи, если на пути встрѣчалась лѣстница, долженъ былъ, обратившись назадъ, лицомъ къ царю, и показывая рукою, покрытою хламидою, говорить, обращаясь къ царямъ: *καπλάτε Δόμην*. Хотя въ рукописи вездѣ, гдѣ упоминается это слово, стоитъ *καпλάте*, Reiske I, 10, 73 читаетъ *καпτάте* и понимаетъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что церемоніарій на каждой ступенькѣ лѣстницы подастъ царю руку и, говоря *caprate, domini*, приглашаетъ царя крѣпко держаться за руку, чтобы не упасть (Comment. p. 175). Но такъ какъ о подаваніи руки здѣсь нѣтъ и рѣчи, а идетъ рѣчь только о жестѣ, съ которымъ церемоніарій обращается къ царю и который тождественъ съ вышеописаннымъ жестомъ препозита (см. выше стр. 62). Потому, если можно читать *καпτάте* вмѣсто непонятнаго *καпλάте*, то понимать *caprate* скорѣе можно, кажется, въ смыслѣ держите, держитесь за руки идущихъ возлѣ васъ чиновъ кувуклія, которые въ такихъ случаяхъ, быть можетъ, поддерживали царя, какъ водятъ въ извѣстныхъ случаяхъ подѣ руки архіереевъ и водили, какъ мы увидимъ, патріарховъ. Но о такомъ поддержаніи царей чинами въ обрядахъ ничего, сколько мнѣ помнится, не говорится. Потому, быть можетъ, позволительно думать, что *καпλάте* представляется искаженіе лат. *contemplate*, осматривайтесь, смотрите, остерегайтесь. Какая собственно лѣстница разумѣется при шествіи царя изъ Консисторіи чрезъ Триклины гвардейскихъ отрядовъ, сказать трудно; ихъ могло быть нѣсколько, еще больше было, вѣроятно, пороговъ и ступеней, такъ что церемоніарію приходилось не одинъ разъ обращаться къ царю съ вышеуказаннымъ возгласомъ. Можно думать, однакожъ, что это предостереженіе церемоніарія относилось, между прочимъ, къ ступенямъ возвышенія, на которомъ стоялъ царь въ Консисторіи и съ котораго онъ сходилъ, шествуя вслѣдъ за чинами въ Триклинь Кандидатовъ изъ Консисторіи. Такая же, если не ббльшая, лѣстница вела изъ Школы въ Триклинь Экскувитовъ, такъ какъ царь, проходя изъ большой двери Триклина Экскувитовъ, спускается съ большаго возвышенія (I, 23, 131: *κατελθὼν τὸ μέγα πούλιτον*). Ср. Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, Byzantina, I кн. стр. 125 и 129.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Шествіе царей чрезъ Палату Экскувитовъ.—Славословія на латинскомъ языкѣ.—Шествіе чрезъ Школы или Трибуналъ.—Украшеніе Трибунала.—Первый приѣмъ въ Трибуналъ.—Пѣснопѣнія и поднесеніе ливелларія.—Второй приѣмъ въ Палатѣ Школь.—Третій приѣмъ въ Халкѣ.—Четвертый приѣмъ внѣ рѣшетки Халки.—Пятый приѣмъ у большихъ воротъ Халки.—Шестой приѣмъ въ Орологіи св. Софіи.—Видоизмѣненія славословій и пѣснопѣній сообразно съ праздниками и личными качествами царей.—Извѣстіе Лютпранда о славословіяхъ димовъ.

Въ Палатѣ или Триклинѣ Экскувитовъ, куда входилъ царь со всѣмъ синклитомъ, кувукліемъ и тѣлохранителями, стояли уже въ два ряда, справа и слѣва, на своихъ мѣстахъ знаменосцы съ римскими скипетрами (такъ называемыми *vela*), евтихіями и другими скипетрами и лавурами (*labara*)¹⁾. Здѣсь же стояли со знаменами протикторы, сигнаторы, драконаріи и кампидукторы съ вандами.

¹⁾ Всѣ эти знамена и лавуры являются необходимою принадлежностью всякой торжественной процессіи и церемоніи. Не говоря уже о коронаціи и провозглашеніи царей, когда всѣ знамена въ извѣстные моменты преклоняются въ знакъ признанія новаго императора, знамена приносились въ Трибуналъ же для обряда коронаціи царицы, кесаря и производства въ нобилиссима (I, 38, 192, 194; I, 40, 204; I, 41, 210—211; I, 43, 218; I, 44, 226. Ср. I, 91, 410, 411; I, 92, 423; I, 93, 429; I, 94, 431; I, 96, 436). Въ Append. ad. libr. I, 502, гдѣ говорится о торжественномъ въѣздѣ Василія Македонянина, сказано, что Василій шелъ отъ храма пресв. Богородицы (на *forum* въ Constantini), *προπορευομένων τῶν σκευῶν, λαβῶρων καὶ τ. ὑρσῶν φλαμῶλων καὶ τοῦ τιμίου σταυροῦ τοῦ μεγάλου τε καὶ διαλέξιου*. Большая часть этихъ *σκευῶν* хранилась въ храмѣ Господа, гдѣ находились: скипетровъ 12, кампидукторій 5, лавуровъ 5, сигнъ (*σίγνα*) 12, драконтій 12, вандъ 8. Изъ нихъ 12 были возобновлены и исправлены (Константиномъ Багрянороднымъ?), а 6 обломаны и стояли безъ обдѣлки (II, 40, 641). При выходѣ царей въ Преображеніе въ присутствіи Саракинскихъ пословъ, всѣ эти *σκευῆ*, хранившіеся въ храмѣ Господа, были несены впереди процессіи, какъ и слѣдовало быть при большомъ выходѣ (II, 15, 591, 593). Подъ римскими скипетрами разумѣются, безъ сомнѣнія, старыя римскія знамена, хранившіеся въ дворцовомъ храмѣ съ давнихъ временъ; такъ какъ эти знамена состояли изъ древокъ (*σκήπτρα*) и привѣшеннаго къ нему плата, въ родѣ нашихъ хоругвей, то они назывались также *vela*. Евтихія (*εὐτύχηα*), которыя часто называются *πέδιλα*, *Reiske*, кажется, вѣрно объясняетъ въ смыслѣ знаменъ съ изображеніемъ архангела Михаила, замѣнившаго собою, съ принятіемъ христіанства, изображенія фортуны или викторіи (*τύχη, νίκη*). Здѣсь же *Reiske* (Comment. p. 81 и 668 слѣд).

Въ лѣвой половинѣ Палаты Эскувитовъ, на длинной скамьѣ стояли банкелларіи квестора съ своимъ domestикомъ. За ними, во второмъ ряду, также на длинной скамьѣ, стояли такъ называемые дипаниты, а за дипанитами въ третьемъ ряду на длинной скамьѣ стояли номики ¹⁾.

приводить случаи, указывающіе на возможность перехода εὐτόχια въ πτόχια (ср. βλοχεῖν = εὐλοχεῖν, φτηνία = εὐθηρία, βγεμικός = εὐγεμικός и т. п.). Labagum, производимое нѣкоторыми отъ кельт. *lab*—поднимать, возвышать, баск. *labarra*—знамя, называлось, какъ извѣстно, знамя, сдѣланное Константиномъ Великимъ по образу видѣннаго имъ на небѣ. По свидѣтельству Евсевія, который рассказываетъ объ этомъ видѣніи со словъ самого Константина, на *labagum*, сдѣланномъ Константиномъ Великимъ, подъ монограммою Христа въ вѣнкѣ (✠), была перекладина, къ которой привѣшенъ былъ платъ съ изображеніемъ Константина и его сыновей. Съ такими *labaga*, которыя съ Константина сдѣлались знаменемъ Христіанской Римской имперіи, изображаются обыкновенно на монетахъ византійскіе цари. (Kraus, Realencykl. d. christlich. Alterth. II, 259 слѣд.). Эти римскіе скипетры и знамена во время выходовъ и собраній носили, какъ можно заключить изъ обряда приѣма Саракинскихъ посланцевъ, кандидаты (II, 15, 575). Прочія знамена держали во время этого приѣма флотскіе гвардейцы, гребцы первого дромона, но это послѣднее обстоятельство было, вѣроятно, исключеніемъ, такъ какъ гвардейскіе отряды не флотскіе, знамена которыхъ вошли въ процессіяхъ, имѣли своихъ знаменосцевъ, которые и значатся въ числѣ офицеровъ, подчиненныхъ начальникамъ гвардейскихъ отрядовъ. Такъ, подъ начальствомъ domestika школы значатся: *protictores* (*protectores*), *εὐτοχοφόροι*, *σηπτεροφόροι*; подъ начальствомъ domestika эскувитовъ состояли *δρακονάριοι*, *σκευοφόροι*, *σινάτορες* (*signatores*); подъ начальствомъ друнгарія числа или виглы были: *βανδοφόροι*, *λαβουρίσται*, *σημειοφόροι*, *δοουκινάτορες*. Такіе же офицеры были и въ числѣ подчиненныхъ domestika иканатовъ (II, 52, 716—719). Всѣ они могли имѣть чинъ кандидата, какъ видно изъ перечня чиновниковъ и офицеровъ въ низшихъ чинахъ, приглашаемыхъ къ столу въ качествѣ послѣдняго отдѣленія (II, 52, 737—738). *Καμπηδουκτορία*—знамена или значки кампидукторовъ; древн. *campi doctores*—*Exercizmeister* въ византійскую эпоху являются въ роли *campi ductores*, *ὀδηγοί*, *οἱ τοὺς τόπους ἔρευνῶντες*, авангардными офицерами, колонновожатыми (см. Du Cange, Gloss. s. v.). *Βάνδον* называлось, какъ отрядное знамя, такъ и отрядъ, имѣющій одно знамя (Du Cange, s. v.); носившіе ихъ назывались *βανδοφόροι*; а такъ какъ на нихъ были различны изображенія *σημεία*, въ томъ числѣ и драконы, то носившіе знамена съ драконами назывались драконаріями (Du Cange, Gloss. Gr. u. Lat. s. v., ср. Reiske, Comment. 81). Этѣхъ краткихъ замѣчаній относительно упомянутыхъ въ общемъ обрядѣ знаменъ, полагаю, пока достаточно для пониманія текста; болѣе обстоятельное разсужденіе объ этѣхъ предметахъ завело бы насъ слишкомъ далеко и потому приходится отложить его до болѣе удобнаго мѣста и времени.

¹⁾ Относительно дипанитовъ, къ сожалѣнію, пока я ничего не могу сказать опредѣленнаго и могу только повторить слова Reiske (Comment. p. 82), который говоритъ: *Quinam sint Dipanitae, fateor me ignorare; videntur ad Circum pertinere*. Но относительно номиковъ (*οἱ νομικοὶ*) согласиться съ Reiske (ibid. p. 83) едва ли возможно. Reiske считаетъ номиковъ за регентовъ и дирижеровъ или уставщиковъ (*sunt, qui nomos musicos in publicis coetibus manu et nutu administrabant, praecentores, directores musici, aut qui docti ritus ecclesiasticos, quid quotidie in ecclesia praelegendum agendumve sit, norunt*) Это объясненіе взято Reiske изъ комментарія Goar'a къ Коди́ну de offic. p. 156 Bonn. Очень возможно что церковные *νομικοὶ*, о которыхъ рѣчь идетъ, у Коди́на (р. 6, l. 9), который относитъ *ὁ νομικός* къ 8 пятку церковныхъ должностей на ряду съ примикиріемъ чтецовъ, протоканонархомъ, экзархомъ и еклисиархомъ, подъ *ὁ νομικός* разумѣется регентъ или уставщикъ, но въ занимающемъ насъ мѣстѣ изъ обряда большихъ выходовъ едва ли можно разумѣть церковнаго номика, хотя здѣсь номики и поютъ стихи,—обстоятельство, которое и было, вѣроятно, причиною того, что Reiske принялъ ихъ за регентовъ или запѣвалъ. Не говоря уже о томъ, что времена Коди́на нужно строго отличать отъ вре-

Каждый рядъ, по приходѣ царя съ синклитомъ въ Палату Экскувитовъ, пѣлъ особыя пѣснопѣнія, приуроченныя къ тому празднику, въ который совершался выходъ. Канцелларіи квестора, по роду своихъ обязанностей, вѣроятно, долѣе другихъ знавшіе латинскій языкъ, должны были, какъ придворные пѣвче и поэты партій циреа¹⁾, пѣть по-латыни. Хотя въ IX—X вв., быть можетъ, и они уже не знали латинскаго языка, тѣмъ не менѣе по традиціи продолжали пѣть латинскіе стихи, или, какъ тогда говорилось, „пѣть по-римски“ (ῥωμαϊστῶν); латинскіе стихи они, быть можетъ, заучивали по записямъ, въ которыхъ эти пѣсни сохранились отъ прежнихъ временъ и были написаны, быть можетъ, даже не латинскими, а греческими буквами, въ греческой транскрипціи. Очень интересный образчикъ такихъ пѣснопѣній, равно какъ и транскрипціи, дошелъ до насъ въ концѣ I-й книги (гл. 74, р. 369—370) Придворнаго Устава, гдѣ собрано не мало и другихъ подобныхъ пѣснопѣній. Къ сожалѣнію, эти пѣснопѣнія или духовные стихи дошли не вполнѣ: большая часть ихъ представляетъ несомнѣнно только начало стиха, а продолженія его нѣтъ, такъ какъ составитель Устава имѣлъ въ виду, вѣроятно, указать только начальныя слова, чтобы показать, что нужно пѣть, а остальное предполагалъ извѣстнымъ по записямъ.

Въ Рождество, при входѣ царя въ триклинъ экскувитовъ, канцелларіи квестора пѣли: *De Maria Virgine natus est et magi de oriente cum*

мень Константина Багрянороднаго, необходимо имѣть въ виду, что въ числѣ церковныхъ чиновъ номикъ упоминается одинъ, а у Константина Багрянороднаго они занимаютъ цѣлую длинную скамью. Затѣмъ, они упоминаются рядомъ съ канцелларіями квестора и дипломатами и поютъ также, какъ и эти послѣдніе, а канцелларіевъ квестора врядъ ли кто станетъ относить къ духовнымъ чинамъ. Не говоря уже о партіяхъ циреа, у которыхъ были даже свои пѣвче (οἱ χρίσται), какъ мы сейчасъ увидимъ, и другіе свѣтскіе чины, высшіе и низшіе, не только умѣли, но и обязаны были въ извѣстныхъ случаяхъ пѣть духовные стихи, доказательствъ чего много имѣется въ обрядахъ крестныхъ ходовъ. Точно также обязаны были пѣть и номики во время большихъ выходовъ царей въ храмъ св. Софіи или, вѣрнѣе, быть можетъ, имѣли право и честь привѣтствовать царей своими пѣснопѣніями въ Палатѣ Экскувитовъ, также какъ другіе чиновники имѣли честь привѣтствовать царя въ другихъ залахъ Дворца.

Кто же были эти номики? По Gloss. Gr. D u C a n g e'a s. v. νομικῶν; номиками назывались вообще законовѣды, законники (iuris periti), и специально нотаріи въ нашемъ смыслѣ, т. е. нотаріусы, какъ они у насъ называются, законамъ русскаго языка вопреки. Въ Клиторологій Филовея (Сегім. II, 52, 717, строка 10), въ числѣ чиновъ, подчиненныхъ ипарху города Константинополя, мы находимъ номиковъ, но въ какомъ смыслѣ ихъ нужно принимать, въ общемъ или специальномъ, сказать, за неимѣніемъ другихъ указаній на этотъ счетъ, трудно. Во всякомъ случаѣ, на скамьѣ въ Палатѣ Экскувитовъ стояли, безъ сомнѣнія, номики, подчиненные ипарху, а не церковные пѣвче, и пѣли въ честь царя разныя пѣснопѣнія, соотвѣтствующія празднику, какъ пѣли подобныя же пѣснопѣнія подчиненные квестору канцелларіи квестора, а затѣмъ партіи Ипподрома.

¹⁾ О латинскихъ славословіяхъ придворныхъ пѣвчихъ и латинскихъ стихахъ поэтовъ партій Ипподрома будетъ рѣчь ниже.

muneribus adorant. Затѣмъ слѣдоваль припѣвъ: *Christus Deus noster conservet imperium vestrum per multos annos et bonos*. Припѣвъ этотъ, называемый отвѣтомъ (*ἀποκριμα*), пѣли, вѣроятно, всѣ канцелларіи, между тѣмъ какъ вышеприведенный стихъ пѣлся только нѣкоторыми запѣвалами или пѣвчими (*κράχται*), какъ можно судить по сравненію съ пѣніемъ своихъ славословіи димами.

Въ Крещеніе канцелларіи-пѣвчіе пѣли: *Ioannes in Iordane baptizat Dominum. Secundum illum vocat. De te volo (baptizari) ¹⁾*. Припѣвъ тотъ же самый. Какъ читатель видитъ, этотъ припѣвъ представляетъ оригинальнѣе того многолѣтія (*πολυχρόνιον*), которое говорятъ хоромъ царю чины послѣ поклоненія и которое намъ встрѣчалось уже нѣсколько разъ.

Въ Пасху канцелларіи-пѣвчіе пѣли: *Cum crucifixus est (?) et sepultus et tertia die resurrexit*. Припѣвъ тотъ же. Въ Троицу пѣли: *Commandavit Spiritum Sanctum super tuos apostolos*. Въ Преображеніе: *Cum transfiguratus est (?) in monte*. Припѣвы тѣ же. Что нибудь подобное пѣли и дипаниты съ номиками, составлявшіе второй и третій рядъ на скамьяхъ въ Палатѣ Экскувитовъ.

Встрѣчаемый и сопровождаемый такими пѣснопѣніями и многолѣтіями, царь, съ знаменами, скипетрами и лавурами впереди, предшествуемый синклитомъ, шелъ чрезъ Палату Экскувитовъ къ большой двери, ведущей изъ этой палаты въ Школы. Изъ Школъ къ этой двери вела лѣстница, заканчивавшаяся обширной площадкой (*μέγα πούλιτον*), на которую и выходила дверь. Дойдя до этой двери, царь останавливался въ ней, если нужно было производить скривоновъ, которыхъ подводили domestici экскувитовъ съ церемоніаріемъ къ царю. Царь вручалъ имъ знакъ ихъ достоинства (*жезль, τὸ βεργίον*), тѣ кланялись и уходили на свои мѣста.

По Рождественскому обряду ²⁾ (I, 23, 131) изъ Палаты Экскувитовъ

¹⁾ I, 74, 369: εἰς τὰ φῶτα: Ἰωάννης, ἐν Ἰορδάνῃ, βαπτίζει. δόμνησον. σεκούνησον. ἕλλοον. βόκατ δὲ τὸ βόλο. ἐρμηνεύεται Ἰωάννης ἐν Ἰορδάνῃ βαπτίζει τὸν Κύριον ἀκολούθως αὐτὸν φωνεῖ. ὑπό σου θέλω βαπτισθῆναι. ἄλλως Ἰωάννης ἐν Ἰορδάνῃ βαπτίζει τὸν Κύριον ἐκ δευτέρου αὐτὸν ἐφώνησε ὑπό σου θέλω βαπτισθῆναι. Leiche въ лат. переводѣ возстановляетъ лат. текстъ произвольно: *Ioannes in Iordane baptizat Dominum: is rursus (aut postea) illi acclamat: a te volo baptizari*. Далѣе Leiche поступаетъ точно также: въ Пасхальномъ пѣснопѣніи выбрасываетъ *et* предъ *tertia die*, чтобы вышелъ цѣлый періодъ. Въместо *κοιμῶντα* ставитъ въ лат. транскрипціи: *Qui mandavit*. Греч. *κοὺν* *τρανσφιγγουρίτου*с передаетъ *Qui transfiguratus*. Цѣльный и законченный стихъ отъ этого все-таки не выходитъ. Очевидно, это только начало стиха; концы ихъ, быть можетъ, можно отыскать въ старыхъ латинскихъ церковныхъ гимнахъ на эти праздники. Я, къ сожалѣнію, не могъ отыскать въ Казанскихъ бібліотекахъ изданій такихъ пѣснопѣній.

²⁾ Въ Крещенскомъ обрядѣ (I, 26, 144), который написанъ однимъ лицомъ и въ одно время съ Рождественскимъ, къ сожалѣнію, эта часть шествія царя выражена очень кратко: сказано только, что изъ Консесторіи царь проходитъ чрезъ Экскувитовъ и Школы до Великой Церкви, *καὶ δοχῆ καὶ τάξει, ὅν τρόπον ἐδηλώθη ἡμῖν ἐν τῇ προελεύσει τῆς Χριστοῦ γεννήσεως*. Ср. такую же ссылку выше, *ibid.* p. 143.

царь идетъ въ Школы и, войдя въ круглое зданіе (*εις τὸ στρογγυλόν*), гдѣ стоитъ крестъ и чины логоѳесія, молятся по обыкновенію со свѣчами въ рукахъ предъ крестомъ, и, ставши въ камару этого круглаго зданія, если нужно производить, производятъ комитовъ школъ или domestikовъ и протикторовъ. Подводятъ ихъ къ царю церемоніарій съ domestikомъ школъ, такъ какъ эти чины принадлежатъ къ составу школъ, какъ скривоны принадлежатъ къ начальникамъ *экскувитовъ*. Отсюда царь идетъ дальше чрезъ помѣщенія школъ, доходитъ до Пятой Школы и молятся опять предъ находящимся здѣсь крестомъ со свѣчами въ рукахъ и становится въ дверяхъ Пятой Школы, чтобы принять отъ domestика школъ ливеллярій, который онъ подноситъ царю въ качествѣ димобрата Венетовъ, такъ какъ въ Пятой Школѣ по Рождественскому обряду происходитъ первый пріемъ димовъ Ипподрома.

По общему обряду, въ основаніе котораго положенъ также Рождественскій обрядъ, цари изъ Палаты *Экскувитовъ* идутъ въ Лихны, гдѣ стоитъ великолѣпный серебряный крестъ, предъ которымъ цари совершаютъ молитвы, дѣлая три поклона со свѣчами въ рукахъ, послѣ чего цари становятся въ камару и происходитъ первый пріемъ димовъ (I, 1, 12).

Въ своемъ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца я старался показать ¹⁾, что Лихны и круглое зданіе, въ которомъ также, какъ и въ Лихнахъ, стоитъ крестъ, — тоже самое. Если это вѣрно, то разница между общимъ обрядомъ (I, 1) и Рождественскимъ (I, 23) состоитъ только въ томъ, а) что по Рождественскому обряду въ кругломъ зданіи пріема не происходитъ (пріемы начинаются дальше, въ Пятой Школѣ) и б) что изъ круглаго зданія (Лихны) царь идетъ, по Рождественскому обряду, не чрезъ Трибуналъ, чрезъ который онъ идетъ въ общемъ обрядѣ, а чрезъ Школы, т. е. чрезъ портикъ, состоявшій изъ помѣщеній для отдѣльныхъ школъ, которыхъ было семь, и примыкавшій къ Трибуналу. Затѣмъ, какъ изъ Трибунала, такъ и изъ портика для школъ царь одинаково выходилъ въ Палату Школъ. Если же круглое зданіе и Лихны не одно и то же, то къ указаннымъ двумъ пунктамъ, въ которыхъ общій обрядъ разнится отъ Рождественскаго, нужно еще прибавить третій: изъ Палаты *Экскувитовъ* по общему обряду царь шелъ въ Лихны и Трибуналъ, а по Рождественскому — въ круглое зданіе, которымъ начинался отъ Палаты *Экскувитовъ* портикъ школъ, и продолжалъ слѣдовать чрезъ портикъ школъ до Палаты школъ.

Такъ какъ общій обрядъ (I, 1) (въ сущности Рождественскій) и спе-

---

¹⁾ См. Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца въ *Byzantina*, I кн., стр. 125 и слѣд.

ціальный Рождественскій обрядъ написаны въ разное время ¹⁾, то эту разницу, въ сущности очень незначительную, всего естественнѣе объяснить разницею во времени. Въ то время, когда написанъ былъ спеціальный Рождественскій обрядъ (I, гл. 23) и когда былъ одинъ царь, процессія изъ Палаты Экскувитовъ двигалась чрезъ портикъ школь, гдѣ, по приходѣ въ Пятую Школу, и происходилъ первый приѣмъ димовъ; а когда былъ написанъ общій обрядъ, составленный, по всей вѣроятности, при Константинѣ Багрянородномъ, и когда было два царя по крайней мѣрѣ, процессія изъ Палаты Экскувитовъ двигалась чрезъ Лихны и Трибуналь и первый приѣмъ димовъ происходилъ здѣсь. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ процессія выходила въ Палату Школь.

Когда и почему произошла эта перемена, связать трудно. Такъ какъ портикъ школь шелъ параллельно Трибуналу, то возможно, что цари ходили и тамъ и здѣсь, смотря по тому, гдѣ они находили удобнѣе проходить. Такъ какъ Трибуналь представлялъ большую площадь и въ немъ могло помѣститься съ удобствомъ гораздо больше народа, чѣмъ въ Школахъ, то можно предположить, что чрезъ Трибуналь цари ходили и прежде, когда, ради большей торжественности, собиралось очень много народа для встрѣчи царей по выходѣ ихъ изъ залы Экскувитовъ, а потомъ, благодаря удобству размѣщенія въ Трибуналь, это сдѣлалось явленіемъ обычнымъ и постояннымъ, такъ что, при составленіи Придворнаго Устава, какъ въ общемъ обрядѣ, такъ и въ актологіяхъ димовъ (I, 2 и сл.), составитель счелъ возможнымъ обозначить только этотъ послѣдній путь, какъ обычный въ торжественныхъ выходахъ, что, конечно, не исключало возможности шествія по прежнему, чрезъ портикъ школь.

Полагая, что эти указанія на разницу между общимъ и Рождественскимъ обрядами достаточно разъясняютъ могущее возникнуть при сравненіи двухъ обрядовъ недоразумѣніе ²⁾, я въ дальнѣйшемъ изложеніи буду слѣдовать общему обряду, по которому шествіе направляется изъ Палаты Экскувитовъ въ Палату Школь чрезъ Лихны и Трибуналь.

Войдя изъ Палаты Экскувитовъ въ Лихны, называвшіеся такъ отъ свѣвшихъ тамъ лампъ (λύχνοι), которыя на время выходовъ зажигались,

¹⁾ На разницу во времени указываетъ то обстоятельство, что въ общемъ обрядѣ фигурируютъ цари, которые называются владыками (βασίλαι), а въ Рождественскомъ (I, 23) одинъ царь, βασιλεύς. Кроме того, въ общемъ обрядѣ о чинопроизводствѣ во время шествія не упоминается. Очень возможно, что при Константинѣ Багрянородномъ этотъ обычай былъ уже оставленъ или практиковался рѣдко.

²⁾ Въ Обзорѣ главн. частей Больш. Дворца, стр. 127, я уже указывалъ на то, что Л а б а р т ъ не обратилъ вниманія на эту разницу и нашелъ болѣе удобнымъ обойти этотъ трудный, но важный пунктъ молчаніемъ.

какъ и стоявшій здѣсь канделябръ въ семь лампъ (ἑπτακάνδηλος), царь прежде всего, какъ мы видѣли, поклонялся трижды со свѣчами въ рукахъ стоявшему въ Лихнахъ прекрасному серебряному кресту, затѣмъ становился въ камару Лихнъ, воторою Лихны примыкали и отърывались на Трибуналь, такъ что царь, окруженный кувукліемъ и тѣлохранителями, виденъ былъ множеству всякаго званія людей, собравшихся въ Трибуналь¹⁾. Тутъ стояли возлѣ самыхъ Лихнъ димы Ипподрома, за ними находившіеся въ данное время въ Константинополѣ послы и вообще знатные иностранцы, далѣе слѣдовали ипархъ съ своими подчиненными, своимъ сотрудникомъ или товарищемъ (σὺμπλοχος), логоэетомъ преторія и служащими въ учрежденіяхъ, управляемыхъ ими²⁾; здѣсь же стояли городскіе цехи (συστήματα τῆς πόλεως) и другіе представители и члены города и городского управленія, во главѣ котораго стоялъ ипархъ или эпархъ города. Если мы припомнимъ, что царь входилъ сюда предшествуемый всѣмъ синклитомъ и сопровождаемый многочисленною свитою изъ членовъ кувуклія и разнаго рода тѣлохранителей и гвардейцевъ, то мы можемъ себѣ представить, какъ много собиралось здѣсь народа и какое великолѣпное зрѣлище и величественное представляло это собраніе массы чиновниковъ и сановниковъ въ блестящихъ парадныхъ облаченіяхъ, со множествомъ знаменъ, крестомъ Константина и жезломъ Моисея. Все

¹⁾ Относительно лампъ и седмилампаія см. схол. къ I, 1, p. 8 и 12. Относительно собиравшихся въ Трибуналь чиновъ, половъ и горожанъ см. I, 1, 12—13. Совершенно согласное съ этимъ указаніе есть въ краткомъ орядѣ выхода въ Преображеніе, который, ради присутствовавшихъ при выходѣ Саракинскихъ пословъ, совершался съ особеннымъ блескомъ: цари и высшіе чины были въ лорахъ, какъ въ Пасху; какъ во время Пасхальнаго выхода, цари шли со скипетрами и акакіями (объ этомъ будетъ сказано при изложеніи особенностей Пасхальнаго выхода). О Трибуналь здѣсь сказано, что τὸ Τριβουνάλιον, ἐν ᾧ κατὰ τόπον ἵστανται οἱ φίλοι (послы дружественныхъ государствъ) καὶ θεωροῦσιν τὸν βασιλέα, ἐξοπλισθὴ κατὰ τὴν προρρηθεῖσαν τῆς δοχῆς ἐξόπλισιν (II, 15, 591). Здѣсь ссылка на II, 15, 572, гдѣ говорится объ украшеніи разныхъ дворцовыхъ помѣщеній для приѣма Саракинскихъ пословъ. Совершенно согласно съ замѣчаніемъ относительно иностранныхъ пословъ общаго обряда I, 1, 13, по которому послы стоятъ близъ димовъ, былъ помѣщенъ во время выхода въ Троицу Лютпрандъ, епископъ Кремонскій, въ бытность свою въ Константинополѣ при Никифорѣ Фока (968 г.). Въ Трибуналь онъ, по его собственнымъ словамъ, былъ помѣщенъ iuxta psaltas seu cantores in eminentiore loco, т. е. возлѣ пѣвчихъ (κράκται) димовъ (Legatio с. 9, Pertz, Monumenta, V, p. 349).

²⁾ Кромѣ симпона и логоэета преторія въ общемъ орядѣ I, 1, 13 названы οἱ περὶ τὸν ἑπαρχὸν ὀφφικιάριοι, подъ которыми разумѣются разные чиновники, служившіе подъ начальствомъ ипарха по разнымъ частямъ городского управленія и составлявшіе officium (ὀφφίκιον) ипарха. Они перечислены II, 52, 717. И во время приѣма Саракинскихъ пословъ въ Трибуналь стояла ἡ πολιτικὴ (τάξις) μετὰ τῶν συστημάτων καὶ τῶν ἰδίων ἀρχόντων (II, 15, 579). По Рождественскому обряду, когда царь входилъ въ круглое зданіе (Лихны), тамъ стояли οἱ τοῦ λογοθεσίου, подъ которыми, вѣроятно, разумѣются тѣ же оффиціальні ипарха города, подъ начальствомъ котораго служилъ логоэетъ преторія съ своимъ λογοθέσιον, т. е. управленіемъ или канцелярією логоэета.

это блестящее собраніе царя и синклита обружалось множествомъ стражи и гвардейскихъ отрядовъ разныхъ наименованій въ мундирахъ и съ оружіемъ, украшеннымъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями ¹⁾. Великолѣнію и блеску собранія соотвѣтствовало украшеніе Трибунала. Ипархъ города, получивши извѣстіе отъ препозита о предстоящемъ выходѣ, дѣлалъ распоряженіе о надлежащемъ украшеніи Трибунала ²⁾.

¹⁾ Такія блестящія процессіи приводили въ восторгъ патриотическихъ поэтовъ и заставляли ихъ воспѣвать великолѣніе и роскошь подобныхъ выходовъ. Такъ, у К о р и п п а (Corippi de laudibus Justinī Minoris, lib. IV, ст. 233 сл.) мы находимъ слѣдующее восторженное описаніе блестящаго выхода Юстина въ храмъ св. Софіи по случаю его консульства:

«Incessit laetus praeclara in veste senatus,
Pars trabeis, pars comata togis, ut cuique probatus
Ordo locum cultumque dabat. divina sequuntur
Officia, et primis praeco clamoribus instat
Omnibus imperitans sectis procedere turmis.
Incedunt densae mixto lictore cohortes:
Hinc armata manus dextram laevamque tuetur
Caesarei lateris; clipeis pia terga tegebat
Ingens excubitus, protectorumque falanges
Fulgebant rutilo pillis splendentibus auro.
Ipse autem consul sacro diademate fulgens
Ornatus trabea, gemmisque ostroque nitebat,
Ore humerisque patens; et sacri luminis instar
Illius aspectus gemmas vincebat et aurum,
Angelicis oculis exaequans sidera coeli».

Ср. у того же К о р и п п а описаніе приема Юстиномъ II Аварскихъ пословъ въ Консistoriі. Ibid. lib. III, ст. 213:

«Egreditur princeps magno comitante senatu.
Affuit obsequio castorum turba virorum...»

Ст. 237 (Послы допускаются въ Консistoriю):

«....Miratur barbara popes
Ingressus primos immensaеque atria Iustraus
Ingentes adstare viros. Scuta aurea cernunt,
Pilaque suspiciunt alto splendentia ferro
Aurea et auratos conos cristasque rubentes.
Horrescunt lanceas saevasque instare secures
Caeteraque egregiae spectant miracula pompae
Et credunt aliud Romana palatia coelum».

²⁾ Ипарха города препозитъ извѣщаетъ о предстоящемъ большомъ выходѣ, чтобы онъ украсилъ путь царя. На его же обязанности лежало украшать въ потребныхъ случаяхъ и нѣкоторыя части Дворца, въ томъ числѣ и Трибуналъ, Палату Школъ, пространство между Халкою и большими воротами Халки и нѣкоторыя другія внѣшнія части Дворца, какъ это видно изъ описанія украшенія разныхъ частей дворца, сдѣланнаго для приема Саракинскихъ пословъ II, 15, 572, гдѣ сказано, что τὸ τριβουνάλιον ἐξώπλισεν ὁ ὑπαρχος κατὰ τὸ εἰωθὸς τῆς προελέουσας (какъ обыкновенно украшалъ для выхода), ἀπὸ τε βλαττίων ἀπλωμάτων καὶ σενδῆς καὶ ἀπὸ ἔργων χρυσῶν καὶ χειμευτῶν καὶ ἀναγλύφων ἀργυρῶν, δηλονότι τῶν ἀργυροπράτων ταῦτα παρεχόντων. Совершенно согласно съ этою ссылкой въ общемъ обрядѣ сказано, что τὸ τριβουνάλιον κατακοσμοῦσιν οἱ τε βεστιοπράται καὶ ἀργυροπράται διὰ τε βλατίων καὶ λοιπῶν ἐντίμων ἀπλωμάτων τε καὶ πέπλων καὶ μὴν διὰ τε χρυσῶν καὶ ἀργυρῶν παντοίων σκευῶν τοῦτο καταλαζοῦσιν (I, 1, 12—13).

Придворные поставщики и купцы, торговавшие дорогими матеріями и коврами, шелковыми тканями и золоткашными одеждами, украшали Трибуналъ всѣми этими предметами своей торговли, а банкиры и серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, ювелиры и литейщики разставляли и развѣшивали въ Трибуналѣ разнаго рода изящные и дорогіе, блестящіе сосуды и утварь. Царь, стоявшій въ полномъ облаченіи въ камарѣ Лихнѣ, въ виду всего этого многочисленнаго и блестящаго собранія, являлся теперь и своимъ подданнымъ и иностранцамъ во всемъ блескѣ и величіи христіанскаго православнаго царя и самодержца, хранителя власти и представителя могущества и культуры великой Римской имперіи. Всѣ предстоящіе иностранцы должны были, при видѣ такого блеска и величія, проникнуться уваженіемъ къ силѣ, богатству и могуществу римскаго царя ¹⁾, по мнѣнію византійцевъ, единственнаго законнаго въ тог-

¹⁾ Для того, чтобы произвести сильнѣе впечатлѣніе на иностранцевъ и пословъ, какъ приемы ихъ въ торжественныхъ аудіенціяхъ, такъ и происходившіе при нихъ выходы производились съ особеннымъ блескомъ и торжественностію, доказательствомъ чего служатъ весьма интересныя и детальныя орудія приемовъ Саракинскихъ пословъ при Константинѣ и Романѣ (II, 15). Изъ этихъ обрядовъ видно, что для приема не только представлялись всѣ чины и гвардія въ парадныхъ облаченіяхъ (даже съ отступленіями отъ обычныхъ формъ), но и вынуты были изъ царскихъ кладовыхъ всевозможныя драгоценности для украшенія залъ Дворца. Мало того, изъ разныхъ церквей были собраны и развѣшаны во Дворцѣ люстры, канделябры, цѣпи, вѣнцы и т. п. Но, конечно, послы знали, что все это—форсированная декорация и не всегда цѣль этихъ усиленныхъ украшеній достигалась. Безъ этихъ экстраординарныхъ мѣръ, очевидно, блеску въ облаченіяхъ чиновъ и убранствѣ палатъ было уже мало въ X в. Обыкновенныя парадныя облаченія чиновъ далеко не всегда отличались новизною и роскошью отдѣлки; большая часть чиновъ синклита довольствовалась поношенными и потертыми облаченіями, очевидно, по неимѣнію средствъ и возможности всегда имѣть новыя и роскошныя облаченія. Это обѣдѣніе Византійскаго Двора и чиновъ синклита обнаруживалось болѣе, чѣмъ когда либо, при торжественныхъ обрядахъ и выходахъ, когда торжественности обряда, совершавшагося съ традиціонною помпою, противорѣчила обѣдненность и бѣдность внѣшней обстановки и облаченій. Эта бѣдная торжественность, возбуждавшая сожалѣніе въ патріотахъ, въ иностранцахъ, враждебно настроенныхъ къ Византійскому Двору, вызывала презрѣніе и насмѣшки. Такъ, Л ю д п р а н д ѣ говорить съ презрѣніемъ объ этой бѣдной торжественности. По его, очевидно, очень мрачному и тенденціозному изображенію, чины синклита представляли толпу какихъ-то оборванцевъ, а не блестящую свиту военныхъ и гражданскихъ сановниковъ. *Negotiatorum multitudo copiosa ignobiliumque personarum, ea sollempnitate, collecta ad susceptionem et laudem Nicephori, a Palatio usque ad S. Sophiam, quasi pro muris viae margines tenuit, clypeolis tenuibus satis et spiculis vilibus dedecorata. Accessit ad dedecoris huius augmentum, quod vulgi ipsius potior pars, ad laudem ipsius, nudis processerat pedibus. Credo sic eos putasse, sanctam ipsam potius exornare *προβλευσιν*. Sed et optimates sui, qui cum ipso per plebeiam et discalceatam multitudinem ipsam transierant, magnis et nimia vetustate rimatis tunicis erant induti. Satis decentius cotidiana veste induti procederent. Nullus est, cuius atavus hanc novam haberet. Nemo ibi auro, nemo gemmis ornatus est, nisi ipse solus Nicephorus, quem imperialia ornamenta, ad maiorum personas sumpta et composita, foediorum reddiderant. (Legatio, с. 9, Pertz, Monumenta, V, p. 349). Хотя въ этомъ описаніи мизерность обстановки и облаченій чиновъ преувеличена и обрисована въ самыхъ рѣзкихъ краскахъ, тѣмъ не менѣе едва-ли можно думать, что Льюдпрандъ го-*

дашнемъ міръ царя (=римскаго императора), а подданные проникались національною гордостью и благоговѣніемъ къ своему царю, защитнику и хранителю православной христіанской вѣры и культуры.

Выразителями этого благоговѣнія и вѣрноподданническихъ чувствъ къ царю являлись представители народа въ лицѣ четырехъ димовъ или партій (μέρη) Ипподрома ¹⁾, которые, начиная отсюда, встрѣчали и провожали царя своими славословіями и многолѣтіями. Но, конечно, съ постепеннымъ сокращеніемъ предѣловъ Византійскаго царства и обѣднѣніемъ Византійскаго Двора и придворныхъ чиновъ, блеску и роскоши въ обстановкѣ выходовъ становилось все меньше и меньше и бѣдность Византійскаго Двора выступала все сильнѣе и сильнѣе во время этихъ выходовъ.

Первый пріемъ. Когда въ Трибуналъ входили знаменосцы съ знаменами и чины синьлита, шедшіе впереди царя, но царь еще не занялъ своего мѣста въ арѣѣ (камарѣ) Лихнѣ, пѣвчіе (κράχται) загороднаго дима Венетовъ пѣли, если выходъ совершался въ Рождество Христово, на гласъ 3-й: „Звѣзда солнце предвѣщаетъ, въ Виодемѣ Христа, восшедшаго отъ Дѣвы“. Когда же царь становился на свое обычное мѣсто въ арѣѣ Лихнѣ въ виду всѣхъ, собравшихся въ Трибуналѣ, церемоніарій торжественно подводилъ къ царю domestica (т. е. главнаго командира) школь, который уже по самой своей должности domestica школь состоялъ и въ должности димократа (т. е. главнаго начальника) партіи Венетовъ. Domestickъ школь кланялся царю въ ноги ²⁾ и, поднявшись, преподносилъ ему, конечно не голою рукою, а

ворить о бѣдности и обветшалости облаченіи чиновъ безъ всякихъ къ тому поводовъ и оснований въ томъ, что онъ видѣлъ на самомъ дѣлѣ.

¹⁾ О партіяхъ Константинопольскаго Ипподрома ихъ составъ и администраціи трактуетъ главнымъ образомъ на основаніи Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, г. R a m b e a u, авторъ извѣстной книги о Константиинѣ Багрянородномъ, въ своей диссертациі De Byzantino Hippodromo et circensibus factionibus, Paris, 1870 p. 85 sequ. Хотя г. R a m b e a u много вопросовъ, касающихся организаціи партій и особенно самыхъ игръ и скачекъ, не затронулъ въ этомъ изслѣдованіи, тѣмъ не менѣе книга его даетъ понятіе о значеніи и роли партій Цирка. Имѣя прочную организацію и связанныя общими интересами, партіи эти, состоявшія изъ гражданъ Цареграда и его пригородовъ, были весьма часто дѣйствительными представителями и выразителями общественнаго мнѣнія и настроенія не только въ смыслѣ восхваленій и славословій правительства и царя, но и въ противоположномъ смыслѣ. Правда, къ X в. онѣ потеряли значеніе такой силы и имъ дана была такая организація, при которой они не могли уже производить переворотовъ, но все таки они остались организованными и признанными представителями гражданъ и въ качествѣ таковыхъ являлись во время выходовъ, пѣли пѣснопѣнія и славословили царей, для чего у нихъ были свои пѣвчіе, свои поэты и музыканты.

²⁾ Славословія и привѣтствія димовъ назывались по традиціи съ римскихъ временъ актами (ἄκτα, acta), а пѣніе или произнесеніе ихъ ἀκτολογία, подъ каковыми именами эти славословія и приводятся въ обрядахъ Константина. Акты на Рождество Христово составляютъ 2-ю главу 1-й книги (р. 35—40), гдѣ подробнѣе, нежели въ «Актахъ» другихъ праздниковъ, показано, что гдѣ пѣлось. Относительно поднесенія ливелларія domestиками и димархами см. I, 1, 12. Нѣсколько подробнѣе поднесеніе изложено I, 10, 82, гдѣ

обернутою въ хламиду, ливелларій (τὸ λιβελλάριον=libellare, libellus), — книжечку или свертокъ съ приличными празднику поздравленіями, пожеланіями и словословіями ¹⁾. Царь бралъ ливелларій и отдавалъ его препозиту, а препозитъ кувивулярію ²⁾. Въ это время пѣвчіе возглашали: „многая, многая, многая“, а остальные димоты загороднаго дима партіи Венетовъ подхватывали и пѣли: „многая лѣта, на многая“. Пѣвчіе опять пѣли: „многія Вамъ времена, божественное царство (т. е. Царское Величество)“. Остальные димоты или, какъ они обыкновенно называются, *народъ* (ὁ λαός), повторяли это трижды. Пѣвчіе опять пѣли: „многія Вамъ времена, служители Господа“. Народъ возглашаетъ трижды: „многія времена“. Пѣвчіе снова поютъ: „многія Вамъ времена, (имя рекъ), самодержцы Римлянъ“. Народъ повторяетъ трижды: „многія Вамъ времена“. Пѣвчіе поютъ еще разъ: „многія Вамъ времена съ августами (царицами) и багрянородными (дѣтьми)“. Народъ однажды возглашаетъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Твое (или Ваше) на многія лѣта“, смотря по тому, былъ ли одинъ царь или два и больше.

Во время пѣнія этихъ многолѣтій домашнѣе школъ, въ качествѣ димократа Венетовъ, стоитъ противъ царя и трижды осѣняетъ его крестнымъ знаменіемъ, когда поетъ народъ, т. е. димоты, повторяя или продолжая слова своихъ пѣвчихъ. Для осѣненія царя крестнымъ знаменіемъ

сказано, что ὁ δημοκράτης... προσκυνήσας τοὺς πόδας τοῦ βασιλέως ἀσπάζεται αὐτοῦς, ὁ δὲ βασιλεὺς, δεξιόμενος αὐτὸν ἐπιδίδωσιν αὐτὸν τῇ κόμητι τοῦ σταύλου. Здѣсь послѣ ἀσπάζεται αὐτοῦς, очевидно, пропущено: καὶ ἐπιδίδωσιν αὐτῷ (царю) τὸ λιβελλάριον (ср. I, 30, 168, гдѣ описывается совершенно такое же дѣйствіе димарха Венетовъ); вслѣдствіе чего дальше вмѣсто αὐτὸ или τοῦτο читается αὐτόν, какъ будто царь принимаетъ или беретъ самого димократа и передаетъ его комиту ставла, тогда какъ здѣсь идетъ рѣчь о принятіи ливелларія и передачи его царемъ комиту ставла, шедшему рядомъ съ ѣдущимъ царемъ (см. р. 167), вмѣсто передачи препозиту, который ѣхалъ не такъ близко отъ царя, какъ шелъ комитъ ставла. Переводчикъ не замѣтилъ этого пропуска и передаетъ буквально: quem is suscipiens comiti stabuli tradit, между тѣмъ какъ тутъ же дальше слѣдуетъ, что «димократъ, ставши опять на свое мѣсто, креститъ царя или осѣняетъ царя крестомъ» (κατασφραγίζει τὸν βασιλέα). Цѣловали ли димократы и димархи ноги царямъ послѣ поклона, во время выходовъ въ св. Софію и во время пріемовъ (δοχαί) димовъ во Дворцѣ, сказать трудно; но судя по сходству подведенія къ царю димократовъ въ этомъ случаѣ съ I, 10, 82 и I, 30, 168, можно думать, что также цѣловали, только эта подробность опущена въ общемъ обрядѣ.

¹⁾ Относительно содержанія ливелларіевъ подносимыхъ царямъ въ такихъ случаяхъ, я слѣдую предположенію Reiske (Comment. p. 85). Эти ливелларіи сочинялись поэтами, входившими въ составъ каждой партіи. При производствѣ въ высокій чинъ когонибудь, церемоніарій сообщалъ μυστικῶς димамъ имя производимаго, тѣ уходили и, пока шла церемонія производства, сочиняли ποιήματα въ честь производимаго, которое и произносили послѣ производства, когда поздравляли его въ Школахъ (I, 47, 237, 240). Вѣроятно, и ливелларіи сочиняли тѣ же поэты.

²⁾ Какъ свѣчи, которыя послѣ молитвы царь возвращаетъ препозиту, этотъ послѣдній передаетъ кувивулярію, такъ и ливелларіи, принятые отъ царя, препозитъ передаетъ кувивулярію I, 23, 132.

доместикъ закрываетъ или обвертываетъ руку концомъ своей хламиды, чтобы не дѣлать этого голою рукою. Когда же поютъ пѣвчіе, димократъ стоитъ, придерживая руками полы хламиды своей ¹⁾).

Совершенно также происходилъ пріемъ первый (*δοχή α*) въ другіе *Господніе* праздники. Разница заключалась лишь въ томъ пѣснопѣніи, которое пѣли пѣвчіе, когда царь еще подходилъ къ своему мѣсту въ камарѣ Лихнѣ, но не успѣлъ еще стать здѣсь. Эти пѣсни измѣнялись сообразно съ праздникомъ.

Въ Крещеніе предъ появленіемъ царя на своемъ мѣстѣ пѣвчіе пѣли на 8-й гласъ: „Днесъ Сокрушившій въ водахъ главы драконтовъ главу подклоняетъ Предтечѣ челоуѣколюбиво“. Затѣмъ пѣвчіе и народъ пѣли тѣ же многолѣтія и славословія, какія поются въ Рождество, а доместикъ также преподносилъ ливелларій и затѣмъ, во время пѣнія народа, осѣнялъ царей крестнымъ знаменіемъ. I, 3, 41.

Въ Пасху, при входѣ царей, пѣвчіе Венетовъ пѣли на гласъ 1-й: „Силою божественнаго воскресенія смерти война сокрушена“. Славословія и многолѣтія тѣ же. I, 4, 43.

Въ Троицу пѣвчіе Венетовъ въ то же время пѣли на гласъ 1-й: „Божественнаго Духа явленіе сущимъ на земли возсіяло богопознаніемъ“, а затѣмъ на тотъ же гласъ: „Духъ, сошедшій нынѣ съ небесе какъ бы въ огненныхъ языкахъ на апостоловъ, научилъ возвѣщать единую истинную вѣру въ Троицу, народы просвѣтилъ, заблужденіе истребилъ, благодѣтелей (т. е. царей) побѣдами украшаетъ и рукѣ ихъ варваровъ покоряетъ. Да возрадуется вся вселенная, потому что побѣда и радость царствуютъ у Римлянъ“. I, 9, 58—59. Многолѣтія тѣ же.

Пѣснопѣнія праздника Преображенія не сохранились.

Второй пріемъ. Послѣ славословія процессія двигалась чрезъ Трибуналь въ Палату Школъ, куда выходила своимъ западнымъ фасадомъ, пропи-

¹⁾ Сег. I, 1, 12 схол. τοῦ δήμου ἀπολογουόντος... ἤγρον τοῦ λαοῦ ἀποκρινομένου τοῖς κράταις, κατασφραγίζει ὁ δομέστικος τῶν σχολῶν κατ' ἄκρον τῆς αὐτοῦ χλαμίδος πρὸς τὸν βασιλέα τρίτον, καὶ τῶν κρατῶν λεγόντων ἔχει δεδεμένην ταῖς χερσὶ (т. е. τὴν χλαμίδα)... ἦδε ἡ τάξις καὶ ἡ ἀπολογία (ἀπολογία?) καὶ ἐν ταῖς λοιπαῖς δοχαῖς τελεῖται τ. Вав. к. т. Празн. Точно также и царь, когда благословляетъ или осѣняетъ народъ крестнымъ знаменіемъ, дѣлаетъ это не голою рукою, а обвертываетъ ее концомъ хламиды, который церемоніарій складываетъ особеннымъ образомъ (ποιεῖ τὸ ρωσθελιον) и подаетъ царю, напр., во время пріема димовъ въ ихъ фіалахъ (I, 64, 287, 290), въ фіалѣ Триконха (I, 66, 299), въ каеисмѣ Ипподрома предъ началомъ скачекъ или бѣга (I, 68, 307; I, 70, 343; I, 73, 365). Σφραγίς въ средневѣковомъ языкѣ имѣетъ, кромѣ другихъ значеній, преимущественно значеніе крестнаго знаменія (σφραγίς τοῦ σταυροῦ) и крещенія (τὸ βάπτισμα). Такъ какъ и царь и доместики крестятъ трижды (κατασφραγίζουσι τρίτον), то, по всей вѣроятности, они при этомъ произносили слова: во имя Отца и Сына и св. Духа, какъ говорятъ священники при благословеніи. Относительно значенія σφραγίς и σφραγίζειν см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v.

леемъ нарѣика, церковь св. Апостоловъ. Пропилей этотъ примыкалъ къ двери изъ Трибунала въ Палату Школъ, и царь, войдя въ эту дверь, сейчасть же становился предъ храмомъ св. Апостоловъ, молился, совершая троекратный поклонъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ, и затѣмъ, когда царь становился въ арку пропилая, происходилъ второй пріемъ¹⁾. Какъ при первомъ пріемѣ, такъ и здѣсь пѣніе начиналось, когда царь только входилъ сюда изъ Трибунала. При входѣ царя пѣвчіе загороднаго дима Прасиновъ въ Рождество Христова пѣли на гласъ 3-й: „Безъ матери на небеси, безъ Отца рождается на землѣ“. Затѣмъ другой стихъ: „Творецъ чловѣковъ чловѣколюбиво снисходитъ родиться чловѣкомъ“. Когда царь стапетъ въ аркѣ, domestikъ эскувитовъ, состоящій въ то же время въ должности димократа Прасиновъ, подводимый церемоніаріемъ, подходитъ къ царю, кланяется ему въ ноги, цѣлуетъ ихъ, встаетъ и рукою, покрытою хламидою, преподноситъ царю ливелларій, который тотъ беретъ, передаетъ препозиту, а препозитъ кувикюлярію. Домestikъ эскувитовъ послѣ этого становится на свое мѣсто и рукою, обернутою концомъ хламиды, осѣняетъ царя крестнымъ знаменемъ, когда поютъ димоты или народъ, и стоитъ, сдерживая рукою полы хламиды, когда поютъ пѣвчіе. А пѣвчіе, какъ только царь станетъ подъ арку, пѣли: „многая, многая, многая!“ Народъ подхватывалъ: „многая лѣта, на многая!“ Пѣвчіе: „многія Вамъ времена, избраніе Троицы!“ Народъ отвѣчалъ: „святъ, святъ, святъ!“ Пѣвчіе: „многія Вамъ времена, (имя рекъ) самодерждцы Римлянъ!“ Народъ опять отвѣчалъ: „святъ, святъ, святъ!“ Пѣвчіе: „многія Вамъ времена, служители Господа!“ Народъ: „святъ, святъ, святъ!“ Пѣвчіе: „многія Вамъ времена, (имя рекъ), царицы Римлянъ“. Народъ: „святъ, святъ, святъ!“ Пѣвчіе: „многія Вамъ времена, владыки, съ царями и багрянородными!“ Народъ опять заканчивалъ, какъ и въ первомъ пріемѣ, многолѣтіемъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Ваше на многая лѣта“ (I, 2, 36—37). Эти многолѣтія пѣвчихъ и димотовъ повторялись здѣсь во всеъ Господніе праздниы; измѣнялись только, сообразно съ праздниками, входные стихи пѣвчихъ, которые пѣлись при входѣ царя изъ Трибунала въ Триелинъ или Палату Школъ²⁾.

Въ Крещеніе при входѣ царя пѣли пѣвчіе на гласъ 8-й: „Христосъ святымъ крещеніемъ омываетъ (очищаетъ) свою церковь, (составившуюся) изъ язычниковъ“ (I, 3, 41).

Въ Пасху пѣвчіе пѣли на гласъ 1-й: „Свѣта неприступнаго свѣты мертвымъ возсіяли, сущимъ во тьмѣ. Ибо Христосъ явился мертвымъ во

¹⁾ О Палатѣ Школъ и храмѣ св. Апостоловъ см. Byzantina, I кн., стр. 127; ср. 155.

²⁾ О значеніи слова народъ въ такихъ случаяхъ см. Byzantina, I кн., стр. 67 и слѣд.

гробѣ, смертію смерть умертвивши, и совоскресилъ узниковъ своимъ тридневнымъ воскресеніемъ. Онъ славу Вашу, владыки, сохранить въ багрянницѣ въ долготу дней“ (I, 4, 44).

Въ Троицу пѣвчіе пѣли на гласъ 4-й: „Четыре раза взятой троицѣ (3×4=12) апостоловъ явилось огненное познаніе (πυρσοφαία) Троицы“. Затѣмъ пѣли другой, отходный (ἀπελατικός) ¹⁾ стихъ на гласъ 8-й: „Огненными языками Христосъ, приведшій народы къ познанию истины, самъ Вамъ, боговѣнчаннымъ благочестивымъ благодѣтели, съ небесе возложилъ на честныя главы Ваши сошествіемъ св. Духа освященный вѣнецъ. Потому мы изъ сердца непрестанно зывасмъ: Господи, вѣчно царствующій, сихъ намъ сохрани на радость и спасеніе Римлянъ“.

Третій приемъ. Отъ пропилея храма св. Апостоловъ, т. е. изъ Палаты Школь, процессія двигалась въ Халку и останавливалась подъ большимъ куполомъ ея, гдѣ стояли уже въ ожиданіи царя справа врачи, а слѣва учителя гимнастики, которые привѣтствовали здѣсь царей обычнымъ многолѣтіемъ: „на многія и счастливыя времена да продлитъ Богъ царство Ваше“ ²⁾. А когда царь только подходилъ къ двери, ведшей изъ Школь подъ куполь Халки, пѣвчіе загороднаго дима Венетовъ пѣли въ Рождество Христова на гласъ 3-й: „Узы разрывающей грѣха, пеленается Богъ въ ясляхъ“. Затѣмъ, когда царь становился въ двери изъ Палаты Школь въ Халку, пѣвчіе и народъ пѣли тѣ же славословія и многолѣтія, какія въ Трибуналѣ при первомъ приемѣ. (I, 2, 37). Доместикъ Школь при пѣніи народа осѣнялъ царей крестнымъ знаменіемъ, по ливелларія уже не подносилъ, такъ какъ онъ встрѣчалъ царей уже въ другой разъ, а ливелларій подносить полагалось только одинъ разъ въ тотъ же день ³⁾.

¹⁾ Почему этотъ стихъ называется ἀπελατικός, сказать трудно, но несомнѣнно, что ἀπελατικός не представляетъ ошибочнаго написанія вмѣсто ἀπολατικός (см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v.), такъ какъ это названіе встрѣчается довольно часто въ актологіяхъ и противоплагается иногда δρομικός (I, 10, 83). Въ виду того, что эти стихи поются во время шествія, когда царь переходитъ отъ одного мѣста приема къ другому, я перевелъ этотъ терминъ словомъ: «отходный», хотя терминъ этотъ въ соединеніи съ «молитвою» употребляется для названія молитвы, которою напутствуютъ переходящаго изъ этого дольнаго міра въ горній и которая читается во время последней агоніи умирающаго. Πυρσοφαία, собственно огнепознаніе, познаніе черезъ огонь, означаетъ познаніе Троицы, сдѣлавшееся возможнымъ, открытое черезъ явленіе или сошествіе св. Духа въ видѣ огня, т. е. огненныхъ языковъ.

²⁾ О Халкѣ и приемѣ здѣсь см. Byzantina, I кн., стр. 133 и слѣд.

³⁾ Относительно этого есть замѣтка въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли. I, 10, 83: χρῆ εἶδέναι, ὅτι οἱ δημοκράται τῶν δύο μερῶν τῶν περὶ τῶν καὶ οἱ δήμαρχοι τῆς πολιτικῆς, ἕκαστος αὐτῶν κατὰ τὸ μέρος αὐτῶν, ἐν τῇ αὐτῇ ἐπιπέδῳσι λιβελάριον, ἐν δὲ ταῖς λοιπαῖς δοχαῖς λιβελάρια οὐκ ἐπιπέδῳσι. πρὸς ἀπαξ γὰρ τοῦτο καὶ μόνον. На этомъ основаніи во время выходовъ въ св. Софію въ Благовѣщеніе, Рождество Богородицы, понедѣльникъ Пасхальной Недѣли, когда царь изъ св. Софіи шель крестнымъ ходомъ въ другой храмъ,

Въ Крещеніе при входѣ царя пѣвчіе загороднаго дима Венетовъ пѣли на гласъ 5-й: „Огнемъ божества въ Иордани пламя погашаетъ (Христось) грѣха“. I, 3, 41.

Въ Пасху здѣсь же пѣли на гласъ 3-й: „Пасху Господню нынѣ зряще, благозвучно возопіемъ и согласно...“¹⁾ I, 3, 44.

Въ Троицу пѣвчіе пѣли на гласъ 4-й: „Въ видѣ огня Духъ апостоламъ явился днесь съ небесе“. Другой стихъ на тотъ же гласъ: „Богъ, сокрушившій языкоподобными огнями печестіе языковъ, возвѣщаетъ, что чрезъ Васъ, мужественные владыки, побѣдитъ и сокрушитъ нечестіе языковъ и разноязычныхъ содѣлаетъ одноязычными въ вѣрѣ (имя рекъ), радость и надежда Римлянъ“. Славословія и многолѣтія тѣ же. I, 9, 59.

Четвертый приемъ. Изъ Халки, точнѣе изъ помѣщенія подъ большимъ куполомъ Халки, процессія двигалась чрезъ бронзовую дверь (*ἡ χαλκῆ πύλη*) Халки, ведшую изъ Халки къ рѣшеткѣ и на дворикъ Халки, и останавливалась за рѣшеткою. Когда царь проходилъ чрезъ бронзовую дверь Халки, его привѣтствовали стоявшіе въ самой двери справа и слева органици (*οἱ ὄργαναριοὶ*)²⁾ словами: „счастливо на многіе праздники!“ Когда же царь проходилъ эту дверь и подходилъ къ рѣшеткѣ Халки, пѣвчіе бѣлаго дима Венетовъ или городского дима Венетовъ пѣли на гласъ 3-й: „Звѣзда предшествуетъ и сіяетъ въ пещерѣ, чтобы показать магамъ Владыку солища. Чадо бо явилось и Плоть отъ Дѣвы стерла древнее непослушаніе Адама. Онъ державу Вашу, владыки, въ долготу дней сохранить во спасеніе Римлянамъ“. I, 2, 37.

Когда царь становился на свое мѣсто внѣ рѣшетки Халки, церемоніарій подводилъ къ нему димарха Венетовъ, который такимъ же образомъ, какъ димократъ, преподносилъ царю ливелларій, затѣмъ, ставши

при встрѣчѣ царя димами въ Лихнахъ, Палатѣ Школъ и т. д., ни славословія, ни поднесеніе ливелларій не имѣли мѣста, такъ какъ это все дѣлалось на возвратномъ пути изъ того храма, куда ходилъ царь. См. «Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца», *Byzantina*, I кн. стр. 137.

¹⁾ Конца этого пѣнопѣнія, очевидно, нѣтъ. Тоже можно думать и относительно нѣкоторыхъ другихъ слишкомъ краткихъ пѣнопѣній. Въ нихъ мы имѣемъ, по всей вѣроятности, только начало, какъ въ выше приведенныхъ латинскихъ стихахъ, произносившихся въ честь царей канцеляріями квестора (см. выше, стр. 72 и 73).

²⁾ Органы были въ большомъ употребленіи при Византійскомъ Дворѣ и рѣдкое придворное торжество проходило безъ игры на органахъ. Пѣнія димовъ во время приемовъ въ фѣалахъ также сопровождалось игрою на органахъ, и димы или партіи Ипподрома имѣли свои органы и своихъ органициковъ, которые съ вновь производимыхъ патрикіевъ изъ обычной платы получали въ числѣ другихъ должностныхъ лицъ димовъ по 6 милліаріевъ (I, 55, 799, 804). Эти органицики, вѣроятно, разумѣются и здѣсь. Болѣе подробное изложеніе матеріала, находящагося въ Придворномъ Уставѣ относительно органовъ и органициковъ, завело бы насъ слишкомъ далеко и отвлекло бы отъ предмета нашего изложенія; потому мы отлагаемъ его до болѣе удобнаго мѣста.

на свое мѣсто, имѣя своего помощника (*ὁ δευτερεύων*) сзади себя, осѣнялъ царей крестнымъ знаменіемъ, когда пѣли димоты бѣлаго дима Венетовъ, и стоялъ, придерживая руками хламиду, когда пѣли пѣвчіе, а народъ и пѣвчіе пѣли и возглашали тѣ же славословія и многолѣтія, что и въ первый приемъ Венетовъ; измѣнялся только первый стихъ, который пѣли пѣвчіе.

Въ Крещеніе пѣвчіе пѣли на гласъ 8-й: „Собезначальный Отцу Богъ Слово въ Иорданъ днесь пришелъ креститься и главу подклоняетъ смиренно Предтечѣ, Егоже небесныя силы трепещутъ видяще. Но міръ Просвѣтившій своимъ явленіемъ возвыситъ и возвеличитъ державу царства Вашего на счастье и славу Римлянъ“ (I, 3, 41).

Въ Пасху пѣвчіе Венетовъ поютъ тотъ же входный стихъ, какъ и въ первый приемъ въ Лихнахъ или Трибуналѣ.

Въ Троицу пѣвчіе сначала поютъ тотъ же стихъ, что и въ первый приемъ, а потомъ на гласъ 4-й: „Вышеначальная (*ὑπεράρχιος*) Троица, (имя рекъ) боговѣнчаннае, нераздѣльно въ вѣнчаніи Вашемъ является благоволящею. Ибо въ этотъ день Отецъ срижали Моисею даетъ,—Сынъ Духа ученикамъ даритъ; самъ Духъ, огненными языками изображаемый, является. При этомъ тройномъ праздникѣ Вашемъ, богоглаголится нынѣ единосущная Троица, вѣнчающая Васъ“. I, 9, 60.

Пятый приемъ. Отъ рѣшетки Халки цари шли черезъ дворикъ Халки къ большимъ воротамъ Халки, которыя отрывались на площадь Августеонъ, раздѣлявшую Дворецъ отъ храма св. Софіи. Ворота эти назывались воротами Мелеты (*τῆς Μελέτης*). Здѣсь встрѣчалъ цари димархъ Прасиновъ съ красною или городскою партіею Прасиновъ. Когда цари подходили къ большимъ воротамъ, въ Рождество Христово пѣвчіе Прасиновъ пѣли тотъ же стихъ, который пѣлся въ Палатѣ Школь. I, 2, 38. ¹⁾

Въ Крещеніе они пѣли на гласъ 8-й: „Христосъ погружается въ воды Иордана челолюбиво“. I, 3, 41.

Въ Пасху пѣвчіе пѣли на гласъ 1-й: „Безвременно (т.-е. до начала временъ) Отцу Соцарствующій въ послѣднія времена временно съ людьми жилъ и, на крестѣ адъ и смерть плѣнивши и тридневнымъ воскресеніемъ своимъ мертвымъ воскресеніе обновивши, Самъ возвыситъ родъ Вашъ, владыки, побѣдами надъ варварами“. I, 4, 44.

Когда цари становились у воротъ Мелеты на своемъ мѣстѣ, димархъ Прасиновъ, подводимый церемоніаріемъ, подносилъ царю ливелларій и затѣмъ, стоя съ своимъ помощникомъ позади, осѣнялъ царей крестнымъ

¹⁾ О рѣшеткѣ и большихъ воротахъ Халки см. *Byzantina*, I кн., стр. 132; ср. 136.

знаменіемъ, когда народъ, т. е. димоты краснаго дима, пѣлъ въ отвѣтъ на пѣніе пѣвчихъ. Славословія эти и пѣснопѣнія были тѣ же самыя, которыя пѣлись въ Палатѣ Школѣ, во время втораго приема.

Шестой приемъ. Выйдя черезъ ворота Мелеты или большія ворота Халки, процессія, среди собравшагося на площади народа, образованнаго двѣ сплошныя стѣны, двигалась черезъ площадь Августеонъ или прямо къ Орологію св. Софіи или сначала къ Милію, а отсюда черезъ портикъ Милія къ Орологію храма св. Софіи ¹⁾. Когда царь подходилъ къ Орологію, пѣвчіе Венетовъ въ Рождество Христово пѣли на гласъ 3-й: „Сущій въ Эдемѣ рай отверзла въ Виелеемѣ Дѣва, отъ которой Христосъ и Богъ нашъ благоволилъ родиться. Ибо воплотившись отъ Нея челоуѣколюбиво, освободилъ насъ отъ горькаго вкушенія грѣха. Сладость несказанной и великой власти Его и современное наслажденіе отъ Нея (т. е. Пресв. Дѣвы) въ Спасителѣ нашемъ обрѣтши, мы сдѣлались соучастниками его божественнаго наслѣдія“ ²⁾. I, 2, 38.

Когда цари придутъ въ Орологіи и станутъ въ его камару, пѣвчіе

¹⁾ Объ Августеонѣ, Миліи и Орологіи храма св. Софіи будетъ сказано въ началѣ слѣдующей главы.

²⁾ Въ текстѣ читается: τὸν γλοκκαρὸν τῆς ἀφάτου αὐτοῦ μεγάλης ἐξουσίας καὶ τὴν ἐν χροφίῳ τριφύῳ ἐξ αὐτῆς Σωτῆρα ἡμῶν εὐρηκότας, σύμφροτοι γεγόναμεν τῆς θείας αὐτοῦ κληρονομίας. Σωτῆρα читаетъ Reiske, въ рукописи стоитъ σῆρ, каковое сокращеніе Leich прочиталъ σωτηρίας и перевелъ: infandae magnaeque potentiae eius dulcedinem et in occulto voluptatem ex nostra salute capientes, divinae eius hereditatis compotes evasimus. Потому и г. Каневскій переводитъ: мы же, обрѣтая сладость неизрѣченнаго и великаго Его могущества и почерпая въ тайнѣ наслажденіе изъ нашего спасенія, сдѣлались причастниками его божественнаго наслѣдія. (Труды Киевской Духовной Академіи, 1872, августъ, стр. 832). Въ переводѣ Лейха и Каневского αὐτῆς не переводится; если держаться чтенія σωτηρίας, слѣдовало бы переводить: «обрѣтши въ тайнѣ наслажденіе изъ самаго нашего спасенія». Быть можетъ, σῆρ слѣдуетъ читать σωτηρίαν въ томъ смыслѣ, что мы находимъ наслажденіе отъ власти Спасителя въ нашемъ спасеніи, т. е. наше спасеніе даетъ намъ возможность пользоваться, наслаждаться плодами могущества Спасителя. Если же мы будемъ, вмѣстѣ съ Reiske, читать Σωτῆρα, то ἐξ αὐτῆς нужно относить къ пресв. Дѣвѣ и понимать слова τὴν τριφύῳ ἐξ αὐτῆς Σωτῆρα ἡμῶν εὐρηκότας въ томъ смыслѣ, что люди нашли наслажденіе въ Спасителѣ (собств. Спасителѣ), родившемся отъ Дѣвы. Въ такомъ смыслѣ я перевелъ это мѣсто, согласно съ чтеніемъ Reiske и текстомъ Бонисекаго изданія. Я перевелъ вообще, по возможности буквально, какъ этотъ стихъ, такъ и всѣ другіе «акты», чтобы сохранить разстановку и комбинацію словъ въ нихъ, (что составляетъ, благодаря отчасти метрической формѣ, ихъ характерную особенность), на сколько это возможно было безъ ущерба для ясности смысла. Полагаю, что люди, болѣе знакомые съ языкомъ церковныхъ пѣснопѣній, найдутъ въ моемъ переводѣ много выраженій, которыя можно было замѣнить другими, уже употребляющимися въ нашихъ церковныхъ пѣсняхъ. Было бы весьма полезно, если бы кто нибудь изъ знатоковъ языка пѣснопѣній перевелъ актологіи и сравнилъ ихъ съ церковными пѣснопѣніями, особенно древними. Быть можетъ, въ нихъ нашелся бы прототипъ нашихъ актологій. Въ пѣснопѣніяхъ на соответствующіе праздники, которыя поются у насъ и у грековъ теперь, я не только прототипа актологій, по большаго сходства, кромѣ отдѣльных словъ и выраженій, къ сожалѣнію, не нашелъ.

Венетовъ пѣли: „многая, многая, многая“. Народъ отвѣчалъ: „многалъѣта, на многая“. Пѣвчіе: „Творецъ всѣхъ и Владыка...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „Рожденный отъ Дѣвы святой...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „времена Ваши умножить съ царицами и багрянородными (дѣтьми Вашими)“. Народъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Ваше (Твое) на многія лѣта“. I, 2, 38.

Въ Крещеніе, когда цари шли къ Орологію, пѣвчіе пѣли на гласъ 2-й: „Огнемъ божества“ и пр. Когда же царь займетъ свое мѣсто въ камарѣ Орологія, то пѣвчіе поютъ: „Крестившійся въ водахъ Іордана (и главу подклонившій смиренно Предтечѣ) времена Ваши умножить съ царицами и багрянородными (дѣтьми Вашими)“. Послѣ перваго и втораго стиха народъ по трижды возглашаетъ: „многія Вамъ времена“, а послѣ конца говорилъ многолѣтіе: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Твое или Ваше на многая лѣта“. Здѣсь, слѣдовательно, измѣняются сообразно съ праздникомъ оба пѣснопѣнія пѣвчихъ, а народъ поетъ во всѣ праздники одно и то же, прерывая пѣніе пѣвчихъ возгласами: „многія Вамъ времена“ и заканчивая обычнымъ многолѣтіемъ. I, 3, 42.

Въ Пасху, когда цари шли къ Орологію, пѣвчіе опять пѣли: „Свѣта неприступнаго свѣты“ и пр., а когда цари приходили въ Орологію, пѣвчіе пѣли: „Всѣхъ Творецъ и Владыка...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „Возставшій неожиданно изъ гроба...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „и „радуйся“ давшій мироносицамъ“. Народъ: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „времена Ваши умножаетъ съ царицами и багрянородными“. Народъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ“ и пр. I, 4, 44.

Въ Троицу, когда цари шли къ Орологію, пѣвчіе пѣли: „Въ видѣ огня Духъ“ и пр. Кромѣ того, на гласъ 8-й: „Богъ Духъ днесъ явился апостоламъ въ языкахъ огневидныхъ и Васъ, боговѣнчаные благодѣтели, порфириою и вѣпцомъ прославившій, своимъ божественнымъ хотѣніемъ опредѣлилъ, чтобы Вы царствовали достойно Римлянъ. Слава Богу, вѣнчавшему Васъ на спасеніе Римлянамъ“. Затѣмъ, когда цари становились на свои мѣста, въ камарѣ Орологія, пѣвчіе пѣли: „многая, многая, многая!“ Народъ: „многая лѣта, на многая!“ Пѣвчіе: „Всѣхъ Творецъ и Владыка...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „Утѣшителя и св. Духа...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена“. Пѣвчіе: „ниспославшій въ языкахъ апостоламъ“, ... Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „времена Ваши умножаетъ съ царицами и багрянородными“. Народъ возглашаетъ трижды: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Ваше“. Во время возгласовъ и многолѣтій народа димархъ

Венетовъ, съ помощникомъ позади, стоялъ и осѣнялъ царей крестнымъ знаменіемъ. I, 9, 60.

Приемы димовъ здѣсь кончались и царь, предшествуемый синклитомъ, знаменами и крестами, вступалъ въ храмъ св. Софіи.

Эти нормальныя славословія, записанныя составителемъ обрядовъ, подвергались иногда видоизмѣненіямъ, когда особыя доблести и заслуги правшаго царя позволяли вводить въ славословія похвалы, напоминающія и намекающія на эти подвиги и доблести. Такъ, по свидѣтельству Льюдпранда ¹⁾, въ Троицынъ день, во время выхода царя Никифора Фоки въ св. Софію, „льстивые“ пѣвчіе пѣли: „Вотъ грядетъ утренняя звѣзда, восходитъ заря, отражаетъ лучи солнца, блѣдная смерть саракиновъ, Никифоръ владыка (μῆδων)“. А потомъ пѣли: „владыкѣ (μῆδωντ) Никифору, многая лѣта. Языки, ему покланяйтесь, его почитайте, ему преклоняйте свои выи“. Льюдпрандъ, крайне раздраженный на Никифора и византійцевъ вообще за холодный приемъ и неуваженіе къ посланному его императору, находитъ, что это была незаслуженная лесть; вмѣсто похвалъ, по его мнѣнію, Никифора слѣдовало бы осыпать всевозможными ругательствами, что озлобленный епископъ и дѣлаетъ, осыпая Никифора отборною бранью, которая могла бы сдѣлать честь бранчивому конюху, но не дѣлаетъ чести Кременскому епископу. Подданные Никифора, не смотря на его узурпацію, не могли, однакожъ, не чувствовать къ этому великому полководцу, взявшему Критъ и смирившему сирійскихъ саракиновъ, признательности и уваженія за его великія услуги и подвиги ²⁾, и эти чувства выражались въ вышеприведенныхъ возгласахъ и славословіяхъ, намекающихъ на главныя заслуги Никифора и видоизмѣненныхъ и дополненныхъ, сравнительно съ обычными славословіями, спеціальными, къ Никифору только приложимыми похвалами. Видоизмѣненія эти, какъ и вообще всѣ славословія димовъ, дѣлались по распоряженію и указаніямъ, во всякомъ случаѣ съ разрѣшенія и утвержденія преизита, который, какъ главный церемоніальный сановникъ или оберъ-

¹⁾ Liudprandi Legatio, c. 10, Pertz, Monumenta, V, p. 349. Съ Льюдпрандомъ, проникнутымъ величіемъ посланнаго западнаго императора, обошлись въ Византіи при царѣ Никифорѣ Фокѣ очень сурово, потому неувидительно, что онъ Никифора Фоку и его правительство, какъ византійскіе порядки вообще, изображаетъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ и умалчиваетъ о великихъ заслугахъ и подвигахъ Никифора Фоки.

²⁾ Великое значеніе для Византійскаго Царства заслугъ и военныхъ подвиговъ Никифора Фоки, проложившихъ ему дорогу къ царскому трону, очень хорошо разъясняетъ въ своей популярной и роскошно изданной книгѣ о Никифорѣ *Gustave Schlimberger* (*Un empereur Byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas, Paris, Firmin Didot, 1890*), который изображаетъ Никифора Фоку совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ озлобленный суровымъ приемомъ и полною неудачею своей миссіи Кременскій епископъ.

церемоніймейстеръ, опредѣлялъ всѣ подробности церемоніала торжественныхъ выходовъ и встрѣчъ и, при помощи церемоніаря и силенціаріевъ, распредѣлялъ роли участвующихъ во встрѣчѣ или выходѣ чиновъ. какъ объ этомъ замѣчено въ обрядѣ торжественнаго въѣзда въ Константинополь Василя Македонянина съ сыномъ Константиномъ послѣ побѣдоноснаго похода (Cerimon. Append. ad libr. I, p. 503).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Милій.—Орологій св. Софіи.—Дворъ св. Софіи.—Красныя врата.—*Λουτήρ*.—Западный фасадъ св. Софіи.—Царскія врата.—Алтарная конха.—Мѣсто св. престола и алтарной преграды.—Назначеніе боковыхъ нишъ.—Горнее мѣсто.—Царскій мутаторій и его части.—Св. Кладезь.—Мутаторій въ верхнемъ этажѣ.—Патріаршія Палаты и части ихъ.—Гинэконитъ въ лѣвомъ нижнемъ кораблѣ и женскій (сѣверный) нарѣикъ.—Сосудохранительница (*Σκεροφυλάκιον*).—Круглое зданіе на сѣверо-восточномъ углу св. Софіи.

Прежде, нежели мы войдемъ съ царемъ и синклитомъ въ св. Софію и будемъ излагать ихъ дѣйствія въ храмѣ, мы должны остановиться нѣсколько на тѣхъ пунктахъ, чрезъ которые царь проходитъ изъ Дворца въ храмъ св. Софіи, и на топографіи самаго храма, такъ какъ топографическія данныя, которыя изложены въ „Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца“ и которыя предполагались извѣстными читателю при изложеніи шествія царя по дворцовымъ зданіямъ, не идутъ дальше большихъ воротъ Халки, выведившихъ изъ Дворца на площадь Августеонъ. Къ сожалѣнію, и за предѣлами Большаго Дворца, въ предѣлахъ котораго мы вращались въ области предположеній, а не твердыхъ и точныхъ данныхъ, основанныхъ на раскопкахъ, мы будемъ имѣть дѣло съ соображеніями и догадками, основанными, главнымъ образомъ, на томъ же Уставѣ Константина, на показаніяхъ котораго основывались наши соображенія относительно разныхъ частей Большаго Дворца. Даже въ топографіи св. Софіи, гдѣ, повидимому, мы могли бы стоять на незыблемой почвѣ уцѣлѣвшаго, хотя изуродованнаго, искалѣченнаго и замазаннаго храма, намъ не избѣжать предположеній и догадокъ, такъ какъ тѣ пункты и мѣста въ этой поистинѣ Великой, каѳолической для православнаго міра Церкви, которыя насъ будутъ интересовать, или давнымъ давно исчезли, какъ амвонъ, алтарь, или передѣланы, испорчены, замурованы, замазаны и вообще доведены до неузнаваемости теперешними обладателями право-

славнаго католическаго храма, турками, которые, въ свою очередь, очень ревниво оберегаются въ этомъ обладаніи столь же просвѣщенными, сколько и враждебными православному міру представителями разныхъ исповѣданій западной церкви и западной цивилизаціи. Для нихъ это варварское поруганіе величайшей православной святыни и славнѣйшаго памятника христіанскаго искусства все еще представляется весьма желательнымъ, по своекорыстнымъ политическимъ соображеніямъ.

Мы видѣли, что цари съ синклитомъ, выйдя изъ большихъ воротъ Халки, шли чрезъ Среднюю Улицу (ἡ Μέση ὁδός), Милію (τὸ Μίλιον, Miliaie) и площадь Августеонъ въ Орологіи св. Софіи, гдѣ происходилъ послѣдній пріемъ димовъ ¹⁾. Изъ Орологія цари шли въ храмъ св. Софіи чрезъ красныя врата (ἡ ὄρατα πόλη) и, снявши здѣсь, т. е. въ красныхъ вратахъ, вѣнецъ, входили въ нарѣикъ св. Софіи, гдѣ ихъ встрѣчала патріархъ съ духовенствомъ, крестомъ и евангеліемъ.

Такъ какъ Средняя Улица, какъ извѣстно, шла отъ Золотыхъ Воротъ, слѣдовательно, съ запада на востокъ, а храмъ св. Софіи съ площадью Августеономъ лежали на сѣверъ отъ Большаго Дворца, то изъ прохожденія чрезъ Среднюю Улицу процессіи ясно видно, что Средняя Улица выходила на Августеонъ, между св. Софіею и Большимъ Дворцомъ, примыкая ко Дворцу съ сѣверной его стороны, слѣдовательно, шла параллельно портику Ахилла, такъ что цари, пройдя большія ворота Халки, должны были перейти чрезъ эту улицу, чтобы дойти до Атрія и Орологія св. Софіи ²⁾.

¹⁾ Въ I, 1, 14 сказано только, что 8-й пріемъ происходилъ *πρὸ τῆς μεγάλης πόλης, τῆς εἰσφερούσης εἰς τὸν Αὐγουστέωνα* (ср. I, 2, 37). Въ Пасхальномъ обрядѣ обозначенъ Миліи I, 9, 63: *ἐξέρχεται τὴν μεγάλην πόλιν, καὶ διερχόμενος διὰ μέσον τοῦ Μιλίου καὶ τοῦ Αὐγουστέως* (слѣд. читать *Αὐγουστέωνος*), *εἰσέρχεται ἐν τῇ πόλει τοῦ Ὁρολογίου τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας*. Въ Рождественскомъ обрядѣ названа Средняя Улица I, 23, 132: *ἐξέρχεται τὴν μεγάλην πόλιν τῆς Χαλκῆς, εἶτα διοδεύων διὰ τῆς Μέσης, εἰσέρχεται διὰ τοῦ Αὐγουστέωνος*. — Л а б а р т ъ (Palais, p. 112) говоритъ, что царь изъ св. Софіи во дворецъ ѣздилъ верхомъ чрезъ Милію, исылается на обрядъ Рождества Богородицы I, 1, 32, гдѣ сказано, что цари, по выходѣ изъ храма пресв. Богородицы Халкопратіейскоѣ, который находился близъ фора Константина, а не у юго-восточнаго угла св. Софіи, гдѣ почесу-то помѣщаются его Лабартъ и Паспати, — *καβαλλικεύουσι* и ѣдутъ до Миліи, гдѣ происходитъ пріемъ Венетовъ. Изъ храма же св. Софіи цари во дворецъ, а равно и въ храмъ св. Софіи изъ Дворца никогда не ѣздили, а всегда ходили, по той простой причинѣ, что св. Софія была очень близка ко Дворцу и связана съ нимъ даже крытыми ходами или галлереями. Ср. мои *Vuzantina*, I кн., стр. 141.

²⁾ Л а б а р т ъ (Palais, p. 13), упуская изъ виду Среднюю или Большую Улицу, которую Стефанъ Новгородскій называетъ Царевымъ Путемъ, переводитъ слова Рождественскаго обряда *διοδεύων διὰ τῆς Μέσης* s'avançant par le milieu de l'édifice, т. е. Халки, хотя царь прошелъ уже не только Халку, но дворникъ и большія ворота Халки. Что здѣсь проходила Средняя Улица, это подтверждается и описаніемъ торжественнаго вѣзда Василія Македонянина, который, доѣхавъ до фора (forum. φόρος) Константина, сходитъ здѣсь съ лошади, облачается въ дивитисій и хламиду въ храмѣ Богородицы на форѣ Константина, затѣмъ,

Но прежде, нежели цари достигали Орологія, они проходили площадь Августеонъ, причемъ могли идти или чрезъ Милій, или оставляли Милій въ сторонѣ ¹⁾. Этотъ Милій, соответствовавшій римскому *Milliare*, столбу, отъ котораго считались мили по дорогамъ, шедшимъ въ разныя стороны отъ Рима, въ Константинополѣ представлялъ сооруженіе, похожее болѣе или менѣе на триумфальную арку, но съ арками не на двѣ стороны, а на всѣ четыре. Чрезъ эти арки проходятъ цари и останавливаются для выслушванія славословій димовъ ²⁾, когда возвращаются во Дворецъ изъ какаго нибудь городского храма съ богомолья.

надѣвши вѣнецъ, шествуетъ оттуда пѣшкомъ съ знаменами впереди по Средней Улицѣ до Миліа и чрезъ портикъ Миліа входитъ въ Орологію св. Софіи (*καὶ διελθόντες τὴν Μέσσην ἕως τοῦ Μιλίου, εἰσέλθον δὲ τὸ ἐμβόλου τοῦ Μιλίου εἰς τὸ Ὁρολόγιον*. Append. ad Hbr. I, p. 502). Ср. I, 10, 74, гдѣ царь изъ св. Софіи идетъ чрезъ Милій и Среднюю Улицу на форумъ (forum) Константина. Ср. I, 10, 85; I, 30, 164.—О дальнѣйшемъ продолженіи этой улицы къ Золотымъ Воротамъ см. *Du Cange*, *Const. Christ*, lib. I, p. 60; Н. Кондаковъ, Византійскія Церкви, стр. 137 слѣд.; 149 слѣд.; Г. С. Дестунисъ, Историко-топографическій очеркъ сухопутныхъ стѣнъ Константинополя, Одесса 1887, стр. 16 сл. (отдѣльный оттискъ изъ Трудовъ Одесскаго Археологическаго съѣзда). Въ виду того, что Средняя Улица доходила до площади Августеона, какъ видно изъ указанныхъ и приведенныхъ мѣстъ, въ Рождественскомъ обрядѣ подъ ἡ Μέσση пужно разумѣть именно Среднюю Улицу. Хотя ἡ μέσση означаетъ не только Среднюю Улицу, но и площадь вообще (см. *Gloss. Gr. Du Cange* s. v. μέσση), но въ разсматриваемомъ мѣстѣ ἡ Μέσση вѣрнѣе понимать въ смыслѣ Средней Улицы уже потому, что площадь упоминается далѣе: царь, пройдя чрезъ Среднюю Улицу, проходитъ въ Орологію чрезъ площадь Августеонъ (см. вышеприведенное мѣсто изъ Рождественскаго обряда).—Дальнѣйшія разсужденія о Средней Улицѣ и ея продолженіи мы отлагаемъ до болѣе удобнаго мѣста, — изложенія обрядовъ выходовъ и выѣздовъ царей въ другіе городскіе храмы, кромѣ св. Софіи.—Извѣстія Византійскихъ писателей о Средней Улицѣ собраны и переведены на нѣмецкій языкъ Унгеромъ въ его *Quellen d. Byzant. Kunstgeschichte*, p. 127 слѣд. Къ сожалѣнію, Унгеръ, какъ было замѣчено въ предисловіи къ 1-й книгѣ моихъ *Byzantina* (стр. 6), упустилъ изъ вида нѣкоторыя важныя указанія Придворнаго Устава.—Стефанъ Новгородскій называетъ улицу, ведущую отъ Августеона къ столбу Константина, Великою Улицею и Царевымъ Путемъ: «на гору пойти Великою Улицею, Царевымъ (то-есть путемъ триумфальныхъ выѣздовъ царей и торжественныхъ крестныхъ ходовъ) Путемъ, пройдя недалеко добраго перестрѣла, ту стоитъ столпъ благовѣрнаго царя Константина» (Архим. Леонидъ, *Обозрѣніе Цареградскихъ памятниковъ*, стр. 6).

¹⁾ Изъ приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи мѣстъ видно, что по общему обряду царь не заходитъ въ Милію, который упоминается только въ Пасхальномъ обрядѣ шествія царя изъ Дворца въ св. Софію. Такъ какъ Милія, какъ мы увидимъ, лежалъ не на прямомъ пути изъ Халки къ Орологію, то возможно, что цари не всегда ходили чрезъ Милію, оставляя его иногда въ сторонѣ, налѣво, и проходя площадь Августеонъ по діагонали. Очень возможно, что во время составленія Пасхальнаго обряда ходили чрезъ Милію, а потомъ стали оставлять его, для сокращенія пути, въ сторонѣ.

²⁾ О константинопольскомъ Миліи, его исторіи и украшавшихъ его статуяхъ см. *Du Cange*, *Constantin. Christiana*, lib. I, p. 62. Ср. *Labarte*, *Palais*, p. 33. Лабартъ, правильно описывающій архитектуру Миліа, къ сожалѣнію, въ доказательствахъ того, что Милія имѣла четыре арки на всѣ страны свѣта, совершенно некстати приводитъ нѣкоторые обряды. Если обрядъ шествія царей въ Пасху (по Лабарту въ Троицу) чрезъ Милію изъ Халки въ Орологію еще можетъ доказывать существованіе арокъ на югъ и сѣверъ, такъ какъ цари въ этомъ случаѣ дѣйствительно шли съ юга на сѣверъ, то другіе

Изъ того обстоятельства, что, по Пасхальному обряду, процессія, вышедшая изъ Халки, двигалась къ Орологію св. Софіи чрезъ Милій, можно заключить, что Милій находился на пути, хотя и не на прямомъ, изъ Халки въ Орологіи, который былъ несомнѣнно, какъ мы увидимъ, около западнаго фасада храма св. Софіи, по всей вѣроятности, близъ южной стѣны храмоваго двора (atrium, ἀθή ή ή έξαολοή) св. Софіи. Принимая во вниманіе, что цари, идя изъ св. Софіи съ крестнымъ ходомъ на форумъ (forum) Константина или чрезъ него, а равно и возвращаясь съ богомолья во Дворецъ или совершая торжественный вѣздъ чрезъ форумъ Константина, который находился на западъ отъ св. Софіи на другомъ холмѣ, проходили также чрезъ Милій ¹⁾, можно думать, что

обряды, приведенные Л а б а р т о мъ, этого нисколько не доказываютъ, такъ какъ въ нихъ идетъ рѣчь о шествіяхъ съ запада на востокъ или съ востока на западъ, т. е. отъ фора Константина къ св. Софіи или наоборотъ. Л а б а р тъ, смѣшивающій очевидно форумъ Константина, который часто называется просто φόροςъ, съ Августеонемъ, помѣщаетъ колонну Константина на югъ отъ св. Софіи, полагая, что она была также на Августеонѣ; потому, когда идутъ къ этой колоннѣ отъ св. Софіи или обратно, у Л а б а р т а выходитъ, что идутъ съ сѣвера на югъ или наоборотъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ этомъ случаѣ шли съ запада на востокъ или съ востока на западъ. Храмъ пресв. Богородицы Фора, который Л а б а р тъ помѣщаетъ также на югъ отъ св. Софіи (№ 9), находился, какъ показывается самое названіе, на форумѣ Константина; во время торжественныхъ вѣздовъ чрезъ Золотыя Ворота въ этомъ храмѣ, на форумѣ Константина, цари облачались въ дивитисей и хламиду и шли отсюда пѣшкомъ до храма св. Софіи, какъ видно изъ описанія вѣздовъ Василія Македонянина и Никифора Фоки (I, 96, 493; Append. p. 502). Далѣе у Л а б а р т а (p. 34) также совершенно невѣрно сказано, что царей подъ сводами Миліи встрѣчали или принимали партіи Ипподрома, когда цари шли въ храмъ св. Софіи изъ Дворца или обратно. Нискогда этого не бывало и нигдѣ объ этомъ не говорится. Какъ мы видѣли, послѣ приѣма у воротъ Халки (5-го), послѣдній пріемъ (6-й) на пути царей въ св. Софію происходилъ въ Орологіи св. Софіи, а на возвратномъ пути изъ св. Софіи во Дворецъ цари никогда чрезъ Милій, какъ мы увидимъ, не ходили. Ср. Byzantina, I кн., стр. 136—138. Въ приведенныхъ Л а б а р т о мъ обрядахъ I, 1, 32 и I, 17, 106 цари не идутъ изъ св. Софіи, а ѣдутъ: въ первомъ случаѣ изъ храма пресв. Богородицы Халкопратійской, а во второмъ изъ храма св. Мокіи, возвращаясь съ богомолья. Такъ много путаницы на двухъ страницахъ (33 и 34) произошло, очевидно, отъ крайне небрежнаго чтенія этихъ обрядовъ.

¹⁾ Такъ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, на пути изъ св. Софіи чрезъ форумъ Константина къ храму св. Апостоловъ, царь, выйдя изъ св. Софіи чрезъ дворъ ея, идетъ чрезъ Милій и по Средней Улицѣ поднимается (ἀνέρχεται) на форумъ Константина (I, 10, 74). Совершенно также царь идетъ въ Благовѣщеніе (I, 30, 164). На обратномъ пути съ фора Константина во Дворецъ, царь проходитъ чрезъ Милій и встрѣчается партіями Ипподрома въ праздникъ св. Мокіи (I, 17, 106), въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли (I, 10, 84), въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы (I, 1, 32; I, 30, 168). Василій Македонянинъ и Теофилъ, при торжественномъ вѣздѣ въ городъ послѣ походовъ, отъ фора Константина шли чрезъ Милій въ св. Софію (Append. ad. lib. I, p. 502, 506). Изъ I, 17, 106 и I, 10, 84 видно, что на пути цари между Миліемъ и Халкою, на право отъ идущаго, если идти изъ Миліи въ Халку и налѣво отъ идущаго, если идти изъ Халки въ Милій, находились бани Зевксиппа, потому что послѣ приѣма въ Миліи, предъ послѣднимъ пріемомъ во дворикѣ Халки, совершался пріемъ возлѣ банъ Зевксиппа. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ цари ѣхали съ запада на востокъ и для совершенія пріема у Зевксипповыхъ банъ, надо полагать, не поворачивали назадъ, то можно думать, что Милій никемъ образомъ не

Милій находился противъ юго-западнаго угла двора св. Софіи (но не противъ середины западной стѣны этого двора) съ одной стороны и противъ большихъ воротъ Халки съ другой; потому, когда цари ходили чрезъ Милій въ св. Софію изъ Халки, они, значитъ, шли сначала прямо на сѣверъ чрезъ Среднюю Улицу, а потомъ поворачивали на востокъ, къ Орологію св. Софіи, а когда шли изъ Халки прямо въ Орологіи, то Милій оставался въ сторонѣ, на западъ, налѣво отъ идущихъ изъ Халки прямо въ Орологіи. Отъ Миліи шель портикъ къ форуму Константина на западъ и къ Орологію св. Софіи на востокъ, *продолжаясь, вѣроятно, вдоль всей южной стороны св. Софіи*. Такъ какъ отъ Халки тоже шель портикъ къ форуму Константина, то Средняя Улица, проходившая между Халкою и Миліемъ на западъ отъ Августеона, къ форуму Константина шла между двухъ портиковъ ¹⁾.

находился восточнѣе Халки, а былъ или противъ нея, или лежалъ еще немного западнѣе, такъ какъ бани Зевксиппа находились немного западнѣе Халки, какъ это видно изъ обряда въѣзда Θεοφιλα, который изъ Халки ѣхалъ верхомъ чрезъ галерею Ахилла, мимо банъ Зевксиппа въ Ипподромъ (Append. ad. libr. I, p. 505. Ср. Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 77 слѣд.). На западное или, что еще вѣроятнѣе и точнѣе, на юго-западное положеніе Миліи относительно Атрія св. Софіи указываетъ, кромѣ вышеприведенныхъ и указанныхъ мѣстъ, замѣчаніе въ концѣ Срѣтенскаго обряда (I, 27, 156). По этому замѣчанію, если Срѣтеніе случится въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста, когда цари говорили рѣчь въ Магнаврѣ и ходили къ часамъ въ храмъ св. Софіи, то цари послѣ часовъ выходили чрезъ правую сторону храма въ нарѣикъ, а оттуда, пройдя чрезъ Орологіи, выходили изъ Атрія чрезъ большую западную дверь или западныя ворота, выходящія на Доиръ (объ немъ будетъ рѣчь ниже), гдѣ сажались на лошадь и ѣхали чрезъ Милій, форумъ Константина, портики Мавріана и Петріа къ храму Влахернской Божіей Матери (διέρχεται ὁ βασιλεὺς διὰ τοῦ δεξιῶν μέρους τοῦ ναοῦ, τοῦ νότιου καὶ τοῦ Ὁρολογίου καὶ ἐξέρχεται ἐν τῇ πρὸς ὄψιν οὐσῆ μεγάλης πόλει τῆ ἐξαγορεύῃ ἐπὶ τὸν Ἀθήραν. Ἰππεύσας δὲ ἀπὸ τῶν ἐκείσε, διέρχεται διὰ τοῦ Μιλίου, φόρου κτλ). Такъ какъ царь проходитъ чрезъ большія западныя ворота послѣ того, какъ онъ проходитъ чрезъ нарѣикъ и Орологіи, то очевидно подъ западными воротами нельзя разумѣть западныя врата или двери храма или нарѣика, а необходимо разумѣть западныя большія, вѣроятно, главныя врата Атрія, которыя выводили на Доиръ (вѣроятно, портикъ съ западной вѣншей стороны Атрія), гдѣ царь садился на лошадь и потомъ уже проѣзжалъ чрезъ Милій. Милій, следовательно, находился на западъ отъ западной стѣны Атрія, а не на югъ; иначе царю пришлось бы обогнуть Атріи, чтобы попасть въ Милій, а этого предполагать нельзя, потому что если бы Милій былъ на южной сторонѣ, то царь могъ бы выйти къ нему чрезъ южныя ворота Атрія. Но такъ какъ съ другой стороны, при шествіяхъ въ св. Софію изъ Халки, цари идутъ, какъ мы видѣли, чрезъ Милій, а оттуда чрезъ его портикъ или площадь Августеонъ *въ Орологіи* св. Софіи, который былъ на южной сторонѣ Атрія, то можно заключать, что Милій стоялъ не противъ среднихъ западныхъ воротъ Атрія, а противъ югозападной стороны или угла его и соединялся портикомъ, идущимъ у южной стѣны Атрія, съ пристройками и портиками южной стороны самаго храма. Два портика, окаймлявшіе Среднюю Улицу отъ Августеона до форума Константина, начинались такимъ образомъ: одинъ отъ св. Софіи и Миліа, а другой отъ Халки. Потому нужно допустить, что въ Срѣтеніе, если оно приходилось въ понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго Поста, сѣвши на лошадь въ Аэирѣ, царь ѣхалъ немного на югъ, мимо западной стѣны Атрія и, въѣхавши въ Милій, ѣхалъ чрезъ него, а потомъ по Средней Улицѣ или по портнику, шедшему отъ Миліа къ форуму Константина.

¹⁾ Объ этихъ портикахъ имѣется прямое извѣстіе А н о н и а (Van D i n g i, Imperium Orientale, pars III, p. 6) = К о д и н а (de Origin. p. 22 Bonn.), по которому эти портики

Мѣсто Орологія св. Софіи, въ который цари, при торжественныхъ шествіяхъ во св. Софію, входили изъ Милія и въ камарѣ котораго совершался послѣдній (6-й) приемъ димовъ, къ сожалѣнію, также приходится опредѣлять на основаніи косвенныхъ указаній обрядовъ Константина, такъ какъ точныхъ и ясныхъ указаній на это нѣтъ. Принимая во вниманіе, что цари приходили, какъ мы видѣли, въ Орологіи изъ Халки чрезъ площадь Августеонъ, а Августеонъ находился на югъ отъ св. Софіи, которая выходила на Августеонъ своимъ южнымъ фасадомъ и южною стороною своего двора, мы можемъ заключать, что Орологіи находился на южной сторонѣ св. Софіи или ея двора. Но такъ какъ изъ Орологія во всѣхъ случаяхъ, когда шли чрезъ него, цари входили въ храмъ св. Софіи, или, точнѣе, въ его нарѣикъ, чрезъ западныя, красныя врата (*ἡ ὄρθια πύλη*), то мы въ правѣ думать, что Орологіи находился близъ южной стѣны двора св. Софіи, а не на южномъ фасадѣ самаго храма, такъ какъ, войдя чрезъ южную стѣну двора на этотъ дворъ и пройдя чрезъ арку Орологія св. Софіи, царь, повернувъ направо, могъ сейчасъ войти въ красныя врата, тогда какъ, если бы Орологіи находился на южной сторонѣ самаго храма, то царямъ для входа въ красныя врата предстояло бы огибать храмъ по южной сторонѣ, съ востока на западъ, идти опять назадъ, чтобы попасть во дворъ храма, а изъ него въ красныя врата ¹⁾).

(οὗο ἐμβόλοι ἀπὸ τῆς Χαλκῆς καὶ τοῦ Μιλίου καὶ τοῦ φόρου μέχρι τοῦ Ταύρου καὶ Βοῦς καὶ τοῦ Ἐξάκιονίου) были построены при Константинѣ, при перестройкѣ города для императорской резиденціи. Это извѣстіе подтверждается замѣчаніемъ Благовѣщенскаго обряда о томъ, что если въ Благовѣщеніе была дурная погода или большой вѣтеръ, то цари изъ храма св. Софіи съ крестнымъ ходомъ шли не по дорогѣ, а по портику до самаго фора (forum) Константина (I, 30, 169 *διοδεύουσι διὰ τοῦ ἐμβόλου καὶ ἀνέρχονται ἐν τῷ τοῦ φόρου Σινάτφ... καὶ πάλιν διὰ τοῦ αὐτοῦ ἐμβόλου κατέρχεται... καὶ ἀνέρχεται εἰς τὰ Χαλκοπράτεια*). Отъ Милія къ Орологію св. Софіи велъ также портикъ, чрезъ который, какъ видно изъ вышеприведеннаго мѣста, Василій Македонянинъ вошелъ въ Орологіи изъ Милія и чрезъ который цари иногда ходили изъ Дворца въ храмъ св. Софіи. Далѣе къ востоку, по южному фасаду св. Софіи, какъ мы увидимъ, былъ также портикъ, въ которомъ происходилъ первый приемъ, по выходѣ царя изъ св. Софіи, на возвратномъ пути во Дворецъ, послѣ литургии и завтрака въ мутаторіи св. Софіи. Потому можно думать, что весь южный фасадъ св. Софіи, обращенный къ площади Августеону, былъ обнесенъ колоннадою или портикомъ. Очень вѣроятно, что и со стороны Дворца былъ также портикъ, шедшій отъ Халки, западнаго конца дворцовыхъ зданій, къ Магнаврѣ. Очень возможно, что къ этому портику примыкала галлея, ведшая отъ Халки къ св. Кладезю, такъ называемый Хитъ Халки (объ немъ см. I кн. моихъ *Byzantina*, стр. 133 слѣд.). О портикахъ отъ Халки и Милія къ фору Константина и далѣе къ Золотымъ Воротамъ см. *D u C a n g e, Constantin. Christiana*, lib. II, p. 89; *U n g e r, Quellen der Byzantinischen Kunstgeschichte*, p. 127 слѣд.; *Н. К о н д а к о в ъ, Византійскія Церкви и памятники Константинополя*, стр. 135 слѣд.

¹⁾ На южномъ фасадѣ св. Софіи, противъ главнаго купола, помѣщаются Орологіи Л а б а р т ъ (*Palais*, pl. 2-ме, копія которой приложена къ I кн. *Byzantina*, см. на планѣ св. Софіи букву К и ср. Объясненіи къ плану) и П а с а т и (*Ἀνάκτορα*, 111—112), которые, не различая процессій и, слѣдовательно, не понимая, что чрезъ Орологіи царь ходилъ въ храмъ св. Со-

Имѣя при этомъ въ виду свидѣтельство Анонима = Коди́на ¹⁾, что у Орологія была построена Крестильница, которая существуетъ и теперь про-

фій только тогда, когда шелъ черезъ красныя ворота, помѣщаясь Орологій: Лабартъ у св. Кладезя, а Палати надъ Кладеземъ, какъ будто царь всегда ходилъ и могъ ходить черезъ св. Кладезь, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, когда царь ходилъ въ храмъ св. Софійи черезъ св. Кладезь или выходилъ черезъ него, онъ никогда не шелъ черезъ Орологій, и наоборотъ, когда шелъ черезъ Орологій, не шелъ черезъ св. Кладезь. Смѣшеніе этихъ путей привело къ цѣлому ряду путаницы и ошибокъ, распутывать и опровергать которыя едва ли нужно, такъ какъ при изложеніи пріемовъ димовъ мы уже видѣли, когда какимъ путемъ шелъ царь въ св. Софію (см. Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, въ *Byzantina*, I кн., стр. 135 слѣд.).

¹⁾ У Анонима (*Banduri, Imperium Orientale, Pars III, Antiquit. lib. IV, p. 65*) имѣется очень важное для топографіи Орологія извѣстіе о томъ, что Юстиніанъ предъ постройкою храма св. Софійи построилъ прежде всего маленькую церковь (Ἐκκλησίαν), — круглое зданіе съ золоченою крышею, и посвятилъ ее имени св. Іоанна Предтечи. Оно находится близъ Орологія и называется Βαπτιστήριον = Крестильницею. Въ то же время онъ построилъ зданіе, прилегающія къ Мутаторію, и галлерей изъ Дворца въ храмъ св. Софійи, чтобы ему можно было повидимо для народа приходить сюда изъ Дворца съ сановниками, быть здѣсь и наблюдать за постройкою храма (προὕκτισεν ἐκκλησίαν... ἔπερ ἐστὶν πλησίον τοῦ Ὁρολογίου, τὸ καλοῦμενον Βαπτιστήριον καὶ τὰ πλησίοντα τοῦ Μετατορίου... (Ср. *Codini de s. Sophia p. 135 ed. Bonn.*). Это извѣстіе совершенно согласно съ тѣмъ, что мы знаемъ о положеніи Мутаторія, который соединялся съ Крестильницею, находящеюся на южной сторонѣ, пристройками, между прочимъ св. Кладеземъ (объ этомъ будемъ рѣчь ниже), а съ Дворцомъ галлереею, ведшею изъ Дворца черезъ Магнавру (см. мои *Byzantina*, I, стр. 121). Потому не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Анонимъ разумѣетъ именно Крестильницу, примыкающую къ юго-западному углу храма св. Софійи и обращенную теперь въ гробницу Мустафы, хотя свидѣтельство Анонима о постройкѣ этой Крестильницы именно Юстиніаномъ, въ виду нижеприведеннаго свидѣтельства Павла Силенціарія о постройкѣ Юстиніаномъ Крестильницы на сѣверной сторонѣ храма, можетъ показаться сомнительнымъ. Для насъ важенъ топографическій фактъ близости Орологія къ южной Крестильницѣ, который едва ли кто станетъ оспаривать, тѣмъ болѣе что, кромѣ вышеприведеннаго свидѣтельства Анонима, положеніе Орологія близъ западныхъ вратъ св. Софійи подтверждается неподлежащими ни малѣйшему сомнѣнію свидѣтельствами обрядовъ Придворнаго Устава. Кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя будутъ приведены въ слѣд. примѣчаніи относительно мѣста Орологія, важное значеніе имѣетъ вышеприведенное (стр. 94) замѣчаніе Срѣтенскаго обряда (I, 27, 156) о томъ, что царь, выйдя изъ Мутаторія, находившагося, какъ мы увидимъ, на юго-восточной сторонѣ храма св. Софійи, идетъ черезъ правую сторону храма, черезъ нарѣикъ и Орологій и, пройдя черезъ Орологій, выходитъ черезъ большія западныя врата двора (Atrium) въ Авиръ. Это мѣсто важно въ томъ отношеніи, что изъ него ясно видно, что Орологій находился предъ нарѣикомъ. Кромѣ того, если царь проходилъ черезъ правую половину нарѣика, какъ онъ проходилъ черезъ правую сторону храма, а не черезъ средину храма, царскія и красныя врата, какъ онъ ходилъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ, то можно полагать, что Орологій находился предъ правою, южною половиною нарѣика, быть можетъ, въ восточномъ концѣ южнаго портика двора св. Софійи или близъ него, а слѣдовательно, близъ южной Крестильницы и южной стѣны Атрія, въ которой могла быть арка, переходившая или сливавшаяся съ аркою Орологія (камера, въ которой происходилъ послѣдній пріемъ димовъ, 6-й пріемъ). Унгеръ (*Griech. Kunst, Encykl. v. Ersch. und Gruber, I., Serie, томъ 84, s. 442—403*) высказываетъ предположеніе, что Ὁρολόιον называлась башня, стоявшая предъ средними вратами нарѣика, и что башня эта построена была Михаиломъ III для помѣщенія колоколовъ, подаренныхъ ему въ 865 году знатнымъ Венеціанцемъ. Но 1) еще въ началѣ XIII в. Антоній Новгородскій говоритъ, что въ св. Софіи колоколовъ не было, потому что въ колокола только лагине звонять, слѣдовательно и колоколыни никакой не было; 2) Орологій упоминается въ обрядахъ, которые гораздо древнѣе Ми-

тивъ юго-западнаго угла св. Софіи, направо отъ входа въ южный конецъ нарѣика св. Софіи и обращена турками въ гробницу Мустафы, можно опредѣлить мѣсто Орологія нѣсколько точнѣе, т.-е. помѣстить его возлѣ этой Крестильницы, слѣдовательно, въ юго-восточномъ углу Атрія св. Софіи, быть можетъ, въ восточномъ концѣ южнаго внутренняго портика Атрія, предъ южною стороною пропилея или внѣшняго нарѣика.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, цари въ торжественныхъ шествіяхъ шли, послѣ послѣдняго приѣма въ Орологіи, изъ Орологія во дворъ св. Софіи и, повернувъ направо, сейчасъ же входили чрезъ красныя врата, находившіяся въ пропилеѣ нарѣика или въ эксонарѣикѣ, а отсюда, снявши корону въ мутаторіи, находившемся въ пропилеѣ, входили чрезъ большую, среднюю дверь въ нарѣикъ, гдѣ встрѣчалъ ихъ патріархъ съ духовенствомъ, крестомъ и евангелиемъ. Такимъ путемъ входили цари въ день Рождества Христова, въ Крещеніе, въ Пасху, въ Троицу и въ Преображеніе ¹⁾. Этимъ же путемъ входили цари въ св.

хаша III (Обрядъ указанъ ниже); 3) едва-ли можно предположить, что не только при Юстиніанѣ, но даже при Михаилѣ предъ красными вратами, предъ главнымъ украшеніемъ западнаго фасада, поставили такую безобразную башню, которая закрывала бы красныя врата и безобразила весь фасадъ. Проф. Н. П. Кондаковъ (Константин. Церкви, стр. 120), въ виду свидѣтельства Антонія Новгородскаго, полагаетъ даже, что и послѣ латинскаго плѣна эта башня едва-ли могла существовать, и относитъ ея постройку къ турецкой эпохѣ.—Башня эта изображена на рисункѣ Grelot'a, помѣщенномъ въ Imperium Orientale Vanduri.—Предположеніе Унгера (ibid. 404), что царь во всѣхъ случаяхъ проходилъ, по выходѣ изъ нарѣика, чрезъ Орологіи, когда онъ выходитъ изъ св. Софіи чрезъ западныя врата для крестнаго хода, хотя и возможно, но не подтверждается другими обрядами подобныхъ выходовъ. Въ другихъ обрядахъ, напротивъ, сказано, что царь проходитъ чрезъ средину храма, царскія врата и большія или красныя врата, а не чрезъ правую сторону храма, и Орологіи въ этихъ случаяхъ не упоминается (I, 1, 28; I, 10, 74; I, 30, 164).

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ сказано, что изъ Орологія цари *εἰσερχονται διὰ τῆς ὀραίας πόλης καὶ ἀποστεφονται ὑπὸ τῶν πραιποσίτων ἐνδον τοῦ βήλου τοῦ κρεμαμένου εἰς τὴν καμάραν ἡγίου εἰς τὸ προπόλαιον τοῦ νάρθηκος... καὶ μετὰ τὸ ἀποστεφθῆναι εἰσερχονται πρὸς τὸν πατριάρχην*, т.-е. изъ Орологія цари «входятъ (въ храмъ св. Софіи) чрезъ красныя врата и препозиты снимаютъ съ нихъ короны за завѣсою, висящею въ камарѣ, т.-е. въ пропилеѣ нарѣика...», а послѣ снятія коронъ, цари входятъ къ патріарху», который стоялъ и дожидался царя въ нарѣикѣ (I, 1, 14). Въ Пасхальномъ обрядѣ сказано только, что царь изъ Орологія входитъ *ἐνδον τοῦ βήλου τοῦ κρεμαμένου ὀπισθεν τῆς πόλης τοῦ νάρθηκος ἐν τῷ μηταωρίῳ* и по снятіи вѣнца проходитъ въ нарѣикъ (I, 9, 64). Почти тоже сказано и въ Рождественскомъ I, 23, 132: послѣ приѣма въ Орологіи *εἰσελθόντες τοῦ βασιλέως πρὸ τοῦ νάρθηκος, ἐνδον τοῦ βήλου, λαμβάνει ὁ πραιπόσιτος τὸ στέμμα ἀπο τῆς κεφαλῆς τοῦ βασιλέως καὶ εἰσερχεται ὁ βασιλεὺς ἐν τῷ νάρθηκι καὶ δέχεται αὐτὸν ὁ πατριάρχης*. Почти буквально тоже гласитъ Крещенскій обрядъ I, 26, 145. Показанія этихъ обрядовъ значительно подтверждаются и дополняются обрядами торжественныхъ вѣздовъ въ Константинополь, когда цари, дойдя до Августеона отъ фора Константина нѣшкомъ, входили чрезъ Орологіи и красныя врата въ храмъ св. Софіи. Такъ, Василій Македонининъ съ сыномъ, пройдя изъ Орологія къ краснымъ воротамъ, *ἀπέθεντο τὰ στέμματα ἐν τῷ ἐνδον τῆς ὀραίας πόλης μηταωρίῳ καὶ εἰσῆλθον ἐν τῷ νάρθηκι*. (Append. 502). Никифоръ Фока, при своемъ торжественномъ вѣздѣ, *στάς εἰς τὸ Ὁρολόγιον*

Софію при торжественныхъ вѣздахъ въ Константинополь въ день коронаціи или послѣ удачнаго и побѣдоноснаго похода.

Особенно ясно этотъ путь обозначенъ въ старомъ обрядѣ входа вновь провозглашеннаго царя въ храмъ св. Софіи для коронованія. Царь, доѣхавъ въ колесницѣ до Августеона, „идеть въ церковь, пройдя черезъ Августеонъ противъ Орологія, и входитъ черезъ большой пилонъ въ Атрію (т.-е. дворъ)“, затѣмъ въ мутаторіи снимаетъ вѣнецъ и идетъ далѣе. Здѣсь важно упоминаніе двора (τὸ μέγαλον), такъ какъ въ другихъ подобныхъ обрядахъ онъ не обозначается въ виду того, что обозначеніемъ и названіемъ красныхъ воротъ (ὄραία πόλη) уже достаточно угазывается, что царь изъ Орологія проходитъ черезъ дворъ, тѣмъ болѣе, что войти въ красныя ворота можно только со двора ¹⁾.

Но то, что было само собою ясно и понятно для современниковъ составителя и собирателя обрядовъ, то стало не совсѣмъ ясно теперь и потому необходимо не только показывать, что въ западныя, красныя врата входили и могли входить только черезъ дворъ, куда они выходили, но и

εὐφραίσθη παρὰ τῶν δύο μερῶν..., а потомъ εἰσελθὼν ἐνδον τῆς ὄραίας πόλης εἰς τὸ μητατόριον ἠλλαξεν τὸ τριζάκιον καὶ εἰσῆλθεν ἐν τῷ νάρθηκι. (I, 96, 440). Но Теофила при своемъ вѣздѣ, проѣхавъ черезъ Милію, поѣхалъ далѣе, проѣхалъ Орологію и сошелъ съ лошади предъ св. Кладеземъ, черезъ который и вошелъ въ храмъ св. Софіи (Append. 706—7) и вышелъ черезъ ту же дверь. Это—единственный случай, гдѣ царь, пройдя черезъ Милію, входитъ въ св. Софію черезъ св. Кладезь, и легко объясняется тѣмъ, что Теофила шелъ не изъ Дворца а съ фора Константина, съ запада, потому Милія была у него на пути. Если же онъ шелъ бы изъ Дворца, то не проходилъ бы черезъ Милію, такъ какъ Милія, при шествіи въ св. Кладезь изъ Дворца и обратно, оставался въ сторонѣ, на западъ; потому въ обрядахъ, даже если цари шли не черезъ Хитъ Халки и малыя ворота, а черезъ большія ворота Халки въ св. Кладезь или обратно, Милія не упоминается; потому что цари черезъ него не шли. Такъ, напр., по Благовѣщенскому обряду (I, 30, 163), хотя царь выходитъ изъ Халки черезъ большія ворота (ἐξέρχεται τὴν μεγάλην πόλιν τῆς Χαλκῆς), какъ въ большіе Господніе праздники, тѣмъ не менѣе не идетъ черезъ Милію, такъ какъ онъ входитъ въ св. Софію не черезъ Орологію и западныя, красныя врата, а черезъ св. Кладезь, слѣд., при выходѣ изъ большихъ воротъ поворачиваетъ направо, какъ поворачивалъ направо, по выходѣ изъ Халки, за рѣшеткою ея, когда шелъ въ св. Кладезь черезъ Хитъ Халки (II, 19, 608). Ср. Byzantina, кн. I, стр. 133—134.

¹⁾ Общій обрядъ вѣзда царя, провозглашеннаго на κάμφο, за городомъ, принадлежитъ Петру Магистру и въ рукописи, а равно изданіяхъ приставленъ къ обряду восшествія на престолъ Льва Великаго. Интересное для насъ мѣсто гласитъ такъ: καὶ ἔρχεται εἰς τὴν ἐκκλησίαν παρὼν διὰ τοῦ Αὐγουσταίου (старое названіе было, очевидно, Αὐγουσταίων=Augusteum, изъ котораго византийцы сдѣлали Αὐγουστέων и Αὐγουστίων) ἀντικρὺ τοῦ Ὁρολογίου καὶ εἰσέρχεται διὰ τοῦ μεγάλου πυλῶνος ἐπὶ τὸ μέγαλον. Ἐν δὲ τῷ νάρθηκι γίνεται μουτατόριον κτλ., т.-е. и шествуетъ въ церковь (св. Софію), проходя черезъ Августеонъ противъ Орологія, и входитъ черезъ большой пилонъ во дворъ (св. Софіи). Въ нарѣнкѣ (собственно въ эксонарѣ) происходитъ пересоблаченіе и пр. (I, 91, 415). О значеніи τὸ μέγαλον=ἡ αὐλή см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. αὐλή. Подъ большимъ пилономъ здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣется входная арка въ стѣнѣ, которая, быть можетъ, сливалась или переходила въ арку (камару) Орологія, въ которой совершался 6-й пріемъ. Ср. приведенное выше мѣсто изъ Пасхальнаго обряда I, 9, 63.

опровергать мнѣнія ученыхъ археологовъ и архитекторовъ, полагающихъ, что красными вратами (ἡ ὄραία πύλη) въ св. Софїи назывались не западныя, среднія ворота, а дверь, ведущая въ южный конецъ нарѣика, дверь, которая теперь служитъ обычнымъ входомъ въ мечеть Айя Софїя. Мало того, одинъ весьма авторитетный ученый утверждаетъ, что императоръ никогда не входилъ въ храмъ св. Софїи черезъ дворъ (atrium) и эксонарѣикъ и никогда не выходилъ черезъ эту сторону, а всегда черезъ южную дверь¹⁾, такъ что является необходимость защищать не только вышеизложенное мнѣніе о входѣ царя черезъ западныя двери, но и архитектурную честь св. Софїи, которую лишаютъ одного изъ самыхъ обычныхъ украшеній западнаго фасада—красныхъ вратъ.

Хотя подъ ὄραία πύλη въ разныхъ храмахъ и въ разное время разумѣются различныя двери, смотря по устройству входовъ въ храмъ, тѣмъ не менѣе ὄραία πύλη, красныя врата или красная дверь всегда обозначаетъ главную, центральную и самую красивую дверь, ведущую въ храмъ

---

¹⁾ Не знаю, кто первый высказалъ эту мысль, но ее защищалъ и доказывалъ Наттер, за нимъ Зальценбергъ, а Зальценбергу слѣдуетъ Лабартъ. Такъ какъ въ южномъ концѣ нарѣика, составляющемъ отдѣльное помѣщеніе, закрытое отъ остальнаго нарѣика бронзовою дверью, сохранилась надпись: Μυχαὴλ Νικητῶν, то надпись эта тоже считалась подтвержденіемъ того, что здѣсь именно входилъ царь и оставлялъ свою стражу и оружіе, патрономъ которыхъ былъ Михаилъ (Salzenberg, Baudenkmale von Constantinopel, s. 57). Лабартъ съ свойственною ему увѣренностью выдаетъ это предположеніе за несомнѣнную истину, называетъ это помѣщеніе на южномъ концѣ нарѣика τὸ προπάσιον τοῦ νότιου, какъ называется въ обрядахъ эксонарѣикъ (Palais, 28), утверждаетъ, что jamais, en effet, l'empereur n'entraît à sainte-Sophie par l'atrium de l'église et l'exonarthex, что если онъ хотѣлъ войти въ торжественномъ шествїи черезъ большія царскія двери, то онъ входилъ въ вестибуль (южный конецъ) нарѣика и, пройдя его, входилъ въ эти двери; если же хотѣлъ пройти черезъ другіе двери, то входилъ черезъ священный Бладезь или мутаторїй (р. 27—28). Точно также, по Лабарту, царь никогда не выходилъ черезъ западныя ворота, потому что въ тѣхъ случаяхъ, когда царь выходитъ черезъ западныя двери, шествуя съ крестнымъ ходомъ въ другой храмъ изъ св. Софїи, по мнѣнію Лабарта, смѣшивавшаго дворъ св. Софїи, называемый въ обрядахъ λουτήρ, съ вышеуказанною Крестильницею, царь идетъ черезъ Крестильницу (напр., въ Рождество Богородицы I, 1, 28, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли I, 10, 74, въ Благовѣщеніе I, 30, 164; I, 35, 185), такъ что, по Лабарту, царь черезъ западныя, красныя, самыя великолѣпныя и парадныя врата никогда ни выходилъ, ни входилъ (Palais, p. 30—31).

Противъ этого справедливо возстаетъ Унгеръ, который относительно храма св. Софїи вообще трактуетъ гораздо самостоятельнѣе и независимѣе отъ Лабарта, чѣмъ относительно дворцовыхъ зданій. Унгеръ на основаніи общаго понятїи изъ ὄραία πύλη и специальныхъ указаній обрядовъ Придворнаго Устава вѣрно опредѣляетъ путь царя при самыхъ торжественныхъ выходахъ (по моему опредѣленію большихъ) и положеніе красныхъ вратъ на западномъ, а не на южномъ фасадѣ св. Софїи. Южный конецъ нарѣика и входную дверь въ него Унгеръ считаетъ даже за сравнительно позднѣйшую пристройку и вмѣстѣ съ Grelot приписываетъ ее Михаилу Раугави (Grisch. Kunst, въ Энциклопедїи Эрша и Грубера, сер. I, томъ 84, стр. 401—402.—Ср. Reiske, Comment. ad Cerim. p. 93).

съ западной ¹⁾), а не съ какой нибудь другой стороны, дверь противоположную и стоящую на одной прямой линіи съ средними алтарными дверьми, святыми вратами или, какъ онѣ называются большею частью у насъ, царскими вратами. Эти красныя двери называются иногда великими и смѣшиваются съ царскими ²⁾), такъ какъ царскими дверьми у гре-

¹⁾ Du Cange, Gloss. Gr. s. v. πόλαι, 1, 1272—4 приводитъ нѣсколько примѣровъ того, что подѣ именемъ *φραία πόλη* разумѣются иногда *αἱ βασιλικαὶ πόλαι*, царскія двери въ греч. смыслѣ, т. е. среднія двери, ведущія изъ нарѣика въ самый храмъ, которыя, въ свою очередь, какъ и красныя врата, называются иногда просто большими дверьми (*μεγάλαι πόλαι*). Но при болѣе точномъ обозначеніи, двери, ведущія изъ нарѣика въ храмъ, называются *βασιλικαὶ πόλαι*, какъ всегда почти называются эти двери въ обрядахъ Константины, и отличаются, слѣдовательно, отъ красныхъ вратъ, собственно ведущихъ въ нарѣикъ изъ двора, если не было еще пронарѣика. Потому общее опредѣленіе Дюканжемъ *φραία πόλαι*, какъ тождественныхъ съ царскими и ведущихъ изъ нарѣика въ храмъ, нельзя никоимъ образомъ считать правильнымъ. Такъ назывались иногда царскія врата, но только при неточномъ обозначеніи, въ смыслѣ главныхъ, большихъ и красивыхъ, но при болѣе точномъ обозначеніи, какъ показываютъ мѣста, приведенныя у Дюканжа подѣ *πόλαι βασιλικαί*, онѣ называются своимъ собственнымъ *terminus technicus*. У Гоара въ Euchol. (р. 10 слѣд., 2 ed.), гдѣ за образецъ греческаго храма взята монастырская базилика, въ объясненіи къ плану церкви, большими или серебряными дверьми названы двери, ведущія въ храмъ изъ нарѣика (=царскія въ храмѣ св. Софіи), а красными вратами (*φραία πόλη*) названы двери, ведущія изъ храма въ хоръ, т. е. помѣщеніе для чтецовъ и пѣвчихъ. Но въ трактатѣ объ этихъ дверяхъ на 20 стр. Гоар красными вратами называются врата, ведущія изъ нарѣика въ храмъ, а большими или серебряными—изъ нарѣика наружу, т. е. во внѣшній нарѣикъ или на дворъ. Очень возможно, что эта неясность и неточность понятій о красныхъ и царскихъ вратахъ, благодаря которымъ Гоар смѣшиваетъ названія среднихъ церковныхъ дверей, отразилась и на опредѣленіяхъ Дюканжа, тѣмъ легче, что Дюканжу неизвѣстенъ былъ Придворный Уставъ Константина Багрянороднаго, который и относительно разнаго наименованія церковныхъ дверей въ каедральныхъ храмахъ и особенно въ храмѣ св. Софіи, какъ и относительно многихъ другихъ предметовъ, даетъ самыя точныя и несомнѣнныя данныя. Что подѣ *φραία πόλη* разумѣются врата, противоположныя святымъ, а не какія нибудь боковыя, тѣмъ менѣе находящіяся въ сѣверномъ или южномъ концѣ нарѣика, это видно изъ обряда коронаванія у Кодиана, de offic. с. XVII, р. 91, гдѣ сказано, что царь послѣ коронаванія сходитъ съ амвона *ὄχι ἐκ τοῦ μέρους μέντοι, ἀπὲρ ἀνῆλεθν, ἕως τοῦ πρὸς τὰς Ὀφραίας πόλας ὄραντος, ἀλλ' ἐκ τοῦ ἐτέρου τοῦ πρὸς τὸν σωλέαν καὶ τὸ ἅγιον βῆμα*. А что эти красныя врата находились внѣ храма, были послѣдними на западномъ фасадѣ, это видно изъ обряда коронаванія Алексѣя III Комнина, (Ангела) который *ἐγγίσας ταῖς φραταῖς λεγομέναις τοῦ νεῶ πόλαις, ἄντα ἄν ἐπιταχθεῖν τῇ εἰσοδῶν παρὰ τῶν ἀκριβοῦντων τὸ τῆς ὄρας καίριον τῶν ἱερῶν κατηγορημένων ἀνοθεν* (Niceta Choniates, de Alexio Isaaci Angeli fratre, lib. I, с. 2, р. 603 Bonn.). Такъ какъ знакъ для входа давался изъ оконъ катихуменій, выходившихъ на крышу внѣшняго нарѣика, то, понятно, чтобы видѣть эти знаки, нужно было стоять предѣ входомъ въ пропилеи нарѣика, т. е. въ красныя врата, предѣ которыми и стоялъ Алексѣй III Комнинъ (Ангель).

²⁾ Такое смѣшеніе было тѣмъ болѣе возможно, что далеко не во всѣхъ церквахъ были закрыты нарѣики и обѣ эти двери, а была часто одна входная, ведущая изъ двора въ храмъ, да и то только единственная, а не одна и большая изъ трехъ, пяти, семи. Въ нарѣикъ также, если онъ былъ, часто вела въ церквахъ небольшихъ, не каедральныхъ, а приходскихъ и монастырскихъ, одна дверь, простая и небольшая, такъ что она не могла быть названа *φραία πόλη*, каковымъ именемъ, въ отличіе отъ другихъ боковыхъ, называлась средняя, большая входная дверь. Въ большинствѣ нашихъ церквей нѣтъ даже ни той, ни другой, а имѣется только одна простая входная дверь въ длинный нарѣикъ, устроенный

ковъ назывались не алтарныя среднія двери, которыя всегда назывались святыми вратами (*ἅγια θύρα*), а среднія большія двери, ведущія собственно въ храмъ, въ средній корабль, если церковь устроена въ видѣ базилики, или подъ куполь, если церковь была съ куполомъ. Въ св. Софїи, устройство которой отличалось отъ монастырскихъ и нашихъ церквей тѣмъ, что въ ней предъ входомъ въ самый храмъ, т. е. въ пространство, покрытое куполомъ и полукуполами, былъ во всю ширину церкви нарѣиъ, къ которому съ западной стороны, со двора, примыкалъ портикъ или пропилей нарѣика. Этотъ портикъ, составляя въ сущности одну изъ сторонъ портиковъ, шедшихъ по внутреннимъ стѣнамъ двора, образовывалъ въ тоже время другой нарѣиъ, внѣшній (*ἑξωάρθης*), стоявшій рядомъ съ настоящимъ нарѣиомъ, который, благодаря примыкавшему къ нему пропилею, получилъ характеръ внутренняго нарѣика (*ἑσωάρθης*) ¹⁾. Такимъ образомъ для входа въ самый храмъ съ западной стороны нужно было войти въ пропилей, затѣмъ въ нарѣиъ, изъ нарѣика въ храмъ, слѣдовательно, пройти: 1) дверь (или, точнѣе, арку дверныхъ отверстій) въ пропилей, 2) дверь изъ пропилея въ нарѣиъ и 3) дверь изъ нарѣика въ самый храмъ. Въ двухъ стѣнахъ, отдѣлявшихъ храмъ отъ пропилея было по нѣскольку боковыхъ, меньшихъ дверей и по одной средней, большой, великолѣпно отдѣланной и украшенной, съ роскошными и великолѣпными дверными отверстиями. Всѣ среднія двери стояли на одной линїи съ алтарными средними или святыми вратами ²⁾. Чтобы дойти до престола по пря-

большею частью на подобіе греческихъ монастырскихъ нарѣиковъ, и арка въ помѣщеніе подъ куполь, а если нѣтъ въ церкви нарѣика, то имѣется только одна входная дверь, которая играетъ роль и царской, и красной двери. Оба типа храмовъ существовали и у грековъ, потому вмѣщеніе царскихъ вратъ съ красными могло явиться легко и явилось давно.

¹⁾ Что внѣшній нарѣиъ имѣлъ характеръ портика, а не сплошной стѣны, пробитой окнами и дверьми, какъ изображаетъ его Зальценбергъ на XII таблицѣ своего атласа, это видно изъ названія этого внѣшняго нарѣика пропилюемъ нарѣика (*τὸ προύλαιον τοῦ νάρθηκος* I, 1, 14) и свидѣтельства Павла Силенціарія, *Descriptio S. Sophiae*, ст. 590 сл.

Ἄλλὰ καὶ ἀμβροσίω πρὸς ἑσπέριον πόδα νηῶ
τέτρασιν αἰθούσῃσι περιδρομον ὄψεισι ἀλλήν,
ὧν μία μὲν νάρθηκι συνάπτεται, αἱ γὰρ μὲν ἄλλαι
πεπταμέναι τελέθουσι πολοσχεδέεσσι κελυθούσι.

Ср. *Enagr. histor. Eckles. Lib. IV, c. 31*: *Εἰσι δὲ καὶ πρὸς δούμενον ἥλιον ἐκπρεπεῖς ἕτεροι σταῖ δὴο καὶ πάντοθεν ὑπαίθρισι ἀλλὰ εἰς κάλλος ἐξησκημένοι*. Ср. *Du Cange, Descriptio S. Sophiae seu in Paulum Silentiarium uberior commentarius*, № 20, p. 76—78 Бонискаго изданія. Въ срединѣ этого портика, т. е. внѣшняго нарѣика, былъ большой порталъ, образованный изъ большихъ четырехъ столбовъ, перекрытыхъ арками и заключавшихъ въ себѣ 3 среднихъ входа портика, соответствовавшихъ тремъ среднимъ дверямъ изъ внѣшняго нарѣика во внутреннїй.

²⁾ По словамъ Жилли, *ex huius porticus (внутренняго нарѣика) latere orientali* (т. е. обращеннаго къ храму) *novem portis patet aditus in templum; ex latere occidentali* (обращенномъ къ пропилею) *quinque portis duplicibus patet exitus ex interiori porticu in exte-*

мой средней линии или по продольной оси храма со двора, нужно было:

a) войти въ большую среднюю дверь или, точнѣе, только большой средній пилонъ пропилая нарѣика, или красныя врата (*ῥραία πόλη*)¹⁾;

b) пройдя пропилей, войти въ большую среднюю дверь изъ пропилая въ нарѣикъ, которая существуетъ до сихъ поръ и называлась, повидимому, просто большою дверью нарѣика, притомъ большею частью разсматривалась какъ одна со входомъ въ пропилей дверь нарѣика; c) пройдя нарѣикъ, войти въ царскія врата (*αἱ βασιλικαὶ πόλαι*), затѣмъ, проходя по срединѣ храма, войти на амвонъ по лѣстницѣ, обращенной къ западнымъ входнымъ дверямъ, перейти амвонъ и, спустившись по ступенямъ, обращеннымъ къ алтарю, войти на солею, противъ престола; d) войти въ среднія алтарныя двери, которыя и приводили прямо къ престолу (*ἡ ἁγία τράπεζα*).

riorem porticum, ex qua proditur in aream, ubi perennes saliant aquae (Du Cange, Descriptio S. Sophiae, ibid. p. 73. Тоже у Vanduri, Imperium Orientale, Petri Gyllii, de Topogr. Const. lib. II, c. IV, p. 295 b, ed. Venet, ed. Paris, p. 371). Съ этимъ совершенно согласно свидѣтельство Павла Силенціарія (ст. 437), который говоритъ, что изъ нарѣика было семь выходовъ: два на сѣверъ и на югъ и пять на западную сторону, въ западной стѣнѣ (*ἐσπερίον περὶ τοίχων, δεῦστατός ἐστι μελάθρον*), послѣдней стѣнѣ, за которой уже не было стѣны, а былъ портикъ. Замѣчательно, что Зальцсбергъ, полагающій вмѣстѣ съ Гаммеромъ, что царь въ храмъ св. Софїи всегда входилъ черезъ южный конецъ нарѣика, въ своей реставраціи западнаго фасада средній входъ, самый главный и важный, настоящія красныя ворота, задѣлываетъ окномъ, оставляя только боковыя двери, что совершенно противно понятію о главныхъ, большихъ дверяхъ, которыя всегда дѣлались въ самой срединѣ, противъ царскихъ и св. вратъ.

1) Такъ какъ *πόλη*, *πόλαι* означаетъ собственно дверное отверстіе, арку для двери, пилонъ, а дверныя полотна называютъ *θύραι*, то можно думать, что въ пропилаѣ средній входъ или пилонъ не былъ закрытъ дверью. Весьма возможно и вѣроятно, что какъ весь портикъ, эти красныя врата представляли только великолѣпно украшенную и самую большую дверную арку, приводившую къ двери внутренняго нарѣика, гдѣ была и до сихъ поръ имѣется большая дверь съ дверными полотнами (*θύραι*). Благодаря этому, красныя ворота составляли какъ бы однѣ двери, которыя и называются иногда большими или красными дверьми нарѣика вообще, не различая входа во вѣншія нарѣикъ отъ входа во внутренній; но что между входомъ въ пропилей, собственно красными воротами, все-таки, при болѣе точномъ обозначеніи, было довольно большое пространство, это видно какъ изъ плана этого пропилая, такъ и изъ того обстоятельство, что въ пропилаѣ былъ царскій мутаторій, закрывавшійся завѣсою, т.-е., пиша направо или налево отъ входа въ пропилей или красныхъ вратъ. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ мѣстъ, царь, войдя въ красныя врата, входилъ въ мутаторій, а потомъ проходилъ въ дверь нарѣика. Мутаторій, какъ ясно сказано I, 1, 14, былъ въ пропилаѣ (*εἰς τὸ προπόλαιον τοῦ ἁρθῆκος*), сзади двери нарѣика (*ἔπισθεν τῆς πόλης τοῦ ἁρθῆκος* I, 9, 64); потому царь входитъ въ мутаторій предъ нарѣикомъ (*πρὸ τοῦ ἁρθῆκος, ἔνδον τοῦ βήλου* I, 23, 132) или, что тоже, снимаетъ вѣнецъ въ мутаторіи внутри красныхъ вратъ (*ἐν τῷ ἔνδον τῆς ῥραίας πόλης μτατωρίῳ* Append. 502, *εἰσελθὼν ἔνδον τῆς ῥραίας πόλης εἰς τὸ μουτατόριον* I, 96, 440) и затѣмъ уже входитъ въ нарѣикъ. При менѣе точномъ обозначеніи, всѣ западныя двери называются просто большими дверьми и мутаторіи, гдѣ царь снимаетъ вѣнецъ, когда выходитъ изъ храма чрезъ эти двери, называется находящимся въ нарѣикѣ (I, 1, 28, ср. I, 22, 126) или обозначаются только царскія двери. а потомъ нарѣикъ и *λουτήρ*, т.-е. дворъ (I, 10, 74; I, 30, 164; I, 35, 185). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, кромѣ I, 22, 126, описывается выходъ царя изъ храма св. Софїи съ крестнымъ ходомъ, какъ уже было указано выше (стр. 93).

Всѣ эти двери проходилъ, какъ мы увидимъ далѣе, царь съ патриархомъ, когда входилъ въ св. Софію чрезъ дворъ и западныя среднія, большія двери, только они шли не чрезъ амвонъ, а мимо сего съ правой стороны.

Обратнымъ путемъ шли цари, когда въ нѣкоторые Богородичные праздники, поклонившись св. Престолу въ св. Софіи, шли изъ алтаря съ крестнымъ ходомъ на форъ Константина или чрезъ него. Въ этомъ случаѣ они, выйдя изъ св. вратъ, спускались съ соеи, проходили чрезъ средину храма къ царскимъ вратамъ, выходили чрезъ нихъ въ нарѣикъ, изъ нарѣика чрезъ большія двери въ пропилей нарѣика, а отсюда чрезъ красныя врата во дворъ св. Софіи, проходили дворъ и выходили къ Милію чрезъ одну изъ арокъ въ стѣнѣ двора, а отъ Милія по Средней улицѣ или въ дурную погоду по кортикѣ Милія шли на форъ Константина. Но такъ какъ въ обрядахъ этихъ шествій дворъ называется λουτήρ, а λουτήρ нѣкоторые считаютъ за Крестильницу, стоящую у юго-западнаго угла св. Софіи, то мы должны остановиться нѣсколько на значеніи этого слова, чтобы убѣдиться, что царь дѣйствительно выходилъ въ этомъ случаѣ чрезъ западный входъ, чрезъ красныя врата, а не чрезъ Крестильницу, какъ думаютъ нѣкоторые.

Не знаю, что подало Лабарту поводъ думать, что подъ словомъ λουτήρ въ обрядахъ Константина Багрянороднаго называется Крестильница. Крестильницы, сколько мнѣ извѣстно, никогда не называются λουτήρ, а всегда βαπτιστήρ, βαπτιστήριον, откуда лат. baptisterium. Быть можетъ, Лабартъ былъ введенъ въ заблужденіе Дюканжемъ, который въ своемъ Греч. Глоссаріи λουτήρ соединяетъ съ λουτήριον и передаетъ ихъ лат. baptisterium ¹⁾. Изъ приведенныхъ имъ примѣровъ видно, что ни то, ни другое слово не значитъ baptisterium въ смыслѣ крестильницы. Λουτήριον въ обоихъ приведенныхъ Дюканжемъ мѣстахъ соединяется съ τοῦ βαπτίσματος, а λουτήριον τοῦ βαπτίσματος, какъ ясно видно изъ приведенныхъ мѣстъ, означаетъ омовеніе крещенія или посредствомъ крещенія, а не крестильница крещенія. Во всѣхъ же другихъ мѣстахъ у Дюканжа, въ которыхъ является слово λουτήρ, разумѣется опять-таки не Крестильница, а церковный дворъ съ фіалою, фонтаномъ, который и называется собственно λουτήρ, а отъ него и весь церковный дворъ называется λουτήρ. Притомъ въ мѣстахъ, приведенныхъ у Дюканжа, разумѣется λουτήρ или ἀλλή, μέσαυλον св. Софіи именпо, а не какой нибудь другой церкви.

¹⁾ Подъ этимъ же словомъ приведено и мѣсто изъ Константина Манасси, гдѣ τὸ θεῖον λουτήρ означаетъ: божественнымъ омовеніемъ, святымъ крещеніемъ, слѣд. λουτήρ = βαπτισμᾶ, а не βαπτιστήρ или βαπτιστήριον, хотя въ переносномъ смыслѣ и λουτήρ можетъ значить βαπτιστήριον и λουτήρ (ср. Сегш. II, 6, 532).

Въ самомъ дѣлѣ, если мы всмотримся въ тѣ мѣста, которыя Дюканжъ подь *λουτήρ* приводитъ въ доказательство того, что *λουτήρ* = baptisterium, то у насъ не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ Крестильница разумѣться не можетъ, ни та, которая стоитъ на южной сторонѣ, ни та, которая на сѣверной. По масштабу Зальценберга въ южной Крестильницѣ 42 прусскихъ фута въ диаметрѣ, а по измѣренію Льюикса около 14 метровъ (около 7 сажень), т. е. столько, сколько бываетъ въ залахъ большихъ частныхъ квартиръ. Если мы припомнимъ, что въ срединѣ этой Крестильницы былъ еще бассейнъ (*κολυβήθρα*), то увидимъ, что въ Крестильницѣ оставалось свободнаго мѣста не больше того, сколько нужно для публики, т. е. родственниковъ крестимыхъ и свободнаго прохода священнослужителей ¹⁾.

А между тѣмъ, въ мѣстахъ, приведенныхъ Дюканжемъ, идетъ рѣчь о собраніи въ *λουτήρ* такой массы народа, которая собирается сюда со всего Константинополя, производитъ революцію, свергаетъ одного царя и провозглашаетъ другаго. Такъ, въ Хронографіи Теофана подь 6187 г. отъ сотвор. міра, т. е. подь 695 по Р. Х. (Theoph. anno 10 Rhinotmeti) идетъ рѣчь о сверженіи Юстиніана II Безносаго. Объ этомъ же самомъ событіи идетъ рѣчь и въ другомъ приведенномъ у Дюканжа мѣстѣ изъ Сокращенной или Краткой Исторіи св. Никифора, патріарха Константинопольскаго ²⁾. Изъ словъ того и другаго видно, что въ *λουτήρ* въ этомъ случаѣ собрался весь Константинопольскій народъ (*πᾶν τὸ πλῆθος*), т. е. масса всякаго народа, созваннаго со всѣхъ концовъ и улицъ города по приказанію Леонтія, возставшаго противъ царя. Вся эта масса бунтовщиковъ, собравшихся въ *λουτήρ*, была настолько внушительна, что заставила патріарха выйти къ ней и заявить о своемъ одобреніи бунта. Затѣмъ эта масса бунтовщиковъ пошла въ Ипподромъ, потребовала Юстиніана, низвергла его и провозгласила царемъ предводителя возстанія патрікія и стратига Леонтія.

Принимая во вниманіе описанныя у Теофана и Никифора обстоятельства, нельзя сомнѣваться, что здѣсь рѣчь идетъ о дворѣ св. Софіи, который представлялъ обширную площадку и былъ всегда открытъ, тогда какъ Крестильница была, безъ сомнѣнія, заперта да и могла вмѣстить

---

¹⁾ Зальценбергъ, *Altchristliche Baudenkmale v. Const.*, Blatt VI.—Льюиксъ, Труды VI археологическаго съезда въ Одессѣ, томъ II, стр. 252, табл. I, рис. 3.—Крестильницы итальянскія, видѣнныя мною: Флорентійская и Пизанская, представляющія отдѣльныя, самостоятельныя зданія, также не велики и могутъ удовлетворять только своему прямому назначенію, а не служить мѣстомъ собранія большой толпы.

²⁾ См. Theophan. *Chronographia*, ed. de Boor. p. 369; Nicephori Constantinopolitani *opuscula historica*, ed. de Boor p. 38.

весьма незначительное количество публики, которая никакого переворота совершить не могла. Съ такимъ пониманіемъ *λουτήρ* совершенно согласны и другія приведенныя Дюканжемъ мѣста: въ нихъ также рѣчь идетъ о дворѣ св. Софїи, а не маленькой Крестильницѣ. Особенно это ясно изъ обряда водоосвященія въ Крещеніе, гдѣ идетъ рѣчь о выходѣ изъ храма во дворъ для водоосвященія въ чашѣ, стоявшей среди двора св. Софїи, въ *λουτήρ* собственно ¹⁾.

Такіе же дворы (*atria*), каковой былъ въ св. Софїи, были и въ другихъ храмахъ и у Константина Багрянороднаго обозначаются тѣмъ же именемъ: *λουτήρ*. Такъ, въ храмѣ св. Апостоловъ, царь, выйдя черезъ нарѣикъ въ лутиръ и, „повернувъ въ лѣвую сторону лутира“, вѣходитъ по лѣвой витой лѣстницѣ въ катихуменіи“ (I, 10, 77). Въ Преполовеніе царь, прибывъ къ храму св. Мокія, входить въ *λουτήρ*, проходитъ черезъ него до лѣстницы, ведущей въ нарѣикъ, пройдя который, поднимается по витой лѣстницѣ въ катихуменіи (I, 17, 100). Въ загородномъ храмѣ Пресв. Богородицы Источника, когда царь послѣ обѣдни завтракалъ по обыкновенію съ патріархомъ въ особомъ помѣщеніи въ катихуменіяхъ, надъ нарѣикомъ, димоты, стояшіе внизу во дворѣ (*κάτω ἐν τῷ λουτήρῳ*), пѣли приличныя празднику пѣснопѣнія и славословили царя, что едва-ли можно было дѣлать, стоя въ закрытой Крестильницѣ, если разумѣть подъ *λουτήρ* Крестильницу, такъ какъ тогда пѣніе не было бы слышно. Очевидно, димоты стояли во дворѣ храма, предъ окнами втораго этажа нарѣика, гдѣ сидѣлъ царь съ патріархомъ, такъ что пѣніе ихъ было вполне слышно, даже при закрытыхъ окнахъ; тѣмъ болѣе ясно все было слышно, если окна были въ это время открыты ²⁾.

Въ такомъ же, очевидно, смыслѣ необходимо понимать *λουτήρ* и въ тѣхъ вышеуказанныхъ обрядахъ, въ которыхъ царь идетъ изъ храма св. Софїи съ крестнымъ ходомъ черезъ *λουτήρ* св. Софїи. Въ этихъ обрядахъ (см. выше, стр. 99 прим.) говорится, что царь, сойдя съ солеи,

¹⁾ Сдѣланная у Дюканжа ссылка на *Goaga Euchologium* (1 изд.), p. 453, приводитъ насъ къ обряду водоосвященія въ Крещеніе; въ обрядѣ сказано: (послѣ заамвонной молитвы) *ἐξερχόμεθα πάντες ἐν τῷ λουτήρῳ*. Въ заглавіяхъ другихъ подобныхъ обрядовъ разъясняется, что нужно разумѣть подъ *λουτήρ*. Такъ приведенная на 449 стр. молитва называется *εὐχή... λεγόμενη ἐν τῇ φιάλῃ τοῦ μεσαύλου* (in fonte mediae aegae), а въ обрядѣ на стр. 465 эта самая фіала называется уже *λουτήρ*: *ἐν ταῖς μεγάλας ἐκκλησίαις... ἐξέρχεται ἱερεὺς μετὰ θυμιάματος καὶ μανουαλίου εἰς τὸν λουτήρα τοῦ μεσαύλου*. Въ этомъ мѣстѣ лутиромъ такъ ясно названа фіала двора, что самъ Дюканжъ, объясняющій въ *Gloss. λουτήρ* какъ *baptisterium*, въ *Constant. christ. lib.* III, p. 14 относитъ *λουτήρ* къ фіалѣ двора.

²⁾ Ср. *Serim.* II, 13, 561 (въ *λουτήρ* цари встрѣчаютъ чины синклита, послѣ чего царь входить въ нарѣикъ); II, 6, 532 (цари входятъ въ нарѣикъ, пройдя черезъ великую дверь τοῦ λουτροῦ храма св. Апостоловъ).

проходить через средину храма, идет через царскія двери въ нарѣикъ, проходит нарѣикъ и выходитъ въ лутирь, а изъ него черезъ большія западныя ворота его въ Аѳирь ¹⁾, отсюда проходитъ къ Милію, а отсюда идетъ по портику или Средней улицѣ. Что царь выходилъ въ такихъ случаяхъ въ *λοῦτήρ* именно черезъ красныя врата, это видно изъ обряда Рождества Богородицы, гдѣ сказано, что царь, сойдя съ солен и пройдя съ патріархомъ черезъ царскія двери въ нарѣикъ, прощается здѣсь съ патріархомъ, затѣмъ входитъ за завѣсу, висящую въ нарѣикѣ, т. е., очевидно, въ *ὄραία πόλη* (I, 1, 28). Если же царь выходитъ черезъ царскія двери и нарѣикъ, то зачѣмъ ему идти въ Крестильницу, какъ ведетъ царя Лабартъ. Крестильница эта совсѣмъ стоитъ не на пути и помимо ея для царя было много выходовъ: онъ могъ бы выйти черезъ св. Кладезь, могъ бы пройти черезъ конецъ нарѣика. Если онъ выходитъ черезъ большія врата, черезъ главный входъ, то, очевидно, ему нѣтъ никакого резона идти, выйдя изъ главнаго входа, еще въ Крестильницу.

Изъ всего вышесказаннаго относительно *λοῦτήρ* видно, что царь и не ходилъ никогда черезъ Крестильницу, а выходилъ черезъ красныя врата и лутирь, т. е. дворъ св. Софїи къ Милію. Если же *λοῦτήρ* оказывается такимъ образомъ тождественнымъ со дворомъ, а дворъ называется то *αὐλή*,

---

¹⁾ Лабартъ, принимая *λοῦτήρ* за южную Крестильницу и полагая, что царь для крестнаго хода выходилъ изъ св. Софїи черезъ Крестильницу, считаетъ Аѳирь выходною дверью изъ этой Крестильницы на площадь (*forum* у Лабарта, слѣдовало бы сказать Августеонъ, *Palais*, p. 31, но Лабартъ, какъ уже было сказано не разъ, смѣшиваетъ Августеонъ съ *forum Constantini*). Унгеръ, вѣрно разумѣющій подъ *λοῦτήρ* дворъ св. Софїи съ фонтаномъ (*atrium*), помѣщаетъ справедливо Аѳирь, на основаніи вышеприведеннаго мѣста изъ *Serim.* I, 27, 156, на западной сторонѣ двора св. Софїи и считаетъ его за открытый портикъ (*offene Durchgangshalle*, *Griech. Kunst*, p. 404). Принимая во вниманіе, что съ западной стороны двора, наружная стѣна этого двора украшалась колоннадою или портикомъ (*Kraus, Realencycl. d. christl. alterth. s. v. Basilica I*, s. 121), можно дѣйствительно думать, что подъ Аѳиромъ (*ἄθῶρας* или *ἄθῶρ*) разумѣлась такая колоннада, такъ какъ царь выходитъ въ этотъ Аѳирь всегда черезъ западную большую дверь двора. Когда царь выйдетъ въ этотъ Аѳирь, церемоніарій, идущій впереди царя говоритъ: *κατὰ τὴν Δόρυμ*, а этотъ возгласъ употреблялся, какъ мы видѣли, при шествїи царей по лѣстницамъ (см. выше, стр. 68, прим. 1); да притомъ ступени лѣстницы прямо называются въ обрядахъ (*τραδῆλια τοῦ ἄθῶρα* или *ἄθῶρος* I, 10, 74 I, 28, 158). Присутствіе тутъ лѣстницы совершенно понятно, такъ какъ за западною стѣною двора св. Софїи почва значительно понижалась и царю, чтобы пройти къ Милію, нужно было спуститься по лѣстницѣ (Кондаковъ, Визант. Церкви, стр. 118). *Ἄθῶρ* или *ἄθῶρας*, встрѣчающееся, сколько мнѣ известно, только у Константина Багрянороднаго, значитъ собственно бездверный, не имѣющій дверныхъ полотень, не закрывающійся дверьми, свободный для входа, каковымъ именемъ можетъ быть названъ открытый наружный портикъ или колоннада. Въ древне-греческомъ языкѣ отъ *θῶρα* съ *ἀ* privativum, въ значеніи: бездверный, не закрытый дверьми, свободный для входа, не сдерживаемый запорами, распущенный, употреблялись слова: *ἄθῶρος* и *ἄθῶρωτος*.

то μέσαυλον ¹⁾, то, значить, чрезъ λουτήρ или, точнѣе, чрезъ юговосточную часть его царь проходилъ и тогда, когда шель въ св. Софію чрезъ красныя врата. Но онъ въ обрядахъ шествія въ св. Софію, какъ мы видѣли, кромѣ одного, гдѣ онъ обозначаетъ словомъ τὸ μέσαυλον, не обозначается, а обозначается обыкновенно только Орологій и красныя врата или даже просто нарѣикъ.

Кромѣ всего вышесказаннаго и приведеннаго въ доказательство того, что цари въ большіе праздники входили и выходили, когда шли изъ св. Софіи не во Дворецъ, чрезъ красныя врата и дворъ св. Софіи, на существованіе красныхъ вратъ и мѣсто ихъ въ срединѣ проилея или внѣшняго нарѣика указываютъ остатки большихъ столбовъ или пилоновъ, находящихся въ томъ мѣстѣ, гдѣ по вышеприведеннымъ соображеніямъ были красныя врата ²⁾.

¹⁾ Описаніе двора св. Софіи и находящейся тамъ фіалы, которая и называется собственно λουτήρ, см. Du Sangе, Const. Christ. lib. III, p. 13—15. Въ церковныхъ обрядахъ фонтанъ и чаша называются ψάλη τοῦ μεσαύλου τῆς ἐκκλησίας или λουτήρ τοῦ μεσαύλου (см. выше стр. 105, примѣч. 1). Μέσαυλον, собственно середина двора (αὐλή), означаетъ обыкновенно весь дворъ, а μέσαυλος θύρα средняя дверь двора, т. е. красныя врата=ὄραϊή πόλη. По описанію Проконіа, θύραι μέταυλοι въ Иерусалимскомъ храмѣ такъ великолѣпны, что даютъ предчувствовать красоту самаго храма, а въ храмѣ свв. Сергія и Вакха, по словамъ того же Проконіа, ἐπὶ κοινῆς τὰ προπόλαια πάντα ἢ τε αὐλὴ καὶ μέταυλοι θύραι. (Мѣста эти приведены у Дюканжа, l. c. p. 13a. Ср. Procor., de aedific., p. 187 Bonn.). Сходное значеніе μέταυλος и μέσαυλος θύρα имѣетъ и въ классическомъ греческомъ языкѣ, гдѣ этимъ выраженіемъ обозначается дверь, ведущая изъ αὐλή въ задніе, внутренніе покои. Точно также τὸ μέσαυλον или ἡ μέσαυλος означаетъ тоже, что αὐλή, дворъ и залу.

²⁾ Эти столбы изображены въ реставрированномъ видѣ въ Атласѣ Зальценберга на XII таблицѣ. Зальценбергъ (Vaudenkmalе, s. 53) при этомъ высказываетъ мнѣніе, что «они построены не одновременно съ церковью, а послѣ, но однакожъ изъ стараго матеріала» (?). Не знаю, насколько правъ Зальценбергъ, но здѣсь несомнѣнно были столбы портала, быть можетъ, гораздо болѣе красивые, чѣмъ тѣ, которые нарисовалъ Зальценбергъ. Очень возможно, что этотъ порталъ передѣланъ былъ при передѣлкѣ всего открытаго портика въ закрытую галерею, причемъ измѣненъ былъ и порталъ. Если въ Иерусалимской церкви былъ устроенъ великолѣпный проилей и высокій порталъ при входѣ въ среднія, красныя врата, если подобныя порталы были во великой большой и богатой церкви, то тѣмъ болѣе его нужно предполагать въ католической и образцовой церкви всего греческаго православнаго міра. Такъ какъ на западной сторонѣ Иерусалимскаго храма въ честь пресв. Богородицы, построеннаго Юстиніаномъ, былъ также дворъ, окруженный со всѣхъ четырехъ сторонъ портиками, то описаніе западнаго, главнаго входа представляетъ для насъ особый интересъ, такъ какъ красныя врата Иерусалимскаго храма и проилеи, очевидно, были сходны съ проилеемъ и красными вратами св. Софіи. Въ виду этого мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь относящееся сюда мѣсто изъ описанія Проконіа (de aedific. lib. V, c. 6, p. 323). Сказавши о нарѣикѣ и дворѣ, Проконій говоритъ: θύραι μέταυλοι ἱεροπρεπεῖς οὕτως, ὥστε μνησθῆναι τοῖς ἔξω ἰοῦσι, ὁποῖω ποτὲ θεάματι ἐντυχεῖν μέλλουσι. προπόλαια δὲ τὸ ἐνθένδε θαυμάσια οἶα, καὶ τις ἐπὶ κίωνων δεῦν ἐπαυρομένη ἀψὶς εἰς ἄφατον ὕψος. Такое украшеніе главныхъ среднихъ дверей на западной сторонѣ составляетъ общую принадлежность богатыхъ храмовъ вообще и красныя врата, на западной сторонѣ храма, потому въ описаніяхъ всѣхъ замѣчательныхъ храмовъ отмѣчаются особо (ср. Красносельцева, Очерки изъ исторіи христ. храма. Казань, 1881, стр. 315—316). Въ св. Софіи пор-

По словамъ Зальценберга (Vaudenkmaie, s. 53), изъ открытаго пространства двора (Atrium) во внѣшній нарёикъ вели двѣ (три, а не двѣ) двери, заключенныя въ два могучихъ, далеко выступающихъ столба, крытый сводъ между которыми образуетъ родъ листа или передней крыши. Быть можетъ, продолжаетъ Зальценбергъ, этой пристройкѣ можно дать названіе пропилея, о которомъ упоминаетъ Проконій при описаніи храма свв. Сергія и Вакха. Зальценбергъ, очевидно, не зналъ, что этотъ входъ или порталъ, занимавшій средину внѣшняго нарёика, т. е. портика, примыкавшаго къ внутреннему нарёику, вмѣстѣ съ этимъ портикомъ, называется у Константина Багрянороднаго прямо пропишемъ нарёика и потому принужденъ сослаться на Проконія ¹⁾, который, описывая храмъ Сергія и Вакха, говоритъ, что этотъ храмъ соединился съ храмомъ св. Апостоловъ Петра и Павла, но такъ, что у нихъ былъ одинъ нарёикъ, общій пропилей, дворъ и среднія двери (т. е. красныя врата),—мѣсто, которое вполне подтверждаетъ данное выше описаніе двора, нарёика и красныхъ вратъ св. Софій. Изъ описанія столбовъ или пилоновъ св. Софій у Зальценберга, а равно изъ рисунка западнаго фасада св. Софій, съ реставраціею Зальценберга, видно, что красныя врата въ св. Софій, занимавшія, безъ сомнѣнія, средину между двумя

таль былъ, безъ сомнѣнія, также высокъ и украшенъ былъ, вѣроятно, не менѣе великолѣпно; онъ состоялъ, если теперешніе столбы передѣлашы изъ древнихъ, изъ 4 столбовъ съ 3-мя входными арками, изъ которыхъ одна, средняя, соответствовала царскимъ и св. вратамъ, находясь съ ними на одной линіи, и называлась собственно *θραξ πύλη*, красная дверь, красныя врата. Но среднюю-то именно дверь Зальценбергъ на XII Blatt, гдѣ онъ пытается реставрировать западный фасадъ св. Софій, и задѣлалъ, хотя во всѣхъ церквахъ, имъ описанныхъ и изображенныхъ въ Атласѣ, красныя врата, конечно, были и самимъ имъ срисованы, на примѣръ, на западномъ фасадѣ храма пресв. Богородицы (*Ἁγία Θεότοκος*), Blatt XXXIV, гдѣ представлень пропилей съ большимъ среднимъ входнымъ пилономъ. Принимая такимъ образомъ существованіе на западной сторонѣ св. Софій портика съ великолѣпнымъ порталомъ или пилонами посрединѣ его, мы только возстановимъ архитектурную честь св. Софій и ея геніальныхъ строителей, причемъ мы должны рѣшительно отвергнуть теорію о безфасадности византійскихъ церквей, противъ которой справедливо возстаетъ проф. Н. П. Кондаковъ (Визант. Церкви, стр. 118 въ III т. Трудовъ Одесскаго Археологич. съѣзда). Отверженіе фасада въ св. Софій, по крайней мѣрѣ съ западной стороны, произошло несомнѣнно отъ позднѣйшихъ пристроекъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Кондаковъ. Я только не могу согласиться съ почтеннымъ византологомъ въ томъ, что нарёикъ былъ совершенно открытъ и что не было предъ нимъ эксопореика въ видѣ колоннады, какъ желалъ бы для красоты фасада проф. Кондаковъ. Объ этомъ портикѣ говоритъ Павелъ Силенціарій и Константинъ Багрянородный и отвергнуть его существованіе нельзя. Но этотъ портикъ несколько не мѣшалъ фасаду св. Софій быть еще болѣе великолѣпнымъ, чѣмъ фасадъ св. Марка въ Венеціи. Этотъ пропилей, безъ сомнѣнія, не портилъ фасада, а еще болѣе украшалъ его, имѣя въ срединѣ великолѣпныя, высокіе и широкіе пилоны, красныя врата, которыя и въ настоящее время такъ широки, что, по словамъ нашего изслѣдователя, походятъ скорѣе на ворота, чѣмъ на двери.

¹⁾ Это мѣсто приведено выше, на предъид. стр., прим. 1.

средними пилонами, замѣненную у Зальценберга окномъ, имѣли по бокамъ еще по одной большой аркѣ, такъ что между четырехъ пилоновъ было три большихъ дверныхъ арки, изъ которыхъ средняя была, по всей вѣроятности, шире, выше двухъ другихъ и великолѣпнѣе отдѣлана, — *ῥαίη πόλη* собственно, хотя и всѣ три онѣ могли называться, какъ среднія, большія и лучшія, *ῥαῖαι πόλαι*.

Полагаю, что всего вышесказаннаго вполне достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ срединѣ западнаго фасада св. Софїи былъ главный, парадный входъ, *ῥαίη πόλη*, красныя врата, черезъ которыя въ торжественныхъ выходахъ входили изъ двора св. Софїи въ храмъ и обратно изъ храма выходили во дворъ ¹⁾. Быть можетъ, обо всемъ этомъ говорено даже слишкомъ много, но, повторяю, рѣшительное заявленіе Лабарта о томъ, что цари никогда не ходили черезъ западныя двери, основанное отчасти на мнѣніи Гаммера и Зальценберга, который даже задѣлываетъ главную дверь въ своемъ рисункѣ западнаго фасада, заставили по необходимости долго и много говорить о томъ, что ясно само собою и что было гораздо вѣрнѣе опредѣлено прежними учеными, какъ Дюканжъ и Reiske, хотя и не такъ точно, какъ позволяютъ это сдѣлать обряды Придворнаго Устава Константина, неизвѣстные Дюканжу, малоизвѣстные Зальценбергу и непонятые Лабартомъ.

Большая средняя двухполотенная дверь, ведущая изъ нарѣика въ самый храмъ, называлась всегда царскими вратами (*βασιλικαὶ πόλαι*). Надъ ней со стороны нарѣика находится извѣстное изображеніе царя, поклоняющагося Царю царей, І. Христу, сидящему на тронѣ. Этого царя принимали обыкновенно за Юстиніана, но проф. Н. П. Кондаковъ, на основаніи замѣчанія одного русскаго паломника, высказалъ остроумное предположеніе, что надъ царскими вратами мы имѣемъ изображеніе не Юстиніана, а Льва Мудраго. Царскія двери, по всей вѣроятности, обложены были серебромъ, потому что въ обрядѣ коронаціи царя эти самыя двери названы серебряными вмѣсто царскихъ ²⁾.

¹⁾ Вышеназванные пилоны св. Софїи разумѣеть Пахимеръ, когда говоритъ, что противники патріарха Георгія Кипрскаго, недопускаемые въ храмъ св. Софїи, стояли съ обѣихъ сторонъ красныхъ вратъ, *παρὰ θάτερα τῶν ῥαίων πυλώνων* [Georg. Pachimeris, de Andron Palaeol. lib. I, c. 15, p. 47 Bonn. (Относительно этихъ споровъ ср. Finlay, History of Greece, vol. III, 2 edit., p. 378)]. Эти пилоны потомъ тотъ же Пахимеръ называетъ красными вратами, *ibid.* lib. VII, c. 23, p. 614: патріархъ Аванасій *στήλην... τὴν ἐπὶ δεξιᾷ εἰσοδοῦαι τῶν ῥαίων πυλῶν καταστῆ*.

²⁾ Въ обрядѣ коронаціи сказано, что царь послѣ переоблаченія въ мутаторіи, нахдившемся во внѣшнемъ нарѣикѣ, за завѣсою, *εἰσοδεύει μετὰ τοῦ πατριάρχου, καὶ ἀπτεὶ κηροῦς εἰς τὰς ἀργυρὰς πόλας καὶ εἰσοδεύει ἐν τῷ ναῷ* I, 38, 192, а такъ какъ царь, какъ мы уви-

Проходя по прямой линіи изъ царскихъ вратъ къ св. вратамъ, т. е. среднимъ дверямъ алтарной преграды, идущій встрѣчалъ па своемъ пути великолѣпный амвонъ, стоявшій, вѣроятно, не подъ центромъ большаго купола, а подъ восточною его половиною, ближе къ солеѣ ¹⁾. Цари съ патріархомъ, идя изъ царскихъ вратъ къ св. вратамъ, обыкновенно обходили его съ правой стороны и входили на солею, начинавшуюся, вѣроятно, подъ восточною аркою большаго купола, между восточныхъ столбовъ его, и продолжавшуюся подъ восточнымъ полукуполомъ, какъ мы увидимъ ниже. Амвонъ имѣлъ на восточной и западной сторонѣ по лѣстницѣ, изъ которыхъ одна вела къ солеѣ, а другая къ западнымъ вратамъ. Пройдя по срединѣ храма, мимо амвона, съ правой его стороны, царь съ патріархомъ вступали на солею и затѣмъ входили въ св. врата, т. е. среднія двери алтарной преграды, направляясь къ св. престолу.

Если бы храмъ св. Софіи имѣлъ одну восточную или алтарную апсиду, не осложненную никакими особенностями конструкции и прибавками, то мы могли бы безъ ошибки болѣе или менѣе точно опредѣлить мѣсто какъ амвона и солеи, такъ и алтарной преграды съ св. престоломъ, хотя, при передѣлкѣ храма св. Софіи въ мечеть, всѣ эти принадлежности христіанскаго храма были уничтожены и теперь, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ и слѣдовъ ихъ, по крайней мѣрѣ надъ теперешнимъ поломъ. Но храмъ св. Софіи, какъ извѣстно, значительно отличается отъ многихъ другихъ, извѣстныхъ намъ древнихъ и позднѣйшихъ храмовъ

дѣлать «зажигаетъ свѣчи», т. е. молится съ зажженными свѣчами предъ царскими именно вратами и затѣмъ черезъ нихъ входитъ въ храмъ, то другихъ дверей здѣсь, кромѣ царскихъ, и разумѣть нельзя. Эти же двери названы серебряными и въ жизни св. Захарія, хотъ онѣ тутъ же названы красными вратами, благодаря ихъ лучшей отдѣлкѣ и вышеуказанному смѣшенію царскихъ вратъ съ красными собственно (Du Cange, Cont. Christ. lib. III, p. 16 приводитъ это мѣсто изъ Минсеѣ). Царскія же двери названы серебряными и въ одномъ мѣстѣ (apud Maximum Cytherensem in pagatione, quam habet 8 Sept.), приведенномъ въ Euchologium Goara, p. 24, такъ какъ онѣ ведутъ изъ нарѣика въ самый храмъ (ἤνοιξεν ἀργυρᾶς πύλας... καὶ εἰσβαίνοντάς εἰς τὸν ναόν).—Соображенія проф. К о н д а к о в а, которыя, на мой взглядъ, вполне заслуживаютъ вниманія и доказываются какъ замѣчаніемъ Антонія Новгородскаго, такъ и археологическими данными, изложены въ его «Византійскихъ Церквахъ», стр. 115 (Труды Одесскаго Археологич. съѣзда, томъ III).

¹⁾ Амвонъ, какъ извѣстно, особо воспѣтъ Павломъ Силенціаріемъ въ особой поэмѣ (въ Боннекомъ изд. Павла Силенціарія, стр. 49 слѣд.) и описанъ Дюканжемъ (Constantin. Christ. lib. III, p. 44—46. О мѣстѣ амвона и двухъ лѣстницахъ на него говоритъ поэтъ, ст. 50 слѣд.:

Ἔστι τις εὐροπόροιο κατ' ἔνδια μέσσα μελάθρου
 ἄβρὸς ἰδεῖν καὶ μᾶλλον εἰς ἀντολίην τι νενευκῶς
 πύργος, ἀκηρασίσιον ἀπόκριτος ἤθεσ: βιβλῶν
 ὀρθάδιος βᾶθροισ, διδυμασιν ἀμβατὸς οἴμοισ,
 ὦν μία μὲν ποτὶ νόχτα τιταίνεται, ἣ δὲ πρὸς ἡῶ.

О мѣстѣ солеи будетъ рѣчь ниже при разборѣ мнѣній о мѣстѣ алтаря въ св. Софіи.

тѣмъ, что за большою восточною аркою купола въ храмѣ св. Софіи мы имѣемъ не одну восточную, алтарную апсиду, а большую алтарную конху подъ восточнымъ полукуполомъ, расходящуюся въ три экседры или апсиды, изъ которыхъ средняя или восточная выходитъ за стѣну храма и соединяется съ алтарною конхою, находящеюся подъ полукуполомъ, посредствомъ крытаго цилиндрическимъ сводомъ пространства (Tonnenengewölbe у Зальценберга). Если мы сравнимъ планъ храма св. Софіи съ планами другихъ храмовъ подобной конструкціи, то мы должны будемъ заключить, что восточнымъ апсидамъ другихъ храмовъ въ св. Софіи соответствуетъ не восточная апсида или экседра, выходящая за восточную стѣну храма, а вся восточная конха съ примыкающими къ ней апсидами или нишами, все пространство на востокъ отъ арки (конечно, восточной) купола; эта арка соответствуетъ такъ называемой триумфальной аркѣ (Arcus triumphalis, Triumphbogen) базиликъ и купольныхъ храмовъ, а на востокъ отъ триумфальной арки находится обыкновенно какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ храмахъ βῆμα, т. е. возвышенное мѣсто, на которомъ за алтарною преградой помѣщался алтарь ¹⁾.

Обращаясь затѣмъ къ описаніямъ алтарной конхи св. Софіи, которыя находятся у современныхъ постройкѣ храма и послѣдующихъ писателей, видѣвшихъ храмъ, мы увидимъ, что и они подъ алтарною конхою разумѣютъ все пространство подъ восточнымъ полукуполомъ и прилегающія къ нему апсиды или экседры, а не восточную только апсиду или нишу, выходящую за стѣну храма. Такъ, Павелъ Силенціарій, описывая алтарную конху и ея устройство, говоритъ, что она, представляя въ верхней своей части одну конху, внизу опирается на три ниши, которыя онъ называетъ то конхами, то пазухами (κόλποι) ²⁾. Прокопій Кесарійскій, при описаніи восточной и западной конхъ, т. е. пространствъ подъ восточнымъ и западнымъ полукуполомъ, говоритъ, какъ о принадлежности этихъ конхъ, о боковыхъ нишахъ; слѣдовательно, разу-

¹⁾ Ср., напр., планы греческихъ храмовъ въ атласѣ Зальценберга, Blatt XXXIII и XXXIX съ планомъ храма св. Софіи Blatt VI. См. также его Baudenkmale, s. 113 слѣд. и 133 слѣд., а равно Kraus'а Realencyklopädi. d. christl. Alterth., s. vv. Apsis, Basilica и Triumphbogen; Texier, Architecture Byzantine, Planché 35, 42, 57 и др.

²⁾ Притупая къ описанію алтарной конхи, поэтъ проситъ священнослужителей открыть божественную палату, т. е. алтарь, для описанія ея (οἷζατε, μύθαι, οἷζατε δ' ἡμετέροισιν ἀνάκτορα θεόκελα μύθαις ст. 350) и затѣмъ уже описываетъ восточную конху.

Ст. 354. Τρίσσα μὲν ἀνατολικῶν ἀναπέπταται ἐνδὶα κύκλων
ἡμιτόμων...

Ст. 405. ὡς ἡ μὲν βαθύκολπος ἀνάσσεται ἥρι κόγχη,
ὕψθεν ἀντέλλουσα μία, τρισσοῖσι δὲ κόλποις
νέρθεν ἐπεμβεβαῦτα...

4-й части всей длины отъ внутренней западной стѣны до восточной. По измѣреніямъ Зальценберга, храмъ св. Софіи въ этомъ же направленіи, т. е. въ длину, имѣетъ 259 прусскихъ футовъ, которые, слѣд., почти совершенно соотвѣтствуютъ византійскимъ футамъ. Если мы циркулемъ возьмемъ пространство отъ вѣншей восточной стѣны, безъ восточной экседры, какъ мѣрилъ Зальценбергъ, до линіи (восточной), за которой начинается куполь, то, приложивши циркуль къ масштабу, увидимъ, что въ этомъ пространствѣ тоже 70 футовъ длины. Это сходство такъ поразительно, что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ „священною конхою“ Евагріій разумѣлъ не восточную апсиду восточной конхи, а всю эту конху, все пространство на востокъ отъ восточной арки большого купола, какъ понимали восточную конху Павелъ Силенціарій съ Прокопіемъ.

Но если такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что алтарною конхою называлось все пространство подъ восточнымъ полукуполомъ съ тремя апсидами въ немъ, то подробности устройства этой конхи, т.-е. мѣсто солеи, алтарной преграды, св. престола, назначеніе боковыхъ нишъ и т. п. представляются далеко не такъ ясными, какъ можно было-бы ожидать. Византійскіе писатели, даже тѣ, которые составляли спеціальныя описанія храма св. Софіи, не даютъ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній объ этихъ подробностяхъ и потому изслѣдователямъ новаго времени пришлось опредѣлять эти подробности предположительно и гадательно.

Дюканжъ въ своему описанію св. Софіи ¹⁾ прилагаетъ планъ, изъ котораго видно, что знаменитый византологъ помѣщаетъ алтарь съ киваріемъ въ восточной апсидѣ или экседрѣ, а по стѣнамъ этой экседры и далѣе у стѣнъ покрытаго цилиндрическимъ сводомъ пространства (TonnenGewölbe у Зальценберга) ставитъ сѣдалища для священнослужителей съ патриаршимъ трономъ въ срединѣ (σούδιον). Всю средину пространства подъ цилиндрическимъ сводомъ Дюканжъ называетъ βήμα, которое у него находится между св. престоломъ и алтарною преградю, поставленною между двумя столбами, служащими опорю для восточнаго конца алтарной конхи, т. е. восточнаго полукупола. Алтарную преграду Дюканжъ помѣщаетъ между этими двумя столбами. Изъ боковыхъ нишъ сѣверную или лѣвую Дюканжъ называетъ предложеніемъ (πρόθεσις), т. е. полагаетъ, что въ ней стоялъ столъ или жертвенникъ предложенія, а лѣвую—діаконикомъ (διακονικόν), т.-е. мѣстомъ, гдѣ помѣщались во время богослуженія низшіе священнослужители, діаконы, иподіаконы и т. п.

¹⁾ Constantinopolis Christiana, lib. III.

Все пространство между этими нишами, т. е. подъ восточнымъ полукуполомъ, занимала, по мнѣнію Дюканжа, солея.

При своемъ распредѣленіи этихъ принадлежностей алтарной конхи Дюканжъ, за неимѣніемъ прямыхъ свидѣтельствъ относительно храма св. Софіи, слѣдовалъ обыкновенному порядку размѣщенія и устройства алтарей въ древнихъ христіанскихъ храмахъ, упуская часто изъ вида особенности устройства алтарной конхи въ храмѣ св. Софіи. Такъ, напримѣръ, св. престолъ Дюканжъ помѣщаетъ въ восточной апсидѣ, выходящей за стѣну храма, какъ онъ обыкновенно помѣщался въ базиликахъ. Но если мы примемъ во вниманіе, что въ этой апсидѣ, по словамъ Павли Силенціарія, которому слѣдуетъ и самъ Дюканжъ, былъ устроенъ *συνδρομος* и что св. престолъ въ св. Софіи былъ устроенъ не такъ, какъ въ обыкновенныхъ храмахъ, то мы едва-ли согласимся съ знаменитымъ византологомъ въ этомъ случаѣ.

Дѣло въ томъ, что св. престолъ (*ἡ ἀγία τράπεζα*) въ храмѣ св. Софіи не стоялъ прямо на полу, а помѣщался на возвышеніи въ нѣсколько ступеней ¹⁾, которыя были, безъ всякаго сомнѣнія, несравненно шире ступеней обыкновенной лѣстницы, особенно верхняя ступень, такъ какъ на этихъ ступеняхъ, по крайней мѣрѣ верхней, стояли священнослужители: предъ престоломъ священнодѣйствующій и первенствующій, а по сторонамъ сослужащіе, а священнослужителямъ, особенно священнодѣйствующему во время священнодѣйствій приходилось нерѣдко совершать земные поклоны, для чего необходима ступень шириною около сажени. Предположивши, что такихъ ступеней было три и что не всѣ онѣ были такъ широки, какъ верхняя, мы все-таки на эти ступени должны положить аршинъ шесть съ каждой стороны, съ двухъ сторонъ, слѣдовательно, аршинъ 12 или 4 сажени. Да самый престолъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ около сажени въ длину, такъ что вся площадь, занятая св. престоломъ и киворіемъ надъ нимъ, имѣла отъ 5 до 6 сажень въ ту и другую сторону, т. е. съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. Обращаясь къ восточной нишѣ и съ циркулемъ въ рукахъ измѣряя ея площадь, мы находимъ, что въ самомъ широкомъ мѣстѣ, на линіи восточной стѣны храма, восточная ниша имѣетъ 35 футовъ, т. е. около 5 сажень на линіи стѣны, а чѣмъ дальше отъ этой линіи, тѣмъ меньше. Если мы припомнимъ, кромѣ того, что по стѣнамъ этой ниши въ нѣ-

¹⁾ О ступеняхъ св. престола въ св. Софіи см. Дюканжъ, *Constant. Christ.*, lib. III, p. 32, гдѣ приведено мѣсто изъ Кюдина (Анонима), въ которомъ говорится, что Юстиніанъ устроилъ вокругъ престола *τὴν σκάλαν, ἐποὺ ἵστανται οἱ ἱερεῖς εἰς τὸ ἀσπάζεσθαι τὴν ἱερὰν τράπεζαν.*

сколько рядовъ (какъ мы увидимъ, въ 7 рядовъ), были устроены сѣдалища для священнослужителей (*σύνθρονος*), то мы едва ли будемъ сомнѣваться въ томъ, что св. престолъ въ св. Софїи не могъ помѣщаться въ восточной нишѣ, выходящей за восточную стѣну храма. Да и Павелъ Силенціарій, какъ мы видѣли, говорить, что въ восточной нишѣ были устроены сѣдалища для священнослужителей, а не престолъ, для котораго тутъ, очевидно, не было мѣста. Но за то для св. престола было много свободного мѣста на западъ отъ восточной ниши ¹⁾, въ пространствѣ подъ цилиндрическимъ сводомъ, соединяющимъ восточную нишу съ восточною конхою. Здѣсь, между столбами, на которые опирается восточный конецъ конхи, около 50 фут. или 7 саж., такъ что св. престолъ на ступеняхъ съ киворіемъ могъ помѣститься болѣе или менѣе свободно, оставляя достаточно мѣста направо и налево, тѣмъ болѣе, что сѣдалища, вопреки мнѣнію Дюканжа, сюда, безъ сомнѣнія, не простирались, а занимали только восточную нишу. Въ этомъ именно мѣстѣ помѣщаетъ св. престолъ Зальценбергъ, такъ что архангелы, изображенные на столбахъ, открывающихъ входъ въ это пространство, какъ бы охраняли св. престолъ и входъ въ святилище. Алтарная преграда стояла, по словамъ Зальценберга, на границѣ восточнаго полукупола, между столбами, поддерживающими покрытое сводомъ пространство. Подъ солею Зальценбергъ отводитъ все пространство подъ восточнымъ полукуполомъ, между сѣверною и южною нишами, и полагаетъ, что солея тоже отдѣлялась отъ храма собственно преградой или рѣшеткою ²⁾.

Относительно назначенія боковыхъ нишъ Зальценбергъ слѣдуетъ Дюканжу, которому, сколько мнѣ извѣстно, слѣдуютъ и другіе

¹⁾ Изъ словъ Павла Силенціарія можно заключать, что восточная ниша или экседра была почти вся занята этими сѣдалищами, такъ что нижнія ступени были близки къ центру ниши (*Descriptio S. Sophiae*, ст. 363 слѣд. Относящіяся сюда стихи будутъ приведены ниже, когда будетъ рѣчь о синтронѣ). Описавъ восточную экседру съ *σύνθρονος*, Павелъ Силенціарій описываетъ пространство подъ цилиндрическимъ сводомъ, соединяющее восточную нишу, или *σύνθρονος*, съ восточною конхою (*Tonnengewölbe Salzenberg's*).

Ст. 369 τὴν δὲ (т. е. τὴν μέσην κόγχην) μεταδέχεται κρατερῶς ἀραυτὰ θεμελίους ἐς βάσιν εὐθύγραμμος, ὑπερθε δὲ κύκλιος ἀνωξὶ σχήμασιν οὐ σφαιρῆς ἐναλίγκιος, ἀλλὰ κολίμβρου ἀνδιχα τεμνομένοιο.

²⁾ Зальценбергъ, *Baudenkmale*, p. 111. Предполагать другую рѣшетку, отдѣляющую солею отъ храма, заставляютъ Зальценберга измѣренія Евагрія, по которымъ отъ западной двери до священной конхи 190 футовъ, хотя Евагрію ничего не говоритъ о рѣшеткѣ, отдѣляющей солею отъ храма. У другихъ писателей точно также нѣтъ указаній на эту рѣшетку. Восточная конха, назначенная для священно- и церковнослужителей, имѣла возвышенный на нѣсколько ступеней полъ и безъ рѣшетки рѣзко отдѣлялась отъ остального храма.

ученые, описывавшіе храмъ св. Софіи, такъ какъ воззрѣніе Дюканжа на назначеніе этихъ нишъ основано на такомъ же назначеніи смежныхъ съ алтарною апсидою помѣщеній въ другихъ современныхъ и позднѣйшихъ храмахъ. Нельзя, конечно, отрицать вообще такого назначенія боковыхъ нишъ, но съ другой стороны необходимо имѣть въ виду, что въ другихъ храмахъ боковыя помѣщенія для предложенія (προβήσις) и діаконика находятся обыкновенно за алтарною преградой или, если они составляютъ отдѣльныя пристройки по сторонамъ алтарной апсиды, за линією этой преграды, т. е. они находятся восточнѣе, а не западнѣе ея. На этомъ основаніи можно было бы полагать, что и въ св. Софіи, если боковыя ниши служили мѣстомъ правая для діаконика, а лѣвая для жертвенника предложенія, алтарная преграда находилась западнѣе этихъ нишъ, прямо за восточною аркою купола, такъ что діаконикъ и предложеніе находились бы въ алтарѣ, внутри алтарной преграды. Съ такимъ помѣщеніемъ алтарной преграды вполне согласовалось бы названіе современными и позднѣйшими писателями алтарною конхою всего пространства за восточною аркою купола и сравненіе восточной конхи храма св. Софіи съ алтарными апсидами другихъ храмовъ, какъ купольныхъ, такъ и базиликъ, въ которыхъ алтарная преграда обыкновенно бываетъ или подъ восточною аркою, или прямо за нею ¹⁾. При такомъ положеніи алтарной преграды св. престолъ въ св. Софіи находился бы или могъ бы находиться не въ пространствѣ подъ цилиндрическимъ сводомъ, соединяющимъ восточную конху съ восточною апсидою (σύνθρονος), а подъ восточнымъ полукуполомъ, предъ входомъ въ означенное пространство, а такое помѣщеніе св. престола дѣлало бы совершенно понятнымъ извѣстіе Теофана и другихъ позднѣйшихъ писателей ²⁾ о разрушеніи виворія и престола

¹⁾ Объ апсидахъ (ἄψις) см. Krause, Realencyklop. der Christlich. Alterthümer s. v. Apsis, I, p. 69 слѣд. Ср. ibid. p. 126. Ср. Du Cange, Constantinopol. Christiana, lib. III p. 30 (Apsida) и его Gloss. Gr. s. v. Ἀψίς и Κόγχη.

²⁾ Извѣстія о паденіи части купола и передѣлкѣ всего купола Юстиніаномъ, который при этомъ поднялъ куполъ еще выше, собраны Дюканжемъ въ Constantinopolis Christiana, lib. II, p. 20—21. Главное извѣстіе объ этомъ печальномъ событіи, случившемся 7-го мая въ 32-й годъ царствованія Юстиніана (558 г.), находится у Теофана въ Хронографіи, ed. de Boor, p. 232. τούτῳ ἔτει, μηνὶ Μαΐου ζ', ἡμέρᾳ γ' (вторникъ) ὄρα πέμπτη (= 11-мъ часу дня) φίλκαλουμένου τοῦ προβόλου τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας (ἣν γὰρ διεσπασμένον ἐκ τῶν γεννημένων σεισμῶν, ἐργαζομένων τῶν Ἰσαύρων) ἔπεσε τὸ ἀνατολικὸν μέρος τῆς προὔπεστολης τοῦ ἁγίου θυσιαστηρίου, καὶ συνέτριψε τὸ κιβώριον καὶ τὴν ἁγίαν τράπεζαν καὶ τὸν ἄμβωνα. Это же паденіе разумѣеть, очевидно, и Павелъ Силенціарій ст. 187: σφαίρης ἡμιτόμοιο κατήριπε ἠέσκελος ἄντυξ, | μιστιπύλου ὀέτιναξεν ἐδέθλια πάντα μελάθρου. Изъ словъ современника-поэта видно, что обвалилась восточная арка купола, а слѣдовательно, и восточная часть купола и западная часть, если не больше, восточнаго полукупола, упавшая въ обвалившуюся арку. Въ Хронографіи Теофана слова, которыми обозначалась упавшая часть, повидимому, пропущены или исперчены. Въ codex Coislinianus, по край-

при паденіи восточной арки купола, между тѣмъ какъ разрушеніе киворія и престола вмѣстѣ съ амвономъ, стоявшимъ подъ куполомъ, становится тѣмъ болѣе непонятнымъ, чѣмъ далѣе мы будемъ отодвигать св. престолъ отъ восточной арки купола, и будетъ уже совсѣмъ непонятно, если бы мы помѣстили св. престолъ вмѣстѣ съ Дюканжемъ въ восточной апсидѣ, такъ какъ о разрушеніи ея не говорится въ извѣстіяхъ о паденіи восточной арки и части купола.

Я не знаю ни одного мѣста изъ византійскихъ писателей, приведеннаго изслѣдователями храма св. Софїи, которое не позволяло бы, если принимать сѣверную боковую нишу за *προβόσσις*, а южную за *διακομικόν*, помѣщать алтарную преграду прямо за восточною аркою купола (*Arcus triumphalis*, *Triumphbogen*), кромѣ одного мѣста въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго, которое, на мой взглядъ, ясно говоритъ, что боковыя ниши восточной конхи были внѣ алтарной преграды. Я разумѣю обрядъ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста, гдѣ сказано, что въ этотъ день царь, войдя съ патріархомъ въ алтарь и совершивъ каждеііе вокругъ св. престола, выходитъ съ нимъ по правой сторонѣ алтаря *черезъ малыя св. врата* (изъ алтаря) и *доходитъ до порфировыхъ колоннъ*; здѣсь цари прощаются съ патріархомъ, и патріархъ уходитъ опять въ алтарь, а цари въ свой Мутаторій, изъ котораго они поднимаются по лѣстницѣ въ катахуменіи, а оттуда уходятъ крытыми переходами во Дворецъ ⁴⁾).

Упомянутое порфировыхъ колоннъ послѣ малыхъ св. вратъ ясно показываетъ, что алтарная преграда, въ которой находились малыя св. врата, стояла за порфировыми колоннами къ востоку. А такъ какъ подъ порфировыми колоннами здѣсь можно разумѣть только порфировыя колонны правой или южной боковой ниши восточной конхи, то ясно, что эта ниша съ порфировыми колоннами была внѣ алтарной преграды. Другихъ порфировыхъ колоннъ, кромѣ 4 паръ, стоявшихъ въ боковыхъ нишахъ западной и восточной конхъ, ни около алтаря, ни въ другихъ частяхъ

ней мѣстѣ, по словамъ de Voog'a, между *προ* и *βυστολής* пропускъ въ 6 буквъ. Возбуждаетъ сомнѣніе и то обстоятельство, что *προβόσσις*, по Gloss. Gr. Дюканжа, встречается только въ этомъ мѣстѣ Хронографіи Θεοφάνη, потому какъ самое это слово, такъ и латинскій переводъ этого слова, сдѣланный G o a r' o м'ъ (*pars orientaliog-contrastae ad s. altare testudinis*), нельзя еще считать вполне вѣрными.

4) II, 10, 548: ...καὶ θυμῶ ὁ βασιλεὺς περὶ τῆς ἁγίας τραπέζης, καὶ εἶθ' οὕτως διὰ τοῦ δεξιοῦ μέρους τοῦ βήματος ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε μικρῶν ἁγίων θυρίων ἐξέρχονται οἱ δεσπότες ἅμα τοῦ πατριάρχου ἕως τῶν πορφύρων κίονων καὶ ἐκεῖσε ἀπαχαιρετίζουσι τὸν πατριάρχην, τοῦτον ἀπαχαιροῦσι καὶ ὁ μὲν πατριάρχης εἰσέρχεται εἰς τὸ βῆμα ἐκτελέσων τὴν τριτοεκτητὴν οἱ δὲ δεσπότες εἰσέρχονται ἐν τῷ μутаторίῳ... Обрядъ выхода въ св. Софію въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста будетъ изложенъ ниже, въ концѣ этой книги.

храма, на сколько можно судить по известным мнѣ описаніямъ св. Софіи какъ средневѣковымъ, такъ и новѣйшимъ, въ храмѣ св. Софіи не было ¹⁾. Если же правая ниша, такъ называемый діаконикъ, была внѣ алтарной преграды, то, значить, и лѣвая ниша, такъ называемый *προβήτις*, тоже была внѣ алтарной преграды, которая поэтому должна быть помѣщена прямо за этими боковыми нишами восточной конхи, предъ входомъ въ пространство подъ сводомъ (*Topfengewölbe*). Въ пользу такого помѣщенія алтарной преграды говоритъ, мнѣ кажется, и то обстоятельство, что боковыя ниши имѣютъ хоры, составляющія продолженіе боковыхъ хоровъ или катихуменій, а алтарныя апсиды, сколько мнѣ известно, катихуменій не имѣютъ. Не менѣе ясно въ пользу нахождения боковыхъ нишъ внѣ алтарной преграды говоритъ, на мой взглядъ, сравненіе устройства восточной части храма, т. е. конхи и боковыхъ нишъ, съ устройствомъ этой части въ храмѣ свв. Сергія и Вакха, который послужилъ, повидимому, прототипомъ для св. Софіи и который отличается только тѣмъ, что въ немъ куполь поставленъ на 8 столбахъ и аркахъ, а не на 4-хъ, какъ въ св. Софіи. Благодаря постановкѣ купола на 4 столбахъ, 4 камары, прилегающія въ храмѣ свв. Сергія и Вакха къ западной и восточной камарѣ или аркѣ, въ св. Софіи помѣщены или вдвинуты подъ восточный и западный полукуполы, которые и составляютъ главное отличіе храма св. Софіи отъ храма свв. Сергія и Вакха. Сравнивая планъ этого храма съ планомъ храма св. Софіи, мы при первомъ же взглядѣ, естественно, съ восточною апсидою или конхою храма свв. Сергія и Вакха сопоставимъ пространство подъ сводомъ и восточную апсиду, а боковыя камары съ боковыми нишами восточной конхи храма св. Софіи, тѣмъ

¹⁾ «Обычай брать дорогія колонны, говоритъ Зальценбергъ (*Baudenkmale*, s. 76—77), изъ покинутыхъ храмовъ и давать имъ новое назначеніе, былъ примененъ и при постройкѣ храма св. Софіи. Особенно любили, кажется, брать и цѣнили темнозеленый ессалійскій мраморъ, известный теперь подъ именемъ *verde antico*. Всѣ колонны въ предѣлахъ корабля, равно какъ и въ нижнихъ галереяхъ, сдѣланы изъ этого матеріала, за исключеніемъ восьми колоннъ въ нижнихъ этажахъ четырехъ экседръ, которыя (т. е. колонны) сдѣланы изъ темнокраснаго еивалскаго (египетскаго) мрамора и привезены изъ Рима, гдѣ они стояли въ храмѣ Солнца». Ср. Дюканжа, *Constantin. Christ.*, lib. III, p. 9: *Ex tot marmoris speciebus exstant infinitae, quae Sophianam aedem suffulciunt et adornant, columnae, quas inter praesertim commendantur a scriptoribus octo Porphyreticae seu Aegyptiacae, parvis altitudinis et molis, quas a muliere vidua, Marcia nomine, Roma transmissas, et a Solis delubro ab Aureliano olim extracto abstractas, auctor est apud Codinum Plutarchus Justiniani Protosecretarius. Has ad quatuor Conchas stare suo loco ostendemus.* Объ этихъ конхахъ и порфировыхъ колоннахъ въ нихъ Дюканжъ говоритъ *ibid.* p. 39—40. Извѣстія современныхъ постройкѣ и послѣдующихъ греческихъ писателей объ этихъ и другихъ колоннахъ приведены или указаны у Дюканжа, *l. c.*, p. 8—9. Ниже, при изложеніи обряда выхода въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста, мы еще встрѣтимся съ этими порфировыми колоннами.

болѣе, что и устройство ихъ сходно почти до тожества. Какъ въ храмѣ свв. Сергія и Вакха алтарная преграда была, очевидно, за или подь аркою восточной апсиды, такъ и въ храмѣ св. Софіи алтарная преграда была предъ входомъ въ соотвѣтствующее восточной апсидѣ свв. Сергія и Вакха пространство подь цилиндрическимъ сводомъ, соединяющимъ восточную конху съ восточною экседрою или синтрономъ.

Но, если такимъ образомъ боковыя ниши были внѣ алтарной преграды, то могли ли онѣ имѣть то назначеніе, которое имъ обыкновенно приписывается?

Если мы будемъ соединять съ діаконикомъ обыкновенное понятіе объ этомъ помѣщеніи, которое служило не только мѣстомъ пребыванія діаконовъ и инодіаконовъ, но и ризницею и сосудохранилищею (*σκευοφολάκιον*), и въ которомъ священнослужители облачались и разоблачались, то діаконикомъ никоимъ образомъ не могла служить правая ниша восточной конхи, потому что она представляетъ со всѣхъ сторонъ открытое пространство, въ которомъ ничего хранить было нельзя, а переоблачаться и того менѣе ¹⁾. Да и не было въ этомъ надобности, такъ какъ въ св. Софіи

¹⁾ Въ *Realencyklop. d. Christl. Alterthümer Krausa* I, 328 (2 Aufl., s. v. Diaconicum) діаконикъ опредѣляется, какъ пристройка или отдѣльное помѣщеніе, однозначащее съ *Sacragium* или *Secretarium*. Діаконикъ заключалъ въ себѣ три смежныхъ помѣщенія: а) *Salutatorium*, гдѣ епископа встрѣчали клирики и гдѣ епископъ принималъ другихъ особъ; б) собственно діаконикъ или *βήματος διακονικόν*, называемый также *Vestiarium* и *Mutatorium*, гдѣ діаконы убирали и складывали церковную утварь и облаченія и гдѣ облачались и разоблачались священнослужители; в) наконецъ къ діаконику принадлежала ризница, *tesaurarium*, *γαζοφολάκιον*, *εξρηλιαρχεῖον*, *σκευοφολάκιον*, гдѣ хранились облаченія, церковная утварь, книги, сокровища и святыни храма. Эти помѣщенія находились обыкновенно по обѣимъ сторонамъ алтаря. Помѣщенія діакона служили также иногда мѣстомъ собранія клира для совѣщаній, суда и т. п., а иногда служили даже мѣстомъ ареста провинившихся духовныхъ чиновъ. Это опредѣленіе діакона составлено главнымъ образомъ на основаніи мѣстъ, приведенныхъ Дюканжемъ въ *Const. Christ., lib. III, p. 48—52*. Ср. Красносельцева, *Очерки изъ исторіи христіанскаго храма*, стр. 292 слѣд. Позволяю себѣ думать, что одного этого опредѣленія діакона достаточно, чтобы видѣть, что для всѣхъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ устраивались помѣщенія діакона, ни правая, ни лѣвая экседра въ храмѣ св. Софіи служить не могла. Позволительно даже дивиться тому, какъ могли правую нишу или экседру принимать за діаконикъ въ такомъ смыслѣ. Для всѣхъ указанныхъ цѣлей могли служить и служили помѣщенія направо и налѣво отъ алтаря, находившіяся между алтарною конхою и стѣною. Въ св. Софіи, какъ можно заключить изъ вышеприведенныхъ словъ Кюдина, діаконикомъ собственно называлось помѣщеніе направо отъ алтаря и правой ниши: къ нему примыкалъ царскій Мутаторій, въ одномъ изъ помѣщеній котораго, вѣроятно, ближайшемъ къ діаконику, стоялъ и молился царь во время богослуженія. Но соотвѣтствующее помѣщеніе на лѣвой сторонѣ отъ восточной конхи можетъ быть также названо въ вышеприведенномъ 3-мъ значеніи діаконикомъ, такъ какъ здѣсь помѣщалась ризница (*σκευοφολάκιον*). Въ этомъ помѣщеніи, по всей вѣроятности, наши путешественники (паломники) видѣли разныя святыни, къ которымъ они поклонялись и къ которымъ прикладывались. Очень вѣроятно, что въ этомъ помѣщеніи налѣво отъ алтаря былъ жертвенникъ предложенія (*πρόθεσις*), но это не мѣшало бытъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и помѣщеніемъ для разныхъ святынь и церковныхъ предметовъ, функ-

было много мѣста для этой надобности. Кромѣ многочисленныхъ пристроекъ съ сѣверо-восточной и южной сторонъ св. Софіи, въ которыхъ, какъ мы увидимъ, помѣщались разныя хозяйственныя и административныя учрежденія храма св. Софіи, для вышеозначенныхъ цѣлей въ качествѣ ризницы и діаконика могли служить помѣщенія направо и налѣво отъ пространства надъ сводомъ, въ которомъ стояла св. трапеза. Эти помѣщенія вполнѣ соотвѣтствуютъ подобнымъ же помѣщеніямъ для *πρόθεσις* и *διακονικόν* въ другихъ храмахъ. Правда, у К о д и н а есть указаніе, что діаконикъ былъ возлѣ Мутаторіи царскаго и царь слушалъ литургію, стоя возлѣ діаконика ¹⁾, но разумѣется ли въ данномъ случаѣ подъ діаконикомъ южная ниша восточной конхи или все пространство направо отъ восточной конхи, сказать трудно: возможно и то и другое. Но если правая (южная) ниша дѣйствительно называлась діаконикомъ, то только въ смыслѣ помѣщенія діаконовъ, иподіаконовъ, пѣвчихъ и чтецовъ, во время службы пѣвшихъ и читавшихъ по соотвѣтствующимъ книгамъ, другими словами, правую нишу можно болѣе или менѣе сравнивать съ нашимъ *тра-*

пціонировать въ качествѣ одного изъ отдѣленій діаконика въ вышеприведенномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ храмахъ какъ правое, такъ и лѣвое отъ алтаря помѣщеніе, по опредѣленію К г а и з а, служило для цѣлей діаконика. Очень возможно, что Антоній Новгородскій это именно помѣщеніе отъ алтаря налѣво съ жертвенникомъ предложенія называетъ «алтаремъ малымъ»; по крайней мѣрѣ описанныя имъ святыни, находившіяся возлѣ этого алтаря малаго, были несомнѣнно на лѣвой сторонѣ, такъ какъ это мѣсто до построения храма, «вся ризница» (*σκευοφυλάκιον ἅλον*), принадлежало вдовѣ Аннѣ, которая тутъ же за крестомъ, служившимъ мѣриломъ возраста Христова, и погребена въ придѣлѣ. О мѣстѣ, принадлежавшемъ Аннѣ и вообще лѣвой сторонѣ храма, мы еще будемъ имѣть случай говорить въ концѣ этой главы. Въ пользу принятія сѣверовосточнаго квадрата за ризницу (*σκευοφυλάκιον*) говорятъ и очень важное свидѣтельство Аркульфа, западнаго паломника VII вѣка, который говоритъ: *Interioris domus aquilonali in parte pergrande et valde pulchrum monstratur armarium, in quo capsula habetur recondita lignea, que (quae) similiter ligneo superclauditur operculo, in quo illud salutare habetur reconditum crucis lignum, in quo noster Salvator pro humani generis salute suspensus est* (Tobler et Molinier, *Itinera Hierosolymitana et descriptiones Terrae Sanctae*, vol. I. Genevae. 1879, p. 193). Этой выпиской изъ путешествія Аркульфа (*Arculfus de locis sanctis*) я обязанъ проф. И в. В. П о м я л о в с к о м у, который сдѣлалъ ее для меня въ Петербургѣ, такъ какъ въ Казани книги Тоблера и Молинье не оказалось, за что и приношу здѣсь проф. П о м я л о в с к о м у искреннюю благодарность.

¹⁾ По словамъ К о д и н а, въ Духовъ день ἐν τῇ ἑσπερινῷ ὄρα, εἰ μὲν εὐρίσκειται ὁ πατριάρχης, ἀπερχεται εἰς τὴν ἁγίαν Σοφίαν ὁ βασιλεὺς καὶ ἀκούει παρ' αὐτοῦ τὰς τοῦ Μεγάλου Βασιλείου εὐχὰς πλησίον τοῦ διακονικοῦ (de officiis, c. XIV, p. 78 Bonn). Какъ въ древнее время, такъ и во времена К о д и н а цари стояли, вѣроятно, въ Мутаторіи, который былъ на правой сторонѣ отъ алтаря, возлѣ діаконика. Тотъ же К о д и н ъ, въ обрядѣ коронаціи царей, заимствованномъ изъ Исторіи Иоанна Кантакузина, упоминаетъ и *πρόθεσις*, но также не даетъ при этомъ никакихъ указаній, изъ которыхъ можно было бы заключить, гдѣ собственно помѣщался жертвенникъ предложенія. К о д и н ъ говоритъ только, что, для участія въ великомъ входѣ, т. е. перенесеніи св. даровъ, царь выѣстѣ съ діаконами, приходившими его приглашать, идетъ εἰς τὴν λεγομένην πρόθεσιν, ἐνθα κείνται τὰ ἅγια, при чемъ, будучи еще ἔξω τῆς πρόθεσις, облачается въ мантию (C o d i n, *ibid.* c. XVII, p. 93).

вымы клиросомъ, согласно съ буквальнымъ смысломъ вышеприведенныхъ словъ Павла Силенціарія о назначеніи боковыхъ нишъ вочточной конхи.

Что касается сѣверной или лѣвой ниши, то она *могла* служить мѣстомъ для жертвенника предложенія (*προβεσις*), такъ какъ эти жертвенники въ древнее время несомнѣнно бывали не въ алтарѣ, а внѣ алтаря, на что указываетъ перенесеніе св. даровъ на св. престоль чрезъ храмъ и св. врата, а не прямо съ жертвенника на св. престоль, не выходя изъ алтаря. Но современемъ эти жертвенники ставились или въ алтарѣ, или въ помѣщеніи рядомъ съ нимъ. Въ св. Софій удобномъ мѣстомъ для жертвенника предложенія могло быть пространство налѣво отъ алтарной конхи, если онъ не помѣщался въ самомъ алтарѣ, т. е. въ пространствѣ подъ цилиндрическимъ сводомъ ¹⁾. Такъ какъ для жертвенника предложенія мѣста требуется очень мало, то онъ легко и удобно могъ помѣщаться сейчасъ же налѣво отъ алтаря и соединяться съ алтаремъ посредствомъ двернаго отверстія между восточною стѣною храма и восточными столбами восточнаго полукупола. Въ пользу такого помѣщенія жертвенника предложенія говоритъ аналогія другихъ современныхъ и позднѣйшихъ греческихъ храмовъ, въ которыхъ *προβεσις* помѣщался обыкновенно въ лѣвомъ отъ алтаря боковомъ помѣщеніи. Если же *προβεσις* былъ дѣйствительно когда нибудь въ лѣвой нишѣ, то это нисколько не мѣшало лѣвой нишѣ служить мѣстомъ стоянія чтецовъ и пѣвчихъ, подобно правой нишѣ, т. е. быть *таковымъ клиросомъ*. По крайпей мѣрѣ Павелъ Силенціарій обѣимъ нишамъ приписываетъ такое назначеніе и, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакихъ данныхъ отрицать это ²⁾. Между этими

¹⁾ Антоній Новгородскій называетъ, повидимому, жертвенникъ предложенія и мѣсто его нахожденія малымъ алтаремъ и описываетъ находящіяся возлѣ него святыни и другіе предметы. Если это такъ, то *προβεσις* находился налѣво отъ алтарной конхи, занимая часть большаго пространства между алтарною конхою и сѣверо-восточною стѣною, гдѣ помѣщалась ризница. См. Путешествіе Антонія Новгородскаго, изд. Саввантова, стр. 65. О ризницѣ будетъ сказано подробнѣе въ концѣ этой главы.

²⁾ Съ вышеприведенными словами совершенно согласны ст. 686—688, въ которыхъ Павелъ Силенціарій, описывая алтарную преграду, говоритъ, что стѣны сѣ *ῥοβεσις*—*ἄνδρα πολυγλώσσου διακρίνουσιν ὀρίλου*, т. е. священнослужителя отдѣляютъ отъ толпы чтецовъ, другими словами, союю отъ алтаря. Правда, Дюкьянжъ (*Constantinopolis Christiana*, lib. II, p. 46 Venet; ср. Comment. ad Paul Silent. Descript. S. Sophiac, § 81, p. 148 Bonn.) *ὄμιλος πολυγλώσσος* понимаетъ въ смыслѣ *turba fidelium ex variis gentibus linguisque conflata* или *variarum nationum coetus*, но уже самыя разсужденія Дюкьянжа въ указанныхъ мѣстахъ о мѣстѣ нахожденія этого разноязычнаго народа показываютъ, что Дюкьянжъ совершенно неправильно понималъ это мѣсто и толковалъ его въ разное время различно. Въ *Commentarius* Дюкьянжъ, полагая, что *ῥοβεσις* et *chorum Sophianum* conficiebat totum illud spatium, uel intra quatuor pilas maiores continetur, высказываетъ мнѣніе, что эта вся часть отдѣлена была рѣшеткою, за которой и стояла *turba fidelium*, въ *προβεσις* или даже на роуикѣ.

нинами (=клиросами) была, безъ сомнѣнiя, солея, возвышавшаяся на нѣсколько ступеней надъ поломъ остальнаго храма. Эти ступени, по всей вѣроятности, начинались подъ триумфальною аркою, т. е. подъ восточною аркою купола.

Такимъ образомъ, все пространство подъ восточнымъ полукуполомъ, возвышаясь надъ пространствомъ остальнаго храма, назначалось для священнодѣйствiй и священно- и церковнослужителей, представляло собою наиболѣе священное мѣсто храма, и въ этомъ смыслѣ все оно называется у греческихъ писателей алтарною священою конхою, тѣмъ болѣе, что солея составляетъ существенную часть алтарной конхи и, какъ мѣсто возвышенное, называется βῆμα, какъ и алтарь въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. пространство за алтарною преградю. Въ древнихъ христіанскихъ храмахъ, въ которыхъ алтарная преграда состояла большею частью изъ низкой рѣшетки, какъ и до сихъ поръ въ католическихъ храмахъ, солея и алтарь собственно не такъ рѣзко отдѣлялись, какъ теперь въ нашихъ храмахъ, благодаря высокимъ глухимъ иконостасамъ; потому все пространство подъ алтарною конхою, какъ предъ преградю, такъ и за нею, называется алтаремъ, βῆμα, хотя при болѣе точномъ обозначенiи эти части алтарной конхи различаются ¹⁾).

Очевидно, это невѣрно, и заблужденіе Дюканжа объяснить можно только тѣмъ, что онъ смѣшиваетъ храмъ св. Софіи съ позднѣйшими, особенно монастырскими, храмами, въ которыхъ нарѣзки развились въ большія пристройки, составлявшія большую часть храма (ср. вышесказанное по поводу красныхъ вратъ, стр. 100 прим.). Въ Const. Christ. I. с. Дюканжъ, на основанiи дѣленiя греческаго храма нѣкоторыми греческими церковными писателями то на двѣ части: βῆμα и ναός, то на три: βῆμα, ναός и πρόαυλον или πρόθυρον, причѣмъ ναός назначается для народа (τοῖς λαϊκοῖς), а βῆμα для священниковъ, приходитъ къ заключенiю, что haec saltem tempestate, aedes sacras graecorum, atque adeo Sophianam chori in quo Clerus constiterit caruisse. Предположить, что клиръ стоялъ предъ алтаремъ, т. е. предъ алтарной преградю. Дюканжу не позволяетъ то обстоятельство или соображеніе, что въ такомъ случаѣ священнодѣйствующій, раздѣленный клириками отъ народа, не могъ бы обращаться къ нему съ рѣчью, и алтарь не былъ бы видѣнъ народу. Въ основанiи этого мнѣнiя лежатъ, очевидно, два недоразумѣнiя знаменитаго византолога: 1) подъ βῆμα при дѣленiи храма на двѣ или на три вышеуказанныя части разумѣется не только алтарь собственно, но и солея (βῆμα τῶν ἀρχιεπιστῶν), гдѣ именно и стоялъ клиръ, т. е. чтецы и пѣвчіе, какъ въ западныхъ храмахъ въ хорѣ; 2) нѣтъ никакой надобности предполагать, что клиръ занималъ все пространство предъ алтарной преградю. Для него достаточно было мѣста на концахъ солей, а въ храмѣ св. Софіи, какъ и въ храмѣ свв. Сергія и Вакха, для него назначались двѣ весьма большія ниши или экседры, стоя въ которыхъ, пѣвчіе и чтецы вовсе не загромождали алтарной преграды и ни мало не мѣшали патріарху и другимъ священнодѣйствующимъ видѣть народъ и обращаться къ нему. Принявши эти двѣ экседры за діаконикъ и предложеніе въ ихъ обычномъ значенiи, Дюканжъ, очевидно, принужденъ былъ перетолковывать или игнорировать ясныя слова Павла Силенціарія, у котораго, очевидно, подъ ναός πλοῦλοιστος разумѣется тотъ же клиръ, который въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ ναός πολύμορος, тѣмъ болѣе, что въ обонхъ случаяхъ разумѣется одна и та же часть храма, солея съ пирами по концамъ.

¹⁾ О значенiи слова βῆμα см. Gouar, Eucholog. Græc., 2 ed., p. 11 слѣд., гдѣ между прочимъ приводится мѣсто изъ Симеона Фессалоникійскаго о правѣ сидѣнiя въ различ-

Итакъ, за боковыми нишами алтарной или восточной конхи была алтарная преграда (*κάγκελλοι* или *κάγκελλα* cancelli, *κιγκλίδες*, *ὀρόφακτοι* или *ὀρόφακτα*, *ἔρκος*, *στήθεα*) или рѣшетка, отдѣлявшая солею отъ алтаря собственно, внѣшнее алтарное возвышенное (*βῆμα*) мѣсто отъ внутренняго ¹⁾). Насколько можно заключать изъ словъ Павла Силенціарія, описанія котораго, къ сожалѣнію, не отличаются желанною ясностію и точностію ²⁾, алтарная преграда въ храмѣ св. Софіи состояла изъ низкой стѣнки, имѣвшей видъ стиловата и доходившей до груди человѣка средняго роста, такъ что, стоя возлѣ этой преграды, можно было на нее облокотиться или опереться, что и дѣлаетъ царь, какъ мы увидимъ ниже, когда къ нему подходятъ чины для цѣлованія любви (*ἀγάπη*). Доски или плиты этой стѣны обложены были серебряными листами. Стѣнка эта поддерживалась 12 колоннами, которыя, подраздѣляя ее на равныя части (*intercolumnia*), высились надъ нею, а вверху покрыты и соединены были великолѣпнымъ антаблементомъ. Колонны, какъ и стѣнки (*intercolumnia*) преграды обложены были серебромъ.

На антаблементѣ были диски съ изображеніями святыхъ апостоловъ и пресв. Богородицы, а на среднемъ дискѣ изображенъ былъ Спаситель, окруженный ангелами и архангелами. Надъ серединою преграды виселъ

нихъ частяхъ *βῆμα*. Здѣсь сказано, что иподиаконы и чтецы могутъ сидѣть *ἐξωθεν τοῦ βήματος* парі τὸν σολέαν, *ὅς δὲ καὶ βῆμα* καλεῖται: ἀναγνώστῶν. Благодаря тому, что солея входитъ въ составъ *βῆμα*, пѣсенница и молитвословія, которыя читались и пѣлись на амвонѣ или солеѣ, назывались *βηματικά* (*Du Sangre. Gloss. Gr. s. v. βηματικά*). О такомъ употребленіи слова *βῆμα* въ смыслѣ всего вообще возвышеннаго пола алтарной конхи, въ томъ числѣ и въ смыслѣ солеи, будетъ рѣчь ниже, когда мы будемъ говорить о приобщеніи царей св. Тамнѣ въ храмѣ св. Софіи въ большіе праздники.

¹⁾ Объ алтарныхъ преградахъ, замѣняемыхъ у насъ высокими иконостасами, представляющими сплошную стѣну, совершенно закрывающую алтарь, см. *Du Sangre, Const. Christ. Ib. III, p. 40—41; Kraus, Realencykl. d. Christlich Alterthümer, s. vv. Altar u Basilica, I, s. 39 и 126 (2 Aufl.); Н. Красносельцевъ, Очерки изъ Исторіи Христіанскаго храма. Казань. 1881, стр. 240 слѣд. Ср. Texier, L'architecture byzantine. Londres. 1864, p. 65 и Salzenberg, Altchristliche Baudenkmale, s. 112.*

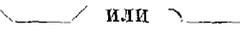
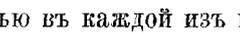
²⁾ Вотъ что говоритъ Павелъ Силенціарій объ устройствѣ алтарной преграды въ храмѣ св. Софіи, *Descriptio S. Sophiae, c. 682* слѣд.

καὶ γὰρ ὅσον μεγάλοι πρὸς ὀρθριὸν ἀντογα νηοῦ
χωρὸν ἀναιμάκτοισιν ἀπεκρίναντο θεηλαῖς,
οὐκ ἐλέψας, οὐ τμήμα λίθων ἢ χαλκός ὀρίζει,
ἀλλ' ὅλον ἐθρίχωνσαν ὑπ' ἀργυρέοισι μετάλλοις.
οὐδὲ μὲν οὐδὲ μόνως ἐπὶ τεύχεσιν...
γυμνάς ἀργυρέας ἔβαλε πλάκας, ἀλλὰ καὶ αὐτοὺς
κίονας ἀργυρέοισιν ὅλους ἐκάλυψε μετάλλοις,
τηλεβόλοις σελάεσσι λαμπρότας, ἐξάνι δοιοῦς.
οἷς ἐπι, καλλιπόνοιο χειρὸς τεχνήμονι βυθμῶ,
ὄψυτέρους κύκλιοι χάλυψ κοιλήνατο δίσκους,
ὄν μέσον ἀχράντισο θεοῦ δείκηλα χαράζας...

Далѣе идетъ описаніе изображеній, находящихся на этихъ дискахъ.

крестъ, завершавшій всю преграду ¹⁾. На средних досках преграды была вырѣзана монограмма Юстиніана и Θεодора, какъ храмоздателей.

Между колоннами алтарной преграды поставлены были три двери, ведшія съ солеи въ алтарь: въ срединѣ большія или среднія св. врата, а направо и налево отъ нихъ малыя, боковыя, т. е. южныя и сѣверныя св. врата.

По словамъ Павла Силенціарія, эти три двери были сдѣланы „въ каждой сторонѣ“ (ἐν ἐκάστη πλευρῇ) по одной. Эти слова, мнѣ кажется, позволяютъ думать, что алтарная преграда шла не по прямой линіи отъ одного столба къ другому, а представляла собою три стороны. Какую именно линію представляла алтарная преграда, сказать, на основаніи словъ Павла Силенціарія, трудно, но естественнѣе всего, на мой взглядъ предположить, что алтарная преграда въ св. Софїи представляла собою если не выдающійся или выступающій на солею полукругъ, то ломаную линію въ родѣ или , въ которой были бы три стороны (πλευρά), съ дверью въ каждой изъ нихъ ²⁾.

Если дѣйствительно алтарная преграда расположена была по такой линіи и выступала на солею, то пространство для алтаря значительно увеличивалось бы и св. престолъ съ киворіемъ могъ стоять не между столбами, на которыхъ изображены архангелы, а предъ ними, слѣдовательно, еще ближе къ обвалившейся восточной аркѣ купола, что давало бы еще болѣе возможности понять извѣстіе Теофана о томъ, что при паденіи этой арки съ прилегающими къ пей и опиравшимися на нее восточною частію купола и западною частію восточнаго полукупола упавшими частями раздавлены и разрушены были не только амвонъ, находившійся подъ восточною частію купола, но и киворій съ стоявшимъ подъ нимъ св. пре-

¹⁾ Относительно изображенія креста, находившагося въ щитѣ, монограммы и св. вратъ Павелъ Силенціарій говоритъ, ст. 712.

ст. 712: Ἐς δὲ μεσας ἱεροῦ πλάκας ἔρκος, αἱ περὶ φῶτας ἐπιέρους τεύχουσι μεταίχμια, γράμμα χρᾶσσει ἢ γλοφίς ἐν πολύμοθον· ἀλλήλῃς γὰρ ἀνάσσης ὄνομα καὶ βασιλῆος· ἴσον γὰρ μὲν ὀμφαλοῦσση ἀσπίδι· μεσσατίοισι τύπον κοιλίηται χώροις σταυρὸν ἀπαγγέλλουσα. διὰ τρισῶν δὲ θύρετρων ἔρκος ὅλον μόσθησιν ἀνοίγεται· ἐν γὰρ ἐκὰσ τη πλευρῇ βατὰ θύρετρα διέτραθεν ἐργασίονος χεῖρ.

²⁾ Если алтарная преграда была трехсторонняя, какъ можно заключить изъ словъ Павла Силенціарія, то, быть можетъ, боковыя стороны или къ передней не по прямой линіи, а составляли продолженіе той нѣсколько изогнутой внутрь линіи, которую образуютъ восточные столбы боковыхъ нишъ въ этихъ нишахъ. Такъ какъ въ алтарной преградѣ было 12 обложенныхъ серебромъ колоннъ, то всего вѣроятнѣе предположить что на каждой сторонѣ было по 4 колонны, но если боковыя стороны были значительно меньше лицевой, то могло быть 8 на лицевой и по двѣ на боковыхъ.

столомъ. Если бы киворій и св. престолъ находились подъ цилиндрическимъ сводомъ, соединяющимъ пространство подъ восточнымъ полукуполомъ съ восточною апсидою (сопрестолиемъ), то, какъ уже было замѣчено, св. престолъ съ киворіемъ остались бы цѣлы или только задѣты рикошетомъ отлетѣвшими отъ пола упавшими частями арки и полукупола.

„За престоломъ (въ каѳедральныхъ соборахъ) устраивается *горнее мѣсто*, называемое *горнимъ престоломъ*. Это есть возвышеніе, на которомъ стоитъ сѣдалище (каѳедра, тронъ) епископа, во время службы изображающаго Господа Славы. По обѣимъ сторонамъ горняго мѣста устраиваются сопрестолія (*σύνδρομοι*), т. е. сѣдалища для сослужащихъ съ епископомъ, изображающихъ собою апостоловъ и его преемниковъ“ ¹⁾.

Вотъ такое именно горнее мѣсто и помѣщалось въ восточной нишѣ восточнаго полукупола св. Софіи, за св. престоломъ, стоявшимъ подъ цилиндрическимъ сводомъ или при входѣ подъ него, подъ восточную часть полукупола. Здѣсь, какъ видно изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Павла Силенціарія, были устроены сѣдалища для священнослужителей, т. е. для патріарха и служившихъ вмѣстѣ съ нимъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, протоіереевъ и іереевъ. Такъ какъ клиръ св. Софіи былъ по своему составу очень значителенъ, а въ торжественныхъ службахъ, кромѣ клира св. Софіи, принимавшаго участіе въ службѣ въ большіе праздники въ полномъ составѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ служили еще бывшіе въ данное время въ Константинополѣ митрополиты, архіепископы, епископы и архимандриты, то для помѣщенія ихъ нужно предполагать много сѣдалищъ, которыя шли полукругомъ въ нѣсколько рядовъ, направо и налево отъ самаго большаго и стоявшаго выше всѣхъ сѣдалища или трона патріарха, и занимали такимъ образомъ значительное пространство по стѣнамъ ниши. Духовные чины размѣщались здѣсь по рангамъ, причемъ высшіе занимали верхній рядъ сѣдалищъ, а нижніе ряды занимались въ нисходящемъ порядкѣ вторыми, третьими и т. д. духовными чинами, причемъ въ каждомъ ряду іерархической порядою выражался близостию къ патріарху или къ срединѣ съ правой и съ лѣвой стороны ²⁾.

¹⁾ Слова протоіер. Конст. Никольскаго (въ его Пособіи къ изученію Устава Богослуженія Православной Церкви, изд. 4-е, Спб. 1888 г., стр. 13).

²⁾ Дюканжъ въ Const. Christ. lib. III, p. 37 въ главѣ о Synthronus приводитъ мѣсто изъ Анонима, въ которомъ сказано: τὰς δὲ βῆσεις τὰς ἐπὶ τῶν ἱερῶν, ἐν αἷς καθέζονται, οὖν τὰς (?) Ἀρχιερέως ἑρόνου καὶ τῶν ταστάρων κόνων καταυρόσασε, ἀτάσας εἰς τὰ ἐκἀπέραντη. Дюканжъ на основаніи этого мѣста говоритъ, что Anonymus septem sedibus tantum, nescio an vere, constituisse haec subsellia refert. Но βῆσεις не значить никогда сѣдалища, и здѣсь рѣчь идетъ не о семи сѣдалищахъ, а о семи рядахъ, о семи ступеняхъ, на которыхъ находились сѣдалища. Это какъ нельзя болѣе ясно видно изъ приведенныхъ далѣе у самого же Дюканжа мѣсть, гдѣ эти βῆσεις называются βιβλίδια. Такъ, Константинъ

Въ обрядахъ Константина Багрянороднаго горнее мѣсто называется *κωκλίον* или *κωκλίον*, какъ называется оно и у Анонима въ описаніи св. Софій. Въ него царь входилъ послѣ поклоненія св. престолу и поклонялся стоявшему здѣсь, слѣдовательно, запрестольному распятію, бралъ у патріарха кадило и кадилъ предъ распятіемъ ¹⁾. Послѣ этого царь цѣловался

Багрянородный въ описаніи Новой Великой Церкви, построенной Василиемъ Македоняниномъ, говоритъ (84 гл. de Basilio Maced., Theoph. Contin. ed. Boiss. p. 326): *καὶ αἱ τῶν ἐκτὸς διείργουσαι τὰ θυσιαστήρια κωκλίδες καὶ τὰ ἐν αὐταῖς περίστολα* (ср. 12 колоннъ св. Софій) *καὶ τὰ ἀνωθεν οἶον ὑπέρθωρα γραμματίζονται* (ср. диски съ изображеніями у Павла Силенціарія) *οἳ τε ἐντὸς θάκκοι* (ср. θάκκοι Павла Силенціарія въ описаніи *σύνθρονος* св. Софій) *καὶ αἱ πρὸ τούτων βαθμίδες καὶ αὐταὶ αἱ ἱεραὶ τράπεζαι: ἐξ ἀργύρου πάντα περιγεγραμμένον ἔχοντες τὸν χρυσὸν καὶ λίθοις τιμίαις ἐκ μαργαριτῶν ἡμφιεσμένοις πολυτελῶν τὴν σύμπηξιν καὶ σύστασιν ἔχουσιν.* Тѣ же *βαθμίδες* упоминаются въ приведенномъ у Дюканжа (I. с.) отрывкѣ изъ Симеона Θεσσαλονικίеσкаго: *ἡ ἄνω καθέδρα τὴν ὑπερουράνιον δείκνυσι: καθέδραν τοῦ Ἰησοῦ, αἱ ὑπ' αὐτὴν δὲ βαθμίδες τὴν ἐκάστου τῶν ἱεραρχῶν καὶ ἱερέων τάξιν τε καὶ ἀνάβασιν, ἐνθα δὴ καὶ οὐ θέμις τιὰ ἕτερον καθῆσαι, οὐδὲ τῶν διακόνων αὐτῶν.* Въ *σύνθρονος* св. Софій такихъ рядовъ, какъ видно изъ Анонима, было семь, каковаго количества нельзя считать слишкомъ большимъ, если имѣть въ виду, что, кромѣ іерарховъ, находившихся въ Константинополѣ и служившихъ въ большіе праздники съ патріархомъ, въ составъ постояннаго клира св. Софій, по новеллѣ Юстиніана, могло входить до 60 пресвитеровъ и протоіереевъ, а при Иракліи число ихъ было увеличено до 80. Дюканжъ, Constant. Christ. lib. III, p. 47. Съ извѣстіемъ Анонима относительно семи рядовъ сѣдалищъ въ *σύνθρονος* совершенно согласно описаніе его у Павла Силенціарія, который говоритъ, что нижніе ряды или ступени были гораздо меньше верхнихъ, помѣщенныхъ у стѣвъ, и, образуя все меньшіе и меньшіе концентрическіе полукруги, приближались къ центру, между тѣмъ какъ верхніе ряды, образуя все большіе и большіе полукруги, удалялись отъ центра.

Ст. 362: ...μέση (κόγχη) δ' ἐξώσατο θάκκος
 μυστιπόλους καὶ βάθρα περίδρομα. καὶ τὰ μὲν αὐτῶν
 ὑστατήν ὑπὸ πέζαν ἀλλιζουσα συνέλκει
 ἐγγύτερον περὶ κέντρον ἐπὶ χθονός· ὅσα δ' ἀνίσχει
 ὑψοθεν, ἐδρόνουσι διάστασιν ἄχρι θοώκων
 ἀργυρέων κατὰ βαιόν, ἀεζομένοισι δὲ κύκλοις
 αἰὲν ἐπεμβαίνουσαν ἐπεκρίσσοι κερλίην.

Изъ этихъ словъ можно, во всякомъ случаѣ, видѣть, что сѣдалища занимали почти всю нишу и мѣста для св. престола здѣсь никоимъ образомъ быть не могло.

Относительно *σύνθρονος* вообще, ср. G o a r, Euchol. p. 15, откуда взяты Дюканжемъ нѣкоторые мѣста, въ томъ числѣ вышеприведенный отрывокъ изъ Симеона Θεσσαλονικίеσкаго. Ср. также K r a u s, Realencyklop. der christlichen Alterthümer, 2 Aufl. II, 816.

¹⁾ Ser. I, 1, 15 сказано, что послѣ поклоненія св. престолу *διὰ τοῦ δεξιῦ μέρους τοῦ αὐτοῦ ἁγίου βήματος εἰσέρχονται οἱ δεσπότες μετὰ τοῦ πατριάρχου εἰς τὸ κωκλίον, ἐν ᾧ ἴδρωται ἡ διάχροσος ἁγία σταύρωσις.* Reiske въ комментарий къ этому мѣсту смѣшиваетъ *κωκλίον* съ *εὐκτήριον* и оба помѣщаетъ въ правой или южной нишѣ алтаря, полагая, что *εἰς τὸ κωκλίον, ἐν ᾧ ἴδρωται* etc. *per compendium dictum fuisse et idem valere atque εἰς τὸ κωκλίον καὶ τὸ ἐν αὐτῷ εὐκτήριον, ἐν ᾧ ἴδρωται* и ссылаясь при этомъ на обрядъ избранія и посвященія патріарха II, 14, 565. Это совершенно невѣрно. Трудно даже понять, какъ могла эта мысль явиться у Reiske, когда далѣе, нѣсколькими строками ниже, въ общемъ обрядѣ I, 1, 16 говорится особенно объ евктіриі, находящемся предъ Мутаторіемъ, и о находящемся тамъ крестѣ. Напротивъ, во II, 14, 565 сказано *per compendium διὰ τοῦ δεξιῦ μέρους τοῦ βήματος καὶ τοῦ κωκλίου εἰσέρχονται ἐν τῷ εὐκτήριῳ, ἐν ᾧ καὶ ἡ ἀργυρᾷ ἴδρωται σταύρωσις*, т. е., здѣсь пропущено поклоненіе царя распятію, находящемуся въ *κωκλίον*, за престоломъ, а кратко сказано, что царь проходитъ, какъ обыкновенно, чрезъ *κωκλίον* въ молебеню, гдѣ также

на прощаніе съ патриархомъ и уходилъ въ такъ называемую молельную (*εὐκτήριον*), т. е. помѣщеніе возлѣ алтаря, гдѣ, быть можетъ, иногда стоялъ и молился патриархъ во время богослуженія. Въ этой молельнѣ стоялъ крестъ съ символами страданій Христовыхъ. Царь, по обыкновенію, поклонялся кресту трижды со свѣчами въ рукахъ и шелъ въ Мутаторій. Такъ какъ въ молельную эту царь шелъ чрезъ восточную нишу (*τὸ κοκλίον*), а изъ этой ниши были дѣйствительно выходы направо и налево, между столбами, на которые опирался восточный полукуполь, и восточною стѣною храма, то можно думать, что царь выходилъ именно чрезъ правую дверь, а молельная (*εὐκτήριον*) находилась, если не въ юговосточномъ углу храма (въ діаконикѣ), то непосредственно примыкала къ нему съ одной стороны, между тѣмъ какъ съ другой она примыкала къ одному изъ отдѣленій царскаго Мутаторія, такъ что патриархъ провожалъ царя или только до молельни или до Мутаторія ¹⁾.

стояло распятіе. Ср. II, 38, 636. Точно такъ же, какъ въ св. Софій, цари уходятъ διὰ τοῦ ἐνδοῦ τοῦ βήματος κοκλίου изъ храма Всѣхъ Святыхъ въ *εὐκτήριον* царицы св. Теофаніи. II, 7, 537. О значеніи *κοκλίον*, равносильномъ апсидѣ или экседрѣ, выходящей за стѣну храма и заключающей въ себѣ сѣдалища священнослужителей, можно заключать также изъ словъ Анонима, приведенныхъ Дюканжемъ въ Constantinop. Christ. p. 30: ἀναδύων τε εἰσπορεύεσθαι ἐν τῷ ἱερόματι (чит. εἰλήματι) τῷ καλούμενῳ κοκλίῳ, ὅπερ ἐστὶν ὑποκάτω τῶν βασιλευσίων, τοῦτο ἄγια ἄγιον προσεγγύρευσεν. Ср. Banduri, Imperium Orientale, pars III, p. 64 В. Относительно значенія слова ἱερόμα и его правильного написанія ср. мой Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 133, прим. 2.

¹⁾ Молельнями (*εὐκτήριον*, *capella*), которыхъ было много во Дворцахъ (см. мой Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, Byzantina, I кн., стр. 30, 53 и 97) и храмахъ, назывались небольшія помѣщенія или отдѣленія храмовъ или домовъ, въ которыхъ устраивалась маленькая церковь съ алтаремъ въ честь какого-нибудь святаго или пресвятой Богородицы. И здѣсь подъ евктиріемъ, по всей вѣроятности, разумѣется такая же маленькая церковь, примыкавшая къ юговосточному углу храма св. Софій. Но точно указать ея мѣсто, за уничтоженіемъ бывшихъ здѣсь обширныхъ пристроекъ, для меня, по крайней мѣрѣ, трудно. Эту молельную, повидимому, описываетъ нашъ памятникъ Антоній Новгородскій, который, сказавъ, что находился въ алтарѣ на правой, южной сторонѣ, говорить: въ притворѣ же за великимъ алтаремъ вчинены въ стѣнѣ гроба Господня верхняя доска и посохъ желѣзень туже и свердлы и пилы, ими же чинень крестъ Господень; и уже желѣзно во дверехъ Петровы темницы; и древо, иже на шіи у Христа подъ желѣзомъ было, *тоже вчинено въ икону крестомъ* (Путешествіе Новгородскаго Архіепископа Антонія въ Цареградъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Савваитова, Спб. 1872, стр. 90). По словамъ Константина Багрянороднаго (Cerin. I, 1, 16) въ этой молельнѣ былъ честной крестъ, ἐν ᾧ πάντα τὰ σύμβολα τοῦ πάθους τοῦ Κυρίου ἐμφέρονται, т. е. крестъ, въ которомъ находились, въ который вставлены были символы (т. е. орудія) страстей Христовыхъ. А что здѣсь описываются пристройки съ правой стороны св. Софій, это видно какъ изъ примаго замѣчанія Антонія, такъ и изъ того, что послѣ перечисленія означенныхъ святынь, Антоній, идя, очевидно, по тому же притвору съ востока къ западу, видѣлъ «туже» св. Бладезь, Ерихонскія трубы, находившіяся въ св. Бладезѣ, и Крестильню (*βαπτιστήριον*), а всѣ эти помѣщенія, какъ мы увидимъ, были, несомнѣнно, на южной сторонѣ, въ южной пристройкѣ (притворѣ). За алтаремъ св. Софій былъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, храмъ св. Николая, который также называется *εὐκτήριον*,

За молебнею, къ юговосточному углу св. Софїи примыкаль, вѣроятно, царскій Мутаторій (*μητατόριον, μετατόριον, metatorium, μουτατόριον, mutatorium*). Въ пользу помѣщенія Мутаторія направо отъ алтаря говорятъ какъ обряды Константина Багрянороднаго, по которымъ, какъ мы увидимъ, царь изъ своего Мутаторія выходитъ прямо въ св. Кладезь, не переходя церкви, а св. Кладезь примыкаль къ св. Софїи съ правой или южной стороны, противъ южныхъ дверей храма, такъ и прямое свидѣтельство Павла Силенціарія, который говоритъ, что южная сторона храма устроена такъ же, какъ и сѣверная, но на южной сторонѣ находится отдѣленное стѣною мѣсто, гдѣ царь слушаетъ чтеніе священныхъ книгъ¹⁾. Съ этимъ совершенно согласно извѣстіе Кедрина относительно Льва Мудраго: когда патріархъ, за незаконную женитьбу на Зоѣ Карвонопсинѣ, запретилъ Льву входъ въ храмъ, то онъ проходилъ въ Мутаторій прямо чрезъ правую (отъ входныхъ западныхъ дверей) часть храма²⁾,

но онъ ли здѣсь разумѣется или какая нибудь другая капелла, сказать трудно, точно такъ же какъ трудно сказать, гдѣ собственно находилась эта молебня, въ предѣлахъ ли храма, или только примыкала къ нему, подобно храмамъ ап. Петра и св. Николая.

¹⁾ Pauli Silent. descriptio s. Sophiae, c. 580:

Δύεις καὶ νοτίην βορεώτιδι πᾶσαν ὁμοίην
μηκεδανὴν αἰθουσαν, ἔχει δὲ τι καὶ πλεον ἡδε-
τεῖχει γάρ τινα χώρον ἀποκρινθέντα φυλάσσει
Δύσωνιον βασιλῆϊ θεοστέπτοις ἐν ἑρταῖς.
ἐνθαδ' ἐμὸς ἀληπτὸυχος ἐφήμενος ἡθάδι θόκω
μουστοπόλοις βίβλοισιν ἐὶν ἐπέτασεν ἀκουήν.

Здѣсь Павелъ Силенціарій разумѣеть, очевидно, не только то мѣсто, гдѣ царь собственно молился, но и вообще весь Мутаторій, въ которомъ было нѣсколько отдѣлений, имѣвшихъ особыя назначенія. Всѣ эти помѣщенія были, по словамъ Павла Силенціарія, отдѣлены стѣною, такъ что царь не видимъ былъ для стоящихъ въ храмѣ и церковно-служителей.

²⁾ По словамъ Кедрина (*Histor. Comp. II, 265 Bonn. Cp. Theoph. Contin. p. 370 Bonn.*), Левъ, незаконно повѣнчанный съ Зоею священникомъ Θεομοю, короновалъ ее въ царицы (августы). «Велѣдствіе этого патріархъ (Николай Мистикъ) запрещалъ царю входить въ храмъ (εἰς τὴν ἐκκλησίαν), благодаря чему царь проходилъ въ Мутаторій чрезъ правую сторону». Патрикій Самона, паракимомень, «убѣдилъ царя заставить патріарха насильно принимать даря въ храмѣ». Царь пригласилъ патріарха къ себѣ и просилъ его ласково объ этомъ, но когда тотъ не послушался, царь приказалъ отправить его въ ссылку въ монастырь. Изъ этого извѣстія Кедрина видно, что Николай воспретилъ царю входъ въ храмъ, не только въ алтарь, и не хотѣлъ встрѣчать его при входѣ въ храмъ, какъ это обыкновенно бывало, какъ мы увидимъ, въ праздничные выходы. Левъ, такимъ образомъ, входилъ въ свой Мутаторій, вѣроятно, прямо чрезъ св. Кладезь, не заходя въ храмъ собственно, или проходилъ въ храмъ по крытымъ переходамъ, ведшимъ отъ Триконха чрезъ храмъ Господа и Магавру къ юговосточному углу храма св. Софїи, гдѣ находился царскій Мутаторій. У Симеона Магистра сказано, что послѣ запрещенія входить въ храмъ, Левъ ἤρχετο ἀπὸ δεξιῶν μέρους μέχρι τοῦ Μετατορικίου (*Syn. Mag., ed. Bonn. 708; почти тоже у Георг. Монаха, ibid. 865*). Предполагать, что Левъ ходилъ чрезъ правую сторону храма потому нельзя, что Льву запрещенъ былъ входъ не въ алтарь только, но и въ храмъ, такъ какъ Левъ VI былъ въ извѣстной степени отлученъ отъ церкви: вмѣстѣ съ запрещеніемъ входить въ храмъ онъ лишенъ былъ права на приобщеніе св. Таинъ (*ὁ πατριάρχης Νικόλαος*;

т. е., вѣроятно, чрезъ св. Кладезь или крытый ходъ изъ Дворца въ св. Софію. Въ виду того, что царь въ Мутаторіи нѣсколько разъ во время литургіи облачался и переоблачался, Мутаторій, безъ сомнѣнія, былъ закрытъ со всѣхъ сторонъ, такъ какъ переоблаченіе могло происходить только въ помѣщеніи, закрытомъ со всѣхъ сторонъ. Помѣщеніе это было, по всей вѣроятности, довольно велико, такъ какъ царь здѣсь не только завтракалъ послѣ причастія св. Таинъ съ нѣкоторыми изъ высшихъ чиновъ, но принималъ поздравленія чиновъ послѣ коронаціи, а для ввода чиновъ и помѣщенія ихъ требовалось не мало мѣста ¹⁾. Въ послѣдніе вѣка Византійскаго царства, когда цари жили во Влахернскомъ Дворцѣ, цари пріѣзжали иногда въ св. Софію съ вечера и ночевали въ Мутаторіи ²⁾.

Если принять во вниманіе все это, то необходимо признать, что въ Мутаторіи было нѣсколько отдѣленій. Кромѣ вышеназванной моельни, которая, впрочемъ, быть можетъ, и не входила въ составъ Мутаторіи собственно, хотя и въ ней царь могъ стоять и молиться во время богослуженія, въ составъ царскаго Мутаторія, безъ сомнѣнія, входилъ, прежде всего, мутаторій собственно, т. е. комната для облаченій и переоблаченій царя; а такъ какъ царь обыкновенно облачался и переоблачался, какъ мы видѣли (см. выше, стр. 51, прим. 3), въ покояхъ (*κοιτώνας*), то этотъ мутаторій могъ служить и покоемъ (*κοιτών*), т. е. мѣстомъ отдохновенія для царя. Потомъ въ храмѣ св. Софіи, по всей вѣроятности, былъ отдѣльный параклиптикъ (*τὸ παρακλιτικόν*), въ которомъ царь стоялъ или сидѣлъ во время богослуженія, если въ качествѣ параклиптика не служило одно изъ вышеназванныхъ помѣщеній. Наконецъ, особое и притомъ очень большое помѣщеніе, состоявшее, по всей вѣроятности, изъ нѣсколькихъ отдѣленій, нужно было для царскихъ завтраковъ и приемовъ чиновъ. Въ одномъ изъ отдѣленій этого помѣщенія (триклина) стояли, вѣроятно, тѣло-

---

καὶ οἱ μητροπολίται ἀφορίζουσι τῆς ἐκκλησίας, сказано въ *ὑπόθεσις* къ соборному постановленію о возсоединеніи Церкви, Zachariae a Lingenthal, *Jus Græco-Romanum*, t. III, 227). Притомъ, если бы царь, не смотря на запрещеніе патріарха, входилъ въ храмъ безъ обычной встрѣчи со стороны патріарха, то Льву пришлось бы каждый разъ своимъ входомъ напоминать всѣмъ собравшимся въ храмъ о своемъ незаконномъ поступкѣ и скандализировать публику.

¹⁾ Завтракалъ царь въ Мутаторіи св. Софіи во всѣ Господніе праздники, въ которые царь слушалъ здѣсь литургію и приобщался св. Таинъ. Относительно приема поздравленій въ коронацію, прямо послѣ коронованія, см. I, 38, 193.

²⁾ Anonim., *Antiquit. Constantinop.* lib. IV, у Vanduri, *Imperium Orientale*, pars III. p. 67, *καὶ Μεταφόριον, ἐν ἑκάστῃ ἀνάγκῃ κοίτωνά φραγὸν διαύροισον, ἴνῃ... ἕκαστος καθεύδῃ*. Анонимъ приписываетъ Юстиніану такую цѣль постройки Мутаторія, безъ сомнѣнія, съ точки зрѣнія своего времени, такъ какъ Юстиніану не было необходимости ночевать и спать въ св. Софіи, въ виду близости Большаго Дворца.

хранители и чины кубукуля, находившіеся при царѣ въ Мутаторіи во время богослуженія ¹⁾).

Въ пользу такого предположенія говоритъ, кромѣ вышеназванныхъ дѣйствій царя въ Мутаторіи, и то обстоятельство, что и въ другихъ храмахъ, куда ходилъ или ѣздилъ царь на богомолье, упоминаются подобныя же отдѣльныя помѣщенія. Таеъ, въ храмѣ св. Сергія и Вакха упоминаются: модельня (εὐχτήριον), паракиптикъ ²⁾, гдѣ царь стоялъ во время литургіи, мутаторій и триклинь (I, 12, 88).

Паракиптикъ (т. е. мѣсто, гдѣ царь стоялъ или сидѣлъ невидимо для

¹⁾ Хотя Reiske совершенно правильно думаетъ, что mutatorium simpliciter sic dictum erat in Cyclo seu minore concha Apsidis et australi, atque id sacerdotibus proprium; aliud metatorium Imperatori aut et proceribus proprium supra Narthecem, тѣмъ не менѣе онъ правильно предполагаетъ въ Мутаторіи вообще три помѣщенія, по крайней мѣрѣ: а) triclinium, in quo Imperator convivabatur, б) metatorium, ubi Imperatores vacabant... aut sacrorum librorum lectioni aures dabant, в) coeton, ubi probabile est, Imperatorem vestitum et paratum fuisse aut etiam cubasse, si quando in ecclesia pernoctaret (Commentarius, p. 111). Въ обрядахъ Придворнаго Устава слово Мутаторій пишется обыкновенно Μητατόριον, каковое написаніе было извѣстно Дюканжу на ряду съ позднѣйшимъ написаніемъ Μιτατόριον, вышедшимъ, очевидно, изъ Μητατόριον. Дюканжъ производитъ эти слова отъ Μητάτον Metatum, Mansio, Domus и понимаетъ Μητατόριον въ смыслѣ діаконика (Gloss. Gr. I, 919 и Constant. Christ., lib. III, p. 49), на основаніи одного мѣста изъ Euchol., гдѣ сказано, что патріархъ κατέρχεται ἐν τῷ Μετατόριῳ ἦρον τῷ Διακονικῷ. Очень возможно, что въ позднѣйшее время эти помѣщенія, какъ смежныя, смѣшивались и были оба въ распоряженіи патріарха, но во время написанія обрядовъ Придворнаго Устава Μητατόριον никогда не называется діаконикомъ и имѣетъ спеціальное назначеніе, хотя, конечно, во все остальное время, кромѣ большихъ выходовъ, помѣщенія Мутаторія могли служить и для другихъ цѣлей, между прочимъ, и для такихъ, для которыхъ служилъ діаконикъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ виду того, что въ древнѣйшихъ обрядахъ, сохранившихся въ Придворномъ Уставѣ и принадлежащихъ современнику Юстиніана I, Петру Магистру, Μητατόριον позднѣйшихъ обрядовъ, находившійся въ красныхъ вратахъ, называется Μουτατόριον, Mutatorium, т. е. мѣсто для переоблаченія (I, 91, 415; I, 92, 425), полагаю, что Μητατόριον представляетъ собою позднѣйшее видоизмѣненіе болѣе древняго Μουτατόριον, образовавшееся по аналогіи съ болѣе употребительнымъ и по значенію болѣе или менѣе подходящимъ μητάτον, μετάτον, лат. metatum, и называю Μητατόριον Придворнаго Устава Мутаторіемъ. Кстати замѣчу здѣсь, что въ первомъ изъ сейчасъ указанныхъ обрядовъ Петра Магистра, коронуемый царь, послѣ принесенія даровъ, изъ алтаря уходитъ εἰς τὸ παρατίχλιον, гдѣ слушаетъ Евангеліе, другими словами: Мутаторій возлѣ діаконика называется здѣсь παρατίχλιον. Это слово очень затрудняло Reiske, который, заявивши, что онъ не знаетъ значенія этого слова, высказываетъ, однакожъ, разныя гадательныя толкованія; онъ считаетъ возможнымъ понимать это слово въ смыслѣ paratorium или diasopisium, и предлагаетъ читать παρατίχλιον вмѣсто παρατριχλίμιον или παραουκλίον. Мнѣ кажется, что значеніе этого слова Reiske понялъ близко къ истинѣ; оно, дѣйствительно, значить, по всей вѣроятности, paratorium въ смыслѣ mutatorium, но производить его лучше отъ латинскаго слова, а не греческаго: Παρατίχλιον = παρατίχλιον, а παρατίχλιον, по аналогіи съ другими подобными словами, можно произвести тольکو отъ paraticulum, т. е. locus, ubi se parabant, id est vestes indutebant, какъ объясняетъ Reiske paratorium (Comment. p. 428). Ср. cubiculum и κουβουκλειῶν, κουβούκλιον.

²⁾ Cerim. I, 12, 88 Лейхъ перевелъ τὸ παρακοπιτικόν eminentior pars sacrarii, а I, 17, 103 capella. Reiske въ Comment. къ первому мѣсту (p. 195) говоритъ, что ἐν τῷ παρακοπιτικῷ τοῦ ἑσισατηρίου значитъ in fenestra, qua in sacrificatorium despicit e Catechumenis.

публики, но самъ все видѣлъ и слышалъ, отъ *парахѳтеи*) и китонъ были при храмѣ св. Мокія (I, 17, 103). Во Влахернскомъ храмѣ царь, стоя въ молельнѣ, слушаетъ литургію, потомъ входитъ въ китонъ (I, 27, 152—153).

Въ храмѣ пресв. Богородицы Источника были: китонъ, мутаторій, триелинъ, въ которомъ царь завтракаетъ съ патриархомъ и чинами, и кромѣ того еще особое мѣсто, находясь въ которомъ царь слушаетъ литургію, т. е. паракиптикъ или, быть можетъ, евкитрій (I, 18, 109 и 113).

Въ храмѣ св. Софіи этихъ помѣщеній было, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ въ любой изъ означенныхъ церквей, и помѣщенія эти были, безъ сомнѣнія, больше, роскошнѣе и просторнѣе. Такъ какъ всѣ эти комнаты и покои были внизу, направо отъ алтаря, а здѣсь, въ предѣлахъ храма, свободнаго мѣста, кромѣ діаконика ¹⁾, не было, то необходимо предположить, что почти всѣ эти помѣщенія находились внѣ стѣнъ храма, въ пристройкѣ съ южной стороны, на востокъ отъ св. Кладезя до угла (юговосточнаго) св. Софіи. Въ стѣнахъ храма, быть можетъ, находилось только помѣщеніе, въ которомъ царь слушалъ литургію. Да и это помѣщеніе (паракиптикъ) было, безъ сомнѣнія, отдѣлено отъ остальнаго діаконика стѣною. Близъ него могъ помѣщаться и Мутаторій собственно, въ который царь входитъ по выходѣ изъ евкитрія для снятія хламиды, безъ которой онъ стоялъ во время службы. Что касается до триклина или

Nam παραχθεται est prospicere. Est igitur παραχθτικόν prospectorium; въ примѣчаніи ко второму мѣсту Reiske одобряетъ переводъ παραχθτικόν посредствомъ capella и говорить, ссылаясь на приведенное сейчасъ объясненіе: Quamvis enim proprie fenestram, unde prospici et despicí queat, significet, procul dubio tamen ibi capella, oratorium erat, in quo Imperator divino cultui vacaret. Хотя объясненіе Reiske первоначальнаго значенія слова παραχθτικόν вполне вѣрно, а переноснаго близко къ истинѣ, тѣмъ не менѣе необходимо замѣтить, что переводить τὸ παραχθτικόν посредствомъ лат. capella едва-ли возможно. Capella, oratorium скорѣе соотвѣтствуютъ εὐκτήριον, какъ обыкновенно и передается это слово въ латинскомъ переводѣ Придворнаго Устава, а τὸ εὐκτήριον вовсе не тождественно съ τὸ παραχθτικόν, какъ ясно видно изъ упоминаній того и другаго почти рядомъ. Такъ, въ I, 12, 88 царь, подпавшись въ катихуменіи храма свв. Сергія и Вакха, молится сначала Ἐν τῷ εὐκτήριῳ пресв. Богородицы, а потомъ уходитъ и становится Ἐν τῷ παραχθτικῷ, въ которомъ онъ обыкновенно стоитъ въ каждый богомольный выходъ сюда и слушаетъ литургію. Евкитріями назывались въ храмахъ придѣльные алтари или престолы, помѣщавшіеся въ какойнибудь части храма, вверху и внизу, но не рядомъ съ главнымъ алтаремъ, а паракиптиками—особыя помѣщенія, стоя въ которыхъ можно видѣть и слышать богослуженіе, но быть въ то же время невидимымъ для другихъ. Въ нихъ, безъ сомнѣнія, стояли иконы, предъ которыми царь молится и возжигаетъ свѣчи (I, 12, 88), и только въ такомъ смыслѣ они могутъ быть названы капеллами или ораторіями, а не въ смыслѣ εὐκτήρια, въ которыхъ также иногда царь стоялъ во время литургіи, напр. I, 27, 151.

¹⁾ Подъ діаконикомъ я разумѣю не правую экседру восточной конхи, а пространство направо отъ нея до юговосточной стѣны храма (см. выше, стр. 119 и 120).

залы, въ которой царь завтракалъ, то она, несомнѣнно, находилась за стѣною; потому что, какъ мы увидимъ, царь, послѣ завтрака, изъ Триклина входилъ прямо въ св. Кладезь, не заходя въ храмъ и не проходя въ св. Кладезь изъ храма чрезъ южныя двери храма, чрезъ которыя онъ входилъ въ извѣстные дни въ храмъ. Царь такимъ образомъ изъ Триклина, находившагося у юговосточнаго угла св. Софіи, шелъ на западъ, къ южнымъ вратамъ храма, къ которымъ примыкалъ св. Кладезь. Кромѣ означенныхъ входовъ и выходовъ въ Мутаторій, въ него можно было войти чрезъ южный корабль храма и чрезъ южную нишу (правый клиросъ), не заходя въ алтарь ¹⁾. Чрезъ этотъ ходъ выходилъ въ извѣстныхъ случаяхъ царь въ храмъ во время литургіи, но не выходилъ чрезъ него изъ Мутаторія для выхода изъ храма, а шелъ, какъ было сейчасъ сказано, изъ Триклина прямо въ св. Кладезь.

Св. Кладезь, примыкая къ Триклину Мутаторія одной стороною и сообщаясь съ нимъ посредствомъ двери, представлялъ собою родъ нарѣика или паперти предъ южными вратами св. Софіи. Потому, когда царь входилъ въ храмъ не чрезъ западныя красныя врата св. Софіи, онъ входилъ обыкновенно чрезъ св. Кладезь, а изъ него чрезъ южныя врата въ храмъ. Это бывало въ Великую Субботу и въ тѣ праздники, въ которые цари изъ св. Софіи шли съ крестнымъ ходомъ въ другой храмъ. Чрезъ св. Кладезь же собственно проходили цари ²⁾, на возвратномъ пути изъ храма св. Софіи въ Большой Дворецъ въ большіе праздники, такъ какъ цари шли на возвратномъ пути обыкновенно чрезъ Хитъ Халки, а этотъ ходъ приводилъ къ св. Кладезю. Къ св. Кладезю примыкалъ портикъ, въ которомъ происходилъ первый приѣмъ димовъ на возвратномъ пути и послѣдній на пути въ св. Софію чрезъ южныя врата. Изъ св. Кладезя можно было посредствомъ витой лѣстницы подняться въ верхній этажъ праваго корабля, катихуменіи, какъ поднимаются цари въ обрядѣ хиротоніи патріарха Теофилакта (II, 38, 636). Кромѣ самаго храма и Триклина Мутаторія, св. Кладезь сообщался посредствомъ особыхъ переходовъ съ пристройками за восточной стѣной св. Софіи; этими переходами проходитъ царь въ св. Кладезь въ Великую Субботу изъ ризницы св. Софіи. Эти

¹⁾ Въ этомъ случаѣ нужно было, на пути въ Мутаторій, проходить чрезъ діаконикъ, т. е. пространство направо отъ восточной конхи, а сюда можно было пройти прямо не только изъ алтаря, но и изъ южнаго корабля и съ седеи чрезъ боковую южную акседру.

²⁾ Изъ Триклина царскаго Мутаторія вела въ св. Кладезь малая дверь, на порогъ которой въ большіе праздничные выходы царь останавливался съ патріархомъ и раздавалъ «благодѣянія» церковнослужителямъ св. Софіи и нищимъ, стоявшимъ въ св. Кладезѣ предъ этою дверью (I, 35, 183 и 184. Ср. I, 1, 18; I, 9, 68; I, 23, 135).

переходы называются узкими переходами св. Николая (διὰ τοῦ ὀπισθεν τοῦ βήματος στενοῦ διαβατικοῦ τοῦ ἁγίου Νικολάου I, 35, 183 и 184) ¹⁾.

Въ св. Кладезѣ въ особой нишѣ, закрывавшейся завѣсою, патріархъ надѣвалъ на царя вѣнецъ, послѣ чего царь прощался съ патріархомъ и выходилъ въ портіеъ св. Кладезя.

Названіе этой пристройки по однимъ извѣстіямъ произошло отъ того, что здѣсь была картина, изображавшая І. Христа съ самарянкою у колодца, а по другимъ оттого, что здѣсь надъ водоемомъ находились перенесенные сюда изъ Самаріи остатки этого самаго колодца. Очень возможно, что здѣсь находилось и то и другое. Во всякомъ случаѣ, отверстіе св. Кладезя здѣсь было, потому что когда царь входилъ въ св. Софію чрезъ св. Кладезь, онъ здѣсь совершалъ троскратное поклоненіе со свѣчами въ рукахъ предъ св. Кладеземъ (I, 1, 27) и прикладывался къ нему.

Русскіе паломники видѣли этотъ Самарійскій Кладезь въ числѣ другихъ наиболѣе замѣчательныхъ святыхъ св. Софіи: одни, болѣе ранніе (Антоній Новгородскій), въ томъ именно притворѣ, въ которомъ онъ былъ во времена составленія Придворнаго Устава, а другіе, болѣе поздніе, по видимому, въ алтарѣ, куда, быть можетъ, онъ перенесенъ былъ послѣ Латинскаго плѣна ²⁾.

Всѣ эти пристройки съ южной и восточной стороны св. Софіи были, по всей вѣроятности, очень обширны и помѣстительны, такъ какъ во второмъ этажѣ ихъ, съ которымъ нижпій этажъ сообщался нѣсколькими лѣстницами, находились также Мутаторіи царскій и патріаршій и Патріаршія Палаты, комнаты для самого патріарха и ближайшихъ къ нему духовныхъ чиновъ и служителей, а равно и залы для собраній и засѣданій духовныхъ чиновъ. Здѣсь же, вѣроятно, были помѣщенія для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, главныхъ учрежденій и отраслей духовнаго

¹⁾ Эти переходы св. Николая названы такъ оттого, что къ нимъ примыкалъ или близъ нихъ находился небольшой храмъ (молельня *εὐκτήριον*) съ престоломъ въ честь св. Николая. Объ этомъ храмѣ св. Николая и переходахъ за алтаремъ св. Софіи будетъ рѣчь ниже.

²⁾ О св. Кладезѣ (τὸ ἅγιον Φρέαρ) см. Du Sang e, Const. Christ. lib. III, p. 46, гдѣ приведены свидѣтельства о причинахъ названія этого мѣста св. Кладеземъ. Кладезь Самарійскій видѣлъ нашъ паломникъ Антоній Новгородскій и притомъ именно на правой, т. е. южной сторонѣ (а не на сѣверной, какъ думаетъ проф. Кондаковъ, Византійск. Церкви, стр. 116). У Ановимаго паломника, изданнаго И. Н. Майковымъ, также сказано: «ту есть направо въ придѣлѣ столбецъ, на коемъ сидѣлъ Христосъ съ самарянынею бесѣдуя» (стр. 13). Изъ словъ нашихъ путешественниковъ XIV и XV вв. можно заключать, если показанія ихъ точны, что въ то время этотъ столбецъ находился уже въ самомъ алтарѣ. Такъ, діакъ Александръ, посѣтившій Константинополь между 1391—1395 гг., прямо говоритъ: въ алтарѣ есть камень, на немъ же сидѣлъ естъ Спасъ, бесѣдуя съ женою самарянынею при кладези Іаковли (Архим. Леониды, I. с., стр. 14). Тоже говоритъ іеродіакоуъ Зосима, бывшій въ Константинополѣ въ 1420 году (*ibid.*).

управленія. Указанія Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго не оставляютъ никакого сомнѣнія, что *Патріаршія Палаты примыкали къ катихуменіямъ правой или южной стороны и стояли съ ними въ непосредственной связи*. Эти указанія подтверждаются свидѣтельствами какъ греческихъ писателей, такъ и случайными замѣтками русскихъ паломниковъ ¹⁾.

Такъ, въ Праздникъ Православія, т. е. въ воскресенье первой недѣли Великаго Поста, царь изъ Дворца по переходамъ Магнавры доходитъ до юговосточной части храма и, поднявшись по деревянной лѣстницѣ (*διὰ τῆς ξυλίνης σκάλας*), входитъ въ катихуменіи правой стороны и въ прилегающемъ къ катихуменіямъ верхнемъ Мутаторіи, который былъ, вѣроятно, надъ нижнимъ Мутаторіемъ ²⁾, переодевается, а когда наступитъ время выхода для встрѣчи крестнаго хода, царь выходитъ въ Большую Палату патріаршаго секрета (т. е. въ большую залу собраній и засѣданій духовнаго синклита), гдѣ его привѣтствуютъ всѣ чины синклита съ патріархіями во главѣ (I, 28, 157). Въ Крестовоздвиженіе (14 сентября) царь, прибывши въ храмъ св. Софїи такимъ же точно образомъ, какъ въ Недѣлю Православія, въ катихуменіи, садится и дожидается патріарха на правой сторонѣ ихъ (*ἐν τοῖς δεξιotoῖς μέρεσιν*), т. е., вѣроятно, въ Мутаторіи, а съ прибытіемъ патріарха, выходитъ вмѣстѣ съ нимъ въ „Малый

¹⁾ Дюканжъ въ Constantin. Christiana, lib. II, p. 113—114 (Venet.) описываетъ Патріаршія Палаты (τὸ Πατριαρχεῖον, τὸ ἱερόν ἀνάκτορον или τὸ Ἐπισκοπεῖον) и приводитъ извѣстія о нихъ и частяхъ ихъ, которыя находятся у греческихъ писателей; но, не зная точныхъ и ясныхъ указаній Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, Дюканжъ не говоритъ опредѣленно о положеніи Патріаршихъ Палатъ относительно храма св. Софїи, ограничиваясь неопредѣленнымъ: *haud procul a Magna Ecclesia*. Нѣкоторыя залы или триклины этихъ Палатъ, такъ называемыя *σέκρητα*, принимая ихъ за *tribunalia* или *iudicia*, Дюканжъ разсматриваетъ совершенно отдѣльно отъ Патріаршихъ Палатъ, въ числѣ другихъ гражданскихъ и военныхъ трибуналовъ и судебныхъ мѣстъ, хотя нѣкоторыя изъ этихъ патріаршихъ *σέκρητα* были, какъ мы увидимъ, несомнѣнно, въ Патріаршихъ Палатахъ и примыкали непосредственно къ катихуменіямъ (*ibid.*, p. 126—127).

Скарлатъ Византій въ своемъ описаніи Патріаршихъ Палатъ, которыя онъ называетъ *ὁ οἶκος τοῦ Πατριάρχου* и помѣщаетъ, какъ и Дюканжъ, *πλησίον τῆς Ἁγίας Σοφίας*, повторяетъ только то, что сказано и приведено у Дюканжа. Указанія Устава Константина Багрянороднаго для Скарлата Византія остались незамѣченными или цепенатыми. (Н Константинопόλις, Ἀθήνησιν, 1851, Τόμος Α', σελ. 517—519).

²⁾ Оба Мутаторія соединялись витой лѣстницею, по которой цари и поднимаются изъ нижняго Мутаторія въ верхній въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста (*διὰ τοῦ ἐκείσε* (т. е. въ нижнемъ Мутаторіи), *τοῦ μὴτατορικίου κολλίου*). II, 10, 548. По ней же, вѣроятно, поднимаются чины кувуклія изъ нижняго Мутаторія, гдѣ стоялъ царь, въ верхній, гдѣ находилась царица, для ввода къ царицѣ придворныхъ дамъ во время литургіи въ первый день Пасхи (I, 9, 67), а по окончаніи этого ввода опять спускаются въ нижній Мутаторій (*ibid.*, 68). Объ этомъ приѣмѣ будетъ сказано ниже подробнѣе, при изложеніи особенностей выхода въ Пасху. О выходахъ въ Недѣлю Православія, Крестовоздвиженія и понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста будетъ рѣчь въ концѣ этого очерка.

Секретъ“, т. е. въ Малую Палату собраній, гдѣ находилось Честное Древо (ἔνθα πρόκεινται τὰ τίμια ξύλα), прикладывался къ нему, послѣ чего, когда начинали пѣть: „Слава въ вышнихъ Богу“, патриархъ бралъ Честное Древо и выходилъ съ духовенствомъ и царемъ въ Великій Секретъ, т. е. въ вышеупомянутую Большую Палату, гдѣ царя привѣтствовали всѣ чины синклита и присоединялись къ процессіи (I, 22, 125—126).

Въ Недѣлю Православія, царь, встрѣтивъ крестный ходъ и войдя съ патриархомъ въ алтарь, выходитъ оттуда боковымъ ходомъ и, пройдя за алтарь, поднимается по витой лѣстницѣ, находившейся за алтаремъ (διὰ τοῦ κοιλίου τοῦ πλισθεν τῆς κόγχης ἀνελθών) ¹⁾ въ катихуменіи, а оттуда въ свой верхній Мутаторій, гдѣ слушаетъ Евангеліе и ектенію, а потомъ переходитъ въ Мутаторій патриарха (εἰς τὸ μητατόριον τοῦ πατριάρχου), гдѣ и дожидается конца литургіи, по окончаніи которой къ нему приходитъ патриархъ и приглашаетъ его къ себѣ на завтракъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ чиновъ синклита. По окончаніи завтрака, при патриархѣ Теофилактѣ, сынѣ Романа Лакапина, въ той части Патриаршихъ Палатъ, гдѣ находился евктирій (моделъня или домовая церковь) св. Теофилакта, подавался десертъ (τὸ δούλ: γ). I, 28, 160.

Изъ словъ атриелина Филоея видно, что обѣдъ или завтракъ, въ которомъ, кромѣ чиновъ царскаго синклита, участвовало высшее духовенство (митрополиты, архіепископы, епископы и пр.), происходилъ въ вышеупомянутой Большой патриаршей Палатѣ (ἐν τῷ λαμπροτάτῳ καὶ μεγάλῳ πατριαρχικῷ σεκρέτῳ, Cerim, II, 52, 761—762) ²⁾. Какъ эта Большая Палата, такъ и Малая (τὸ μικρὸν σεκρέτον, въ которой полагалось Честное Древо), упоминаются, кромѣ того, въ извѣстіяхъ объ иконоборческомъ патриархѣ Никитѣ, который въ обѣихъ этихъ палатахъ, равно какъ и во всѣхъ Патриаршихъ Палатахъ, велѣлъ соскоблить мозаичныя и рисованныя иконы Спасителя и святыхъ ³⁾.

¹⁾ Эта витая лѣстница (ὁ κοιλίας) находилась, по всей вѣроятности, въ пристройкахъ съ восточной стороны храма, около переходовъ св. Николая. Очень возможно, что царь изъ алтаря выходитъ чрезъ ту же боковую дверь, чрезъ которую онъ выходитъ въ Великую Субботу, или соотвѣтствующую ей направо отъ алтаря, т. е. собственно изъ діаконика въ пристройки съ восточной стороны храма.

²⁾ Въ этомъ же μεγάλῳ σεκρέτῳ происходилъ обѣдъ во вторникъ Масляницы, когда архіепископъ Константинополя приглашалъ царя вмѣстѣ съ его синклитомъ въ святыя великія Патриаршія Палаты (ἐν τῷ εὐαγεῖ Μεγάλῳ Πατριαρχίῳ). II, 52, 760. Во время этого обѣда читалось особымъ чтецомъ поученіе о постѣ.

³⁾ Извѣстія эти находятся въ Хронографіи Теофана (р. 443 ed. Voog) и Краткой Исторіи патриарха Никифора. Извѣстіе этого послѣдняго замѣчательно тѣмъ, что въ немъ дается понятіе о томъ, что называлось секретами (σεκρέτον) и какое было ихъ назначеніе. Такъ какъ это понятіе совершенно согласно съ тѣмъ, что можно извлечь о значеніи σεκρέτον изъ Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, и опровергаетъ представленіе Дюканжа

Кромѣ этихъ палатъ, назначавшихся, подобно троннымъ заламъ Дворца, для большихъ и малыхъ собраній духовнаго синклита или севрета, въ пристройкахъ къ храму св. Софіи были помѣщенія для разныхъ отраслей обширнаго патріаршаго управленія и церковнаго хозяй-

о *σέκρητα*, какъ исключительно судебныхъ мѣстахъ (*tribunalia*), то считаю не лишнимъ привести здѣсь это мѣсто, тѣмъ болѣе, что оно затрудняло самого Дюканжа и онъ, высказавъ разные предположенія, заявляетъ, что *dubium relinquitur, cui potissimum usui addicta fuerint eiusmodi secreta*. Maius et Minus, хотя все-таки склоняется къ тому, что ихъ нужно принимать *pro aedibus, in quibus lites agitantur* (Du Cange, Constantin. Christ. lib. II, p. 127). Вотъ это мѣсто: τὰς δὲ ἐν ταῖς ἐκεῖσε ἰδρωμένοις τῶν προόδων οἴκοις, οὗς Ρωμαῖοι σέκρητα καλοῦσι, τό τε μικρὸν δόμημα καὶ τὸ μέγα, τοῦ Σωτήρος καὶ τῶν ἁγίων οὖσας διὰ ψηφίδων χρυσῶν καὶ χρυσοῦτου ὄλης εἰκονογραφίας ἀλέξασεν. (Nisephorii Opuscula Histor. ed. Carol. de Boor, p. 76). Изъ этого мѣста видно, что *σέκρητα* назывались τῶν προόδων οἴκοι, т. е. мѣста собраній чиновъ, такъ какъ ἡ πρόδος = *προέλευσις*, а *προέλευσις* въ Уставѣ Константина Багрянороднаго постоянно употребляется въ смыслѣ собранія чиновъ. Потому и дворцовыя палаты, въ которыхъ собирались обыкновенно чины, называются *τρίκλινοι τῆς προελεύσεως*; въ нихъ «входитъ собраніе» (ἡ *προέλευσις* εἰσέρχεται) и т. п. Хотя собственно *πρόδος*, *προέλευσις* = *processus* или *processio*, *πρόκενος* процессія, торжественный выходъ или ходъ (о значеніи этихъ словъ см. Reiske, Comment. ad Cerim. p. 9 сл.; ср. выше въ этой книгѣ, стр. 13 и 23), но потому эти слова стали означать собраніе вообще и даже персоналъ и совокупность чиновъ, составляющихъ собраніе. Точно также и *σέκρητον* имѣетъ разные значенія. На языкѣ римско-византійскомъ, *secreta vocabant loca, ut ait Casaubon. ad Vopiscum, ubi de negotiis pro ratione muneris quisque sui tractaturi conveniebant* (Reiske, *ibid.*, p. 37), т. е., по нашему, присутственныя мѣста, канцеляріи управленій, департаменты, приказы, въ которыхъ собирались завѣдующіе, главноуправляющіе, секретари и чины, входящіе въ составъ извѣстнаго вѣдомства. Въ зданіяхъ или частяхъ зданій, занятыхъ такими управленіями, кромѣ помѣщеній для писцовъ и секретарей, канцелярій собственно, бывали и большія залы для совѣщательныхъ собраній всѣхъ чиновъ извѣстнаго вѣдомства. Къ числу такихъ именно залъ, назначавшихся для собраній многочисленныхъ духовныхъ чиновъ, принадлежатъ, очевидно, и занимающіе насъ секреты въ Патріаршихъ Палатахъ, Большой и Малой. Это были залы для собраній торжественныхъ или дѣловыхъ духовныхъ чиновъ, составляющихъ высшее духовное управленіе, подъ предѣдательствомъ патріарха или его замѣстителя. Отъ мѣста собраній чиновъ въ «секретахъ» и самыя чины эти, собиравшіяся въ секретахъ, называются «секретами», и въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго высшее духовенство и вообще весь духовный чинъ, состоявшій при патріархѣ и, при его торжественныхъ приглашеніяхъ во Дворецъ, составлявшій его свиту, называется обыкновенно «*секретомъ*» патріарха и соответствуетъ синклиту царя, который также называется иногда «секретомъ». У cadaго главноуправляющаго также быть свой «секретъ» въ томъ и другомъ смыслѣ, т. е. и въ смыслѣ присутственнаго мѣста, и въ смыслѣ собранія чиновъ, свиты. А такъ какъ свиту царицы составляли придворныя и чиновныя дамы, то онѣ, когда собираются для выходовъ и церемоній, составляютъ собраніе и называются «секретомъ дамъ» (*σέκρητον τῶν γυναικῶν*). Въ обрядѣ коронаціи царицы мы читаемъ: ἀνέρχονται οἱ πατρίκιοι καὶ οἱ λοιποὶ τοῦ σέκρητου (= τῆς συγκλήτου), ...εἰσέρχονται οἱ ἐπίσκοποι καὶ ὁ κληρὸς τοῦ σέκρητου τοῦ πατριάρχου καὶ ἴστανται ὀπισθεν τοῦ βασιλικοῦ σέκρητου (I, 41, 207, 208) ...εἰσέρχεται ὁ πατριάρχης καὶ οἱ ἐπίσκοποι καὶ τὸ σέκρητον τοῦ πατριάρχου (*ibid.*, 209); послѣ коронаціи для поздравленія сначала вводятся чины синклита, а потомъ *εἰσέρχεται τὸ σέκρητον τῶν γυναικῶν* (I, 40, 203). Ср. I, 41, 213; I, 43, 218, 221; I, 44, 226, 228; I, 45, 229, 230; I, 46, 233; I, 47, 238; I, 48, 247—249; I, 50, 258; I, 51, 262; II, 21, 616 (*εἰσέρχεται ὁ πατριάρχης ἐν τῷ Παλατίῳ μετὰ τοῦ σέκρητου αὐτοῦ καὶ μητροπολιτῶν καὶ ἀρχιεπισκόπων καὶ ἐν τῷ Χρυσοστρικλίνῳ ποιεῖ εὐχὴν παρόντος καὶ τοῦ σέκρητου αὐτοῦ*). Въ этомъ же обрядѣ мы находимъ *σέκρητον τῶν συγκλητικῶν* (собраніе чиновъ синклита) и *τὸ σέκρητον τῶν γυναικῶν* (*ibid.*, p. 616 и 618). Полагая, что выше-

ства, во главѣ которыхъ стояли духовные сановники, имѣвшіе свои присутственныя мѣста или секреты, какъ они назывались тогда. Такъ, между прочимъ, упоминаются секреты великаго эконома, великаго сѣвофилака, великаго хартофилака, великаго сакелларія, протекдика и др.

Всѣ эти и другіе секреты, учрежденія и управленія помѣщались въ нижнемъ и верхнемъ этажахъ примыкавшихъ къ храму св. Софіи построекъ, изъ которыхъ, кромѣ царскаго Мутаторія, упоминаются, какъ особыя, болѣе или менѣе самостоятельныя зданія, палаты или триклины: *Θομαίτης* (*Θομαίτης*), *Θετταλ* (*ὁ Θετταλος*) и построенный при Мануилѣ Комнинѣ патриархомъ Михаиломъ триклинь Михаелиць. Изъ нихъ *Θομαίτης* выходилъ своимъ фасадомъ на Августеонъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась между прочимъ патриаршая библіотека, въ которой хранилось много драгоценныхъ рукописей, въ томъ числѣ сочиненія Іоанна Златоуста, сгорѣвшія во время пожара при Иринѣ и Константинѣ ¹⁾.

приведенныхъ и указанныхъ мѣстъ достаточно для того, чтобы видѣть, что секретами назывались не исключительно судилища, а присутственныя мѣста вообще и собранія чиновъ, я не стану распространяться объ особыхъ значеніяхъ слова *σέκρητον* и *ὁ σέκρητικός*. Отлагая разсмотрѣніе этого до другого, болѣе удобнаго времени и мѣста, я закончу эту замѣтку о патриаршихъ «секретахъ» указаніемъ на обрядъ выбора синкелла II, 5, 531, гдѣ *σέκρητον* употребляется и въ значеніи собранія и въ значеніи мѣста собранія. Такъ какъ это мѣсто представляетъ прекрасную иллюстрацію вышеприведеннаго извѣстія Никифора, то я считаю необходимымъ привести это въ переводѣ: «нужно знать, что въ большихъ собраніяхъ (*προελεούσων* = *προβόαις*) синкеллы садятся не на малыя скамьи, а сидятъ на особыхъ сѣдалищахъ, т. е. въ собраніяхъ (подъ предѣлательствомъ) патриарха (*ἐν τοῖς τοῦ πατριάρχου σέκρητοις*), а не въ присутствіи царя... Когда же митрополиты входятъ въ дверь залы собраній (*εἰς τὴν πόλιν τοῦ σέκρητου*), синкеллы встаютъ... Когда митрополиты и архіепископы войдутъ, по приглашенію патриарха садятся синкеллы и вошедшіе митрополиты; патриархъ заводитъ рѣчь о какихъ нибудь церковныхъ вопросахъ... (По окончаніи совѣщанія), по приглашенію патриарха всѣ встаютъ и выходятъ».

¹⁾ Извѣстія объ этихъ триклинахъ, входившихъ въ составъ Патриаршихъ Палатъ, собраны у Дюканжа, *Constantin. Christiana*, lib. II, p. 113. Не имѣя въ виду подробно описывать Патриаршія Палаты и желая только показать, что онѣ непосредственно примыкали къ храму св. Софіи съ южной (и восточной) стороны, я не считаю нужнымъ останавливаться на всѣхъ этихъ извѣстіяхъ, ограничиваясь только тѣми, которыя говорятъ въ пользу смежности и непосредственной близости Патриаршихъ Палатъ къ храму св. Софіи. Сюда принадлежитъ одно мѣсто изъ коронаціоннаго обряда у Кюдина, *de offic. car.* XVII, p. 88 (Вопц.), гдѣ говорится, что послѣ прочтенія и подписи Символа Вѣры, коронуемый царь «поднимается (*ἀνέρχεται*) въ палату, называемую *Θομαίτης* и выходящую своимъ фасадомъ на площадь Августеонъ (*πρὸς τὸν Αὐγουστεῶνα ἀφορῶντα*), гдѣ стояла вся масса народа съ войскомъ...» Царя поднимали на щитѣ и показывали стоявшей внизу массѣ народа и войска. Затѣмъ, можно упомянуть извѣстіе Никиты, который говоритъ, что къ палатѣ *Θομαίτης* прилегалъ такъ называемый *Ἄνδρονъ* (*ἄνδρονъ*) или *Μάκρωνъ* (*Μάκρωνъ*), т. е. длинная зала или галерея, и выходила тоже на Августеонъ (*εἰς τὸν Αὐγουστεῶνα προεβούτος*). Извѣстіе Пахимера о томъ, что изъ этой галереи показывали народу на щитѣ, во время коронаціи, Михаила, сына Андроника Старшаго, причемъ снята была рѣшетка (*περικυφθέντων τῶν τοῦ τρικλίνου Μάκρωνος ὀροφάκτων*), позволяетъ заключать, что къ *Μάκρονу* прилежала открытая площадка, въ родѣ иліака, огороженнаго, по обыкновенію, рѣшеткою. Къ этимъ извѣстіямъ относительно *Θομαίτης* можно присоединить еще

Во всякомъ случаѣ, всѣ эти постройки и пристройки такъ тѣсно связаны были съ храмомъ св. Софїи, что, составляя продолженіе его, казались только частями этого огромнаго зданія. Потому наши паломники совершенно правы, когда они называютъ храмъ св. Софїи такою церковью, въ которой „патріархъ живетъ“¹⁾. Живя со своимъ синклитомъ въ храмѣ или, точнѣе, при храмѣ, патріархъ естественно пользовался бывшими около храма цистернами, водоемами и водопроводами для своихъ хозяйственныхъ цѣлей. По словамъ нашего паломника, „овощъ патріарховъ всякій, дыни, яблоки и груши держатъ въ кладези повержено ужищемъ въ кошницы. И когда ясти патріарху и тогда вымають е студено. Такоже и царь ясть“²⁾.

одно мѣсто изъ Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго. Здѣсь въ обрядѣ производства патрикія зосты (I, 50, 260) сказано, что, послѣ молитвы патріарха надъ знаками отличія зосты, ес «беруть кувикюлярїи и силенціарїи и отводять (*ἀναφέρουσιν*) въ Мутаторїи въ Θομαίτης», изъ чего можно заключить, что верхній Мутаторїи находился въ Θομαίτης, изъ котораго патрикія зоста по переходамъ Магнавры уходитъ въ эту палату. Въ Θομαίτης же, по всей вѣроятности, были занимающіе насъ «секреты», какъ можно заключить изъ извѣстій о засѣданіяхъ, происходившихъ въ Θομαίτης подъ председательствомъ патріарха (Leunclavii, Jus Graecoromanum. Frankf. 1596, I. 216. Мѣсто это приведено у Паспати, *Ἀνάτορα*, 79, прим. 3). Въ этихъ пристройкахъ, составлявшихъ Патріаршіи Палаты, кромѣ разныхъ другихъ залъ и комнатъ, были Мутаторїи: царскїи и патріаршіи, подъ которыми внизу былъ еще царскїи Мутаторїи, состоявшїи изъ нѣсколькихъ отдѣленій, такъ сказать, главный Мутаторїи, въ которомъ царь пребываетъ во время литургїи въ большіе Господніе праздники. Кромѣ этихъ мутаторїевъ, мутаторїемъ называется ниша, въ которой царь снималъ за завѣсою корону, когда входилъ въ храмъ чрезъ западныя красныя врата, и надѣвалъ, когда выходилъ чрезъ нихъ изъ храма св. Софїи. Подобный же мутаторїи, служившїи для такихъ же цѣлей, былъ, какъ мы видѣли, и въ св. Кладезѣ. Въ виду того, что мутаторїевъ въ св. Софїи было нѣсколько и каждый изъ нихъ имѣлъ свое опредѣленное назначеніе, необходимо различать и опредѣлять, какой Мутаторїи разумѣется, когда въ извѣстіяхъ средневѣковыхъ греческихъ писателей идетъ рѣчь о какомъ нибудь Мутаторїи храма св. Софїи. Смѣшеніе ихъ можетъ повести къ большому недоразумѣнію и путаницѣ, которыя не позволяютъ ясно представлять себѣ описываемое дѣйствіе или событіе, чтѣ дѣйствительно и случилось съ Шяумберггеромъ при описанїи входа императора Никифора Фоки въ храмъ св. Софїи для коронованїа (Un Empereur Byzantin, Paris, 1890, p. 306), какъ мы увидимъ ниже, при описанїи входа царя въ храмъ св. Софїи въ большіе Господніе праздники, въ началѣ слѣдующей главы.

¹⁾ Такъ, іеродіаконъ Зосима прямо говоритъ: «первое поклонихомся святой великой церкви Софїи, *идѣже патріархъ живетъ*» (Сахаровъ, Сказанїа русскаго народа, т. II, кн. 8, стр. 60; ср. Леонида, Обзорѣніе Цареградекихъ памятниковъ, стр. 14).

²⁾ О колодцахъ св. Софїи говоритъ Антонїи Новгородскїи (изд. Савваитова, стр. 16) и Стефанъ Новгородскїи (Сахаровъ, Сказ. русск. народа, т. II, кн. 8, стр. 52). Антонїи говоритъ и о храненїи въ нихъ плодовъ и прибавляетъ, что и «на полатахъ (т. е. во второмъ этажѣ, въ Патріаршихъ Палатахъ и катихуменїяхъ), были кладези и оградъ патріарховъ и церкви мнози... И баня патріархова на полатахъ, воды же по трубамъ возведены, а другая дождевая». Подъ «оградомъ», вѣроятно, нужно разумѣть какія-нибудь оранжереи или теплицы, представлявшїя собою нѣчто въ родѣ зимняго сада и находившїяся или примыкающїя къ Патріаршимъ Палатамъ. Во всякомъ случаѣ, онѣ были во второмъ этажѣ, на «полатахъ», по выраженїю Антонїа Новгородскаго. Т. Паспати, на основанїи этого свидѣтельства, къ своимъ Патріаршимъ Палатамъ прибавляетъ еще особый садъ.

Не смотря на то, что эта смежность жилища патриарха съ храмомъ св. Софїи совершенно очевидна, подтверждается какъ указаніями Придворнаго Устава, такъ и свидѣтельствами другихъ писателей, не смотря на то, что соборными постановленіями епископамъ предписывается жить при каедральныхъ храмахъ, П а с п а т и, который не только знаетъ, но и приводитъ большую часть вышеуказанныхъ мѣстъ, все-таки помѣщаетъ Патриархатъ (τὸ Πατριαρχειῶν или τὰ ἱερά ἀνάκτορα) между Ипподромомъ и Дворцомъ, довольно далеко отъ св. Софїи, такъ что для царя и патриарха нужно было, по плану П а с п а т и, чтобы попасть изъ катихуменій въ Патриархатъ, не только совсѣмъ выйти изъ храма, но и перейти почти всю площадь Августеонъ, которая у П а с п а т и помѣщена между Ипподромомъ и Дворцомъ. Между тѣмъ вышеприведенные обряды ясно говорятъ, что царь изъ катихуменій прямо переходитъ въ Мутаторій и Патриаршія Палаты и наоборотъ. Если бы царь и патриархъ переходили въ этомъ случаѣ чрезъ площадь и выходили совсѣмъ изъ храма, то навѣрно это было бы замѣчено въ обрядахъ ¹⁾.

Если, такимъ образомъ, къ правой сторонѣ катихуменій примыкали Патриаршія Палаты, царскій и патриаршій Мутаторій, то мы должны а ргіогі признать сомнительнымъ общепринятое мнѣніе, что всѣ катихуменіи вообще, т. е. не только сѣверная и западная верхнія галереи, находившіяся надъ сѣвернымъ кораблемъ и нарѣикомъ, но и вся южная галерея, находившаяся надъ правымъ или южнымъ кораблемъ, были назначены для помѣщенія женщинъ во время богослуженія, входили въ составъ гинэконита въ храмѣ св. Софїи ²⁾. Уже само по себѣ невѣроятно,

¹⁾ О Патриаршихъ Палатахъ (τὸ Πατριαρχειῶν) и его частяхъ г. П а с п а т и трактуетъ въ 'Ανάκτορα, 79—84. Антоній Новгородскій, на котораго ссылается г. П а с п а т и по поводу сада, извѣстенъ ему изъ книги графа Rianta, *Exuviae Sacrae Constantinopolitanae, Geneva, 1877—78, 2 voll.* О соборномъ постановленіи относительно мѣста пребыванія епископовъ см. Дюканжа, *Constantin. Christ. lib. II, p. 113*, гдѣ Дюканжъ ссылается на XIV гл. IV Кароагенскаго собора. По плану г. П а с п а т и, Патриаршія Палаты отстояли отъ ближайшаго угла св. Софїи около 50 саженъ. Конечно, это недалекое разстояніе, но, принимая во вниманіе все вышеизложенное и всѣ вышеприведенныя свидѣтельства, необходимо признать, что Патриаршія Палаты непосредственно примыкали къ храму св. Софїи съ южной, а быть можетъ, и съ восточной его стороны, и были, слѣдовательно, еще въ гораздо большей связи съ каедральнымъ православнымъ храмомъ, чѣмъ Ватиканскій папскій дворецъ съ храмомъ св. Петра въ Римѣ. Относительно смежности Патриаршихъ Палатъ съ храмомъ св. Софїи всего ближе къ истинѣ подходит Л а б а р т ъ, который помѣщаетъ триклинію Θομαίτη, входившій въ составъ Патриаршихъ Палатъ (ср. выше. стр. 137), рядомъ съ юговосточнымъ квадратомъ, примыкающимъ къ алтарной конхѣ, слѣдовательно, тамъ, гдѣ, по моему мнѣнію, была царскій Мутаторій съ его отдѣленіями (Laba r t e. Palais, p. 30; ср. приложенію къ Обзору главныхъ частей Большаго Дворца копию съ плана Л а б а р т а, подъ № I. Л а б а р т у относительно Θομαίτη слѣдуетъ У н г е р ъ (*Griechische Kunst, s. 405*, въ Энциклон. Эрша и Грубера, 1 серия, т. 84).

²⁾ Хотя верхнія галереи въ двухъэтажныхъ храмахъ вообще и спеціально въ храмѣ св. Софїи называются гинэконитомъ и назначались вообще для женщинъ, какъ видно изъ

чтобы южныя катихуменіи, восточною частью тѣсно примыкавшія къ мутаторіямъ и Патріаршимъ Палатамъ, могли во время богослуженія всѣ заниматься женщинами, какъ могли ими безпрепятственно заниматься сѣверная и западная галлерей. Если въ правой галлерей (по крайней мѣрѣ въ большіе праздники) и бывали женщины, то развѣ только тѣ, которыя приходили въ храмъ св. Софіи съ царицею, когда эта послѣдняя дѣлала выходы въ храмъ св. Софіи, окруженная своимъ „дамскимъ секретомъ“, какъ царь приходилъ въ храмъ сопровождаемый и окружаемый своимъ чиновнымъ „секретомъ“ или синклитомъ. Какъ мы видѣли, въ верхнемъ этажѣ надъ царскимъ Мутаторіемъ былъ другой Мутаторій, прилегавшій къ катихуменіямъ, и здѣсь пребывала и принимала знатныхъ дамъ царица во время Пасхальной литургіи ¹⁾. Другія женщины, простыя

586—589, 389 и 395—7 ст. Descriptionis S. Sophiae Павла Силенціарія, приведенныхъ частью у Дюканжа въ Constantin. Christ. lib. III, p. 22, тѣмъ не менѣе позволительно сомнѣваться, что правая или южная галлерей вся была всегда мѣстомъ пребыванія женщинъ вообще. Какъ ближайшая и тѣсная связь этой галлерей съ патріархатомъ, такъ и хожденіе здѣсь царей съ синклитомъ въ извѣстные праздники, какъ мы увидимъ ниже, позволяютъ думать, что эта галлерей, если и была мѣстомъ стоянія женщинъ, то далеко не всегда и не вся. Точно также и въ другихъ большихъ храмахъ, въ которыхъ царь съ синклитомъ во время богослуженія находился въ катихуменіяхъ южной стороны, а иногда и западной, катихуменіи, по крайней мѣрѣ въ эти дни, не могли быть заняты женщинами.

¹⁾ О мѣстѣ царицы и патріарха Мутаторія см. выше, стр. 128 и слѣд.; 133 и слѣд. О приемѣ царицею въ катихуменіяхъ чиновныхъ дамъ будетъ рѣчь ниже.

Антоній Новгородскій говоритъ, что «въ недѣльный день ставаетъ патріархъ на утревѣ и на обѣднѣ, и въ господскіе праздники: и тогда благословляетъ пѣвцовъ съ полатъ, они же, оставльше пѣніе, понихронію (*πολιχρόνιον*) ключють» (Савванитовъ, стр. 93). Издатель и толкователь этого путешествія въ прим. 48, стр. 85 говоритъ, что *полатами* нашъ паломникъ называетъ верхнія галлерей, устроенныя на южной, западной и сѣверной сторонахъ храма. Каждая галлерей, по его словамъ, состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій: въ одномъ изъ нихъ становился патріархъ, когда не служилъ самъ; другое занимали царственные особы и сама императрица, въ третьемъ, именно въ томъ, въ которомъ былъ ходъ изъ сосудохранительницы, стояли діакоиссы Великой Церкви; въ остальныхъ (въ какихъ?) занимали мѣста прочія лица женскаго пола». Г. Савванитовъ ссылается при этомъ на Дюканжа, Constantin. Christ. lib. III, p. 32 и 35 и на Византія, *Κωνσταντινόπολις*, I, σελ. 477—479. О мѣстѣ стоянія діакоиссъ въ одномъ изъ отдѣленій верхнихъ галлерей г. Савванитовъ, очевидно, взялъ изъ Византія, у котораго есть нижеприведенная ссылка на 35 гл. I кн. Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, но въ этой ссылкѣ названъ женскій нарѣикъ, въ которомъ стояли діакоиссы, а не верхняя галлерей, и ходъ изъ Сосудохранительницы былъ въ «женскій нарѣикъ», а не въ верхнюю галлерей. Почтенный толкователь, очевидно, не обратилъ вниманія на эту интересную ссылку, довольствуясь тѣмъ, что приведено у Византія. Если бы онъ потрудился посмотреть 35 гл. самъ, то едва ли онъ помѣстилъ бы мѣсто стоянія діакоиссъ, женскій нарѣикъ, въ верхнія галлерей, такъ какъ изъ обряда Константина Багрянороднаго ясно видно, что нарѣикъ былъ внизу, а не вверху: такъ, въ женскій нарѣикъ царь входитъ изъ Рязницы и выходитъ потомъ чрезъ лѣвую восточную дверь храма въ диаватики св. Николая, не поднимаясь и не спускаясь по лѣстницамъ, что несомнѣнно было бы упомянуто, если бы царю для прохожденія чрезъ мѣсто стоянія діакоиссъ нужно было подниматься во второй этажъ.

смертныя, едва ли имѣли доступъ въ правыя катихуменіи; да и надобности особенной въ этомъ помѣщеніи для нихъ не было. Кромѣ сѣверной и западной верхней галлерей, которыя обѣ представляли собою дѣйствительно помѣщеніе для женщинъ, женщины могли стоять и, безъ сомнѣнія, стояли въ *нижнемъ сѣверномъ кораблѣ*, который называется также гинэконитомъ и къ которому примыкалъ сѣверный, специально назначенный для входа женщинъ, *женскій нарѣикъ*. Въ этомъ нарѣикѣ стояли діакоиссы, завѣдывавшія женскими отдѣленіями храма, а въ восточномъ концѣ его къ нему, повидимому, примыкала Ризница (*Σχευοφολάκιον*), которая помѣщалась, вѣроятно, въ лѣвомъ сѣверо-восточномъ квадратѣ или, какъ нѣкоторые думаютъ, въ кругломъ зданіи, стоящемъ у сѣверо-восточнаго угла и принимаемомъ обыкновенно за Крестильницу.

Въ пользу такого именно значенія и назначенія сѣвернаго корабля и помѣщенія Ризницы или Сосудохранительницы храма св. Софіи на сѣверо-восточной сторонѣ его говорятъ какъ Обряды Константина Багрянороднаго, такъ и свидѣтельства другихъ греческихъ и негреческихъ писателей, писавшихъ о храмѣ св. Софіи. Непонятныя и упущенныя потому изъ вида свидѣтельства и замѣчанія писателей при свѣтѣ указаній Придворнаго Устава получаютъ другое освѣщеніе и становятся болѣе ясными и понятными.

Дѣло въ томъ, что по обряду Великой Субботы, царь, послѣ омовенія св. престола св. Софіи и облаченія его, уходилъ изъ алтаря чрезъ лѣвую сторону въ Сосудохранительницу (*Σχευοφολάκιον*), кадилъ тамъ св. сосуды и другіе священные предметы, хранившіеся тамъ, получалъ отъ патріарха нарѣ и, выйдя изъ Сосудохранительницы, шель чрезъ женскій нарѣикъ, въ которомъ обыкновенно стояли діакоиссы Великой Церкви, а оттуда чрезъ лѣвую восточную дверь выходилъ въ узкій переходъ (діаватикъ) св. Николая, находившійся сзади алтаря, и чрезъ него, обойдя сзади алтарь, проходилъ, вмѣстѣ съ патріархомъ и свитою, къ южной двери храма, выведившей къ св. Кладезю. Здѣсь мы имѣемъ ясное и точное указаніе на то, что изъ алтаря въ Сосудохранительницу царь идетъ налѣво, т. е. на сѣверъ, и возвращается чрезъ женскій нарѣикъ, т. е. сѣверный ¹⁾. Такое значеніе и назначеніе сѣверной стороны

¹⁾ Cerim. I, 35, 182: *Ποσλѣ кажденія вокругъ св. престола царь ἐξέρχεται διὰ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους τῆς πλαγίας, καὶ ἀπέρχεται εἰς τὸ Σχευοφολάκιον...* *Ποσλѣ раздачи нарда, ἀνίσταται ὁ βασιλεὺς καὶ ἐξελθὼν ἀπὸ τοῦ Σχευοφολακίου διέρχεται διὰ τοῦ γυναικίτου νάρθηκος, ἐν ᾧ καὶ τὴν συνήθη στάσιν κέκτηνται αἱ τῆς αὐτῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας διακόνισσαι, καὶ ἐξέρχεται διὰ τῆς ἀριστερᾶς πύλης τοῦ βήματος καὶ ἐπιδίδωσιν αὐτῷ ὁ πατριάρχης εὐλογίας. Καὶ διελθόντες ἀμφότεροι διὰ τοῦ ὀπισθεν τοῦ βήματος στενοῦ διαβατικῶ τοῦ ἁγίου Νικολάου ἀπέρχονται μέχρι τοῦ Ἁγίου Φρέατος. Ср. I, 1, 34: *μετὰ τὸ τελειωθῆναι τὴν τοιαύτην διανομήν. ἐξέρχονται οἱ δεσπότες**

храма св. Софїи подтверждается обрядомъ соединенїя церкви, когда совершался крестный ходъ въ храмъ св. Ирины, лежащей на сѣверъ отъ св. Софїи. Царь и патріархъ, возвращаясь оттуда и, дойдя до храма св. Софїи ближайшимъ путемъ, входятъ въ него чрезъ „женскую

μετὰ τοῦ πατριάρχου καὶ διὰ τοῦ ἀριστεροῦ μέρου τοῦ βήματος καὶ τοῦ ἁγίου Νικολάου διερχόμενοι ἐξέρχονται πρὸς τὴν μεγάλην πόλιν τὴν ἐξάγουσαν εἰς τὸ Ἅγιον φρέαρ. Названный здѣсь храмъ св. Николая, сколько мнѣ извѣстно, упоминается рѣдко. Такъ, онъ описывается въ Бесѣдѣ о святыхъ и другихъ достопримѣчательностяхъ Цареграда, изданной академикомъ Л. Н. Маѣковымъ въ матеріалахъ и изслѣдованїяхъ по старинной русской литературѣ, Спб. 1890, стр. 16. Здѣсь сказано: Созади же олтаря св. Софїи есть церкви св. Николая, тоя церковь создана на Дмитріевѣ дворѣ, гдѣ посадить святыи Никола Дмитрея в палаты его, вземъ из моря. Въ той же церкви направо есть икона святыи Спасъ; ту икону поколелъ нѣкто жидовинъ по выше лѣвой брови и потече кровь изъ раны тоя. Вѣроятно, что эту же икону разумѣтъ Стефанъ Новгородскій, который говоритъ, что отъ мѣста, гдѣ лежали мощи патріарха Арсенія, «но ити изъ церкви въ двери, ити промежъ стѣнъ со стѣною, обходя аки кругомъ, стоить икона св. Спасъ вельми чуденъ и то зовется Елеонъ Гора» (Архим. Леонидъ, Обзорѣніе цареградскихъ памятниковъ по русскимъ паломникамъ, Москва, 1870, стр. 11). Это мѣсто всего болѣе подходитъ къ τὸ στενὸν διαβατικὸν св. Николая и никакъ не можетъ быть отнесено къ внутренней галлерей за колоннами, т. е. къ сѣверному кораблю, какъ думаетъ архим. Леонидъ. Здѣсь было очень свѣтло, и въ свѣчахъ для прохода здѣсь не было никакой надобности. Храмъ св. Николая, который упоминается въ обрядѣ Великой Субботы, разумѣется, по всей вѣроятности, у Анны Комнины въ описанїи низверженїя Никифора Вотаниата и вступленїя на престолъ Алексѣя Комнина. Когда до Никифора дошло извѣстіе о возстанїи Алексѣя Комнина, мать этого послѣдняго съ другими дамами, принадлежавшими къ семейству Комниновъ, желая избѣжать мести Никифора, пошла въ храмъ св. Николая (τὸ τοῦ ἱεράρχου Νικολάου τέμενος), который издавна назывался Прибѣжищемъ (Προσφύγιον) и находился близъ Великой Церкви (св. Софїи), составляя какъ бы часть великаго храма (ὡς μέρος τυγχάνον τοῦ μεγάλου τέμενους). Ученая царица говоритъ, что онъ и построенъ былъ предками для того, чтобы преступники могли искать здѣсь спасенїя отъ наказанїя (κατασκευασθὲν τοῖς ἀρχαίοις, ἵνα πᾶς κτλ... Annae Comnenae Alexiadis, Lib. II, 5, p. 100, Bonn.). Дюканъ въ Const. Christ. (lib. IV p. 89) считаетъ этотъ храмъ св. Николая за дворцовый храмъ, а въ примѣч. къ указанному мѣсту Алексїады говоритъ, что этотъ храмъ находился prope Magnam Ecclesiam, intra Magni Palatii septa, aut sane iuxta ipsum Palatium, и полагаетъ даже, что τοῖς ἀρχαίοις нужно измѣнить въ τοῖς ἀρχαίοις, ist enim ἀρχαίων Palatium Nicetae, Cinnamo et aliis. Вышеприведенное мѣсто изъ обряда Великой Субботы показываетъ, что знаменитый византологъ напрасно предполагалъ ошибку въ текстѣ Алексїады: храмъ св. Николая находился не внутри дворцовыхъ стѣнъ, а за ними, воалѣ храма св. Софїи, составляя какъ бы его часть, какъ справедливо говоритъ Анна Комнина, но въ то же время онъ былъ очень близокъ къ Дворцу, какъ и храмъ св. Софїи. Съ этимъ послѣднимъ храмъ св. Николая былъ въ тѣсной связи, составляя, такъ сказать, пристройку къ нему и, отдѣляясь отъ него корридормъ, названнымъ по имени св. Николая, сообщался посредствомъ дверей, ведшихъ изъ алтаря св. Софїи въ этотъ корридоръ.—Но какая именно дверь разумѣется въ приведенномъ мѣстѣ изъ Придворнаго Устава подъ лѣвою дверью, чрезъ которую царь выходитъ изъ алтаря въ діаватики св. Николая, сказать трудно: для рѣшенїя этого вопроса необходимо тщательно осмотрѣть восточную стѣну св. Софїи и опредѣлить мѣсто задѣланныхъ дверей, ведшихъ въ пристройку съ восточной стороны. По словамъ Скарлата Византія (Κωνσταντινούπολις, I, 507), на восточной сторонѣ храма было четыре двери, изъ которыхъ двѣ теперь закрыты, одна отпирается только для султана, а одна служить для входа простыхъ смертныхъ. Дверь, чрезъ которую царь съ патріархомъ выходилъ въ діаватики св. Николая, находилась, во всякомъ случаѣ, налѣво отъ св. престола и алтаря собственно, потому что она прямо называется лѣвою дверью алтаря (ἀρι-

половину“ его, т. е. через женскій нарѣикъ, потому что этотъ нарѣикъ былъ на прямомъ пути отъ св. Ирины въ храмъ св. Софiи ¹⁾). Полагаю, что нѣтъ надобности доказывать, что въ обоихъ обрядахъ рѣчь идетъ о нижнемъ этажѣ, а не катихуменiяхъ, и что подъ „женскою половиною“ разумѣется сѣверная или лѣвая сторона нижняго этажа храма св. Софiи.

Но что разумѣется подъ женскимъ нарѣикомъ, сказать трудно: былъ ли онъ болѣе или менѣе похожъ на главный, западный нарѣикъ или представлялъ собою открытую галлерею въ родѣ внѣшняго западнаго нарѣика, опредѣлить не берусь, такъ какъ мнѣ нигдѣ не приходилось встрѣчать описанiя его ²⁾).

Никто изъ новѣйшихъ изслѣдователей храма св. Софiи, сколько мнѣ извѣстно, не говоритъ о помѣщенiяхъ, примыкающихъ къ храму св. Софiи съ сѣверной стороны и не описываетъ ихъ, быть можетъ, потому, что проникнуть въ нихъ и осмотрѣть изслѣдователямъ не удавалось, такъ

στερὰ πόλιν τοῦ βήματος). Весьма вѣроятно, что осмотръ храма св. Софiи на мѣстѣ даже въ настоящемъ видѣ позволилъ бы точно указать эту дверь и вообще опредѣленнiе представить себѣ шествiе царя изъ Ризницы черезъ алтарь въ переходы св. Николая; возможно потому, что читатель, видѣвшiй храмъ св. Софiи и знакомый съ топографiею сѣверо-восточнаго угла св. Софiи, гораздо явнѣе и нагляднѣе могъ бы описать выходъ царя изъ Ризницы. Мнѣ, къ сожалѣнiю, еще не удалось быть въ Константинополѣ и осмотрѣть величайшее созданiе православнаго христiанскаго мiра. Во всякомъ случаѣ, подъ βήμα, когда говорится о лѣвой двери βήματος, нужно разумѣть всю восточную часть храма, а не алтарь въ тѣсномъ смыслѣ слова.

¹⁾ Cerim. I, 36, 186: καὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς πάσης τάξεως τελοῦμένης, ἐπαίρουσιν ἀπ' αὐτοῦ τοῦ ναοῦ τῆς ἁγίας Εἰρήνης τὴν λιτὴν καὶ ὑποστρέφουσιν εἰς τὸν ναὸν τῆς Ἁγίας Σοφίας λιτανεύοντες καὶ εἰσέρχονται δια τοῦ γυναικίου μέρουσ τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας καὶ τοῦ νόρθηκος, καὶ ἀποδίδόντες ἐκεῖσε τὴν τῆς λιτῆς ἀκλουθίαν, γίνεται ἡ εἰσοδος. Такъ какъ входъ (εἰσοδος) совершался, по всей вѣроятности, какъ всегда, черезъ красныя врата и затѣмъ царскiя, т. е. съ западной стороны, то необходимо заключать, что царь и патриархъ съ крестнымъ ходомъ входили въ женскiй нарѣикъ (сѣверный) и этимъ нарѣикомъ, «женскою стороною» храма проходили во внѣшний западный нарѣикъ, а изъ него уже входили черезъ западныя врата, докончивши сначала молитвы и пѣнопѣнiя крестнаго хода. Храмъ св. Ирины, какъ извѣстно, сохраняется до нашихъ дней и обращенъ турками въ музей древностей.

²⁾ П а с п а т и въ Βυζαντινὰ Μελέται, Κωνσταντιν., σελ. 340, полагаетъ, что подъ женскимъ нарѣикомъ разумѣется въ Субботнемъ обрядѣ сѣверный конецъ западнаго нарѣика, откуда былъ входъ наверхъ въ гиникей, т. е. верхнiя галлереи или катихуменiи. Съ этимъ предположенiемъ и объясненiемъ можно было бы согласиться, если бы было доказано, что Σκεοφορέσιον, въ который ходилъ царь кадить утварь и находящiяся тамъ святыни, находился у западнаго конца храма св. Софiи, близъ этого сѣвернаго конца западнаго нарѣика, который имѣетъ въ виду П а с п а т и. Но такъ какъ Ризница или Сосудохранительница находилась близъ алтаря, въ сѣверо-восточномъ углу храма, то становится совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ, зачѣмъ царь изъ Скевофилакiя идетъ черезъ женскiй нарѣикъ, чтобы попасть въ алтарь. Для этого царю пришлось бы пройти черезъ весь храмъ и, зайдя въ сѣверный или лѣвый конецъ нарѣика, опять возвращаться назадъ. Такой длинный путь и специальное хожденiе въ женскiй нарѣикъ, неизвѣстно для чего, были бы навѣрно подробнѣе описаны и чѣмъ нибудь мотивированы. Никакихъ указанiй въ обрядѣ на это мы не находимъ.

какъ турки допускаютъ далеко не во всё постройки и пристройки, окружающія храмъ св. Софіи. Но судя по рисунку сѣверной стороны храма св. Софіи, сдѣланному Grelot'омъ, можно думать, что предъ сѣвернымъ кораблемъ существовала длинная, узкая пристройка въ родѣ палерги или наронка, доходившая, повидимому, до втораго этажа и своею крышею примыкавшая къ окнамъ верхней сѣверной галереи или сѣвернымъ катихуменіямъ ¹⁾).

Отводя подъ гинэконитъ лѣвую сторону или, точнѣе, лѣвый корабль храма св. Софіи, а не однѣ только верхнія галереи, мы не сдѣлаемъ чего нибудь небывалаго; напротивъ, мы только констатируемъ для храма св. Софіи то, что было издавна въ христіанскихъ храмахъ, въ которыхъ издавна для женщинъ назначалась лѣвая сторона храма, а въ трехкорабельныхъ базиликахъ лѣвый корабль ²⁾). Помѣщать женщинъ въ верхнія

¹⁾ См. рисунки Grelot'a у Vanduri въ Imperium Orientale, pars IV, p. 547. Ср. у Скарлата Византія въ Κωνσταντινούπολις I, p. 309 ἡ βορειοδυτικὴ πρόσοψις τῆς Ἁγίας Σοφίας. На планѣ св. Софіи, сдѣланномъ Grelot'омъ и помѣщенномъ у Бандури (l. c. p. 543) вдоль сѣвернаго корабля св. Софіи тянется какая-то стѣна отъ западнаго наронка до круглаго зданія на сѣверо-восточномъ углу св. Софіи. Конечно, безъ осмотра на мѣстѣ этой стороны храма св. Софіи трудно сказать что нибудь опредѣленное о пристройкахъ съ этой стороны. Но такіе галереи или наронки были, повидимому, и въ другихъ древнихъ Византійскихъ храмахъ. «Въ большихъ храмахъ византійской архитектуры, говоритъ покойный проф. Маневатовъ, устраивались боковые придѣлы, черезъ которые проходили въ нартексъ и дѣлали такимъ образомъ значительный обходъ. Уставъ Аванасія упоминаетъ объ этихъ придѣлахъ, а синодальный... говоритъ о такихъ проходныхъ придѣлахъ съ трехъ сторонъ церкви». («О пѣсенномъ послѣдованіи» въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. Отцевъ, т. 26. 1880, стр. 1004).

²⁾ Kraus, Realencyklop. d. christlichen Alterthümer, I, 124 (s. v. Basilica): «для мужчинъ назначался южный корабль, для женщинъ—сѣверный (Const. apost. II, 57; Cyrill. Hier. Procat. c. 8; Aug. de Civ. Dei, II, 28; Chrys. Hom. 74 in Matth.); средний корабль оставался свободнымъ... Такое раздѣленіе половъ предписывалось съ давнихъ временъ... Многое въ этомъ отношеніи зависѣло отъ мѣстныхъ возрѣній и отношеній. На востокѣ отдѣленіе половъ мѣстами доходило до того, что женскій корабль закрывался отъ мужскаго завѣсами. За этими помѣщеніями, а равно за входами и выходами наблюдали остіаріи, діаконы и діакониссы (Constit. Apost. II, 57, 58)». Ср. въ той же книгѣ Kraus'a, I, 360 (s. v. Diakonissen), гдѣ сказано, что на обязанности діакониссъ лежало въ тѣхъ храмахъ, въ которыхъ были особыя входы для женщинъ, наблюденіе за этими входами; другими словами, діакониссы у входовъ въ женскія отдѣленія храмовъ исполняли обязанности остіаріевъ. Въ храмѣ св. Софіи, какъ мы видѣли, былъ особый женскій наронкъ, черезъ который женщины входили въ женское отдѣленіе храма, сѣверный нижній корабль, откуда онѣ поднимались по витымъ лѣстницамъ въ верхнія галереи. Такое назначеніе сѣвернаго корабля храма св. Софіи, кромѣ вышеприведенныхъ мѣстъ изъ Придворнаго Устава, подтверждается прямымъ свидѣтельствомъ Прокопія Кесарійскаго, который, согласно съ вышеприведенными словами Kraus'a, говоритъ о назначеніи южнаго и сѣвернаго кораблей: *στοαὶ τὰ εἰς αὐτὴν ἑκατέρωθεν ὄσοι, οἰκοδομίαν μὲν τοῦ νεῶ οὐδεμίαν διεργάμεναι, ἀλλὰ καὶ μείζον αὐτοῦ ποιοῦσαι τοῦ εὐροῦς τὸ μέτρον, καὶ τῷ μήκει μέχρι εἰς τὸ πέρασ ἑνεξακνοῦμεναι, τὸ δὲ γε ὕψος καταδέεσθαι. καὶ αὐταῖς ἢ τε ὄραφῃ θάλασ καὶ ὁ χροσὸς ἐγκαλλώπισμα. ταῦτα δὲ ταῖν στοαῖν ἀπέρα μὲν τοὺς ἀνδρας εὐχομένους διακεκλήρωται, γυναῖξί δὲ ταῦτο ποιοῦμεναις ἢ ἄλλῃ ἀνεῖται.* Что здѣсь рѣчь идетъ о нижнихъ корабляхъ, а не о верхнихъ галереяхъ, это видно изъ слѣ-

галлерей стало возможно только тогда, когда стали строиться двухэтажные храмы; да и то этот обычай явился не сразу, а полное удаление женщинъ изъ нижняго этажа въ двухэтажныхъ храмахъ, если когда-нибудь и было, то только развѣ въ позднѣйшее время. Въ эпоху созданія храма св. Софіи этого обычая, очевидно, еще не было; не было его и въ X в.; женщины въ св. Софіи стояли въ нижнемъ лѣвомъ кораблѣ, какъ стояли онѣ въ правой сторонѣ одноэтажныхъ храмовъ съ глубокой древности, когда церковные пастыри нашли нужнымъ отдѣлить въ храмахъ мужчинъ отъ женщинъ. Но возможность для женщинъ стоять внизу не мѣшала имъ занимать въ св. Софіи и верхнія галлерси, катихуменіи, по крайней мѣрѣ надъ лѣвымъ кораблемъ, а, быть можетъ, и надъ нарѣикомъ, т. е. стоять въ западной и сѣверной галлерей катихуменій ¹⁾).

Къ гинэкониту, какъ мы видѣли, примыкалъ особый женскій пароникъ, остатки котораго, быть можетъ, существуютъ и до сихъ поръ.

Гораздо труднѣе опредѣлить, что собственно разумѣется въ обрядѣ Великой Субботы подъ Сосудохранилищею (*Σχεοφολάκιον*), въ которую царь ходилъ изъ алтаря въ Великую Субботу, послѣ переоблаченія св. престола: квадратъ ли въ сѣверо-восточномъ углу св. Софіи, который служилъ и назывался Ризницею (*Σχεοφολάκιον*) или круглое зданіе, стоящее возлѣ этого угла, принимаемое одними за Большую Крестильницу, а другими также за Сосудохранилище, или, точнѣе, ея отдѣленіе. Изъ велико-субботняго обряда нельзя вывести никакого опредѣленнаго и не-

---

дующихъ словъ того же автора, въ которыхъ онъ описываетъ великолѣпіе верхнихъ галлерей (*τις ἄν τῶν ὑπερφῶν τῆς γυναικωνίτιδος ἐρηγεύς γένοιτο*) и коллонады, окружавшихъ св. Софію (*Prosop. de aedific. I, 1, p. 178 ed. Bonn.*).

¹⁾ Въ другихъ храмахъ сѣверная или лѣвая сторона (сѣверный нарѣикъ и корабль) нижняго этажа также называлась женскою и предназначалась, очевидно, по крайней мѣрѣ первоначально для женщинъ. Такъ, въ храмѣ пресв. Богородицы Халкопратійской царь, послѣ возложенія апокомвія въ главномъ алтарѣ, чрезъ *лѣвую* сторону его выходитъ въ гинэкиитъ этого храма, гдѣ царя привѣтствуютъ чины синклита. Отсюда царь проходитъ въ смежную придѣльную церковь, а послѣ Евангелія выходитъ опять въ гинэкиитъ (*ὁ γυναικίτης*) и, послѣ привѣтствія со стороны вышихъ чиновъ, изъ гинэкиита выходитъ въ прилегающій къ нему портикъ (нарѣикъ?) и въ немъ садится на лошадь (I, 1, 31; ср. I, 30, 166). Точно также въ храмѣ св. Апостоловъ царь, послѣ поклоненія праху царей, выходитъ съ патріархомъ чрезъ лѣвую часть храма, т. е. гинэкиитъ (*διὰ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους τοῦ ναοῦ ἡγούου τοῦ γυναικίτου*) и затѣмъ, раскланявшись съ патріархомъ, выходитъ чрезъ гинэкиитъ въ нарѣикъ и лутиръ, откуда по лѣвой витой лѣстницѣ поднимается въ катихуменіи (I, 10, 77). Какъ выходъ изъ гинэкиита въ портикъ въ Халкопратійскомъ храмѣ, такъ и восхожденіе на катихуменіи изъ гинэконита въ храмъ св. Апостоловъ показываютъ ясно, что гинэкиитомъ называется нижняя лѣвая сторона храма, а не верхнія галлерей. Точно также и въ храмѣ св. Софіи въ вышеприведенныхъ обрядахъ подъ женскою половиною храма и женскимъ нарѣикомъ разумѣются, очевидно, нижній сѣверный корабль и прилегающій къ нему нарѣикъ, а не верхнія галлерей, какъ полагаетъ г. С ан в а н т о в ъ (см. выше, стр. 140, прим. 1).

сомнѣннаго заключенія, такъ какъ вышеприведенное мѣсто обряда допускаетъ и то и другое толкованіе. Если мы предположимъ, что разумѣется Ризница или Сосудохранительница, помѣщавшаяся такъ же, какъ и въ другихъ храмахъ, въ сѣверномъ квадратѣ, палѣво отъ алтаря, то, значить, царь прямо изъ алтаря входилъ въ Ризницу, а послѣ раздачи нарда патриархомъ шелъ не тѣмъ же путемъ, а выходилъ въ прилегавшій къ сѣверному квадрату женскій нарѣикъ, гдѣ стояли діакоиссы, а оттуда выходилъ въ діаватики св. Николая чрезъ дверь, находившуюся въ лѣвой сторонѣ алтарной или восточной стѣны. Если мы, напротивъ, за *Σχεοφολάχιον* будемъ принимать круглое зданіе на сѣверо-восточномъ углу св. Софій, то выйдетъ, что царь возвращался почти тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ сюда изъ алтаря, т. е. чрезъ сѣверный квадратъ и женскій нарѣикъ, который на пути въ Ризницу почему-то не названъ, а названъ только при возвращеніи царя.

Обращаясь къ другимъ извѣстіямъ и случайнымъ упоминаніямъ занимающихъ насъ помѣщеній, мы находимъ прежде всего у Павла Силенціарія ¹⁾ извѣстіе, что въ сѣверной сторонѣ храма, противъ двухъ паръ столбовъ, поддерживающихъ верхнюю галерею, была дверь, ведущая въ Крестильницу, по мнѣнію нѣкоторыхъ, то самое круглое зданіе, которое и теперь стоитъ у сѣверо-восточнаго угла св. Софій, но, быть можетъ, и другое, котораго теперь уже нѣтъ. Въ пользу Крестильницы на сѣверной сторонѣ говоритъ и обрядъ крещенія патриархомъ въ Великую Субботу, когда патриархъ, предъ литургіею сходилъ съ синтрона и чрезъ Свевофилакій (Сосудохранительницу) входилъ въ раздѣвальню Большой Крестильницы (*τὸ ἀπόδυτον τοῦ Μεγάλου Βαπτιστηρίου*) и переодевался здѣсь въ бѣлое облаченіе, послѣ чего уходилъ вмѣстѣ съ духовенствомъ къ чашѣ бассейна (*καὶ ἀπερχόμεθα ἐν τῇ κολομβήθρᾳ, G o a r,*

¹⁾ Pauli Silent., Descriptio s. Sophiac, II, ст. 148:

ἐγγύθι δ' ἔστι πύλη βορρωπίδος ἐς κλίαν αἴρης
λαὸν ἀπιθόνουσα πρὸς ἀχράντα λόετρα,
ἀνδρομέου βίωσιον καθάρσια...

Ср. Du Cange, Constant. Christiana, lib. III, p. 48. На основаніи этого свидѣтельства Унгеръ (Энцикл. Эрша и Грубера, сер. I, т. 84, стр. 404) не считалъ возможнымъ признать пристройку на юго-западномъ углу св. Софій за Крестильницу. Но, какъ мы видѣли, въ пользу существованія здѣсь Крестильницы говорятъ какъ Анонимъ—Кодинъ, такъ и Антоній Новгородскій (см. выше стр. 96, 127). Кромѣ того, подъ упоминаемой въ Евхологіи Малой Крестильницею, въ которой патриархъ крестилъ въ прочіе праздники, нужно, безъ сомнѣнія, разумѣть Крестильницу на юго-западномъ углу св. Софій, потому что послѣ Крещенія въ ней патриархъ мажетъ повокрещенныхъ муромъ не въ храмъ св. Петра, а въ раздѣвальнѣ этой малой Крестильницы (*τὸ Μικρὸν Βαπτιστήριον*), а потомъ дожидается царя, т. е. прибытія царя чрезъ Орологіи и западныя врата, около которыхъ находилась эта Крестильница (Enehol., p. 292).

Euchol., ed. sec. p. 291). Послѣ крещенія патриархъ уходилъ въ храмъ св. Петра и здѣсь при пѣніи стиха: елицы во Христа... мазалъ новокрещенныхъ муромъ, а затѣмъ уходилъ опять въ храмъ св. Софіи для совершенія литургіи. Такъ какъ храмъ св. Петра ¹⁾, примыкавшій къ св. Софіи и упоминаемый въ обрядѣ крещенія, находился также около сѣверо-восточнаго угла св. Софіи, то и упоминаемая въ обрядѣ Крестильница можетъ быть съ топографической точки зрѣнія принята за то самое круглое зданіе, которое и теперь стоитъ у сѣверо-восточнаго угла св. Софіи. Храмъ св. Петра, по описанію Антонія Новгородскаго, примыкалъ къ тому мѣсту, которое подарено было вдовою Анною и на которомъ она была похоронена, а по словамъ К о д и н а, на этомъ мѣстѣ стояла не только вся Сосудохранилищница, но и храмъ св. Петра; потому, принимая во вниманіе, что Сосудохранилищница или Ризница помѣщалась въ лѣвомъ квадратѣ храма св. Софіи, можно, кажется, было бы допустить, что на сѣверной сторонѣ ея была Крестильница (круглое зданіе), а на востокъ къ ней примыкалъ храмъ св. Петра съ цѣпями этого апостола и другими святынями, описанными Антоніемъ Новгородскимъ. При такомъ распредѣленіи Сосудохранилищницы, Крестильницы и храма св. Петра, по крайней мѣрѣ, легко можно было бы понять и объяснить себѣ всѣ

¹⁾ О храмѣ св. Петра около алтаря храма св. Софіи см. D u S a n g e, Constantin. Christiana, lib. IV, p. 79. Въ немъ находилась часть цѣпей св. Петра, другая часть которыхъ теперь находится въ Римѣ въ S. Pietro in vincoli. Въ день 16 января совершалось поклоненіе этимъ цѣпямъ, какъ значится въ Минологіи Василія, гдѣ къ этому дню имѣется рисункъ, изображающій храмъ св. Петра съ цѣпами его, положенными на століще или аналой (Menologium Basilii, ed. Albani, pars II, p. 111). Эти цѣпи видѣли незадолго до латинскаго завоеванія нашъ паломникъ, Антоній Новгородскій, описаніе котораго говоритъ въ пользу близости или даже смежности храма св. Петра съ Сосудохранилищницею, которая и по обряду крещенія въ Великую Субботу была близка къ Крестильницѣ и храму св. Петра. Антоній Новгородскій говоритъ, что «внѣ дверей алтаря малаго (прόβουζ?) стоитъ крестъ, колико былъ Христосъ возвышенъ на землѣ (этотъ крестъ и по А н о н и м у стоялъ въ Скевофозакіи, Vandugi, Imp. Orient., Pars III, p. 65 Venet). И за тѣмъ крестомъ лежиго Аньна, иже давала дворъ свой св. Софѣи, на немъ же и поставленъ малый олтарь и того ради положена бысть ту... И оттолѣ на той же странѣ церкви есть святаго апостола Петра... Ту же висятъ Петровыхъ веригъ желѣзо вковано въ золотую икону». А по словамъ К о д и н а, прилежавшій къ Сосудохранилищницѣ храмъ св. Петра стоялъ такъ же, какъ и Сосудохранилищница, на мѣстѣ, принадлежавшемъ Аннѣ (ἔστι δὲ τόπος τῶν οἰκημάτων αὐτῆς τὸ Σκευοφολάκιον ἔλον σὺν τῷ κατὰ τοῦ ἁγίου Πέτρου, Cod. de S. Sophia, p. 133). Этой прибавки относительно храма св. Петра у А н о н и м а (р. 58) нѣтъ; но въ виду свидѣтельства нашего паломника и обряда Крещенія въ Великую Субботу, близость храма св. Петра къ Ризницѣ и Крестильницѣ не подлежитъ сомнѣнію, потому и мнѣніе проф. Н. П. К о н д а к о в а (Византійскія церкви, стр. 114), что храмъ св. Петра находился на юв. отъ св. Софіи, по всѣмъ вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, нужно признать не совсемъ вѣрнымъ. Ср. С а в в а и т о в а изд. Путешествія Антошя Новгор., стр. 70 слѣд., гдѣ г. С а в в а и т о в ъ приводитъ выписки изъ Чет. Мин. 16 января и Синаксари, въ которомъ храмъ св. Петра называется находящимся даже «внутри великия церкви» (ἐν τῷ κατὰ τοῦ ἁγίου Πέτρου, τῷ ὄντι ἐνθὸν τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας).

известныя упоминанія объ этихъ помѣщеніяхъ и косвенныя указанія на топографію ихъ.

Но, если вышеприведенныя указанія не мѣшаютъ круглое зданіе на сѣверо-восточной сторонѣ св. Софіи принимать за Крестильницу, упоминаемую Павломъ Силенціаріемъ, то, съ другой стороны, трудно понять, почему эта Крестильница называется Большою, а Крестильница съ юго-западной стороны — Малою. По масштабу Зальценберга слѣдовало бы назвать наоборотъ: сѣверо-восточную — Малою, а юго-западную — Большою, такъ какъ сѣверо-восточная въ діаметрѣ имѣетъ только (внутри стѣны) 5 сажень, а юго-западная 6 сажень слишкомъ, первая 37 прусскихъ футовъ, а вторая 42 фута безъ апсиды. А между тѣмъ, Большая Крестильница была такъ велика, что въ ней собирались соборы (Du Canige, Const. Christ., lib. III, p. 48), что едва ли могло происходить въ маленькомъ кругломъ зданіи въ 5 сажень, въ которомъ былъ еще въ срединѣ бассейнъ (*κολυμβήθρα*), если она была дѣйствительно Крестильницею.

Кромѣ того, если вѣрить Зальценбергу ¹⁾, это круглое зданіе и не могло быть Крестильницею: оконъ въ немъ не было, а были только ниши въ двухъ этажахъ, раздѣленныхъ поломъ. Зальценбергъ полагаетъ, что оно могло служить въ качествѣ сокровищницы, а не Крестильницы (*Schatzhaus*). Въ этомъ предположеніи, которое высказывалъ уже Grelot, нѣтъ ничего невѣроятнаго; напротивъ, весьма вѣроятно, что, рядомъ съ Ризницею, находившеюся въ предѣлахъ храма, сдѣлано было возлѣ него, но за его стѣнами особое, безопасное отъ огня, зданіе для храненія наиболѣе цѣнныхъ и дорогихъ предметовъ церковной утвари, которыхъ было очень много и которые представляли большую цѣнность въ металлахъ и камняхъ драгоцѣнныхъ, не говоря уже объ ихъ художественной цѣнности и религіозной важности.

Если предположеніе Grelot и Зальценберга, которое считаютъ возможнымъ и Унгеръ съ Скарлатомъ Византіемъ ²⁾,

¹⁾ *Landenkmale v. Konstantinopol*, S. 60—61.

²⁾ Grelot (у Vanduri, *Impetium Orientale*, Pars IV, p. 544) круглое зданіе на сѣверо-восточномъ углу храма св. Софіи прямо называется *Sacristie*; къ этому заключенію Grelot приведенъ былъ, повидимому, сходствомъ этой постройки съ сакристіею св. Петра въ Римѣ. Скарлатъ Византій (*Κωνσταντινούπολις*, I, 506) называетъ постройку на сѣв.-вост. углу *Βαπτιστήριον* или *τὸ Μεγα Βαπτιστήριον*, но замѣчаетъ, что она могла служить и въ качествѣ *Σκευοθήκιον*. Унгеръ (*Enuyl. v. Ersch u. Gruber*, ser. I, Band 84, стр. 404) также признаетъ, что, въ виду отсутствія оконъ, зданіе это не могло служить Крестильницею, но могло быть и, вѣроятно, было Сокровищницею. Проф. Н. П. Кондаковъ (*Византійскія церкви*, стр. 117) считаетъ, напротивъ, это зданіе за Крестильницу и, какъ мы видѣли, приурочиваетъ къ ней слова Антонія Новгородскаго

вѣрно, то мы должны допустить, что Крестильница Большая, упоминаемая въ обрядѣ крещенія въ Великую Субботу и, вѣроятно, тождественная съ Крестильницею, о которой говоритъ Павелъ Силенціарій, исчезла или перестроена и застроена такъ, что ее никто не видалъ и не описалъ. Будущее, быть можетъ, покажетъ, кто правъ, тѣ ли, которые принимаютъ круглое зданіе на сѣверо-восточномъ углу св. Софіи за Крестильницу, или тѣ, которые видятъ въ этомъ зданіи Сокровищницу. Но Крестильница около сѣверо-восточнаго угла св. Софіи несомнѣнно была. Эта Крестильница, вѣроятно, разумѣется и въ Бесѣдѣ, изданной академикомъ Л. Н. Майковымъ. Анонимный авторъ бесѣды говоритъ (стр. 17): „а оттолѣ (т. е. отъ храма св. Николая, который находился за алтаремъ св. Софіи) предъ задними дверьми св. Софіи великаго алтаря придѣлано мѣсто, гдѣ воду крестятъ; ту есть чаши аспида зеленаго; ту же въ чаши погружаютъ кресты; надъ чашею кивотъ свинцомъ обить; ту же и царей крестятъ; ту растутъ четыре кипариса и два фупика“. Хотя воду крестили въ Крещенье, какъ видно изъ Евхологія (см. выше, стр. 104 слѣд.) въ Лутирѣ, т. е. въ чашѣ двора св. Софіи, но иногда освященіе воды могло совершаться и здѣсь, въ Крестильницѣ у алтаря. Во всякомъ случаѣ указанія Анонима на мѣсто этой Крестильницы не позволяютъ ее принимать ни за бассейнъ на дворѣ св. Софіи, который былъ предъ передними, красными дверьми храма, ни за Крестильницу на ю.-в. углу св. Софіи. Но разумѣть ли анонимный собесѣдникъ круглое зданіе на с.-в. углу или какую-нибудь другую постройку, сказать трудно. Для рѣшенія этого вопроса необходимо тщательно изслѣдовать турецкія постройки и пристройки около с.-в. угла св. Софіи, а этого еще не сдѣлано, сколько мнѣ извѣстно, потому и опредѣленнаго ничего сказать относительно круглаго зданія пока нельзя: даже и оно почти вовсе не изслѣдовано, и Зальценбергъ былъ тамъ, но его собственнымъ словамъ, очень короткое время и успѣлъ только сдѣлать измѣренія (Baudenkmale, p. 60).

относительно находящихся тамъ изображеній, между тѣмъ какъ описаніе Антонія Новгородскаго относится, безъ сомнѣнія, къ Крестильницѣ на юго-западномъ углу св. Софіи. Крестильница, описываемая Антоніемъ, находилась, по прямому замѣчанію Антонія, на правой сторонѣ (отъ алтаря, а слѣдовательно, и отъ входныхъ западныхъ дверей), а не на лѣвой, слѣдовательно, на южной, а не на сѣверной сторонѣ, и описывается послѣ святилища, находившихся на правой сторонѣ отъ алтаря, причемъ Антоній описываетъ сначала святилища, находившіяся близъ алтаря, а потомъ тѣ, которыя находились въ притворахъ, направо отъ алтаря (Савваитовъ, Путешествіе Антонія Новгородскаго, p. 89).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Входъ царя въ пропилей нарѣика и сниманіе короны.—Встрѣча царя патріархомъ и духовенствомъ въ нарѣикѣ.—Входъ въ храмъ черезъ царскія врата и въ алтарь черезъ св. врата.—Возложеніе на св. престолъ апокомвія, чашъ и другихъ приношеній.—Кажденіе св. престола и запрестольнаго креста.—Удаленіе въ Мутаторій.—Выходъ царя для участія въ великомъ входѣ.—Выходъ для цѣлованія любви съ духовными чинами и чинами царскаго синклита.—Выходъ царей для приобщенія св. Тайнъ.—Мѣсто причащенія царя.—Причащеніе царей въ алтарѣ въ день коронаціи.—Завтракъ послѣ причащенія въ Мутаторіи.—Проводы царя патріархомъ и надѣваніе короны въ св. Кладезѣ.—Апокомвій, получаемый патріархомъ и другими лицами.—Просфоры и масло, даваемая царю патріархомъ.

Изъ Орологія св. Софіи, гдѣ происходилъ послѣдній приѣмъ Венецовъ, царь шелъ черезъ дворъ св. Софіи къ краснымъ вратамъ и, войдя въ нихъ, заходилъ въ нишу, находившуюся предъ средними дверьми во внутренней нарѣикѣ и закрытую завѣсою. Здѣсь препозитъ снималъ съ царя корону ¹⁾, и царь черезъ большую дверь изъ пропилея входилъ въ нарѣикъ, гдѣ у самыхъ входныхъ дверей царя дожидались всѣ священнослужители съ патріархомъ во главѣ, который держалъ крестъ, между тѣмъ какъ архидіаконъ несъ евангеліе, а нѣкоторые изъ діаконовъ вадилы и свѣтильники, такъ какъ царь входилъ во время совершенія малаго входа съ евангеліемъ. Царь, войдя въ нарѣикъ, прикладывался

¹⁾ Тексты изъ обрядовъ, въ которыхъ говорится о снятіи короны препозитомъ предъ входомъ въ нарѣикъ, приведены выше, стр. 97 и 102. Сниманіе короны предъ входомъ въ храмъ было обязательно издавна и дѣлалось въ знакъ благоговѣнія предъ храмомъ (см. K e i s k e, Comment., p. 93, гдѣ приведены мѣста, свидѣтельствующія о давности и обязательности сниманія короны). Только Михаилъ III въ день коронаціи Василія Македонянина, которая происходила въ Троицынъ день, вошелъ въ храмъ въ коронѣ и дошелъ въ ней до св. вратъ, потому что Михаилъ хотѣлъ короновать Василія вѣнцомъ съ своей головы, что онъ и сдѣлалъ. Этотъ случай, какъ необыкновенный, отмѣченъ лѣтописцами, и у Георгія монаха при этомъ замѣчено, что царь *ὄχι ἀπέθετο τὸ στέφανος* при входѣ, *καθὼς ἔθος ἐστὶ τοῖς βασιλεύουσιν* (Georg. Mon. de Mich. et Theod. c. 30).

прежде всего къ евангелію и кресту, затѣмъ царь и патріархъ кланялись, привѣтствовали другъ друга, причемъ патріархъ кадилъ царя, который, послѣ обычныхъ привѣтствій, цѣловался съ патріархомъ и, взявши

²⁾ Встрѣча царя патріархомъ съ духовенствомъ (μετα τῆς συνήθους αὐτοῦ ὑπηρεσίας καὶ τάξεως) довольно подробно описана въ общемъ обрядѣ I, 1, 14; (ср. I, 1, 27); но здѣсь упомянуто только прикладываніе къ евангелію (καὶ ἐν πρώτοις μὲν προσκυνοῦσι τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον βασιλευμένον ὑπὸ τοῦ ἀρχidiaκόνου). Но въ другихъ обрядахъ, гдѣ этотъ моментъ изображенъ короче, обыкновенно говорится, что цари прикладываются къ евангелію и кресту (напр. I, 9, 64: ὁ δὲ βασιλεὺς ἀσπάζεται τὸ τε εὐαγγέλιον καὶ τὸν σταυρόν). Ср. встрѣчу патріарха съ царемъ, когда царь выходитъ навстрѣчу патріарха, идущаго съ крестнымъ ходомъ: въ этихъ случаяхъ царь поступаетъ такъ же, какъ при встрѣчѣ въ нарникѣ св. Софіи, напр. I, 1, 29: съ приближеніемъ патріарха, «препозиты подають свѣчи, цари со свѣчами въ рукахъ поклоняются кресту, цѣлуютъ евангеліе и крестъ, а потомъ патріарха». Ср. I, 10, 75; I, 17, 102; I, 18, 111; I, 27, 150; I, 28, 158, гдѣ упоминаются также и взаимныя поклоны и цѣлованіе, которое происходило при каждой встрѣчѣ и прощаніи (προσκυνήσαντες ἀμφοτέρω ἀλλήλους ὁ τε βασιλεὺς καὶ ὁ πατριάρχης καὶ ἀσπασίμενοι). Большею частью встрѣча, какъ очень обычная и общезвѣстная, обозначается въ немногихъ словахъ, съ упоминаніемъ того или другаго момента этой встрѣчи (напр. I, 23, 132; I, 26, 145; I, 1, 27; I, 10, 73 и пр.). Кажденіе царя патріархомъ, когда они кланяются другъ другу, упоминается I, 1, 27 (καὶ ὁ πατριάρχης θορυβῶντος κατὰ τὸν τύπον τοῦ δεσπότης, ἀσπάζονται αὐτὸν οἱ δεσπότηαι). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ дворцовыхъ храмахъ патріархъ выходитъ съ евангеліемъ къ царю, стоящему у входныхъ дверей, и когда царь прикладывается къ евангелію, царя кадилъ діакономъ (I, 20, 120; I, 21, 123). На Равеннской мозаикѣ патріархъ идетъ съ крестомъ, архидиаконъ съ евангеліемъ, а диаконъ съ кадиломъ, которое онъ, очевидно, подавалъ патріарху для кажденія царя и которое патріархъ опять бралъ въ алтарь. Иначе изображаетъ входъ царя въ храмъ св. Софіи Шлумбергеръ въ своей книгѣ о Никифорѣ Фокѣ (Un Empereur Byzantin, Nicéphore Phocas, Paris, 1890, p. 306). Держась, очевидно, Д а б а р т а, Шлумбергеръ смѣшиваетъ forum Constantini съ Августеонномъ и заставляютъ царя входить черезъ св. Кладезъ, откуда царь, по его словамъ, entra par «belle porte» dans la salle de Métatorion и, передѣвшись здѣсь, il franchit enfin la grande porte de Sainte-Sophie, dite Basiliké, et prenant la torche des mains du préposite, alluma les cierges consacrés. Не смотря на то, что это изложеніе входа Никифора въ храмъ св. Софіи довольно близко къ тексту, который гласитъ (Сег. I, 96, 440), что послѣ славословія въ Орологіи Никифоръ, «войдя въ Мутаторій въ красныхъ вратахъ (εἰσελθὼν ἐνδὸν τῆς οὐραίας πόλης εἰς τὸ Μυτατόριον), облачился въ цицакій и вошелъ въ нарникъ и въ большія царскія врата, (гдѣ) взявши свѣчу (φάτλια) у препозита, совершилъ (обычное) поклоненіе» и пр.,—описаніе Шлумбергера обличаетъ, что онъ совершенно неправильно понималъ процедуру входа. Во-первыхъ, царь черезъ св. Кладезъ не шелъ, иначе онъ не попалъ бы въ красныя врата, а вошелъ бы черезъ южныя врата; во-вторыхъ, «la belle porte» вела не въ Мутаторій, а въ храмъ св. Софіи съ западной стороны, гдѣ въ этомъ входѣ была лишь для переоблаченія царя, а залы никакой тутъ не было; зала (τρίκλινος) была въ Мутаторіи, находившемся на юго-восточномъ углу храма, куда царь шелъ послѣ коронаціи; въ-третьихъ, никакихъ факеловъ царь не бралъ и никакихъ освященныхъ свѣчей не зажигалъ, потому что для зажигания церковныхъ свѣчей и лампадъ существовали кандиданты, а царь бралъ у препозита, по обыкновенію, восковую свѣчу и съ нею въ рукахъ совершалъ троскратный поклонъ въ царскихъ вратахъ, потому что φάτλιον означаетъ восковую свѣчу, а не факель (Du Sangé, Gloss. Gr. s v.). Освященные свѣчи, которые будто бы зажигаетъ царь, выдумалъ самъ Шлумбергеръ, вѣроятно, для того, чтобы пояснить, зачѣмъ царь бралъ φάτλια, но пояснилъ совѣмъ яеудачно. Доказывать неправильность описанія, даннаго Шлумбергеромъ, полагаю, нѣтъ надобности, такъ какъ приведенныя у меня тексты ясно говорятъ противъ почтеннаго автора интересной книги о Никифорѣ. Относительно привѣтствія царемъ патріарха ср. Reiske, Comment. p. 100:

сго за правую руку, шель съ нимъ чрезъ нарѣикъ къ царскимъ вратамъ, ведущимъ изъ нарѣика въ храмъ. Здѣсь они останавливались. Патріархъ читалъ входную молитву, а царь со свѣчами въ рукахъ совершалъ троекратное поклоненіе предъ царскими вратами, надъ которыми было изображеніе царя, поклоняющагося Христу Спасителю, сидящему на тронѣ, съ пресвятой Богородицею и Архангеломъ по сторонамъ ¹⁾.

dicunt: *χαῖρε, Κύριε πατριάρχα* et dein osculantur, причѣмъ Reiske ссылается на Lib. Pontif. Naberti p. 63, по этого привѣтствія я тамъ не нашель, хотя оно могло дѣйстви-тельно имѣть мѣсто.

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ I, 1, 14 сказано, что послѣ цѣлованія царь съ патріархомъ идутъ до царскихъ вратъ и здѣсь молятся со свѣчами въ рукахъ *καὶ τῆς εὐχῆς ὑπὸ τοῦ πατριάρχου τελοῦμένης, γίνεται εἴσοδος*. Въ Пасхальномъ обрядѣ этотъ моментъ описанъ подробно: подойдя къ царскимъ вратамъ, патріархъ *ἀρχεται τελεῖν τὴν εὐχὴν τῆς εἰσόδου τῆς θείας λειτουργίας*, а царь беретъ у препозита свѣчи и молится. Когда оба помолятся, царь отдаетъ свѣчи пропозиту, а тотъ церемоніарію, послѣ чего царь поклоняется честному кресту и евангелію и съ патріархомъ идетъ далѣе. Почти буквально также описано это въ Рождественскомъ обрядѣ I, 23, 132. Короче I, 26, 145. Молитва царя и *εὐχὴ τῆς εἰσόδου τῆς θείας λειτουργίας* предъ царскими вратами въ другихъ храмахъ описаны совершенно сходно съ Рождественскимъ и Пасхальнымъ обрядами I, 10, 76; I, 17, 102, причѣмъ замѣчено, что царь съ патріархомъ *ἕστανται ἀμφότεροι ἐν τῷ ὁδοῦ τῶν βασιλικῶν πολῶν*. То же самое въ обрядѣ Вознесенія въ храмъ пресв. Богородицы источника I, 18, 112 и въ храмѣ пресв. Богородицы Халкопратійской въ Рождество Богородицы I, 1, 30 и I, 30, 166. Почти во всѣхъ этихъ обрядахъ говорится, что царь послѣ молитвы предъ царскими вратами или въ нихъ, еще разъ поклонялся кресту и евангелію, а потомъ уже входилъ въ храмъ. Но какая молитва разумѣется подъ *εὐχὴ τῆς εἰσόδου τῆς θείας λειτουργίας*? Определеніе этой молитвы важно для определенія того момента литургіи, въ который царь входилъ въ храмъ. Во время литургіи, какъ извѣстно, совершается два торжественныхъ входа (*εἰσοδοί*): малый съ евангеліемъ (*ingressus vel introitus minor, εἴσοδος μικρά*) и большой или великій входъ или перенесеніе св. Даровъ съ жертвенника на св. престолъ (*ingressus maior, εἴσοδος μεγάλη*). Такъ какъ въ великомъ входѣ (*ἡ μεγάλη εἴσοδος, ingressus maior*) царь, какъ мы увидимъ, принимаетъ участіе вполнѣ и выходитъ для этого изъ Мутаторія, то прибытіе царя въ храмъ, очевидно, совпадало съ малымъ входомъ, когда выносятся изъ алтара (въ древнія времена изъ ризницы) чрезъ сѣверныя двери евангеліе, приносится къ мѣсту облаченія архіерея посреди церкви, за амвономъ, недалеко отъ царскихъ дверей, а потомъ, послѣ входной молитвы и положенныхъ пѣнопѣній, опять торжественно вносится въ алтарь чрезъ св. врата, въ сопровожденіи всѣхъ участвующихъ въ соборномъ служеніи и самого архіерея. При встрѣчѣ царя, разница отъ позднѣйшаго и нынѣшняго порядка, въ которомъ совершается малый входъ при архіерейскомъ служеніи, заключается только въ томъ, что патріархъ и всѣ сослужащіе находятся въ нарѣикѣ и тамъ встрѣчаютъ царя, а затѣмъ уже совершается входъ по чину, причѣмъ рядомъ съ патріархомъ шель царь, съ правой стороны его. (Относительно малаго входа см. Прот. К. Никольскаго, Богослуженіе Православной Церкви, стр. 384—387; ср. G o a r, Euchol. p. 124 и соответствующее мѣсто въ Архіерейскомъ Чиновникѣ). Но въ тѣ времена, когда написаны были обряды Придворнаго Устава, патріархъ, безъ сомнѣнія, не выходилъ изъ храма для встрѣчи царя, какъ пришлось бы ему сдѣлать по позднѣйшему и теперешнему порядку архіерейскаго служенія литургіи, а самъ впервые входилъ въ храмъ чрезъ западныя врата, вмѣстѣ съ царемъ, такъ какъ, по древнимъ чинамъ литургіи, до этого времени архіерея въ храмъ не было и онъ входилъ въ него во время малаго входа, какъ ясно показавъ безвременно скончавшійся, талантливый литургистъ, покойный проф. М а н с в е т о в ъ въ своей прекрасной статьѣ о пѣсенномъ послѣдованіи (въ Прибавленіи къ Твореніямъ св. Отцевъ за 1880 годъ, ч. 26, стр. 984 слѣд.), на основаніи анализа литургіи и

Послѣ входной молитвы, которая начинается словами: „Владыко Господи Боже нашъ“ и которую архіерей читаетъ тихо, архидіаконъ говорилъ: „Благослови, преосвященнѣйшій Владыко, святой входъ“. Патріархъ благословлялъ одною рукою на востокъ, говоря: „Благословенъ входъ святыхъ твоихъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Затѣмъ послѣ возгласа и пѣнія: „Прійдите, поклонимся“, царь отдавалъ свѣчу препозиту, который передавалъ ее церемоніарію, а царь прикладывался ко кресту и евангелію и, взявши опять патріарха за правую руку⁴⁾, проходилъ среди храма мимо амвона на солею; впереди ихъ шли служащіе съ патріархомъ духовные чины, архидіаконъ съ евангеліемъ, діаконы съ кадилами и лампадами. Совершается малый входъ при пѣнии пѣвчими: „Спаси ны, Сыне Божій“ и пр. Весь духовный синклитъ шелъ съ царемъ и патріархомъ среди собравшагося въ храмъ народа и чиновъ царскаго синклита, которые входили въ храмъ боковыми дверьми раньше царя, такъ какъ и въ храмъ шли впереди его, и занимали каждый чинъ присвоенныя имъ въ храмъ мѣста на правой южной сторонѣ. За царемъ шли только чины кувуклія, которые будутъ стоять съ царемъ въ Мутаторіи. Носимыя впереди процессіи знамена гвардейскихъ отрядовъ становились въ храмъ предъ солею съ той и другой стороны, а римскіе скиптры или *vela*, евтихія и другія собственно царскія знамена разставивались на солеѣ, между тѣмъ какъ крестъ св. Константина вносился въ алтарь и становился въ правой сторонѣ алтаря. Когда царь

сравненія съ древними чинами литургій. Въ подтвержденіе этого правильнаго толкованія, мы можемъ сослаться, кромѣ приведенныхъ у покойнаго Мансветова доказательствъ, на вышеприведенное мѣсто (стр. 146) изъ Евхологія Гоара, въ которомъ говорится, что патріархъ въ большіе праздники совершалъ крещеніе новообращенныхъ въ Малой Крестильнѣ (у юго-западнаго угла св. Софіи), а потомъ дождался здѣсь прибытія царя, чтобы его въ западномъ нарѣикѣ, около котораго находилась Крестильница, встрѣтить и вмѣстѣ съ нимъ войти въ храмъ, т. е. совершить малый входъ. Въ виду этого нужно полагать, что предъ встрѣчею патріархомъ царя, въ нарѣикѣ происходила встрѣча духовенствомъ патріарха по чину, который и теперь въ употребленіи и который походитъ на встрѣчу патріархомъ царя, конечно, *mutatis mutandis*.

⁴⁾ Черезъ нарѣикъ и храмъ царь проходитъ съ патріархомъ, взявши его за правую руку своею лѣвою рукою, но въ обрядахъ это не всегда обозначается. Обозначено это, напр., въ Рождественскомъ обрядѣ (I, 23, 132), гдѣ сказано, что чрезъ нарѣикъ отъ входныхъ до царскихъ дверей, патріархъ и царь проходятъ *κρατίζαντες ἀλλήλων τὰς χεῖρας*; по Благовѣщенскому обряду, царь и патріархъ *κρατίζαντες ἀλλήλων τὰς χεῖρας διέρχονται μέσον τοῦ ναοῦ καὶ εἰσέρχονται ἐν τῇ σολαίᾳ* (I, 30, 166). На Равеннской мозаикѣ Юстиніанъ держитъ въ рукахъ чашу съ золотою монетою, потому, вѣроятно, не держитъ патріарха за руку; въ день освященія только что отетросной св. Софіи Юстиніанъ входилъ съ патріархомъ, держа его за руки, но, войдя въ храмъ, оставилъ руку патріарха и, быстро дойдя до амвона, повергся ницъ и благодарилъ Бога за то, что ояъ позволилъ ему построить такой храмъ и превзойти Соломона (*Anonymi descriptio S. Sophiæ, Imperium Orientale Banduri. Pars III, p. 67*).

съ патріархомъ проходили среди чиновъ, эти послѣдніе говорили хоромъ царю обычное многолѣтіе: „да продлитъ Богъ святое царство Ваше на многія и долгія времена (или годы)“, а церковные пѣвчіе, вѣроятно, пѣли многолѣтіе царямъ и патріарху ¹⁾).

Пройдя такимъ образомъ посрединѣ храма и обойдя амвонъ съ правой стороны, царь и патріархъ входили на солею, на которой съ обѣихъ сторонъ стояли царскія знамена, и подходили къ святымъ вратамъ, т. е. къ среднимъ дверямъ алтаря. Патріархъ прикладывался къ св. вратамъ и, произнося слова псалма: „Вниду въ домъ Твой“ и пр., входилъ въ алтарь, а царь, стоя на порфировой плитѣ, вдѣланной въ полу предъ входомъ въ алтарь, бралъ у препозита свѣчу и со свѣчею въ рукахъ совершалъ троекратное поклоненіе предъ св. вратами и возвращалъ свѣчу препозиту, который по обыкновенію передавалъ ее церемоніарію. Патріархъ, войдя въ алтарь, вѣроятно, чрезъ лѣвую половину св. вратъ, становился возлѣ нихъ, и когда царь, помолившись, входилъ въ алтарь, онъ подвигалъ или приближалъ ему для прикладыванія царскія врата, что дѣлали иногда служившіе съ патріархомъ митрополиты и архіепископы ²⁾, между тѣмъ какъ самъ патріархъ стоялъ, вѣроятно, у престола и встрѣчалъ царя.

¹⁾ Мѣсто знаменъ и креста указано въ общемъ обрядѣ I, 1, 15. Здѣсь же указано, что чины стоятъ на правой сторонѣ *εις τοὺς ἰδίους τόπους*, т. е. сообразно съ чиномъ и рангомъ, старшіе и высшіе впереди, ближе къ солеѣ, младшіе позади. Какъ въ дворцовыхъ залахъ при собраніи чиновъ, такъ и въ храмѣ чины имѣли свои мѣста и свои скамьи, на которыхъ, вѣроятно, они сидѣли, когда по церковному уставу сидѣть полагалось. Такъ, вновь произведенный патрикій, получивши отъ патріарха благословеніе и освященные кодикилліи (*codicilli*), уходитъ *εις τὸ σκάμνον τῶν πατρικίων* и облачается въ плащъ (I, 48, 254). *Εἰς τὸ σκάμνον τῶν πατρικίων* стоятъ патрикій и до молитвы (I, 47, 240). Относительно многолѣтій (*ἐπεόχοντα* или *ἱστάντα*: *ἐπευχόμενοι*) см. I, 1, 27. Въ Haberti Liber Pontificalis (въ концѣ Appendix'a) помѣщены «многолѣтія» (*πολυχρόνια*), которыми привѣтствовали пѣвчіе въ Великой Церкви царей и патріарховъ въ большіе праздники въ позднѣйшее время. И въ настоящее время, когда архіерей войдетъ въ алтарь во время малаго входа, пѣвчіе поютъ у насъ: *εις πολλὰ ἔτη, δέσποτα*.

²⁾ Въ общемъ обрядѣ I, 1, 15 сказано, что «когда владыки дойдутъ до св. вратъ и станутъ на *πορφυροῦν ὀψάλιον*, патріархъ одинъ входитъ въ алтарь, *κρατῶν τὸ εὐώνυμον ἅγιον θύριον* (т. е. лѣвую половину среднихъ св. вратъ), а затѣмъ, помолившись, входятъ цари, *προσκυνοῦντες τὴν ὑπὸ τοῦ πατριάρχου κρατουμένην ἁγίαν θύραν*. Лат. переводъ передаетъ здѣсь *κρατῶν* посредствомъ *occupans*, а *κρατουμένην* *occupatam*. Сравненіе описаній этого момента въ другихъ обрядахъ показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о занятіи двери, а о держаніи, подаваніи или приближеніи ея для цѣлованія. Въ Пасхальномъ обрядѣ I, 1, 64 сказано яспѣе, что *μέλλοντος* (*τοῦ βασιλέως*) *εἰσεῖναι* (*εις τὸ θυσιαστήριον*), *ἱστάνται* *μητροπολίται*, *κατέχοντες τὰ ἅγια θύρια*, *καὶ ἐπινευσάντων αὐτὰ πρὸς τὸν βασιλέα μικρὸν, φιλεῖ ὁ βασιλεὺς τοὺς ἐπ' αὐτὰς πεπαρμένους σταυρούς, καὶ εἰσέρχεται εἰς τὸ θυσιαστήριον*. То же самое дѣлаютъ митрополиты въ храмѣ св. Мокія: *ἤνικα μέλλει ὁ βασιλεὺς εἰσερχεῖσθαι εἰς τὸ θυσιαστήριον, ἐπιτρέπονσιν οἱ μητροπολίται κατὰ τὸ ἔθος τὰ ἅγια θύρια πρὸς τὸν βασιλέα* и царь, приложившій къ утвержденнымъ на нихъ крестамъ, входитъ въ алтарь (I, 17, 103). Въ другихъ обрядахъ этотъ входъ царя въ алтарь описанъ короче: обыкновенно говорится только о

Войдя въ алтарь, царь шель къ св. престолу и, помолившись, прикладывался къ покрову св. престола, подносимому или поднимаемому патриархомъ ¹⁾, становился у св. престола и бралъ у препозита, который, войдя въ алтарь боковыми дверьми съ чинами бувуклія, стоялъ близъ св. престола сбоку, принесенные въ даръ воздуха, разстилалъ ихъ на св. престолѣ и ставилъ на нихъ принесенныя въ даръ храму чаши, блюда

важиганіи свѣчи и молитвѣ предъ свѣтлыми вратами (напр. I, 30, 166; I, 27, 151; I, 26, 145; I, 23, 132; I, 18, 112); но и сейчасъ приведенныхъ двухъ мѣстъ, полагаю, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что *κρατῶν* въ общемъ обрядѣ значитъ «держа», а не запиная (оссиранъ), тѣмъ болѣе, что трудно даже понять, что значило бы выраженіе: патриархъ входитъ, занимая лѣвую половину двери, и какъ могъ царь цѣловать занятую (оссиранъ) патриархомъ дверь. *Εἰσερχεται κρατῶν* въ общемъ обрядѣ стоитъ, очевидно, вмѣсто *εἰσερχεται καὶ κρατᾷ*: входитъ и держитъ, или, яенѣе, приближаетъ двери для прикладыванія. Молитвы патриарха не упоминаются въ обрядахъ Константина Багрянороднаго. Полагая, что патриархъ во время малаго входа читалъ молитвы, прикладывался, кадилъ и вообще совершалъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершаетъ въ это время архіерей, я внесъ въ текстъ упоминаніе о нѣкоторыхъ (хотя далеко не всѣхъ) дѣйствіяхъ патриарха на основаніи общаго чина архіерейскаго служенія литургіи, по Чиновнику Архіерейскаго священнослуженія (ср. прот. Никольскаго, Богослуженіе Православной Церкви, стр. 386—387 примѣчаніе). Изъ «Чиновника» взяты начальныя слова и другихъ молитвъ, пѣснопѣній и возгласовъ, которые читаются и поются священнодѣйствующими при архіерейскомъ служеніи; потому въ обращеніяхъ къ патриарху удержано выраженіе: «Просвѣщеннѣйшій Владыко», какъ теперь у насъ и въ позднѣйшее время у грековъ величали патриарха и архіереевъ; но такъ-ли говорилось въ обращеніяхъ къ патриарху въ IX—X вв., это другой вопросъ, который и рѣшать не берусь, а замѣчу только, что въ Придворномъ Уставѣ «владыками» (*δεσπόται*) называются только цари, сколько мнѣ помнится.

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ сказано, что цари, подойдя къ св. престолу, *ἀσπάζονται τὸ ταβλίον τῆς ἁγίας ἐνδότης, ἀπὸ τοῦ πατριάρχου τοῦτο ἀγκυόμενον καὶ τοῖς δεσπόταις πρὸς ἀσπασμὸν προσκυόμενον* (I, 1, 15). Въ другихъ обрядахъ этотъ актъ выражается кратко: говорится, что царь молится предъ св. престоломъ (I, 9, 65), прикладывается (*εὐξάμενος προσκυνᾷ* I, 10, 75, 76; ср. I, 30, 164 и 166; I, 18, 112) къ св. престолу, цѣлуется св. покровъ (*ἀσπάζόμενος κατὰ τὸ εἶωθὸς τὰς ἐνδότας* I, 20, 121; I, 19, 117; I, 27, 151). Въ виду того, что во всѣхъ случаяхъ говорится только о прикладываніи къ покрову св. престола или, при менѣе точномъ выраженіи, къ св. престолу, и подъ *τὸ ταβλίον τῆς ἁγίας ἐνδότης* нельзя разумѣть ничего другаго, кромѣ самаго покрыва, или, говоря точнѣе, того его мѣста или части, которая особенно украшена и расшита золотомъ и шелками, такъ какъ словомъ *τὸ ταβλίον* на хламидахъ парскихъ и хламидахъ высшихъ чиновъ называлась именно нашивка изъ другой, нежели остальная одежда, матеріи, часто вся вышитая и расшитая золотомъ и шелками, которыми или выдѣлывались разные узоры или, кромѣ узоровъ, изображенія царей. По всей вѣроятности, такая вышивка или нашивка на покровѣ, быть можетъ, съ изображеніями креста, Спасителя и святыхъ и разумѣется подъ *τὸ ταβλίον* въ общемъ обрядѣ. Ни мощей въ плоскомъ ящикѣ, ни ковчега съ запасными дарами разумѣть подъ *τὸ ταβλίον* нельзя, хотя *τὸ ταβλίον* означаетъ и плоскій ящикъ, какъ мы видѣли, и можетъ означать плоскій сосудъ съ мощами или дарами; потому что въ такомъ случаѣ что-нибудь подобное было бы и въ другихъ храмахъ и обозначено было бы въ другихъ обрядахъ. Кромѣ того, эта вышивка называется нашивкою св. покрыва, слѣдовательно, тѣсно связана именно съ покрывомъ и не представляетъ принадлежности св. престола вообще, какъ чаши, диски, крестъ и т. п. (О значеніи *τὸ ταβλίον* вообще см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. и ср. Reiske Comment., p. 107, гдѣ Reiske болѣе или менѣе правильно понимаетъ подъ *τὸ ταβλίον* въ общемъ обрядѣ или *longum et latum lorum per medium instratum*, или вышивки на углахъ).

(дискосы) и другіе сосуды и предметы, употреблявшіеся при совершеніи таинства, затѣмъ прикладывался къ стоявшимъ на св. престолѣ чашамъ, блюдамъ и св. пеленамъ Господнимъ (*τὰ ἅγια σπάργανα*), которыя, также какъ и покровъ, подносилъ ему для цѣлованія патриархъ, и, наконецъ, ставилъ на разостланные платы сосудъ съ деньгами, таѣ называемый апокомвій¹⁾. На сколько можно судить по указаніямъ обрядовъ, принесеніе сосудовъ, кромѣ, быть можетъ, праздника Пасхи, когда, повидимому, обязательно приносились сосуды, зависѣло отъ доброй воли и усердія царей²⁾,

¹⁾ По общему обряду (I, 1, 15), цари, приложившись къ τὸ ταῦλον св. покрыва, разстилаютъ (ἀπλοῦσι) на св. престолѣ два бѣлыхъ воздуха (ἀέρας) и прикладываются къ двумъ чашамъ, двумъ дискамъ (δίσκος) и св. пеленамъ (*τὰ ἅγια σπάργανα* или *τὰ σπάργανα τοῦ Κυρίου*). По Пасхальному обряду (I, 1, 65) царь разстилаетъ два плата (εἰλητά, плитоны отъ греч. имен. пад. εἰλητόν) и ставитъ на нихъ принесенные дары: двѣ чаши и два диска, затѣмъ прикладывается къ св. пеленамъ и, наконецъ, кладетъ апокомвій, т. е. денежное приношеніе. По Рождественскому (I, 23, 133) и Крещенскому (I, 26, 145) обрядамъ, царь дѣлаетъ тоже, что по общему, т. е. разстилаетъ два плата и прикладывается къ двумъ чашамъ, двумъ дискамъ и св. пеленамъ, а потомъ кладетъ апокомвій. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что только въ Пасху цари приносили чаши и диски, кромѣ платовъ и апокомвія. Во II кн. Придворнаго Устава записанъ фактъ принесенія Михаиломъ III въ Крещеніе потира, украшеннаго драгоценными камнями, и воздуха (*πατροκαλάρια*). При этомъ сказано, что потиръ, по приказанію царя, несъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, вѣроятно, придворный, въ чинѣ спаоріи, а воздухъ несъ силенціарій. Оба они шли предъ царемъ между двумя магистрами, которые, какъ высшіе чиновники, шли очень близко впереди царя. Дойдя до святыхъ вратъ, царь взялъ потиръ и, войдя въ алтарь, поставилъ его на св. престолѣ, а патриархъ взялъ у силенціарія воздухъ и передалъ царю, который также положилъ его на св. престолѣ (II, 31, 631). Изъ этого факта видно, что, кромѣ Пасхи, царь приносилъ иногда сосуды и въ другіе праздники Господніе, но это, повидимому, зависѣло отъ обстоятельствъ, желанія и усердія царя, между тѣмъ какъ принесеніе въ Пасху чашъ и дисковъ, быть можетъ, было обязательно, какъ было обязательно въ каждый большой выходъ денежное приношеніе, апокомвій.

Подъ пеленами Христовыми или Господними здѣсь разумѣются дѣтскія пелены (*Fasciae Dominicæ infantiae*), которыя нужно отличать отъ погребальныхъ пеленъ Господнихъ (*Fasciae Dominicæ sepulturae*), которыя сохранились во Влахернскомъ храмѣ (*τὰ ἐντάφια τοῦ Χριστοῦ σπάργανα*, Дюканжа *Notae in histor. Joannis Cinnami, ed. Bonn. p. 331*). Дѣтскія пелены Спасителя сохранились въ храмѣ св. Софіи и лежали, повидимому, на св. престолѣ. Ихъ видѣлъ паша паломникъ Антоній Новгородскій (изд. Савваитова, стр. 67) въ алтарѣ храма св. Софіи. Но векорѣ послѣ этого они были похищены латинянами, послѣ взятія ими Константинополя въ 1204 году. Часть дѣтскихъ пеленъ Спасителя подарена была Нивеломомъ, епископомъ Суассонскимъ, въ женскій монастырь Богоматери (*de fascia qua involutus fuit Dominus puer Iesus*), какъ видно изъ письма епископа къ аббатисѣ этого монастыря, помѣщеннаго въ *Exuviae Sacrae Constantiae, gr. Rianta, vol. II, p. 67. ср. ibid., p. 190*. Но большая часть досталась Людовику Благочестивому и хранилась до 1792 года въ *S. Charclle*, когда пелены Господни пропали вмѣстѣ со множествомъ другихъ святынь, хранившихся въ этой капеллѣ (*Riant, Des dépouilles religieuses, см. таблицу на стр. 180: les drapreaux d'enfance, взяты 1241—246 г., détruit 1792*).

²⁾ Подъ чашами (*ποτήρια*) здѣсь разумѣются такъ называемые потиры (*ποτήρες*), которые теперь у насъ стоятъ обыкновенно на жертвенникѣ (*πρόθεσις*) вмѣстѣ съ дисками (*δίσκοι*) или дискосами, блюдами на ножкѣ, первые для вина, а вторые для положенія на нихъ агнца. Эта чаша и отдѣльно и вмѣстѣ съ дисками покрывается покрывами (*καλλόματα*), которые называются и воздухами (*ἀέρες*). Плитонемъ (*εἰλητόν*) у насъ называется шелковый, а прежде льняной, платъ, который кладется на покровъ престола (*ἐνδόχη*), и

но воздуха (ἀέρες), платы (εἰλητά) и апокомвій ¹⁾ приносился обязательно въ каждый изъ 5 большихъ праздниковъ Господнихъ, въ которые совершались большіе выходы въ храмъ св. Софіи. Обязательность этого обычая видна изъ того, что апокомвій или епикомвій упоминается въ обрядахъ всѣхъ выходовъ, крестныхъ ходовъ и выѣздовъ какъ въ св. Софію ²⁾, такъ и въ другіе храмы: прибытіе царя въ храмъ въ празд-

въ который завертывается у насъ антиминсъ, но такъ какъ въ храмѣ св. Софіи антиминса, по всей вѣроятности, на престолѣ не было, то εἰλητόν, по всей вѣроятности, служилъ платомъ, на который ставилась чаша и дискъ для совершения таинства, т. е. илито́нъ замѣнялъ нашъ аптиминсъ. Можетъ быть, впрочемъ, что въ св. Софіи св. пелены замѣняли собою антиминсъ, т. е. разстилались подъ чашею и дискомъ, для совершения таинства Евхаристіи и закрывались илитономъ, такъ какъ илито́нъ и антиминсъ также изображаютъ собою пелены Господни. Илито́нъ и антиминсъ развертываются священнодѣйствующимъ, когда начинается литургія вѣрныхъ. Царь приносилъ и развертывалъ на престолѣ воздухъ и платы, вѣроятно, для того, чтобы свои приношенія (ἀναθήματα) не ставить прямо на цокорь св. престола (объ этихъ священныхъ предметахъ см. протоіерея Никольскаго, Богослуженіе, стр. 7 слѣд. Ср. G o a r, Euchol. p. 130, 70, 838 и Gloss. Gr. Д ю к а н ж а s. v.).

¹⁾ Ἀποκόμβιον или ἐπικόμβιον происходитъ отъ κόμβος тесьма, шнуръ, ремень для завязыванія, затѣмъ завязъ, узелъ, nodus, наконецъ, завязанный мѣшочекъ или кошелекъ съ деньгами ἀπόδεσμος или ἔνδεσμος; а такъ какъ такіе кошельки издавна бросались и раздавались народу консулами и императорами во время празднествъ, устраиваемыхъ тѣми и другими по случаю вступленія въ должность и коронаціи, то подъ именемъ апокомвія стали разумѣться денежные подарки вообще, раздаваемые по разнымъ случаямъ и въ разное время периодически, въ видѣ жалованія и награды, свѣтскимъ и духовнымъ чинамъ отъ казны или отъ царя. Этимъ же именемъ назывались и денежные приношенія царей въ храмы для содержанія ихъ и состоящаго при нихъ клира. Reiske, справедливо замѣчающій (Comment. 487), что раздача денегъ народу и чинамъ во время коронаціи и тому подобныхъ празднествъ successerunt in locum veterum missilium et consularium munerum (объ этихъ missilia и munera см. Paul y Realeencycl. s. v. missilia и G o d o f r e d u s, Cod. Theod. III, p. 199), напрасно видитъ въ принесеніи денегъ и возложеніи на св. престолъ царями родъ какого-то штрафа, который якобы цари платили за свои грѣхи, или, другими словами, откупались отъ грѣховъ. Reiske, очевидно, въ этомъ случаѣ приписываетъ восточной церкви обычай продавать отпущеніе грѣховъ (индугьенціи), который существовалъ въ западной церкви. Это объясненіе ни на чемъ не основано и совершенно невѣрно. Отношеніе царей византійскихъ къ Православной церкви, ихъ благочестіе и роль защитника христіанской вѣры (πρόβλημα τῆς Τριῆδος) вообще и православнаго богослуженія въ частности, ихъ щедрость относительно храмовъ, ихъ заботы о сооруженіи великолѣпныхъ храмовъ и поддержанія ихъ достоточно объясняютъ обычай денежныхъ приношеній въ храмы, особенно въ католическій, такъ сказать, имперскій храмъ св. Софіи; а потому нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ другимъ, несогласнымъ съ воззрѣніями православной церкви, объясненіямъ.

²⁾ Reiske (Comment. p. 122) говоритъ, что цари приносили апокомвій въ храмъ св. Софіи 3 раза въ годъ: въ Пасху 100 фунтовъ золота, а въ Рождество и Троицу по 10. На чемъ основано это положеніе, неизвѣстно.—Кромѣ сейчасъ названныхъ праздниковъ, цари ходили въ св. Софію и црѣобщались тамъ въ Крещеніе и Преображеніе. Въ Крещенскомъ обрядѣ, какъ мы видѣли, упоминается о принесеніи апокомвія, а обряды Преображенія и Троицы до насъ не дошли; но въ виду того, что во всѣхъ дошедшихъ обрядахъ выходовъ въ св. Софію говорится о принесеніи апокомвія, нужно думать, что и въ недошедшихъ было упоминаніе объ апокомвѣ, тѣмъ болѣе, что цари, какъ мы сейчасъ увидимъ, и въ другихъ храмахъ, въ которые ходили на богомолье, возлагали на св. престолъ апокомвій.

ничный день на богомолье къ литургіи соединяется всегда съ принесеніемъ апокомвія, если царь заходитъ въ храмъ не попутно только, а идетъ туда спеціально, причемъ большею частью слушаетъ тамъ литургію и пріобщается¹⁾.

Количество денежныхъ приношеній, величина апокомвія бывала, вѣроятно, неодинакова и видоизмѣнялась по важности храма и величинѣ состоящаго при немъ вѣира. Трудно предположить, что царь приносилъ одинаковое количество во всѣ храмы и что меньшіе храмы и даже евктиріи получали такое же количество, какъ большіе и важнѣйшіе храмы въ родѣ св. Софіи или храма св. Апостоловъ. Кромѣ того, величина апокомвія могла зависѣть отъ времени и обстоятельствъ, финансовыхъ и политическихъ, а равно и отъ финансоваго положенія самихъ церквей. При нормальныхъ условіяхъ существовали, однакожъ, безъ сомнѣнія, извѣстныя, вѣками установленныя нормы апокомвій для разныхъ храмовъ, въ которыхъ періодически бывали цари для богомолья. Къ сожалѣнію, эти нормы намъ неизвѣстны²⁾, за нѣкоторыми, однакожъ, исключеніями. Если мы не знаемъ, сколько приносилъ царь въ большіе выходы въ св. Софію и другіе храмы, то мы знаемъ за то, сколько при-

¹⁾ Въ храмъ св. Софіи, кромѣ 5 Господнихъ праздниковъ, цари ходили въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, чтобы изъ св. Софіи идти крестнымъ ходомъ въ храмъ пресв. Богородицы Халкопратійской. но въ эти праздники они апокомвія въ св. Софію не приносили, а приносили и возлагали его на св. престолѣ Халкопратійскаго храма (I, 1, 31; I, 30, 166). Точно также царь приноситъ апокомвій въ храмъ св. Апостоловъ I, 10, 76 въ попедѣльникъ Пасхальной недѣли, въ Преполовеніе въ храмъ св. Мокія I, 17, 103; въ Вознесеніе въ храмъ Богородицы Источника I, 18, 163; въ Срѣтеніе во Влахернскомъ храмѣ I, 27, 151. Даже въ дворцовыхъ храмахъ и евктиріяхъ, если царь совершаетъ въ нихъ выходы въ престольные ихъ праздники или въ день освященія, онъ кадетъ на престолѣ апокомвій, напр. I, 19, 117; I, 20, 120. Въ виду этихъ многочисленныхъ свидѣтельствъ о постоянномъ обычаѣ приносить апокомвій умолчаніе о немъ въ общемъ обрядѣ I, 1, 15 едва ли можно считать чѣмъ нибудь инымъ, а не случайнымъ пропускомъ писца или умолчаніемъ автора этого обряда. Полагать, что этотъ обычай былъ отмѣненъ во время написанія общаго обряда, едва ли возможно, такъ какъ обычай приносить апокомвій былъ до такой степени обязательенъ, что въ такія времена Византійской имперіи, когда цари не могли уже приносить апокомвія, они не входили уже торжественно въ алтарь св. Софіи съ патріархомъ и не ходили вокругъ алтара (Cordinus, de offic. cap. XIV, p. 77 Вонн.). Кромѣ того, въ томъ же общемъ обрядѣ большихъ выходовъ, при изложеніи крестнаго хода въ храмъ пресв. Богородицы Халкопратійской упоминается возложеніе апокомвія (I, 1, 31), а весь общій обрядъ (т. е. вся I гл.) редактированъ, по всей вѣроятности, въ одно время и, если бы обычай возлагать апокомвій во время редакціи его былъ оставленъ, то, по всей вѣроятности, апокомвій не упоминался бы и при изложеніи выхода въ Рождество Богородицы, вошедшій въ составъ первой главы.

²⁾ Вышеприведенная норма апокомвія въ 10 фунтовъ золота, которую принимаетъ Reiskc, относится не къ пожертвованію въ храмъ, а къ денежной наградѣ патріарху, которому цари даютъ, при выходѣ изъ храма, апокомвій, независимо отъ тѣхъ, которые приносились въ храмъ и полагались на св. престолѣ. Объ этихъ апокомвіяхъ и количествахъ ихъ будетъ рѣчь впереди.

носилъ царь въ св. Софію по случаю своей коронаціи или восшествія на престоль и сколько онъ одинъ разъ въ годъ обязательно долженъ былъ жертвовать въ храмъ св. Софіи въ Великую Субботу. Въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. какъ при вступленіи на престоль и коронаціи, такъ и ежегодно въ Великую Субботу царь въ IX—X в., по крайней мѣрѣ, жертвовалъ или долженъ былъ жертвовать кентенарій или центенарій, т. е. 100 фунтовъ золота ¹⁾. Такъ какъ римско-византійскій фунтъ въ X в. равнялся нашимъ 72 золотникамъ, то въ 100 ф. было, слѣдовательно, 7.200 золотниковъ, которые составляютъ 75 нашихъ фунтовъ; такимъ образомъ выходитъ, что денежное приношеніе или пожертвованіе, которое цари приносили въ храмъ св. Софіи въ Великую Субботу, состояло почти изъ двухъ пудовъ золота, которое, по всей вѣроятности, приносилось въ видѣ солидовъ (*solidus aureus*, *ὄμιστρα*), т. е. въ видѣ золотой монеты въ $\frac{1}{72}$ византійскаго фунта или нашъ золотникъ. Эта золотая монета въ $\frac{1}{72}$ римско-византійскаго фунта у нашихъ предковъ называлась златница или златникъ и оставила о себѣ память въ вѣсовой единицѣ, золотникѣ, которому она равнялась по вѣсу ²⁾. Царь,

¹⁾ Въ Великую Субботу цари приходили въ храмъ св. Софіи перемѣнять покровъ на св. престолѣ и приносили два анокомвіа: одинъ въ сто фунтовъ золота, который клался у подножія св. престола (*εἰς τὴν ἁγίαν τράπεζαν, ἐν τῷ βασιλίῳ, ἐν ᾧ ὁ βασιλεὺς ἵσταται* I, 35, 182 или, по другому обряду той же Великой Субботы, *ἐν τῷ πεζουλίῳ τοῦ θαλασσιῶος τ. ἁγίας τραπέζης* I, 1, 34), а другой, *ἔχον καὶ αὐτὸ χρήματα πᾶμπολλα*, царь клалъ на св. престолѣ. При вступленіи на престолъ или, точнѣе, въ управление, т. е. когда царь, коронованный раньше при своемъ отцѣ или вообще предшественникѣ, дѣлался самостоятельнымъ правителемъ, большимъ или великимъ царемъ, цари жертвовали въ св. Софію тоже 100 фунтовъ золота (*ὁ γεγενῶς αυτοκράτωρ βασιλεὺς δίδωσιν εἰς τ. ἁγίαν τοῦ Θεοῦ Μεγάλην Ἐκκλησίαν χρυσῶν λίτρας ρ'* II, 52, 712. Ср. I, 91, 415, гдѣ говорится, что, кромѣ золота, въ коронацію приносились въ св. Софію и разные драгоценные предметы (*κεμήλια*). Византійскимъ царямъ подражали въ этомъ случаѣ, какъ и во многомъ другомъ, римскіе цари, во многихъ отношеніяхъ копировавшіе царскій дворъ и обычаи. Такъ, Климентъ VIII въ день своей коронаціи *ad altare accessit, eoque, deposita mitra, in medio osculato, super illud aurea scuta l. obtulit, quae inclusa in rubra crumena serica* R. P. D. Bartholomeus Caesius, S. S. Generalis thesaurarius, Pontifici ministravit. (Слова эти, заимствованныя изъ церемониала коронаціи Климента, приведены у Reiske въ Comment., p. 123).

²⁾ О соответствіи по вѣсу золотой византійской монеты, *ὄμιστρα* = *solidus aureus* нашему золотнику писалъ, какъ извѣстно, академикъ Кругъ. Я вѣсилъ одну золотую монету Константина Багрянороднаго, находящуюся въ Казанскомъ монцъ-кабинетѣ, теперь, къ сожалѣнію, сложенномъ болѣею частью въ кладовой; вѣсъ ея оказался совершенно соответствующимъ нашему золотнику. Такія монеты, какъ извѣстно, чеканились и у насъ: въ Кіевскомъ, богатомъ и прекрасно устроенномъ нумизматическомъ кабинетѣ, имѣется золотая монета св. Владиміра, представляющая копію съ византійской номисмы, только съ русскою надписью вокругъ изображенія св. Владиміра, представленнаго въ царскомъ облаченіи. Вѣсъ золотыхъ монетъ св. Владиміра болѣе или менѣе близокъ къ золотнику. Описанныя гр. Ив. Ив. Толстымъ въ его прекрасной и роскошно изданной книгѣ: «Древнѣйшія русскія монеты Великаго Княжества Кіевского», Спб. 1832, стр. 1—10, золотыя монеты св. Владиміра вѣсятъ около золотника (отъ 90 долей до 1 золотника 3 долей). Гр. Ив. Ив. Толстой считаетъ нормальнымъ вѣсомъ 1 зол. 3 доли (стр. 4). Визан-

значить, приносилъ въ Великую Субботу и жертвовалъ на св. Софію въ коронацію 7.200 солидовъ или золотниковъ. Такой суммы царь, по-пятно, не могъ нести и держать во время процессіи самъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ мы видѣли, во время шествія очень часто молится и при-кладывается. Въ X в. обязанность нести мѣшокъ съ деньгами, назна-ченными для пожертвованія въ св. Софію въ Великую Субботу, возла-галась на одного изъ кувикularioвъ, который въ день выхода становился съ мѣшкомъ на плечахъ у дверей Августея и, по выходѣ царя изъ Авгу-стея въ облаченіи, присоединялся къ процессіи, при чемъ шелъ сзади царя до св. вратъ, а потомъ боковымъ ходомъ входилъ въ алтарь и, когда наступало время класть эти деньги на ступень престола, къ его подножію, у кувикulario мѣшокъ съ 75 ф. золота бралъ препозитъ и передавалъ царю, который и ставилъ этотъ мѣшокъ къ подножію св. пре-стола, на одной изъ ступеней его, а не на самый св. престолъ ¹⁾).

Но такъ какъ цари въ Великую Субботу кромѣ апокомвіа въ 100 фун-товъ, полагаемаго на ступеняхъ престола, клали другой меньшей апоком-вій на самый престолъ, подобно тому, какъ они дѣлали это въ большіе Господніе праздники, то изъ этого можно заключить, что апокомвій Великой Субботы хотя и періодически повторялся, но въ то же время значительно превосходилъ другіе апокомвіи, приносимые въ св. Со-фію въ большіе праздники. Уже одинаковая величина его съ апоком-віемъ въ день восшествія на престолъ указываетъ на его, такъ ска-зать, чрезвычайность и особенную величину. Апокомвіи, возлагаемые на св. престолъ, были, безъ сомнѣнія, гораздо меньше, но во сколько разъ, неизвѣстно; можетъ быть въ 10 разъ, какъ предполагаетъ Reiske на основаніи апокомвіа, даваемаго патриарху, а можетъ быть, больше или меньше, смотря по празднику и усердію царей. Равеннская мозаика, на

тійскія златницы того времени также колеблются въ вѣсѣ на 1—3 доли и для определе-нія нормального вѣса русскихъ златницъ, дѣлавшихся, очевидно, по византійскимъ шабло-намъ, слѣдовало бы точно определить, на основаніи хорошо сохранившихся экземпля-ровъ, нормальный вѣсъ современныхъ Владиміру византійскихъ златницъ. Изображеніе Владиміровыхъ златницъ см. на таблицахъ, приложенныхъ къ книгѣ гр. Ив. Ив. Толстаго.

¹⁾ Ser. I, 1, 33: Цари, облачившись въ *χλαμύδας παγανάς* въ Октагонѣ Дафны, *ἐξέρ-χονται διὰ τοῦ Αὐγουστίου* (слѣд. читать *Αὐγουστέως*) *ἐνδον γὰρ τῆς μεγάλης πόλης τοῦ αὐτοῦ Αὐγουστίου* (*Αυγουστῶος*) *ἵσταται κοῦβικουλάριος, ἐπιόμιον φόρτωμα τὸ κεντινάριον φέρων καὶ περιπατῶν ὀπισθεν πλησίον τῶν θεσποτῶν*. Здѣсь разумѣется та самая ἡ μεγάλη πόλη τοῦ Αὐγου-στέως, въ которой, какъ мы видѣли, нисистіаріи стоятъ съ рукомыйникомъ и подаютъ царю воду для омывенія рукъ (Ser. I, 1, 9; ср. выше стр. 59). Въ ошибочности чтенія не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ рѣчь идетъ о тронной залѣ, *Αὐγουστέως*, а не о площади, *Αὐγουστέων* или *Αὐγουστίων* = *Αυγουσταίων* = Augusteum. См. объ этомъ оши-бочномъ чтеніи рукописи и изданій въ Обзорѣ главн. частей Большаго Дворца, стр. 100, прим. 2. Относительно большой двери изъ Августея въ Золотую руку см. тамъ же, стр. 107.

которой Юстинианъ несетъ апокомвій самъ, показываетъ, что цари приносили и въ видѣ обыкновеннаго апокомвія, возлагаемаго на св. престолъ, довольно большую сумму (*χρήματα πάμπόλλα*), такъ какъ въ судъ, который держитъ въ рукахъ Юстинианъ, судя по его размѣрамъ, могло войти никакъ не меньше 10 фунтовъ золота, если не больше.

Кромѣ великаго или большаго царя апокомвіи приносили и малые или вторые цари, если таковые были, а равно и царицы, какъ видно изъ той же Равеннской мозаики. Эти апокомвіи были гораздо меньше апокомвія, приносимаго большимъ или правящимъ царемъ, автократоромъ. Судя по тому, что въ свою коронацію второй царь жертвуетъ въ св. Софію 50 фунтовъ золота вмѣсто 100 фунтовъ, которые давалъ большой царь, а въ Врумаліи малаго царя для раздачи чинамъ даетъ 10 фунтовъ, между тѣмъ какъ большой царь въ свой день даетъ 20 фунтовъ, можно думать, что апокомвій втораго царя или малаго былъ вдвое меньше сравнительно съ апокомвіемъ великаго царя ¹⁾. Но, если было нѣсколько малыхъ царей, то ихъ апокомвій, вѣроятно, еще болѣе уменьшался, сообразно съ ихъ количествомъ, потому что въ противномъ случаѣ царямъ приходилось бы вносить слишкомъ большую сумму ²⁾.

Апокомвіи царицъ, судя по апокомвію въ Врумаліи, были еще меньше, нежели апокомвіи малыхъ царей: въ Врумаліи отъ имени малаго царя давалось 10 ф., а отъ царицы 8. Подобныя же отношенія могли существовать и между апокомвіями, жертвуемыми царицами въ св. Софію и другіе храмы. Если было нѣсколько царицъ, то, понятно, малыя царицы жертвовали меньше старшихъ царицъ, быть можетъ, по такому же расчету, какъ и малые цари сравнительно съ большимъ или самодержцемъ.

Положивши на св. престолѣ свои приношенія и приложившись къ

---

¹⁾ Атриклинь Филовей, перечисливъ выдачи новаго царя-самодержца, замѣчаетъ, что *ὁ δεύτερος βασιλεὺς δίδωσι τὸ χρῆμα τοῦτον* II, 52, 712. Относительно выдачи въ Врумаліи большаго и малаго царей и царицы см. II, 18, 601, гдѣ рассказана исторія этихъ выдачъ, и замѣчено, что Романъ I Лаканинъ подъ видомъ благочестія отмѣнилъ было ихъ, но что Константинъ Багрянородный ихъ опять восстановилъ, причемъ вмѣсто выдачи въ Врумаліи большаго царя 20 ф., малаго царя 10 и царицы 8 ф., постановилъ, чтобы на будущее время вмѣсто всего этого въ Врумаліи великаго царя выдавалось 40 ф. золота въ видѣ апокомвія (*ibid.* 606—7).

²⁾ На основаніи замѣчанія сходя о количествѣ апокомвія, даваемого патриарху при выходѣ царя изъ храма и смѣшиваемаго *Keiske* съ апокомвіемъ, возлагаемымъ на св. престолъ, можно даже заключать, что апокомвій при двухъ, трехъ и большемъ еще количествѣ царей давался одинаковый, который и платился великимъ царемъ за всѣхъ сразу, тѣмъ болѣе что источникъ этихъ выдачъ былъ одинъ: царское казначейство (*τὸ βασιλικὸν ζεστόριον*), изъ котораго бралась требуемая сумма и которое, какъ видно изъ вышеприведеннаго свидѣтельства К о д и а, въ послѣдніе вѣка, когда Византійское царство сдѣлалось мало и бѣдно, оказалось не въ состояніи уплачивать и одного апокомвія.

свѣщеннымъ предметамъ, находившимся на святомъ престолѣ, царь съ патріархомъ, кадя, обходилъ св. престолъ и входилъ въ восточную нишу восточной конхи, молился предъ находившимся здѣсь серебрянымъ вызолоченнымъ распятіемъ со свѣчею въ рукахъ, прикладывался къ нему, бралъ у патріарха кадило и кадилъ св. распятіе. Послѣ этого царь прощался съ патріархомъ ¹⁾, причемъ они оба кланялись другъ другу и цѣловались, и уходилъ изъ восточной ниши (σύνθρονος или κοιλίον) въ евктирій или молельню, примыкавшую къ восточной конхѣ справа, молился тамъ предъ серебрянымъ распятіемъ ²⁾, на которомъ изображены были всѣ символы страданій Христовыхъ, прикладывался къ нему и уходилъ въ Мутаторій ³⁾.

¹⁾ По обряду хиротоніи патріарха, царь прощается съ патріархомъ не въ κοιλίον, а въ евктиріи, гдѣ стоитъ серебряное распятіе, II, 14, 565. Такъ было при хиротоніи въ патріархи Θεοφιλάκτα, сына Романа I Λακαίνα, II, 38, 636. Разница, впрочемъ, съ общимъ обрядомъ I, 1, 16, которому я слѣдовалъ въ текстѣ, очень незначительна, такъ какъ евктирій былъ сейчасъ же за горнимъ мѣстомъ.

²⁾ Такъ какъ при обзорѣніи топографіи алтаря и частей его приведена уже часть относящихся сюда мѣстъ, то нѣтъ надобности приводить ихъ еще разъ. Достаточно замѣтить здѣсь, что моменты, описанные въ текстѣ, подробнѣе всего изложены въ Общемъ обрядѣ I, 1, 15—16. Но и здѣсь, по всей вѣроятности, пропущена одна подробность: кажденіе царемъ престола, которую мы находимъ въ обрядѣ Рождества Богородицы I, 1, 28, гдѣ сказано, что (послѣ прикладыванія къ св. престолу) патріархъ беретъ у кастрисіа своего (castrensis) кадило, даетъ царю и царь кадитъ вокругъ престола (καὶ θυμῆ ὁ βασιλεὺς πέριξ τῆς ἁγίας τραπέζης). То же самое дѣлають цари и по обряду Великой Субботы I, 1, 34; I, 35, 182 (послѣ положенія второго апокомвія, царь λαβὼν παρὰ τοῦ πατριάρχου θυμιατόν, θυμῆ ἔκ τρίτου τὸ θυσιαστήριον κοιλίῳθεν). Если кажденіе въ Великую Субботу еще можно отнести къ особенностямъ этого дня, то кажденіе въ Рождество Богородицы является уже подробностью, которая имѣла мѣсто, по всей вѣроятности, во всѣхъ случаяхъ, какъ имѣло мѣсто кажденіе предъ запрестольнымъ распятіемъ, хотя оно упоминается только въ одномъ обрядѣ. По Чиновнику Архіерейскаго священнослуженія, по входѣ въ алтарь на маломъ входѣ, архіерей, примъ кадильницу, кадитъ св. трансзу округъ и предложеніе и весь алтарь... Также исходитъ предъ св. двери и кадитъ Владыки Христа образъ и пресв. Богородицы и благочестивѣйшаго императора и народъ... Если кажденіе въ атомъ случаѣ полагалось по чину литургіи, то, безъ сомнѣнія, кадилъ и царь вокругъ св. престола. Запрестольный крестъ, предъ которымъ молился царь послѣ кажденія вокругъ св. престола, вѣроятно, былъ тотъ самый, который видѣлъ и описалъ Антоній Новгородскій: «во святѣй Софѣи, говоритъ Антоній, въ олтари великомъ за святымъ престоломъ стоитъ крестъ златъ, выше двою человекъ отъ земли, съ каменіемъ драгимъ и жемчугомъ учиненъ; а предъ нимъ виситъ крестъ златъ полутора локтей; водлѣ трехъ вѣтей повѣшена 3 кандила злата, а горитъ въ нихъ масло, таже кандила съ крестомъ учинилъ царь Іустіанъ, иже святую Софію поставилъ (т. е. Юстиніанъ)». Далѣе нашъ паломникъ описываетъ чудесное поднятіе и опущеніе этихъ кандилъ въ 1200 году при царѣ Алексѣѣ III Ангелѣ, 21 мая (Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія, изд. Савваитова, стр. 87—88).

³⁾ По I, 1, 16 цари, войдя въ евктирій предъ Мутаторіемъ, молятся καὶ ἀπαζόμενοι τὸν τίμιον σταυρόν, ἐν ᾧ πάντα τὰ σύμβολα τοῦ πάθους τοῦ Κυρίου ἡμῶν καὶ Θεοῦ, ἐμφέρονται καὶ εἰσέρχονται ἐν τῷ Μυτατωρίῳ. Такъ читаетъ Reiske, согласно съ рукописью, между тѣмъ какъ въ изданіи Лейха было ἐμφέρονται, εἰσέρχονται, т. е. запятая перенесена и ка выпущено. Reiske, защищая чтеніе рукописи, говоритъ, что послѣ Θεοῦ подразумѣвается

Первые христіанскіе императоры стояли во время литургіи въ самомъ алтарѣ, гдѣ оставались все время до причастія св. таинъ, но со временемъ Θεодосія Великаго, послѣ извѣстнаго столкновенія Θεодосія съ Амвросіемъ, епископомъ Медиоланскимъ, цари уже не стояли въ алтарѣ, а въ особомъ помѣщеніи близъ алтаря, входящемъ въ составъ царскаго Мутаторія ¹⁾. Устройство этихъ помѣщеній для царей развилось, вѣроятно, именно благодаря невозможности стоять въ алтарѣ. Какъ можно заключить изъ извѣстій о требованіи Амвросія, сначала цари стояли на солеѣ предъ алтаремъ ²⁾, но потомъ, для большихъ удобствъ, цари стали становиться въ боковыхъ помѣщеніяхъ возлѣ алтаря, которыя въ виду этого въ храмахъ, въ которыхъ цари періодически слушали литургію, стали устраиваться особымъ образомъ съ разными отдѣленіями, изъ ко-

---

ἐνεστι и что ἐμφέρονται значитъ inferunt sese domini, id est ὀριῶσι, προχωροῦσι, pergunt et intrant. Это толкованіе совершенно произвольно: ἐμφέρονται никогда, сколько мнѣ извѣстно, не значитъ: несусь куда нибудь, стремлюсь, вхожу, а значитъ: нахожусь гдѣ нибудь, въ чемъ нибудь, содержусь въ чемъ нибудь, insum, ἐνεστι, т. е. именно то, что здѣсь и требуется смыслъ; потому ἐμφέρονται необходимо относить къ τὰ σύμβολα, а не къ царямъ, къ которымъ относится εἰσερχοῦται. Въ виду этого чтеніе перваго изданія нельзя не признать правильнымъ и рукописное чтеніе нужно признать ошибочнымъ и требующимъ исправленія. Ἐν φ τὰ σύμβολα ἐμφέρονται значитъ: на которомъ находятся, помѣщены, имѣются знаки или орудія страданій Христовыхъ. (Шо II, 14, 565 и II, 38, 636 въ эвктирії стояло серебряное распятіе). Такое объясненіе этого мѣста совершенно согласно съ описаніемъ Антонія Новгородскаго, который также направо отъ большого алтаря въ притворѣ видѣлъ вдѣланную въ стѣнѣ доску гроба Господня и посохъ желѣзень, туше и свердлы и пилы, ими же чиненъ крестъ Господень; и уже желѣзно во дверѣхъ Петровы темницы; и древо, иже на шіи у Христа подъ желѣзомъ было, *тоже очинено съ икону крестомъ*. Судя по этому описанію, орудія страстей Христовыхъ были расположены въ стѣнѣ или отдѣльной рамѣ, такъ что составляли крестъ, который въ такомъ случаѣ будетъ совершенно сходенъ съ тѣмъ, который упоминается I. 1, 16 и въ которомъ «вставлены (ἐμφέρονται) символы страданій Господа нашего» (Ант. Новг., изд. Саввантова, стр. 90). Потому латинскій переводъ Лейха, который, согласно съ своею поправкою, перевелъ: ac cruceм, qua omnia passionis Dei et Domini nostri symbola continentur, osculati, metatorium intrant, нужно признать совершенно правильнымъ.

¹⁾ Кромѣ многихъ другихъ извѣстій объ этомъ обстоятельстве, есть относительно этого замѣчаніе и въ Придворномъ Уставѣ II, 26, 627. Другія извѣстія объ этомъ собраны у Дюканжа, Constantin. Christ. lib. III, p. 24, гдѣ, между прочимъ, приводится законъ Θεодосія Младшаго и Валентіана, изданный послѣ Ефесскаго Собора: Ad sacra altaria nunquam tantum offerendorum gratia accedimus, et cum circum septum sacrorum adytorum ingressi sumus, statim egredimus, ne quidquam ex propinqua divinitate nobis arrogemus.

²⁾ По словамъ Созомена (lib. VII, c. 24), Амвросій τόπον εἶναι τοῦ βασιλέως ἐν ἐκκλησίᾳ τέταχε τὸν πρὸ τῶν ὀροφάκτων τοῦ ἱερατείου, ὥστε τοῦ μὲν λαοῦ τὸν κρατοῦντα τὴν προεδρίαν ἔχειν, αὐτοῦ δὲ τοὺς ἱερέας προαδηῶσαι. По словамъ Хронографіи Θεοфана, со времени этого распоряженія Амвросія, установился обычай ἔξω τοῦ θυσιαστηρίου τοὺς βασιλέας ἵστασθαι μετὰ τοῦ λαοῦ (см. Дюканжа, Const. Chr. III, p. 24). Но съ народомъ царямъ по многимъ причинамъ стоять было неудобно. Потому цари становились не въ алтарѣ, а возлѣ него, въ особой пристройкѣ, Мутаторіи, гдѣ они могли хорошо слышать службу и въ то же время не стѣсняться публикою. Въ другихъ храмахъ, гдѣ такихъ пристроекъ въ нижнемъ этажѣ не было, цари становились въ катихуменіяхъ и переоблачались въ прилегающихъ къ нимъ помѣщеніяхъ (см. выше, стр. 130—131).

торыхъ въ однихъ цари молились, въ другихъ отдыхали и переодѣвались, въ третьихъ завтракали.

Войдя въ свой Мутаторій, цари прежде всего снимали хламиду, для чего, безъ сомнѣнія, тамъ находились чины, завѣдующіе царскими облаченіями, и веститоры, и стояли безъ хламиды до перенесенія св. даровъ съ жертвенника (*πρόθεσις*) на св. престоль или до большого входа (*ἡ μεγάλη εἴσοδος*), безъ сомнѣнія, потому, что хламида, затканная золотомъ и осыпанная драгоценными камнями и жемчугомъ, была довольно тяжела и стоять въ ней было довольно трудно и неудобно ¹⁾. Такъ какъ царь въ своемъ Мутаторіи былъ невидимъ для предстоящихъ въ храмѣ и при немъ находились только высшіе чины кувуклія, то ему не было необходимости во все время службы быть въ этомъ тяжеломъ облаченіи, которое онъ надѣвалъ только тогда, когда ему нужно было выходить изъ своего Мутаторія въ самый храмъ, что онъ дѣлалъ три раза во время литургіи: для участія въ великомъ входѣ, для цѣлованія любви и для причастія св. таинъ ²⁾.

Когда, по ходу службы, приближалось время перенесенія съ жертвенника св. Даровъ на св. престоль, церемоніарій, получивши, быть можетъ, извѣстіе отъ посланнаго патриархомъ референдарія, докладывалъ препозиту, а препозитъ царю. Царь облачался въ хламиду и шель съ чинами кувуклія чрезъ правую сторону храма за амвонъ, причемъ впереди его шли знамена и чины синклита, которые, подходя къ амвону, становились въ два ряда, такъ что царь проходилъ посреди ихъ.

¹⁾ Хотя въ обрядахъ объ этомъ снятіи хламиды, а въ Пасху лора, говорится рѣдко, тѣмъ не менѣе упоминаніе въ общемъ и Пасхальномъ обрядѣ облаченія въ хламиду предъ выходомъ для участія въ перенесеніи св. даровъ указываетъ достаточно ясно на разоблаченіе по приходѣ въ Мутаторій. Находясь въ параклитикѣ, свѣтирніи или китонѣ Мутаторія, царь былъ, такъ сказать, у себя и отдыхалъ отъ труднаго и утомительнаго шествія въ тяжеломъ парадномъ облаченіи, хламидѣ или лорѣ, которые онъ снималъ при первой возможности, хотя бы на короткое время.

²⁾ Участіе царей въ великомъ входѣ подробнѣе другихъ обрядовъ описано въ общемъ обрядѣ I, 1, 16—17. Здѣсь сказано, между прочимъ, что послѣ доклада препозита цари *περιτίθειαι τὰς ἐαυτῶν χλαμύδας καὶ ἐξέρχονται μετὰ τῶν χλαμύδων αὐτῶν ἀποσκέπαστοι* (т. е. безъ коронъ на головѣ, съ открытой головой) и проходятъ *διὰ δεξιῶ μέρους τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας μετὰ τοῦ κουβουκλείου καὶ τῆς σύγκλητος, ὀφικουόμενοι ὑπὸ τῶν σκήπτρων καὶ τῶν λοιπῶν σκευῶν*. По Пасхальному обряду I, 9, 65, царь, который по приходѣ въ Мутаторій, снималъ лорь, предъ великимъ входомъ *περιβάλλεται χλαμίδα καὶ δηριγεύμενος ὑπὸ τῶν ἐξ ἔθους... στάτων πάντων τῶν πατρικίων ἐνθεν καθεῖσε διέρχεται ὁ βασιλεὺς μέσον αὐτῶν*. По Рождественскому обряду, царь *κατέρχεται διὰ τῆς πλαγίας τοῦ ναοῦ... καὶ πλησιάσαντας τοῦ βασιλείως εἰς τὸν τόπον, ἐν ᾧ ἵσταται τὸ κηρίον αὐτοῦ, ἵσταται ἡ σύγκλητος ἐνθεν καθεῖθεν καὶ διέρχεται (ὁ βασιλεὺς) μέσον αὐτῶν* (I, 23, 133). Изъ этихъ мѣстъ видно, что царь выходитъ изъ Мутаторія не чрезъ алтарь, а чрезъ правую сторону церкви, т. е., вѣроятно, чрезъ правую нишу на солеѣ или правый корабль, а оттуда идетъ по правой сторонѣ средняго корабля за амвонъ. Чины и знамена идутъ въ обычномъ порядкѣ шествія впереди царя и, под-

Между амвономъ и царскими вратами стояли уже вышедшіе сюда изъ алтаря священнослужители, предшествуемые діаконами и архидіаконами, съ св. дарами и, быть можетъ, другими священными предметами: крестомъ, лжицею, копіемъ въ ожиданіи царя. Здѣсь же стояли и большія свѣчи, которыя носятся предъ св. дарами во время великаго входа и которыя отсюда до св. вратъ алтаря должны нести цари въ качествѣ депутатовъ и дефензоровъ церкви ¹⁾).

Когда цари подходили къ тому мѣсту за амвономъ, гдѣ стояли подсвѣчники съ зажженными свѣчами, а за ними священнослужители съ

ходя къ мѣсту, откуда должно начаться обратное шествіе, останавливаются, такъ что царь подходитъ къ своему подсвѣчнику уже посреди стоящихъ въ два ряда чиновъ синклита и знаменъ, которые останавливались и становились въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны идти впереди царя, при обратномъ шествіи отъ амвона къ солеѣ, какъ останавливаются при соборномъ служеніи духовные чины, когда прежде архіерея выходятъ на средину храма; при этомъ младшіе, выходящіе впереди, становятся впереди же, т. е. ближе къ солеѣ, а старшіе ближе къ пультиту или помосту, на который входитъ потомъ, пройдя посреди духовныхъ чиновъ, архіерей.

¹⁾ Свѣчи, которыя несутъ цари впереди св. даровъ, называются то τὸ κηρίον, то ἡ λαμπάς. Это—большія восковые свѣчи, поставленныя въ высокіе подсвѣчники. Они и у насъ называются въ церковномъ языкѣ по-гречески лампадами (Du Cange, Gloss. Gr. s. v. λαμπάς. Ср. протоіер. Никольскаго, Богослуж. Правосл. Церкви, стр. 45). Эту свѣчу обыкновенно носилъ депутатъ (deputatus), одинъ изъ свѣщеносцевъ, обязанность (βλακονία, ὄχι βερέκτων, ministerium, non officium) котораго состояла въ ношеніи свѣчи предъ архіереемъ и очищеніи пути для него на улицахъ и площадяхъ. Онъ же носилъ свѣчу на маломъ входѣ предъ евангеліемъ, а на большемъ предъ св. дарами. Неся вмѣсто него эту свѣчу, царь, такимъ образомъ, исполнялъ обязанности депутата. Не смотря на свою сравнительную незначительность, это званіе ставило царя въ разрядъ церковнослужителей и давало ему вмѣстѣ съ званіемъ дефензора церкви значительныя преимущества предъ мірянами (οἱ λαϊκοί). Этими званіями мотивируется, между прочимъ, какъ мы увидимъ, право царя на причащеніе подъ двумя видами отдѣльно и право входить въ алтарь св. вратами (о депутатахъ см. G o a r, Euchol. 237 слѣд.; 272 и 290. Ср. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. Δεπυτάτος и K r a u s, Realencykl. d. christlich. Alterthümer s. v.). Гораздо выше была роль защитника церкви (Δεφένσωρ, Defensor, ἑκδικος). Эти защитники (defensores) возникли въ христіанской церкви на подобіе существовавшихъ тогда defensores regum publicarum, раурерum, urbium и учреждены закономъ императора Гонорія по просьбѣ Карфагенскаго синода 407 года, который просилъ императоровъ, ut dent facultatem defensores constituendi scholasticos (= advocatos), ut more sacerdotum provinciarum iidem ipsi, qui defensionem ecclesiarum susceperunt, habeant facultatem pro negotiis ecclesiarum, quoties necessitas flagitaverit, vel ad obsistendum obripientibus vel ad necessaria suggerenda ingredi iudicium secretarii. На эту просьбу Гонорій отвѣчалъ закономъ (Cod. Theod. lib. XVI, Tit. II, lex 38), которымъ эта просьба собора приводилась въ исполненіе (Godofredi Cod. Theod., VI, p. 84—85), а другимъ закономъ тотъ же Гонорій (Lib. II, Tit. IV, lex VII, Godofr. Cod. Theod. t. I, p. 121) постановилъ, чтобы дѣла церкви въ судахъ оканчивались безъ замедленія и чтобы дефензоры не задерживались.

Въ восточной греческой церкви было нѣсколько такихъ защитниковъ и они значатся въ перечняхъ духовныхъ чиновъ (см. G o a r, Euchol. 286; C o d i n u s, de offic. p. 130; Du Cange, Gloss. Gr. s. v. Δεφένσωρ и ἑκδικος; K r a u s'a Realencyklop. s. v. Defensor). Императоръ, понятно, былъ защитникомъ церкви не въ такомъ тѣсномъ и частномъ смыслѣ, а въ смыслѣ общей и высшей защиты Православной Церкви, какъ ея покровитель и старшій сынъ.

св. дарами, препозиты брали подсвѣчники и подавали ихъ царямъ. Поклонившись св. дарамъ и взявши подсвѣчники въ руки, цари, предшествуемые знаменами и чинами синклита, начинали шествіе или великій входъ отъ середины храма къ св. вратамъ. За царями священнослужители несли св. дары: протодіаконъ или старшій діаконъ несъ дискосъ съ агнцемъ, служащій архимандритъ или протоіерей — чашу, другіе архимандриты, протоіереи и іереи — кресты, копья и пр. Подходя къ солеѣ, чины останавливались; знамена, стоявшія на солеѣ, вносились туда же и разставлялись по обѣимъ сторонамъ, а стоявшіе въ храмѣ становились на свои мѣста. Цари входили съ подсвѣчниками на солею и становились предъ святыми вратами, большой царь съ правой стороны, а малый съ лѣвой, отдавали свѣчи препозитамъ, которые ставили ихъ или на преграду у святыхъ вратъ, или прямо на солею съ правой и лѣвой стороны св. вратъ. Святыя врата въ это время были открыты, и въ нихъ, ожидая св. дары, стоялъ патріархъ, который, безъ сомнѣнія, привѣтствовалъ царей поклономъ, на который цари также отвѣчали поклономъ. За царемъ входили на солею и становились здѣсь предъ св. вратами священнослужители съ св. дарами. Архидіаконъ кадилъ царей, патріарха и св. престоль, послѣ чего св. дары вносились въ св. врата, гдѣ ихъ принималъ патріархъ ¹⁾. Прежде всего входилъ протодіаконъ съ дискосомъ и, проходя мимо царей, возглашалъ „царство Твое (или Ваше) да помянетъ Богъ во царствіи своемъ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, а, подходя къ патріарху съ дискосомъ, возглашалъ: „архіерейство твое да помянетъ Богъ во царствіи своемъ“ и пр. Патріархъ, принимая отъ протодіакона дискосъ, молился о благочестивѣйшемъ царѣ, о духовныхъ и государственныхъ чинахъ и пр. и относилъ дискосъ на св. престоль. Такимъ же образомъ, какъ протодіаконъ съ дискосомъ, входилъ въ св. врата священнодѣйствующій архимандритъ или протоіерей съ чашею и, проходя мимо царей, возглашалъ: „царство Ваше да помянетъ Господь Богъ“ и пр., а, подойдя къ патріарху говорилъ: „архіерейство твое“ и пр. Патріархъ, принимая чашу, произносилъ опять молитву за царя и относилъ чашу на св. престоль. Съ такими же молитвами за царя и патріарха входили другіе сослужащіе и становились на своихъ мѣстахъ въ алтарѣ ²⁾, послѣ чего патріархъ и цари

¹⁾ Самый входъ описанъ I, I, 17, гдѣ сказано, что препозиты ставятъ лампады ἐν τοῖς στύλοισι τῶν ἁγίων θυρῶν. Ср. I, 9, 65, по которому препозитъ ставитъ τὸ κηρίον ἐπάνω τῆς σωλέας πλησίον τῶν ἁγίων θυρῶν, какъ и I, 23, 133. Если былъ одинъ царь, то его свѣча становилась съ правой стороны св. вратъ (ἐν τῷ δεξιῷ μέρει), а возлѣ свѣчи самъ царь (I, 9, 65).

²⁾ Такъ какъ мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ чинъ патріаршаго служенія литургіи, болѣе или менѣе близкій по времени къ обрядамъ Константина Багрянороднаго, то я счелъ

кланялись другъ другу и прощались. Патріархъ шель къ св. престолу, а цари шли по правой сторонѣ солеи въ Мутаторій съ чинами кувуклія ¹⁾, снимали опять хламиды и продолжали слушать литургію до наступленія времени цѣлованія любви (ἀγάπη).

Въ послѣдніе вѣка существованія Византійскаго царства, когда цари жили во Влахернскомъ дворцѣ и оттуда приходили въ извѣстные праздники въ храмъ св. Софіи, участіе царей въ великомъ входѣ, повидимому, начиналось раньше, на сколько можно судить объ этомъ по позднѣйшему коронаціонному обряду. Во время литургіи, предъ началомъ которой совершалась коронація, цари, приглашенные къ участію въ великомъ входѣ старшими діаконами предъ самымъ началомъ его, надѣвши мантию, съ короною на головѣ, шли въ алтарь или помѣщеніе рядомъ съ нимъ къ жертвеннику, на которомъ стоятъ до перенесенія на св. престолъ св. дары. Когда св. дары передавались патріархомъ священнослужителямъ, имѣющимъ нести ихъ, и всѣ духовные чины, участвующіе въ великомъ входѣ, занимали свои мѣста, царь въ мантии и коронѣ, съ крестомъ въ правой рукѣ и акакією (ἀκράθης) въ лѣвой становился и шель впереди всей процессіи (изъ алтаря чрезъ сѣверныя двери?) на средину храма за амвонъ, обходилъ его и шель по правой сторонѣ на солею. Съ правой и лѣвой стороны царя шли царскіе тѣхохранители: варяги и знатные юноши въ парадномъ вооруженіи, а за царемъ слѣдовали діаконы и іереи съ св. дарами и другими священными предметами, носимыми во время великаго входа. Дойдя до солеи, всѣ останавливались. Одинъ царь проходилъ чрезъ солею до св. вратъ, которыя были открыты и за которыми стоялъ патріархъ. Царь и патріархъ кланялись другъ другу, наклоня головы, и привѣтствовали другъ друга. Потомъ царь становился направо у царскихъ вратъ и начинался входъ священнослужителей. Прежде всѣхъ къ патріарху, стоявшему въ царскихъ вратахъ, подходилъ второй изъ діаконѡвъ, державшій въ правой рукѣ кадило, а въ лѣвой омофоръ; пройдя къ патріарху мимо царя, стоявшаго у св. вратъ, діаконъ

возможнымъ дополнить указанія Придворнаго Устава главнѣйшими данными по Чиновнику общецаркiерейскаго служенія литургіи (ср. Никольскій, Богослуженіе Правосл. Церкви, стр. 423 примѣч.), заимствуя при этомъ нѣкоторыя черты изъ позднѣйшаго обряда коронаціи царей, съ которымъ мы сейчасъ познакомимся подробнѣе и въ которомъ, между прочимъ, описывается участіе цари въ великомъ входѣ.

¹⁾ Уходитъ царь отъ св. вратъ, не входя въ нихъ, очевидно, чрезъ правую сторону солеи, внѣ алтарной преграды, по всей вѣроятности, тѣмъ же путемъ, какимъ выходилъ къ Мутаторію. Путь этотъ, къ сожалѣнію, не указанъ точно въ обрядахъ; замѣчено только, что царь уходилъ διὰ τῶν ἔξω τοῦ θυσιαστηρίου I, 9, 65; διὰ τοῦ δεξιῆς μέρου τοῦ βήματος ἔξωθεν I, 1, 17. О значеніи βῆμα въ смыслѣ алтаря съ солеєю вмѣстѣ будетъ рѣчь ниже.

кадилъ царя и, когда царь наклонялъ голову, діаконь возглашалъ громкимъ голосомъ (βοᾶ μεγάλη τῇ φωνῇ): „да помянетъ Господь Богъ державу царства твоего во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, и потомъ прибавлялъ: „аминь“. Затѣмъ этотъ діаконь подходилъ уже къ патріарху, который цѣловалъ омофоръ, и діаконь входилъ въ алтарь боковыми дверьми. Подходя къ патріарху, діаконь возглашалъ: „да помянетъ Господь Богъ архіерейство твое“ и пр. Съ такими же возглашеніями проходили мимо царя протодіаконь съ дискомъ, первый архимандритъ или протоіерей съ потиромъ и т. д.

Когда всѣ входили такимъ образомъ, царь становился опять предъ святыми вратами, въ которыхъ стоялъ патріархъ; они кланялись другъ другу и царь уходилъ опять на свое мѣсто, гдѣ опять снималъ мантию и ламиду и слушалъ литургію ¹⁾).

Предъ совершеніемъ таинства Евхаристіи въ первые вѣка христианства совершалось общее цѣлованіе любви или мира (*φιλημα τῆς ἀγάπης* или *εἰρήνης, ἀσπασμός*, osculum pacis или рах), въ знакъ взаимнаго примиренія, христианскаго всепрощенія и любви къ ближнимъ, чтобы жертва, ими приносимая, была благопріятна Богу ²⁾). Мало-по-малу этотъ обычай

¹⁾ Вышеприведенное описаніе участія царей въ великомъ входѣ въ позднѣйшее время взято изъ К о д и н а de offic. с. XVII, р. 93 Вонн., гдѣ излагается обрядъ коронаванія царей и описываются дѣйствія ихъ въ храмѣ въ день коронаванія. Обрядъ этотъ весь заимствованъ К о д и н о мъ изъ Исторіи царя Иоанна Кантакузина (hist. lib. I, с. 41, стр. 196—204), откуда онъ перепечатанъ и въ 'Архипастырь или Liber Pontificalis eccl. Graecae Naberri, Parisiis. 1726, р. 604 слѣд. Въ этомъ обрядѣ подробности описанія великаго входа очень близко подходятъ къ чину общаго архіерейскаго служенія литургіи, дѣйствующему у насъ и донынѣ. Здѣсь упоминается песеніе предъ св. дарами архіерейскаго омофора, который носится и теперь. Кромѣ того, теперь носятъ еще впереди омофора архіерейскую митру или, какъ ее теперь называютъ греки, корону, которая въ X в. еще не была составною частію полнаго облаченія не только простыхъ епископовъ, но и патріарха. Да и царь, какъ мы видѣли, свою корону снималъ предъ входомъ въ парекъ и надѣвалъ по выходѣ изъ храма, какъ мы увидимъ. Въ позднѣйшее время, когда корона стала принадлежностію полнаго облаченія сперва патріаршаго, а потомъ мало-по-малу архіерейскаго вообще, цари и патріархи носили и въ храмахъ корону, которая снималась только въ извѣстные, наиболѣе важные и священные моменты службъ, которые указаны въ «Чинovníкахъ» архіерейскихъ службъ.

²⁾ Исторія этого обычая вкратцѣ изложена у Kraus'a Realeucyklopädie der christlichen Alterthümer I, 542 слѣд. s. v. Friedenkuß, гдѣ указана и довольно богатая литература этого обряда и перечислены случаи, въ которыхъ совершалось цѣлованіе, кромѣ литургіи. Благодаря скоро явившимся злоупотребленіямъ, было запрещено цѣловаться всѣмъ вообще, а только мужчинамъ и женщинамъ отдѣльно; затѣмъ и это оставлено. Но прежде нежели совсѣмъ вышелъ изъ употребленія обычай цѣлованія, въ западной церкви былъ въ употребленіи въ XIII столѣтіи такъ называемый instrumentum pacis или osculatorium, придуманный и введенный епископомъ Йоркскимъ Вальтеромъ. Этотъ osculatorium представлялъ собою дощечку съ изображеніемъ креста, къ которой и прикладывались всѣ, вмѣсто взаимнаго цѣлованія. Это было въ XIII в., а до этого времени еще держался обычай цѣлованія, хотя, вѣроятно, уже ослабѣвалъ. О значеніи обряда цѣлованія см. G o a r, Euclo-

сталъ выходить изъ употребленія, частію по постановленіямъ самой церкви, и теперь соблюдается только священнослужителями, въ православной церкви предъ совершеніемъ таинства, а въ римской послѣ совершенія таинства, предъ самымъ причащеніемъ.

Въ православной восточной церкви послѣ возгласа діакона: „возлюбимъ другъ друга (*ἀγαπήσωμεν ἀλλήλους*), да единомыслиемъ исповѣмы“ и молитвы священнодѣйствующаго, въ которой говорится о любви къ Богу и ближнимъ, всѣ священнослужащіе прикладываются къ дискосу, потиру и св. престолу и затѣмъ цѣлуютъ другъ друга. При архіерейскомъ служеніи, архіерей прикладывается, снявши шапку, т. е. митру, а потомъ, надѣвши ее, цѣлуется съ сослужащими архимандритами и іереями, которые, приложившись къ дискосу, чапѣ и св. престолу, подходятъ къ архіерею по старшинству и цѣлуютъ его въ рамена и десницу, при чемъ говорятъ: „Христосъ по средѣ насъ“, на что архіерей отвѣчаетъ: „и есть и будетъ“.

Съ наступленіемъ времени цѣлованія, патріархъ посылалъ референдарія къ царю съ извѣстіемъ о ходѣ службы; референдарій сообщалъ это церемоніарію, церемоніарій препозиту, а препозитъ докладывалъ царю. Царь облачался опять въ хламиду и въ сопровожденіи чиновъ кувуклія, къ которымъ, по выходѣ изъ Мутаторія, присоединялись чины синклита, тѣмъ же порядкомъ, какъ для участія въ великомъ входѣ, шель чрезъ правую сторону церкви изъ Мутаторія на солею и останавливался у алтарной преграды, направо отъ св. вратъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ переносный церковный столикъ, такъ называемый антиминосъ, съ котораго потомъ патріархъ приобщалъ царя святыхъ таинъ ¹⁾.

logium, p. 134. Ср. Никольскаго, Богослуженіе Правосл. Церкви, p. 426—427. Въ восточной церкви обычай цѣлованія мрянъ (*οἱ λαϊκοί*) предъ совершеніемъ таинства существовалъ также очень долго; по крайней мѣрѣ, былъ еще въ X в., какъ видно изъ орядовъ Константина Багрянороднаго, но соблюдался только царемъ да и то не во всѣхъ храмахъ, а только въ св. Софїи; въ другихъ храмахъ предъ совершеніемъ таинства царь не цѣлуется. Въ послѣдніе вѣка Византійской имперїи и въ св. Софїи царь не совершалъ уже цѣлованія, какъ видно изъ вышеприведеннаго обряда коронаванія.

¹⁾ Въ обрядахъ не совсѣмъ ясно указано, гдѣ именно стоитъ царь во время цѣлованія, и съ перваго взгляда можетъ показаться, что цѣлованіе происходитъ въ алтарѣ, такъ какъ въ Пасхальномъ обрядѣ сказано, что царь ἵσταται ἐν τῷ δεξιῷ μέρει τοῦ θυσιαστηρίου, ἐπακουρβίζων τῷ καγκέλλῳ ἐν τῷ ἀντιμίσῳ τῆς πλαγίας (I, 9, 66); но такъ какъ далѣе сказано, что, послѣ цѣлованія съ духовными чинами, для цѣлованія съ чинами своего синклита царь спускается (*κατέρχεται*), чтобы стать на то мѣсто, гдѣ онъ обыкновенно совершалъ цѣлованіе съ чинами, а въ общемъ обрядѣ I, 1. 17 выражено еще яснѣе, что для цѣлованія съ чинами царь ἵσταται ὑποκάτω ὀλίγον τῶν κυχλίδων; то не остается никакого сомнѣнія, что царь во время цѣлованія духовныхъ чиновъ стоялъ у алтарной преграды на солеѣ, а для цѣлованія съ чинами синклита спускался на нѣсколько ступеней. Въ пользу такого именно толкованія говоритъ и то указаніе Пасхальнаго обряда, что для

Здѣсь за алтарною преградой, въ алтарѣ, стоялъ патріархъ съ митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами и прочими священнослужителями, участвующими въ служеніи литургіи. Когда царь

причастія царь ἵσταται ἔμπροσθεν τοῦ θυσιαστηρίου ἐν τῷ βασιλικῷ ἀντιμίσῳ; слѣдовательно антиминосъ, у котораго царь стоялъ во время цѣлованія съ духовными чинами, находился не въ алтарѣ, а предъ алтаремъ. Наконецъ въ общемъ обрядѣ I, 1, 17 сказано, что предъ цѣлованіемъ патріархъ стоитъ ἐν τῷ δεξιῷ μέρει τοῦ βήματος πρὸς τὸ μητατώριον ἐνδον τῶν κιγκλίδων καὶ ἐν πρώτοις οἱ δεσπότες ἀσπάζονται τὸν πατριάρχην ἰστάμενον ἔξω τῶν κιγκλίδων, изъ чего ясно видно, что для цѣлованія патріархъ выходилъ изъ-за алтарной преграды и становился внѣ ея, на солеѣ, проходилъ, вѣроятно, чрезъ южную дверь, такъ какъ и царь и чины стояли въ правой, южной сторонѣ, къ которой примыкалъ Мутаторій. Подъ βῆμα общаго обряда и θυσιαστήριον Пасхальнаго обряда, такимъ образомъ, слѣдуетъ разумѣть не только алтарь собственно, т. е. пространство за перегородкою, но и солею, которая, какъ возвышенная часть храма, входила въ составъ βῆμα, что значитъ собственно ступень, возвышеніе. Это видно какъ изъ раздѣленія храма вообще на βῆμα, ναὸς и νάρθηξ, при чемъ къ βῆμα причисляется и солея, которая, по словамъ Симеона Θεσσαλονικίαιскаго, καὶ βῆμα καλεῖται ἀναγνώστων, такъ и изъ нѣкоторыхъ указаній обрядовъ Константина Вагрянороднаго. Такъ, въ праздникъ св. пророка Иліи, τῶν δεσποτῶν εἰσιόντων μετὰ τοῦ πατριάρχου εἰς τὸ θυσιαστήριον τοῦ εὐκτηρίου τοῦ ἁγίου Ἡλιοῦ, ὁ μὲν πατριάρχης προεἰσέρχεται, οἱ δὲ δεσπότες, ἰστάμενοι ἔξωθεν τῶν ἁγίων θυρῶν, молятся, а потомъ εἰσερχόμενοι ἐν τῷ θυσιαστηρίῳ, прикладываются къ св. вратамъ (I, 19, 117). Совершенно то же I, 20, 120. Здѣсь въ первомъ случаѣ подъ θυσιαστήριον разумѣется собственно солея, такъ какъ солея есть часть θυσιαστήριον въ широкомъ смыслѣ, это внѣшній престолъ Господа, какъ алтарь въ тѣсномъ смыслѣ внутренній престолъ Господа. Какъ внутренній назначается consecrando eius corroni, такъ внѣшній pro eodem in communione dividendo fabricatum. Вотъ почему въ Пасхальномъ обрядѣ сказано, что царь послѣ великаго входа уходитъ въ своѣй Мутаторій διὰ τῶν ἔξω τοῦ θυσιαστηρίου I, 9, 65, а въ общемъ διὰ τοῦ δεξιοῦ μέρους τοῦ βήματος (I, 1, 17). Совершенно согласно съ этимъ понятіемъ о солеѣ, какъ о внѣшнемъ алтарѣ, гласитъ обрядъ выноса креста въ Крестовоздвиженіе въ одномъ неизданномъ ктиторскомъ уставѣ, найденномъ доцентомъ Киевской Духовной Академіи, А. А. Дмитриевскимъ. Въ вышеслѣ, побезно сообщенной мнѣ г. Дмитриевскимъ, сказано относительно выноса креста: Χρῆ γινώσκειν, ὅτι προηυτρεπισμένου ὄντος τοῦ τετραποδίου μετὰ καὶ ἐνδοτοῦ, προτιθέασιν αὐτὸ οἱ παρεκκλησιάρχαι ἐν τῷ δεξιῷ μέρει τοῦ βήματος ἔξωθεν. Ἐν τῷ ψάλλεσθαι τὸ ν... λαβὼν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ τὸ τίμιον ξύλον ὁ ἱερεὺς... ἐξέρχεται ἀπὸ τοῦ ἀριστεροῦ κλίματος... καὶ τιθέασιν (съ діакономъ) αὐτὸν (τὸν σταυρόν) ἐπὶ τοῦ τετραποδίου ἔμπροσθεν τοῦ ἁγίου θυσιαστηρίου πλαγίως (ὡς) εἴρηται, ἰστώντες καὶ τοὺς δύο κηροὺς τῆς εἰσόδου ἔμπροσθεν αὐτοῦ ἡμμένους (по словамъ г. Дмитриевскаго, въ рукописи стоитъ ἡμμεράς), καὶ εὐθὺς εἰσέρχεται διὰ τῶν ἁγίων θυρῶν ἐνδοθεν τοῦ βήματος κтл. Здѣсь солея ясно названа алтаремъ (βῆμα) внѣшнимъ (ἔξωθεν), въ противоположность алтарю внутреннему (ἐνδοθεν), т. е. находящемуся за алтарной преградой. Уставъ этотъ, по словамъ пролога къ нему, составленъ въ XI в. для Константинопольскаго монастыря пресв. Богородицы Евергетидской (Εὐεργετίδος Благодѣтельница), а рукопись, по словамъ г. Дмитриевскаго, можно отнести къ XI—XII в.—Это различіе βῆμα на внѣшній и внутренній алтарь для насъ важно имѣть въ виду, чтобы точно опредѣлить, гдѣ царь совершалъ цѣлованіе любви и потомъ приобщался св. Таниъ, въ алтарѣ, за алтарной преградой, или внѣ ея, на солеѣ, такъ какъ неясное изложеніе этого пункта въ обрядахъ можетъ подать поводъ думать, что оба эти дѣйствія совершались въ алтарѣ, за алтарной преградой, между тѣмъ какъ царь, согласно вышеприведенному законоположенію, въ алтарь входилъ только для принесенія даровъ, т. е. своихъ пожертвованій. Относительно значенія βῆμα и солеи см. G o a g, Euchologium, p. 18; ep. D u C a n g e, Constant. Chr. lib. III, p. 43—44 и K r a u s, Realencyklop. d. christlichen Alterthümer, I, 43 folg., гдѣ объясняется первоначальное значеніе и назначеніе βῆμα = tribunal. Ср. сказанное выше, стр. 122—123.

подходилъ къ алтарной преградѣ и, облокотившись на нее, становился, патріархъ выходилъ чрезъ южную дверь алтаря и совершалъ цѣлованіе любви съ царемъ. За патріархомъ подходилъ къ царю синкелль, какъ первое послѣ патріарха духовное лицо, затѣмъ митрополиты, архіепископы, епископы, протопопъ св. Софїи и другіе высшіе духовные чины, и наконецъ три новокрещенныхъ (*τρία φωτίσματα*). Всѣхъ подводилъ къ царю, держа за руку, референдарій патріарха.

Совершивши цѣлованіе любви со всѣми духовными чинами, царь и патріархъ опять кланялись другъ другу, послѣ чего царь, отойдя отъ преграды и спустившись на нѣсколько ступеней, приступалъ къ цѣлованію съ чинами своего синклита, начиная съ высшихъ. Какъ духовные чины подводились къ царю референдаріемъ патріарха, такъ свѣтскихъ сановниковъ и чиновниковъ подводилъ къ царю церемоніарій. Если было нѣсколько царей, то прежде всего цѣловались цари, при чемъ къ великому или правящему царю подходили малые, за ними слѣдовали кесари, нобиллссимы, магистры и т. д.

Всѣ подводимые къ царю для цѣлованія, не исключая и малыхъ царей ¹⁾, кланялись въ землю, за исключеніемъ праздника Пасхи, когда, благодаря воскресенію, возстанію изъ гроба (*διὰ τὴν ἀνάστασιν*) кланяться или падать въ землю не полагалось. Въ этомъ случаѣ чины кланялись только до колѣнъ обыкновеннымъ церемоніальнымъ поклономъ, замѣнявшимъ въ придворныхъ обрядахъ въ воскресные дни поклонъ въ землю, при входѣ къ царю (см. выше, стр. 18 — 20). Патріархъ и цари всегда кланялись другъ другу тоже, понятно, не въ землю, а или тоже до колѣнъ, или еще меньше наклоня головы.

Къ сожалѣнію, нѣтъ указаній на то, какъ цѣловались цари съ духовнымъ и свѣтскимъ синклитомъ. Священнослужители, какъ мы видѣли, при цѣлованіи любви, цѣлуютъ архіерея въ руку и въ оба плеча; онъ отвѣчаетъ имъ поцѣлуемъ въ плечо. Такъ ли цѣловали чины царя, сказать трудно. Судя по способу христосованія свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ съ царемъ въ Пасху ²⁾, можно думать, что духовные и свѣтскіе

¹⁾ Льюдпрандъ въ Legatio (Pertz, Monumenta Germ. histor. vol. V, scriptores III, p. 349) говоритъ, что царь Никифоръ Фока, въ Троицынъ день, совершая большой выходъ, sanctam Sophiam ingreditur, dominis suis imperatoribus (Василій II и Константинъ) se a longe sequentibus et *in pacis osculo ad terram usque adorantibus*. Такъ какъ Троицынъ день бываетъ въ воскресенье, а въ воскресенье, какъ мы видѣли, при совершеніи придворныхъ обрядовъ, царю въ ноги обыкновенно не кланялись, то изъ свидѣтельства Льюдпранда можно заключить, что *in pacis osculo* не кланялись въ землю только въ Пасху, какъ это и замѣчено въ Пасхальномъ обрядѣ (I, 9, 67: *ἅπαντες... εὐσεβούμενοι πρὸς τὸ ἀπαύτασαι τὸν βασιλέα προσκυνῶσαι, μὴ πίπτουτες διὰ τὴν ἀνάστασιν*).

²⁾ Христосованіе царей съ высшими чинами въ 1 день Пасхи, предъ литургією, составляетъ одну изъ особенностей Пасхальнаго обряда, о которыхъ мы будемъ говорить особо.

сановники цѣловались съ царемъ въ уста, но предварительно, по всей вѣроятности, цѣловали ему руку. При христосованіи царя цѣловали въ колѣна, руки и уста, но тогда царь сидѣлъ на вреслѣ, а въ храмѣ царь стоялъ и въ колѣна цѣловать его было неудобно; оставалось цѣловать въ руки и уста. Въ пользу того, что при цѣлованіи любви царей цѣловали въ уста, говоритъ то обстоятельство, что ἀγάπη у Константина Багрянороднаго значитъ вообще цѣлованіе въ уста, хотя бы оно происходило по другому случаю, на примѣръ, при поздравленіи съ производствомъ въ чинъ, и διδόναι ἀγάπην значитъ именно цѣловать въ уста, между тѣмъ какъ цѣлованіе ногъ, колѣнъ и рукъ называется προσκύνησις ¹⁾).

Послѣ цѣлованія съ царемъ, сановники и чиновники синклита возвращались и становились на свои мѣста въ обычномъ порядкѣ іерархическомъ, старшіе впереди, въ два ряда, а царь, совершивши цѣлованіе любви или мира со всеѣми чинами синклита, раскланивался опять и прощался съ патриархомъ и, сопровождаемый чинами синклита, уходилъ чрезъ правую сторону храма въ Мутаторію, гдѣ снималъ опять хламиду и слушалъ литургію до наступленія времени приобщенія св. таинъ ²⁾).

Теперь достаточно замѣтить, что по этому обряду входящіе чины, не кланаясь (ср. I, 9, 61) въ землю, ἀσπάζονται κατὰ τόπον τοῖς δεσπόταις: πρώτον μὲν τοῖς αὐτῶν γόνασι, ἔπειτα καὶ ταῖς χερσὶν καὶ εἰς ὄψιν οὕτως τῷ στόματι (I, 1, 24). Христосованіе духовныхъ чиновъ съ патриархомъ во главѣ происходило въ четвергъ пасхальной недѣли въ Хрисотриклинѣ, причемъ духовныя чины, кромѣ патриарха, входя въ Хрисотриклинь, падали въ землю три раза, а потомъ уже цѣловали царя въ колѣна, руки и, наконецъ, въ уста (I, 14, 93—95).

¹⁾ Такъ въ обрядѣ производства въ кесари, послѣ коронаціи его, входятъ чины для поздравленія вновь произведеннаго въ Триклинь 19 аккувитовъ, гдѣ цари и кесари сидятъ въ креслахъ. Поздравляющіе προσκυνοῦσι: τὰ δύο γόνατα τοῦ μεγάλου βασιλέως, ὁμοίως καὶ τοῦ μικροῦ καὶ προσκυνοῦσιν ἐν γόνατον τοῦ ἐκ δεξιῶν καὶ ἐν τοῦ ἐξ ἐναντίων, καὶ προσκυνοῦντες διδόναι καὶ τῆν ἀγάπην. I, 43, 221. Здѣсь ἀγάπη, очевидно, значитъ то же, что ἀσπασμός, цѣлованіе въ уста, между тѣмъ какъ цѣлованіе колѣнъ выражается глаголомъ προσκυνεῖν (ср. I 41, 209), хотя это προσκύνησις состояло тоже въ цѣлованіи, согласно съ первоначальнымъ значеніемъ этого слова (ср. ἀσπάζονται въ приведенномъ, въ предыдущемъ примѣчаніи, мѣстѣ изъ Пасхальнаго обряда).

²⁾ Цѣлованіе любви, совершаемое царемъ, описано въ общемъ обрядѣ (I, 1, 17) Пасхальномъ (I, 9, 66) и Рождественскомъ (I, 23, 134), при чемъ по общему обряду цари ἀσπάζονται, кромѣ архіереевъ, протопопа Великой Церкви и архонтовъ, т. е. высшихъ административныхъ духовныхъ сановниковъ патриаршаго управленія, а свѣтскихъ чиновниковъ всеѣхъ (τοὺς τῆς συγκλήτου πάντας). Въ Пасхальномъ обрядѣ изъ духовныхъ чиновъ названы почти тѣ же, а изъ свѣтскихъ только высшіе: магистры, патрикіи, стратиги, domestici и оффиціаліи вообще (οἱ τὰ πρώτα ὀφφίλια κατέλυντες) до димарховъ включительно. Въ Рождественскомъ свѣтскіе чины перечислены тѣ же, что и въ Пасхальномъ, а въ числѣ духовныхъ обрядъ, кромѣ архонтовъ, называетъ еще κληρικὸς τοὺς ἐξ ἔθους ἀσπάζομένους τὸν βασιλέα, но какихъ именно, не перечисляется. Три новокрещенныхъ (τρία φωτιστάτα) упоминаются только въ Рождественскомъ обрядѣ. Изъ этого сопоставленія, кажется, можно заключить, что царь цѣловался обыкновенно далеко не со всеѣми духовными и свѣтскими чинами, а болѣею частію только съ высшими и главными, но, конечно, могъ цѣловаться и со всеѣми, если желалъ, несмотря на продолжительность этой процедуры при цѣлованіи всеѣхъ чиновъ синклита, участвовавшихъ въ выходѣ и прибывшихъ въ храмъ.

Съ наступленіемъ времени выхода для приобщенія св. Таинъ (*κοινωνία*), т. е. послѣ совершенія таинства Евхаристіи и приобщенія въ алтарѣ священнослужителей, участвовавшихъ въ служеніи литургіи съ патриархомъ, по полученіи извѣстія отъ референдарія, церемоніарій докладывалъ препозиту, а препозитъ царю о томъ, что пора выходить для принятія св. Таинъ. Царя облачали въ хламиду и онъ выходилъ, сопровождаемый чинами кувуклія, изъ Мутаторія, предшествуемый синклитомъ, какъ въ два вышеописанные выхода, шелъ на солею къ правой сторонѣ алтарной преграды и здѣсь останавливался предъ алтаремъ ¹⁾ у царскаго антиминса, т. е. переноснаго престола, на который патриархъ ставилъ вынесенное изъ алтаря тѣло Христово на дискосѣ и кровь Христову въ чашѣ. Это былъ, безъ всякаго сомнѣнія, тотъ самый антиминсъ, стоя у котораго царь совершалъ цѣлованіе любви съ патриархомъ и духовными чинами. Такіе антиминсы были въ то время въ большомъ употребленіи и весьма часто упоминаются въ обрядахъ Константина Багрянороднаго: въ св. Софійи на антиминсъ, поставленный на амвонѣ, кладутся предметы царскаго облаченія въ коронацію царей, на него же кладутся отличительныя одежды и знаки достоинствъ вновь произведенныхъ высшихъ сановниковъ; для обряда коронаціи царицы и кесарей, для производства нобилиссима такіе антиминсы приносятся во дворець въ то мѣсто, гдѣ долженъ совершаться обрядъ, и на нихъ кладутъ знаки достоинства и предметы облаченія для прочтенія надъ ними патриархомъ соотвѣтствующихъ молитвъ ²⁾.

¹⁾ Принятіе царями св. Таинъ кратко описано въ общемъ обрядѣ I, 1, 17—18, подробнѣе въ Пасхальномъ I, 9, 66—67 и еще подробнѣе въ Рождественскомъ (I, 23, 134), при чемъ одинъ обрядъ дополняется и поясняется другимъ. Такъ, въ общемъ обрядѣ сказано, что цари для причащенія приходятъ ἐν δεξιῇ μέρει τοῦ βήματος. Принимая во вниманіе, что цари, несомнѣнно, въ позднѣйшее время, по крайней мѣрѣ въ день коронаціи, приобщались въ алтарѣ, можно было бы подумать, что цари приходили въ алтарь, но замѣчаніе Пасхальнаго обряда, что царь изъ Мутаторія ἀπέρχεται καὶ ἵσταται ἔμπροσθεν τοῦ θυσιαστηρίου ἐν τῷ βασιλικῷ ἀντιμίσθῳ не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно того, что приобщеніе царей происходило предъ алтаремъ, а не въ алтарѣ, и притомъ не противъ св. вратъ, а направо отъ нихъ, между св. вратами и южными дверьми алтаря, гдѣ, какъ мы видѣли при описаніи цѣлованія, стоялъ царскій антиминсъ, а возлѣ него, опершись на алтарную преграду, царь. Кромѣ того, противъ причащенія въ алтарѣ говорятъ: 1) постоянный обычай причащаться въ другихъ храмахъ не въ алтарѣ, а въ катихуменіяхъ; 2) прямое свидѣтельство Симеона Θεσσαλονικεία, что въ алтарѣ цари приобщались и въ позднѣйшее время только въ коронацію (свидѣтельство это будетъ приведено ниже); 3) вышеприведенный законъ Валентиціана и Θεοδοσία, по которому цари входятъ въ алтарь только *invenum offerendorum gratia*. Этотъ законъ, вызванный столкновеніемъ Амвросія съ Θεοδοсіемъ Великимъ, указываетъ на подчиненіе царей постановленію церковнаго іерарха, а самое постановленіе показываетъ, что *до этого времени цари*, войдя въ алтарь, стояли тамъ до принятія св. Таинъ, принимали ихъ тамъ, а потомъ уже уходили изъ алтаря, но что послѣ этого цари входили въ алтарь только для принесенія пожертвованій, затѣмъ сейчасъ уходили и уже больше туда не входили.

²⁾ Обряды коронаціи царей I, 38, 192 и I, 96, 440 хотя и не называютъ антиминса, но говорятъ о молитвѣ патриарха на амвонѣ, а что эта молитва совершалась надъ пред-

Въ другихъ храмахъ, въ которые царь ходилъ слушать литургію, стоя въ катихуменіяхъ, антимины приносились на катихуменіи, для постановки на нихъ чаши и дискоса съ тѣломъ и кровью Христовыми для приобщенія царя и высшихъ чиновъ синклита ⁴⁾).

мѣстами облаченія, лежавшими на антиминосѣ, это видно изъ обряда коронаціи царицы (I, 40, 202; I, 41, 208), кесарей (I, 43, 218—219) и производства нобилиссима (I, 44, 227). Ср. кромѣ того G o a r, Euschol., 925, гдѣ приводятся читаемая патриархомъ, при коронаціи царей, молитвы и гдѣ сказано, что хламида, корона и фибула кладутся на антиминосъ, который стоитъ на амвонѣ. Относительно освященія отличительныхъ одеждъ и знаковъ отличія, полагаемыхъ на антиминосѣ, стоящемъ на солеѣ св. Софіи, при производствѣ высшихъ сановниковъ, которые кладутъ потомъ на антиминосъ апокомвій, см. обрядъ производства патрикія зосты I, 50, 260, обрядъ производства въ патрикія I, 48, 254; I, 47, 240. Ср. G o a r, Euschol., 931, гдѣ приводится молитва, читаемая надъ знаками отличія патрикія.

⁴⁾ Такъ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли патриархъ приходитъ въ катихуменіи храма св. Апостоловъ и тамъ *προτίθῃσι τὰ δῶρα ἐν τῇ βασιλικῇ ἀντιμισίῳ* (I, 10, 78). Въ храмѣ свв. Сергія и Ваха во вторникъ той же недѣли священникъ сперва приобщалъ царя въ евктиріи пресв. Богородицы, находившемся въ катихуменіяхъ, а потомъ ставилъ св. дары *ἐν τῇ ἀντιμισίῳ τῇ ὄντι ἀπέδαντι τοῦ θιασαστηρίου ὑπερθεῶν τῶν βασιλικῶν πολῶν*, слѣдовательно тоже въ катихуменіяхъ надъ нарѣнкомъ (I, 11, 88). Въ храмѣ пресв. Богородицы Источника въ Вознесенье патриархъ точно также сперва приобщалъ царя въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ *τὸ ἀντιμισίον*, очевидно особый, царскій, какъ въ св. Софіи, а потомъ ставилъ св. дары на другой антиминосъ и приобщалъ сановниковъ и чиновниковъ I, 18, 113. Съ такихъ же антиминосовъ приобщались цари, а потомъ съ другихъ антиминосовъ чины, безъ сомнѣнія, и въ другихъ храмахъ въ катихуменіяхъ. Если бы цари приобщались въ алтарѣ и если бы это составляло отличительную черту ихъ приобщенія, то едва ли они стали бы приобщаться въ катихуменіяхъ, а навѣрно спускались бы внизъ и входили въ алтарь. Этого, однакожь, никогда не было, а потому, въ виду вышеприведенныхъ соображеній, можно положительно утверждать, что цари и въ св. Софіи приобщались не въ алтарѣ, а предъ алтаремъ.—Но какіе были эти антиминосы и почему они такъ называются? Теперь у насъ, какъ извѣстно, «антиминосомъ» называется шелковый (прежде льняной) платъ съ изображеніемъ Господа во гробѣ. Онъ раскрывается только на литургіи, предъ началомъ литургіи вѣрныхъ и закрывается въ концѣ ея. Безъ него не совершается литургія, а на немъ можно совершать таинство Евхаристіи и въ другомъ мѣстѣ, когда бываетъ необходимо (напримѣръ, во время пожара церкви) оставить престолъ и доканчивать литургію внѣ храма. Въ антиминосѣ влагаются частицы мощей и, если не совершается литургія, онъ бываетъ свернуть и завернуть въ илиторъ (Никольскій, Богосл., стр. 7—8). Благодаря вкладыванію частицъ мощей въ антиминосъ и отсутствію ихъ въ самомъ св. престолѣ, антиминосъ, собственно говоря, замѣняетъ св. престолъ, почему и называется антиминосомъ, т. е. вмѣстопрестолиемъ. Въ такой замѣнѣ св. престола антиминосомъ не было надобности въ тѣхъ храмахъ, въ которыхъ мощи вкладывались въ св. престолъ и самые престолы освящались епископами. Потому антиминосовъ на св. престолахъ, по всей вѣроятности, не было въ Константинопольскихъ храмахъ, особенно въ храмѣ св. Софіи. Но такъ какъ часто являлась надобность имѣть св. престолъ въ другой части храма или въ другомъ мѣстѣ, внѣ храма, то съ очень давнихъ временъ въ христіанской церкви вошли въ употребленіе переносные престолы (*ἀντιμίσια*). Въ книгѣ протоіерея К о н с т. Н и к о л ь с к а г о, Объ Антиминосахъ Православной Русской Церкви, Спб. 1872, стр. 15 слѣд., приводятся доказательства существованія переносныхъ престоловъ въ очень раннюю эпоху. Такіе престолы или антиминосы (*altaria gestatoria, portatilia, viatica, itineraria*) употреблялись не только со временъ Константина Великаго въ походныхъ военныхъ церквахъ, но и раньше Константина Великаго во время гоненій на христіанъ, когда имъ нужно было укрываться и совершать литургію въ разныхъ мѣстахъ и частныхъ домахъ. Такъ какъ въ приведенныхъ (по Martigny, Diction. des antiquités chrét.) мѣстахъ изъ древнихъ

Царскій антиминосъ предъ правой стороною алтаря св. Софіи былъ, по всей вѣроятности, покрытъ богатымъ и великолѣпнымъ покровомъ и сдѣланъ изъ дорогаго матеріала, отличающійся тѣмъ отъ другихъ подобныхъ антиминосовъ. Стоялъ онъ, какъ и св. престолъ, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней (τὸ πῶλπιον), такъ что царь для принятія св. даровъ отъ патріарха, стоявшаго на верхней ступенькѣ, долженъ былъ подниматься и потомъ спускаться (I, 23, 134).

Подойдя къ антиминосу, возлѣ котораго на верхней ступенькѣ стоялъ патріархъ, царь кланялся патріарху, который въ то же время кланялся царю, затѣмъ царь молился, поднимался на верхнюю ступеньку и становился предъ антиминосомъ, на которомъ стояли чаша съ кровью Христовою и дискосъ съ тѣломъ Христовымъ. Такъ какъ цари пріобщались, какъ діаконъ, подѣ обоими видами отдѣльно, то, приступая къ антиминосу съ дарами, они, вѣроятно, произносили и слова, произносимыя въ этотъ моментъ и слѣдующіе діаконами и вообще священнослужителями ¹⁾, а

христіанскихъ писателей (стр. 17—19) эти переносные престолы называются *tabulae*, доски, то можно думать, что въ древности они представляли собою освященную доску (*tabula dedicata*) съ вложенными въ нее мощами, для которыхъ въ доскѣ дѣлалось закрывающееся углубленіе. Такія доски дѣлались изъ дерева, камня и металла и могли украшаться, по возможности, драгоценными металлами и покрываться дорогими покрывами. Такъ какъ эти доски назначались для перевозки и переноски, то онѣ не могли быть очень велики и тяжелы. Очень возможно, что такія освященные доски, возлагавшіяся на особые столики, разумѣются подѣ именемъ антиминосовъ и въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго; но возможно также, что во Дворцѣ, храмѣ св. Софіи и другихъ большихъ храмахъ существовали особые переносные алтари, специально сдѣланные для перенесенія на небольшія разстоянія въ предѣлахъ одного зданія и сдѣланные въ видѣ готовыхъ и великолѣпно отдѣланныхъ переносныхъ столиковъ, верхняя доска которыхъ была освящена епископомъ и заключала въ особомъ углубленіи мощи. Для того, чтобы переносить, перевозить и разсылать антиминосы было еще удобнѣе, стали доски замѣнять платами полотняными и шелковыми, въ которые вкладывали мощи и которые, освященные епископомъ, замѣняли вполнѣ не только доски съ мощами, но и постоянные престолы. Такіе антиминосы, какъ извѣстно, находятся у насъ во всякой церкви, если она не освящена епископомъ; если же церковь освящена епископомъ, то мощи полагаются подѣ престоломъ въ особо устроенномъ ящикѣ, а въ антиминосъ въ такихъ храмахъ мощи не полагаются (прот. Никольскій, Уставъ Богослуженія, стр. 9). На такихъ антиминосахъ-платахъ совершается таинство Евхаристіи. (Ср. *Du Cange, Gloss. Gr. s. v. ἀντιμόσιον; Martigny, Diction. d. Antiqu. chrét. et Knausa, Realencykl. d. christl. Alterthüm. s. v.*)

¹⁾ Въ самомъ подробномъ описаніи причащенія царей, находящемся въ Рождественскомъ обрядѣ (I, 23, 134), сказано только, что когда царь подойдетъ къ патріарху для пріобщенія пречистаго тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа, два остиарія держатъ развернутый домикалій и царь, принявъ въ руки св. даръ, цѣлуетъ патріарха и, сойдя съ возвышенія и перекрестившись трижды, пріобщается св. дара (т. е. тѣла Христова). Затѣмъ опять входитъ (*ἀνέρχεται*) на возвышеніе и остиаріи развертываютъ вгизу домикалій, а царь, принявши отъ патріарха кровь Христову, сходитъ съ возвышенія и, помолвившись, кланяется патріарху, а патріархъ ему. Подробнѣе описано причащеніе царей во время коронаціи Симеономъ Θεσσαλονικіемъ. Такъ какъ это описаніе очень хорошо поясняетъ и дополняетъ сейчасъ приведенное мѣсто изъ обрядовъ Константина

именно, приступая къ принятію тѣла Христова, говорили: „Се прихожду къ безсмертному Царю и Богу нашему“ и затѣмъ: „Преподаждь ми, патріархъ преосвященнѣйшій, честное и святое тѣло Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа“. Произнося эти слова, царь складывалъ ладони крестообразно, правую ладонь на верхъ, а два остіарія, ставши съ обѣихъ сторонъ между царемъ и патріархомъ, развѣтывали въ это время думникалій, т. е. шелковый платъ или широкое полотенце, и протягивали его между царемъ и патріархомъ, чтобы могущія упасть, при поданіи, частицы тѣла Христова падали не на полъ, а на этотъ думникалій. Такой платъ теперь у насъ распростирается и держится двумя церковнослужителями и во время причащенія мірянъ между причащающимся и священникомъ, держащимъ чашу. Надъ этимъ развернутымъ платомъ ¹⁾ патріархъ подавалъ царю и клалъ на правую ладонь частицу тѣла Христова, говоря: „Преподается тебѣ (имя и титулъ) честное и пречистое тѣло Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. Принявъ св. тѣло Христово, царь цѣловалъ патріарха и сходилъ съ возвышенія и, преклонивъ главу, читалъ молитву: „Вѣрую, Господи, и исповѣдаю“ и приобщался св. тѣла Христова, крестясь трижды.

Приобщившись св. тѣла Христова, царь выходилъ на возвышеніе къ антиминосу, остіаріи распростирали между царемъ и патріархомъ думникалій, царь говорилъ: „Преподаждь ми, и проч.“ Патріархъ бралъ

Багрянороднаго, то мы приведемъ его здѣсь въ переводѣ: Царь приобщается въ алтарѣ (*ἐνδοῦ τοῦ βήματος*), говоритъ Симеонъ Θεσσαλονικійскій, только во время коронаціи и миропомазанія, но послѣ діаконовъ и, какъ мы узнали изъ древнихъ обрядовъ, не на святомъ престолѣ, а на антиминосѣ, положенномъ на столикѣ (*ἐν τραπεζακίῳ τιμῇ*) въ сторонѣ отъ св. престола. Прежде приобщаются архіереи, іереи и діаконы животворящаго хлѣба и честной крови изъ св. чаши. Послѣ этого подходитъ царь и беретъ изъ руки патріарха св. хлѣбъ, какъ берутъ діаконы, и приобщается животворящей крови изъ св. чаши. Это было узаконено иконои. Эту честь царь получилъ чрезъ помазаніе на царство, какъ занимающій мѣсто депутата (*Δεσποτάτω*, *Deputati*) св. церкви, какъ защитникъ (*Δεφένσορ*, *Defensor*) этой церкви, какъ помазанникъ Господа и какъ возведенный на престолъ царь христіанскаго народа (это мѣсто изъ Симеона приведено у Гоарга въ *Euchologium*, p. 929). Слова и молитвы, произносимыя патріархомъ и царемъ въ моемъ описаніи, данномъ въ текстѣ, равно и другія подробности заимствованы изъ общаго чина литургии Иоанна Златоуста, когда литургію совершаетъ архіерей. Ср. протоіер. Никольскаго, Пособіе къ изученію Устава Богослуженія Православной церкви, стр. 441—443, литургію Иоанна Златоуста въ *Euchologium* Гоарга, p. 82 слѣд., а также Habertus, *Liber Pontificalis, de Myster. communione observatio* IX, p. 267 слѣд.

¹⁾ Платъ этотъ въ обрядахъ Константина Багрянороднаго называется *Δομνικάλιον* = *Dominicale*, т. е. воскресный головной покровъ или платокъ женщинъ, которая въ этотъ платокъ принимали Евхаристію въ первыя времена христіанства. См. Kraus, *Realencykl. d. christl. Alterth.* I, 374. Ср. Reiske, *Comment.* p. 224. Слова *δομνικάλιον* нѣтъ ни въ *Gloss. Gr.* Дюкьяна, ни въ *Graec Lexicon* американскаго Софокла,

чашу съ кровью Христовою и подносилъ ее къ устамъ царя, говоря: „Преподается тебѣ (титуль и имя) честная и пречистая и животворящая кровь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставленіе грѣховъ твоихъ и жизнь вѣчную, во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь“. Царь, взявши чашу, которую держалъ патріархъ, наклонялъ къ себѣ трижды и дѣлалъ три глотка ¹⁾, при послѣднихъ словахъ патріарха. Приобщившись такимъ образомъ св. крови, царь обтиралъ уста воздухомъ, цѣловалъ чашу и патріарха, потомъ сходилъ съ возвышенія, молился и кланялся патріарху, который, въ свою очередь, кланялся царю, послѣ чего царь тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ, сопровождаемый чинами, уходилъ въ Мутаторій, а патріархъ приобщалъ сановниковъ и чиновниковъ, но уже какъ обыкновенныхъ мірянъ подъ обоими видами вмѣстѣ и, вѣроятно, какъ въ другихъ храмахъ, съ другаго антимиаса. Если было нѣсколько царей, то они приобщались по старшинству и притомъ, по всей вѣроятности, какъ и священнослужители, сперва всѣ приобщались св. тѣла Христова, а потомъ опять поочередно св. крови Христовой.

Кромѣ Господнихъ праздниковъ, цари приходили во св. Софію, слушали литургію и приобщались св. таинъ въ день коронаціи. По вышеназванному обряду коронаціи, находящемуся въ Исторіи царя Іоанна Кантакузина и заимствованному оттуда Коудиномъ, равно какъ и по вышеприведенному свидѣтельству Симеона Θεσσαλονικійскаго, въ день коронаціи царь приобщался въ алтарь. Съ наступленіемъ времени причащенія, гласитъ этотъ позднѣйшій обрядъ, патріархъ посылалъ за царемъ двухъ діаконовъ, которые вели царя въ алтарь. Войдя въ алтарь, царь бралъ кадило и кадилъ св. престолъ крестообразно (σταυροειδῶς): сначала на востокъ, потомъ на сѣверъ, затѣмъ на западъ, послѣ этого на югъ и, наконецъ, опять на востокъ. Послѣ кажденія алтаря, царь кадилъ патріарха, который въ это время кланялся царю и привѣтствовалъ его, затѣмъ бралъ у царя кадило и кадилъ царя. Послѣ этого царь снималъ съ головы корону и отдавалъ ее діаконамъ и подходилъ къ патріарху для приобщенія св. Таинъ подъ обоими видами отдѣльно. По свидѣтельству Симеона Θεσσαλονικійскаго, патріархъ приобщалъ царя не съ св. престола, а съ особаго столика, накрытаго антиминомъ и поставленнаго въ сторонѣ отъ св.

---

¹⁾ Какъ священнослужители, такъ и цари сами наклоняли чашу для причащенія св. крови Христовой, какъ объ этомъ особенно замѣчено въ обрядѣ коронованія царей у Коудина: κοινωνεῖ δὲ ὁ βασιλεὺς τοῦ μὲν πατριάρχου τὸν ἅγιον κρατῆρα κατέχοντος, αὐτὸς δὲ προσέχων τῷ κρατῆρι τὸ στόμα, ὡσπερ καὶ οἱ ἱερεῖς (De offic. p. 95 ed. Bonn.).

престола. Послѣ приобщенія св. Таинъ царь опять надѣвалъ корону и уходилъ изъ алтаря на свое мѣсто среди церкви, гдѣ и слушалъ литургію до конца.

Не считая умѣстнымъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе и сравненіе коронаціонныхъ обрядовъ временъ Іоанна Кантакузина и Константина Багрянороднаго ¹⁾, считаю достаточнымъ замѣтить, что какъ пребываніе въ церкви и даже вхожденіе въ алтарь въ коронѣ, такъ и приобщеніе св. Таинъ въ день коронаціи въ алтарѣ, хотя и съ особаго антимиаса, представляютъ позднѣйшія видоизмѣненія и дополненія коронаціоннаго обряда. Дошедшій до насъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго коронаціонный обрядъ не даетъ никакихъ основаній думать, что цари въ ту литургію, предъ началомъ которой совершалась коронація, приобщались св. Таинъ какимъ-нибудь особеннымъ образомъ сравнительно съ обычнымъ способомъ причащенія въ храмѣ св. Софіи. Напротивъ, въ этомъ обрядѣ замѣчено, что для цѣлованія и для причастія цари выходятъ изъ Мутаторія, какъ обыкновенно выходятъ въ праздники, и все прочее совершается такъ, какъ обыкновенно ²⁾. Изъ этого замѣчанія можно и должно заключать, что цари и приобщались въ коронацію не въ алтарѣ, а предъ алтаремъ, какъ въ праздники, потому что, если бы приобщеніе царя въ коронацію происходило особеннымъ образомъ, то въ обрядѣ эта особенность была бы отмѣчена и, во всякомъ случаѣ, не было бы сказано, что цари все прочее совершаютъ такъ, какъ обыкновенно это бываетъ въ большіе праздники.

По возвращеніи въ Мутаторій, послѣ причащенія, съ царя снимали хламиду и въ дивитисіи онъ входилъ въ прилегавшую къ Мутаторію палату (*ὁ τρίκλιτος*), въ которой приготовленъ былъ завтракъ для царя (*τὸ κρᾶμα*) ³⁾ и для 12 или 14 друзей, т. е. высшихъ и ближай-

¹⁾ Часть относящагося сюда матеріала, греческаго и русскаго, собрана г. Елп. Барсовымъ и предъ коронаціею нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича издана въ 1-й книгѣ Чтеній въ Московск. обществѣ исторіи и древностей руссійскихъ, 1883, Москва. Къ сожалѣнію, г. Барсовъ, повидимому, не зналъ, что у Константина Багрянороднаго въ Придворномъ Уставѣ имѣется цѣлый сборникъ древнихъ обрядовъ коронаціи, и начинается прямо съ К о д и н а. Русскіе обряды коронаціи представляютъ любопытныя параллели съ греческими.

²⁾ Обрядъ коронаціи царя I, 38, 191 слѣд. Замѣчаніе: *εις δε την αγαπην και την κοινωνίαν (ἐκτελεῖ ὁ βασιλεύς), ὡς ἔχει ἡ συνήθεια τῶν ἑορτῶν, και τὰ λοιπὰ πάντα πληροῦνται, καθὼς ἐστὶν ἡ συνήθεια* сдѣлано въ концѣ обряда (р. 193). Въ старомъ обрядѣ коронаціи тоже ничего объ особомъ способѣ причащенія не сказано I, 91, 415; ср. I, 92, 425. Молчаніе объ особенностяхъ указываетъ на отсутствіе ихъ.

³⁾ О завтракѣ и затѣмъ выходѣ царей изъ св. Софіи говорится въ общемъ обрядѣ (I, 1, 18), Пасхальномъ (I, 9, 68) и Рождественскомъ (I, 23, 135). Въ Крещенскомъ (I, 26,

нихъ къ царю сановниковъ, состоявшихъ въ высшихъ чинахъ (маги-стра, препозита, анѳипата, патрикія) или занимавшихъ высшія должности (стратиговъ, доместиковъ, логоѳетовъ и т. п.). Сановники эти, по указанію царя, приглашались атриклиномъ, причемъ между ними, какъ и въ приглашеніи къ царскимъ обѣдамъ, соблюдалась извѣстная очередь. Въ Рождество Христово, Крещеніе и Преображеніе приглашенные не военные чины входили въ залу въ парадныхъ облаченіяхъ, но безъ хламидъ, какъ и царь, а въ Пасху и Троицу тѣ, которые проходили въ храмъ въ лорахъ, къ завтраку являлись въ ѳоракіяхъ (ϑωράκια) ¹⁾.

145) сказано объ этомъ очень кратко. О приглашаемыхъ къ такимъ завтракамъ чинахъ говоритъ атриклинь Филоеей въ своемъ богатомъ по содержанию клиторологіи: для Рождества Христова Ser. II, 52, p. 741, для Крещенія p. 754, для Пасхи 766, для Троицына дня 775, для Преображенія 779.

Относительно *κράμα* и связи его съ древне-христіанскими трапезами любви (*ἀγάπη*) довольно много и обстоятельно говоритъ Reiske въ Comment. 630. Едва ли только можно согласиться съ Reiske въ томъ, что *ipsae agarae imitamenta epularum erant, quas gentiles post sacrificia sua in templis instruere solebant*. Еще менѣе основаній предполагать, что отцы церкви, какъ говоритъ Reiske, допустили эти угощенія, чтобы привлечь іудеевъ и язычниковъ, привыкшихъ къ пирамъ послѣ жертвоприношенія. Древне-христіанскія *ἀγάπαι* вышли, несомнѣнно, не изъ языческихъ обычаевъ, а изъ тѣхъ общихъ трапезъ первыхъ христіанскихъ общинъ, которыя весьма тѣсно были связаны съ таинствомъ Евхаристіи и которыя сначала отдѣлились отъ него, а потомъ мало по малу совсѣмъ были оставлены; но слѣды ихъ сохранились частью въ раздаваніи антидора и просфоръ и записаніи послѣ причастія теплотою, частью въ нѣкоторыхъ монастырскихъ обычаяхъ. Сохраненію этихъ остатковъ способствовала забота о томъ, чтобы послѣ причастія частицы тѣла и крови Христовыхъ не остались во рту и не выброшены были съ слюною при кашлѣ, какъ это видно изъ свидѣтельства Палладія въ жизни св. Іоанна Златоуста, который *παρήγει πῶς μετὰ τὴν κοινωσίαν ἀπογεύσασθαι ὕδατος καὶ παστῖλου, ἵνα μὴ ἀκροβώως τῷ σιέλφ ἢ τῷ φλέγματι συνεκπίπτωσι τὶ τοῦ συμβόλου* (Reiske, Comm. p. 631).

Царскіе завтраки въ храмахъ и прилегающихъ къ нимъ пристройкахъ и цѣлыхъ дворцахъ составляютъ, несомнѣнно, также остатки этихъ древнихъ трапезъ любви, которыя сохранились только для царей. Сохраненіе ихъ легко объясняется тѣмъ утомленіемъ и голодомъ, которые долженъ былъ чувствовать царь послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ процессій въ тяжеломъ облаченіи, стояній и поста въ виду предстоящаго принятія св. Таинъ. Потому не только въ св. Софій, но и въ другихъ храмахъ послѣ литургіи цари обыкновенно завтракали; иногда къ этимъ завтракамъ приглашался патріархъ. Для этихъ завтраковъ, какъ мы видѣли, при храмахъ были особыя палаты или, по крайней мѣрѣ, комнаты во второмъ этажѣ, въ катихуменіяхъ или въ пристройкахъ, примыкающихъ къ храму. Говоря о Мутаторіи св. Софій, мы уже имѣли случай указать на завтраки въ нѣкоторыхъ храмахъ, кромѣ св. Софій. Ср. еще II, 13, 563; II, 6, 535; II, 7, 538. При храмѣ св. Апостоловъ былъ цѣлый дворецъ, въ который и уходили цари завтракать, пригласивъ и патріарха I, 10, 79. Относительно христіанскихъ *ἀγάπαι* см. Kraus, Realencykl. d. christl. Alterth. s. v. Agarapen, Eucharistie и oblatio. Въ Gloss. Gr. Дюканжа стоитъ только *κράμα* съ значеніемъ *vinum dilutum* и въ Appendix *κράμα γλυκό, οἶνος μεγαριστός, ἔψημα, vinum dilutum vel factitium*, между тѣмъ какъ у Константина Багрянороднаго слова *κράμα* и *κραματίζειν* встрѣчаются часто. Не мало и другихъ словъ имѣется въ обрядахъ Константина, которыя просятся въ Gloss. Дюканжа.

¹⁾ Объ этихъ *ϑωράκια* = дивитисіяхъ = особаго покроя далматикахъ будетъ сказано ниже, въ слѣдующей главѣ, при изложеніи особенностей Пасхальнаго выхода.

Военные сановники (стратиги) входили къ завтраку всегда въ скарамангіяхъ.

Изъ сколькихъ и какихъ блюдъ состояли эти завтраки, сказать трудно; но если принять во вниманіе тотъ древне-христіанскій обычай, изъ котораго вышли эти царскіе завтраки въ храмахъ, то надо полагать, что главными составными частями этихъ завтраковъ были хлѣбъ и вино, смѣшанное съ водою, отъ каковаго смѣшенія получили эти завтраки, вѣроятно, и самое названіе свое (хрѣма отъ корня хер, хр̄а, откуда хέρωνομι, ср. inf. aor. хр̄σαι, pf. хέρ̄αха, pf. pass. хέρ̄αμαι, aor. ἐхр̄αθη; хр̄ατήρ чаша для смѣшенія воды съ виномъ, хр̄ασις смѣшеніе, хр̄αма смѣшеніе, смѣшанный напитокъ). Но, само собою разумѣется, это названіе не исключало возможности подаванія и другихъ яствъ на этихъ завтракахъ, какъ, напр., плодовъ, рыбы, мяса и т. п.

По окончаніи завтрака „друзья“ вставали, препозитъ возглашала „повелите“, друзья хоромъ возглашали: „на многія и добрыя времена (или годы) да продлитъ Богъ царство Ваше“ и выходили въ св. Кладезь, откуда они вмѣстѣ съ другими чинами синклита должны сопровождать царя при возвратномъ его шествіи во Дворецъ. По выходѣ друзей, препозитъ приглашалъ чиновниковъ, завѣдующихъ облаченіями, въ томъ числѣ и веститоровъ, которые и облачали царя въ хламиду. Царь приказывалъ препозиту пригласить патріарха, за которымъ препозитъ немедленно посылалъ чрезъ церемоніарія двухъ силенціаріевъ, а съ приближеніемъ патріарха къ Мутаторію, препозитъ самъ выходилъ въ патріарху на встрѣчу и вводилъ его къ царю ¹⁾. Царь и патріархъ по обыкновенію кланялись другъ другу, цѣловались и, побесѣдовавъ немного, шли чрезъ ту палату, въ которой царь завтракалъ, въ св. Кладезь, сопровождаемые чинами кувуклія и веститорами, несшими и державшими наготовѣ ту царскую корону, въ которой царь будетъ возвращаться во Дворецъ ²⁾.

¹⁾ Хотя въ обрядахъ Господнихъ праздниковъ названы только препозиты, которымъ царь приказываетъ позвать патріарха (I, 1, 18; I, 9, 68; I, 23, 135), тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что за патріархомъ ходили силенціаріи, такъ какъ они всегда, по обрядамъ выходивъ въ другіе храмы и по обрядамъ дворцовыхъ церемоній, ходятъ за патріархомъ и ведутъ его подъ руки (διασώζουσι), а предъ входомъ въ царскіе покои его встрѣчаютъ препозиты иногда съ палиею и уже вводятъ къ царю, напр. I, 13, 91; I, 25, 140 и 142; I, 27, 151 — 152; I, 30, 166. Силенціаріи же и отводятъ патріарха, но сначала его провожаютъ архонты кувуклія, т. е. препозиты же. I, 14, 92; I, 19, 116; I, 20, 119; I, 21, 122; I, 27, 153; I, 25, 140; I, 28, 160. Объ этихъ встрѣчахъ и проходахъ патріарха подробнѣе будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ, при болѣе удобномъ случаѣ.

²⁾ На возвратномъ пути изъ храма цари шли большею частью не въ той коронѣ, въ которой шествовали въ храмъ. Такъ, въ Пасху, если цари шли въ храмъ въ стѣμματα λευκά, то ἐν τῇ βλοστροφῇ надѣвали роб̄βια; если же въ храмъ шли въ роб̄βια, то для обратнаго шествія надѣвали λευκά, какъ бывало въ Троицкнй день. Въ Преображеніе въ св.

Въ дверяхъ, ведущихъ изъ палаты въ св. Кладезь, царь и патріархъ останавливались, потому что здѣсь совершалась раздача царскихъ „благодѣяній“ или денежныхъ наградъ и подаяній стоявшимъ здѣсь у двери церковнослужителямъ и бѣднымъ. Для этихъ благодѣяній заранѣе приготовлены были кошельи съ надлежащимъ и соответствующимъ положенію получающаго количествомъ денегъ; кошельки эти держалъ стоявшій здѣсь же царскій кассиръ, такъ называемый аргиръ (*ὁ ἄργυρος*) ¹⁾. Когда царь съ патріархомъ становились на порогѣ двери, ведущей изъ палаты въ св. Кладезь, аргиръ подавалъ одинъ копелекъ препозиту, препозитъ передавалъ царю, а аргиръ возглашалъ: „такому-то (имя и званіе), добрые владыки“. Названный подходилъ и получалъ отъ царя копелекъ. Точно такимъ же образомъ совершалась раздача благодѣянія и слѣдующимъ. Первымъ, повидимому, получалъ архидіаконъ, замѣнявшій часто у патріарха препозита, котораго нѣкогда, подобно царю; имѣлъ и патріархъ ²⁾. Послѣ него подходили низшіе церковнослужи-

---

Софію цари шли въ *στέμματα πράσινα*, а возвращались въ *λευκά*, какъ и въ Рождество Христово. Въ Крещеніе цари шли въ храмъ въ *στέμματα βένετα*, а возвращались въ *λευκά*. При возвращеніи изъ другихъ храмовъ царь тоже мѣнялъ вѣнцы, а иногда возвращался не только въ другомъ вѣнцѣ, но и въ другомъ одѣяніи. Всѣ эти подробности относительно одеждъ и вѣнцовъ перечислены по праздникамъ въ I, 37, 187—191.

¹⁾ Аргиръ (*ὁ ἄργυρος*) въ роли своей является въ I, 1, 18; I, 9, 68 и I, 23, 135. Кромѣ того, онъ упоминается въ обрядѣ Великой Субботы, гдѣ говорится, что царь, войдя въ св. Кладезь, входитъ не въ св. Софію чрезъ большую южную дверь, а въ малую дверь палаты, въ которой онъ становится во время большихъ праздничныхъ выходовъ, *ἐπιδοῦς τοῖς ψάλταις καὶ λοιποῖς τὰς πλουσίας αὐτοῦ δωρεάς ἐν τῷ κράζειν τὸν ἄργυρον* (I, 35, 184). Въ значеніи такого подавателя кошельковъ слово *ἄργυρος* встрѣчается только въ сейчасъ приведенныхъ мѣстахъ; у Дюканжа въ *Gloss. Gr.* *ἄργυρος* значитъ только *mercurialis*. *Reiske* (*Comment.* p. 116) считаетъ *ἄργυρος* за *argentarius*, банкира и мѣнялу, *qui pecuniam, quo opus est, comparat et rogas atque donaria imperialia, saccos largitionales ab Imperatore distribuendos, praeposito tradit*. Въ такомъ случаѣ *ἄργυρος* будетъ значить почти то же, что *ἀγυροπράτης*: продавецъ серебра, банкиръ, мѣняла и торговецъ серебряными вещами, сосудами, утварью и т. п. Ср. выше, стр. 77 сл. и Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 174 и 175.

²⁾ Относительно патріаршаго препозита въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго сохранилась интересная замѣтка II, 39, 637: нужно замѣтить, что и патріархъ имѣлъ въ старину своего препозита, который былъ начальникомъ патріаршихъ кувуклисievъ (*πρωτοστατοῦντα τῶν κувουκλεισίων*) и который принадлежалъ къ клиру и церковному штату. Это видно изъ грамоты (*τῆς ἀσφαλείας*) царя Ираклія, которую онъ далъ патріарху Сергію и въ которой заключаются слѣдующія слова: «Θому, препозита вашего священнаго кувуклисіата, мы поставимъ третьимъ послѣ нашего препозита, пока онъ состоитъ въ чинѣ діакона; когда же онъ будетъ возведенъ въ санъ пресвитера, мы его поставимъ прямо послѣ нашего препозита». У патріарха, значитъ, былъ свой кувуклий, называвшійся кувуклисіатомъ, и свой препозитъ изъ діаконъ или даже іереевъ. Когда препозита уже не было, роль его въ церковныхъ службахъ и обрядахъ игралъ архидіаконъ, въ чемъ легко убѣдиться изъ сравненія функцій архидіакона съ функціями препозита во время придворныхъ обрядовъ. Впослѣдствіи не было въ Великой Церкви и архидіакона (*Codinus, de offic. p. 94 Bonn*).

тели: пѣвчіе, остіаріи, просмонаріи и другіе церковпослужители св. Софіи и, наконецъ, бѣдныя или нищіе.

Послѣ раздачи этихъ благодѣяній цари съ патріархомъ и высшими чинами кувуклія входили въ св. Кладезь и заходили здѣсь въ нишу, закрытую завѣсою (*τὸ βῆλον* или *ἡ κορτίνη*), ту самую, въ которой царь снималъ корону предъ входомъ черезъ южныя врата въ св. Софію, когда шель въ св. Софію черезъ Хитъ Халки и св. Кладезь, а не западныя, красныя врата; но теперь, предъ выходомъ изъ храма, съ царя не снимали короны, а надѣвали, и надѣвалъ всегда патріархъ, который бралъ ее у препозита, взявшаго ее, въ свою очередь, у чиновъ, завѣдующихъ облаченіями. Надѣвши на царя корону, патріархъ вручалъ царю евлотинъ, т. е. просфору ¹⁾, и флаконъ съ благовоннымъ и цѣлебнымъ освященнымъ масломъ (*ἀλειπτὰ*) ²⁾.

¹⁾ Относительно надѣванія патріархомъ на царей короны предъ выходомъ изъ храма въ обрядахъ говорится: I, 9, 68: *ὁ δὲ πραιπόσιτος λαβὼν τὸ στέμμα, ἐπιθίσει τῷ πατριάρχῃ καὶ στέφει ὁ πατριάρχης τὸν βασιλέα*. I, 23, 135: *ἐπιθίσει ὁ πραιπόσιτος τὸ στέμμα τῷ πατριάρχῃ καὶ κεῖνος στέφει τὸν βασιλέα*. Ср. I, 1, 18. Патріархъ надѣвалъ корону на царя не только предъ выходомъ изъ храма, но и при коронаціи царя, на амвонѣ св. Софіи, какъ объ этомъ ясно говорятъ обряды коронаціи I, 38, 193: послѣ облаченія царей въ хламиду, патріархъ *πάλιν ποιεῖ εὐχὴν ἐπὶ τοῦ στέμματος αὐτοῦ καὶ πληρώσας λαμβάνει αὐτὸς ὁ πατριάρχης τὸ στέμμα καὶ τίθει αὐτὸ εἰς τὴν κεφαλὴν τοῦ δεσπότου*. Ср. p. 194: *καὶ πρῶτον μὲν ἰδίαις χερσὶ στέφει ὁ πατριάρχης τὸν μέγαν βασιλέα*. Такъ было и въ старину, въ V—VI в. (см. I, 91, 415: *ἐπιτίθεντος αὐτῷ, т. е. τῷ βασιλεῖ, τὸν στέφανον τοῦ ἐπισκόπου*), такъ было и потомъ, когда уже введено было миропомазаніе (C o d i n u s, de offic. p. 90): если у коронуемаго царя есть царь-отецъ, то этотъ отецъ-царь и патріархъ берутъ корону и надѣваютъ па голову коронуемаго царя, *εἰ δ' οὐκ ἔστι πατὴρ αὐτοῦ, ποιεῖ ταῦτο μόνος ὁ πατριάρχης*. (Ср. G o a r, Euchol. p. 926). Если же короновался малый царь при наличности большого царя, то патріархъ, по обрядамъ Константина Багрянороднаго и по обряду коронаціи въ Euchol. G o a r'a, взявши корону съ антиминса, подавалъ ее царю большому и тотъ надѣвалъ ее на голову малаго царя (I, 38, 194; ср. G o a r, Euchol. 926). Точно также патріархъ, послѣ молитвы подавалъ хламиду, корону и провендуліи царю, а тотъ уже надѣвалъ на царицу при коронаціи царицы (I, 40, 203; I, 41, 209). То же самое при коронованіи кесаря (I, 43, 220). Царь же возлагалъ на царицу вѣнецъ, благословенный и поданный патріархомъ, и въ позднѣйшее время (C o d i n u s, de offic. p. 92).

²⁾ Объ евлотинѣхъ см. K g a u s a, Realencykl. s. v. Eulogia (I, 451); ср. oblatio и D u C a n g e, Gloss. Gr. s. v. Εὐλογία. R e i s k e (Comment. p. 119) и евлотинъ приводитъ въ связь съ языческими обычаями уносить домой несѣданнымъ въ храмъ части жертвенныхъ животныхъ. Патріархъ давалъ царямъ, вѣроятно, одну изъ просфоръ (I, 1, 31 сказано: *εὐλογίας ἦτοι τὰς προσφοράς καὶ τὰ ἀλειπτὰ*; тоже I, 1, 34), изъ которыхъ вынимались частицы на проскомидіи, быть можетъ, именно ту, изъ которыхъ вынимались частицы за живыхъ и въ томъ числѣ особенно за цари (Нигольскій, Богослуж. Правосл. Церкви, стр. 366 слѣд.). Быть можетъ также, что за царей вынимались частицы изъ особыхъ просфоръ, какъ это дѣлается и для простыхъ мірянъ, принесшихъ свои просфоры къ жертвеннику. Ср. G o a r, Euchol. p. 62. Кромѣ Господнихъ праздниковъ, въ которые царь ходилъ въ св. Софію, цари получали евлотинъ отъ патріарха и въ другихъ храмахъ, въ которыхъ они слушали литургію и приобщались, напр., въ храмъ св. Апостоловъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли I, 10, 80; въ Рождество Богородицы въ храмъ пресв. Богородицы Халкопратійской (I, 1, 31), въ Срѣтеніе во Влахернскомъ храмѣ I, 27, 152; въ Благовѣщеніе

Получивши просфоры и освященное масло ¹⁾, царь бралъ у препозита, которому, въ свою очередь, подавалъ аргиръ, апокомвій для патриарха и вручалъ его патриарху, который, вѣроятно, передавалъ его архиіакону. Апокомвій этотъ состоялъ обыкновенно изъ 10 фунтовъ золота или 720 золотыхъ солидовъ или златниковъ, заключаая въ себѣ $7\frac{1}{2}$ нашихъ фунтовъ золота ²⁾.

въ Халкопратійскомъ храмѣ (I, 30, 167), гдѣ упоминаются, какъ I, 1, 31, евлогія, т. е. просфоры и ἀλεπτά; въ Великую субботу въ св. Софїи послѣ облаченія св. престола I, 35, 184; даже безъ литургїи царь, при прощанїи съ патриархомъ послѣ обѣда во Дворцѣ въ четвергъ Пасхальной недѣли, получалъ евлогїи. Изъ всѣхъ этихъ случаевъ можно заключать, что вообще не только послѣ службы, но и послѣ визитовъ къ царю, патриархъ давалъ просфоры, а при этомъ часто, если не всегда, и ἀλεπτά.

¹⁾ Какое именно масло давалъ патриархъ царямъ при прощанїи, сказать трудно, такъ какъ св. масло (τὸ ἅγιον ἔλαιον) бывало разныхъ родовъ и сортовъ и всякое такъ или иначе освященное масло считалось цѣлебнымъ и спасительнымъ и употреблялось вѣрующими для помазанія себя и своихъ ближнихъ (см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. ἔλαιον). Особенно спасительнымъ считалось и считается масло, взятое изъ лампады, горѣвшихъ въ св. мѣстахъ. Такъ, папа Григорїй Великій, въ видѣ дорогого подарка, получилъ отъ Леонтія масло св. креста, т. е. масло изъ лампады, горѣвшей предъ истиннымъ св. крестомъ, т. е. животворнымъ древомъ. Во времена того же папы Теодолинды, королева Лонгобардская, получила 65 сосудовъ съ масломъ отъ св. мѣсть. Эти сосуды сохранились до нашихъ дней. Одинъ изъ этихъ сосудовъ имѣетъ надпись: ελεον ζυλου ζωης των αγιων Χριστου τοπων; изображеніе его находится въ Энциклопедїи K r a u s'a. Точно такъ же съ большимъ благоговѣніемъ принималось и почиталось, какъ и до сихъ поръ въ православномъ мірѣ почитается, масло отъ гробовъ и мощей святыхъ, а равно и масло изъ лампады, горящихъ предъ особо почитаемыми иконами (K r a u s, Realencykl. d. christlich. Alterth. s. v. Oel, II, 522). Патриархъ давалъ царямъ св. масло, безъ всякаго сомнѣнїя, самое цѣнное, какъ по мѣсту своего происхожденія, такъ и по своимъ качествамъ, по всей вѣроятности, въ разное время разное, смотря по тому, какимъ располагалъ въ данное время самъ. Сосуды, въ которыхъ давалось масло, также были различны и украшались разными священными изображенїями и надписями, свидѣтельствующими о происхожденїи масла. Такъ, у K r a u s'a изображены сосуды отъ гроба св. Мины съ надписью: ο αγιος Μηνας и εβλογια τ. αγιου Μηνα. Такихъ сосудовъ сохранилось много. Литературу предмета см. у K r a u s'a.

²⁾ Относительно количества даваемого патриарху апокомвія имѣется очень интересный схолій въ I, 1, 19. Reiske даетъ этотъ схолій, написанный на полѣ, sed a bibliopaga misere truncatum въ слѣдующемъ видѣ, въ какомъ онъ прочиталъ его въ рукописи:

Ἰστέον, ὅτι ὀφείλει ἔχειν τὸ ἄ — — [πο]
 κόμβιον χρυσοῦ λίτρας ἰ, καὶ ε — — [ἰ μὲν]
 ἔστιν εἰς βασιλεὺς, — — — [δίδωσι]
 τὰς ἰ λίτρας. εἰ δὲ δύο — [ο]
 εἰσὶν, εἴτε καὶ γ' εἰσὶν — — —
 ζονται αἱ δέκα λίτραι. ε — —
 εἰ καὶ γ' πλήν τοῦ — — —
 βασιλέως, ὀφείλει εἶναι τ — — — [οὔτο]
 τὸ ποσὸν τοῦ δὲ — — —
 ὑπὲρ τῶν ἄλλων τῶν Δ — — —
 ἐξίσης ὡς συμμο
 ρουσθ — διὰ τῶν ἀμφοτέρω
 τὰς δέκα λίτρας. (Ср. Comment. p. 123).

Слова, поставленные сбоку въ [ ], дополнены самимъ Reiske. Къ сожалѣнїю, данный у Reiske текстъ схоліа заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что Reiske пере-

Получивши апокомвій, патріархъ кланялся царю, а царь патріарху, потомъ они прощались, цѣловались и расходились: патріархъ возвращался въ храмъ, а царь, сопровождаемый чинами кувуклія, выходилъ въ портикъ св. Кладезя, примыкавшій къ св. Кладезю со стороны площади Августеона.

даль совершенно и буквально точно чтение рукописи. Такъ, въ 3-й отъ конца строкѣ *σομο* прочитано, очевидно, невѣрно, потому что никакого слова, начинающагося на *σομο*, нѣтъ въ греч. языкѣ и не можетъ быть по той причинѣ, что предлогъ *σύν* предъ гласными является въ неизмѣнной формѣ, а переходъ въ *σομ* указываетъ, что послѣ него стоялъ губный звукъ *μ*, *β* или *π*. Эта неточность передачи позволяетъ сомнѣваться въ полной точности чтенія и нѣкоторыхъ другихъ буквъ. Держась, однакожъ, возможно ближе чтенія *Reiske* и принимая во вниманіе вѣрныя дополненія, сдѣланныя имъ, этотъ схолій можно, мнѣ кажется, дополнить такимъ образомъ:

Ἰστέον ὅτι ὀφείλει ἔχειν τὸ ἀπο -)
 κόμβιον χρυσῶν λίτρας ἰ, καὶ εἰ μὲν)
 ἔστιν εἷς βασιλεὺς, (δίδωσι)
 τὰς ἰ λίτρας. εἰ δὲ δύο(ο)
 εἰσίν, εἴτε καὶ γ' εἰσίν, (μερί —)
 ζονται αἱ δέκα λίτραι. εἰ(αὶ δ')
 εἰ καὶ γ' πλὴν τοῦ (μεγάλου)
 βασιλέως, ὀφείλει εἶναι τ(αὐτὸ)
 τὸ ποσὸν τοῦ δ(ιδομένου)
 ὑπὲρ τῶν ἄλλων τῶν δ(εσποτῶν)
 ἐξίσης, ὡς συμ(πλη —)
 ροῦσθ(αι) διὰ τῶν ἀμφοτέρων)
 τὰς δέκα λίτρας.

При такомъ чтеніи мы получимъ слѣдующій смыслъ: если есть только одинъ царь, то онъ одинъ даетъ 10 фунтовъ; если два царя или больше, то тѣ же 10 фунтовъ раздѣляются на части, но количество даваемого апокомвія тѣмъ и другими (т. е. большимъ и малыми царями) остается то же, т. е. 10 фунтовъ. При этомъ, чѣмъ болѣе было малыхъ царей, тѣмъ менѣе была ихъ доля, такъ какъ ими выдавалась все равно та доля, которая оставалась послѣ отдѣленія доли большаго царя и которая раздѣлялась для выдачи на равныя части, тѣмъ меньшія. чѣмъ больше было малыхъ царей. Это замѣчаніе сдѣлано, по всей вѣроятности, на основаніи обычая, практиковавшагося при Романѣ I Лакапинѣ, когда было сначала два царя, потомъ три и, наконецъ, пять: Романъ (великій или большой царь), Константинъ Багрянородный, Христофоръ, Стефанъ и Константинъ, сынъ Романа (малые цари).

Вместо даваемыхъ царямъ просфоръ и св. масла, патріархъ получалъ (*ἀντιλαμβάνει*) апокомвій и въ другіе праздники, какъ это видно изъ обряда Рождества Христова и Благовѣщенья I, 1, 31; I, 30, 167.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Приемы димовъ на возвратномъ пути царей изъ храма св. Софіи во Дворецъ: 1-й приемъ у св. Кладезя, 2-й приемъ у желѣзныхъ воротъ Хита, 3-й приемъ въ Халкъ, 4-й у пропилея св. Апостоловъ, 5-й въ Трибуналъ или Лихнахъ. — Дальнѣйшее шествіе царя чрезъ палаты Экскувиторовъ, Кандидатовъ, Консисторію и Оноподъ до Августея. — Переоблаченіе въ Августеѣ и шествіе оттуда въ Хрисотрилинъ. — Последнія привѣтствія чиновъ. — Особенности Пасхальнаго выхода. — Облаченіе въ цицакій. — Христосованіе въ Палатѣ 19 аккувитовъ. — Входъ чиновъ для христосованія по βῆλα. — Облаченіе чиновъ въ лоры. — Христосованіе царицы. — Ананіи и скипетры. — Исторія лора. — Оплечье или бармы. — Происхожденіе обычая облачатся въ лоры въ 1-й день Пасхи.

Первый приемъ. Когда на царей патріархъ возлагалъ короны въ нишѣ, находившейся въ св. Кладезѣ, пѣвчіе Венетовъ въ Рождество Христово уже пѣли на гласъ 3-й: „Звѣзда Солнце предвѣщаетъ“ и пр., т. е. то же, что они пѣли предъ входомъ царей въ Лихны. Когда цари, распроставшись съ патріархомъ, выходили изъ св. Кладезя и, войдя въ примыкавшій къ нему портикъ, становились на обычномъ мѣстѣ, пѣвчіе говорили: „Добро пожаловали, Защита Троицы!“ Димоты или народъ повторяли трижды: „добро пожаловали“.

Затѣмъ слѣдовали тѣ же многолѣтія и славословія, которыя пѣлись пѣвчими и димотами при встрѣчахъ царей на пути ихъ въ св. Софію. Послѣ этихъ славословій и многолѣтій пѣвчіе говорили: „поклонившись славѣ родившагося Христа“¹⁾. Народъ заканчивалъ приемъ обычнымъ

¹⁾ Подобнымъ приѣвомъ, какъ мы увидимъ, оканчивались и другіе приемы на возвратномъ пути изъ храма св. Софіи; измѣнялось только названіе праздника, т. е. послѣ словъ: «поклонившись славѣ», вмѣсто: «родившагося Христа», говорилось: «явившагося» (ἐπιφανέντος въ Крещеніе или Богоявленіе), «воскресшаго» (въ Пасху) и т. д., смотря по празднику. Такъ какъ за этими словами слѣдуетъ только обычное многолѣтіе (πολυρόμιον), которымъ заканчивается каждый приемъ, и слова: προσκυνήσατες τὴν δόξαν называются послѣднимъ «актомъ» (τὸ τελευταῖον ἄκτον), то ихъ связать можно только съ привѣтствіемъ, которое говорится при появленіи царя на мѣсто того или другого приема: καλῶς ἤλθετε

многолѣтімъ, т. е. говорилъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Ваше на многія лѣта“ (I, 2, 39).¹⁾

Въ Крещеніе, когда цари находились еще въ св. Кладезѣ, предъ выходомъ въ портикъ, пѣвчіе Венетовъ пѣли на гласъ 5-й: „Собезначальный Отцу Богъ Слово“ и пр. (I, 3, 42). Славословія, привѣтствія и многолѣтія тѣ же.

Въ 1-й день Пасхи пѣвчіе Венетовъ въ тотъ же моментъ пѣли на гласъ 1-й: „Великое и священное воскресенія таинство празднуетъ днесь прославляемая тварь; ибо славы Господь, сокрушившій страхъ смерти и ада опустошившій чертоги, совоскресилъ древле умершихъ. Радость неизрѣченная, божественная пасха совершается чудно (*παράδοξως*)¹⁾; возвеличивается держава Ваша, владыки, на славу, гордость и возвеличеніе Римлянъ“.

Когда цари выходили въ портикъ св. Кладезя и стаповились на свои мѣста, пѣвчіе Венетовъ привѣтствовали царей словами: „Добро пожаловали, владыки, съ августами (царицами) и багрянородными (дѣтьми)“.

или ἦλθον, προσκυνήσαντες τὴν δόξαν κτλ., т. е. «добро пожаловали, поклонившись славѣ Христа, родившагося» (или явившагося, воскресшаго и т. д.). Въ такомъ сочетаніи они и являются въ актологію на Пасху (I, 4, 45), гдѣ сказано, что послѣ праздничнаго стиха поются εὐφημίας ἄκτα, т. е. многолѣтія и славословія, а послѣдній актъ говорятъ пѣвчіе: καλῶς ἦλθον οἱ δεσπῆται σὺν ταῖς αὐγούσαις καὶ τοῖς πορφυρογενήτοις. ὁ λαός· «καλῶς ἦλθετε». οἱ κράκται· «προσκυνήσαντες τοῦ ἀναστάντος Χριστοῦ τὴν δόξαν». ὁ λαός· «πολυχρόνιον κτλ. Здѣсь, какъ I, 5, 51, привѣтствіе: καλῶς ἦλθον говорится послѣ славословія и многолѣтія, между тѣмъ какъ по Рождественской актологіи и нѣкоторымъ другимъ (I, 2, 39; I, 5, 49; ср. I, 3, 43), при появленіи царя на мѣстѣ приема говорится сначала одно привѣтствіе: καλῶς ἦλθον или ἦλθετε, ἦλθε, потомъ поются εὐφημίας ἄκτα, а потомъ уже пѣвчіе говорятъ: προσκυνήσαντες κтл., а народъ заканчиваетъ приемъ обычнымъ многолѣтіемъ. Въ виду этой разницы въ показаніяхъ актологій и въ виду того, что привѣтствіе естественнѣе говорить въ началѣ, какъ только появлялись цари, можно думать, что оно происходило въ началѣ, потомъ слѣдовали многолѣтія и славословія, говорившіяся и пѣвшіяся при всѣхъ приемахъ, а въ концѣ повторялось опять привѣтствіе, съ прибавкою: προσκυνήσαντες κтл. У меня въ текстѣ эти привѣтствія упоминаются только тамъ, гдѣ они упомянуты въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ актологій, но порядкомъ привѣтствій, славословія и праздничныхъ стиховъ, очевидно, былъ одинъ и тотъ же при всѣхъ приемахъ на возвратномъ пути, т. е. сначала пѣлись праздничные стихи, потомъ говорилось привѣтствіе, затѣмъ слѣдовали многолѣтія и славословія, потомъ опять повторялось привѣтствіе съ прибавкою προσκυνήσαντες κтл.; приемъ заканчивали пѣвчіе обычнымъ многолѣтіемъ.—О мѣстахъ, въ которыхъ происходили приемы на возвратномъ пути, сказано въ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 136—137.

¹⁾ По словамъ Reiske Comment. p. 146 въ рукописи послѣ словъ: συνανέστης τοὺς πάλα: τεθνεώτας стоить: Χαρὰν ἀνεκλάλητον καὶ θεῖον πάσχα. Τελεῖται παράδοξως, μεγαλύνεται и пр., какъ поставлено и въ Боннскомъ изданіи; но въ изданіи Лейха поправлено въ Χαρὰ ἀνεκλάλητος κ. θ. π. τελεῖται κтл. Я сдѣлалъ переводъ согласно съ этою поправкою, такъ какъ вин. Χαρὰν ἀνεκλ. стоить внѣ всякой связи и зависимости; точно также и τελεῖται παράδοξως стоить внѣ всякой связи и неизвѣстно, къ чему относится. Измѣненіе вин. въ имен. позволяетъ эти слова привести въ связь съ τελεῖται παράδοξως въ качествѣ подлежащаго и сказуемаго.

Народъ повторялъ трижды: „Добро пожаловали“. Пѣвчіе: „повлотившись славѣ воскресшаго Христа“.

Послѣ обычныхъ славословій и многолѣтій народъ въ концѣ возглашалъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ царство Ваше на многія лѣта!“ I, 4, 45.

Пѣснопѣнія, которыя пѣлись въ этотъ моментъ въ Троицынъ день и въ Преображеніе, не дошли до насъ, такъ какъ ни актологій, ни обряда выхода въ Преображеніе въ Уставѣ Константина Багрянороднаго, какъ было выше сказано, не сохранилось. Отъ актологій Троицына дня дошло только то, что пѣлось во время шествія царя въ храмъ; послѣ „актовъ“ 6-го приема въ рукописи Придворнаго Устава слѣдуетъ прямо съ середины обрядъ Пасхальнаго выхода. Ни „актовъ“ возвращенія въ Троицынъ день, ни обряда выхода въ этотъ день не сохранилось. Часто упоминаемый въ книгѣ Лабарта „Объ императорскомъ Дворцѣ въ Константинополѣ“ обрядъ выхода въ Троицынъ день, какъ мы видѣли, не сохранился вовсе, и Лабартъ въ этомъ случаѣ введенъ былъ въ заблужденіе заглавіемъ 9-й главы въ печатныхъ изданіяхъ. Такъ какъ эта глава обозначается словами: τῆ ἐορτῆ τῆς Πεντηκοστῆς, то Лабартъ отнесъ къ этому заглавію не только „акты“ на пути въ храмы, но и напечатанный въ изданіяхъ сподрядъ обрядъ Пасхальнаго выхода, хотя этотъ обрядъ, очевидно, не имѣетъ начала и между нимъ и концомъ „актовъ“ на Троицынъ день не достаетъ дѣльныхъ девяти главъ. Въ виду этого пропуска въ рукописи, наши свѣдѣнія объ „актахъ“ обратнаго шествія царей изъ св. Софіи во дворецъ въ Господніе праздники ограничиваются тремя праздниками: Рождества Христова, Крещенія и 1-го дня Пасхи ¹⁾).

Возвращаясь къ 1-му приему въ портикъ св. Кладезя, мы должны замѣтить, что этотъ приемъ совершался димархомъ Венетовъ съ бѣлою партією или бѣлымъ димомъ, при чемъ димархъ, имѣя позади себя своего помощника, осѣнялъ царей крестнымъ знаменіемъ, когда пѣлъ народъ, и держалъ руки подъ хламидою, когда пѣли или возглашали пѣвчіе. Словомъ, приемъ происходилъ совершенно такъ же, какъ и приемы во время шествія царей въ св. Софію, за исключеніемъ того, что на обратномъ пути ливелларіи уже не подносились царямъ, такъ какъ подне-

---

¹⁾ Объ этомъ пропускѣ и смѣшеніи Лабартъ о Троицкаго обряда съ Пасхальнымъ сказано было нѣсколько разъ уже въ I кн. Вузантина (стр. 110) и въ этой книгѣ; выше стр. 38 слѣд. сдѣлава попытка возстановить содержаніе пропавшихъ главъ. Нельзя не пожалѣть, что въ Боннскомъ изданіи ничѣмъ не обозначенъ этотъ пропускъ. Слѣдовало бы Пасхальный обрядъ выдѣлить въ особую главу и возстановить первоначальный, рукописный счетъ главъ. Тогда ошибки въ родѣ той, которую сдѣлалъ Лабартъ, были бы невозможны.

сеніе ливелларіевъ совершается только одинъ разъ въ праздникъ каждымъ димократомъ и димархомъ ¹⁾).

Второй приѣмъ. По окончаніи перваго приѣма, цари, предшествуемые знаменами и скипетрами и чинами синклита и сопровождаемые чинами кувуклія ²⁾), шли чрезъ Хитъ Халки, ведшіи отъ Халки къ св. Кладю, къ желѣзной или малой двери, закрывавшей входъ изъ двора Халки въ Хитъ.

Когда, послѣ 1-го приѣма, цари со свитою проходили чрезъ Хитъ и приближались къ камарѣ, бывшей предъ малою или желѣзною дверью ³⁾), но еще не становились подъ сводомъ камары, пѣвчіе Прасиновъ, стоявшіе внѣ этой камары, въ Рождество Христово пѣли на гласъ 3-й: „небо звѣзду посылаетъ, указывая путь магамъ въ рождествѣ; земля приготовляетъ пещеру, чтобы принять Творца всѣхъ. Но Самъ Принявшій нашу плоть отъ Дѣвы ваше боговѣнчанное царство сохранить въ порфирѣ“. I, 2, 39; ср. I, 1, 27.

¹⁾ Cerim. I, 1, 19. Ср. I, 10, 83.

²⁾ Въ обрядахъ праздничныхъ выходовъ въ св. Софію, кромѣ краткаго указанія въ I, 16, 98, не говорится о томъ, что царь возвращается во Дворецъ въ сопровожденіи чиновъ; но это само собою разумѣется и подтверждается какъ описаніемъ дальнѣйшаго шествія царей по Дворцу до Хрисотриклина, такъ и указаніями обрядовъ выходовъ въ другіе храмы. При изложеніи шествія царей по Дворцу, будетъ показано, что чины разныхъ ранговъ и наименованій сопровождаютъ царей на возвратномъ пути до тѣхъ палатъ, въ которыхъ они впервые привѣтствовали царей на пути въ св. Софію. А что они сопровождали царя во время обратнаго шествія, это видно изъ того, что чины синклита сопровождаютъ царей при возвращеніи ихъ изъ другихъ храмовъ, при чемъ обыкновенно привѣтствуютъ его предъ выходомъ изъ храма, а потомъ или идутъ вмѣстѣ съ нимъ, или ѣдутъ, если царь возвращается верхомъ на лошади, до Дворца, предъ входомъ въ который сходить съ лошадей и сопровождаютъ царей по палатамъ Дворца до своихъ обычныхъ мѣстъ, гдѣ они встрѣчаютъ царей и откланиваются имъ. Напр. I, 1, 31—32; I, 10, 80—85; I, 11, 89; I, 17, 107. Если же цари чины синклита на возвратномъ пути не сопровождали въ извѣстныхъ случаяхъ, то это отмѣчалось въ обрядахъ, какъ исключеніе. Такъ, въ обрядѣ понедѣльника 1-й недѣли Великаго поста замѣчно, что въ этотъ день цари возвращаются изъ храма св. Софіи *μυστικῶς* только въ сопровожденіи этеріи и маглавитовъ чрезъ галерею, прямо изъ катихуменій во Дворецъ, а всѣ чины синклита, кувуклія и царскіе люди уходятъ изъ св. Софіи прямо домой, *διὰ γὰρ τὸ εἶναι τὴν ἡμέραν ταύτην παύαντες εἰς τὴν ὑποστροφὴν οὐ δὴριγέουσιν ὀπίσθεν τοῦ δεσπότης* (II, 10, 519). А если такъ, то въ праздничные дни, а тѣмъ болѣе въ великіе праздники всѣ вышеназванные чины *εἰς τὴν ὑποστροφὴν δὴριγέουσι τοῦ δεσπότης*. Если же чины сопровождаютъ царей, то значитъ, при выходѣ изъ храма они его привѣтствуютъ, какъ привѣтствуютъ предъ выходомъ или прямо по выходѣ изъ другихъ храмовъ. Опушеніе этой подробности въ обрядахъ большихъ праздничныхъ выходовъ въ св. Софію не должно удивлять насъ, такъ какъ подобныя опушенія всѣмъ извѣстныхъ и обычныхъ дѣйствій встрѣчаются часто. Есть не мало совѣтъ краткихъ обрядовъ, которые безъ болѣе подробныхъ подобныхъ же обрядовъ и случайныхъ замѣтокъ въ другихъ обрядахъ были бы очень мало понятны или могли быть поняты въ надлежащемъ смыслѣ, особенно въ деталяхъ.

³⁾ Объ этой камарѣ и желѣзной двери см. I кн. Byzantina, стр. 133.

Въ Крещеніе пѣвчіе Прасиновъ въ этомъ случаѣ пѣли апелатикъ на гласъ 3-й: „Просвѣщающій въ Духѣ Святомъ крестился водою земною и свѣтъ крещенія даровалъ людямъ. Но сіе совершившій Христосъ по челоуѣколюбію повелѣваетъ, чтобы ваша царская держава была счастлива на благо Римлянамъ и чтобы вы царствовали рядъ годовъ непрерывно“ (I, 3, 42).

Въ Пасху въ тотъ же моментъ пѣвчіе Прасиновъ пѣли апелатикъ на гласъ 1-й: „Днесъ для ангеловъ непостижимое совершается таинство воскресенія. Ибо Исполняющій все живущее благоволеніемъ умерщвляется плотію, какъ челоуѣкъ, и плѣняетъ ненасытную тираннію ада, умертвивши умертвителя. Нынѣ уничтоженъ предвѣчный позоръ, нынѣ разцвѣла радость предѣловъ. Всевадыка Богъ и Жизнедатель, владыкъ (царей) сохрани въ порфирѣ“ (I, 4, 45).

Когда цари при пѣніи этомъ проходили въ камару предъ желѣзною дверью и становились здѣсь, пѣвчіе и димоты говорили тѣ же привѣтствія и славословія, какія произносились во время перваго приема, и димархъ Прасиновъ, совершавшій этотъ приемъ съ краснымъ димомъ, во время славословія дѣлалъ, имѣя позади себя девтеревонта, тоже, что димархъ Венетовъ во время перваго приема.

Третій приемъ. Отсюда цари со свитою шествовали въ Халку и, пройдя Халку, останавливались у дверей, ведущихъ изъ Халки, т. е. изъ пространства подъ куполамъ Халки, въ Палату Школь. У этихъ дверей происходилъ третій приемъ, который дѣлалъ димократъ Венетовъ съ загороднимъ димомъ Венетовъ. Когда цари подходили къ этому мѣсту, пѣвчіе Венетовъ пѣли въ Рождество Христово на гласъ 3-й: „Въ Эдемѣ рай отверзла въ Виолеемѣ Дѣва“ и пр. I, 2, 40.

Въ Крещеніе въ это время пѣвчіе Венетовъ пѣли на гласъ 5-й: „Главы драконовъ въ волнахъ Иордана Сокрушившій подъ ногами вашими, благодѣтели, сокрушитъ главы варваровъ. Боговѣнчанне владыки, Троица трисвятая побѣды ваши умножитъ. Крестившійся за насъ плотію и освятившій естество водъ...“ I, 3, 42.

Въ Пасху пѣвчіе Венетовъ пѣли на гласъ 1-й: „Крестъ и смерть претерпѣвшій Христосъ сошелъ добровольно въ гробъ и, сокрушивши двери ада, божественною своею властію всѣмъ воскресеніе обновляетъ отъ вѣка умерщвленнымъ. Тварь днесъ празднуетъ двойную Пасху спасенія, видя, что скипетръ вашъ, владыки, поднимается съ воскресеніемъ Христовымъ“ . I, 4, 46.

Когда цари подходили къ двери изъ Халки въ Палату Школь, пѣвчіе и димоты говорили обычные славословія, а димократъ Венетовъ, т. е.

доместикъ школь, осѣнялъ ихъ во время славословія димотовъ крестнымъ знаменіемъ. Въ концѣ пѣвчіе возглашала: „поклонившись славіи воскресшаго Христа“, а народъ восклицалъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ царство Ваше на многія лѣта“.

Четвертый пріемъ. Изъ Халки цари шли въ Палату Школь, направляясь къ двери, ведшей изъ этой палаты въ Трибуналъ. Здѣсь у пропелея св. Апостоловъ ожидалъ ихъ димократъ Прасиновъ съ загороднымъ димомъ Прасиновъ. Когда цари входили въ Палату Школь, пѣвчіе загороднаго дима Прасиновъ пѣли въ Рождество Христово на гласъ 3-й: „Всей твари Исполнитель (Совершитель, Творецъ) и Владыка совершаетъ несвойственное Ему уничиженіе воплощеніемъ за насъ (или уничиженіемъ за насъ), чтобы наполнить горній міръ (т. е. небесный, членами, взятыми) изъ нашего низжайшаго (т. е. земнаго) рода. Самъ Жизнедавецъ возвыситъ рогъ вашъ, владыки, во всей вселенной, языки всѣ покорить, чтобы они, какъ маги, приносили дары вашему царству“ (т. е. Царскому Величеству) ¹⁾.

¹⁾ Въ текстѣ это славословіе начинается такъ: Ὁ πάσης κτίσεως πληρωτῆς καὶ δεσπότης ἀκένωτος κενώσε: τῆς πρὸς ἡμᾶς ἐκκενοῦται, ἵνα τὸν ἄνω πληρώσει κόσμον ἐκ τοῦ ἡμῶν κατωτάτου γένους. Здѣсь очевидная игра словъ, происходящихъ отъ κενώω и πληρώω, которая дѣлается понятною только при правильномъ пониманіи богословскаго смысла слова κενώω, которое здѣсь значитъ: опустошать, опоражнивать отъ силы и власти, лишать силы и могущества, унижать, умалить, уничтожать и т. п., въ какомъ смыслѣ употребляются и производныя отъ κενώω. По объясненію проф. Церковной исторіи въ Казанскомъ университетѣ и Казанской духовной академіи Θ. А. Курганова (въ письмѣ ко мнѣ), съ богословской точки зрѣнія, вышеприведенные стихи «представляютъ тайну воплощенія Сына Божія и цѣль его въ поэтически образномъ сочетаніи несомвѣстимыхъ противоположностей: ἀκένωτος κενώσε: и ἐκκενοῦται и πληρώσει. Прекрасно, образно-поэтически изображающая глубочайшую тайну воплощенія Сына Божія и цѣль его, эта фраза подлинно поэтически-философскаго греческаго языка трудно поддается передачѣ на другіе языки. Она имѣетъ прямое отношеніе къ словамъ апостола Павла: ἐαυτὸν ἐκένωσε, μορφὴν δούλου λαβών (Филипп. II, 7), гдѣ нужно искать ея разрѣшенія. Слова ἐαυτὸν ἐκένωσε переведены: въ лат. библіи словами: ipse sese inanivit (латинск. перев. библіи изд. Британскаго библейск. общества, Berolini, 1868. Interprete Theodoro Beza), въ нѣм. ausserte sich selbst (Лондонск. изданіе того же общества, 1858, nach der deutschen Uebersetzung Dr Martin Luthers), во франц.: il s'est anéanti soi-meme (Londres, 1865) или: il s'est anéanti lui-meme en prenant la forme de serviteur (La sainte Bible, version de I. F. Osetvald, Bruxelles, Paris, 1885, согласно съ лат. переводомъ Библіи, Lutetiae, MDXLV, гдѣ это мѣсто переведено: semet-ipsam inanivit, forma servi sumpta), въ слав.: Себя умалить (или истощить), въ русск.: уничтожилъ Себя Самаго. Легко видѣть, что ближе всего мысль подлинника передаетъ латинскій переводъ: «опорожнилъ Себя Самаго», т. е. какъ бы сбросилъ съ Себя атрибуты Своего Божественнаго величія и могущества, по которымъ онъ — ὁ πάσης κτίσεως πληρωτῆς καὶ δεσπότης. Такого рода опоражниваніе (κένωσις: умаленіе, истощеніе, уничтоженіе) неисчерпаемо (ἀκένωτος), невозможно, немислимо. Въ какой мѣрѣ оно можетъ быть мыслимо по отношенію къ Богу-Слову, изясняетъ св. Григорій Богословъ (Greg. Nazians. orat. ed. Bill. XXXVI: κάμψαι τῷ κενωθέντι δι' ἡμᾶς, καὶ τὴν θείαν εἰκόνα δουλικῆ μορφῆς συγκεράσαντι — по русск. переводу: чтобы всякое колѣно поклонилось Истоцившему Себя за насъ и образъ Божій сотворившему съ зракомъ раба. Часть III, стр. 65 изд. 3, 1889. Москва).

Въ Крещеніе пѣвчіе Прасиновъ пѣли на гласъ 4-й: „Крещенный нынѣ дланію Предтечи, страшною (сильною) дланію Своею провозглашаетъ васъ царями, благочестивые благодѣтели, и помазанниками васъ показываетъ всей вселенной; ибо освятивши крещеніемъ, елеемъ нетлѣнныя крестить (ваше) царство, спасеніе даруя Римлянамъ, великую помощь и славу царству“. I, 3, 43.

Въ Пасху пѣвчіе Прасиновъ пѣли на гласъ 3-й: „Пасху Господню днесъ зряще“ и пр. I, 4, 46.

Когда цари подходили къ пропилью св. Апостоловъ и становились на своемъ обычномъ мѣстѣ, пѣлись привѣтствія и славословія, которыя заканчивались восклицаніемъ пѣвчихъ: „поклонившись славѣ родившагося (явившагося или воскресшаго, смотря по празднику) Христа“ и обычнымъ многолѣтіемъ народа: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ“ и пр.

Пятый пріемъ. Пятый и послѣдній на возвратномъ пути пріемъ происходилъ тамъ, гдѣ происходилъ первый пріемъ, когда цари шли въ храмъ, т. е. въ Трибуналъ у Лихнѣ. Когда цари, войдя изъ Палаты Школь въ Трибуналъ, шествовали по Трибуналу, направляясь къ Лихнамъ, пѣвчіе Венетовъ пѣли въ Рождество Христово на гласъ 3-й: „Звѣзда предшествуетъ и свѣтитъ въ пещерѣ“ и пр. I, 2, 40.

Въ Крещеніе пѣвчіе въ это же время пѣли на гласъ 8-й: „Свѣтъ возсіялъ тѣлесно въ плоти, чтобы, сдѣлавшись свѣтомъ, мы соединились съ свѣтомъ Божиимъ. Является омывающей водою и совершающей Духомъ; спизойдемъ вмѣстѣ съ Нимъ, да (вмѣстѣ съ Нимъ) возвысимся. Знаме-

---

Оно совершается за наше опоражниваніе (τῆς πρὸς ἡμᾶς), т. е. то умаленіе или уничтоженіе себя, которое сдѣлалъ родъ человѣческой въ лицѣ прародителей при грѣхопадении, совершается для того, чтобы наполнить горній міръ избранными членами изъ нашего низшаго, источившагося при грѣхопадении прародителей, лишившагося (опорожнившагося отъ) высшихъ благодатныхъ даровъ, вложенныхъ въ его природу при созданіи человѣческаго рода. Какъ возвеличенъ Христосъ Богъ за свое смиреніе, это изъясняетъ апостолъ Павелъ въ томъ же посланіи къ Филиппійцамъ (II, 9—11); какъ онъ искупилъ родъ человѣческой своимъ истощеніемъ (ἀκενότω κενώσατο), такъ что онъ (т. е. родъ человѣческой) получилъ возможность наполнить собою горній міръ,—это изъясняетъ все христіанское ученіе домостроительства спасенія человѣческаго рода. Потому проф. Кургановъ переводитъ вышеприведенное мѣсто такъ: «Тотъ, кто исполняетъ всю тварь и Владыка, уничтожается безмѣрнымъ уничтоженіемъ (или безмѣрно уничтожается) ради насъ, чтобы горній міръ наполнить (членами) изъ нашего нижайшаго рода». Но такъ какъ въ этомъ переводѣ пропущено τῆς, подъ которымъ нужно разумѣть или κενώσεως или σαρκώσεως, то я не могу согласиться вполнѣ съ переводомъ почтеннаго профессора и въ текстѣ далъ свой переводъ, на мой взглядъ, болѣе ясный и близкій къ смыслу греческаго текста. При переводѣ τῆς съ названными существительными буквальный переводъ будетъ гласить такъ: уничтожается (умалается) немислимымъ для него уничтоженіемъ умаленія за насъ (или въ умаленіи за насъ, собственно относительно насъ), т. е. уничтоженіемъ, которое состоитъ въ умаленіи за насъ, въ рожденіи подъ видомъ человѣка. Еще проще и яснѣе будетъ смыслъ текста, если вмѣсто τῆς мы будемъ читать τῆ.

пьемся таинственно, познавши силу таинства; какъ снова возродившіеся, воспримемъ всѣ не перваго, а втораго Адама“. I, 3, 43.

Въ Пасху пѣвчіе Венетовъ пѣли на гласъ 1-й: „Обновляется днесь естество человѣковъ, чудно изъ тлѣнія преобразуемое въ петлѣніе, облекается въ одежду прежней славы, уже недержимое больше смертію. Ибо имѣющее державу смерти собезначальное и собезконечное Отцу Слово, разрушивши чертоги ада, разрѣшило узы плѣнныхъ, всѣмъ даровавъ свободу. Оно и державу царства (вашего) сохранить на славу, гордость и спасеніе Римлянъ“.

Когда цари подходили къ Лихнамъ и становились въ камару, пѣвчіе и народъ привѣтствовали и славословили царей, а димократъ Венетовъ осѣнялъ царей крестнымъ знаменемъ. Славословія заканчивались возгласомъ пѣвчихъ: „поклонившись“ и пр., и обычнымъ многолѣтіемъ (*πολοχρόσιον*) и пр.) народа. I, 4, 46.

Послѣ пѣснопѣній и славословій, когда цари проходили далѣе, димы съ своимъ начальствомъ удалялись, если имъ не нужно было дѣлать вторичной встрѣчи, подобно димократу Венетовъ съ зарѣчнымъ димомъ, который на возвратномъ пути царей привѣтствовалъ его два раза: въ первый разъ въ Халкѣ, предъ дверьми въ Палату Школъ, а второй разъ предъ Лихнами, въ Трибуналѣ.

Послѣ этой послѣдней встрѣчи цари со всею своею свитою шли чрезъ Лихны въ Палату аккувитовъ, гдѣ ихъ привѣтствовали пѣніемъ и славословіями тѣ же чины, которые привѣтствовали ихъ славословіями на пути въ св. Софію, т. е. номики, дипаниты и канцелларіи квестора. Стояли они въ томъ же порядкѣ на скамьяхъ и пѣли соотвѣтствующія празднику пѣснопѣнія (I, 1, 20; ср. выше, стр. 71 и слѣд.).

Выслушавъ славословія этихъ чиновниковъ, цари проходили въ Палату Кандидатовъ. Здѣсь въ дверяхъ, ведущихъ изъ этой Палаты на площадку Палаты 19 аккувитовъ, стояли двое пѣвчихъ ²⁾, которые пѣли также соотвѣтствующія празднику пѣснопѣнія.

¹⁾ Г. Каневскій (I. с. 844) перевелъ эту пѣснь совершенно произвольно, поставивши въ зависимость отъ *ἵνα* въ первомъ періодѣ не только слѣд. *conj. adhort.*, но и даже *indic.*: *πάρεστιν ὕδατι πλύνων καὶ τελεῖσθαι τῷ πνεύματι*, каковыя слова онъ перевелъ советѣмъ невѣрно: «дабы мы, исполняясь водою и совершаясь духомъ».

²⁾ I, 1, 20; *δύο βοσκάλιοι*, названныя при описаніи обратнаго шествія, при описаніи шествія въ храмъ св. Софіи не упоминаются. Но такъ какъ во время обратнаго пути поютъ обыкновенно тѣ же и въ тѣхъ же мѣстахъ, то можно думать, что эти вокаліи пѣли здѣсь же и во время шествія царей въ св. Софію. *Βοσκάλιοι*, *vocales* назывались придворныя пѣвцы или пѣвчіе, главною обязанностію которыхъ, повидимому, было пѣть на царскихъ пирахъ и обѣдахъ. Они вводились въ обѣденныя палаты раньше прибытія туда чиновъ (II, 52, 742), а затѣмъ, когда чины вводились и размѣщались по столамъ, имъ не

Изъ Палаты Кандидатовъ знамена, лавары, римскіе скипетры и т. п., носившіеся предъ царями и синклитомъ во время шествія, уносились, по всей вѣроятности, въ храмъ Господа, который своимъ западнымъ фасадомъ выходилъ на эту Палату и въ которомъ эти знамена и скипетры обыкновенно хранились (II, 40, 641). Впереди процессіи теперь оставались только большой крестъ св. Константина и жезлъ Моисея. Предшествуемые ими и синклитомъ, сопровождаемые кувукліемъ, маглавитами и этерією, а равно и царскими, цари изъ Палаты Кандидатовъ входили въ Консисторію, гдѣ вошедшіе впереди ихъ чины синклита стояли въ два ряда, и когда цари проходили, чины синклита, вмѣстѣ со свитою царей, возглашали обычное многолѣтіе или полихроній, т. е. говорили: „долголѣтнимъ (*πολυχροῖον*) содѣлетъ Богъ святое царство Ваше на многія лѣта“.

Послѣ этого возгласа протоасикритъ, протонотарій съ нотаріями, хартуларіями и прочими чинами синклита въ тѣсномъ смыслѣ, встрѣчавшими царей на пути въ храмъ св. Софіи въ Консисторіи, оставались здѣсь и дальше уже не шли впереди царей ¹⁾, а расходились по домамъ, за исключеніемъ приглашенныхъ къ царскому столу. Крестъ св. Константина и жезлъ Моисея относились отсюда веститорами, первый въ храмъ св. Стефана Дафны, а второй въ храмъ св. Θεодора въ Хрисотриклинѣ.

Цари, предшествуемые только патрикіями и стратигами и сопровождаемые чинами кувуклія, царскими, маглавитами, этерією, силенціаріями и веститорами, словомъ тѣми, съ которыми на пути въ св. Софію вошли въ Консисторію, проходили изъ Консисторіи въ Оноподъ ²⁾.

Въ Оноподѣ, при шествіи чрезъ него царей, стояли чины, которые

дозволялось садиться до пѣнія пѣвчихъ (*ibid.* 744, 751). Во время обѣда пѣвчіе пѣли разныя славословія въ честь царей и многолѣтія на лат. языкѣ. Образцы этихъ пѣснопѣній сохранились въ *Serim.* I, 75, 370—371. Во время этихъ пѣснопѣній чины должны были вставать и слушать ихъ стоя (II, 52, 773).

¹⁾ *Serim.* I, 1, 20 перечислены остающіеся здѣсь чины синклита, почти тѣ же, которые названы I, 1, 10. Короче I, 9, 69. Еще короче I, 23, 136.

²⁾ Въ Оноподѣ, во время шествія царей въ св. Софію, находятся и привѣтствуютъ царей два друнгарія, царскіе спааріи съ царскимъ оружіемъ (I, 1, 10), спаарокандидаты (I, 10, 73; I, 9, 63). По описаніямъ обратнаго шествія, въ Оноподѣ привѣтствуютъ царей и остаются царскіе люди съ катспаномъ и domesticiкомъ I, 1, 20, т. е. спаарокандидаты и спааріи, церемоніарій съ силенціаріями и веститорами I, 9, 69 (послѣ *μέγα: ἐξεί* на строкѣ 10 нужно уничтожить запятую, такъ какъ *μέγα: ἐξεί* относится къ церемоніарію, а не къ царю), церемоніарій съ силенціаріями I, 23, 136. Но такъ какъ по I, 1, 20 церемоніарій входитъ съ высшими чинами въ Золотую Руку и проходитъ, вѣроятно, въ Августей, да и веститоры потомъ приглашаются для переоблаченія царей въ Октагонѣ, то необходимо предположить, что не всѣ, обозначенные въ обрядахъ, чины оставались въ Оноподѣ, послѣ сказаннаго многолѣтія: замѣчанія обрядовъ относительно церемоніарія съ веститорами нужно, очевидно, понимать въ томъ смыслѣ, что они становятся здѣсь для привѣтствія.

здѣсь ихъ впервые привѣтствовали, по выходѣ изъ портика Августея или Золотой Руки, и которые теперь провожаютъ ихъ обычнымъ возгласомъ: „долголѣтнимъ содѣтъ Богъ царство ваше на многія лѣта“ и частію остаются здѣсь. Къ числу этихъ чиновъ принадлежали: друнгарій виглы и флота, царскіе съ своимъ катепаномъ и domestикомъ, царскіе оруженосцы, силенціаріи и веститоры съ церемоніаріемъ во главѣ. Изъ Онопода цари, предшествуемые высшими чинами, которые входили по отдѣленіямъ для привѣтствія царей въ Золотую Руку во время шествія царей въ храмъ, и сопровождаемые чинами своей свиты: магглавитами, этерією, кувукліемъ и хрисотриклинитами, входили въ Золотую Руку. Въ Золотой Рукѣ хрисотриклиниты становились съ лѣвой стороны, а магистры, патрикіи и прочіе высшіе чины съ правой и сопровождали проходившихъ посреди ихъ царей возгласомъ: „долголѣтнимъ содѣтъ Богъ“ и пр. Провозглашая это многолѣтіе, высшіе чины синклита, т. е. магистры, патрикіи, стратеги и оффиціали, говорили прощальное привѣтствіе царямъ, такъ какъ они, какъ и синклитики, откланивались царямъ въ томъ самомъ мѣстѣ, въ которомъ впервые привѣтствовали царей на пути въ св. Софію ¹⁾).

Цари, предшествуемые чинами кувуклія, сопровождаемые магглавитами, этеріютами и нѣкоторыми другими постоянными членами свиты, проходили въ залу Августея. Вошедшіе сюда впереди царей чины кувуклія стояли уже здѣсь по сторонамъ у столовъ, образуя у двухъ продольныхъ стѣнъ и одной поперечной ряды, составлявшіе вмѣстѣ фигуру, похожую на букву П ²⁾).

Какъ только цари съ своею ближайшею свитою вступали въ залу Августея, кувукляріи запирали большую бронзовую дверь Августея, ведшую

¹⁾ Cerim. I, 1, 20—21; I, 9, 69; I, 23, 136.

²⁾ Cerim. *ibid.* Входъ царей въ Золотую Руку и Августей, пребываніе здѣсь и путь до Хрисотриклина изображенъ кратко въ обрядахъ и нѣкоторыя подробности необходимо возстановлять по описаніямъ шествія въ св. Софію черезъ эти мѣста. Такъ, въ обрядахъ не говорится, что магглавиты и этерія входятъ съ царями въ Августей; но шествіе царей на пути въ св. Софію съ магглавіемъ и этерією отъ Сигмы и упоминаніе этихъ чиновъ свиты при шествіи черезъ Золотую Руку (I, 1, 20—21) и при возвращеніи изъ Августея въ Хрисотриклинь (I, 23, 136; ср. I, 9, 70) указываетъ, что они не оставались въ Золотой Рукѣ, а шли съ царями далѣе, были въ Августей (ср. I, 1, 8) и провожали ихъ до Сигмы, откуда они присоединялись къ свитѣ царя на пути изъ Хрисотриклина въ Августей (I, 1, 7). То же самое, быть можетъ, слѣдуетъ сказать о хрисотриклинитахъ (ср. I, 1, 8) и нѣкоторыхъ другихъ чинахъ ближайшей свиты царя, которые I, 9, 70 называются οἱ λοιποὶ οἰκεῖται. Потому замѣчаніе общаго обряда (I, 1, 21), что цари входятъ въ Августей одни (τῶν δεσποτῶν μόνων εἰσερχομένων) нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что цари входили безъ всякой свиты, а что они входили въ Августей одни, безъ чиновъ синклита. Точно также, если далѣе сказано τῶν δεσποτῶν μετὰ κατωτέρων καὶ μόνων εἰσιόντων, то это значитъ только, что изъ чиновъ кувуклія съ царемъ идутъ ближайшіе его служители, китониты, а прочіе чины кувуклія стояли въ Августей, такъ какъ они вошли туда раньше.

въ Золотую Ручу, а препозитъ по знаку великаго царя восклицалъ: „вѣтъ“ ($\beta\acute{\iota}\tau$)! Вслѣдъ за этимъ восклицаніемъ запѣвала ($\varphi\omega\nu\omicron\beta\acute{\omicron}\lambda\omicron\varsigma$) кувуклія громко и мелодично провозглашала: „добро!“ Всѣ чины кувуклія подхватывали этотъ возгласъ и восклицали: „добро пожаловали, на многія лѣта!“ А въ Пасху прибавляли еще слова: „лѣта (или годы) счастливѣйшія!“¹⁾ Возгласы эти представляли собою традиціонные остатки глубокой, еще римской старины и потому состояли частью изъ латинскихъ словъ, очевидно, уже болѣе непонятныхъ какъ для произносившихъ, такъ и для составлявшихъ обряды.

При этихъ возгласахъ цари съ высшими и ближайшими чинами кувуклія, китонитами и состоящими при облаченіяхъ чинами проходили въ Октагонъ, гдѣ предъ выходомъ въ св. Софію они облачались въ хламиду и вѣнецъ и гдѣ теперь они снимали эти предметы облаченія въ обратномъ только порядкѣ: по прибытіи въ Октагонъ, препозитъ прежде всего снималъ съ царей вѣнцы, потомъ по обыкновенію возглашалъ: „веститоры!“ Являлись приглашенные церемоніаріемъ веститоры и снимали съ царей хламиды и, послѣ возгласа препозита: „повелите“; выходили вонъ, а цари въ дивитисіяхъ, т. е. далматикахъ, входили въ покой ($\chi\omicron\iota\tau\acute{\omicron}\nu$), примыкавшій въ Октагону. Отдохнувши здѣсь немного послѣ торжественнаго шествія въ тяжеломъ облаченіи, цари въ Октагонѣ облачались въ плащъ и, надѣвши шапку, въ сопровожденіи чиновъ кувуклія, маглавіи и этеріи, шли по переходамъ Августея, чрезъ Апсиду, переходы Триконха и галле-

¹⁾ Во всѣхъ обрядахъ, въ которыхъ описывается возвращеніе чрезъ Августей изъ храма св. Софіи, читается: $\beta\acute{\iota}\tau$. Но что значитъ это $\beta\acute{\iota}\tau$ и какое латинское слово подъ нимъ скрывается, сказать трудно. Reiske (Comment. p. 124) высказываетъ разныя предположенія относительно значенія этого $\beta\acute{\iota}\tau$ vel $\beta\acute{\iota}$; оно, по его словамъ, могло означать $\beta\acute{\iota}\tau$ (bene), $\beta\acute{\iota}$ (bene) или $\beta\acute{\iota}\tau$. Последнее ему кажется болѣе вѣроятнымъ. Но возможно, мнѣ кажется, $\beta\acute{\iota}\tau$ принимать за $\beta\acute{\iota}\tau$ идетъ, входитъ, такъ какъ этотъ возгласъ говоритъ препозитъ, давая этимъ знать, что пора говорить привѣтствіе. Обращаясь къ этому привѣтствію кувукляріевъ, въ общемъ обрядѣ (I, 1, 21) мы находимъ, что въ отвѣтъ на возгласъ кувуклярія-запѣвалы: $\kappa\alpha\lambda\acute{\omega}\varsigma$, прочіе чины кувуклія отвѣчали: $\kappa\alpha\lambda\acute{\omega}\varsigma$ ἤλθετε οἱ μούλτος ἀννοῖς — т. е. $\kappa\alpha\lambda\acute{\omega}\varsigma$ ἤλθετε in multos annos. Въ Пасху, по словамъ этого обряда, еще прибавлялось: $\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$ $\varphi\epsilon\lambda\lambda\iota\kappa\acute{\iota}\sigma\iota\mu\epsilon$, т. е. annos felicissimos или annos, felicissimi. Въ Пасхальномъ обрядѣ (I, 9, 69) дѣйствительно стоитъ: ἤλθετε ἢ μούλτος ἀννοῖς $\varphi\epsilon\lambda\lambda\iota\kappa\acute{\iota}\sigma\iota\mu\epsilon$, что можно понять или въ смыслѣ: in multos annos felicissimos, или еще ближе къ тексту: felicissime! Если въ Пасхальномъ обрядѣ слѣдуетъ читать felicissime, то и въ общемъ $\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$ $\varphi\epsilon\lambda\lambda\iota\kappa\acute{\iota}\sigma\iota\mu\epsilon$ можно читать: annos, felicissimi, такъ какъ тамъ идетъ рѣчь о нѣсколькихъ царяхъ. Такъ какъ прибавка къ in multos annos еще annos, кромѣ звательнаго felicissimi, не имѣетъ смысла, то нужно думать, что такое отличіе Пасхальнаго обряда отъ другихъ явилось позже, когда уже смыслъ этихъ словъ былъ совершенно непонятенъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что въ Рождественскомъ обрядѣ (I, 23, 136) сказано, какъ и въ Пасхальномъ: ἤλθετε μούλτος ἀννοῖς $\varphi\epsilon\lambda\lambda\iota\kappa\acute{\iota}\sigma\iota\mu\epsilon$, т. е. ἤλθετε in multos annos, felicissime. Слѣдовательно, felicissime прибавлялось сначала не въ одну Пасху, а и въ другіе праздники.

рею 40 мучениковъ въ Хрисотриклинь. Маглавиты и этерія откланивались царимъ, вѣроятно, въ Сигмѣ Триконха и чрезъ переходы 40 мучениковъ цари шествовали только съ чинами кубуклія, которые, войдя прежде царей въ Хрисотриклинь, становились тамъ въ ширину Золотой Палаты, привѣтствовали въ послѣдній разъ царей обычнымъ многолѣтіемъ и уходили, а цари снимали плащъ и шапку, шли въ восточную конху, молились тамъ предъ иконою Спасителя и уходили въ свои покои чрезъ южную дверь Хрисотриклина ¹⁾, гдѣ, вѣроятно, снимали дивитисій и надѣвали домашнее платье, вмѣсто служебнаго, если имъ приходилось долго дожидаться времени выхода къ парадному обѣду, когда нужно было опять облачаться въ парадныя одежды ²⁾. Если же обѣдъ слѣдовалъ непосредственно за прибытіемъ царей во Дворецъ, то цари, снявши въ Октагонѣ Дафны корону и замѣнивши хламиду или лоръ плащемъ, шли къ обѣду.

Вышеизложеннымъ порядкомъ совершались выходы въ храмъ св. Софіи въ главные Господніе праздники: Рождество Христово, Крещеніе, Пасху, Троицынъ день и Преображеніе. Нѣкоторая разница была, какъ мы видѣли, въ цвѣтѣ парадныхъ облаченій и содержаніи нѣкоторыхъ пѣснопѣній, видоизмѣнявшихся сообразно съ праздникомъ ³⁾. Кромѣ этой незначительной разницы, въ Пасху обрядъ выхода отличался отъ выходовъ въ другіе, сейчасъ названные, праздники тѣмъ, что цари, послѣ облаченія въ парадныя одежды въ Октагонѣ дворца Дафны, шли въ Палату 19 аккувитовъ и тамъ совершали цѣлованіе съ чинами синклита, т. е. христосовались, и потомъ уже продолжали шествіе, которое съ Консistorіи идетъ опять обычнымъ порядкомъ. Какъ цари христосовались съ са-

¹⁾ Cerim. I, 1, 21—22; I, 9, 70; I, 23, 136. Такъ какъ обратное шествіе вообще, а конецъ его въ особенности описаны сжато и кратко, то нѣкоторыя черты необходимо дополнить указаніями начала шествій царей въ св. Софію. Ср. стр. 47 слѣд. По всей вѣроятности, на возвратномъ пути цари до самаго Хрисотриклина сопровождали чины до тѣхъ мѣстъ, съ которыхъ они присоединялись къ шествію, но въ обрядахъ это пропускается; да и при описаніи шествій въ св. Софію чины упоминаются не всегда одни и тѣже, а обозначаются то общими названіями, то частными, такъ что съ точностью опредѣлить, кто именно съ какого и до какого мѣста шелъ съ царемъ, очень трудно, тѣмъ болѣе, что въ разное время бывали разные обычаи.

²⁾ Въ этомъ отношеніи Крещенскій выходъ представлялъ ту особенность, что цари послѣ литургіи, дойдя до Октагона и облачившись въ плащъ, не шли въ Хрисотриклинь, а оставались въ китонѣ дворца Дафны и дожидались патріарха съ духовенствомъ къ обѣду въ Палатѣ 19 аккувитовъ. Когда патріархъ приходилъ, цари вмѣстѣ съ нимъ шли обѣдать въ Палату 19 аккувитовъ и уже послѣ обѣда, проводивъ патріарха до Августея, уходили въ Хрисотриклинь вышеописаннымъ порядкомъ (I, 26, 146—147; ср. II, 52, 754).

³⁾ См. выше, стр. 37 и 42. Ср. I, 2, 41, гдѣ, послѣ изложенія «актовъ» Рождества Христова, замѣчено, что «по образцу и чину этого праздника происходятъ приемы и словесія въ праздникъ Свѣтовъ, св. Пасху, Троицу и Преображеніе».

повниками и чиновниками синклита, такъ царицы христосовались съ ихъ женами и другими придворными дамами. Этотъ интересный обычай христосованія изложенъ въ двухъ обрядахъ Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго: 1) въ общемъ обрядѣ, какъ отступленіе отъ обыкновенныхъ выходовъ въ большіе Господніе праздники (I, 1, р. 22—26), и 2) въ специальномъ Пасхальномъ обрядѣ (I, 9, 61 слѣд.), который, какъ уже было сказано ¹⁾, не имѣетъ начала и въ печатныхъ изданіяхъ соединенъ въ одну главу съ началомъ „актовъ“ въ Троицынъ день. Обрядъ этотъ въ дошедшей до насъ единственной рукописи начинается прямо съ ввода въ Палату 19 аккувитовъ перваго отдѣленія чиновъ синклита; изъ сравненія съ другими обрядами большихъ выходовъ и обрядомъ христосованія, изложенномъ въ общемъ обрядѣ, видно, что въ Пасхальномъ обрядѣ недостаетъ описанія выхода изъ Хрисотриклина до Августея, облаченія въ Октагонѣ Дафны, шествія изъ дворца Дафны въ Палату аккувитовъ и христосованія съ чинами кувуклія и ближайшими къ царю чинами свиты, что составило бы приблизительно около $\frac{1}{3}$ всего обряда. Но эти недостатки, которые легко можно возстановить по общему обряду, восполняются за то описаніемъ христосованія царицъ, котораго нѣтъ въ общемъ обрядѣ и которое сохранилось только въ Пасхальномъ (I, 9, р. 67—68).

По указаннымъ обрядамъ, въ Пасху цари доходили до дворца Дафны совершенно такимъ же порядкомъ, какъ и въ другіе Господніе праздники. Войдя изъ храма св. Стефана въ Октагонъ, цари снимали плащи; затѣмъ въ Покоѣ (китонѣ) Дафны, снявши скарамангій, облачались въ дивитисій ²⁾ или далматіку и, оставаясь здѣсь, дожидались доклада пре-

¹⁾ См. выше, стр. 38.

²⁾ *Scrim.* I, 1, 22 сказано, что цари въ Пасху облачаются въ τὰ ἐσώτων διαβητήρια ἐν τῷ κοιτῶνι τῆς Δάφνης. Но въ главѣ 37 1-й книги, р. 187, гдѣ перечисляются облаченія, въ которыхъ цари дѣлаютъ выходы въ храмы, сказано, что въ Пасху цари выходятъ изъ дворца, т. е. Хрисотриклина μετὰ ὀξείων σκαραμαγγίων (фіолетовыхъ скарамангій) καὶ χρυσοπερικλείστον σαγίων καὶ ἐν τῷ κοιτῶνι τῆς Δάφνης ἀλλάσσουσι τὰ θωράκια, περιβάλλοντα δὲ καὶ τὰ τζιτζάνια. Въ этомъ облаченіи цари христосуются, а послѣ христосованія (ὁ ἀσκαμῶς) снимаютъ τζιτζάνια и надѣваютъ лоры и вѣнцы. Упомянутыя здѣсь θωράκια значатся въ числѣ парадныхъ облаченій и въ перечнѣ таковыхъ, находящемся въ *Scrim.* II, 41, 641 и начинающемся такъ: λῶροι χρυσοῦφαντοι καὶ κοντομανίκια χρυσοῦφαντα τῶν αὐτῶν λῶρων ἢ θωράκια τῶν αὐτῶν λῶρων ἢ. Но что за одежда была эти θωράκια, мнѣ, по крайней мѣрѣ, навѣрно неизвѣстно. Судя по тому, что θωράκια названы вмѣсто дивитисіа и цари ихъ надѣваютъ (ἀλλάσσουσι) какъ дивитисій, а не накидываютъ на себя (βάλλοντα или περιβάλλοντα), какъ хламиды, можно думать, что θωράκιαми называлась одежда въ родѣ дивитисіа, но состоявшая, быть можетъ, изъ двухъ половинъ, задней и передней, которыя связывались на бокахъ, какъ теперешніе архіерейскіе саккосы. Такъ какъ и панцыри составлялись изъ двухъ половинъ, передней и задней, соединяемыхъ на бокахъ, то, быть можетъ, по сходству съ половинами панцырей, и одежда, состоящая изъ двухъ половинъ,

позита о томъ, что чины синклита собрались въ портикѣ Палаты 19 аккумулятовъ и Оноподѣ и стоятъ въ ожиданіи ввода ихъ въ эту палату для христосованія. Чины синклита въ Пасху собирались, слѣдовательно, не въ Оноподѣ и Консistorіи, какъ въ другіе праздники, а въ портикѣ Палаты 19 аккумулятовъ и Оноподѣ.

задней и передней, называлась *θώρακια*. Если эта догадка близка къ истинѣ, то *θώρακια*, слѣдовательно, представляли собою родъ составной далматики или дивитисіа, надѣвавшася въ Пасху подѣ лоры или цикакіи. Такъ какъ въ перечнѣ праздничныхъ облачений дивитисіи обыкновенно называются съ хламидами и составляли однообразную пару (*δίζητήρια πορφύρα καὶ τὰς τούτων χλαμύδας, δίβητήρια λευκά καὶ τ. τοῦτ. χλαμύδας* и т. д. I, 37, 189 слѣд.), то можно думать, что и въ перечнѣ облачений II, 41, 611 вмѣстѣ съ лорами названы надѣваемые вмѣстѣ съ ними *θώρακια*, какъ парныя съ лорами, къ нимъ принадлежащія (*τῶν αὐτῶν λῶρων*). Образцомъ такого дивитисіа = *εορακία*, дивитисіа панциреобразная можетъ служить знаменитая Ватиканская далматика, изданная Фр. Воккомъ въ *Kleinoden des Röm. Reiches* (ср. выше, стр. 55 и 56). Эта далматика въ то же время позволяетъ понять, почему она сдѣлана въ видѣ двухъ полотень, задняго и передняго, съ отверстіемъ для головы. Очевидно, тяжесть, толщина матеріи и вышитые или вытканые на ней великолѣпные рисунки не позволяли сдѣлать изъ нея далматику обыкновеннаго покроя, т. е. безполаго мѣшка, съ отверстіемъ для головы и рукъ. Если бы изъ этого матеріала сдѣлана была далматика обыкновеннаго покроя, то при надѣваніи, которое было бы очень затруднительно и неудобно, матерія должна была мяться и ломаться, а отъ этого значительно пострадали бы рисунки. По той же причинѣ и теперешніе архіерейскіе саккосы, которые большею частью дѣлаются изъ толстой и тяжелой дорогой парчи, шьются на подобіе Ватиканской далматики, т. е. состоятъ изъ двухъ полотнищъ, которыя связываются на бокахъ пуговицами или тесемками. Въ вышеназванной книгѣ Вокка, кромѣ Ватиканской папской далматики, дано изображеніе одной императорской далматики, сдѣланной изъ гораздо болѣе легкой и тонкой матеріи. Эта далматика имѣетъ уже форму обыкновенной далматики или стихаря, т. е. не имѣетъ полъ и сравнительно длинныя рукава, между тѣмъ какъ Ватиканская далматика имѣетъ очень короткіе, широкіе, разрѣзанные внизу рутана, которые накладываются на верхнюю часть руки сверху и до нѣкоторой степени напоминаютъ рукава далматикъ на нѣкоторыхъ диптихахъ консульскихъ (рисунки будутъ указаны при описаніи лоровъ, см. ниже). Такіе рукава дѣлались, очевидно, опять-таки потому, что длинныя и узкіе рукава изъ толстой и тяжелой матеріи были бы очень неудобны для надѣванія, стѣсняли бы движеніе руки и затрудняли бы сгибаніе ея.

Въ пользу такого пониманія *θώρακια*, кромѣ вышеизложенныхъ соображеній, говорить еще то обстоятельство, что въ Пасху для завтрака (*κράμα*, см. выше, стр. 178 и слѣд.) 12 высшихъ чиновъ, надѣвавшихъ для выхода въ храмъ лоры, являются въ триклинѣ Мутаторія св. Софіи только въ *εορακίαхъ*, безъ лоровъ (*Serim*, II, 52, 766). А это доказываетъ, 1) что подѣ лорами у нихъ также надѣты были *θώρακια*, а 2) что *θώρακια* представляли собою не самую верхнюю одежду, а какъ дивитисіа = далматика, надѣвались подѣ лоры, такъ какъ къ завтраку какъ цари, такъ и высшіе чины являлись безъ самой верхней одежды, т. е. въ другіе праздники безъ хламидъ, напр. въ Рождество (*Serim*, II, 52, 741) и въ Крещеніе (*ibid.* 754), а въ той одеждѣ, которая была у нихъ подѣ хламидою и которая видоизмѣнялась по чину, но въ общемъ представляла видоизмѣненія туники, а такъ какъ *θώρακια* представляли собою особаго покроя далматику или дивитисіа, которые были также туники (см. выше, стр. 54 прим.), то предположеніе, что *θώρακια* представляютъ собою только видоизмѣненіе дивитисіевъ, особаго покроя далматики, еще болѣе подтверждается, и для меня, по крайней мѣрѣ, кажется весьма и весьма вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что *θώραξ* = *λωρίκιον*, а *λωρίκιον* = *χιτῶν σιδηροῦς* (*Du Cange*, Gloss. s. v. *λωρίκη*). Отъ такого желѣзнаго хитона и похожій на него по своему покроя дивитисіа названъ *θώρακιον*.

Когда церемоніарій, въ обязанностяхъ котораго принадлежала разстановка чиновъ и приготовленіе ихъ въ введенію по рангамъ, докладывалъ препозиту, что чины собрались въ портикѣ Палаты 19 аккумулятовъ и Оноподѣ, препозитъ докладывалъ объ этомъ царямъ, цари выходили изъ покоя въ Октагонъ и облачались въ цицакій, родъ плаща или хламиды, заимствованный византійскими царями у Хазаръ во времена Константина V Копронима (741—775), женившася на Иринѣ, дочери хазарскаго хана, въ 733 г. Во время написанія обрядовъ Придворнаго Устава цицакій считался однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ и торжественныхъ облаченій и надѣвался почти только въ Пасхальную недѣлю для выходовъ, да въ нѣкоторыхъ другихъ особенно торжественныхъ случаяхъ ¹⁾).

¹⁾ По замѣчанію схол. къ I, 1, р. 22 τὰ τζιτζάκια—хазарская одежда и явилась въ Царьградѣ со временъ царицы изъ хазарскихъ принцессъ, а такъ какъ изъ хазарскихъ принцессъ была только жена Константина Копронима, Ирина, то, очевидно, цицакіи въ парадномъ царскомъ гардеробѣ появились со времени женитбы Константина Копронима на хазаркѣ. По замѣчанію составителя 37 гл. 1 книги, въ теченіе Пасхальной недѣли цари носятъ бѣлые дивитисіи, а если пожелаютъ совершать или выходъ въ церковь, или крестный ходъ, или приемъ во дворцѣ, то надѣваютъ цицакіи (περιβάλλονται τὰ τζιτζάκια р. 188). Дѣйствительно, въ обрядахъ выходовъ и приемовъ Пасхальной недѣли мы находимъ указанія на это хазарское облаченіе: кромѣ I, 1, 22, гдѣ говорится о надѣваніи цицакіевъ въ 1-й день Пасхи, цари идутъ въ цицакіяхъ во вторникъ въ храмъ свв. Сергія и Вакха, возвращаются оттуда и выходятъ къ столу въ Хрисотриклинѣ въ нихъ же (I, 11, 86, 88—89); въ четвертокъ Пасхальной недѣли цари въ цицакіяхъ принимали въ Хрисотриклинѣ высшее духовенство и христосовались (I, 14, 92); въ антипасху возвращались изъ св. Софіи въ τζιτζάκια (I, 16, 98); въ среду цари въ цицакіяхъ христосовались съ новокрещенными (I, 12, 90). Но, однакожь, не всегда цари въ Пасхальную недѣлю надѣваютъ цицакіи; упоминаются и хламиды: такъ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли царь облачается не въ цицакій, а хламиду I, 10, 72. Кромѣ Пасхальной недѣли цари облачались въ цицакіи въ Крещенскій сочельникъ I, 25, 141—142. По коронаціонному обряду, цари въ день коронаціи облачались въ мутаторіи, находившемся предъ внутреннимъ наркомомъ, въ дивитисіи и цицакій, а сверхъ того надѣвали еще плащи (I, 38, 192). Здѣсь именно облачался въ цицакій Никифоръ Фока въ день своей коронаціи (I, 96, 440).

Такъ какъ цицакіи замѣняютъ собою хламиды и какъ хламиды ихъ «накидываютъ» (περιβάλλονται), то можно навѣрное заключать, что цицакіи представляли собою верхнюю одежду, въ родѣ хламиды, и накидывались на дивитисіи. Но чѣмъ отличался цицакій отъ хламиды и какой его былъ покрой, сказать трудно. Можно сказать только навѣрное, что хазарско-византійскій «цицакій» ничего не имѣетъ общаго съ шишакомъ, такъ какъ цицакій—одежда, въ родѣ хламиды или плаща, а шишакъ—головной уборъ. Нѣкоторое сходство звуковъ въ этихъ названіяхъ соблазняло археологовъ и нѣкоторые изъ нихъ сближали эти слова, хотя и въ этимологическомъ отношеніи они не имѣютъ ничего общаго: «шишакъ», очевидно, стоитъ въ связи съ «шишка», а τζιτζάκιον—слово, вѣроятно, хазарское, по какалъ соответственно одежда обозначается этимъ словомъ, мнѣ неизвѣстно. Такъ какъ хазары принадлежали къ турецкому (türkisch) племени, а въ турецкихъ языкахъ есть слово «чичакъ»—цвѣтокъ, то можно думать, что τζιτζάκιον, которое могло произноситься и какъ чичакіон и какъ цицакіон, означаетъ одежду, сдѣланную изъ матеріи, затканной или вышитой цвѣтами. Далѣе этого наши догадки едва ли могутъ идти. Принимая во вниманіе, что въ Пасху и Крещеніе, когда надѣвался цицакій, употреблялись обыкновенно бѣлые, свѣтлыя одежды, можно думать, что цицакій также дѣлался изъ свѣтлой матеріи, украшенной цвѣтами. Такихъ одѣяній, надѣтыхъ на дивитисіи, въ родѣ

Облачившись въ цицакій, цари шествовали не въ Августей, а чрезъ двери, соединившія дворець Дафны съ Палатою 19 аккувитовъ, входили въ большой аккувить этой Палаты и чрезъ него спускались въ самую Палату или ея залу, гдѣ стояли справа и слѣва пришедшіе сюда впереди царей чины кувуклія, маглавиты и этеріоты. Цари, привѣтствуемые обычнымъ многолѣтіемъ, проходили среди этихъ чиновъ на правую сторону Палаты 19 аккувитовъ и садились здѣсь на золоченныхъ, украшенныхъ драгоценными камнями сѣдалищахъ для христосованія съ ближайшими чинами, вошедшими сюда вмѣстѣ съ ними ¹⁾). Прежде всего подходили ректоръ, препозиты и другіе чины кувуклія, а равно и маглавиты съ этеріотами. Христосованіе состояло въ томъ, что чины подходили къ царямъ, клянялись, но не до земли, а только до колѣнъ, цѣловали царей сначала въ колѣно, потомъ въ руку и, наконецъ, въ уста.

Похристосовавшись съ самыми близкими чинами, царь давалъ знакъ препозиту, а этотъ послѣдній рубкою, обернутою въ хламиду, давалъ знакъ остіарію, державшему въ рукахъ золотой жезлъ, чтобы тотъ уходилъ для ввода слѣдующихъ чиновъ царской свиты: катепана царскихъ съ ихъ domestikomъ, хрисотрикливитовъ, церемоніарія съ силенціаріями, адмиссіоналія и, вѣроятно, веститоровъ ²⁾).

Остіарій выходилъ съ золотымъ жезломъ въ руке, приглашалъ сейчасъ названныхъ чиновниковъ слѣдовать за собою и, пройдя завѣсу, останавливался у нея, а слѣдовавшіе за нимъ чины оставались за завѣсою, у которой стояли 2 силенціарія, раздвигавшіе и сдвигавшіе завѣсу, по знаку остіарія, такъ какъ завѣса, чрезъ которую входили чины въ Палату 19 аккувитовъ, была раздвижная (*βήλον σφύτον* или *σφύρομενον*). Остіарій, остановившись возлѣ самой завѣсы, ожидалъ знака отъ препозита, который, въ свою очередь, дожидался знака или мановенія царя. Получивши этотъ знакъ, препозитъ опять давалъ знакъ хламидою остіарію, а остіарій, поклонившись царямъ установленнымъ образомъ, толкалъ пра-

---

хламиды, можно указать въ сохранявшихся изображеніяхъ нѣсколько; но можно ли украшенные цвѣтами хламиды называть цицакіями, это другой вопросъ, который, за неимѣніемъ описаній цицакія, рѣшить пока нельзя. (Съ русск. шипакъ сопоставлять греч. *τιττάκιον* еще Оленинъ въ письмѣ къ непремѣнному секретарю Академіи Наукъ Языкову въ 1836 г. Письмо это напечатано въ «Исторія Россійской Академіи» Сухомлинова, т. VII, стр. 154 сл., на что мнѣ любезно указалъ Г. С. Дестунисъ. Какъ было выше указано, это сопоставленіе нельзя назвать удачнымъ ни съ этимологической, ни съ археологической точки зрѣнія).

¹⁾ Относительно Палаты XIX Аккувитовъ, ея устройства, составныхъ частей и смежности съ дворцомъ Дафны см. мой Обзоръ главн. частей Большаго Дворца, стр. 109—114.

²⁾ Послѣ самыхъ близкихъ чиновъ вводятся тѣ чины, которые тоже входятъ въ составъ свиты, но не самой близкой, а церемониальной. Это тѣ чины, которые въ большіе выходы привѣтствуютъ и прощаются съ царемъ въ Оноподѣ.

вой рукой завѣсу, задомъ къ которой онъ стоялъ. Силенціариі, стоявшіе у этой завѣсы, раздвигали каждый свою половину, и стоявшіе за ней чины, приглашенные остіаріемъ, входили, кланялись и по правой сторонѣ залы подходили къ царямъ одинъ за другимъ и цѣловали царей въ колѣна, руки и уста, послѣ чего одинъ по одному выходили тѣмъ же путемъ, которымъ приплы, въ то мѣсто, откуда они были приведены остіаріемъ (I, 1, 23).

Между тѣмъ, пока происходило это христосованіе, кувикюляріи приготовляли среди залы Палаты 19 аккувитовъ изъ плюща, мирты, буквыхъ вѣтвей и другихъ благовопныхъ и красивыхъ растений бесѣдку, которая устраивалась такъ, что болѣе или менѣе напоминала по своей фигурѣ греческую букву **T**, т. е. представляла собою огороженную растеніями продолговатую площадку, перпендикулярно къ которой велъ корридоръ изъ такихъ же растений ¹⁾. Внутри площадки могли помѣщаться царскія кресла и стоять окружавшіе царей чины кувуклія, а по корридору подходили къ царямъ для христосованія чины и потомъ становились здѣсь съ обѣихъ сторонъ, старшіе впереди. Планъ этой бесѣдки можно представлять себѣ въ такомъ приблизительно видѣ: ²⁾.

По окончаніи христосованія съ чинами своей свиты, цари вставали съ своихъ сѣдалищъ, а кувикюляріи брали ихъ и ставили въ приготовленную посреди залы бесѣдку. Цари садились, а чины кувуклія становились сзади и по сторонамъ отъ царей, въ обычномъ порядкѣ. Когда всѣ занимали свои мѣста, великій царь давалъ знакъ препозиту, тотъ выходилъ на средину бесѣдки и становился лицомъ къ царямъ, кланялся имъ установленнымъ

¹⁾ Эта бесѣдка называется *φίνα*, что представляетъ, по всей вѣроятности, греческую передѣлку латинск. *finis*, конецъ, предѣлъ, окружность, ограда, загородка, огороженное мѣсто. Въ смыслѣ ограды слово это употребляется при описаніи ночной стражи вокругъ царской палатки въ походахъ. «Сто схоляріевъ, которыхъ имѣеть въ своемъ распоряженіи друнгарій виглы, дѣлають внѣшнюю ограду (*ποιοῦσι τὴν φίναν τὴν ἔξω*), а этеріоты съ этеріархомъ охраняють внутреннюю ограду, возлѣ самой царской палатки (*τῆς κόρτης, ἣ κόρτη* = итал. *corte* = фр. *la cour*), гдѣ привязаны ея веревки» (Append. ad. libr. I Cerim. p. 482). Когда же царь соединится съ провинціальными войсками, то прибавляется еще одна ограда, возлѣ ограды этеріотовъ, т. е. внѣ ограды этеріотовъ и внутри ограды схоляріевъ (*ibid.* 482). Такъ какъ здѣсь говорится, что ночью безъ пароля (*σίγνον*, который назывался царемъ и состоялъ обыкновенно изъ словъ: Спаситель, Богородица, архистратигъ или названія какого-нибудь мученика-воина) никто не могъ выходить *ἔξω τῶν σκοταρίων*, то можно думать, что эти ограды около лагерной царской палатки дѣлались изъ щитовъ наванпныхъ отрядовъ царскихъ тѣлохранителей. Другаго рода *φίνα* была въ Циркѣ (II, 20, 614), гдѣ такъ назывался портникъ, имѣвшій видъ буквы П. См. Reiske, Comment. ad. Cerim. p. 557. Портникъ изъ живыхъ растений и вѣтвей представляла собою и фіна въ залѣ Палаты 19 аккувитовъ.

²⁾ Горизонтальная, верхняя часть этой фигуры изображаетъ часть бесѣдки, тянущуюся поперекъ залы, а вертикальная—часть бесѣдки, тянущуюся вдоль и открытымъ концомъ обращенную къ входной двери.

образомъ и, предшествуемый двумя остіаріями съ золотыми жезлами, выходилъ чрезъ главную завѣсу и дверь въ портикъ Палаты 19 аккувитовъ, гдѣ стояли чины синклита, раздѣленные по отдѣламъ и рангамъ ($\beta\tilde{\eta}\lambda\alpha$) и приготовленные къ вводу въ залу для христосованія. Препозитъ приглашалъ прежде всего самыхъ высшихъ сановниковъ, первый отдѣлъ, состоявшій изъ магистровъ и аѳеипатовъ, одѣтыхъ въ лоры. Дѣло въ томъ, что въ Пасху для выхода къ литургіи 12 высшихъ сановниковъ облачались въ лоры ($\lambda\tilde{\omega}\rho\omicron\iota$) и въ нихъ входили для христосованія съ царями, которые, какъ мы сейчасъ увидимъ, послѣ христосованія снимали цицавіи и облачались также въ лоры. Вотъ этихъ-то 12 сановниковъ, облачавшихся въ лоры, препозитъ вводилъ прежде всѣхъ. Церемонія ввода чиновъ препозитомъ совершалась почти такъ же, какъ совершалась она одними остіаріями и какъ она описана была выше, но съ большею торжественностію ¹⁾. Какъ тамъ вводимые чины слѣдуютъ за остіаріемъ, такъ здѣсь они слѣдуютъ за препозитомъ, впереди котораго идутъ остіаріи съ золотыми жезлами. Пройдя завѣсу входной двери, противъ которой устраивалась бесѣдка, остіаріи становились: одинъ у правой, другой у лѣвой половины завѣсы, задомъ къ нимъ, а лицомъ къ царямъ ²⁾. По данному пре-

¹⁾ Вводъ чиновъ ($\beta\tilde{\eta}\lambda\alpha$) съ участіемъ препозита, очевидно, дѣлался въ тѣхъ случаяхъ, когда вводу хотѣли придать большую торжественность, которая и достигалась участіемъ въ ней высшаго церемоніальнаго сановника.

²⁾ Въ Cerim. I, 1, 23, гдѣ описывается процедура ввода, говорится (въ концѣ), что препозитъ, поклонившись царю, выходитъ вводить $\beta\tilde{\eta}\lambda\alpha$, а вмѣстѣ съ нимъ идутъ и два остіарія и становятся съ внутренней стороны завѣсы ($\tilde{\epsilon}\nu\tilde{\omega}\delta\tilde{\epsilon}\nu\ \tau\tilde{\omega}\tilde{\nu}\ \beta\tilde{\eta}\lambda\omicron\upsilon$) и пр. Взвѣсивъ отдѣльно это мѣсто, можно пожалуй, подумать, что остіаріи, выходя изъ залы вмѣстѣ съ препозитомъ, доходятъ только до завѣсы, становятся у нея и дальше не идутъ, а за чинами идетъ только препозитъ, который потомъ входитъ съ чинами перваго ранга. Но если мы сравнимъ другія описанія ввода чиновъ, то мы увидимъ, что остіаріи становились у завѣсы, съ внутренней, т. е. обращенной къ залѣ, стороны уже послѣ того, какъ они съ препозитомъ сходили за чинами. Это ясно видно изъ описанія ввода чиновъ свиты однимъ остіаріемъ, безъ препозита, описанія, приведеннаго выше. Точно также они ходили за чинами и съ препозитомъ, при чемъ шли впереди его, а потомъ, на возвратномъ пути, имѣя позади себя препозита и приглашенный отдѣлъ чиновъ, становились у завѣсы. Это ясно видно изъ описанія ввода чиновъ въ обрядѣ производства патрикіевъ (I, 48, 244—245). Къ сожалѣнію, не указано, кто даетъ знакъ остіаріямъ толкать завѣсу, тотъ ли препозитъ, который привелъ $\beta\tilde{\eta}\lambda\omicron\upsilon$, отдѣлъ чиновъ, или одинъ изъ оставшихся въ залѣ, возлѣ царя. Если тотъ, который выходилъ за чинами и вмѣстѣ съ ними дошелъ до завѣсы, то нужно думать, что онъ стоялъ предъ завѣсою, рядомъ или немного впереди остіаріевъ, такъ что могъ видѣть знакъ царя, а затѣмъ дать знакъ остіаріямъ. Но вѣрнѣе, кажется, думать, что ходившій за чинами препозитъ оставался за завѣсою до раздвиганія ея силенціаріями, а остіаріямъ давалъ знакъ другой препозитъ, который въ обрядѣ производства патрикіевъ называется $\tilde{\omega}\ \tilde{\epsilon}\nu\tilde{\omega}\tilde{\delta}\tilde{\omicron}\nu\ \pi\alpha\tilde{\tau}\tilde{\rho}\tilde{\iota}\tilde{\kappa}\tilde{\iota}\tilde{\omicron}\nu\tilde{\tau}\tilde{\omicron}\varsigma$, т. е. находившійся внутри Хрисотрикліана препозитъ, въ отличіе отъ стоявшаго за завѣсою, виѣ Хрисотрикліана. (Въ X в. должность препозита имѣла уже значеніе чина, дававшагося только евнухамъ, и препозитовъ могло быть и было нѣсколько, причемъ главный изъ нихъ назывался протопрепозитомъ. Cerim. II, 52, 722; II, 3, 527).

позитомъ знаку, остіаріи, стоявшій у правой половины завѣсы, кланялся установленнымъ поклономъ царямъ и затѣмъ правой рукою толкалъ въ завѣсы, предъ которыми онъ стоялъ. Силенціаріи, стоявшіе у завѣсы, тотчасъ раздвигали ихъ направо и налево и препозитъ, предшествуя первому отдѣлу чиновъ, входилъ въ залу и вводилъ 12 высшихъ сановниковъ, которые, при входѣ, не падали ницъ, а кланялись до колѣнъ и шли за препозитомъ, впереди котораго шли опять остіаріи, къ бесѣдкѣ и, подведенные къ царямъ, цѣловали ихъ въ колѣно, въ руку и въ уста, послѣ чего становились на свои мѣста, т. е. по старшинству становились направо и налево предъ царями, прямо послѣ высшихъ чиновъ кувуклія, которые стояли непосредственно возлѣ царей.

Препозитъ и остіаріи, вволившіе высшихъ сановниковъ, становились между тѣмъ на свои мѣста, т. е. препозитъ опять становился посреди бесѣдки лицомъ къ царямъ, а сзади его, на нѣкоторомъ разстояніи, остіаріи. Когда кончалось христосованіе перваго отдѣла чиновъ синклита, великій царь опять давалъ знакъ препозиту, который опять кланялся царямъ установленнымъ поклономъ и уходилъ съ остіаріями въ портіеъ за вторымъ отдѣломъ чиновъ. Пригласивъ ихъ и дойдя до завѣсы входной двери, препозитъ останавливался съ вторымъ отдѣломъ чиновъ, а остіаріи становились опять у завѣсы, со стороны, обращенной къ залѣ, и по данному знаку, остіаріи, стоявшій слѣва, толкалъ назадъ правою рукою завѣсы, которыя немедленно раздвигались силенціаріями, и чины 2-го ранга, т. е. аноипаты и патрикіи, не вошедшіе въ число 12, облачившихся въ лоры, входили, предшествуемые препозитомъ и остіаріями, въ залу, а потомъ въ бесѣдку, христосовались съ царями и становились на свои мѣста, по старшинству, направо и налево, послѣ 12 сановниковъ въ лорахъ, которые, послѣ высшихъ чиновъ кувуклія, стояли по шести въ рядъ, сначала магистры, а потомъ аноипаты и патрикіи.

Когда чины втораго отдѣла занимали послѣ христосованія свои мѣста, препозитъ съ остіаріями, послѣ обычныхъ знаковъ и поклоновъ, выходилъ въ портіеъ за третьимъ отдѣломъ чиновъ, имѣвшихъ чинъ или состоявшихъ по должности въ рангѣ протоспааріевъ, и вводилъ ихъ такимъ же образомъ, какъ два первые отдѣла. Только завѣсу толкалъ опять остіаріи, стоявшій съ правой стороны, а при входѣ четвертаго отдѣла остіаріи, стоявшій съ лѣвой стороны.

Такимъ же порядкомъ вводились всѣ другіе отдѣлы чиновъ, которые для ввода къ царямъ въ разныхъ случаяхъ распредѣлялись на разное количество отдѣловъ, смотря по обряду и желанію царей, такъ какъ чины могли дѣлиться на различное количество отдѣловъ. Понятно, что чѣмъ

больше было отдѣловъ, тѣмъ меньше чиновъ входило въ составъ каждаго изъ нихъ и тѣмъ болѣе длилась процедура ввода. Раздѣленіе на то или другое количество отдѣловъ, вѣроятно, зависѣло отъ препозитовъ, которые, соображаясь съ временемъ и характеромъ обряда, а равно и съ желаніемъ царей, приказывали церемоніарію „приготовить“ (εὐτρεπισσειν), т. е. распредѣлить чины на то или другое количество отдѣловъ. Потому и въ обрядахъ мы встрѣчаемъ то большее, то меньшее количество отдѣловъ, при чемъ они перечисляются или всѣ, или только нѣсколько ¹⁾. Точно также и составъ каждаго отдѣла то обозначается однимъ или двумя названіями чиновъ, то обозначается подробнѣе; но во всякомъ случаѣ полного перечня всѣхъ родовъ и названій чиновъ ни въ одномъ обрядѣ не имѣется, потому что такіе перечни занимали бы слишкомъ много мѣста и составителямъ обрядовъ въ этихъ случаяхъ пришлось бы каждый разъ писать длинные списки чиновъ въ родѣ тѣхъ, которые составилъ атриклинъ Филосей для приглашеній на царскіе обѣды. Во избѣжаніе этого составители обрядовъ ограничиваются общими названіями, обнимающими много или нѣсколько меньшихъ отдѣловъ, или называютъ только нѣсколько чиновъ изъ каждаго отдѣла, такъ какъ знакомому съ составомъ чиновъ изъ этихъ намековъ видно, какіе отдѣлы изъ какихъ чиновъ состояли и всѣ ли чины синклита вводились или только высшіе до извѣстнаго ранга.

Часто и самыя отдѣлы не перечисляются или называются только одинъ, два или три первые отдѣла, съ прибавкою, что отдѣлы вводятся по обычаю и установленному порядку, или даже безъ этой прибавки, такъ какъ и безъ того порядокъ ввода чиновъ былъ извѣстенъ, особенно чинамъ, спеціально этимъ дѣломъ занимавшимся и привыкшимъ къ нему.

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ I, 1, 24—25 названы только четыре отдѣла (βῆλα) чиновъ, которые обозначены общими названіями: анѣпаты, патрикіи, протоспаваріи, оффиціалии, нотаріи, и асикриты секретовъ; низшіе чины синклита не названы вовсе. Въ спеціальномъ Пасхальномъ обрядѣ I, 9, 61—62 чины раздѣлены на 9 отдѣловъ и перечисляются подробнѣе, при чемъ названы не только приглашаемые сановники по чинамъ, но и должностныя лица, принадлежащія по рангу своей должности къ извѣстному чину. Но и здѣсь, конечно, названы сравнительно весьма немногія должности, точно такъ же какъ и въ наиболѣе обстоятельномъ описаніи ввода чиновъ, находящемся въ обрядѣ производства патрикіевъ I, 48, 245—247. Ср. вводъ чиновъ синклита I, 38, 193; I, 40, 202; I, 41, 207; I, 46, 235; I, 47, 237; I, 49, 256; I, 50, 258; I, 61, 262; вводъ женъ чиновниковъ I, 40, 203; ср. I, 9, 67; II, 15, 596. Большею частію отдѣлы не перечисляются, а говорится только, что вводятся βῆλα, напр. I, 43, 221 (εἰσέρχεται τὸ σέκρετον ὅλον, βῆλον ἃ οἱ μάλιστα καὶ τὰ λοιπὰ βῆλα κατὰ τάξιν, ὡς ἔχει ἢ συνήθεια), I, 24, 138; I, 44, 228 (εἰσέρχεται τὸ σέκρετον (= ἡ σύγκλητος), βῆλα, βῆλα ὡς ἔχει ἢ συνήθεια). Ср. I, 45, 229; II, 15, 568. Въ основаніи дѣленія на βῆλα лежали чины и должности, не только занимаемыя въ данное время, но и занимавшіяся прежде. Правильное раздѣленіе и разстановка чиновъ по ихъ достоинству составляли довольно сложную науку и церемоніарію, разстановивавшему чины въ составѣ каждаго отдѣла и раздѣлявшему на отдѣлы всѣхъ, нужно было эту науку знать твердо, чтобы кого-нибудь не обидѣть.

Я также не считаю возможнымъ перечислять здѣсь чиновниковъ и сановниковъ, которые вводились въ разныхъ отдѣлахъ, такъ какъ полный перечень, который, на основаніи клиторологія атриклина Филоооя, можно составить приблизительно вѣрно, занялъ бы слишкомъ много мѣста и потребовалъ бы такого обширнаго комментарія, который заставилъ бы насъ совершенно забыть нашу настоящую задачу, описаніе выхода въ Пасху, а безъ объясненія значенія каждаго чина и его ранга голый перечень не имѣлъ бы смысла и представлялъ бы массу непонятныхъ греко-римскихъ названій чиновъ и должностей. Отлагая составленіе такого перечня до изложенія обильнаго матеріала относительно чиновъ, находящагося въ обрядахъ Константина Багрянороднаго, мы возвратимся къ продолженію прерваннаго описанія христосованія царей въ Палатѣ 19 аккувитовъ.

Когда всѣ чины синклита вводились препозитомъ и христосовались съ царями, вводились послы иностранныхъ государствъ, если таковые были въ Константинополѣ. Введенные послѣ всего синклита, послы, похристосовавшись и поздравивши царей съ великимъ праздникомъ, тотчасъ уходили и занимали отведенныя имъ мѣста въ Трибуналѣ, у Лихнѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, послы обыкновенно смотрѣли выходъ царей.

По выходѣ пословъ изъ залы Палаты 19 аккувитовъ, препозитъ „бралъ знакъ“ у царя и, послѣ обычнаго поклона, возглашалъ: „повелите“. Всѣ чины синклита хоромъ возглашали: „на многіе и счастливые годы да продлитъ Богъ святое царство ваше“ и выходили изъ залы чрезъ ту же завѣсу, чрезъ которую вошли и которую при выходѣ чиновъ, какъ при входѣ, раздвигали и поддерживали два силенціарія. Выйдя изъ залы, чины синклита проходили портіею Палаты 19 аккувитовъ и входили въ Оноподъ; высшіе чины: магистры, анеипаты, патрикій и стратиги оставались здѣсь, а остальные чины синклита уходили въ Консисторію, чтобы тамъ по обычаю привѣтствовать царя и присоединиться къ процессіи (I, 1, 25; I, 9, 62).

По выходѣ чиновъ синклита, цари вставали съ троновъ въ бесѣдѣ и, сопровождаемые высшими чинами кувуклія, чинами, состоящими при облаченіяхъ, и китонитами, уходили опять въ большой аккувитъ, чрезъ который они вошли въ залу. Здѣсь за двумя серебряными колоннами, между которыми вѣшалась завѣса и за которыми было помѣщеніе для переоблаченія царей, цари переоблачались въ *лоры* ¹⁾. Для этого, кромѣ

---

¹⁾ О лорахъ будетъ сказано ниже. Кромѣ лоровъ, отличительнымъ предметомъ облаченія царей и 12 высшихъ чиновъ въ этотъ день была особая обувь, какъ видно изъ *Сегім.* II, 40, 638, гдѣ особо говорится объ облаченіи въ 1-й день Пасхи для выхода въ

вышеназванныхъ чиновъ, приглашались препозитомъ веститоры, которые вынимали изъ принесенныхъ сюда заранѣе ящичковъ лоры и облачали въ нихъ царей, предварительно снявши съ нихъ цицакии. Послѣ облаченія препозитъ по обыкновенію восклицалъ: „повелите“. Веститоры выходили и цари оставались только съ чинами изъ евнуховъ. Препозиту подавали вѣнды, которые онъ возлагалъ на головы царей, а потомъ подавали *акакии* ¹⁾ и украшенные драгоценными камнями *кресты* вмѣсто скипетровъ.

св. Софію. Изъ описанія обуви, надѣваемой въ этотъ день, можно заключить, что она состояла изъ бѣлаго полотнянаго холста, обриваемаго вокругъ ногъ (въ родѣ онучей), и вызолоченныхъ туфель (τὸ δὲ τὰς κνήμας λιγὸν ἐσφινδῶσθαι ἀμφὶρ μετὰ καὶ χρυσομένων πεδίλων ταῦτὸ τοῦτο καὶ νεκρότης καὶ λαμπρότης); но въ обрядахъ выходовъ объ этой обуви ничего не говорится и потому неизвѣстно, гдѣ она надѣвалась: въ покоѣ ли (Китонѣ) предъ выходомъ въ Хрисотриклинъ или въ Китонѣ Октагона Дафны, гдѣ царь надѣвалъ дивитисій или еоракіи и цицакій и гдѣ онъ вообще переоблачался по праздничному. Цари и высшіе чины обувались въ этотъ день, какъ древніе консулы въ день празднованія своего консульства, какъ можно заключать на основаніи изображеній консуловъ на диптихахъ. Ноги консуловъ обернуты гладкою матерію и перевязаны ремешками, которые, скрещиваясь на ступняхъ, поднимаются на ноги и обвиваются въ нѣсколько рядовъ вокругъ ноги. На диптихѣ Аріобинда, поступившемъ въ коллекціи Вазилевскаго въ Императорскій Эрмитажъ въ С.-Петербургѣ, и на гипсовыхъ слѣпкахъ, находящихся въ Музеѣ христіанскихъ древностей Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ, составныя части обуви ясно видны. На рисункахъ, находящихся въ разныхъ изданіяхъ, обувь, къ сожалѣнію, передается не всегда ясно и не всегда по рисункамъ можно судить, изъ чего состоитъ обувь, такъ какъ на нее при изготовленіи рисунковъ большею частію мало, повидимому, обращается вниманія.

¹⁾ Акакіями или анексикакіями (*ἀκακία* или *ἀνεξικακία*) назывались свертки или мѣшечки, наполненные землею или прахомъ. Позднѣйшіе писатели видѣли въ этомъ символъ смиренія царя, который, облачившись во всѣ знаки царскаго достоинства, въ одной рукѣ держалъ прахъ въ знакъ того, что онъ также смертный человѣкъ, которому предстоитъ обратиться въ прахъ (Codin de offic. c. VI, p. 51. Bonn.: τὸν βασιλέα ταπεινὸν εἶναι ὡς θνητὸν; по Симеону Θεσσαλονικ., акакія означала непрочность власти: τὸ φθαρτὸν τῆς ἀρχῆς καὶ τῆν ἐκ τοῦτου ταπεινωσιν у Du Cange 'а въ Gloss. Gr. s. v. ἀκακία). Въ IX—X вв. видѣли въ этомъ символъ воскресенія изъ праха, какъ видно изъ словъ Филооея, который этотъ свертокъ прямо называетъ «воскресеніемъ нашего земнаго естества»: ἐξανάστασιν τῆς χοϊκῆς ἡμῶν οὐσίας (Serim. II, 52, 766), но еще знали, почему установился обычай держать въ рукѣ этотъ свертокъ или свитокъ, и высказывали, какъ мы увидимъ, догадки о первоначальномъ значеніи этого свитка. Крестъ, который держали въ рукахъ цари, имѣеть форму жезла или скипетра съ обыкновеннымъ, но богато украшеннымъ крестомъ на верхнемъ концѣ, или форму небольшого знамени, подобнаго лавару (labarum) съ изображеніемъ креста или монограммою Христа на привѣшанномъ къ поперечной перекладинѣ четырехугольномъ кускѣ матеріи или дощечкѣ. Образцы такихъ крестовъ, замѣнившихъ римскіе скипетры, можно видѣть въ большомъ количествѣ на византійскихъ монетахъ (напр. у Du Cange 'а въ Familiae Byzantinae или Sabatier, Description générale des monnaies Byzantines). Изображенія монетъ показываютъ, что въ болѣе древнее время крестъ большею частію держали въ лѣвой рукѣ, а въ правой акакію, но позднѣе стали большею частію дѣлать наоборотъ: крестъ носили въ правой рукѣ, при чемъ онъ, поддерживаемый за нижній конецъ рукою, опирался на плечо носившаго. Во времена составленія обрядовъ Придворнаго устава носили крестъ въ правой рукѣ и на правомъ плечѣ, то на лѣвомъ плечѣ и въ лѣвой рукѣ. Такъ, по замѣчанію атрикина Филооея, цари держатъ въ правой рукѣ «побѣдный знакъ креста», а въ лѣвой

Акакіи цари брали въ правую руку, а кресты въ лѣвую, или наоборотъ. Цари теперь были въ самомъ торжественномъ и полномъ облаченіи, въ которое они облачались только въ этотъ праздникъ празднивовъ ¹⁾. Завѣса, закрывавшая царей отъ взоровъ чиновъ, стоявшихъ въ залѣ, открывалась и цари съ чинами кувуклія изъ большого аккувита спускались опять въ залу Палаты 19 аккувитовъ, гдѣ ихъ привѣтствовали обычнымъ возгласомъ, т. е. пожеланіемъ многолѣтія, маглавиты и этеріоты, стоявшіе здѣсь съ обѣихъ сторонъ, какъ раньше при входѣ царей въ залу для христосованія и какъ при шествіи царей чрезъ Августей послѣ облаченія въ другіе большіе Господніе праздники.

Пройдя чрезъ залу Палаты 19 аккувитовъ, цари, сопровождаемые чинами кувуклія, къ которымъ присодинялись и стоявшіе въ залѣ маглавиты, этеріоты и другіе чины, бывшіе здѣсь и привѣтствовавшіе царей, проходили чрезъ входную завѣсу между двухъ колоннъ. Завѣсу поддерживали при проходѣ царей со свитою опять тѣ же два силенціарія. За завѣсою царей привѣтствовали стоявшіе здѣсь друнгарій виглы и бородачье протоспаѳаріи.

Цари, вымывъ здѣсь руки изъ сосудовъ, поданныхъ ниписистіаріями, проходили чрезъ портіи Палаты 19 аккувитовъ въ Оноподъ ²⁾. Когда цари, при входѣ въ Оноподъ изъ портіка, становились между двумя колоннами, украшавшими входъ въ Оноподъ, царей привѣтствовали собравшіеся здѣсь чины: магистры, анѳипаты и патрикіи, облаченные въ лоры, другіе патрикіи, стратиги и прочіе оффиціаліи ³⁾. Здѣсь же были, безъ

(символь) воскресенія нашего земнаго естества (II, 52, 776), а по Пасхальнымъ обрядамъ (I, 1, 25; I, 9, 62), въ правой рукѣ цари держатъ акакію, а въ лѣвой скипетръ = крестъ (*ἐν δὲ τῇ ἀριστερῇ σκηπίωνα ἐπιχειμενον τῷ ὄμφῳ* или *ἐν δὲ τῇ ἐδωθόμενῳ χειρὶ τοὺς ἐκ λιθῶν καὶ μαργάρων ἡμφιεσμένους χρυσοῦς σταυροῦς*).

¹⁾ Исключенія въ X вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, были весьма рѣдки: только для Саракинскихъ пословъ, пріемъ которыхъ обставленъ былъ всевозможнымъ блескомъ и сопровождался исключительными мѣрами, цари и чины во время выхода въ св. Софію въ Преображеніе облачались въ лоры, по Пасхальному, и держали въ рукахъ акакіи и скипетры, которыхъ высшіе сановники, облаченные въ лоры, однакожъ не имѣли на этотъ разъ (Сегім. II, 15, 591 сказано, что выходъ въ Преображеніе въ присутствіи Саракинскихъ пословъ совершался по типу большихъ праздниковъ, πλὴν διὰ τοὺς φίλους Σαρακηνούς ἐφόρησαν οἱ βασιλεῖς τοὺς λόφους, βαστάσαντες καὶ τοὺς σταυροῦς καὶ τὰς ἀκακίας). Относительно высшихъ сановниковъ см. ниже.

²⁾ Выходъ царя изъ Палаты 19 аккувитовъ въ Пасху совершенно соотвѣтствуетъ выходу изъ Августей, послѣ облаченія въ парадныя одежды; потому при выходѣ изъ Палаты 19 аккувитовъ совершается то же самое, что при выходѣ изъ Августей въ другіе Господніе праздники (см. выше, стр. 59—60).

³⁾ Двѣнадцать высшихъ сановниковъ, облачившіеся въ лоры, держали въ рукахъ, какъ и царь, скипетры и акакіи. Хотя въ обрядахъ этѣ не упоминается, но изъ Сегім. II, 40, 637 слѣд. видно, что акакіи и скипетры во время Пасхальнаго выхода имѣли не только царь, но и 12 высшихъ сановниковъ, которые и обувались въ этотъ день такъ же, какъ

всякаго сомнѣнія, катепанъ царскихъ съ domestivomъ и подчиненными ему царскими спаѳаріями и спаѳарокандидатами, стоявшими здѣсь съ царскимъ оружіемъ. Здѣсь же были, наконецъ, церемоніарій въ силенціаріями. Всѣ эти сановники и чиновники, при появленіи царей во входной двери изъ портика въ Оноподъ, кланялись имъ, но не падали въ землю, благодаря тому, что выходъ совершался въ воскресенье изъ воскресеній. Препозитъ бралъ знакъ у царя и въ свою очередь давалъ знакъ церемоніарію, который, стоя посреди двухъ рядовъ сановниковъ, возглашалъ: „повелите“, а сановники, возгласивши хоромъ: „на многіе и добрые годы да продлитъ Богъ праведное царство ваше“, шли изъ Онопода въ Консисторію тѣмъ же порядкомъ, которымъ шествовали туда въ другіе Господніе праздники и который описанъ былъ выше, при изложеніи общаго обряда выходовъ. Въ Консисторіи происходилъ второй приемъ царей всѣмъ синклитомъ и дальнѣйшее шествіе продолжалось обычнымъ для всѣхъ большихъ выходовъ порядкомъ ¹⁾.

Какъ цари христосовались съ сановниками и чиновниками синклита въ Палатѣ 19 аккувитовъ, такъ царицы христосовались съ придворными

цари. Присутствіе скипетровъ и акакій во время Пасхальнаго выхода въ рукахъ 12 высшихъ сановниковъ подтверждается замѣчаніями обряда приема Саракинскихъ пословъ и выхода при нихъ въ храмъ св. Софіи. Какъ для торжественнаго приема Саракинскихъ пословъ въ Магнаврѣ, такъ и для выхода въ Преображеніе 12 высшихъ сановниковъ были облачены въ лоры, но между тѣмъ какъ царь во время выхода въ храмъ св. Софіи держалъ въ одной рукѣ скипетръ, а въ другой акакію, сановники, облаченные въ лоры, не имѣли въ рукахъ ни акакій, ни скипетровъ, очевидно для того, чтобы облаченіе высшихъ сановниковъ не было тождественно съ царскимъ (II, 15, 574 и 591: οἱ δὲ μάγιστροὶ καὶ ἀνθύπατοι καὶ πατρίκιοι ἐφόρεσαν καὶ αὐτοὶ τοὺς λόρους, οὐ μόντοι σκεπεδῶνας ἢ ἀκακίας ἐβύστασαν). Замѣчаніе относительно того, что патрикіи и магистры въ обоихъ случаяхъ не имѣли акакій и скипетровъ, очевидно, необходимо было сдѣлать и сдѣлано потому, что обыкновенно высшіе сановники вмѣстѣ съ лорами получали для выхода акакію и скипетры, вѣроятно, нѣсколько отличные отъ царскихъ, но всетаки весьма съ ними сходные. Когда брали въ руки эти предметы высшіе сановники, сказать трудно, но, вѣроятно, уже послѣ христосованія, такъ какъ и царь беретъ ихъ предъ началомъ параднаго выхода въ полномъ облаченіи, да и христосоваться высшимъ сановникамъ съ акакіями и крестомъ въ рукахъ было несомнѣнно удобно.

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ изложеніе особенностей Пасхальнаго обряда оканчивается выходомъ царя изъ портика Палаты 19 аккувитовъ въ Оноподъ (I, 1, 26), такъ какъ дальнѣйшее шествіе происходитъ совершенно такимъ же порядкомъ, какъ и въ другіе Господніе праздники, какъ это здѣсь же и замѣчено. Въ специальномъ Пасхальномъ обрядѣ изложены всѣ послѣдующіе моменты шествія и возвращенія во Дворецъ, но въ большинствѣ случаевъ короче, нежели въ общемъ обрядѣ, такъ какъ при послѣдней редакціи этого specialнаго обряда для включенія его въ составъ сборника имѣлся уже въ виду общій (собственно Рождественскій) обрядъ и на него для дальнѣйшихъ подробностей сдѣлана ссылка I, 9, 63 (ιστέον δὲ, ὅτι ἐν τῇ διόδῳ τοῦ βασιλέως τελοῦνται ἅπαντα τὰ αἴσια ἀκολουθῶν, ὡν τρόπον ἀνωτέρω ἐν τῇ καθόλου προελύσει τῆς Χριστοῦ γεννήσεως ἐξεθέμεθα ср. I, 9, 67). Въ специальномъ Пасхальномъ обрядѣ нѣсколько разъ замѣчено, что при поклоненіи царю чины не падаютъ ницъ (προσκυνήσαντες τὸν βασιλέα μὴ πσόντες κάτω I, 9, 63, строка 1, ср. строка 14; προσκυνῶσι μὴ πίπτοντες κάτω διὰ τὴν ἀνάστασιν, ibid. p. 66, строка 15).

дамами и женами сановниковъ и чиновниковъ синклита въ катихуменіяхъ храма св. Софіи, гдѣ онѣ стояли во время литургіи. Прибывъ, быть можетъ, одновременно съ царемъ въ катихуменіи дворцовыми переходами и галереями, ведшими изъ Хрисотриклина чрезъ храмъ Господа и Магнавру прямо въ катихуменіи, или вслѣдъ за царемъ, чрезъ Школы и Хитъ Халки ¹⁾, царицы совершали пріемъ чиновныхъ дамъ для христосованія совершенно такимъ же порядкомъ, какъ царя христосовались съ ихъ мужьями. Такъ какъ въ распоряженіи царицъ въ катихуменіяхъ былъ свой Мутаторій, приходившійся надъ нижнимъ Мутаторіемъ царей ²⁾, то царица, по прибытіи въ храмъ, пребывала въ одномъ изъ помѣщеній этого Мутаторія, назначавшихся для пребыванія царицъ во время литургіи. По прибытіи царей въ свой Мутаторій, нѣсколько чиновъ кувуклія: препозитъ, церемоніарій, остіаріи, силенціаріи и друг. поднимались наверхъ въ Мутаторій царицы и устраивали все, необходимое для ввода чиновныхъ дамъ по отдѣламъ. Когда все было готово, царица, по докладѣ объ этомъ, выходила въ полномъ облаченіи въ триклинь, примыкавшій къ Мутаторію, и садилась на поставленное высокое кресло, а чины кувуклія становились направо и налѣво отъ царицы и предъ нею, между тѣмъ какъ протоспааріи евнухи становились сзади ея. Когда всѣ такимъ

¹⁾ Такъ въ коронацію Львомъ IV Хазаромъ своего сына Константина, которая совершена была въ 1-й день Пасхи 776 года, послѣ того какъ царь съ синклитомъ прослѣдовалъ въ храмъ св. Софіи, «совершила торжественный выходъ (προήλθε) и царица Ирина чрезъ Школы, предшествуемая скипетрами (ὀψιθεομένη ὑπὸ τῶν σκήπτρων), и поднялась по галереи Халки въ катихуменіи Церкви, не выходя на Среднюю Улицу (или площадь) передъ портикомъ (μὴ ἐξέλθοῦσα εἰς τὴν Μέσην τοῦ ἐκβάλου. Theoph. Chron. ed. de Boor, p. 450). Здѣсь рѣчь идетъ, очевидно, о торжественномъ выходѣ царицы Ирины чрезъ Школы и Хитъ Халки, т. е. такимъ путемъ, какимъ царь обыкновенно въ большіе выходы возвращался изъ храма св. Софіи, а въ средніе выходы шелъ въ храмъ, съ тою только разницею, что царица изъ Хита не выходила и шла не чрезъ св. Кладезъ и его портикъ, а поднималась прямо въ верхній этажъ, въ катихуменіи. (Ср. мой Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, въ Византина, кн. I, стр. 134, прим. 1). Шла царица, безъ сомнѣнія, сопровождаемая женскимъ синклитомъ и чинами кувуклія, которые, быть можетъ, и несли предъ царицею знамена и скипетры римскіе, какъ предъ царемъ несли ихъ чины гвардейскихъ отрядовъ. Припоминая вышеописанное шествіе царя, мы вполне ясно можемъ себѣ представить и шествіе царицы, хотя оно описано у хронографа въ нѣсколькихъ словахъ; но едва ли бы мы поняли что нибудь, если бы мы, не справившись съ подлинникомъ, ограничились передачею вышеприведеннаго мѣста у Муралята, Chronographie Byzantine, I, 371: Irène, précédée par les scholae, tenant des sceptres, monte par la porte d'or dans l'église des catechumènes, т. е. Ирина, предшествуемая школами, съ скипетрами въ рукахъ, поднимается чрезъ золотыя ворота въ церковь оглашенныхъ». Не угодно ли понять этотъ наборъ словъ! Если еще можно считать за ошибочный переводъ первую часть этого періода, то вторая часть представляетъ уже совершенно невозможное извращеніе текста; трудно даже понять, откуда явилось у Муралята la porte d'or и какая-то l'église des catechumènes. У почтеннаго составителя «Византийской Хронографіи» есть, впрочемъ, и другіе промахи въ этомъ родѣ.

²⁾ О Мутаторіяхъ см. выше въ описаніи св. Софіи, стр. 139 и слѣд.

образомъ занимали свои мѣста и разстанивалились вокругъ царицы такъ, какъ они разстанивалились вокругъ царей, препозитъ выходилъ на средину залы, становился лицомъ къ царицѣ и, получивши знакъ отъ нея и поклонившись особымъ поклономъ, выходилъ съ двумя остіаріями, державшими въ рукахъ золотые жезлы, вводитъ по отдѣламъ придворныхъ дамъ и женъ чиновниковъ. Первыми вводились патрикіи зосты, потомъ магистриссы, затѣмъ патрикіи и антипаѳиссы и т. д. и т. д. Вводъ совершался совершенно такъ же, какъ вводъ сановниковъ синклита, и жены сановниковъ, похристосовавшись съ царицами такимъ же порядкомъ, какъ и мужья съ царями, становились предъ царицами справа и слѣва въ два ряда, по чину и должности своихъ мужей, предварительно разставленные и раздѣленные на отдѣлы до ввода въ залу церемоніаріемъ. Когда жены чиновъ синклита такимъ образомъ всѣ христосовались, препозитъ по знаку царицы восклицалъ: „повелите“, а жены восклицали: „на многіе и добрыя годы да продлитъ Богъ царство ваше“ и уходили изъ залы. Царица вставала съ своего кресла и уходила въ то помѣщеніе Мутаторіи, въ которомъ она слушала литургію, съ своими кувкуляріями и другими дамами, составлявшими ея придворный штатъ, а чины царскаго кувкулія, приходившіе сюда для совершенія обряда христосованія, сходили внизъ въ царскій Мутаторій и присоединялись къ свитѣ царя изъ чиновъ кувкулія и близкихъ людей, стоявшихъ съ царемъ въ Мутаторіи (I, 9, 67—68).

Во время Пасхальной литургіи цари точно такъ же, какъ въ большіе Господніе праздники, выходили для сопровожденія св. Даровъ, цѣлованія любви и причащенія св. Таинъ изъ Мутаторіи въ храмъ, но не въ лорахъ, а въ хламидахъ ¹⁾. Лоры цари, при участіи веститоровъ, конечно, снимали по приходѣ въ Мутаторій и для сопровожденія св. Даровъ, цѣлованія и причащенія облачались каждый разъ въ хламиды, принесенныя въ Мутаторій веститорами. Въ лоры веститоры облачали царей опять только послѣ завтрака, предъ выходомъ изъ триклина Мутаторіи и приглашеніемъ патриарха. Облачившись въ лоры, цари приказывали пригласить патриарха, который сопровождалъ царей до св. Кладезя, въ Мутаторіи котораго патриархъ надѣвалъ на голову царей вѣнцы. Въ лорахъ цари совершали обратное шествіе и доходили въ нихъ до Октагона дворца

---

¹⁾ *Scrim.* I, 9, 63 и 68, согласно съ замѣчаніемъ общаго обряда I, 1, 26: нужно знать, что въ св. и Великое Воскресенье цари для сопровожденія св. Даровъ, цѣлованія любви и причащенія выходятъ въ хламидахъ, какъ въ другіе праздничные выходы, а не въ лорахъ, а послѣ завтрака облачаются въ лоры.

Дафны, гдѣ веститоры снимали съ царей лоры, а препозиты вѣнцы, послѣ чего цари, облачившись въ золотомъ обшитые плащи, уходили обычнымъ порядкомъ въ священный и богохранимый дворецъ, т. е. Хрисотриклинь и свои покои.

Когда наступало время параднаго обѣда, цари опять облачались въ камарѣ св. Θεοδора въ Хрисотриклинь и садились за столъ въ Хрисотриклинь; но такъ какъ порядокъ и процедура царскихъ обѣдовъ не входитъ въ нашу настоящую задачу, то мы и не будемъ излагать теперь чина царскихъ обѣдовъ и пировъ, тѣмъ болѣе, что эти обѣды совершались по особымъ правиламъ, составлявшимъ довольно сложную систему, изложение которой со всѣми подробностями можетъ составить предметъ особаго очерка.

Отлагая изложение чина царскихъ обѣдовъ и пировъ до другаго, болѣе удобнаго времени, я считаю необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ отличительныхъ предметахъ облаченія царя и высшихъ сановниковъ въ первый день Пасхи.

Вмѣсто хламиды, которую обыкновенно цари надѣвали для выходовъ въ большіе праздники, въ Пасху цари облачались, какъ мы видѣли, въ лоры и брали въ одну руку скипетръ въ видѣ креста, а въ другую акакію. Такое же облаченіе имѣли въ этотъ высокаторжественный день 12 высшихъ сановниковъ. Объясненіе этого обычая мы находимъ въ самомъ же Придворномъ Уставѣ, гдѣ имѣется цѣлая глава (II, 40, 637—639), посвященная разъясненію историческаго происхожденія и христіанскаго значенія Пасхальнаго облаченія царей и высшихъ чиновъ. По этому объясненію, представляющему соображенія и догадки составителя (*καθὼς ὁ ἐμὸς λόγος*), облаченіе въ лоры должно напоминать и изображать погребеніе Христа, при которомъ Онъ обернуть былъ пеленами; скипетръ въ видѣ креста представляетъ символъ побѣды надъ адомъ и въ то же время напоминаетъ крестъ, который былъ причиною этой побѣды; свитки (*τόμοι*) акакій означаютъ спасительное законодательство, въ нихъ написанное, т. е. христіанское ученіе. Обвертываніе ногъ льнянымъ полотномъ и расшитая золотомъ обувь означаютъ: первое смертность, а вторая блескъ.

Переходя къ историческому разъясненію этого обычая, авторъ совершенно вѣрно выводитъ его изъ римскихъ преданій и говоритъ, что патрикіи облачались въ лоры подобно древнимъ консуламъ и наследовавшимъ имъ царямъ. Послѣ исполненія обязанностей полководца во время войны, патрикіи надѣвали въ видѣ награды за военные подвиги консульскую одежду (*στολήν ὑπατικήν*) и получали право на триумфъ;

свитки, которые они держали въ рукахъ, заключали въ себѣ отчеты въ расходахъ ¹⁾).

Скипетры (*σκήπτωες*), по словамъ автора 40 гл. II кн., такъ названы отъ знаменитаго полководца Сципіона, а особая обувь означаетъ подвижность военнаго человѣка.

Обращаясь согласно съ этими объясненіями, къ „римскимъ преданіямъ“, мы находимъ полное подтвержденіе этой ссылки на „древнихъ консуловъ“ въ консульскихъ диптихахъ. Изображаемые на этихъ диптихахъ консулы времени позднѣйшей Римской Имперіи (съ 406 по 531 г.) представляютъ по своему облаченію и атрибутамъ власти дѣйствительно прототипъ позднѣйшихъ царей и патрикіевъ въ парадномъ Пасхальномъ облаченіи.

Какъ консулы на диптихахъ, кромѣ нижняго хитона или туники, одѣты въ далматикъ, большею частью съ широкими короткими рукавами, и трабею (*trabea*) ²⁾,—длинную, но узкую накидку изъ тяжелой, златотканной матеріи, такъ цари и патрикіи облачались въ первый день Пасхи въ

¹⁾ Далѣе текстъ, кромѣ археологическихъ и историческихъ неточностей автора, затмевается еще явными ошибками и пропусками въ рукописи, такъ что можно понять только общій смыслъ того, что хочетъ сказать авторъ.

²⁾ Верхняя накидка или перевязь, идущая отъ подола спереди на правое плечо, спускающаяся отсюда подъ правую руку и, пройдя по груди на лѣвое плечо, отсюда по спинѣ спускающаяся къ правому боку, а отъ него по животу проходящая на лѣвую руку, съ которой она свѣшивается длиннымъ концомъ, несомнѣнно, называлась *trabea*, а одѣтые въ нее—*trabeati* или *trabea ornati, compti*. Это ясно видно изъ вышеприведеннаго описанія выхода Юстина II въ день празднованія имъ консульства (см. стр. 77), когда не только царь, но и высшіе чины одѣты были въ *trabea*, совершенно такъ же, какъ въ IX—XI вв. это дѣлалось въ Пасху. Ср. кромѣ того мѣста изъ Клавдіана, приведеннаго Стржыговскимъ въ его описаніи иллюстрированнаго Римскаго Календаря (*Strzygowski, die Calenderbilder des Chronographen vom Jahre 354, вѣ Jahrbuch. d. Kais. Deutsch. Archeol. Instituts, I Ergänzungsheft, Berlin 1888, s. 95*), гдѣ упоминается *trabea gemmata* и самая *trabea* называется *gemmatus trabeae cinctus*. Къ этой книгѣ приложенъ атласъ рисунковъ съ иллюстраціей календаря; на двухъ послѣднихъ таблицахъ изображены императоръ Констанцій II въ *trabea* со скипетромъ въ одной рукѣ и золотыми монетами въ другой, сыплющимися на полъ, и Констанцій Галлъ Кесарь со скипетромъ и Побѣдою въ рукахъ и мѣшкомъ съ деньгами у ногъ. *Trabeae* на обоихъ вырисованы не полно и не ясно, точно такъ же какъ и верхняя туника, которая почти не отдѣлена отъ *trabea*.—Первое, сколько мнѣ извѣстно, научное изложеніе вопроса о лорахъ въ связи съ *trabea* сдѣлано Du Cange'омъ въ его *dissertatio de inferioris aevi numismatibus*. Довольно обстоятельно и дѣльно говоритъ объ этомъ и Reiske, *Comment. ad Cerim. II, 657* слѣд., гдѣ съ лоромъ совершенно вѣрно сравнивается архіерейскій омофоръ. О прототипѣ лора, *trabea*, много и часто разсуждаетъ Gori въ *Thesaurus veterum diptychorum consularium etc.*, 1759; см. напр. vol. II, p. 128, гдѣ говорится, что эти перевязи называли, если онѣ богато были затканы и расшиты золотомъ, *togas pictas, togas rigentes* или *graves anno trabeas*. Здѣсь же описывается *tunica* подъ перевязью и говорится, что эти расшитыя туники, *tunicae palmatae in dalmaticas confusae mutataeque sunt iisque manicae longae ac latae additae*. Въ послѣднее время общій обзоръ диптиховъ съ описаніемъ и характеристикою находящихся на нихъ изображеній сдѣлалъ Wil-

дивитисіи или ооракіи, сверхъ которыхъ надѣвали лоръ, довольно широкое золотканное и украшенное драгоцѣнными камнями полотнище, надѣвавшееся совершенно такъ же, какъ *trabea*, въ чемъ легко убѣдиться изъ прилагаемыхъ и указанныхъ ниже рисунковъ. Какъ консулы на диптихахъ держатъ въ правой рукѣ такъ называемую *манну*, т. е. платокъ (*шарраш*, *faciale*, *fazzoletto*), а въ лѣвой рукѣ скипетръ римскій, такъ цари держатъ въ одной рукѣ скипетръ—крестъ, а въ другой акакію.

Изъ этихъ предметовъ консульскаго облаченія наибольшія измѣненія претерпѣла *trabea*, между тѣмъ какъ дивитисій = ооракій, шарра и скипетръ-крестъ долго сохраняли тѣ формы, которыя имъ даны были при христіанскихъ императорахъ, замѣнившихъ римскій скипетръ крестомъ.

Trabea изъ длиннаго, расширяющагося на одномъ концѣ полотнища, или шарфа, сдѣлалась прежде всего полотнищемъ одинаковой ширины и стала называться лоромъ (*logum* ремень, поясъ, *λῶρος*), но надѣвалась по прежнему. Дальнѣйшія измѣненія лора состояли въ томъ, что онъ, для удобства надѣванія, сталъ разлагаться на части, которыя и стали надѣваться отдѣльно, такъ какъ лоръ, благодаря увеличенію украшеній на немъ, дѣлался все тяжелѣе и толще, такъ что обвивать его нѣсколько разъ вокругъ шеи и груди стало очень затруднительно. Для избѣжанія этого неудобства, конецъ лора, спускавшійся большею частью съ праваго плеча до ступней, сдѣлался самостоятельной частью и надѣвался спереди въ видѣ передника; часть лора, выходившая изъ-подъ правой руки и свѣшивавшаяся съ лѣвой, стала также самостоятельной частью и, пристегнутая назади или на боку, шла, какъ прежде, поперекъ тѣла на лѣвую руку ¹⁾. Наконецъ, та часть лора, которая обвивала шею и перекрещи-

hel'momъ Meueгомъ, въ сочиненіи: *Zwei antike Elfenbeintafeln d. k. Staats-Bibliothek in München, 1879, München*. Въ концѣ этого изслѣдованія приложена литература диптиховъ, с. 82—84. Къ сожалѣнію, о *trabea* здѣсь (с. 24) говорится довольно поверхностно, безъ историческаго развитія вопроса, и потому едва ли вѣрно: г. W. Meueг считаетъ за *trabea* далматіку вмѣстѣ съ перевязью, которую онъ разлагаетъ уже для того времени на двѣ части. Перевязь, называемая *trabea*, на консульскихъ диптихахъ, насколько можно судить по видѣннымъ мною снимкамъ и слѣпкамъ, представляла еще одно цѣлое и по способу надѣванія напоминаетъ тогу, какъ она иногда и называется, а это позволяетъ заключать, что она вышла изъ парадной тоги, которая постепенно суживалась и превратилась наконецъ въ лоръ, который потомъ сталъ разлагаться на части. Такъ какъ подробное разсужденіе обо всѣхъ этихъ предметахъ завело бы насъ слишкомъ далеко, то мы не станемъ пускаться въ дальнѣйшія подробности, отсылая читателя къ обстоятельному изложенію этого интереснаго вопроса въ указанныхъ сочиненіяхъ.

¹⁾ См., напр., у Дюканжа въ *Familiae Byzantinae*, изображеніе Евдокіи, Льва VI и Александра (р. 118) и ср. съ изображеніемъ Романа и Евдокіи (р. 136 ed. Venet.). На послѣднемъ изображеніи лоръ на Романѣ состоитъ изъ двухъ частей: передника, расширяющагося на груди, и перевязи, выходящей съ праваго бока и проходящей по жи-

валась на груди, получила форму широкаго воротника или оплечья, изъ-подъ котораго выходила или къ которому пристегивалась передняя вертикальная часть лора. Эта послѣдняя часть иногда, повидимому, просто нашивалась на переднюю часть далматики == дивитисія въ видѣ широкой полосы или нашивки на одной или обѣихъ полахъ дивитисія, который уже на Михаилѣ Палеологѣ является, повидимому, съ полами, а на позднѣйшихъ Палеологахъ замѣняется иногда даже хитономъ съ узкими рукавами. Часть лора, шедшая поперекъ тѣла и спускавшаяся чрезъ лѣвую руку, мало-по-малу сокращается, а на нѣкоторыхъ изображеніяхъ позднѣйшихъ царей превращается въ поперечную нашивку, такъ что остается самостоятельною частью только оплечье ¹⁾). Въ такой, повидимому, формѣ,

воту на лѣвую руку. Какъ эта послѣдняя часть прикрѣплена назадъ, не извѣстно; можетъ быть, она начиналась у шеи, соединяясь съ передникомъ, и спускалась подъ правую руку, а можетъ быть, была прикрѣплена гораздо ниже. Ср. также изображенія царей на монетахъ въ той же книгѣ Дюканжа и у Сабатье, *Descript. gén. des monnaies byzant.*, гдѣ можно видѣть много лоровъ, идущихъ отъ шеи прямою полосою, а не перекрещивающихся на груди. Ср. изображение Балдуина II у Ду Санг'еа, *ib. cit.* p. 176. Къ сожалѣнію, на монетахъ вырисовка лоровъ очень плоха и неясна, притомъ же изображаются часто только бюсты царей и судить по нимъ о покроѣ всего лора довольно трудно.

На рисункахъ диптиховъ въ *Thesaurus diptychorum Gori* (Florentiae, 1759), въ *Familiae Byzantinae* Дюканжа и въ *Imperium Orientale Vanduri* изображенія диптиховъ также не настолько хорошо исполнены, чтобы на нихъ ясны были и отчетливо выдѣлялись всѣ части одежды. На основаніи этихъ рисунковъ часто нельзя съ увѣренностью сказать, гдѣ кончается одна одежда и гдѣ начинается другая, и только знакомство съ подлинниками или гипсовыми слѣпками, на которыхъ одна одежда отъ другой отдѣляется весьма рельефно, можетъ дать ясное и отчетливое представленіе о покроѣ и способѣ надѣванія одежды. Между тѣмъ какъ на рисункахъ *trabea*—позднѣе *λῶρος* часто сливается съ находящеюся подъ нею далматикою, широкіе рукава которой представляются какъ бы продолженіемъ *trabea*, на слѣпкахъ и подлинникахъ *trabea* весьма рельефно отдѣляется отъ далматики, широкіе рукава которой изображены совершенно ясно, такъ что виднѣтъ ясно даже разрывъ рукава подъ рукою. Послѣ знакомства съ подлинниками или, по крайней мѣрѣ, слѣпками становятся болѣе понятными и рисунки, особенно сдѣланные въ послѣднее время, при помощи фотографіи и новѣйшихъ техническихъ приѣмовъ воспроизведенія изображеній.

¹⁾ Образцы лора въ видѣ оплечья и передней вертикальной полосы появляются на монетахъ довольно рано. Такъ, уже на монетахъ Константина VIII является вокругъ шеи воротникъ, отъ котораго внизъ спускается лоръ широкой полосою (Sabatier, Pl. LXVIII, № 19 и 20). На монетахъ послѣдующихъ царей этотъ воротникъ все больше расширяется и дѣлается уже настоящимъ оплечьемъ (напр., на монетѣ Константина Мономаха, *ibid.* Pl. XLIX, № 7 и 6; Исаака Комнина, Pl. L, № 4, Михаила Дуки, Pl. LI, № 4, Никифора III Вотаниата, № 13—15, Мануила Комнина, Pl. LVI, № 6, 10 и 11 и т. д. и т. д.). У послѣднихъ Палеологовъ оплечье еще болѣе расширяется и состоитъ уже изъ отдѣльныхъ овальныхъ звеньевъ, по всей вѣроятности съ изображеніями святыхъ, какъ на нашихъ бармахъ (Sabatier, *ibid.* Pl. LXIII). См., кромѣ того, изображеніе Михаила VIII Палеолога и Мануила II Палеолога съ сыномъ Иоанномъ VIII Палеологомъ у Дюканжа, *Famil. Byzantinae*, p. 191 и 197. Михаилъ одѣтъ въ далматику съ полами напередъ, очень похожую на далматику = платно нашихъ царей; сверхъ далматики надѣтъ или на нее нашить лоръ въ видѣ широкаго оплечья и вертикально спускающейея полосы; кромѣ того съ праваго бока идетъ на лѣвую руку перевязь, которая у Мануила II пришта почти

т. е. въ видѣ оплечья, лоръ перешелъ въ царскій орнатъ нашихъ царей вмѣстѣ съ царскимъ титуломъ и введеніемъ коронаціоннаго обряда ¹⁾).

Сравненіе русскаго до-Петровскаго царскаго параднаго облаченія съ позднѣйшими византійскими, мнѣ кажется, ясно говоритъ въ пользу тождества предметовъ облаченія, и если мы будемъ разсматривать оплечье, какъ часть и остатокъ лора, то оно получитъ, ясный смыслъ и всѣмъ понятное значеніе въ качествѣ необходимой принадлежности царскаго ко-

уже напередѣ. Гораздо лучшее изображеніе Мануила II съ семейю дано у Дюканжа, въ приложеніи къ его *Dissertatio de inferioris aevi numismatibus* (Gloss. Latin. Tom VII, Paris, 1850). Въ облаченіи царицы оплечье гораздо раньше выдѣлилось въ самостоятельную, отдѣльную часть лора и потому царицы гораздо раньше изображаются въ оплечьяхъ, нежели цари. См. приложенные и указанные рисунки.

¹⁾ Не считая возможныхъ пускаться здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи «бармъ» съ историко-археологической и этимологической точки зрѣнія, нахожу нужнымъ обратить вниманіе русскихъ археологовъ на весьма близкое къ русскому употребленію и значеніе этого слова въ германскихъ языкахъ. Проф. сравнит. языковѣдѣніи въ Казанскомъ университетѣ В. А. Богородицкій, исходя изъ объясненія слова «barmus» въ *Gloss. lat. Дюканжа* (*Barmus Ventrale, Gall. Tablier, a Saxonico Barme, quod idem significat*), сдѣлалъ для меня справку о значеніи этого слова въ германскихъ языкахъ и сообщилъ мнѣ слѣдующее:

Во всѣхъ германскихъ языкахъ встрѣчается слово, основногерманскую форму котораго Фиккъ представляетъ въ видѣ

«barma m. Brust, Schoos» (*Wb. III 203*).

То обстоятельство, что слово это съ такимъ суф. встрѣчается лишь въ герм. яз., заставляетъ Фикка помѣстить его въ своемъ словарѣ въ отдѣлѣ — *Wortschatz der germanischen Spracheinheit*.

Приведенная прагерманская форма въ отдѣльныхъ германскихъ яз. отражается слѣд. образомъ:

Гот. *barms* «лоно», «грудь» (въ словаряхъ переводится посредствомъ выраженій: *Schoos, Buseu; κβλπος, στῆθος; sinus, gremium*). Въ готскомъ словарѣ *Schade* указаны слѣд. мѣста изъ Еванг. для даннаго слова: *Л. 16, 22; Ио. 13, 23; Ио. 13, 25; Л. 6, 38; Л. 16, 23*. (Ср. соотв. мѣста въ црк.-сл. и рус. перев.).

Др.-вхлгм. *barin, ragin, ragin; ср.-вхлгм.* *barin, barn*.

(Слово это въ др.-вхлгм. весьма обыкновенно, въ ср.-вхлгм. становится рѣдкимъ. *Венеске Wb. I 142*).

Др.-сакс. *barin; англосакс.* *bearm; ст.-англ.* *barin, bārin, beirn*. Приведенное англійское слово (съ значеніемъ «Schoos») теперь уже устарѣло, но оно встрѣчается въ прежнемъ языкѣ, напр. у Чосера, а также въ престопадныхъ говорахъ, особ. въ сложеніяхъ, напр. *barin-cloth* (ст.-англ. *barin-cloth*, англосакс. *bearm-clād*) «передникъ», «Schürze» (*Müller Wb. 53—54*).

Др.-исл. *barin; швед., дат.* *barin*.

Всѣ эти германскія слова, имѣющія одинаковое морфологическое строеніе и одинаковый смыслъ, возводятся къ индоевроп. корню *bher. Относительно основныхъ значеній этого корня ср. *Curt. Gz. s. v. φέρω*.

Заслуживаетъ вниманія указаніе *Diefenbach'a* (*Wb. I 287*) на сходное по звукамъ и по значенію слово въ финскомъ и эстонскомъ:

фин. *parma—sinus, Barm,*

эст. *parin—Schooss voll Getreides* (? подоль хлѣба).

Diefenbach не указываетъ, откуда онъ взялъ приведенныя слова съ такимъ значеніемъ, но можно думать, что они взяты изъ евангельскаго текста, куда вошли подъ нѣмецкимъ вліяніемъ; ср. напр. относительно значенія «Schooss voll Getreides» *Лук. 6, 38*.

ронаціоннаго облаченія, независимо отъ вопроса о происхожденіи нѣкоторыхъ экземпляровъ оплечья: это—часть самаго торжественнаго, самаго параднаго царскаго облаченія, а не простое украшеніе, неизвѣстно почему: и какъ попавшее въ составъ коронаціоннаго облаченія русскихъ царей. Русскіе цари приняли высшій, извѣстный тогда титулъ монарха, стали называться царями $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\varsigma$, каковой титулъ византійцы за другими монархами признавали только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, допуская для западныхъ, незаконныхъ съ ихъ точки зрѣнія, императоровъ только титулъ короля: $\rho\acute{\eta}\xi$. вмѣстѣ съ царскимъ достоинствомъ и титуломъ, на принятіе которыхъ они старались получить согласіе и санкцію восточныхъ патріарховъ, русскіе цари приняли и византійскій царскій нарядъ (орнатъ), въ который, кромѣ скипетра и державы, входили: корона, лоръ въ видѣ оплечья и царское платно, которое очень походитъ по своему покрою на саккосъ патріарха и саккосъ $\equiv$ далматіку, въ которой изображенъ на вышеуказанномъ рисункѣ Михаилъ VIII Палеологъ (Du Sang e, Famil. Byzantinae, p. 191) ¹⁾.

¹⁾ Вопросъ о древности царскаго титула и царскаго орната (наряда) нашихъ царей, много разъ бывшій предметомъ ученыхъ трактатовъ, подвергся въ самое послѣднее время новому пересмотру въ трудахъ г. Регеля: *Analecta Byzantino-rossica*, Petropoli, 1891 и И. Н. Жданова: Повѣсти о Вавилонѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, сентябрь и октябрь). Г. Ждановъ съ свойственною ему эрудиціею и основательностью весьма подробно и обстоятельно разсматриваетъ извѣстія и сказанія о царскомъ титулѣ и орнатѣ Кіевскихъ князей: Владиміра Святаго и Владиміра Мономаха и приходитъ къ заключенію, что въ основаніи этихъ сказаній лежитъ фактъ брачнаго вѣнчанія Владиміра Святаго съ царевною Анною (октябрь, стр. 349). Г. Регель, разсматривающій вопросъ о царскомъ титулѣ и нарядѣ нашихъ царей по поводу грамоты восточныхъ патріарховъ 1561 года, подлинность которой онъ отрицаетъ, приходитъ, напротивъ, къ заключенію (стр. LXXXVI), что царскій титулъ получилъ Владиміръ Святой вмѣстѣ съ крещеніемъ и рукою Анны. Къ сожалѣнію, все разсужденіе г. Регеля о русскомъ царскомъ нарядѣ страдаетъ отъ одного крупнаго недоразумѣнія: почтенный византологъ, въ виду того, что діадимю ($\delta\iota\acute{\alpha}\delta\eta\mu\alpha$) называлась иногда корона, царскій вѣнецъ ($\sigma\acute{\tau}\acute{\epsilon}\rho\mu\alpha$), принявъ, повидимому, и упоминаемую въ грамотѣ 1561 $\delta\iota\acute{\alpha}\delta\eta\mu\alpha$ $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ $\mu\alpha\rho\gamma\alpha\rho\iota\tau\acute{\omega}\nu$ также за вѣнецъ, хотя вѣнецъ упомянуть предъ діадимію отдѣльно ($\tau\acute{o}$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\acute{o}\nu$ $\sigma\acute{\tau}\acute{\epsilon}\rho\mu\alpha$ $\acute{\epsilon}\pi\iota$ $\tau\acute{\eta}\varsigma$ $\kappa\epsilon\varphi\alpha\lambda\acute{\eta}\varsigma$). По крайней мѣрѣ, въ своемъ трактатѣ о грамотѣ восточныхъ патріарховъ онъ говоритъ только о *la couronne impériale ornée de perles*, категорически заявляетъ даже, что *la charte de 1561 ne mentionne des insignes que la couronne impériale ornée de perles*, хотя кромѣ $\sigma\acute{\tau}\acute{\epsilon}\rho\mu\alpha$ и $\delta\iota\acute{\alpha}\delta\eta\mu\alpha$ въ грамотѣ упоминаются $\kappa\alpha\iota$ $\tau\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\acute{\alpha}$ $\sigma\eta\mu\epsilon\iota\alpha$ $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\alpha}\mu\varphi\iota\alpha$. Упустивши такимъ образомъ изъ виду тѣсно связанное съ шапкою Мономаха въ нашихъ извѣстіяхъ бармы или оплечье, которые обозначаются въ грамотѣ 1561 словомъ $\delta\iota\acute{\alpha}\delta\eta\mu\alpha$, каковымъ словомъ они постоянно обозначаются и въ нашихъ памятникахъ, г. Регель доказываетъ, что Мономахова шапка татарскаго происхожденія, что орнаментъ ея тоже татарскій, находитъ подтвержденіе этого въ названіи этой шапки словомъ алдарила, которое производится у него безъ всякихъ основаній и доказательствъ, филологическихъ и археологическихъ, отъ *ultra-kaukâ beuruk*, сравниваетъ шапку Мономаха съ извѣстною шапкою Казанскаго царства, съ которой шапка Мономаха не имѣетъ ни малѣйшаго сходства, словомъ, дѣлаетъ рядъ невозможныхъ натяжекъ и промаховъ, чтобы только доказать, что знаменитая шапка—не даръ Византійскихъ царей, не принадлежность царскаго византійскаго орната, а подарокъ какого-

Акакія, какъ и лоръ, имѣеть разныя формы: то она изображается въ видѣ платка, собственно парра, то въ видѣ мѣшечка, наполненнаго чѣмъ-то, то въ видѣ свитка пергамена. Всѣ три формы можно видѣть уже на консульскихъ диптихахъ. Платокъ въ рукахъ консула обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что онъ изображается на диптихахъ въ моментъ начала игръ и зрѣлища въ Цирѣѣ и поднятіемъ или бросаніемъ платка даетъ знакъ начала игръ. Гораздо труднѣе объяснить себѣ, что означаетъ мѣшечекъ въ рукахъ консуловъ. Нѣкоторые видятъ въ немъ завернутый въ футляръ свитокъ, но его перегибъ на нѣкоторыхъ диптихахъ заставляетъ думать, что онъ былъ наполненъ чѣмъ-то сыпучимъ, быть можетъ, золотомъ, какъ можно заключить изъ изображеній императоровъ въ изданномъ г. Стржыговскимъ календарѣ: одинъ изъ нихъ сыплетъ изъ правой руки золото, а у другаго, держащаго въ правой рукѣ Побѣду (*Nixi*), мѣшокъ съ золотомъ лежитъ въ ногахъ ¹⁾. Впослѣдствіи, когда празднованіе консульства (*ὄπατα*) прекратилось, этотъ мѣшечекъ наполнялся землею, что и вызвало вышеприведенныя символическія объясненія значенія этого мѣшечка.

Свертокъ или пергаменный свитокъ въ рукахъ консуловъ можетъ означать дипломъ на высокое консульское званіе, консульскіе кодикиллы (*codicilli*), а въ рукахъ царя какой нибудь милостивый законодательный актъ, милостивый манифестъ, тѣмъ болѣе, что принятіе царями консульскаго званія сопровождалось раздачею массы денегъ ²⁾. Къ двумъ послѣд-

нибудь татарскаго хана одному изъ русскихъ великихъ князей. Всѣ эти смѣлыя положенія обставлены, къ сожалѣнію, такими слабыми аргументами, что безъ предвзятой мысли съ ними согласиться трудно. Быть можетъ, г. Regel въ русскомъ изданіи своего предисловія, которое онъ, говорятъ, приготовляетъ къ печати, исправить свои промахи и дополнить свои аргументы. Но во всякомъ случаѣ его разсужденіе по поводу грамоты 1561 года вызоветъ, по всей вѣроятности, много вѣсикихъ возраженій, особенно со стороны русскихъ археологовъ и нашихъ византологовъ.

¹⁾ Такъ какъ вступленіе въ должность консула или, точнѣе, принятіе званія консула (*ὄπατα*) сопровождалось торжественнымъ выходомъ и празднествами, во время которыхъ раздавалась и разбрасывалась масса денегъ, что позднѣе происходило въ коронацію (*ἀποκρίβια*), то самыя эти деньги, разбрасываемыя въ коронацію, стали называться *ὄπατα*, а отсюда явилось выраженіе *ὄπαταῖον διδόναι* или *ρίπτειν*, давать или бросать ипацию (= *consulatum dare*, Du Cange, Gloss. Gr. s. v. *ὄπατα*; ср. Theoph. Chronogr. ed. de Boor, p. 174. l. 17; 250, 5; 292, 6; 400, 16; 444, 7; 474, 11).

²⁾ Reiske (Comment. ad Celim. p. 662 sequ.) соединяетъ два послѣдніе вида акакій въ одинъ и говоритъ, что акакія въ видѣ мѣшечка представляетъ собою свертокъ пергамена, обернутаго въ шелковую крышку или футляръ, причемъ этотъ свитокъ Reiske понимаетъ въ смыслѣ принятой отъ подданныхъ просьбы *ἀνάγκη*, т. е. милостиво. Какъ бы то ни было и какое бы значеніе ни имѣлъ свитокъ, во всякомъ случаѣ, позднѣйшіе цари, какъ иногда и консулы, несомнѣнно держали въ рукахъ свитки, которые и называются *τρίβλοι*, и самое объясненіе ихъ въ указанной выше главѣ Придворнаго Устава, какъ отчетовъ, указываетъ на то, что на акакіи во времена составленія Устава смотрѣли какъ на свитки пергамена, хотя изъ описанія не видно, какая форма акакіи разумѣлась авторомъ объясненія.

нимъ значеніямъ подходит и греч. названіе этого предмета: *ἀκκίᾱ* или *ἀνεξιμάκῃα* означаетъ собственно незлобіе, а потомъ доброту, милосердіе, милость, *clementia*, а не смиреніе, какъ слѣдовало бы назвать этотъ предметъ консульскаго и царскаго орната, если бы онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду напоминать о тлѣнности и непрочности всего земнаго, а въ томъ числѣ и царской власти.

Изъ того обстоятельства, что лоры, скипетръ и акакія употреблялись только для пасхальныхъ выходовъ и составляли принадлежность облаченія не одного царя, а, кромѣ него, еще 12 высшихъ сановниковъ, ясно видно, что эти предметы облаченія не составляли даже еще въ X в. отличительныхъ атрибутовъ царскаго облаченія; это подтверждается и тѣмъ, что въ коронаціонныхъ обрядахъ, при перечисленіи облаченій, составляющихъ отличительные знаки царскаго достоинства, эти предметы не упоминаются. Но такъ какъ облаченіе въ лоры и держаніе въ рукахъ скипетра и акакіи, хотя принадлежало не одному царю, считалось самымъ торжественнымъ, самымъ параднымъ облаченіемъ, то уже съ давнихъ временъ цари на монетахъ изображались большею частью въ этомъ облаченіи, съ замѣною по большей части акакіи посредствомъ шара съ крестомъ. Вслѣдствіе этого, съ отмѣною обычая облачать и высшихъ сановниковъ въ лоры, лоръ, скипетръ и акакія сдѣлались отличительнымъ атрибутомъ царскаго достоинства, и во времена Палеологовъ цари изображаются всегда съ этими отличительными знаками своего достоинства, если изображаются въ парадномъ облаченіи.

Чтобы покончить съ особенностями пасхальнаго выхода и облаченія, намъ остается сказать о причинахъ этихъ особенностей. Къ сожалѣнію, прямыхъ указаній на то, почему цари въ Пасху стали облачаться въ лоры и съ которыхъ поръ установился этотъ обычай, не имѣется. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, они неизвѣстны; потому можно только догадываться объ этихъ причинахъ.

Такъ какъ облаченіе перваго дня Пасхи, какъ мы видѣли, облаченіе консульское, то мы, естественно, должны обратиться къ извѣстіямъ о царскихъ консульствахъ или о празднованіи царями консульствъ въ позднѣйшемъ смыслѣ ¹⁾, т. е. о выходахъ въ консульскомъ облаченіи и раз-

¹⁾ Не имѣя въ виду излагать здѣсь исторію консульства во времена Римской имперіи и судьбы этого высокаго званія въ Византійскую эпоху, я ограничусь только нѣсколькими примѣрами празднованія консульства Византійскими царями, могущими уяснить возникновеніе обычая облачаться въ консульское облаченіе въ Пасху для выхода въ храмъ св. Софіи. Вышеупомянутое празднованіе консульства, соединенное съ выходомъ въ лорахъ, царя Юстина II и высшихъ чиновъ, происходило 1 января. Точно также и дядя его Юстиніанъ I въ первый годъ своего царствованія «далъ ипатію» 1 января и при этомъ

дачѣ жалованья чинамъ и народу денегъ во времена, болѣе или менѣе близкія къ занимающей насъ эпохѣ, когда уже консульство даже въ смыслѣ позднѣйшей Римской имперіи давнымъ-давно прекратилось и оставило свои слѣды только въ празднествахъ особаго рода, даваемыхъ царями.

Когда еще свѣжи были римскія традиціи, цари, подобно римскимъ консуламъ, праздновали день вступленія въ должность консула или, точнѣе, принятія на себя этого званія, 1 января; но потомъ, когда римскія преданія были забыты, консульство было отмѣнено и слѣды его остались только въ празднествахъ да торжественныхъ выходахъ и выѣздахъ, день празднованія перенесенъ былъ на самый важный и большой христіанскій праздникъ, Свѣтлое Христово Воскресенье, если цари не желали соединить этого праздника съ какимъ нибудь другимъ днемъ или праздникомъ, по личнымъ обстоятельствамъ.

Благодаря такому обычаю праздновать консульство въ Пасху или Пасхальную недѣлю, облаченіе въ консульскія одежды царя и высшихъ чиновъ въ Пасху становилось мало-по-малу традиціоннымъ, обычнымъ даже и тогда, когда въ этотъ день цари уже „консульства не давали и не бросали“. Отъ консульства осталось только консульское облаченіе въ Пасху царя и чиновъ, которое за то сдѣлалось обязательнымъ и постояннымъ. Къ такому времени относятся дошедшіе до насъ пасхальные обряды, въ которыхъ облаченіе въ лоры царя и высшихъ чиновъ является уже прочно установившимся обычаемъ и, составляя особенность пасхальнаго выхода, получаетъ особый христіанскій, религіозный смыслъ, приуроченный уже къ величайшему и важнѣйшему христіанскому празднику праздниковъ.

роздалъ столько денегъ, сколько не давалъ ни одинъ царь (Theoph. Chronogr. I, p. 174). Но Константинъ Копронимъ производитъ своихъ младшихъ сыновей въ кесари въ 1-й день Пасхи, 2 апрѣля, и, послѣ производства, цари совершали торжественное шествіе въ св. Софію, «бросая ипатію» (*ibid.* p. 444). Его невѣстка, знаменитая Ирина, сдѣлавшись правительницею, послѣ ослѣпленія своего сына, праздновала ипатію во второй день Пасхи, когда цари обыкновенно ходили въ храмъ св. Апостоловъ, и на возвратномъ пути, ѣзучи на триумфальной колесницѣ, «щедро бросала ипатію» (*ibid.* p. 474). На основаніи этихъ фактовъ можно заключать, что обычай праздновать ипатію и облачаться въ консульское облаченіе въ Пасху устанавливался во времена иконоборческихъ царей, въ VIII—IX вѣкахъ, такъ что въ половинѣ IX вѣка облаченіе въ лоры въ Пасху сдѣлалось обычнымъ, а потомъ и обязательнымъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Средніе выходы.—Отличительныя черты ихъ сравнительно съ большими выходами.—Приемы димовъ.—Выходъ въ Великую Субботу для омовенія и переоблаченія св. престола.—Выходъ въ Антипасху.—Исторія выходовъ въ этотъ день.—Выходъ въ день воссоединенія церкви.—Малые выходы въ Крестовоздвиженіе, Недѣлю Православія и понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго Поста.—Рѣчь царя въ Магнаврѣ.—Выходы въ царскіе дни и государственные праздники.—Выѣзды въ храмъ св. Софіи царей позднѣйшаго времени изъ Влахернскаго Дворца.—Пасхальный выходъ позднѣйшаго времени.

Кромѣ пяти великихъ Господнихъ праздниковъ, въ которые совершались самые торжественные, *большіе* или великіе выходы въ храмъ св. Софіи, византійскіе цари совершали съ нѣскольکو меньшею торжественностію выходы въ тотъ же храмъ въ понедѣльникъ Пасхальной Недѣли, въ Антипасху (при Василии Македонянинѣ), въ Благовѣщеніе, Рождество Богородицы и въ Великую Субботу. Въ отличіе отъ самыхъ торжественныхъ выходовъ, я назвалъ выходы въ только-что названные дни *средними* ¹⁾.

Какъ уже было замѣчено, въ понедѣльникъ Пасхальной Недѣли ²⁾, въ

¹⁾ Ср. выше, стр. 37. Къ этимъ выходамъ можно, по всей вѣроятности, причислить выходъ въ праздникъ воссоединенія церкви, установленный въ 920 году, при Константинѣ VII Багрянородномъ.

²⁾ Въ храмъ св. Апостоловъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли цари ходили крестнымъ ходомъ изъ св. Софіи и, слѣдовательно, совершали выходъ изъ дворца въ св. Софію до Льва Мудраго. Левъ Мудрый замѣнилъ крестный ходъ парадною поѣздкою верхомъ въ храмъ св. Апостоловъ прямо изъ Дворца, причемъ цари шли чрезъ храмъ Господа и, пройдя залу эскувитовъ и сойдя съ лѣстницы, сѣдлись на лошадей. Замѣчаніе объ этомъ находится въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли, въ концѣ его (I, 10, 86). Въ замѣткѣ этой сказано, что «такъ совершается до сегодня (τελευτάται ὁμοίως ἕως τῆς σήμερον ἡμέρας), при чемъ Левъ Мудрый называется Львомъ блаженной памяти (τῆς θείας λήξεως), а изъ этого слѣдуетъ, что замѣтка прибавлена послѣ смерти Льва, вѣроятно при Константинѣ Багрянородномъ, при составленіи Придворнаго Устава изъ обрядовъ прежняго времени. Такія замѣтки, начинающіяся словами: ἰστέον или χρῆ εἰδέναι часто встрѣчаются въ Придворномъ Уставѣ и частію внесены въ текстъ, частію помѣщены въ рукописи на поляхъ и въ изданіяхъ печатаются подъ текстомъ въ качествѣ схоліевъ. Въ I, 37, гдѣ мы имѣемъ перечень парадныхъ облаченій на всѣ праздничные выходы, для понедѣльника Пасхальной недѣли

Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, цари не слушали литургіи въ св. Софїи, а шествовали туда только за тѣмъ, чтобы изъ храма св. Софїи начать крестный ходъ въ другіе храмы. Въ Антипасху царь, хотя и оставался въ храмѣ св. Софїи, но слушалъ литургію въ катихуменіяхъ, вѣроятно, не причащался св. Таинъ, обѣдалъ у патріарха и возвращался сокращеннымъ путемъ, черезъ храмъ Господа. Въ Великую Субботу цари ходили въ храмъ св. Софїи, какъ мы увидимъ, для участія въ омовеніи св. престола и перемѣны покрововъ на немъ.

Выходы въ эти дни совершались черезъ тѣ же залы и переходы, какъ въ великіе Господніе праздники, но съ нѣкоторыми сокращеніями и отступленіями, а именно:

Прибывъ вышеописаннымъ порядкомъ во дворецъ Дафны, цари, пройдя Августей и Октагонъ, не заходили въ храмъ св. Стефана Дафны, а шли прямо въ Покой (κοιτών) Дафны, переоблачались тамъ въ дивитіи и затѣмъ, выйдя въ Октагонъ, при участіи веститоровъ, облачались въ хламиду, но не надѣвали вѣнцовъ, а въ обыкновенномъ головномъ уборѣ шли черезъ Августей и его портикъ или Золотую Ручку въ Оноподъ, гдѣ происходилъ первый пріемъ царя высшими чинами синклита, патригіями, стратигами и пр. Описаннаго при изложеніи выходовъ въ большіе Господніе праздники ввода чиновъ по отдѣламъ въ Золотую Ручку не происходило; здѣсь привѣтствовали царей, при ихъ проходѣ, только чины кувуклія, маглавиты, этерія, хрисотриклиты и нѣкоторые другіе ближайшіе къ царю чины. Затѣмъ изъ Онопода, послѣ возгласа церемоніаріемъ: „повелите“, цари шли обычнымъ порядкомъ черезъ Консисторію, гдѣ привѣтствовалъ ихъ и присоединялся къ процессіи весь синклитъ, въ Триклины Кандидатовъ и Экскувитовъ, а отсюда въ Лихны. Очень вѣроятно, что въ Палатѣ Экскувитовъ не было славословій, которыя въ Господніе праздники говорились канцелларіями квестора и другими чиновниками. Трибуналь, по всей вѣроятности, также не украшался такъ, какъ въ Господніе праздники ¹⁾. По крайней мѣрѣ, объ этомъ ничего не говорится; но

указаны такіе предметы облаченія, которые употреблялись тогда, когда цари изъ дворца ѣхали верхомъ, а не шли (р. 188). Глава эта написана, слѣдовательно, уже послѣ нововведенія, сдѣланнаго Львомъ Мудрымъ. Въ II, 15, 594 выѣздъ верхомъ въ храмъ св. Апостоловъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, какъ и въ Антипасху, считается уже обычнымъ. Выходы изъ Дворца для такихъ выѣздовъ, какъ видно изъ указаній I, 37, 188 и II, 15, 594, совершались не черезъ дворецъ Дафны, а черезъ храмъ Господа, такъ же, слѣдовательно, какъ въ Преполовленіе I, 17, 98.

¹⁾ Особенности и отступленія занимающихъ насъ теперь выходовъ видны частію изъ умолчаній, частію изъ прямыхъ указаній. Такъ, относительно того, что цари не заходятъ въ храмъ св. Стефана Дафны, а идутъ прямо въ Китонъ Дафны, есть замѣтка (схолій) къ I, 1, 26, строка 13, а въ схоліи къ строкѣ 20 замѣчено, что пріема въ Золотой Ручкѣ не

зато въ обрядахъ отмѣчается, что обычныхъ въ Господніе праздники славословій со стороны димовъ не бывало и дари не останавливались на своихъ обычныхъ мѣстахъ для выслушиванія этихъ славословій, а шли безъ остановокъ. Привѣтствія димовъ состояли только въ томъ, что ихъ нотаріи или магистры читали соотвѣтствующіе празднику латинскіе стихи, идя за царями отъ одного мѣста, на которомъ останавливались цари, до другаго. Димы же въ это время ничего не говорили и не пѣли, а только осѣняли царей крестнымъ знаменіемъ. Такимъ образомъ отъ Лихнѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, цари выслушивали славословія Венетовъ и гдѣ происходилъ первый пріемъ со стороны димовъ, нотарій Венетовъ шелъ сзади царей и говорилъ ямбы до большихъ дверей Палаты Школъ или до пропилея (внѣшняго нарѣика) храма св. Апостоловъ. Отъ пропилея св. Апостоловъ до большой двери изъ Школъ въ Халку шелъ за царемъ и говорилъ латинскіе ямбы магистръ Прасиновъ. Отсюда его смѣнялъ магистръ Венетовъ и славословилъ царей въ латинскихъ ямбахъ до желѣзной двери, ведущей въ Хитъ Халки, т. е. въ галерею, которая вела къ св. Кладезю св. Софіи. Отъ этой двери до св. Кладезя шелъ за царемъ и говорилъ ямбы нотарій Прасиновъ ¹⁾.

Если мы сравнимъ эти дѣйствія Венетовъ и Прасиновъ съ пріемами въ большіе выходы Господнихъ праздниковъ, то мы найдемъ, что магистры

бываетъ, а только въ Оноподѣ и Консисто́рин. Здѣсь же въ текстѣ сказано, что въ эти праздники *ὁ στέφανος οἱ δεσπότης*. Согласно съ этими замѣчаніями, ни о храмѣ св. Стефана, ни о надѣваніи вѣнцовъ, ни о пріемѣ въ Золотой Рукѣ нѣтъ упоминаній въ специальныхъ обрядахъ понедѣльника Пасхальной недѣли (I, 10, 72), Благовѣщенія (I, 30, 163) и Великой Субботы (I, 35, 181); относительно Золотой Руки въ нихъ сказано, что царь чрезъ нее только проходитъ, какъ и чрезъ Августей, и что пріемъ стратиговъ и патрикіевъ происходитъ въ Оноподѣ. О славословіяхъ въ Палатѣ Эжекувитовъ и украшеніи Трибунала ничего не говорится.

¹⁾ Подробнѣе всего это описано I, I, 27, гдѣ говорится, что *οἱ τῶν δύο μερῶν νοτάρια καὶ μαῖστρος ῥωμαῖζονσι τοὺς δεσπότης τὰ τῆ ἐορτῆ ἀρμόζοντα*. Но, что заключали въ себѣ эти ямбы, сказать трудно, такъ какъ до насъ, сколько мнѣ извѣстно, никакихъ остатковъ этихъ ямбовъ не дошло. Такъ какъ эти стихи содержали въ себѣ *τὰ τῆ ἐορτῆ ἀρμόζοντα*, то можно думать, что они болѣе или менѣе походили на лат. стихи, которые пѣли канцелларіи квестора, съ прибавкою славословій и многолѣтій царямъ. Въ другихъ обрядахъ дѣйствія димовъ выражаются короче. Такъ I, 10, 73 сказано, что «партии (*μέρη*) принимаютъ царя въ обычныхъ мѣстахъ, осѣняя крестнымъ знаменіемъ, а другаго ничего не дѣлая (*σφραγίζοντες, μηδὲν ἕτερον ποιῶντες*), но нотаріи и магистры говорятъ установленные ямбы» (*λέγουσι τοὺς κατὰ τόπον ἵαμβους* I, 10, 73). Почти то же самое сказано въ обрядѣ Великой Субботы I, 35, 181 (ср. I, I, 33) и Благовѣщенья I, 30, 163; но, по словамъ Благовѣщенскаго обряда, царь идетъ чрезъ большую дверь или большія ворота Халки, а не чрезъ малую дверь и Хитъ Халки; слѣдовательно, чрезъ ту же дверь, какъ и въ Господніе праздники, но изъ большой двери онъ, очевидно, шелъ не прямо къ западнымъ вратамъ, а поворачивалъ направо, такъ какъ въ храмъ входилъ всетаки чрезъ св. Кладезь. При такомъ шествіи третья встрѣча или смѣна (магистръ Венетовъ), начиналась въ Халкѣ и продолжалась до большихъ воротъ, а отсюда начинался пріемъ Прасиновъ и за царемъ до св. Кладезя шелъ нотарій Прасиновъ. Ср. *Byzantina*, кн. I, стр. 137—138.

и нотаріи начинали славословить царей своими латинскими ямбами съ тѣхъ именно мѣсть, на которыхъ цари останавливались для выслушванія славословій димовъ, когда шествовали изъ св. Софіи во дворець, только въ обратномъ порядкѣ, такъ какъ въ большіе Господніе праздники цари, какъ мы видѣли, шли изъ храма св. Софіи именно тѣмъ путемъ, какимъ въ занимающіе насъ теперь праздники они шли въ храмъ св. Софіи, т. е. черезъ Хитъ Халки и св. Кладезъ. Но между тѣмъ какъ, при обратномъ шествіи царя, у св. Кладезя бывалъ первый приѣмъ, во время шествія царей въ храмъ св. Софіи черезъ св. Кладезъ, нотарій Прасиновъ доходитъ только до св. Кладезя и у св. Кладезя пятой смѣны не бываетъ, потому что царь уже въ предѣлахъ храма. По этимъ причинамъ во время шествія царей въ храмъ св. Софіи черезъ Хитъ Халки и св. Кладезъ бываетъ только четыре смѣны, между тѣмъ какъ при обратномъ шествіи царей изъ храма св. Софіи бывало 5 приемовъ: послѣдняя смѣна съ нотаріемъ Прасиновъ замѣняетъ или соотвѣтствуетъ двумъ первымъ приѣмамъ обратнаго шествія.

Войдя въ св. Кладезъ, цари брали у препозита зажженныя свѣчи и трижды поклонялись, т. е. дѣлали три поклона предъ св. Кладеземъ, и направлялись къ двери, ведшей изъ св. Кладезя въ храмъ, т. е. къ южной двери храма св. Софіи. Здѣсь встрѣчалъ ихъ патріархъ съ своею обычною свитою, т. е. съ высшимъ духовенствомъ и діаконами. Цари кланялись патріарху, а патріархъ кадилъ царей и кланялся имъ, затѣмъ они цѣловались и входили черезъ южную дверь въ храмъ и черезъ правую сторону его шли къ правой сторонѣ алтаря посреди вошедшихъ сюда раньше чиновъ синклита, которые привѣтствовали проходившихъ царей обычнымъ многолѣтіемъ, т. е. хоромъ возглашали: „на многіе и добрые годы да продлитъ Богъ праведное царство ваше“¹⁾.

Войдя на солею, цари останавливались предъ св. вратами, а патріархъ входилъ въ алтарь. Цари брали у препозита зажженныя свѣчи и молились предъ св. вратами, потомъ прикладывались къ нимъ и входили въ алтарь, отдавши свѣчи препозиту. Въ алтарѣ цари по обыкновенію прикладывались къ покрову св. престола и молились, потомъ патріархъ подавалъ имъ кадило, которое патріарху подавалъ патріаршій кастрией (*καστρήσιος*—*castrensis*), кадили вокругъ св. престола, затѣмъ цари съ патріархомъ становились опять предъ св. престоломъ, діаконъ дѣлалъ возгласъ, а патріархъ говорилъ молитву, которою начинался крестный ходъ. Цари и патріархъ выходили изъ алтаря и, предшествуемые крестомъ и евангеліемъ, проходили черезъ храмъ до царскихъ вратъ и послѣ молитвы проходили эти врата и

¹⁾ Входъ въ храмъ св. Софіи черезъ южныя врата изображенъ I, 1, 27—28; I, 10, 73—74; I, 30, 163—164; I, 35, 182.

входили во внутренній нарѣкъ, гдѣ цари цѣловались съ патриархомъ и заходили въ Мутаторій въ красныхъ вратахъ для надѣванія вѣнца, послѣ чего опять цѣловались съ патриархомъ, и патриархъ откланивался царямъ, потому что цари съ своимъ синклитомъ шли впередъ, а за ними чрезъ нѣсколько времени слѣдовалъ патриархъ съ духовенствомъ. Такъ бывало въ Рождество пресв. Богородицы, Благовѣщеніе и понедѣльникъ Пасхальной недѣли до отмѣны Львомъ Мудрымъ крестнаго хода изъ св. Софіи въ этотъ день ¹⁾. Такъ какъ крестные ходы и выѣзды царей въ другіе храмы не входятъ въ нашу настоящую задачу, которая ограничивается выходами царей въ храмъ св. Софіи, то мы не послѣдуемъ за царями и патриархомъ въ ихъ дальнѣйшемъ шествіи, а возвратимся въ алтарь св. Софіи, гдѣ въ Великую Субботу цари, дойдя до алтаря сейчасъ описаннымъ порядкомъ, присутствовали при омовеніи и облаченіи св. престола.

Дѣло въ томъ, что въ IX—X вв. въ Великую Субботу въ храмѣ св. Софіи совершалось омовеніе св. престола и облаченіе его, быть можетъ, въ другіе, соотвѣтствующіе празднику покровы. Въ позднѣйшее время, какъ видно изъ церковнаго обряда омовенія св. престола въ храмѣ св. Софіи, этотъ обрядъ совершался въ Великій Четвертокъ ²⁾, безъ участія царей. По этому обряду (G o a r, Eucholog. Gr. p. 497—499), патриархъ становился предъ св. престоломъ, а митрополиты, архіепископы, епископы и прочее духовенство становились вокругъ св. престола. Патриархъ кадилъ св. престолъ, благословлялъ и читалъ молитву. Послѣ этой молитвы, прочитанной патриархомъ про себя, патриархъ, при содѣйствіи и участіи стоявшаго вокругъ св. престола духовенства, снималъ съ св. пре-

¹⁾ Пребываніе въ алтарѣ и выходъ изъ него описанъ I, 1, 28; I, 10, 74; I, 30, 164.

²⁾ Въ IX—X вѣкахъ въ Великій Четвертокъ цари ѣздили во Влактернскій храмъ и тамъ перемѣняли на св. престолѣ покровы и возлагали на св. престолъ апокомвій (I, 34, 179). Въ Великую Субботу цари издавна ходили въ св. Софію для участія въ омовеніи и облаченіи св. престола. Уже при Левѣ Хазарѣ, сынѣ Константина Копронима, это было давно установившимся обычаемъ, какъ видно изъ разказа о коронованіи Львомъ Хазаромъ своего сына Константина. Уступая просьбамъ высшихъ чиновъ и народа, Левъ въ Великую Пятницу отобралъ отъ всѣхъ клятвенную подписку въ томъ, что они никого не будутъ признавать царями, кромѣ его, Льва, съ сыномъ Константиномъ и прямаго потомства ихъ. На другой день, въ Великую Субботу, 776 г. въ Трибуналѣ Палаты 19 аккувитовъ Левъ IV произвелъ своего брата Евдокима въ нобиліссима и вмѣстѣ съ сыномъ Константиномъ, двумя кесарями и тремя нобиліссимами совершилъ выходъ въ Великую Церковь (т. е. св. Софію) и, совершивши облаченіе (св. престола) въ покровъ, какъ обыкновенно это дѣлаютъ цари (καὶ ὑπαλλάξας τὴν ἐνδύτην, ὡς ἔθος ἐστὶ τοῖς βασιλεῦσιν), вошелъ съ сыномъ и съ патриархомъ на амвонъ и объявилъ чинамъ и народу о своемъ рѣшеніи возвести своего сына въ царское достоинство, а на другой день, т. е. въ 1-й день Пасхи, Левъ короновалъ Константина въ Ипподромѣ (Theoph. Chron. anno 6268, ed. de Bo o r, p. 449—450, гдѣ de Bo o r, на основаніи перевода Анастасія: octavo Kalend. Maiarum quartae decimae indictionis, прибавляетъ въ текстѣ слова: *μὲν Ἀπριλίῳ 28*, недостающія въ греческихъ рукописяхъ; у Мутатора въ Chronogr. Byzantine день коронаціи поставленъ подъ 14 апрѣля).

стола покровы, при чтеніи псалмовъ 50, 25, 83. Въ это время ризничій (*ὁ σκευοφόρος*) приносилъ губки и сосуды съ водой и св. престолъ обмывался. Затѣмъ патріархъ раздавалъ митрополитамъ, архіепископамъ и прочему предстоящему духовенству полотенца, которыми они обтирали св. престолъ. Послѣ этого патріархъ раздавалъ духовенству другія губки и возливалъ на св. престолъ розовое масло, которое стоявшіе вокругъ св. престола растирали и вытирали губками. Когда св. престолъ былъ достаточно вытертъ, на него опять надѣвали срачицу и другіе покровы, а патріархъ въ это время читалъ другую молитву, по окончаніи которой кадилъ св. престолъ и осѣнялъ его крестнымъ знаменіемъ. Губки, которыми обтирался св. престолъ, между тѣмъ собирались и выносились на солею; выходилъ изъ алтаря патріархъ и раздавалъ губки, вѣроятно, раздѣленные на мелкія части, народу. По окончаніи обряда омовенія св. престола, по обряду, помѣщенному у *Goa'ra*, патріархъ возвращался въ Мутаторій, изъ котораго онъ входилъ въ алтарь, а изъ Мутаторія чрезъ правый портикъ проходилъ въ нарѣику, гдѣ совершался обрядъ омовенія ногъ.

Когда обрядъ переоблаченія св. престола совершался еще съ участіемъ царей, цари, безъ сомнѣнія, входили въ храмъ и алтарь предъ началомъ обряда и послѣ кажденія престола становились съ патріархомъ предъ св. престоломъ и, по всей вѣроятности, принимали участіе въ разоблаченіи, омовеніи, обтираніи и облаченіи св. престола; между прочимъ, царю препозитъ подавалъ мѣшокъ съ сотнею фунтовъ золота и царь клалъ его у подножія престола ¹⁾ на той ступени, на которой онъ стоялъ. Этотъ

¹⁾ *Cerim.* I, 1, 33: послѣ облаченія въ Октагонѣ Дафны въ хламиду, царь выходитъ чрезъ Августей (вмѣсто *διὰ τοῦ Αὐγουστῆωνος*, очевидно, слѣдуетъ читать *δ. τ. Αὐγουστῆως*), ἔνδον γὰρ τῆς μεγάλης πόλης τοῦ αὐτοῦ Αὐγουστῆωνος (чит. *Αὐγουστῆως*) ἵστανται κουβικουλῆριος ἐπίκριον φόρτωμα τὸ κεντηνῆριον φέρων καὶ περιπατῶν ὀπισθεν πλησίον τῶν δεσποτῶν. (Относительно необходимости читать здѣсь *Αὐγουστῆως* вмѣсто *Αὐγουστῆωνος* см. мой Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 100, прим. 2). Въ алтарѣ, взявши мѣшокъ у препозита, царь кладетъ его ἐν τῷ πεζούλιῳ τοῦ θαλασσιδίου τῆς ἁγίας τραπέζης, а по спеціальному обряду Великой Субботы (I, 35, 182) τίθειν αὐτὰς (т. е. χρυσίου λίτρας ρ') ἐν τῷ βασιμίδιῳ, ἐν ᾧ ὁ βασιλεὺς ἵστανται. Изъ этихъ мѣстъ ясно, что кентенарій золота клался на ступени у подножія св. престола, около моря св. престола; но что называется моремъ (*θάλασσα* или *θαλασσιδίου*) св. престола, я не представляю себѣ ясно. Ни у Дюканжа (*Gloss. Gr. s. v. θάλασσα*, ср. *Constantin. Christ.* III, p. 33), ни у *Goa'ra* (*Euchol. Graec.* p. 12), на котораго ссылается Дюканжъ, устройство и мѣсто этого моря не выяснено, а то, что говорится, не доказано. *Reiske* (*Comment.* 141) принимаетъ *πεζούλιον* за скамейку, на которой ставились сосуды, которые нужно было мыть, а *θαλασσιδίου* за *lapis sarnus, in quem reliquiae vini aut aquae benedictae, quibus amplius opus non erat, effundebantur*. Хотя есть предположеніе что возлѣ св. престола былъ сосудъ для воды, служившей для омовенія св. сосудовъ и рукъ священнослужителей, не едва ли вѣроятно, чтобы словомъ *θάλασσα* называлась стоичная труба для выливанія остатковъ вина, которые, къ тому же, едва ли когда-либо выбрасывались. Затѣмъ, мы знаемъ, что въ *θαλασσιδίου* св. престола клали, для освященія, облаченіе схим-

мѣшокъ съ 100 фун. золота во время шествія въ храмъ несь за царемъ, отъ большой двери Августея, кувикулярій, который здѣсь дожидался выхода царя въ облаченіи. Войдя въ храмъ, кувикулярій вносилъ боковою дверью этотъ мѣшокъ въ алтарь и въ надлежащее время передавалъ препозиту, а тотъ передавалъ царю, который и клалъ его у подножія престола.

Когда омовеніе и облаченіе кончалось, царь бралъ у препозита другой, меньшей мѣшокъ, но всетаки заключавшій въ себѣ довольно много золота, и возлагалъ его на св. престоль, затѣмъ бралъ поданное патриархомъ кадило и трижды обходилъ престоль съ кадиломъ, кадя св. престоль.

Послѣ этого цари съ патриархомъ уходили черезъ лѣвую сторону алтаря въ ризницу (*σχευοφολάκιον*), гдѣ хранились церковныя облаченія, ризы, покровы и священные сосуды. Царь, войдя сюда, молился со свѣчею въ рукѣ, бралъ у патриарха кадило и кадилъ священные сосуды, обходя кругомъ ризницу. Потомъ отдавалъ кадило и садился на приготовленное для него здѣсь золоченое кресло. Садился и патриархъ на свой тронъ и нѣсколько времени бесѣдовалъ съ царемъ. Побесѣдовавши немного съ царемъ, патриархъ преподносилъ ему въ соотвѣтствующемъ сосудѣ благовоннаго масла и кусочки корицы (*κιννάμωμον*)¹⁾. Патриарху при-

никовъ, предъ посвященіемъ въ схиму (*Genol.* 403; ср. *D u C a n g e.* Gloss. Gr. s. *θάλασσα*, гдѣ *ἔχει*, очевидно, стоитъ вмѣсто *ἐκεῖ*). Едва ли можно предположить, что для освященія одежды клался въ отверстіе водосточной трубы. Да и Юстиніанъ едва ли сталъ бы украшать такъ отверстіе водосточной трубы, какъ онъ украсилъ *θάλασσαν* (*τὴν δὲ θάλασσαν τ. ἀγ. τραπεζῆς ἐξ ἀτιμῆτων λίθων πεποίηκε καὶ κατεχρύσωσεν αὐτήν.* *Anonim.* in *descript. S. Serphiae*, apud *B a n d u r i*, *Imper. Orient.*, lib. IV, p. 64). Къ сожалѣнію, ничего опредѣленнаго относительно мѣста и устройства этого «моря» я также сказать не могу. Считаю возможнымъ замѣтить только, что «море» храма св. Софій, постройкою котораго Юстиніанъ, по его собственнымъ словамъ, превзошелъ Соломона, напоминаетъ «море» Соломонова храма въ Иерусалимѣ. Въ храмѣ Соломоновомъ «моремъ» называлась большой мѣдный чанъ 30 локтей въ окружности, вмѣщавшій не менѣе 400 гектолитровъ воды и стоявшій на 12 мѣдныхъ волахъ. Вода въ этомъ мѣдномъ чанѣ или бассейнѣ служила для омовенія жрецовъ, которые, по мнѣнію однихъ, входили туда и купались тамъ, а по мнѣнію другихъ, брали воду изъ крановъ, устроенныхъ въ нижнихъ частяхъ стѣнокъ бассейна. Образчикомъ такого моря можетъ служить такъ называемое «Амазонское море», найденное на Кипрѣ и хранящееся въ Луврскомъ Музеѣ: это большой каменный чанъ или котель съ ручками. Море въ храмѣ Соломона, сдѣланное изъ мѣди, было гораздо больше и великолѣпнѣе. Рисунки реставрацій этого моря даны въ роскошно изданной Палестинскимъ Обществомъ прекрасной книгѣ проф. Киевской Духовной Академіи А. А. О л е с н и ц к а г о, *Ветхозавѣтный храмъ въ Иерусалимѣ*. Спб. 1889 (о «морѣ» авторъ говоритъ на стр. 423 слѣд.; ср. указатель предметовъ стр. 907). Весьма возможно, что близъ св. престола въ св. Софій былъ устроенъ подобный бассейнъ для мытья св. сосудовъ и омовенія рукъ священнослужителей; но какъ и гдѣ онъ былъ устроенъ, сказать трудно, по крайней мѣрѣ для меня.

¹⁾ Благовонное масло, преподносимое царю и раздаваемое чинамъ синклита, называется нардомъ (*ἡ νάρδος* *Cerim.* I, 1, 33; I, 35, 182; II, 52, 764) отъ растенія, изъ котораго приготовлялось благовонное масло. Настоящій нардь (*Nardostachys latamansi Dec.*) растетъ въ городахъ Индіи; изъ благовонныхъ корней его приготовлялось нардовое масло, очень дорого

носилъ и подавалъ эти предметы хартуларій ризницы, который, послѣ поднесенія царю патріархомъ, кланялся патріарху, испрашивалъ его благословенія для раздачи этихъ предметовъ чинамъ кувуклія и синклита. Такъ какъ высшіе чины кувуклія и синклита сопровождали по обыкновенію царя въ ризницу и находились частію въ томъ помѣщеніи, въ которомъ былъ царь съ патріархомъ, частію въ смежномъ, то хартуларій раздавалъ прежде всего благовонное масло имъ, для чего высшіе чины синклита приглашались въ самую ризницу. Затѣмъ хартуларій выходилъ въ храмъ, гдѣ стояли прочіе чины синклита, и раздавалъ имъ благовонное масло въ сосудахъ (I, 1, 34; I, 35, 182, ср. 184 и II, 52, 764). По окончаніи этой раздачи, царь съ патріархомъ вставали съ своихъ мѣстъ и, пройдя чрезъ женскій, сѣверный нартекъ, гдѣ обыкновенно стояли диакониссы храма св. Софіи, шли къ двери, ведшей въ пристройки съ восточной стороны храма; патріархъ вручалъ царю евлогію, т. е. освященную просфору, и выходилъ съ нимъ въ корридоръ за алтаремъ, чрезъ лѣвую дверь изъ алтарной стороны въ этотъ корридоръ, который, благодаря примыкавшему къ нему храму св. Николая, назывался узкимъ переходомъ св. Николая. Этотъ корридоръ проходилъ позади алтаря храма св. Софіи къ южной стѣнѣ его или, точнѣе, къ юговосточному углу, а оттуда чрезъ переходъ, примыкавшій къ царскому Мутаторію или че-

дѣнившиеся въ древности, какъ дорогой ароматъ и прекрасное цѣлительное средство. Корни нарда и до сихъ поръ въ Индіи считаются цѣннымъ и благотѣльнымъ лѣчебнымъ средствомъ (Meyer's Conversationslexicon s. v. Narde). Патріархъ раздавалъ маленькіе сосуды, по всей вѣроятности, не съ нардовымъ масломъ собственно, а съ масломъ, свареннымъ для св. мѣра, но неосвященнымъ. По крайней мѣрѣ это масло, сваренное съ разными другими благовонными ингредиентами, перечисленными въ чинѣ освященія мѣра, также называлось въ церковномъ языкѣ нардомъ и точно также считалось весьма цѣбнымъ. Потому въ Великую Среду часть свареннаго для мѣра (μῆρον) масла относилась къ патріарху въ его комнаты, гдѣ выливалась въ особый сосудъ и не освящалась, а сохранялась для врачевныхъ надобностей и называлась нардомъ (εἰσβάλλεται τὸ μῆρον, точнѣе сваренное, но еще не освященное масло) εἰς ἕτερον ἀγγεῖον, ὅπερ οὐ ἀγιάζεται, ἀλλὰ τηρεῖται εἰς ἱατρικὴν χρῆσιν, ὅπερ ὀνομάζεται νάρδος. G o a r, Euchol. 510. Ср. *ibid.* 503: послѣ освященія мѣра εἰσβάλλεται παρὰ τοῦ πρωτοπαιᾶ τὸ ἐν τῷ ἀλαβάστρῳ μῆρον εἰς τὸ ἀγγεῖον, ἐνθα ἐν τῷ νάρδιον. Ср. Дюк ан ж ъ Gloss. s. v. νάρδος). Въ такомъ смыслѣ понимаетъ нардъ и R e i s k e (Comment. p. 887), который говоритъ, что solebant eo tempore homines elegantiores puxides nardi secum gerere, ut nos hodie puxides pulvere sternutatorio gerimus onustas. О нардовомъ маслѣ собственно и употребленіи его въ античномъ мірѣ см. P a u l y, Realencyklopädie, V, 415. Нардовое масло древніе также носили въ маленькихъ флаконахъ (nardi ampulla).

Кромѣ благовоннаго масла царю давалъ патріархъ τριψίδια (I, 1, 34), т. е. кусочки, обломки вообще, а потомъ, повидимому, исключительно кусочки корицы, (ср. Дюк ан ж ъ Gloss. Gr. s. v. τριψίδιον τὸ κιννάμωμον), которая съ очень давнихъ временъ известна древнимъ чрезъ Финикійцевъ (Herod. III, 111) и во времена Римской имперіи цѣнилась очень дорого. П л и н і й говоритъ, что pretia quondam fuere in libras denarium millia, Actutum id parte dimidia est, incensis, ut ferunt, silvis barbarorum. (См. P a u l y, Realencykl. II. 374 s. v. Cinnamomum).

резь Мутаторій можно было пройти къ св. Кладезю ¹⁾. Здѣсь патріархъ и царь становились у двери, ведущей изъ св. Кладезя въ храмъ св. Софіи, патріархъ вручалъ царю еще разъ просфору, цѣловался и откланивался царю. Патріархъ съ духовными чинами и діаконами уходилъ въ храмъ, а царь изъ св. Кладезя выходилъ въ его портикъ, чтобы чрезъ выходящій къ св. Кладезю Хитъ Халки и чрезъ Халку идтиво Дворецъ (I, 1, 34; I, 35, 182 и 184). Въ портикъ св. Кладезя привѣтствовали царя Венеты, собственно бѣлые, съ димархомъ во главѣ и пѣли соотвѣтствующія празднику пѣснопѣнія и славословія, но царь для выслушиванія ихъ не останавливался, а слушалъ эти славословія, шествуя отъ портика св. Кладезя къ желѣзнымъ воротамъ Хита Халки. Пѣвчіе и димоты пѣли также на ходу, идя впереди царя, какъ это обыкновенно дѣлалось, когда славословія пѣлись на ходу ²⁾. Отъ желѣзной двери Хита Халки до Халки сопровождалъ царя красный димъ съ димархомъ Прасиновъ во главѣ совершенно такимъ же образомъ, какъ бѣлый димъ съ димархомъ Венетовъ отъ св. Кладезя до желѣзной двери Хита. Этими двумя встрѣчами и ограничивались, по видимому, приемы димовъ. Дальнѣйшихъ приемовъ не было, по крайней мѣрѣ они не указаны. Цари шли чрезъ Халку, Школы, Палату Экскувитовъ и Кандидатовъ, мимо Консистеріи къ храму Господа, а оттуда, помолвившись, конечно, въ этомъ храмѣ, проходили чрезъ переходы этого храма, Триконхъ и переходы 40 мучениковъ въ Христотриклинь. Такой путь для обратнаго шествія царей въ Великую Субботу указанъ въ концѣ общаго обряда выходовъ въ храмъ св. Софіи (I, 1, 35). При этомъ шествіи чины синклита собственно, т. е. тѣ, которые обыкновенно при большихъ выходахъ привѣтствуютъ царя и откланиваются ему въ Консистеріи, дойдя до Консистеріи, становятся у дверей

¹⁾ О храмѣ и переходахъ св. Николая и Ризницѣ св. Софіи см. выше, стр. 132, 141 и слѣд.

²⁾ Эти два приема означены только въ общемъ обрядѣ выходовъ въ храмъ св. Софіи (I, 1, 34—35). Въ специальномъ обрядѣ Великой Субботы (I, 35, 183) приемы вовсе не обозначены. Очень возможно, что ихъ во время составленія этого обряда вовсе не было и что они введены были послѣ и потому занесены въ общій обрядъ, при составленіи дошедшаго до насъ сборника обрядовъ, т. е. Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго. Но въ чемъ состояли эти славословія и что пѣли димы, не извѣстно. Въ числѣ актологій нѣтъ ѡхвата на Великую Субботу, хотя по порядку главъ, въ которыхъ изложены актологіи, ѡхвата на Великую Субботу могли бы сохраниться, и если бы они были написаны, занимали бы мѣсто между 3-ю и 4-ю главою, т. е. стояли бы предъ Пасхальною актологіею. Отсутствие этихъ ѡхвата, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять ихъ сравнительною краткостію и малою торжественностію, а, быть можетъ, даже и тѣмъ, что они не всегда происходили, а иногда ограничивались только ямбами манасторовъ и крестнымъ знаменіемъ со стороны димовъ, подобно тому, какъ это было при шествіи царей въ храмъ св. Софіи въ Рождество Богородицы и Благовѣщеніе или даже подобно тому, какъ встрѣчи димовъ дѣлались въ Крестовоздвиженіе (см. ниже стр. 243, прим. 1).

Консistoriи въ два ряда и здѣсь откланиваются царю, между тѣмъ какъ высшіе чины синклита, патрикии и стратиги идутъ впереди царя дальше и доходятъ до двери, ведущей въ храмъ Господа, и здѣсь откланиваются царю, говоря хоромъ обычное многолѣтіе. Царь послѣ этого въ преддверіи храма снимаетъ шапку и входитъ въ храмъ, гдѣ привѣтствуютъ его вошедшіе сюда раньше его чины кувукліи. Кувукляріи немедленно запираютъ дверь храма Господа, а царь идетъ къ алтарю, молится предъ св. вратами, потомъ чрезъ переходы храма Господа и Триконха уходитъ въ Хрисотриклинь ¹⁾.

По спеціальному обряду Великой Субботы (I, 35, 183), цари возвращаются въ этотъ день тѣмъ же путемъ, какимъ шли въ храмъ, т. е. чрезъ Консistorію, Оноподъ, Августей, Апсиду, Триконхъ и переходы 40 мучениковъ. При этомъ шествіи, по обычаю большихъ выходовъ, синклитики откланиваются царю въ Консistorіи, а высшіе чины, патрикии и стратиги, въ Золотой Рукавъ или портіи Августей; въ Августей царя привѣтствуютъ кувукляріи, царь проходитъ въ Октагонъ и Китонъ, и двери въ Августей изъ Золотой Руки запираются. Переоблачившись по обыкновенію въ Октагонъ и Китонъ, царь идетъ въ Хрисотриклинь въ сопровожденіи кувукліи, который въ послѣдній разъ привѣтствуетъ его въ Хрисотриклинь, гдѣ царь послѣ этого молится предъ образомъ Спасителя и уходитъ въ свои покои (Китонъ). Обѣдню царь слушалъ въ Великую Субботу въ храмѣ Фара.

Разница въ обратномъ шествіи царей въ двухъ обрядахъ происходитъ отъ того, что прежній порядокъ обратнаго шествія, изложенный въ спеціальному обрядѣ, который, безъ всякаго сомнѣнія, написанъ раньше общаго, былъ измѣненъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сокращенъ, такъ какъ процедура шествія чрезъ храмъ Господа короче, нежели чрезъ Августей. Такого рода измѣненія и сокращенія происходили и въ обрядахъ нѣкоторыхъ другихъ праздниковъ.

Къ разряду выходовъ, только-что описанныхъ нами, можно отнести еще выходы царей въ св. Софію въ первое воскресенье послѣ Пасхи или въ Антипасху, пока этотъ послѣдній выходъ не былъ замѣненъ выѣздомъ въ храмъ св. Апостоловъ, и въ день воссоединенія Церкви.

¹⁾ Порядокъ возвращенія царей чрезъ храмъ Господа изложенъ въ обрядахъ Рождества Богородицы (I, 1, 32), подробнѣе въ обрядѣ Понедѣльника Пасхальной недѣли (I, 10, 84), Преполовенія (I, 17, 107) и Благовѣщенія (I, 30, 168—169). Во всѣхъ этихъ случаяхъ цари возвращались изъ другихъ городскихъ храмовъ, кромѣ св. Софіи, на лошади, съ которой сходили предъ Палатою Экскувитовъ, а потомъ шли чрезъ храмъ Господа. Когда изъ Дворца цари отправлялись на лошади въ какой-нибудь городской храмъ, то изъ Хрисотриклина они шли также чрезъ храмъ Господа (I, 17, 99), болѣе краткимъ путемъ, нежели чрезъ Августей и Консistorію.

По спеціальному обряду Антипасхи или Новаго Воскресенья (*ἡ κατὰ χριστιανικήν*), помѣщенному въ ряду спеціальныхъ обрядовъ по порядку праздничныхъ пасхальныхъ обрядовъ (I, 16, 97—98), въ Антипасху цари ходили въ св. Софію совершенно такимъ же порядкомъ, какъ въ описанные выше Богородичные праздники и Великую Субботу, только вмѣсто хламиды, для обратнаго шествія изъ храма, цари облачались въ цицакій. Чины въ парадныхъ облаченіяхъ собирались сначала въ Юстиціановомъ триклинѣ, а потомъ, около 3-го часа (= 9-го утра), синклитъ переходилъ въ Консисторію, а патрикіи и стратиги привѣтствовали царя въ Оноподѣ, откуда шествіе продолжалось обычнымъ порядкомъ среднихъ выходовъ, безъ славословій димовъ, которые при шествіи царя только крестили его, а нотаріи и магистры говорили соотвѣтствующіе празднику ямбы, какъ было указано выше. Цари шли чрезъ Хитъ Халки и, не заходя въ св. Кладезъ, поднимались съ чинами кувуклія, силенціаріями и тѣлохранителями по лѣстницѣ въ катихуменіи и тамъ слушали литургію ¹⁾, по окончаніи которой завтракали съ патриархомъ, очевидно, въ помѣщеніи патриарха, и затѣмъ возвращались въ Священный Дворецъ, т. е. Хрисотриклинь, чрезъ храмъ Господа, по всей вѣроятности, тѣмъ самымъ порядкомъ, какъ въ Великую Субботу и въ другихъ случаяхъ ²⁾.

Но въ замѣткѣ (схоліи) къ этому обряду сказано, что въ Антипасху цари ѣздятъ верхомъ въ храмъ св. Апостоловъ, согласно недавнему установленію. Незадолго до составленія этой замѣтки къ обряду Антипасхи, слѣдовательно, хожденіе въ храмъ св. Софіи вышеуказаннымъ порядкомъ замѣнено было параднымъ выѣздомъ въ храмъ св. Апостоловъ, такъ что актологія на Антипасху составлена уже согласно съ этимъ измѣненіемъ. Въ актологіи на этотъ день (I, 6, 52) мы читаемъ, что „въ воскресеніе Антипасхи, когда цари сядутъ за столъ (во дворцѣ при храмѣ св. Апостоловъ), бываетъ тотъ же чинъ и послѣдованіе двухъ партій, какъ и во второй день обновленія (понедѣльникъ Пасхальной недѣли), т. е. актологіи двухъ партій и все прочее происходитъ, какъ сказано выше“, т. е. въ „актахъ“ понедѣльника Пасхальной недѣли (I, 5, 47 сл.). Согласно съ этимъ и въ перечнѣ парадныхъ праздничныхъ облаченій сказано, что въ Новое Воскресеніе цари облачаются такъ же, какъ въ понедѣльникъ, только вмѣсто бѣлаго златотканнаго скарамангія, если пожелаютъ, надѣваютъ пур-

¹⁾ Въ этомъ случаѣ цари, очевидно, шли совершенно такъ же, какъ царица Ирина въ день коронаванія своего сына шла чрезъ Хитъ Халки прямо въ катихуменіи св. Софіи. См. выше, стр. 209 и ср. I кн. *Byzantina*, стр. 134, прим. 1.

²⁾ Обрядъ Антипасхи изложенъ очень кратко и отмѣчаетъ только главные моменты, по которымъ, однакожъ, его несомнѣнно слѣдуетъ отнести къ разряду среднихъ выходовъ, описанныхъ въ этой главѣ, а не самыхъ большихъ.

пуровый (I, 37, 188). А такъ какъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли цари до Льва Мудраго, какъ мы видѣли, ходили въ храмъ св. Софіи, а изъ него шествовали съ литією въ храмъ св. Апостоловъ и только со временъ Льва Мудраго, по распоряженію этого царя, стали ѣздить верхомъ прямо въ храмъ св. Апостоловъ, не заходя въ св. Софію, то естественно заключать, что и отмѣна шествія въ Антипасху въ храмъ св. Софіи и замѣна его *выѣздомъ* въ храмъ св. Апостоловъ совершилась не раньше перемѣнъ въ обрядѣ Понедѣльника Пасхальной недѣли. Но когда же? При томъ же Львѣ, Александрѣ, Константинѣ Багрянородномъ или Романѣ Лакапинѣ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ календарій атриелина и царскаго протоспафарія Филоея, составленный имъ при Львѣ Мудромъ и законченный въ 6408 г. отъ сотворенія міра, т. е. ровно въ 900 г. по Р. Хр. Въ перечнѣ царскихъ обѣдовъ отъ Пасхи до Троицы мы находимъ, что какъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, такъ и въ Антипасху цари совершали выѣздъ въ храмъ св. Апостоловъ, а послѣ литургіи обѣдали въ большой палатѣ дворца при храмѣ св. Апостоловъ съ патриархомъ и чинами ¹⁾.

Такимъ образомъ, замѣна Львомъ шествія въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли выѣздомъ верхомъ въ храмъ св. Апостоловъ, равно какъ и замѣна выхода въ Антипасху въ храмъ св. Софіи выѣздомъ въ тотъ же храмъ св. Апостоловъ совершилась до 900 года. А такъ какъ Василии Македонянинъ скончался и началъ царствовать Левъ Мудрый въ 886 г., то эти измѣненія въ обрядахъ, значить, нужно относить къ началу или первой половинѣ царствованія Льва, 886 — 900 по Р. Хр. Замѣчаніе схолія къ обряду Антипасхи, въ которомъ сказано, что шествіе въ св. Софію замѣнено выѣздомъ въ храмъ св. Апостоловъ недавно (*νεωστ!*), нужно, слѣдовательно, также относить къ этому приблизительно времени, если мы не станемъ понимать „недавно“ въ очень широкомъ смыслѣ ²⁾. Не раньше начала царствованія Льва могла быть составлена и глава 37-я 1-й книги, въ которой перечисляются царскія облаченія и которая согласна съ нововведеніями Льва. За то вышеизложенный обрядъ Антипасхи, по которому цари ходили въ храмъ св. Софіи, былъ въ обычаѣ и совершался, очевидно, до нововведеній Льва Мудраго, т. е., по всей вѣроятности, только при Василии Македонянинѣ.

¹⁾ Cerim. II, 52, 769 и 773.

²⁾ I, 16, 98 схолія къ строкѣ 10: *ιστέον, ότι τῆ κυριακῆ τῆ αὐτῆ (ταύτῃ edit.) τοῦ Ἀντίπασχα ἀπέργεται ὁ βασιλεὺς ἑφιππος ἑμπρατος* (торжественно, съ помпою и въ парадныхъ облаченіяхъ) *εἰς τοὺς ἁγίους Ἀποστόλους. νεωστὶ γὰρ τοῦτο ἐξέθεντο.*

Ко времени этого царя нужно относить и составление этого обряда, такъ какъ до него въ Антипасху цари ѣздили въ храмъ св. Мокія, какъ это видно изъ обряда приема царемъ партій Ипподрома въ ихъ собственныхъ фіалахъ (I, 64, 284 слѣд.), гдѣ сказано, что распоряженіе о совершеніи этого приема отдавалось препозитомъ вечеромъ въ Новое Воскресенье или Антипасху, когда царь возвращался послѣ выѣзда въ храмъ св. Мокія. Въ этотъ же вечеръ обѣ партіи совершали факларею ¹⁾ каждая въ своей фіалѣ, а на слѣдующій день, т. е. въ понедѣльникъ на Оминой недѣлѣ ²⁾, совершался, до перестройки фіалы Венетовъ въ баню, приемъ партій въ ихъ фіалахъ, т. е. въ фіалахъ Юстиніана и Хрисотриклина. Такъ какъ обрядъ этотъ предполагаетъ существованіе двухъ фіалъ, а одна изъ нихъ застроена была Василиемъ Македоняниномъ подъ баню, и приемы въ этихъ фіалахъ съ тѣхъ поръ прекратились, то ясно, что выѣздъ въ храмъ св. Мокія въ Антипасху совершался до Василия Македонянина, точнѣе, до перестройки имъ фіалы Хрисотриклина въ баню. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ряду специальныхъ обрядовъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго, прямо послѣ обряда Антипасхи слѣдуетъ обрядъ выѣзда *въ Преполовенье* въ храмъ св. Мокія. А такъ какъ храмъ св. Мокія, по словамъ внука Василия Македонянина, Константина Багрянороднаго, былъ возобновленъ и заново отдѣланъ Василиемъ, то естественно предположить, что выѣздъ въ храмъ св. Мокія былъ перенесенъ съ Антипасхи на Преполовенье Василиемъ и, какъ обрядъ Антипасхи, такъ и обрядъ выѣзда въ храмъ св. Мокія въ Преполовенье, относится къ царствованію Василия ³⁾. Согласно съ установленнымъ при Василии обрядомъ выѣзда въ Преполовенье, въ храмъ св. Мокія совершался выѣздъ и при Львѣ Мудромъ до тѣхъ поръ, пока покушеніе на жизнь Льва Мудраго, сдѣланное въ 902 году ⁴⁾, не заставило Льва Мудраго отмѣнить совсѣмъ выѣзда въ храмъ св. Мокія.

¹⁾ О факлареяхъ (*φακλαρέα*), т. е. пляскахъ съ факелами (*Fackeltanz*) см. мой Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 37, прим. Ср. Reiske, *Comment. ad Const. Cerim.* p. 295.

²⁾ День этого приема, согласно съ указаніемъ обряда I, 64, 284, точно обозначенъ атриклиномъ Филоеемъ II, 52, 773; но въ Новое Воскресенье у Филоея значится выѣздъ не въ храмъ св. Мокія, а св. Апостоловъ, согласно съ замѣткою къ обряду Антипасхи. О перестройкѣ фіалы Венетовъ въ баню см. *Byzantina I* книга, стр. 38 и 58.

³⁾ *Theoph. Contin., de Basil. Maced.* с. 81, p. 323 Bonn. Мотивы перенесенія выѣзда въ храмъ св. Мокія съ Антипасхи на Преполовенье мнѣ неизвѣстны.

⁴⁾ *Theoph. Cont. de Leone Bas. fil.* с. 19, p. 365 рассказываетъ объ этомъ покушеніи и объ отмѣнѣ на будущее время этого выѣзда. Когда Левъ Мудрый вошелъ въ храмъ и стоялъ предъ св. вратами, чтобы, помолившись, войти чрезъ нихъ въ алтарь, неизвѣстный челоуѣкъ выскочилъ изъ амвона съ большой толстой палкой и ударилъ ею Льва по го-

Изъ всѣхъ этихъ указаній, весьма интересныхъ и важныхъ не только для исторіи выходовъ, но и для литературной исторіи Придворнаго Устава и опредѣленія времени составленія отдѣльныхъ обрядовъ, ясно видно, что до Василія Македонянина въ Антипасху цари дѣлали торжественный выѣздъ въ храмъ св. Мокія; при Василіи этотъ выѣздъ перенесенъ былъ на Преполовеніе, въ каковой день и совершался до 902 года, а въ Антипасху царь ходилъ въ храмъ св. Софіи, что продолжалось до новаго измѣненія, введеннаго Львомъ Мудрымъ ранѣе 900 года, т. е. до замѣны этого выхода выѣздомъ въ храмъ св. Апостоловъ, который, какъ уже установленный, имѣется въ виду актологіею на Антипасху и перечнемъ царскихъ праздничныхъ облаченій.

Не менѣе интересенъ для исторіи составленія Придворнаго Устава обрядъ выхода, установленнаго въ память воссоединенія церкви, т. е. примиренія сторонниковъ патріарховъ Николая и Евѳимія, враждовавшихъ изъ-за незаконнаго брака Льва VI съ Зоєю Карвунопсиною, матерью Константина VII Багрянороднаго. Какъ извѣстно, патріархъ Николай Мистикъ не хотѣлъ освятить сожителства Льва съ Зоєю совершеніемъ таинства брака, такъ какъ это былъ четвертый бракъ Льва, а когда пресвитеръ Ѳома все-таки повѣнчалъ Льва съ Зоєю, патріархъ лишилъ Ѳому священническаго сана, а Льву запретилъ входъ въ храмъ св. Софіи ¹⁾. Левъ за это сослалъ Николая въ ссылку, а на его мѣсто выбралъ Евѳимія, который призналъ бракъ Льва съ Зоєю (908 г.); но многочисленные сторонники патріарха Николая не признавали ни законности 4-го брака Льва, ни самаго патріарха Евѳимія. Такимъ образомъ произошелъ въ церкви расколъ, продолжавшійся до Романа I Лакапина, который вскорѣ послѣ вступленія во власть устроилъ примиреніе враждовавшихъ партій ²⁾. Уничтоженіе раскола этого считалось, въ виду зна-

---

ловъ; къ счастью, конецъ палки задѣлъ за поликандило и ударъ этимъ былъ значительно ослабленъ. Но Левъ получилъ все-таки значительную рану въ голову и затѣмъ отмѣнилъ выходъ (ἐξοστὴ ἢ τοιαύτη ἐξελόπη προέλευσις) и не хотѣлъ возобновлять этого выѣзда, не смотря на усиленные просьбы эконома этой церкви, мудраго монаха Марка. Такъ какъ клиторологій атрикина Филоеенъ былъ написанъ въ 900 году, то въ немъ выѣздъ въ Преполовеніе въ храмъ св. Мокія, естественно, еще упоминается. Но и въ главѣ 37-й 1-й книги, представляющей перечень парадныхъ одеждъ царей въ праздничные дни, для Преполовенія указаны тѣ же одежды, которыя царь надѣвалъ для выѣздовъ въ храмъ св. Апостоловъ, т. е. выѣздныя, не выходныя. Если составитель этой главы имѣлъ въ виду выѣздъ въ Преполовеніе въ храмъ св. Мокія и если этотъ выѣздъ не былъ возобновленъ послѣ Льва, можно заключить, на основаніи этого, что глава 37 I кн. написана до 902 года, т. е. до отмѣны Львомъ выѣзда въ храмъ св. Мокія.

¹⁾ См. объ этомъ выше, стр. 128 этой книги.

²⁾ Относительно уничтоженія раскола, вызваннаго четвертымъ бракомъ Льва VI, см. Cedreni Histor. Compend. II, 297 Bonn.: Ἰουλίφ δὲ μὴνὶ ἢ ἰνδικτιώνος ἢ τῆς ἐκκλησίας γέροντες ἐνώσας, ἐνωθέντων τῶν διαφερομένων μητροπολιτῶν τε καὶ τῶν κληρικῶν τῶν ἀπὸ Νικολάου

ченія его для Константины, такимъ важнымъ событіемъ, что въ память его постановлено совершать ежегодно крестный ходъ изъ св. Софіи въ храмъ Мира, т. е. св. Ирины, для чего цари сначала совершали торжественный выходъ въ св. Софію, а оттуда вмѣстѣ съ патриархомъ шли въ храмъ св. Ирины такимъ же порядкомъ, какимъ совершались выходы въ Благовѣщеніе, Рождество Богородицы и понедѣльничъ Пасхальной недѣли, почему и отношу выходъ въ праздникъ воссоединенія церкви къ среднимъ выходамъ, хотя онъ совершался съ нѣскольکو большею торжественностью, нежели средніе выходы, и очень близко подходитъ, по нѣкоторымъ чертамъ, къ большимъ выходамъ.

Хотя царь идетъ въ св. Софію чрезъ Хитъ Халки и св. Кладезъ, какъ въ Рождество Богородицы и другіе средніе выходы, но въ Октагонѣ надѣваетъ корону, какъ въ большіе Господніе праздники, и димы привѣтствуютъ царя актологіями въ обычныхъ мѣстахъ. Затѣмъ царь идетъ въ св. Кладезъ, снимаетъ тамъ корону и входитъ чрезъ южныя врата въ храмъ св. Софіи, гдѣ его встрѣчаетъ обычнымъ порядкомъ патриархъ съ духовенствомъ ¹⁾.

патріάρχου καὶ Ἐπιθρονοῦ διατεταμένον. То же самое, только съ прибавкою, что воссоединеніе совершилось въ воскресный день, сказано Theoph. Contin. p. 398 и Georg. 890, но у послѣдняго показанъ июль вмѣсто іюля. У историковъ и хронографовъ воссоединеніе церкви относится къ первому году царствованія Романа I, т. е. 921 г., но въ τὸμος τῆς ἐνώσεως сказано, что воссоединеніе совершилось ἐπὶ Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ, τοῦ μὲν βασιλεύοντος, τοῦ δὲ τῷ τημιαβτῷ τῷ τοῦ βασιλεωπάτορος ἀξιωματικῷ διατρέποντος. Потому воссоединеніе должно быть отнесено, по крайней мѣрѣ, къ 920 г., такъ какъ Романъ Лакапинъ коронованъ былъ 17 декабря 920, а до коронаціи съ 27 апр. 919 г., со дня брака своей дочери, Елены, съ Константиномъ, носилъ титулъ βασιλεωπάτορ'a. Да и въ изложеніи исторіи воссоединенія церкви (ἐπιθέσις τῆς ἀπολωθούσης διατάξεως) сказано, что воссоединеніе устроено Константиномъ, который, по словамъ изложенія, привелъ къ соглашенію собравшихся іерарховъ и убѣдилъ дать отпущеніе грѣховъ Льву VI послѣ смерти. Хотя Льву отпущеніе было дано, но на будущее время каноническимъ правиломъ постановлено запретить вступленіе въ четвертый бракъ (всѣ эти документы см. Zachariae a Lingenthal, Jus Graeco-Romanum, pars III, p. 227 слѣд.). Въ этомъ изложеніи названъ устроителемъ воссоединенія и примирителемъ партій одинъ Константинъ, хотя Константину было въ 920 году только 14 лѣтъ (родился въ январѣ 906 г.), очевидно, потому, что юридически онъ одинъ былъ царемъ и самодержцемъ (αὐτοκράτορ), а Романъ Лакапинъ былъ еще только βασιλεωπάτορ'омъ и фактическимъ правителемъ, но, очевидно, устроилъ все это не Константинъ, а тотъ, кто стоялъ во главѣ управленія фактически и для кого такое примиреніе партій было важно. Такимъ лицомъ былъ именно Романъ Лакапинъ, тесть Константина, βασιλεωπάτορ и фактической самодержецъ, который потому и въ τὸμος τῆς ἐνώσεως названъ рядомъ съ Константиномъ, хотя онъ царемъ еще не былъ. Такъ какъ воссоединеніе церкви было такимъ образомъ дѣломъ Романа, который въ концѣ этого года сдѣлался и юридически царемъ и правителемъ, то историки относятъ это воссоединеніе къ царствованію Романа I (921), хотя это событіе произошло нѣсколькими мѣсяцами раньше юридического царствованія Романа, но въ началѣ его фактического управленія дѣлами царства.

¹⁾ Но шли ли послѣ этого царь и патриархъ въ алтарь, сказать трудно, тѣмъ болѣе, что обычный входъ въ храмъ и въ алтарь храма св. Софіи царь совершаетъ по возвра-

Изъ храма св. Софїи царь и патріархъ шли въ храмъ св. Ирины, лежащій на сѣверъ отъ храма св. Софїи ¹⁾, и, по совершенїи тамъ установленнаго молебствїа, начинали оттуда крестный ходъ обратно въ храмъ св. Софїи, входили въ него черезъ женскую сторону, т. е. черезъ сѣверный нарѣикъ, и, дойдя до большого, западнаго нарѣика, кончали здѣсь крестный ходъ и затѣмъ совершался обычнымъ порядкомъ входъ въ храмъ св. Софїи, гдѣ царь, вѣроятно, слушалъ литургїю, а послѣ оной возвращался во Дворецъ такимъ же порядкомъ, какъ въ большіе выходы, т. е. черезъ св. Кладезъ и Хитъ Халки, причемъ партїи Ипподрома приветствовали царя обычными славословіями.

Но сколько было встрѣчъ, столько ли, сколько бывало въ большіе Господніе праздники или меньше, не извѣстно, такъ какъ обрядъ выхода къ празднику возсоединенїя церкви написанъ очень коротко и не заключаетъ никакихъ подробностей: относительно ихъ авторъ обряда отсылаетъ къ другимъ обрядамъ выходовъ, говоря, что „выходъ въ память соединенїя церкви совершается, какъ другіе выходы; ибо и царь шествуетъ въ парадномъ облаченіи (ἐμπράττωσ) и приемы совершаются по установленному обычаю (κατὰ τὸ πρῶτον)“²⁾. Отсутствие всякихъ подробностей въ обрядѣ объясняется тѣмъ, что онъ не составляетъ самостоятельнаго обряда, хотя и выдѣленъ въ особую главу (I, 36), а представляетъ собою замѣтку, прибавленную къ послѣднему обряду Великой Субботы.

Дѣло въ томъ, что сборникъ старыхъ праздничныхъ обрядовъ, вошедшихъ въ составъ первой книги, начинался обрядомъ перваго дня Пасхи и кончался Великою Субботою ²⁾, т. е. заключалъ въ себѣ обряды всѣхъ праздниковъ въ году, въ которые цари дѣлали выходы въ различные храмы.

щенїи изъ храма св. Ирины, а предполагать, что царь съ патріархомъ входилъ въ алтарь св. Софїи два раза, едва ли возможно.

¹⁾ О храмѣ св. Ирины, построенномъ Константиномъ Великимъ, сторѣвшемъ во время бунта Ніхх (532) и вновь построенномъ Юстиніаномъ I см. Du Cange, Constantinop. Christ., lib. IV, p. 102; Паспати, Βυζαντινὰ Μελέται, Κωνσταντ., 1877, σελ. 336—338 (съ рисункомъ); Скарлатъ Византїй, ἡ Κωνσταντινούπολις, I, σελ. 153 сл. Salzenberg, Baudenkmale v. Konstantin., s. 113—115, Атласъ, Taf. XXII; Кондаковъ, Византїйскїи церкви и памятники Константинополя, Одесса, 1886, стр. 128 слѣд. (съ фотогр. снимкомъ сѣверн. стороны храма св. Ирины, табл. 5). Храмъ св. Ирины воздѣ св. Софїи, называвшїйся у византїйцевъ храмомъ «древней» Ирины въ отличїе отъ другихъ позднѣйшихъ храмовъ св. Ирины, обращенъ турками въ арсеналь и музей. Европейцы туда не допускаются и потому внутреннее устройство и украшенїя этого великолѣпнаго храма мало извѣстны. Доступна только ограда храма, въ которой также хранятся разныя весьма интересныя древности; на сѣверной сторонѣ стоятъ, между прочимъ, два царскихъ византїйскихъ саркофага, которые изображены въ вышеуказанной книгѣ проф. Н. П. Кондакова, на табл. 6-й. Въ самомъ храмѣ находятся еще болѣе интересные предметы византїйской эпохи, но когда они будутъ доступны ученому изслѣдованїю, не извѣстно.

²⁾ См. выше, стр. 38.

Очень возможно и вѣроятно, что при редактированіи этого сборника для внесенія въ Придворный Уставъ къ самому послѣднему изъ специальныхъ обрядовъ, къ обряду Великой Субботы прибавлена замѣтка относительно выхода въ память соединенія церкви и какъ много другихъ замѣтокъ, сдѣланныхъ въ старыхъ специальныхъ обрядахъ, эта замѣтка начинается также съ *ἵστέον*, т. е. нужно знать, замѣтить. Такія замѣтки и прибавки, какъ уже было сказано, частію вошли въ текстъ, частію написаны на поляхъ и въ изданіяхъ печатаются въ видѣ схоліевъ, а замѣтка о выходѣ въ память воссоединенія церкви не только вошла въ текстъ, но и составила особую, 36-ю главу I книги (р. 186 Боннскаго изданія).

Позднѣйшее сравнительно съ предыдущими обрядами происхожденіе этой замѣтки видно ясно какъ изъ начала и всего характера ея, такъ и изъ того обстоятельства, что обрядъ выхода въ память воссоединенія церкви поставленъ не на своемъ мѣстѣ, т. е. не въ порядкѣ годовыхъ праздничныхъ выходовъ, а послѣ обряда Великой Субботы, занимающаго послѣднее мѣсто въ сборникѣ специальныхъ праздничныхъ выходовъ, который начинался Пасхальнымъ выходомъ, составляющимъ въ дошедшемъ до насъ Придворномъ Уставѣ 18 главу, а въ изданіяхъ 9-ю вмѣстѣ съ началомъ актологіи на Троицу. Когда же сдѣлана эта замѣтка о выходѣ въ память воссоединенія церкви?

Такъ какъ въ ней идетъ рѣчь объ одномъ царѣ, а не о многихъ, то можно думать, что она была сдѣлана, когда послѣ установленія этого выхода, былъ одинъ царь, но не при Романѣ Лакапинѣ, который, сдѣлавшись вторымъ царемъ, рядомъ съ Константиномъ VII, скоро возвелъ въ царское достоинство своихъ трехъ взрослыхъ сыновей, такъ что въ царствованіе Романа I не могло быть рѣчи объ одномъ царѣ. Послѣ воссоединенія церкви и установленія выхода, одинъ царь былъ только до возведенія въ царское достоинство Романа I и послѣ низверженія того же Романа I (дек. 944) и его сыновей (января 945), именно Константинъ Багрянородный, составитель Придворнаго Устава. До и послѣ Романа I онъ царствовалъ одинъ очень не долго: до Романа, если воссоединеніе произошло въ 920 году, съ іюля по 17 декабря этого года, а послѣ Романа съ января до апрѣля 945 года, такъ какъ въ апрѣлѣ 945 же года былъ имъ коронованъ сынъ его Романъ II. Потому, если мы будемъ принимать во вниманіе только упоминаніе одного царя, составленіе замѣтки о выходѣ въ память воссоединенія церкви нужно относить къ этимъ немногимъ мѣсяцамъ единоличнаго царствованія Константина Багрянороднаго до или послѣ Романа I. Но имѣя въ виду редакціонный, дополнительный характеръ прибавки, прибавку о выходѣ въ память воссоедине-

нія церкви всего вѣрнѣе относитъ ко времени царствованія и управленія Константина Багрянороднаго послѣ Романа I, къ каковому времени нужно относить и составленіе Придворнаго Устава, при редакціи котораго и могла быть сдѣлана эта прибавка ¹⁾. Такъ какъ эта замѣтка прибавлена къ обряду Великой Субботы, въ которомъ идетъ рѣчь объ одномъ царѣ, то можно допустить, что она могла быть сдѣлана и тогда, когда Романъ II былъ уже коронованъ: редакторъ могъ, согласуясь съ тѣмъ обрядомъ, къ которому онъ прибавлялъ замѣтку, удержать упоминаніе одного царя, хотя ихъ было уже два, тѣмъ болѣе, что Романъ II былъ коронованъ 8 лѣтъ и, вѣроятно, принималъ сначала участіе далеко не во всѣхъ выходахъ и процессіяхъ.

Кромѣ большихъ и среднихъ выходовъ, цари совершали малые выходы въ храмъ св. Софіи въ Крестовоздвиженіе, въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста и въ Воскресенье первой недѣли этого поста, т. е. въ праздникъ Православія. Эти выходы совершались гораздо проще, нежели только что описанные *средніе* выходы, не говоря уже о большихъ. Шествовалъ царь не чрезъ парадныя залы, въ которыхъ во время большихъ и среднихъ выходовъ совершались приемы чиновъ синклита, а по переходамъ, ведущимъ отъ Триконха къ юго-восточному углу храма св. Софіи, въ сопровожденіи только ближайшей своей свиты: чиновъ кувуклія, маглавитовъ, этеріотовъ и царскихъ. Точно также и возвращался, кромѣ Воздвиженія. Выходъ совершался въ обычномъ служебномъ облаченіи: скарамангіи и плащѣ. Уже въ храмъ царь облачался въ парадный дивитисій и соответствующую празднику хламиду. Приемовъ со стороны димовъ (кромѣ двухъ въ Воздвиженіе) не бывало. Словомъ выходы совершались просто, не парадно и не торжественно (*ἀπράττως*), почему я и называю ихъ *малыми* въ противоположность большимъ или великимъ, когда цари совершали выходы въ полномъ облаченіи и шли по параднымъ заламъ, привѣтствуемые и сопровождаемые чинами и димами въ полныхъ парадныхъ облаченіяхъ, словомъ *ἐμπράττως*.

Въ Крестовоздвиженіе цари ходили въ храмъ св. Софіи для поклоненія Честному Древу, т. е. Животворящему Кресту, и участія въ обрядѣ подниманія этого Креста патриархомъ на амвонѣ храма св. Софіи во время утрени. Въ этотъ день въ 9 или 10 часу ночи по тогдашнему счету, т. е.

¹⁾ На это же время составленія Придворнаго Устава изъ прежнихъ обрядовъ указываетъ и нижеприведенная замѣтка относительно угощенія царя и чиновъ при патриархѣ Теофилактѣ, въ обрядѣ Недѣли Православія.

3 или 4 часу утра по нашему счету часовъ, чины кувуклія, патрикіи, начальники военныхъ отрядовъ (доместики) и вообще всѣ высшіе чины, а равно и царскіе собирались въ скарамангіяхъ у Спаѳарикія, т. е. помѣщеніи для спаѳаріевъ царскихъ ¹⁾. Когда царь, обычнымъ порядкомъ облачившись въ скарамангій въ своемъ китонѣ, а въ плащъ въ Хрисотриклинѣ, долженъ былъ шествовать чрезъ Спаѳарикій, дверь въ него отпиралась, туда входили чины кувуклія и, облачившись въ плащи, дожидались его здѣсь, стоя въ должномъ порядкѣ. Когда царь входилъ въ Спаѳарикій, эти чины кувуклія привѣтствовали царя обычнымъ многолѣтнемъ, подобно тому, какъ въ большіе выходы они привѣтствовали его въ діаватикахъ 40 мучениковъ. При выходѣ изъ Спаѳарикія, его привѣтствовали такимъ же образомъ высшіе чины, патрикіи и доместики, а равно и царскіе. Между тѣмъ какъ высшіе чины синклита отсюда уходили, вѣроятно, другими путями въ „Большой секретъ“ Патриаршихъ Палатъ и присоединялись тамъ къ прочимъ чинамъ синклита, царь, сопровождаемый только кувукліемъ и царскими, которые шли впереди царя, шествовалъ чрезъ Магнавру и верхніе ея переходы къ храму св. Софіи и, дойдя до него, поднимался по деревянной лѣстницѣ ²⁾ въ катихуменіи, молился здѣсь со свѣчею въ рукѣ и уходилъ въ одно изъ помѣщеній на правой

¹⁾ Это помѣщеніе для царскихъ спаѳаріевъ находилось, по всей вѣроятности, на границѣ священнаго или собственнаго Дворца по направленію отъ Дворца къ Магнаврѣ, т. е. около Триконха, между Триконхомъ и храмомъ Господа, и быть можетъ, входило въ составъ переходовъ Господа. Дверь Спаѳарикія (πύλη τοῦ σπαθαρίκιου) представляла собою входъ во Дворецъ священный или собственный, какъ можно заключить изъ того, что предъ Спаѳарикіемъ дожидаются въ разсматриваемомъ нами обрядѣ сановники, которые обыкновенно собираются предъ входомъ въ собственный Дворецъ (ср. выше), а равно и изъ того, что до этой двери, какъ выходной, провожаютъ патриарха высшіе чины кувуклія, когда патриархъ уходитъ изъ Хрисотриклина чрезъ діаватики Господа и Магнавры въ свои Палаты, какъ это бывало въ четвергъ Пасхальной Недѣли, послѣ обѣда, который давалъ царь высшему духовенству съ патриархомъ во главѣ въ Хрисотриклинѣ (I, 14, 96). Совершенно такъ же, какъ въ Крестовоздвиженіе, царь идетъ въ храмъ св. Софіи въ Недѣлю Православія и выходитъ изъ Дворца (т. е. собственнаго, а не Дворца вообще) чрезъ дверь Спаѳарикія и проходитъ чрезъ Магнавру и ея верхніе переходы (I, 28, 157). Лабартъ, который совершенно вѣрно описываетъ Спаѳарикій (Palais, 122—123; ср. 69) въ текстѣ, едва ли вѣрно помѣщаетъ Спаѳарикій на планѣ въ сторонѣ отъ діаватиковъ Господа, за фіалою Триконха, такъ какъ въ такомъ случаѣ Спаѳарикій оказался бы внѣ пути царя, которому и заходить туда не было бы надобности, а кромѣ того, находясь за фіалою, которая представляла собою большую, всегда открытую площадку предъ Триконхомъ, Спаѳарикій оказался бы уже совсѣмъ внѣ священнаго Дворца и чинамъ не было бы надобности собираться здѣсь; они могли бы собраться ближе къ Триконху, въ Мистической фіалѣ или Сигмѣ, гдѣ они часто собирались до открытія собственнаго Дворца. Паспати (Ανάτορα, 194) помѣщаетъ Спаѳарикій такъ же, какъ и Лабартъ, на сѣверо-западъ отъ фіалы Триконха, но дверь Спаѳарикія ведетъ у него въ Дельфакъ Консисторіи (см. планъ № 24). Это, понятно, измышленіе самого Паспати.

²⁾ Объ этой лѣстницѣ и переходахъ отъ Магнавры до храма св. Софіи см. выше стр. 134 и ср. Byzantina, I кн., стр. 121.

сторонѣ катихуменій, гдѣ и дожидался прибытія патріарха ¹⁾. Между тѣмъ чины кувуклія, сопровождавшіе царя, облачались, кувикюляріи и другіе младшіе чины въ камисіи только, а патрикїи въ простыя, не праздничныя хламиды. Послѣ этого переоблаченія, царь приказывалъ препозиту пригласить патріарха, препозитъ передавалъ это приказаніе церемоніарію, а тотъ посылалъ за патріархомъ двухъ силенціаріевъ ²⁾. Когда патріархъ приближался къ помѣщенію, въ которомъ находился царь въ катихуменіяхъ правой стороны, къ патріарху на встрѣчу выходили препозиты и приводили къ царю, который при входѣ патріарха раскланивался съ нимъ, затѣмъ слѣдовали взаимныя привѣтствія и цѣлованіе. Патріархъ садился на приготовленное для него сѣдалище, бесѣдовалъ немного съ царемъ, затѣмъ уходилъ въ Малую Палату (ἐν μικρῷ σεκρέτῳ) собраній духовныхъ чиновъ ³⁾, гдѣ возлежалъ на аналоѣ или церковномъ столікѣ честной Крестъ (τὰ τίμια ξύλα) ⁴⁾ и дожидался прибытія царя.

¹⁾ На правой сторонѣ храма св. Софіи, какъ въ нижнемъ этажѣ, такъ и въ верхнемъ, какъ мы видѣли (см. выше стр. 133 и слѣд.), находились обширныя пристройки, въ которыхъ помѣщались царскій и патріаршій мутаторіи и Патріаршія Палаты. Очень возможно, что царь дожидался прибытія патріарха въ своемъ мутаторіи, въ которомъ въ Пасху царица христосовалась съ чиновными дамами.

²⁾ Когда нужно было пригласить къ царю патріарха въ храмѣ или во Дворцѣ, за нимъ обыкновенно посылалъ церемоніарій двухъ силенціаріевъ, которые и доводили его до какого-нибудь болѣе или менѣе близкаго къ мѣсту нахождения царя помѣщенія. Здѣсь встрѣчали патріарха уже высшіе чины кувуклія, напримѣръ, препозитъ съ папїею, если дѣло было въ собственномъ Дворцѣ, и доводили до помѣщенія, сосѣднаго съ тѣмъ, въ которомъ находился царь. Патріархъ садился здѣсь на приготовленномъ для него почетномъ сѣдалищѣ (скамьѣ или креслѣ), а препозитъ докладывалъ царю, что патріархъ прибылъ. Царь приказывалъ тогда ввести къ себѣ патріарха, котораго высшіе чины кувуклія и вводили, при чемъ, начиная съ мѣста шествія патріарха, ходившіе за нимъ и встрѣчавшіе его чиновники вели патріарха подъ руки, особенно если патріарху приходилось идти по какимъ-нибудь неровнымъ мѣстамъ, напримѣръ, подниматься въ храмѣ изъ нижняго этажа въ катихуменіи. Въ такихъ случаяхъ, при входѣ на лѣстницу патріарха встрѣчали высшіе чины кувуклія и вели подъ руки. Такихъ случаевъ приглашенія и введенія патріарха къ царю въ Придворномъ Уставѣ довольно много и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приглашеніе патріарха и введеніе его къ царю описано довольно подробно. Для примѣра можно указать *Сerin.* I, 10, 78—80 (ὁ πατριάρχης, παρακκλιτούμενος ἐπ' αὐτῶν, ἀνέρχεται... ἀνέρχεται ὁ πατριάρχης καὶ διασώζουσιν αὐτὸν οἱ τοῦ κουβουκλείου); I, 13, 50; I, 14, 91 и 96; I, 17, 103—104; I, 18, 113; I, 19, 116 и др.

³⁾ Объ этомъ «секретѣ» и другомъ, большемъ, см. выше, стр. 134 и слѣд.

⁴⁾ Подъ «Честнымъ Древомъ» разумѣется крестъ, сдѣланный изъ того самаго дерева, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ, послужившій для распятія Спасителя и найденный въ 326 г. Еленою, матерью Константина Великаго. Крестъ этотъ, послѣ его находенія, былъ раздѣленъ на части и значительная часть его была послана въ Константинополь (*Theodoretī Hist. Eccles. lib. I, c. 18*), а другая оставлена въ Иерусалимѣ, гдѣ и находилась до 614 г., а въ этомъ году, при взятіи Иерусалима персидскими войсками, подъ предводительствомъ персидскаго полководца Сарваразы, былъ ими похищенъ Живоотворящій Крестъ и вмѣстѣ съ патріархомъ Захаріею увезенъ въ Персію, гдѣ и находился до мира съ Персіею, заключеннаго Иракліемъ, послѣ полного разгрома Персидскаго цар-

Когда утренняя служба въ храмѣ доходила до пѣсни: „Слава въ вышнихъ Богу“, царь, сопровождаемый чинами кувуклія, выходилъ изъ своего помѣщенія въ правой сторонѣ катихуменій и отправлялся въ Малую Палату, гдѣ встрѣчалъ его патріархъ, поклонялся Честному Древу и прикладывался къ нему; затѣмъ бралъ поданную патріархомъ свѣчу и выходилъ вмѣстѣ съ патріархомъ, взявшимъ (на голову?) Честное Древо, въ Большую Палату (ἐν τῷ μεγάλῳ σεκρέτῳ), гдѣ стояли также съ зажженными свѣчами высшіе чины и весь синклитъ и привѣтствовали царя, но не падали при этомъ въ землю.

Изъ большой залы царь съ кувукліемъ и всѣмъ синклитомъ сопровождалъ патріарха, несшаго Честное Древо и предшествуемаго духовенствомъ, къ большой витой лѣстницѣ (κατέρχεται διὰ τοῦ μεγάλου κοχλίου)

ства и низверженія Хозроя, съ сыномъ Хозроя Сироемъ (Theoph. Chronogr. anno 6106, изд. de Boer, p. 301). По этому миру, закончившему знаменитые подвиги Ираклія, Животворящее Древо и патріархъ Захарій были возвращены Ираклію, съ которыми онъ возвратился въ Константинополь (а. 6118 Theoph. Chron. p. 327), а затѣмъ черезъ два года (629 по Р. Хр.—Theoph. а. 6120) Ираклій самъ отвезъ и Животворящее Древо и патріарха въ Иерусалимъ (ibid. p. 328) и поставилъ Животворящее Древо на прежнее мѣсто. Но потомъ, въ виду грознаго наступленія арабовъ, отчаявшись въ возможности отстоять Иерусалимъ, Ираклій, «взявши Честное Древо (а по другимъ только часть его), отправили въ Константинополь» (635—Theoph. 6125, p. 337). Значительныя части Животворящаго Креста или Древа Честнаго, какъ видно изъ вышеприведеннаго (стр. 120) свидѣтельства Аркульфа, хранились въ Ризницѣ св. Софіи въ особомъ ящикѣ, помѣщенномъ въ другой ящикъ и поставленномъ въ большой и великолѣпный шкафъ. По словамъ того же Аркульфа, non duo, sed tria ibidem crucis habentur brevia ligna, hoc est, transversum lignum, et longum incisum et in duas equas divisum partes, e quibus tripartitis honorabilibus lignis, quando illa aperitur capsula, mirabilis plena suavitate exoritur... Nam de nodis eorumdem trinalium lignorum liquor quidam odorifer, quasi in similitudinem olei expressus, talem facit universos intrantes ex diversis gentibus congregatos supramemoratam sentire suavissimi odoris fragrantiam. Cuius videlicet liquoris, si etiam parvula quedam stillula supra egrotantes imponatur, qualicumque languore vel morbo molestati leviter recuperant sanitatem. (Arculus, de locis sanctis, у Тоблера и Молинье въ Itinera Hierosolymitana, p. 194). Изъ частей Животворящаго Древа, безъ сомнѣнія, сдѣланъ былъ и тотъ Крестъ, который выкладывался въ Маломъ Секретѣ Патріаршихъ Палатъ для поклоненія ему царя и чиновъ, а потомъ поднимался патріархомъ на амвонъ. Онъ изображенъ въ Menologium Basilii подъ 14 сентября. На этотъ крестъ по формѣ очень походитъ крестъ изъ Животворящаго Древа, доставшійся Людовику Благочестивому и хранившійся вмѣстѣ съ двумя другими меньшими крестами въ Свят. Капеллѣ (La Sainte Chapelle) въ Парижѣ, въ особомъ ящикѣ-футлярѣ византийскаго работъ, внутри котораго сдѣланы были помѣщенія для другихъ, меньшихъ крестовъ, а на поляхъ изображены ангелы и св. Константинъ съ Еленой. Рисунокъ ящика данъ у Морандъа въ Histoire de la Sainte Chapelle, а съ этого рисунка переизданъ у Шлумбергеръа въ Un Empereur Byzantin, p. 171 (гдѣ по lapsus calami Елена названа женою Константина). О части Животворящаго Древа (magna pars), доставшагося Людовику, и другихъ частяхъ, поступившихъ въ разные западно-европейскіе храмы и монастыри см. Riant. Exuviae sacrae Constantinopolitanae, I и II, Geneva, 1878, гдѣ въ Index подъ Crucis lignum (II, p. 33) и Lignum Crucis указаны мѣста замѣчательной книги графа Riantъа, въ которыхъ говорится о частяхъ Животворящаго Древа, находящихся или находившихся въ разныхъ городахъ и монастыряхъ западной Европы.

храма св. Софїи, сходилъ по ней, проходилъ чрезъ Дидаскалїи, гдѣ написаны на стѣнахъ пасхальныя таблицы, и затѣмъ, спустившись по ступенямъ, при возгласахъ церемонїарїа: *καπλάτε, Δόμηνι*, входилъ въ пропилеи нарѣика, а изъ него чрезъ большія врата въ нарѣикъ ¹⁾). Пройдя чрезъ нарѣикъ къ царскимъ вратамъ и ставши въ нихъ, царь отдавалъ препозиту свѣчу, съ которой онъ шелъ, бралъ у него другую молитвенную, молился въ царскихъ вратахъ, потомъ опять отдавалъ препозиту эту свѣчу, а тотъ передавалъ ее церемонїарїю. вмѣсто этой молитвенной свѣчи, церемонїарїй подавалъ препозиту, а тотъ подавалъ царю прежнюю свѣчу ²⁾).

¹⁾ Подъ большою витойю лѣстницею разумѣется, по всей вѣроятности, одна изъ западныхъ витыхъ лѣстницъ (*κοιλίας*), устроенныхъ около большихъ столбовъ, на которые опирается куполь (D u S a n g e, Constantin. Christ. lib. III, с. XLI, р. 23 ed. Venet.). Около одной такой лѣстницы (юго-западной?) было помѣщеніе, называвшееся дидаскаліемъ (*τὸ διδασκαλεῖον*), но ни назначеніе его, ни мѣсто точно опредѣлить, кажется, нельзя; по крайней мѣрѣ я никакихъ указаній на это не нашелъ; потому и путь, по которому шла процессія съ Животворящимъ Древомъ отъ витой лѣстницы до большой двери нарѣика для меня не ясенъ, тѣмъ болѣе, что храма св. Софїи я не имѣлъ случая видѣть, а видѣніе его не даютъ такихъ подробностей, которыя позволили бы представлять себѣ болѣе или менѣе ясно, гдѣ и какъ могла проходить процессія. Предположенія Лабарта относительно этого пути (Palais, 28) основаны болѣе на соображеніяхъ самого автора, нежели на указаніяхъ Крестовоздвиженскаго обряда. Весьма возможно, что, послѣ турецкихъ перемѣнокъ около западной части храма, теперь и совсѣмъ нельзя отыскать всѣхъ тѣхъ помѣщеній, чрезъ которыя проходила процессія въ Крестовоздвиженіе.

²⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о свѣчахъ двоякаго рода: одиѣ свѣчи употреблялись во время молитвы (*κηρία τῆς προσευχῆς*), другія во время крестнаго хода или другой какой-либо церковной процессїи (*λατή*), почему и называются процессїональными свѣчами (*κηρία τῆς λατῆς*, или *κηρία λιτανεία*, или просто *τὰ λιτανεία*). Патріархъ подаетъ царю, предъ выходомъ процессїи изъ большой залы *κηρίον λιτανείων*, которую получаютъ и всѣ чины синклита. Съ этою свѣчею царь идетъ до царскихъ вратъ; предъ входомъ въ нихъ царь, какъ и въ другихъ случаяхъ, молится, но уже съ молитвенною, обыкновенною свѣчею, которую и подаетъ ему препозитъ, взявши у него предварительно процессїональную свѣчу. Такъ какъ послѣ входа въ царскія врата, ходъ съ Животворящимъ Древомъ продолжался до алтаря, то царь идетъ по храму опять съ процессїональною свѣчею до св. вратъ, предъ входомъ въ которыя отдаетъ процессїональную свѣчу препозиту и беретъ опять молитвенную. По выходѣ изъ алтаря царь опять беретъ *κηρίον λιτανείων* и стоитъ съ нею до начала воздвиженія патріархомъ Животворящаго Древа, когда царь отдаетъ препозиту эту свѣчу и беретъ молитвенную, съ которой и стоитъ во время воздвиженія и пѣніи: «Господи, помилуй», потому, очевидно, что въ это время царь молится. Перемѣну свѣчей, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять ихъ различными размѣрами: очень можетъ быть, что *κηρία λιτανεία* были такъ велики, что молиться съ ними неудобно. *Κηρία λιτανεία* упоминаются двухъ сортовъ: *κηρία λιτανεία ἄνευ ψαλίων* и *τὰ ὑποφάλα κηρία*. Первые нѣсколько разъ упоминаются во время процессїи внутри церкви въ Крестовоздвиженіе (I, 22, 125—127); вторыя мы встрѣчаемъ въ обрядѣ Праздника Православія: царь сходитъ съ катихуменїи св. Софїи для встрѣчи патріарха съ крестнымъ ходомъ, *δηριγευόμενος ὑπὸ πάντων βασιταζόντων κηρία ὑποφάλα* (I, 28, 157). Reiske (Comment. р. 219), кажется, вѣрно объясняетъ *κηρία ὑποφάλα* какъ *cerei cum suppositis patellis pro excipiendis cereorum lacrimis et sordibus*. Если это объясненіе вѣрно, то *κηρία ἄνευ ψαλίων* будутъ, значить, восковыми свѣчами безъ чашечекъ или розетокъ. Весьма возможно, что для процессїи внутри храмовъ и вообще закрытыхъ помѣщеній употреблялись свѣчи безъ чашечекъ, а для процессїи по улицамъ и площадямъ свѣчи съ чашечками, въ виду того, что при горѣнїи на улицѣ свѣчи болѣе таютъ

Приложившись къ св. Евангелію, царь шествовалъ съ патріархомъ по срединѣ храма и съ правой стороны амвона входилъ на солею, гдѣ уже стояли высшіе чины синклита. Царь, войдя съ патріархомъ на солею, становился предъ св. вратами, въ которыя входилъ патріархъ и возлагалъ Честной Крестъ на св. престолъ; между тѣмъ царь отдавалъ свою свѣчу препозиту и бралъ у него другую, съ которою и молился, по обыкновению, предъ св. вратами, потомъ возвращалъ свѣчу препозиту, а самъ, приложившись къ св. вратамъ, входилъ въ алтарь, подходилъ къ св. престолу, прикладывался къ Честному Кресту и покрову св. престола, кадилъ вокругъ престола и выходилъ опять на солею, гдѣ, взявши у препозита свою свѣчу, съ нею становился на третьей или четвертой ступени амвона ¹⁾. Высшіе чины кувуклія становились на солею, предъ царемъ, а евнухи протоспаеаріи налѣво отъ амвона, на возвышеніи, а сзади ихъ маглавиты; они стояли такъ, что преграждали путь между амвономъ и солеєю, чтобы никто не могъ пройти между амвономъ и солеєю, предъ царемъ.

Когда царь и чины занимали такимъ образомъ свои мѣста, изъ алтаря патріархъ выносилъ Честной Крестъ и входилъ съ нимъ на амвонъ. Царь отдавалъ препозиту свою свѣчу и бралъ у него другую, молитвенную, съ которой и стоялъ все время, пока патріархъ совершалъ поднятіе Честнаго Креста на четырехъ сторонахъ амвона, при гѣвнн соответствующихъ пѣснопѣвнн и „Господи, помилуй“ ²⁾ по сотницѣ при каждомъ подъемѣ и опусканіи Креста.

отъ вѣтра и плавутъ. Чтобы тающій воскъ не попадалъ на руки и платье, употребляли свѣчи, рукоятки которыхъ снабжены были чашечками, въ родѣ нашихъ розетокъ. Къ сожалѣнію, въ довольно многочисленныхъ обрядахъ, въ которыхъ описываются крестные ходы, не обозначается, какія собственно *κρῖα λτανίγια* употреблялись въ данномъ случаѣ, *ὑποφάλα* или *ἀνευ φάλακων*, такъ какъ свѣчи, съ которыми шли, называются просто *κρῖα λτανίγια* (напр. I, 19, 117, строка 7; I, 21, 120; I, 30, 164; I, 10, 74, гдѣ свѣча называется *κρῖοδτανίγιον*, т. е. *κρῖοδτανίγιον* = *κρῖοδτανίγιον*).

¹⁾ Царь съ патріархомъ совершаютъ такой же входъ, какъ во время литургіи, причѣмъ, кромѣ креста, а въ Воздвиженіе Животворящаго Древа, въ алтарь вносились Евангеліе. До этого входа, утренняя совершалась, вѣроятно, въ притворѣ и вмѣстѣ съ патріархомъ и царемъ входилъ въ храмъ боковыми дверьми наредъ. Порядокъ утрени, безъ сомнѣнія, значительно отличался отъ позднѣйшаго и нашего нынѣшняго: за входомъ, который происходилъ при пѣвнн «Слава въ вышнихъ Богу» слѣдовало Евангеліе, какъ послѣ малаго входа во время литургіи. Въ Крестовоздвиженіе ему предшествовалъ обрядъ воздвиженія Животворящаго Древа, который и нынѣ совершается прямо послѣ «Слава въ вышнихъ Богу». Объ утреннемъ входѣ и древнемъ порядкѣ утрени см. уже названную выше (стр. 144 прим. 1) статью покойнаго проф. Мансветова О пѣсенномъ послѣдованіи (стр. 996—1010).

²⁾ Обрядъ «воздвиженія креста», которое у насъ совершается во время всенощной подъ Воздвиженіе, излагается въ Уставѣ церковномъ. Совершается онъ, какъ объяснено въ Минологіи Василія подъ 14 сентября, въ память обрѣтенія св. Еленою Животворящаго Древа. Когда подлинность Животворящаго Креста была доказана воскресеніемъ мертваго отъ прикосновенія къ нему найденаго Креста Господня, произошло огромное стеченіе

По окончаніи обряда поднятія Честнаго Креста, царь и патріархъ сходили съ амвона и входили въ алтарь. Патріархъ возлагалъ Честной Крестъ на св. престоль, царь молился и прикладывался къ Честному Кресту, а затѣмъ, сопровождаемый патріархомъ, выходилъ боковою дверью изъ алтаря и шель къ св. Кладезю, гдѣ откланивался патріарху и цѣловался съ нимъ на прощаніе.

Отъ св. Кладезя царь шель чрезъ Хитъ, Халку, Школы, Консисторію, Августей, Апсиду, Триконхъ и галлерію 40 мучениковъ въ Христориклинъ. Сопровождаемый кувукліемъ и предшествуемый по обыкповенію синклитомъ, царь шель, слѣдовательно, обратно совершенно такъ же ¹⁾,

парода, который желалъ видѣть и облобызавъ Крестъ. Патріархъ Макарій, чтобы показать Крестъ народу, взялъ его и поднялъ вверхъ, надъ головою, при чемъ весь народъ воскликнулъ: «Κύριε ἑλέησον, Господи, помилуй». Въ память этого момента и совершается поднятіе Креста на все страны свѣта при пѣніи: «Господи, помилуй». Обрядъ воздвиженія креста установленъ былъ, вѣроятно, первоначально въ Иерусалимской церкви, откуда онъ распространился по другимъ церквамъ греческаго міра. Во всякомъ случаѣ установленіе его нельзя приписывать времени Ираклія и возводить, какъ причинѣ и началу, къ возвращенію въ Иерусалимъ плѣннаго персами Животворящаго Древа; такъ какъ встрѣчаются извѣстія о совершеніи этого обряда раньше времени Ираклія не только въ Иерусалимѣ, но и въ Константинополѣ (582 г.). Обрядъ возникъ, по всей вѣроятности, въ храмѣ св. Креста, построенномъ Константиномъ Великимъ, и совершался въ день освященія этого храма, 14 сентября. См. Kraus, Realencykl. d. christl. Alterthum. I, 495 s. v. Feste, Exaltatio s. Crucis и II, 248 s. v. Kreuzverehrung, гдѣ воспроизведенъ рисунокъ обряда воздвиженія креста по Минологию Василия.

Не считая возможнымъ входить здѣсь въ подробности церковнаго обряда Крестовоздвиженія, я ограничусь указаніемъ двухъ древнѣйшихъ редакцій этого обряда, какъ онъ совершался въ Великой Церкви, т. е. св. Софіи Константинопольской, на основаніи справки, сдѣланной для меня доцентомъ Киевской Духовной Академіи А. А. Дмитріевскимъ. По словамъ г. Дмитріевскаго, первое мѣсто между обрядами Крестовоздвиженія въ Великой Церкви принадлежитъ отрывку изъ Устава Великой Церкви, переведеннаго Новгородскимъ владыкою Климентомъ († 1299 г.). Отрывокъ этотъ изданъ по рукописи XIII в. въ книгѣ А. Попова: Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати библиотеки А. И. Хлудова, Москва, 1875; на стр. 13—18 мы имѣемъ начало Устава съ 1 сентября, но только до 14, отъ котораго остались только двѣ строки, потому интереснаго для насъ въ данномъ случаѣ обряда выноса Животворящаго Древа съ катихуменій и входа въ храмъ чрезъ западныя, красныя врата мы здѣсь не имѣемъ. (Отрывокъ этотъ переизданъ съ нѣкоторыми новыми добавленіями г. Дмитріевскимъ въ его послѣдней книгѣ: Современное Богослуженіе на Православномъ Востокѣ, Киевъ, 1891, стр. 56—57). За этимъ отрывкомъ слѣдуетъ чинъ Воздвиженія въ Уставѣ Константинопольскаго патріарха Алексѣя (1025—1043), извѣстномъ по слав. рукописному переводу, находящемуся въ Моск. Синод. Библиотекѣ № 380. О чинѣ Воздвиженія по этому уставу сообщаются краткія свѣдѣнія въ «Описаніи слав. рук. М. Синодальной Библ.», отд. III, ч. I, М. 1869, стр. 249, а болѣе обстоятельныя въ статьѣ преев. Амфилохія, помѣщенной въ Чтеніяхъ Общества любителей Дух. Просвѣщенія за 1872 годъ, кн. VIII, стр. 66—74.

¹⁾ Только обычныхъ при возвращеніи изъ храма славословій со стороны партій Ипподрома не происходило. Приемы димовъ ограничивались тѣмъ, что у малой двери Халки, т. е. при выходѣ царя изъ Хита, стояли Прасины и осѣняли царя крестнымъ знаменіемъ, пока онъ шель до Халки, гдѣ, при шествіи царя чрезъ Халку, дѣлали то же самое Венеты (I, 22, 127).

*

какъ онъ возвращался обыкновенно изъ храма св. Софїи, при чемъ въ Консисто́рїи ему откланивался синклитъ въ тѣсномъ смыслѣ и говорилъ хоромъ: „па многія и счастливыя времена да продлитъ Богъ святое царство твое“; въ Оноподѣ дѣлалъ тоже самое церемоніарій съ силенціаріями, веститорами и пр.; въ Золотой Рукѣ царю откланивались высшіе чины синклита; чрезъ Августей до Сигмы Триконха царь шелъ въ сопровожденіи кувуклія, маглавитовъ и этеріи; здѣсь откланивались царю маглавиты и этеріоры, а въ Хрисотриклинѣ кувуклій, послѣ многолѣтія котораго царь молился предъ иконою Спасителя, снималъ плащъ и входилъ въ Китонъ.

Обычнаго ежедневнаго собранія чиповъ и утренняго приема въ этотъ день не бывало.

Совершенно такимъ же путемъ цари шли въ храмъ св. Софїи и возвращались оттуда въ Недѣлю Православія. Но такъ какъ въ Недѣлю Православія цари ходили въ храмъ св. Софїи не во время утрени, какъ въ Крестовоздвиженіе, а послѣ оной, предъ литургіею, и встрѣчали крестный ходъ, совершавшійся патриархомъ съ константинопольскимъ духовенствомъ, то, при одинаковомъ шествіи въ храмъ и обратно, выходы эти отличаются одинъ отъ другаго дѣйствіями царей въ храмѣ.

Дѣло въ томъ, что въ первое воскресенье Великаго Поста, въ память возстановленія иконопочитанія при Михаилѣ III и Θεодорѣ (842), совершался установленный тогда же крестный ходъ изъ Влахернскаго храма въ храмъ св. Софїи ¹⁾).

Наканунѣ этого праздника, т. е. въ субботу первой недѣли Великаго Поста, вечеромъ патриархъ съ митрополитами, архіепископами, находившимися во время этого праздника въ Константинополѣ, съ духовенствомъ св. Софїи и духовенствомъ прочихъ Константинопольскихъ церквей и монахами городскихъ и пригородныхъ монастырей отправлялся во Влахернскій храмъ, т. е. храмъ пресв. Богородицы, находившійся близъ Вла-

¹⁾ Извѣстія о соборѣ, возстановившемъ иконопочитаніе, весьма обстоятельно разобраны и подробно изложены въ самое послѣднее время проф. *Θ. Ι. Успенскимъ* въ январской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1891 годъ, гдѣ приняты во вниманіе и изданныя въ маѣ сего года г. Регелемъ греческіе тексты, относящіеся къ возстановленію иконопочитанія (*Analecta Byzantino-Rossica*, 1891, p. 1—43), т. е. 1) *Βίος καὶ σὺν ἐγκωμίῳ τῆς μαχ. καὶ ἁγίας Θεοδώρας*, 2) о прощеніи грѣховъ царю Θεοφилу и 3) *περὶ τῶν ἀγαθουργιῶν Θεοφίλου τοῦ βασιλέως*. (Въ книгѣ г. Регеля заглавіе первой статьи исправлено въ *Βίος καὶ σὺν ἐγκωμίῳ*. Съ точки зрѣнія средневѣковаго греческаго языка, эта поправка едва ли необходима; она сдѣлана, очевидно, съ точки зрѣнія класс. греч. языка, для избѣжанія очень обычнаго въ средневѣковомъ греч. языкѣ сочетанія *καὶ σὺν* или *καὶ μετὰ* вмѣсто одного *σὺν*, *μετὰ*, причемъ *καὶ* иногда ставится послѣ предлога, напр. *Сег. I, 1, 12—13; I, 2, 35*. Ср. мой обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 135—137, гдѣ приведено нѣсколько такихъ примѣровъ).

хернскаго Дворца, въ сѣверо-восточномъ углу Константинополя. Здѣсь патріархъ съ духовенствомъ совершалъ всенощное бдѣніе, а послѣ утрени все это духовенство съ патріархомъ во главѣ совершало торжественный крестный ходъ изъ Влахернскаго храма къ храму св. Софіи ¹⁾).

Царь съ своимъ синклитомъ встрѣчалъ патріарха и выходилъ на встрѣчу крестному ходу, когда шествіе приближалось къ западному фасаду двора св. Софіи. Для этого царь предъ обѣденою выходилъ изъ Христотриклина въ скарамангій и плащъ и чрезъ Діаватики Господа и Магнавы, какъ въ Крестовоздвиженіе, сопровождаемый только ближайшими и высшими чинами, проходилъ прямо въ правыя катихуменіи храма св. Софіи, молился здѣсь со свѣчею въ рукѣ, затѣмъ входилъ въ одно изъ помѣщений верхняго мутаторія, примыкавшаго къ Патріаршимъ Палатамъ, и, преоблачившись тамъ въ бѣлый дивитисій, дожидался доклада о приближеніи патріарха съ крестнымъ ходомъ. Между тѣмъ чины какъ кувуклія, такъ и синклита тоже облачались въ соответствующія ихъ рангу простыя бѣлыя облаченія и собирались въ Большой патріаршей Палатѣ. Когда царю докладывали о приближеніи крестнаго хода, онъ облачался въ бѣлую хламиду и выходилъ въ Большую патріаршую Палату; собравшіеся здѣсь

---

¹⁾ Крестные ходы въ Недѣлю Православія совершались съ самаго начала этого праздника. По утвержденіи иконопочитанія соборомъ, съ субботы на воскресенье первой недѣли Великаго Поста во Влахернскомъ храмѣ велѣмъ соборомъ въ присутствіи царицы совершено было всенощное бдѣніе (*πάνυχος ἑρμηνεία*), а поутру крестный ходъ въ храмъ св. Софіи (*Theoph. Contin. 154, Syn. Mag. p. 651 Bonn.*). Но читался ли синодикъ, который въ XI в. несомнѣнно читался, въ обрядѣ Придворнаго Устава не говорится. Проф. *Θ. И. Успенскій*, какъ въ своей статьѣ о Соборѣ 842 года (*Журн. Мин. Нар. Просв., 1891, январь, стр. 73 слѣд.*), такъ и въ статьѣ о Синодикѣ въ Недѣлю Православія (*ibid., апрѣль, стр. 267 сл.*) говоритъ о чтеніи синодика въ Недѣлю Православія съ 842 года, какъ о фактѣ, не подлежащемъ сомнѣнію, хотя положительныхъ доказательствъ въ пользу этого не представляетъ и разобранныя имъ редакціи греч. синодиковъ дальнѣе XI вѣка не восходятъ. Въ виду умолчанія въ разсматриваемомъ нами обрядѣ Придворнаго Устава о чтеніи синодика, которое, какъ особенность этого праздника, было бы вѣроятно упомянуто, если бы оно дѣйствительно происходило обыкновенно въ этотъ день, можно сомнѣваться въ томъ, что синодикъ читался съ самаго начала, т. е. съ 842 года. Это сомнѣніе было сообщено мною почтенному профессору, который въ письмѣ ко мнѣ совершенно справедливо говоритъ, что вопросъ о томъ, читался или не читался синодикъ въ недѣлю Православія въ IX и X вв. можетъ быть разрѣшенъ на основаніи древнихъ церковныхъ уставовъ и синаксарій. «Еще въ IX в. въ церкви былъ обычай проклинать еретиковъ въ день памяти каждаго вселенскаго собора. Весьма можетъ быть, что IX в. иконоборцевъ проклинали въ день памяти VII вселенскаго собора». Весьма вѣроятно, что предположеніе проф. Успенскаго основательно и вѣрно, но, въ виду умолчанія объ этомъ въ Придворномъ Уставѣ, желательно было бы найти положительныя указанія. Чтеніе синодика въ присутствіи царя въ позднѣйшее время подтверждается замѣчаніемъ *Бодина, У К о д и н а*, который очень кратко говоритъ о выходахъ позднѣйшихъ царей въ разные городскіе храмы и монастыри, относительно Недѣли Православія сказано, что царь въ этотъ день ходилъ въ св. Софію и, когда читался синодикъ, стоялъ, а когда говорились славословія (въ честь царя), сидѣлъ на своемъ тронѣ (*de offic., c. XVI, p. 82*).

чины синклита падали ницъ при входѣ царя, затѣмъ вставали, а препозитъ „бралъ знакъ“ отъ царя и давалъ знакъ церемоніарію, который, стоя посреди двухъ чиновъ, возглашалъ „повелите“; въ отвѣтъ на это чины хоромъ говорили: „на многія и добрыя времена да продлитъ Богъ святое царство твое“. Послѣ этого всѣ брали свѣчи съ ручками и чашечками внизу (*κηρία ὑποφάλα*) и царь съ синклитомъ шествовалъ по правымъ катихуменіямъ къ большой витой лѣстницѣ, спускался по ней, проходилъ черезъ дидакалій, но не входилъ, какъ въ Крестовоздвиженіе, въ великій нарѣикъ черезъ красныя врата, а, сойдя во дворъ св. Софіи, поворачивалъ налѣво ¹⁾ и направлялся черезъ дворъ св. Софіи къ западной стѣнѣ двора и черезъ большую дверь выходилъ въ аѳиръ, гдѣ и спускался по ступенямъ, при возгласахъ церемоніарія: „смотрите, Владыкѣ“. Здѣсь дожидался царя патріархъ съ крестнымъ ходомъ; царь прежде всего молился со свѣчею въ рукѣ, потомъ прикладывался ко кресту, подносимому патріархомъ, и Евангелію, подносимому архиѳакономъ, а затѣмъ уже расцѣловался и цѣловался съ патріархомъ.

Встрѣтивъ такимъ образомъ крестный ходъ, царь съ синклитомъ возвращался впереди крестнаго хода въ нарѣикъ св. Софіи. При этомъ шествіи церемоніарій запѣвалъ тропарь: „Истинныхъ догматовъ...“, а всѣ чины синклита и царь подпѣвали и съ пѣніемъ его доходили до нарѣика. Прибывъ въ нарѣикъ, царь садился здѣсь и дожидался прибытія сюда патріарха съ своимъ крестнымъ ходомъ. Когда въ нарѣикъ входилъ патріархъ съ духовенствомъ, царь вставалъ и рядомъ съ патріархомъ становился предъ царскими вратами, бралъ у препозита свѣчу, молился и, отдавши препозиту свѣчу, прикладывался снова къ кресту и евангелію.

Патріархъ между тѣмъ совершалъ молитву малаго входа, по окончаніи которой царь и патріархъ, взявшись за руки, царь справа, а патріархъ слѣва, шли по срединѣ храма, обходили съ правой стороны амвонъ, входили на солею; патріархъ входилъ въ алтарь и становился предъ царскими вратами, бралъ свѣчу у препозита, молился предъ св. вратами и прикладывался къ нимъ; но въ алтарь въ прежнее время царь не входилъ, а отъ св. вратъ по правой сторонѣ соли и храма шелъ въ свой Мутаторій, снималъ тамъ хламиду и слушалъ литургію, но не выходилъ изъ Мутаторія ни для участія въ великомъ входѣ (перенесеніи св. даровъ), ни для цѣлованія, а выходилъ только для причастія св. Таинъ, которое, безъ со-

¹⁾ Въ обрядѣ (I, §8, 158) указана для болѣе точнаго обозначенія пути подробность, которую, за неимѣніемъ указаній въ другихъ мѣстахъ, разьяснить трудно, а именно въ обрядѣ сказано, что „царь, сойдя по лѣстницѣ, не заходитъ въ большой нарѣикъ, ἀλλὰ ἐκνεύσας ἀριστερόν ἐπὶ τὸ μέγατον, ἀπὸ τοῦ τριγώνου... καὶ κατέρχεται τὰ γράδια τοῦ ἀθύρου.“

мѣнїи, совершалось совершенно такимъ же образомъ, какъ и въ большіе Господніе праздники. По окончаніи литургіи царь приглашалъ патріарха въ Мутаторій, откуда они оба шли въ св. Бладезь, гдѣ царь по обыкновению прощался съ патріархомъ и цѣловался. Изъ св. Бладезя царь чрезъ Хитъ Халки шелъ во Дворецъ совершенно такъ же, какъ въ Великую Субботу и Крестовоздвиженіе. При этомъ шестви царей, вѣроятно, встрѣчали и провожали въ двухъ мѣстахъ крестнымъ знаменіемъ димы Ишподрѡма, какъ въ Крестовоздвиженіе; быть можетъ, даже и славословили по одному разу отъ каждой партіи, какъ въ Великую Субботу, но объ этомъ въ обрядѣ не упоминается.

По возвращеніи во Дворецъ, устраивался клиторій, т. е. приглашеніе чиновъ къ обѣду, который совершался какъ въ первое празднованіе Недѣли Православія, такъ и въ послѣдующіе годы, подобно всѣмъ другимъ праздникамъ, въ которые совершались выходы или выѣзды царей въ храмы и въ которые обыкновенно, по возвращеніи во Дворецъ, бывалъ у царя парадный обѣдъ.

Такой порядокъ царскаго выхода въ Недѣлю Православія существовалъ съ перваго празднованія этого событія при Θεодорѣ и Михаилѣ, а, быть можетъ, и при Василии Македонянѣ. Но потомъ въ обрядѣ царскаго выхода сдѣланы были нѣкоторыя видоизмѣненія. Эти нововведенія касались какъ дѣйствій царя въ храмѣ, такъ и обѣда послѣ литургіи. По новому порядку, царь, совершивъ вмѣстѣ съ патріархомъ входъ въ храмъ и дойдя до св. вратъ, не уходилъ отъ нихъ въ Мутаторій, а входилъ, по обычаю другихъ праздниковъ, въ алтарь, прикладываясь къ покрову св. престола, кадилъ вокругъ св. престола и, раскланявшись съ патріархомъ, уходилъ изъ алтаря боковымъ ходомъ, но не въ Мутаторій нижняго этажа, гдѣ онъ обыкновенно слушалъ литургію, а поднимался по витой лѣстницѣ, находившейся за алтарною конхою, въ катихуменіи правой стороны, входилъ въ прилегавшій къ нему Мутаторій, снималъ, при участіи веститоровъ, хламиду и въ дивитисіи слушалъ литургію, до Евангелія и слѣдующей за симъ ектеніи. Послѣ этого къ царю входилъ стольникъ съ атриклинами и царь дѣлалъ распоряженіе о приглашеніи тѣхъ или другихъ чиновъ синклита къ столу, имѣвшему быть у патріарха, что на языкѣ Придворнаго Устава называется „устроить клиторій“ (στοιχεῖν τὸ κλητορίου). Распорядившись такимъ образомъ относительно приглашенія къ столу, царь выходилъ изъ своего Мутаторія и переходилъ въ патріаршій Мутаторій, снималъ тамъ дивитисій и, облачившись въ скарамангій, дожидался тамъ конца литургіи и прихода патріарха. Въ это время атриклины выходили къ чинамъ, собравшимся также въ помѣщеніяхъ, прилегавшихъ къ катиху-

меніямъ, быть можетъ въ Большой Палатѣ патріаршей, и объявляли имена приглашенныхъ, послѣ чего препозитъ дѣлалъ распоряженіе объ отпускѣ чиновъ и церемоніарій объявлялъ отпускъ (*δίδουται μίνα*). Чины синклита, не приглашенные къ столу, получивши отпускъ, расходились, кто куда хотѣлъ, а приглашенные оставались въ ожиданіи конца литургіи и обѣда съ царемъ и патріархомъ.

По окончаніи литургіи, царь приказывалъ препозитамъ пригласить патріарха; препозиты передавали распоряженіе это силенціаріямъ, которые и отправлялись приглашать патріарха. Сами препозиты между тѣмъ сходили внизъ той витой лѣстницы, по которой долженъ подниматься патріархъ въ катихуменіи и, съ приближеніемъ патріарха, вставали, привѣтствовали его, цѣловали ему руку и, взявши подъ руки, вели наверхъ и доводили до комнаты, сосѣдной съ той, въ которой сидѣлъ царь. Препозитъ входилъ къ царю и докладывалъ, что патріархъ прибылъ; царь, приказавши ввести патріарха, вставалъ и при входѣ патріарха раскланивался съ нимъ и цѣловался. Побесѣдовавши немного съ царемъ, патріархъ выходилъ въ сосѣднее помещеніе, снималъ свое церковное облаченіе и, войдя опять къ царю, приглашалъ его къ столу, затѣмъ пройдя въ залу, гдѣ былъ приготовленъ столъ, садился за него съ царемъ, послѣ чего приглашались къ столу заранѣе обозначенные и приглашенные атриклинами чины. По окончаніи завтрака, чины вставали и выходили, а затѣмъ вставали царь и патріархъ и шли до спуска царей по деревянной лѣстницѣ въ діаватики, которыя вели къ Магнаврѣ. Патріархъ давалъ, безъ сомнѣнія, царю просфору и благовоннаго масла, послѣ чего царь раскланивался съ патріархомъ, цѣловался съ нимъ и возвращался тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ въ храмъ, т. е. по переходамъ отъ св. Кладезя чрезъ Магнавру, Храмъ Господа, Триконхъ, діаватики 40 мучениковъ въ Хрисотриклинь. Въ этомъ шествіи сопровождали царя только чины кувуклія, маглавиты и этерія; царь возвращался „тайно“ (*μυστικῶς*), не сопровождаемый чинами синклита, и шелъ не парадными залами, а тайными переходами ¹⁾.

1) Въ концѣ этого обряда замѣчено, что высшіе чины синклита: магистры, препозиты и патрикіи получали свѣчи для крестнаго хода съ царемъ изъ экономіи патріарха, а при патріархѣ Теофилактѣ, сынѣ Романа, имъ давались еще и благовонныя куренія. Кромѣ того, при этомъ патріархѣ, послѣ завтрака, царю и чинамъ въ той части Патріаршихъ палатъ, гдѣ былъ домовый храмъ св. Теофилакта, подавался десертъ для царей, магистровъ, препозитовъ и другихъ высшихъ чиновъ, которыхъ цари соблаговолили пригласить къ завтраку въ Патріаршихъ палатахъ (I, 28, 160). Замѣчаніе это сдѣлано, очевидно, послѣ смерти патріарха Теофилакта (856 г.), такъ какъ объ этомъ угощеніи говорится въ прошедшемъ времени; но самое измѣненіе обряда въ той его части, которая слѣдовала за входомъ въ храмъ до св. вратъ, сдѣлано, несомнѣнно, гораздо раньше;

Когда именно введенъ былъ этотъ новый порядокъ, по которому цари входили въ Недѣлю Православія въ алтарь, а оттуда прямо поднимались въ катихуменіи, сказать трудно; но можно навѣрно сказать, что онъ уже введенъ былъ до 900 года, такъ какъ въ клиторологіи атриклина Филоея, написанномъ въ этомъ году, слушаніе царемъ литургіи въ катихуменіяхъ только до Евангелія включительно и завтракъ въ Патріаршихъ палатахъ является уже порядкомъ, обычнымъ для этого праздника.

Такъ какъ Левъ Мудрый производилъ, какъ мы видѣти (см. стр. 231 и слѣд.) и другія измѣненія въ обрядахъ выходовъ, то весьма вѣроятно, что и измѣненіе въ обрядѣ выхода въ Недѣлю Православія произведено именно Львомъ Мудрымъ въ началѣ своего царствованія, такъ что къ 900 году, когда Филоей составлялъ свой клиторологій, измѣненіе обряда, сдѣланное Львомъ Мудрымъ, считалось уже обычнымъ.

такъ какъ въ началѣ замѣтки объ этомъ измѣненіи обряда относительно прежняго порядка, по которому цари отъ св. вратъ шли въ Мутаторій внизу и слушали литургію, сказано, τὸ παλαιὸν ὁ τοιοῦτος τύπος ἦν ὡς δὲ βασιλεὺς κτλ. (I, 28, 159). Если мы сравнимъ, что говорится относительно этого праздника въ перечнѣ парадныхъ облаченій (I, 37, 191) и въ клиторологіи атриклина Филоея (II, 52, 761), то мы убѣдимся, что во время написанія какъ перечня облаченій, такъ и клиторологій этотъ новый порядокъ уже существовалъ, такъ какъ въ обоихъ этихъ мѣстахъ говорится о томъ, что царь послѣ входа въ храмъ съ патріархомъ уходилъ (черезъ алтарь) въ катихуменіи наверхъ и слушалъ только Евангеліе, а потомъ завтракалъ въ одной изъ Патріаршихъ палатъ. А свой клиторологій Филоей окончилъ въ 900 году и, по его прямому заявленію, излагалъ въ немъ порядки, существовавшіе при Львѣ Мудромъ и Александрѣ, который былъ при братѣ вторымъ царемъ или, какъ тогда говорили, малымъ (Сегіи. II, 52, 704). Выраженіе τὸ παλαιόν, слѣдовательно, относится ко времени до царствованія Льва Мудраго и во всякомъ случаѣ до 900 года. А между тѣмъ схолій къ началу замѣтки объ измѣненіи обряда (I, 28, 159) говоритъ: τοῦτο (т. е. новый порядокъ) ἔσχατον ἐτοπώθη. Если понимать здѣсь ἔσχατον въ смыслѣ: «въ самое послѣднее время», то нужно думать, что замѣтка относительно утѣщенія десертномъ при патріархѣ Теофилактѣ сдѣлана гораздо позднѣе приписки объ измѣненіи обряда или авторъ схоліи, если онъ сдѣлалъ свое замѣчаніе послѣ замѣтки относительно утѣщенія при Теофилактѣ, самъ не зная, когда сдѣлано измѣненіе. Вѣрнѣе кажется, схолій τοῦτο ἔσχατον ἐτοπώθη понимать въ первомъ смыслѣ: т. е. полагать, что эта замѣтка сдѣлана гораздо раньше прибавки относительно патріарха Теофилакта. Между тѣмъ какъ эта послѣдняя могла быть сдѣлана въ послѣдніе годы царствованія Константина VII, вѣроятно, при составленіи Устава, схолій τοῦτο ἔσχατον ἐτοπώθη написанъ, быть можетъ, векорѣ послѣ сдѣланныхъ Львомъ VI измѣненій въ обрядѣ Недѣли Православія и вмѣстѣ съ обрядомъ занесенъ въ Придворный Уставъ, при внесеніи въ него сборника праздничныхъ выходовъ, состоящаго изъ 9—36 гл. первой книги Придворн. Устава. Кстати можно замѣтить здѣсь, что поправка Reiske I, 28, 160, строка 16 μετὰ τῶν τῆς τραπέζης вмѣсто чтенія рукописи: μετ' αὐτῶν τῆς τραπέζης совершенно неумѣстна, такъ какъ при такомъ чтеніи вышло бы, что патріархъ садится съ столъниками (οἱ τῆς τραπέζης), между тѣмъ какъ текстъ гласитъ, что патріархъ, снявши облаченіе и пригласивши царей, садится съ ними за столъ (ἐκβαλὼν ὁ πατριάρχης τὰ ἀλλαγίματα αὐτοῦ, λαβὼν τοὺς δεσπότας, ἐξελθὼν ἀκχομίζει μετ' αὐτῶν (cod. et ed.) τῆς τραπέζης (чит. ἐπὶ τῆς τραπέζης). т. е. съ царями за одинъ столъ, какъ это обыкновенно бывало, а не съ столъниками, которые во время обѣдовъ царскихъ прислуживали за столомъ, а не сидѣли. да еще съ патріархомъ.

Въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста византійскіе цари имѣли обычай говорить чинамъ и представителямъ городского населенія поученіе о томъ, какъ нужно соблюдать и проводить хорошимъ и благочестивымъ христіанамъ Великій Постъ ¹⁾.

Для выслушиванія этого поученія, послѣ ежедневнаго приѣма, въ 3-мъ часу дня (= 9-мъ по нашему) въ Лавзіакѣ чинамъ синклита объявлялось (*διδόται μεταστάσιμον*) ²⁾, чтобы они переходили изъ Лавзіака въ Магнавру, куда они и уходили, и становились тамъ въ тронной залѣ въ два ряда, ниже ступеней троннаго возвышенія, по направленію отъ востока къ западу, причемъ, понятно, магистры и патрикии становились ближе къ ступенямъ, а слѣдующіе чины дальше ³⁾. Сюда прихо-

¹⁾ Обрядъ выхода въ этотъ день въ Магнавру и затѣмъ въ св. Софію изложенъ Cerim. II, 10, 545—548. Кроме того, этотъ же обрядъ вкратцѣ изложенъ I, 27, 155, въ приложеніи къ обряду Срѣтенія, чтобы показать, какъ должно поступать, если Срѣтеніе случится въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста. На этотъ обычай указываютъ и некоторые историческія свидѣтельства. Такъ, относительно Льва Мудраго рассказываютъ, что предъ Великимъ Постомъ онъ такъ заболѣлъ, что едва могъ держать обычную рѣчь въ Магнаврѣ въ понедѣльникъ 1-й недѣли, согласно съ царскимъ уставомъ (*κατὰ τὸν βασιλικὸν τόπον*). При этомъ Левъ высказалъ опасеніе, что онъ не доживетъ до Пасхи, и заказывалъ синклиту поддерживать и защищать его жену, Зою, и сына, Константина. Въ отвѣтъ на это синклитъ, со слезами на глазахъ, клятвенно обѣщавъ всѣми силами защищать Зою и Константина и, «отдавши царю послѣднее дѣлованіе, вышелъ». Хотя Левъ и дожилъ до Пасхи, но не долго спустя послѣ Пасхи скончался 11 мая 912 года (Georg. Cedreni (Скилица) Histor. Compr. II, 273 Bonn. Cp. Theoph. Contin. p. 377; Syn. Mag. p. 715; Georg. Mon., p. 794 Muralt). Между тѣмъ какъ у Кедрина = Скилицы сказано, что Левъ μόλις... ἐδυνήθη τὴν συνήθη ποιήσασθαι δημηγορίαν, у Георгія Монаха мы читаемъ уже ὥστε μὴ δυνήσθαι ἐξελθεῖν ἐν τῇ Μαγάρῃ τὴν δημηγορίαν διαλαλήσαι ἐν τῇ ἀρχῇ τῶν υἱοῦν.

²⁾ По прибавленію къ Срѣтскому обряду, чинамъ объявляется о переходѣ въ Магнавру въ 1-мъ часу дня, а не въ 3-мъ, какъ значится въ спеціальному обрядѣ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста. Эта разница во времени, безъ сомнѣнія, произошла отъ того, что въ спеціальному обрядѣ имѣется въ виду обыкновенный, простой день (*ἡ πρώτη ἡμέρα*), когда по утру происходилъ ежедневный утренній цѣлемъ, а послѣ него уже цари приказывали чинамъ переходить въ Магнавру, а вслѣдъ за симъ шли и сами туда же. Въ прибавленіи къ Срѣтскому обряду, напротивъ, имѣется въ виду большой праздникъ, въ который ежедневнаго приѣма не бывало, но за то бывалъ выѣздъ во Влахернскій храмъ. Чтобы успѣть сказать поученіе, послѣ него совершить выходъ въ храмъ св. Софіи, прослушать тамъ τὴν τριτοῦστην и затѣмъ, выйдя изъ храма св. Софіи и его атрия, сѣсть на лошадь и доѣхать до Влахернскаго храма къ началу литургіи, необходимо было, очевидно, начать обрядъ раньше, нежели въ обыкновенный день: иначе царь не успѣлъ бы прибыть во время во Влахернскій храмъ.

³⁾ Лабартъ (Palais, p. 186) приводитъ значительную часть обряда I, 10, 545 во французскомъ переводѣ, причемъ *διδόται μεταστάσιμον* переводитъ словами: «on donne ordre d'organiser la procession» и почему-то думаетъ, что чины становятся не въ самой залѣ, начиная отъ ступеней тронной конхи, а внизу ступеней портика, ведущаго въ Магнавру (см. прим. 8 на указ. стр. Palais), слѣдовательно, внѣ Магнавры. А царь, между тѣмъ, по словамъ того же Лабарта p. 187, становился для произнесенія поученія на верхней ступени тронной эстрады, въ восточной конхѣ. Такимъ образомъ выходитъ, что царь, стоя въ тронной конхѣ, говорилъ чинамъ, стоявшимъ внѣ залы, говорилъ въ пустой залѣ. Очевидно, это—явное недоразумѣніе, возникшее, вѣроятно, вслѣдствіе того, что Лабартъ принялъ ступени (*γυαδῆλα*), ведшія изъ возвышенной тронной конхи въ залу, за ступени,

дили друшгаріи виглы и флота съ своими подчиненными и занимали свои мѣста, а равно и катепанъ „царскихъ“ съ своими подчиненными. Кромѣ этихъ чиновниковъ и начальниковъ царской стражи и свиты, въ Магнавру приглашались представители разныхъ элементовъ городского населенія, въ томъ числѣ, по всей вѣроятности, и димы Ипподрома.

Пока вся эта масса чиновнаго и нечиновнаго народа собиралась и разстанивалась въ Магнаврѣ, цари въ скарамангіяхъ и золотой каймою обшитыхъ плащахъ выходили изъ Хрисотриклина, гдѣ они дѣлали до этого времени ежедневный пріемъ, въ дваватики 40 мучениковъ и, сопровождаемые кувукліемъ, шли въ Сигму или полукругъ Триконха, гдѣ ихъ привѣтствовали и присоединялись къ нимъ маглавиты, этерія и хрисотриклиниты ¹⁾. Сопровождаемые всѣми этими чинами ближайшей своей свиты, цари изъ Сигмы направлялись по переходамъ храма Господа къ этому храму, молились здѣсь со свѣчами въ рукахъ и шли дальше по переходамъ, ведшимъ отъ храма Господа къ Магнаврѣ чрезъ Сакеллу и Оатъ, а оттуда чрезъ узкій переходъ въ Магнавру. Здѣсь, войдя боковымъ ходомъ въ восточную правую камару, вѣроятно, закрытую отъ залы, гдѣ стояли чины и народъ, цари садились внизу этой камары на приготовленные для нихъ золоченыя кресла и дожидались, пока пренозиты приготовить все въ залѣ, необходимое для выхода царей, и разставить всѣхъ, явившихся въ собраніе при помощи церемоніаря и другихъ подчиненныхъ въ надлежащихъ мѣстахъ залы ²⁾. Когда цари сидѣли въ ожиданіи окон-

ведшія въ Магнавру снаружи. Что же касается выраженія *διδουσι μεταστάσιμον*, то оно означаетъ не организацію собранія, а перемѣну мѣста собранія чиновъ и, когда при Византійскомъ Дворѣ сохранялась еще отчасти латинская терминологія, вмѣсто *διδουσι μεταστάσιμον* въ обрядахъ перемѣну мѣста собранія выражали словами: *γίνετα transfer (Cerim. II, 51, 69)*.

¹⁾ Хотя въ обрядѣ (I, 10, 545) сказано, что цари идутъ въ Магнавру, *δηριζοόμενοι ἐπὶ τῆ τοῦ κουβουκλίου καὶ τῶν μαγλαβιτῶν καὶ τῆς ἐταρείας*, но такъ какъ дальше (р. 546) упоминаются и хрисотриклиниты въ числѣ стоящихъ вокругъ царя, то можно думать, что и они сопровождали царя, отъ Сигмы по крайней мѣрѣ, гдѣ вмѣстѣ съ маглавитами и этерією во время большихъ выходовъ обыкновенно привѣтствовали и присоединялись къ кувуклію и хрисотриклиниты. См. выше, стр. 48.

²⁾ Лабартъ (Palais, 188) почему-то полагаетъ, что правую камарою называется тронная конха, такъ какъ, по его мнѣнію, правую и лѣвою стороною царь, составлявшій обрядъ, называлъ тѣ стороны Магнавры, которыя приходились направо для него, когда онъ входилъ въ Магнавру съ южной стороны. Все это измышленія сомого Лабарта. Правую и лѣвою стороною въ Магнаврѣ, какъ въ Хрисотриклинѣ (см. Byzantina книга I, стр 27), называются правая и лѣвая сторона отъ главнаго входа, бывшаго въ Магнаврѣ, какъ въ Хрисотриклинѣ, на западной сторонѣ. Правая восточная камара, слѣдовательно, будетъ та, которая находилась у юго-восточнаго угла залы. Далѣе Лабартъ, принявши правую камару за тронную конху, совершенно невѣрно думаетъ, что царь, сидя внизу правой камары, сидѣлъ на тронѣ и пренозитъ вводилъ къ нему сановниковъ, стоявшихъ у наружной лѣстницы Магнавры. Ничего подобнаго въ текстѣ нѣтъ. Чины уже стояли въ залѣ и царь выходилъ къ нимъ изъ правой восточной камары, гдѣ онъ сидѣлъ на креслахъ,

чаниа приготовленій къ ихъ выходу, ихъ окружали весь кубуклій, маглавиты, этеріоты и хрисотриклиниты.

Препозиты между тѣмъ по ступенямъ, ведущимъ изъ тронной камары въ залу, разстанавливали съ обѣихъ сторонъ, т. е. въ два ряда, асикритовъ и нотаріевъ, которые, быть можетъ, должны были принимать участіе въ чтеніи рѣчи или поученія царя. На самой верхней ступени справа препозитъ становилъ логоѳета, протоасикрита и протопотарія, которые, стоя возлѣ самаго царя, могли хорошо слышать его рѣчь, если онъ считалъ нужнымъ сказать что нибудь, и громкимъ голосомъ передавать синклиту и всему собравшемуся народу слова царя или заранѣе приготовленную отъ его именную и написанную рѣчь ¹⁾.

и на тронъ въ тронной конхѣ не садился, а говорилъ стоя. Лабартъ смѣшиваетъ обрядъ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста съ обрядомъ приема пословъ въ Магнаврѣ. Предъ приѣмомъ пословъ царь дѣйствительно садился на тронъ и вводились чины чрезъ западную дверь (II, 15. 567). Въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста ничего подобнаго не было.

¹⁾ Изъ вышеприведеннаго разсказа о послѣдней рѣчи Льва VI къ синклиту въ 1-й день первой недѣли Великаго Поста видно, что Левъ былъ очень боленъ и слабъ, а между тѣмъ ему приходилось говорить въ самой большой палатѣ многочисленному собранію чиновъ и представителей города Константинополя. Потому а priori можно предположить, что рѣчь произносилъ не самъ Левъ, а одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, которые стояли около царя, т. е. логоѳетъ, протопотарій и протоасикритъ, при чемъ царь могъ или говорить одному изъ этихъ чиновниковъ то, что онъ хотѣлъ сказать собранію, а чиновникъ громко произносилъ сказанное царемъ, или чиновникъ произносилъ или читалъ отъ имени царя заранѣе приготовленное и написанное царемъ или чиновникомъ и утвержденное царемъ. Возможно и другое. Что царь не самъ произносилъ рѣчь даже и тогда, когда онъ былъ здоровъ, на это указываютъ довольно многочисленные факты, свидѣтельствующіе, что царь говорилъ въ большихъ собраніяхъ всегда чрезъ посредника (*διὰ μεσίτου*). Такъ, Юстиніанъ предъ возмущеніемъ Niza разговариваетъ съ Венетами и Прасинами чрезъ мандатора (Theoph. Chronogr. ed. de Boor, p. 182 сл.). Ариадна говорила рѣчь народу, собравшемуся въ Ипподромѣ, чрезъ *λιβελλήσιος* (= *libellensis*), точно такъ же какъ и Анастасій, послѣ избранія въ цари, возглашалъ народу свой манифестъ чрезъ *λιβελλήσιος*, который читалъ по *λιβελλάριον* (Const., Serim. I, 92, 418, 423; ср. I, 91, 411 и I, 93, 429, гдѣ сказано, что *λιβελλάριον* отъ имени Юстина, при восшествіи его на престолъ, «читался *παρὰ λιβελλήσιου*», потому что квестора на лицо не было, а магистръ (*magister officiorum*) Келеръ (*Κέλερ*) былъ боленъ ногами»). Если бы эти сановники были на лицо, то, слѣдовательно, манифестъ читали бы они. Ливелларіи во всѣхъ этихъ случаяхъ приносились готовыми и составлялись соответствующими чиновниками. Точно также составлялись обыкновенно чиновниками и рѣчи, которыя произносилъ царь въ собраніяхъ чиновъ (*στέφανος*) и потому Клиппамъ (Histog. I. VI, p. 290 Bonn.) отмѣчаетъ, какъ выходящій изъ ряду вонъ фактъ составленія рѣчи для произнесенія въ такомъ собраніи самимъ царемъ Мануиломъ Комниномъ (*ὁ βασιλεὺς αὐτὸς συνετάξατο λόγον, οὗ ὡσπερ εἶδιστο*), но читалъ рѣчь отъ имени царя въ собраніи всетаки асикритъ (Ср. Comment. Дюканжа, p. 396 и Reiske Comment. ad Serim. p. 231). По всей вѣроятности, и въ понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго Поста рѣчь отъ имени царя произносилъ одинъ изъ стоявшихъ на ступеняхъ восточной конхи чиновниковъ, вѣроятно, протоасикритъ или протопотарій, а потомъ асикритъ читалъ собственно поученіе о соблюденіи поста, какъ значитъ въ I, 27, 155 или, наоборотъ, сначала читалось поученіе, а потомъ говорилась рѣчь. Въ смыслѣ такого поученія нужно понимать, по всей вѣроятности, τὸ ἐπαναγωγιστικόν, которое царь поручаетъ читать асикриту (послѣ рѣчи къ народу, царь ἐπιτρέπει ἀσικρότην καὶ ἐπαναγινώσκει τὸ ἐπαναγωγιστικόν).

По срединѣ, между двумя рядами нотаріевъ и асикритовъ, стоявшихъ на ступеняхъ, разстился коверъ (*ἐπέουχιον*), отъ верхней ступени до нижней.

Когда такимъ образомъ всѣ занимали свои мѣста и все было приготовлено къ выходу царей, препозиторы отправлялись въ ту камару, въ которой сидѣли цари и, наклонивши голову установленнымъ способомъ, докладывали царямъ, что все готово и что пора выходить къ собравшимся. Приглашая царей вставать съ своихъ креселъ, препозиторъ приподнималъ немало руками свой плащъ, т. е. дѣлалъ царямъ приглашеніе вставать или подавалъ знакъ не голыми руками, что считалось неприличнымъ, а покрытыми плащемъ или спрятанными подъ нимъ.

Цари вставали, выходили изъ правой восточной камары въ тронную конху, съ возвышеннымъ поломъ, и, выйдя за рѣшетку или балюстраду, отдѣляющую восточную или тронную конху отъ залы, въ которой стояли собравшіеся чины и народъ, становились на коверъ (*ἐπέουχιον*¹⁾), на самой верхней ступени, на зеленой плитѣ. Какъ только цари становились на свое мѣсто, препозиторъ давалъ знакъ собравшимся и всѣ хоромъ возглашали: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство ваше“²⁾.

¹⁾ *Ἐπέουχιον*, уменьш. отъ *ἐπεουχή* (пишется также *ἀπεουχή*, а вмѣсто *ἐπέουχια* пишется *πεουχία*) означаетъ собственно коврикъ, который подстилался подъ ноги молящагося, особенно для молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, потому *ἐπέουχιον* означаетъ коверъ церковный, а затѣмъ вообще коверъ, какъ и въ нашемъ обрядѣ. Нѣсколько большихъ мягкихъ ковровъ, украшенныхъ разными узорами и вытканными птицами, похожими на павлиновъ, подарилъ для храма Новой Великой Церкви извѣстная въ жизни Василія Македонянина Пелопоннеская вдова Данилида. Рассказывая объ этомъ и описывая ковры, Константинъ Багрянородный, не называя прямо эти ковры *ἐπέουχια*, намекаетъ на это названіе этимологіею этого слова: ἀπέστειλε (Δανηλὶς) ναχοτάπητας μεγάλους, τοὺς παρ' ἡμῶν ἀπὸ τῆς εὐχῆς τὸ ἐπόνυμον φέροντας... Theoph. Contin. de Basil. Maced. c. 76, p. 319. Ср. Дюканъ жъ, Glossar. Gr. s. v. *ἐπεουχή* и *ναχοτάπητες* и Reiske, Comment. ad Constant. Cerim. p. 510.

²⁾ Въ I, 10, 546, строка 19—20 сказано: διὰ νεύματος τοῦ πραπισίτου λέγει ἅπας ὁ λαὸς πολυχρόνιον. Лабартъ (Palais, 187) переводитъ это мѣсто такъ: sur un signe du Préposé l'assemblée tout entière s'écrie: Polychronion. Приведа далѣе, согласно съ текстомъ, этотъ полихроній воплѣ, Лабартъ замѣчаетъ, что такова была формула восклицанія, которое называлось полихроніемъ. Совершенно вѣрно! А потому и нельзя переводить слова *λέγει πολυχρόνιον* словами *s'écrie: Polychronion*; *λέγει πολυχρόνιον* значитъ: говоритъ многолѣтіе, т. е. одну изъ формулъ многолѣтія, которыхъ было нѣсколько и которыя мы приводили въ предыдущихъ главахъ. Между тѣмъ, переводъ Лабарта можетъ подать поводъ думать, что народъ восклицаетъ одно это слово: многолѣтіе! Такъ и понялъ это Didron въ своей статьѣ: Le palais imp. de Constantinople, которая напечатана въ его Annales Archéologiques, tome XXI и въ которой Дидронъ реферируетъ содержаніе книги Лабарта о Дворцѣ. Здѣсь Дидронъ, между прочимъ, приводитъ (стр. 264—5) мѣсто изъ обряда понедѣльника первой недѣли Великаго Поста и послѣ Polychronion ставитъ уже знакъ восклицательный, такъ что выходитъ, что народъ будто бы восклицалъ: многолѣтіе! Но такого восклицанія никогда не произносилось, какъ видно изъ встрѣчавшихся намъ формулъ многолѣтія. Одна изъ этихъ формулъ только начинается словомъ: *πολυχρόνιον*, которая часто встрѣчалась намъ и прежде, разумѣется и здѣсь подъ *πολυχρόνιον* и

и Халку цари идутъ въ Хитъ Халки и по этой галлерей доходятъ до св. Кладезя св. Софіи, гдѣ, взявши зажженные свѣчи, молятся предъ св. Кладеземъ, потомъ прикладываются къ нему и шествуютъ на встрѣчу патріарху, который съ духовенствомъ стоялъ у южныхъ большихъ дверей изъ св. Кладезя въ св. Софію, въ томъ мѣстѣ, гдѣ полагался для прикладыванія честной крестъ. Патріархъ по обыкновенію кадиль подходящихъ царей и кланялся имъ, тѣ также кланялись, затѣмъ цѣловались съ патріархомъ и входили въ храмъ, куда чины синклита и значительная часть царской свиты входили раньше царей другими дверьми и стояли предъ правой стороной алтаря. Цари съ патріархомъ, войдя въ храмъ черезъ южныя или правыя врата, шли черезъ правую сторону храма къ св. вратамъ; патріархъ входилъ въ алтарь, а за нимъ, помолившись со свѣчами въ рукахъ и приложившись къ св. вратамъ, подводимымъ патріархомъ, слѣдовали цари. Во время шествія ихъ на солею, ихъ привѣтствовали стоявшіе здѣсь чины синклита и кувуклія. Въ алтарѣ цари по обыкновенію прикладывались къ покрову св. престола, патріархъ бралъ у своего кастрисія кадило и подавалъ старшему царю, который кадилъ вокругъ св. престола. Приложившись къ запрестольному распятію, цари и патріархъ шли черезъ правую сторону алтаря къ малымъ южнымъ св. вратамъ, выходили черезъ нихъ изъ алтаря и, дойдя до порфировыхъ колоннъ ¹⁾, цари здѣсь откланивались патріарху и на прощанье цѣловались съ нимъ.

Простившись съ царями, патріархъ уходилъ въ алтарь совершать часы (*τριτοῦ ἐκτετη*) ²⁾, а цари шли въ свой Мутаторій, гдѣ слушали до конца

¹⁾ О порфировыхъ колоннахъ была уже рѣчь при изложеніи интересующихъ насъ отдѣловъ топографіи св. Софіи (см. выше, стр. 17 и 18). Мы видѣли тамъ, что подъ порфировыми колоннами нужно разумѣть колонны, стоявшія въ правой и лѣвой алтарныхъ апсидахъ или нишахъ, которыя служили клиросами. Такъ какъ царь идетъ изъ алтаря черезъ правую его сторону и выходитъ черезъ южныя врата алтарной преграды, то, значитъ, здѣсь разумѣются порфировыя колонны правой ниши или праваго клироса, черезъ который царь проходилъ въ діаконикъ (правый восточный квадратъ), а изъ него въ свой Мутаторій.

²⁾ *Τριτοῦ ἐκτετη*, (въ рук. *τριτοῦ ἐκτετη*, *τριδῆκτετη*), т. е. *τρίτη καὶ ἕκτη* объясняется разно. Goar, на основаніи позднѣйшаго употребленія этого слова въ греч. богослужебныхъ книгахъ, полагалъ, что при этихъ числительныхъ разумѣется слово *φῶδῆ* и что подъ *τριδῆκτετη* разумѣется 3 и 6 пѣснь утренняго канона (Euchol., 2 ed., p. 108). Согласно съ Goar'омъ объясняютъ это слово Du Cange, s. v. in Gloss. Gr. и Reiske (Comment. ad Cerim. p. 232). Но въ Придворномъ Уставѣ 3-я и 6-я пѣсни утренняго канона отличаются отъ *τριτοῦ ἐκτετη* и называются *τρίτη καὶ ἕκτη φῶδῆ*. Такъ, по обряду 1-го августа (II, 8, 538) и воскресенья Крестопоклонной недѣли Великаго Поста (II, 11, 549), во время утрени въ эти дни *μετὰ τρίτην ἢ καὶ ἕκτην φῶδῆν τοῦ ὁρθροῦ* вынимался св. Крестъ и въ Сосудохранительницѣ намазывался благовоннымъ масломъ, а потомъ выставлялся для поклоненія и цѣлованія. Гораздо правильнѣе потому толкуетъ это слово покойный проф. Мансветовъ въ указанной уже статьѣ о Пѣсенномъ послѣдованіи (Прибавленія къ изданію Твореній св. Отцевъ, т. 26, стр. 1011 слѣд.). Проф. Мансветовъ видитъ въ *τρι-*

часы, а послѣ отпуска по витой лѣстницѣ, ведшей изъ Мутаторія въ катихуменіи поднимались наверхъ, въ катихуменіи. Оттуда чрезъ діаватики, которія отъ Магнавры вели къ св. Софіи и чрезъ которыя цари приходили въ храмъ св. Софіи въ Недѣлю Православія и Крестовоздвиженіе, цари, сопровождаемые только нѣкоторыми чинами кувуклія, магавитами и этеріею, шли тайно (μυστικῶς) въ богохранимый Дворецъ. т. е. Хрисотриклинъ чрезъ Магнавру, т. е. діаватики этой палаты, діаватики Господа, Триконхъ и діаватики 40 мучениковъ. Чины синклита, „царскіе люди“ и прочіе чины кувуклія, кромѣ высшихъ и ближайшихъ къ царямъ, по окончаніи часовъ, прямо изъ храма св. Софіи, расходились по домамъ и царей при обратномъ шествіи не сопровождали, такъ какъ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста принадлежитъ къ числу дней будничныхъ, простыхъ, а не праздничныхъ. По этой же причинѣ и царь возвращался скрытыми, тайными переходами, въ сопровожденіи только своихъ ближайшихъ служителей и тѣлохранителей, а не парадно, какъ онъ возвращался въ праздничные дни.

Мы кончили изложеніе выходовъ Византійскихъ царей въ храмъ св. Софіи въ церковные праздники въ IX — X вв., согласно съ тѣми обрядами, которые дошли до насъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго. Кромѣ вышеописанныхъ выходовъ, насколько можно судить по обрядамъ, перечню облаченій въ праздничные дни (I, гл. 37) и перечню царскихъ обѣдовъ въ праздничные дни, т. е. клиторологию атриклина Филоея, цари Византійскіе въ IX—X вв. другихъ выходовъ въ храмъ св. Софіи въ церковные праздники не дѣлали, такъ какъ въ другіе праздники церковные они ходили или ѣздили въ другіе Константинопольскіе

τρίτοεκτη (т. е. ѿра) особую службу, столь же древнюю, какъ и вечерня съ утренею, часы 3-й и 6-й, за которыми слѣдовала литургія, полная или преждеосвященная. Первоначально третій—шестой часы составляли самостоятельную службу, не имѣвшую связи съ литургіею и совершавшуюся отдѣльно отъ обѣдни. На основаніи разсматриваемыхъ нами обрядовъ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста, проф. Мансветовъ полагаетъ, что уже во время написанія этихъ обрядовъ *τρίτοεκτη* слилась съ великопостною службою, собственно преждеосвященною литургіею. Хотя по расчету времени выходитъ, что часы (*τρίτοεκτη*) совершались въ 9 или 10 часу дня по нашему счету часовъ, но о соединеніи *τρίτοεκτη* съ литургіею ни изъ обрядовъ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста, ни изъ обряда Великой Пятницы, когда царь слушалъ *τρίτοεκτη* въ храмѣ св. Ирины, послѣ возвращенія изъ Влахернскаго храма, заключать еще, кажется, нельзя, такъ какъ о преждеосвященной литургіи ни тамъ, ни здѣсь не говорится. Очень возможно, что въ эти дни совершались только часы, которые и называются *τρίτοεκτη*. Если бы за часами слѣдовала еще литургія, то объ этомъ было бы въ обрядахъ, по всей вѣроятности, упомянуто, т. е. было бы сказано, что царь ее слушалъ или уходилъ предъ началомъ ся.

храмы, городскіе и загородныя, или совершали выходы въ дворцовыя храмы.

Изъ представленнаго вниманію читателя изложенія выходовъ въ храмъ св. Софіи, позволяю себѣ думать, ясно видно, что выходы эти различались по своей торжественности и парадности, соответственно празднику, въ который они совершались. Въ началѣ изложенія всѣхъ этихъ выходовъ мы раздѣлили ихъ на три разряда или типа: 1) большіе выходы (въ великіе Господніе праздники), 2) средніе (въ нѣкоторые Богородичные праздники, Великую Субботу и одно время въ Антипасху) и 3) малые (въ Крестовоздвиженіе, Недѣлю Православія и понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста). Различаясь по торжественности и облаченію, эти выходы различались, какъ мы видѣли, и по пути шествія и мѣсту входа въ храмъ св. Софіи. Въ большіе выходы цари шли черезъ Августей, гдѣ облачались, Консисторію и Халку и, выйдя изъ Дворца черезъ большія ворота Халки на Августеонъ, входили въ храмъ св. Софіи черезъ Орологій и красныя, западныя врата. Въ средніе выходы цари до Халки включительно шли тѣмъ же путемъ, какъ въ большіе, но, пройдя Халку, поворачивали направо къ малой желѣзной двери, ведшей въ Хитъ Халки, и черезъ него выходили прямо къ св. Кладезю, а отсюда входили въ храмъ черезъ южныя врата храма. Въ малые выходы цари шли до храма св. Софіи отъ Хрисотриклина по діаватикамъ черезъ храмъ Господа и Магнавру и входили прямо въ катихуменіи, за исключеніемъ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста, когда царь, дойдя по діаватикамъ до Магнавры, изъ Магнавры шелъ черезъ Палату Кандидатовъ и далѣе къ св. Кладезю, какъ въ средніе выходы. Но такъ какъ и въ этотъ день цари ходили до Магнавры черезъ діаватики, а не по параднымъ заламъ, а возвращались безъ всякой помпы прямо изъ катихуменій во Дворецъ по діаватикамъ же, то и этотъ выходъ причисленъ къ малымъ выходамъ, тѣмъ болѣе, что онъ совершался въ простой день (*ἡ παρχμὴ ἡμέρα*), а не праздничный.

По этимъ тремъ типамъ и этими тремя путями, хотя и съ нѣкоторыми отступленіями, цари шествовали въ храмъ св. Софіи въ царскіе дни и въ другихъ случаяхъ, когда, кромѣ вышеназванныхъ церковныхъ праздниковъ, они совершали выходы въ храмъ св. Софіи. Такъ, для коронаціи цари шли изъ Дворца черезъ большія ворота Халки и входили въ храмъ св. Софіи черезъ красныя врата, какъ въ большіе Господніе праздники, но съ нѣкоторыми отступленіями въ облаченіи и приемахъ во время шествія по дворцовымъ заламъ (I, 38, 192). Для крещенія новорожденнаго царевича также дѣлался выходъ въ храмъ св. Софіи, по обычаю большихъ праздниковъ (II, 22, 620), а въ прежнія времена, кромѣ для крещенія, и

храмы, городскіе и загородныя, или совершали выходы въ дворцовыя храмы.

Изъ представленнаго вниманію читателя изложенія выходовъ въ храмъ св. Софіи, позволяю себѣ думать, ясно видно, что выходы эти различались по своей торжественности и парадности, соотвѣтственно празднику, въ который они совершались. Въ началѣ изложенія всѣхъ этихъ выходовъ мы раздѣлили ихъ на три разряда или типа: 1) большіе выходы (въ великіе Господніе праздники), 2) средніе (въ нѣкоторые Богородичныя праздники, Великую Субботу и одно время въ Антипасху) и 3) малые (въ Крестовоздвиженіе, Недѣлю Православія и понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста). Различаясь по торжественности и облаченію, эти выходы различались, какъ мы видѣли, и по пути шествія и мѣсту входа въ храмъ св. Софіи. Въ большіе выходы цари шли чрезъ Августей, гдѣ облачались, Консисторію и Халку и, выйдя изъ Дворца чрезъ большія ворота Халки на Августеонъ, входили въ храмъ св. Софіи чрезъ Орологій и красныя, западныя врата. Въ средніе выходы цари до Халки включительно шли тѣмъ же путемъ, какъ въ большіе, но, пройдя Халку, поворачивали направо къ малой желѣзной двери, ведшей въ Хитъ Халки, и чрезъ него выходили прямо къ св. Кладезю, а отсюда входили въ храмъ чрезъ южныя врата храма. Въ малые выходы цари шли до храма св. Софіи отъ Хрисотриклина по діаватикамъ чрезъ храмъ Господа и Магнавру и входили прямо въ катихуменій, за исключеніемъ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста, когда царь, дойдя по діаватикамъ до Магнавры, изъ Магнавры шелъ чрезъ Палату Кандидатовъ и далѣе къ св. Кладезю, какъ въ средніе выходы. Но такъ какъ и въ этотъ день цари ходили до Магнавры чрезъ діаватики, а не по параднымъ заламъ, а возвращались безъ всякой помпы прямо изъ катихуменій во Дворецъ по діаватикамъ же, то и этотъ выходъ причисленъ къ малымъ выходамъ, тѣмъ болѣе, что онъ совершался въ простой день (*ἡ παρχὴ ἡμέρα*), а не праздничный.

По этимъ тремъ типамъ и этими тремя путями, хотя и съ нѣкоторыми отступленіями, цари шествовали въ храмъ св. Софіи въ царскіе дни и въ другихъ случаяхъ, когда, кромѣ вышеозначенныхъ церковныхъ праздниковъ, они совершали выходы въ храмъ св. Софіи. Такъ, для коронаціи цари шли изъ Дворца чрезъ большія ворота Халки и входили въ храмъ св. Софіи чрезъ красныя врата, какъ въ большіе Господніе праздники, но съ нѣкоторыми отступленіями въ облаченіи и приемахъ во время шествія по дворцовымъ заламъ (I, 38, 192). Для крещенія новорожденнаго царевича также дѣлался выходъ въ храмъ св. Софіи, по обычаю большихъ праздниковъ (II, 22, 620), а въ прежнія времена, кромѣ дня крещенія, и

па другой день послѣ рожденія царевича, царь дѣлалъ выходъ въ св. Софію, „по типу большихъ выходовъ“ (II, 21, 616—617). Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ подробностей въ двухъ послѣднихъ обрядахъ, нельзя сказать навѣрно, какъ собственно совершался выходъ въ эти дни, по типу ли самыхъ торжественныхъ и большихъ выходовъ или среднихъ¹⁾.

Для празднованія побѣды надъ непріятелемъ и совершенія обряда триумфа на форѣ Константина, цари, какъ уже было замѣчено, (см. выше, стр. 37), совершали выходъ въ храмъ св. Софіи совершенно такъ же, какъ въ Рождество Богородицы и Благовѣщеніе, т. е. по типу среднихъ выходовъ¹⁾. Для хиротоніи патріарха цари или совершали большой выходъ, если хиротонія совершалась въ большой Господній праздникъ, или малый, если она совершалась въ другой праздничный день, въ который выхода большаго въ храмъ св. Софіи не полагалось. Такъ, для хиротоніи Теофилакта, которая происходила въ Срѣтеніе, когда цари обыкновенно ѣздили во Влахернскій храмъ, Романъ и малые цари шли въ храмъ св. Софіи совершенно такъ же, какъ въ Недѣлю Православія и, облачившись въ катихуменіяхъ, сошли по большой витой лѣстницѣ въ атрій, а изъ него вошли въ храмъ св. Софіи чрезъ красныя врата. По окончаніи хиротоніи, цари ушли въ Мутаторій, а оттуда по витой лѣстницѣ, находящейся у св. Кладезя, поднялись въ катихуменіи и, прослушавъ тамъ евангеліе, возвратились во Дворецъ чрезъ діаватикки, т. е. тѣмъ же путемъ, какимъ пришли (II, 14, 565—6; II, 38, 635—6).

Такъ какъ, выходы въ эти и подобные имъ царскіе дни и государственные праздники принадлежатъ къ другаго рода придворнымъ торжествамъ, мы не станемъ ихъ здѣсь излагать и разсматривать, тѣмъ болѣе что собственно выходы въ храмъ св. Софіи, составляющіе главное содержаніе этой книги, совершались въ эти дни такъ же, какъ и въ церковные празд-

¹⁾ Сравни. выше, стр. 38, прим. 1.

²⁾ Обрядъ этотъ находится въ *Scrim.* II, 19, 607: *ὅσα δὲ ἵγνυσθαι, θριαμβοῦ τελευτήσου ἐν τῷ Φόρῳ μετὰ λητῆς*. Онъ довольно картинно и краснорѣчиво изложенъ въ книгѣ г. Шлумбергеръ, *Un Empereur Byzantin, Nicéphore Phocas, Paris, 1890*, стр. 101 и слѣд. Къ сожалѣнію, почтенный авторъ, быть можетъ, введенный въ заблужденіе книгою Лабарта о Большомъ Дворцѣ, смѣшиваетъ площадь Константина (*forum Constantini*), часто называвшуюся у греч. средневѣковыхъ писателей однимъ словомъ *ὁ Φόρος*, съ площадью Августеономъ. Потому г. Шлумбергеръ говоритъ, что столбъ Константина находился на площади Августеонѣ и краснорѣчиво описываетъ эту площадь, какъ сцену празднованія триумфа. На самомъ дѣлѣ колонна Константина, которая и теперь еще стоитъ на своемъ мѣстѣ, хотя и значительно изуродованная временемъ, была на форѣ Константина, на западъ отъ св. Софіи и Августеона. Г. Шлумбергеръ между тѣмъ такъ увѣренъ въ тождествѣ Фора и площади Августеона, что даже въ переводѣ вышеприведеннаго заглавія 19 главы II кн. Придворнаго Устава ἐν τῷ Φόρῳ переводитъ посредствомъ *au Forum d'Augustéon* (р. 104). О смѣшеніи Лабартомъ *forum'a* Константина съ площадью Августеономъ см. выше, стр. 93 и *Byzantina*, I кн., стр. 141.

нии, въ которые цари, по вышеуказаннымъ тремъ типамъ, совершали большіе, средніе и малые выходы въ храмъ св. Софіи.

Отлагая изложеніе обрядовъ, совершавшихся въ царскіе дни и государственные праздники, до другаго очерка, мы считаемъ необходимымъ сказать здѣсь вкратцѣ о праздничныхъ выходахъ въ св. Софію въ послѣднія времена Византійскаго Царства, какъ ихъ описываетъ Кодиинъ въ своемъ сочиненіи *de officialibus Palatii Constantinopolitani et de officiis Magnae Ecclesiae*, тѣмъ болѣе, что времена, обычаи и обстановка, описанные Кодиномъ, столько же часто, сколько и не справедливо смѣшиваютъ съ временами Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, что приводитъ, какъ уже было замѣчено (выше, стр. 4) къ большой путаницѣ понятій. Стоитъ только прочесть въ сочиненіи Кодиина праздничные обряды (гл. VI—XV, р. 43—82 *Вопн.*) и сравнить ихъ съ вышеизложенными обрядами Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, чтобы убѣдиться, что отъ обычаевъ и обстановки X—XI вв. къ концу существованія Византійскаго Царства осталось сравнительно очень немного и между придворными порядками этихъ двухъ эпохъ огромная разница. Такъ какъ послѣ изгнанія латинянъ византійскіе цари жили во Влахернскомъ Дворцѣ, въ которомъ были, какъ и въ Большомъ Дворцѣ, дворцовые храмы, то цари въ большіе праздники дѣлали выходы въ эти храмы, гдѣ совершали литургію не патріархъ, а протопопъ. Такихъ пріемовъ со стороны чиновъ и димовъ, съ которыми мы познакомились при описаніи выходовъ по Придворному Уставу Константина Багрянороднаго, уже не было. Составъ чиновъ измѣнился почти до неузнаваемости, а отъ славословій димовъ остались только одни воспоминанія въ видѣ славословій церковныхъ пѣвчихъ и игръ на органахъ. Выходы цари въ храмъ и присутствіе въ храмѣ совершались гораздо проще и совершенно при другой обстановкѣ.

Отъ прежнихъ торжественныхъ выходовъ царей въ великіе Господ-

---

¹⁾ Относительно прекращенія игръ въ Ипподромѣ и запусканія Ипподрома см. Rambeau, *de Byzantino Hippodromo et de Circensibus Factionibus*, Paris, 1870, р. 82, гдѣ почтенный ученый говоритъ, что Алексѣй I Комнинъ *ultimus prope imperatorum qui equestribus ludis praefuerunt*. Благочестивые крестоносцы, по взятіи города въ 1204 г., способствовали запусканію и самаго мѣста прежнихъ скачекъ, похитивши украшавшія произведенія искусства, такъ что уже въ 13 в. говорятъ объ Ипподромѣ и его играхъ, какъ о предметахъ старины (*ut re obsoleta atque iam diu praeterita*). Остатки праздничныхъ славословій, которыя прежде пѣли димы, однакожъ сохранились въ пѣніи соотвѣствующихъ празднику стиховъ церковными пѣвчими и игръ на органахъ и другихъ инструментахъ. Славословія эти пѣлись, когда цари послѣ службы показывались народу въ полной парадной формѣ, по особо установленному порядку (*Codin. de offic. c. VI, р. 49 и 53*) въ такъ называемомъ *πρόοψις*.

ніе праздники въ храмъ св. Софіи остались только незначительные слѣды, сохранившіеся благодаря традиціонному обычаю ходить въ эти праздники въ храмъ св. Софіи, вѣроятно, долго державшемуся даже и по переходѣ царей изъ Большаго, стараго Дворца во Влахернскій. Но обычай этотъ, по разнымъ причинамъ, постепенно ослабѣвалъ, выходы или выѣзды ограничивались и сокращались, а во времена К о д и на эти выѣзды сократились до мѣнѣе и уже не имѣли того великолѣпія и блеска, съ которыми они совершались прежде. По словамъ К о д и на, царь съ чинами бывалъ въ св. Софіи изъ великихъ Господнихъ праздниковъ только въ первый день Пасхи и Троицынъ день ¹⁾, да и то приходилъ не къ литургіи, а къ вечернѣ. Вотъ что мы находимъ у К о д и на объ этихъ выходахъ царей въ св. Софію: „въ вечерній часъ (въ 1-й день Пасхи) царь отправляется въ св. Софію и, когда царь слушаетъ вечернія пѣснопѣнія, патріархъ кадитъ его и чиновниковъ. А въ древнее время былъ такой обычай: во время этой вечерни царь входилъ въ алтарь и кадилъ св. престоль, а клирикамъ (т. е. священно- и церковно-служителямъ св. Софіи) давалъ въ даръ изъ вестіарія (казначейства) сто литръ золота. Теперь этого не бываетъ“ (De offic. с. XIV, р. 76—77).

Въ Троицу „если патріархъ дома, царь въ часы вечерни отправляется въ св. Софію и слушаетъ читаемая патріархомъ молитвы Василія Великаго, стоя возлѣ діакона. Если же нѣтъ (патріарха), то царь слушаетъ эти молитвы, читаемая протопопомъ, во (Влахернскомъ) дворцѣ“ ²⁾.

Вотъ все, что къ концу существованія Византійскаго Царства осталось отъ торжественныхъ выходовъ въ храмъ св. Софіи въ великіе Гос-

¹⁾ Какъ древніе византійскіе цари дѣлали выходы и выѣзды въ другіе Константинопольскіе храмы въ извѣстные праздники, такъ и послѣдніе византійскіе цари ходили и ѣздили въ разныя храмы и монастыри въ престольные праздники храмовъ и монастырей. Въ числѣ такихъ выѣздовъ К о д и нъ (de offic., с. XV, р. 80—82) упоминаетъ и три выѣзда въ храмъ св. Софіи, кромѣ Пасхи и Троицына дня, а именно: въ Недѣлю Православія, въ Успеніе пресв. Богородицы и въ день памяти Іоанна Златоуста. Въ два послѣдніе праздника царь приходилъ въ храмъ св. Софіи наканунѣ, слушалъ вечерню, по окончаніи которой поднимался въ Патріаршія Палаты, ночевалъ тамъ, а на другой день спускался въ храмъ, слушалъ литургію и уходилъ опять во Влахернскій Дворецъ. Въ Недѣлю Православія цари, вѣроятно, ходили въ храмъ св. Софіи изъ храма Влахернской Богоматери крестнымъ ходомъ, вмѣстѣ съ патріархомъ и духовенствомъ, и такимъ образомъ совершали крестный ходъ предъ литургіею, установленный въ память возстановленія иконопочитанія въ 842 г., какъ объ этомъ было сказано выше, стр. 244 и сл. К о д и нъ замѣчаетъ, что въ Недѣлю Православія, когда читался синодикъ, царь стоялъ, а когда говорились славословія въ честь царя, онъ сидѣлъ на тронѣ.

²⁾ C o d i n de offic., с. XV, р. 78 Bonn. послѣдняя строка переведеннаго мѣста читается такъ: εἰ δ' οὖν, ἐν τῇ Παλατίῳ παρὰ τοῦ πρωτοπαπᾶ (т. е. ἀκούει ὁ βασιλεὺς τὰς τοῦ Μεγάλου Βασιλείου εὐχάς). Здѣсь, очевидно, вмѣсто εἰ δ' οὖν слѣдуетъ читать εἰ δ' οὖν, т. е. εὐρίσκεται ὁ πατριάρχης. Ср. с. XVII, р. 90, l. 22: εἰ δ' οὖν ἔστι πατὴρ αὐτοῦ, ποιεῖ τοῦτο μένος ὁ πατριάρχης.

подше праздники. К о д и н ь объ этихъ выходахъ даже и не знаетъ. Для него кажутся древними даже тѣ времена, когда цари во время Пасхальной вечерни еще входили въ алтарь, кадили св. престоль и дарили духовенству св. Софїи сто литръ золота. Эти времена, когда цари были еще на столько богаты, что могли, подобно царямъ IX—X вв., жертвовать хоть разъ въ годъ по 100 фунтовъ золота, давно миновали; во времена К о д и н а торжественныхъ встрѣчъ и входа давно уже не было и вся церемонія встрѣчи ограничивалась только тѣмъ, что патріархъ кадилъ царя и чиновъ, какъ священникъ и діакопъ кадитъ всѣхъ предстоящихъ.

Утреню и литургію въ эти, равно какъ и въ другіе большіе праздники, царь слушалъ въ дворцовомъ храмѣ. Считаая описаніе всѣхъ этихъ выходовъ въ праздники не входящимъ въ нашу настоящую задачу, мы остановимся только на Пасхальномъ обрядѣ, тѣмъ болѣе, что въ немъ излагается вкратцѣ обрядъ христосованія, напоминающій такой-же обрядъ въ IX—X вв., а до нѣкоторой степени и обрядъ христосованія съ чинами русскихъ царей въ до-Петровскую эпоху ¹⁾.

При изложеніи выходовъ въ большіе праздники, мы видѣли, что цари въ IX—X вв. ходили въ храмъ св. Софїи въ Господніе праздники, въ томъ числѣ и въ Пасху, только къ литургіи, и выходы пачинались послѣ утрени, предъ литургіею. Утреню въ эти праздники, очевидно, цари слушали въ одномъ изъ дворцовыхъ храмовъ и ходили туда безъ особенныхъ церемоній, просто и безъ большой свиты, сопровождаемые, вѣроятно, только ближайшими чинами кувуклія, находившимися постоянно или дежурившими во Дворцѣ. По этой, вѣроятно, причинѣ о хожденіи царей къ утрени въ обрядахъ ничего и не говорится, какъ объ обычномъ фактѣ домашней жизни ихъ, а не публичной, общественной, какъ не говорится о домашнемъ времяпрепровожденіи и частныхъ занятіяхъ царей въ ихъ внутреннихъ покояхъ. Но фактъ хожденія царей къ утрени въ большіе, по крайней мѣрѣ, праздники весьма вѣроятный а priori, подтверждается случайными упоминаніями объ этомъ у другихъ писателей. Такъ, между прочимъ, извѣстно, что Левъ V Армянинъ былъ убитъ заговорщиками во время утрени въ Рождество Христово, когда царь не только былъ на утрени, но и принималъ участіе въ чтеніи и пѣніи вмѣстѣ съ чтецами и пѣвчими ²⁾.

¹⁾ О христосованіи съ боярами, дворянами, дьяками и пр. русскихъ царей, совершавшихъ этотъ обрядъ у южныхъ дверей храма и жаловавшихъ при этомъ къ рукѣ и раздававшихъ яйца, см. Забѣлина, Бытъ Русскихъ Царей, стр. 325 (1-е изд.).

²⁾ Объ этомъ фактѣ см. въ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца и приложеніи къ нему, Византина, I кн., стр. 123 и 149, гдѣ указаны свидѣтельства историковъ объ этомъ событіи.

Утреню совершалъ не патріархъ, а придворный клиръ (*ὁ βασιλικὸς κληρικός*), священно и церковнослужители того придворнаго храма, въ которомъ царь слушалъ утреню.

Въ послѣдніе вѣка Византійскаго царства, цари слушали не только утреню, но и литургію въ дворцовомъ храмѣ, безъ участія патріарха въ богослуженіи, которое совершалось придворнымъ духовенствомъ, съ протопопомъ во главѣ, но такъ какъ эти выходы въ дворцовый храмъ замѣнили прежніе парадные выходы въ храмъ св. Софіи, то въ выходахъ участвуютъ чины, и выходы въ дворцовый храмъ получаютъ болѣе парадный и торжественный характеръ, чѣмъ прежніе выходы царей къ утрени, но далеко не такой парадный, какъ прежніе выходы къ литургіи въ храмъ св. Софіи.

Утреня въ Великое Воскресенье Пасхи совершалась въ третьемъ или четвертомъ часу дня (= 9 или 10 по нашему). Царь облачался въ такія одежды, въ какія ему угодно было ¹⁾, а сановники и чиновники въ присвоенныя имъ парадныя облаченія. Когда царь и чины приходили въ паронѣ храма, выходилъ протопопъ и подавалъ царю большую восковую свѣчу (*λαμπάς*), а сановникамъ раздавали свѣчи придворные чиновники. При закрытыхъ дверяхъ изъ пароника въ храмъ, протопопъ, послѣ каждаго, начиналъ службу возгласомъ: „слава святѣй, единосущной, животворящей и нераздѣльной Троицѣ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Когда пѣвчіе пропоютъ: „аминь“, протопопъ пѣлъ трижды тропарь Воскресенія: „Христосъ воскресъ“ и пр., который потомъ пѣли пѣвчіе также трижды. Послѣ пѣнія стиховъ: „да воскреснетъ Богъ“ и пр. и ектеніи *τὰ εἰρημικά* (т. е. миромъ Господу помолимся), протопопъ открывалъ собственноручно двери и всѣ входили при пѣніи первой пѣсни канона: „Воскресенія день, просвѣтимся, людіе“ и пр. ²⁾. По окончаніи утрени, протопопъ съ евангеліемъ, а архидіаконъ съ крестомъ выходили изъ алтаря и становились предъ царскими вратами для христосованія съ царемъ и чинами. Подходилъ царь и, приложившись къ евангелію, христосовался съ протопопомъ, потомъ прикладывался ко кресту, который держалъ архидіаконъ, и христосовался съ архидіакономъ. Между тѣмъ, въ палатѣ,

¹⁾ Такъ какъ царь имѣлъ нѣсколько парадныхъ и праздничныхъ облаченій, которыя частью названы въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ случаямъ у К о д и н а, то онъ выбиралъ для того или другаго праздничнаго выхода въ храмъ, какія ему было угодно. Определенныхъ для каждаго праздника облаченій, значить, уже не было.

²⁾ Cod. de offic., с. XIV, р. 74. У насъ входъ бываетъ нѣсколько раньше, до ектеніи: послѣ пѣнія стиховъ и тропаря пѣвчими, «поетъ настоятель высшимъ голосомъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ» и отверзаетъ врата», затѣмъ входитъ со всѣми священнослужителями въ храмъ, при пѣніи пѣвчихъ: «И сущимъ во гробѣхъ живость даровавъ». По входѣ въ церковь, произносится ектенія (Николюбкинъ, Посobie къ изученію Устава Богослуженія Прав. Церкви, стр. 591).

прилежавшей къ храму, приготавлился тронъ. Царь выходилъ изъ храма и садился на тронъ. Къ царю подходили сановники и чиновники отъ самыхъ высшихъ до самыхъ малыхъ, кланялись ему въ землю, цѣловали царя въ ногу, потомъ вставали и цѣловали царя въ руку и, наконецъ, въ правую щеку.

Пока происходило это христосованіе, въ храмѣ совершалась тихо литургія, такъ что въ палатѣ, въ которой происходило христосованіе, службы не было слышно. Предъ чтеніемъ апостола, христосованіе кончалось, двери, ведущія изъ палаты въ храмъ, открывались, входилъ царь и слушалъ литургію, по окончаніи которой царь уходилъ въ столовую и обѣдалъ въ присутствіи чиновъ по особому чину, соблюдавшемуся только въ пять большихъ праздниковъ: Рождество Христово, Крещеніе, Вербное Воскресеніе, Пасху и Троицынъ день ¹⁾. Затѣмъ, вечеромъ, какъ мы видѣли, царь ходилъ къ вечерни въ св. Софію.

Изъ этого обряда видно, что какъ выходы царей, такъ и присутствіе ихъ въ храмѣ въ большіе праздники въ послѣднія времена существованія Византійскаго царства совершались несравненно проще, нежели во времена Македонской династіи, когда цари въ эти праздники ходили въ храмъ св. Софіи, встрѣчались патриархомъ, принимали участіе въ маломъ и большомъ входѣ, совершали цѣлованіе любви и приобщались св. Таинъ по особому чину подъ обоими видами отдѣльно.

Ничего подобнаго въ послѣднія времена Византійскаго царства не было; цари слушали не только утреню, но и литургію въ дворцовомъ храмѣ, служба совершалась, безъ участія патриарха, придворнымъ протопопомъ, царь не принималъ участія въ выходахъ, не встрѣчался и не провожался духовенствомъ и не приобщался св. Таинъ во всѣ большіе праздники. Всѣ эти особенности царскихъ выходовъ, которые дѣлали ихъ особенно торжественными и блестящими, вышли изъ употребленія и соблюдались только въ самый важный и торжественный для царя день, — въ день коронаціи, когда единственно цари входили въ храмъ св. Софіи почти такъ же торжественно, какъ цари X в. во всѣ большіе Господніе праздники, принимали участіе въ выходахъ и приобщались св. Таинъ подъ обоими видами отдѣльно и притомъ въ алтарѣ, какъ мы видѣли.

¹⁾ Codin de offic., с. XIV, р. 74—76. Кромѣ чиновъ синклита, съ царемъ христосовался потестать (potestatus) Генуезцевъ, но Венеціанцы не христосовались по причинамъ, которыя К о д и н ъ здѣсь указываетъ.—Интересный обрядъ царскаго обѣда въ присутствіи стоящихъ здѣсь же чиновъ, изъ которыхъ каждый получаетъ по блюду съ кушаньемъ и отдаетъ своему слугѣ (для отправленія домой), изложенъ въ Рождественскомъ обрядѣ (с. VII, р. 59 слѣд.). Блюда, золотыя и серебряныя, потомъ возвращались опять въ царскій вестіарій. Только блюдо, которое получалъ великій domestикъ, не возвращалось, а поступало ему въ подарокъ. Праздники, въ которые совершались такіе парадные обѣды въ присутствіи чиновъ, перечислены р. 64.

Пасхальный выходъ, совершавшійся въ X в. въ лорахъ съ особенною торжественностію, подобающею Празднику Праздниковъ, совершается такъ же, какъ и другіе, и отличается только христосованіемъ (*ἀπασμός*), которое наиболѣе сохранило свои древнія черты. Но и оно совершалось гораздо проще и скорѣе, нежели въ прежнія времена, когда для христосованія вводили къ царю чиновъ съ довольно сложными вышеописанными церемоніями ¹⁾.

Припимая во вниманіе все эти отличительныя черты позднѣйшихъ выходовъ въ большіе праздники, ихъ нельзя приравнять ни къ одному изъ разсмотрѣнныхъ нами типовъ выходовъ въ св. Софію уже по тому одному, что они совершались въ предѣлахъ дворца, а не были выходами въ близъ лежащій самостоятельный храмъ, который соотвѣтствовалъ бы храму св. Софіи.

Позднѣйшіе выходы въ большіе Господніе праздники, какъ они описаны Кодиномъ, всего болѣе походятъ на выходы царей въ дворцовые храмы, которые частію происходили, при участіи чиновъ всего синклита и патриарха, частію совершались просто, при участіи только ближайшей свиты царя, а иногда и высшихъ чиновъ синклита. Эти выходы въ дворцовые храмы мы выдѣлили въ особую группу и отнесли ихъ къ выходамъ 3-го рода (см. выше, стр. 36). Изложеніе обрядовъ этихъ выходовъ составитъ содержаніе одного изъ слѣдующихъ очерковъ, гдѣ уместнѣе будетъ разсмотрѣть и выходы, совершавшіеся позднѣйшими византійскими царями въ церковные праздники. Въ настоящемъ очеркѣ имѣлось въ виду дать по возможности обстоятельное и ясное описаніе выходовъ царей въ храмъ св. Софіи, и выходы временъ Кодина упомянуты только для сравненія съ выходами въ большіе праздники въ IX—X вв. Потому выше сдѣланныя замѣчанія относительно выходовъ въ позднѣйшія времена мы считаемъ достаточными для настоящей цѣли, а свою задачу окопченною.

---

¹⁾ Вводъ чиновъ по *βήλα*, описанный выше, замѣненъ былъ приглашеніемъ чиновъ разныхъ ранговъ разными высшими сановниками. Когда царь входилъ въ тронную палату и становился на свое мѣсто или садился на тронъ, выходилъ протовестіархъ въ смежное помѣщеніе, гдѣ стояли чины, и приглашалъ войти въ залу собранія (*εἰς τὴν παράστασιν* = *προέλευσιν*) самыхъ высшихъ чиновъ; затѣмъ выходилъ великій этеріархъ и вводилъ второй, болѣеій отдѣлъ чиновъ; наконецъ, выходилъ примикрій Двора и приглашалъ всѣхъ остальныхъ чиновниковъ, которые уже обыкновенно называются *οἱ ἄρχοντες*, а не *οἱ σούβλητες* и т. п., какъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго (*Cod. de offic.*, с. V, р. 34—35). Какъ видитъ читатель, это нѣсколько напоминаетъ вводъ по *βήλα*, но процедура гораздо проще и скорѣе; да и сановники фигурируютъ въ ней совсѣмъ другіе, которые прежде вводомъ чиновъ не занимались, такъ какъ это лежало на особыхъ и совершенно другихъ специально церемоніальныхъ чиновникахъ (ср. *Byzantina*, кн. I, стр. 174, прим. 2).

УКАЗАТЕЛЬ ¹⁾.

- Августей, см. Дафна.
 Августеонъ, XVIII, XX, 9, 85, 86, 91, 92, 93, 95, 98, 139, 160, 258.
 Адмиссионалій, 14, 17.
 Adoratio, 3, 19, 20.
 Агакія, апексикакія (ἀγκυρία, ἀνεξικκυσία). 76, 167, 206—207, 208, 211, 213, 217, 218.
 Аголѹвъ (ὁ ἀκόλουθος), 14, 17, 30, 31, 32, 33.
 *Ακτα, акта, актологіи (ἀκτολογία), см. Слво-словія.
 *Ἀλεπτία, 182 (183).
 Александръ (діакъ), 133.
 Александръ, братъ Льва VI, XXXV, 231, 249.
 Алексіада Анны Комнины, 142.
 Алексій I Комнинъ, 142, 259.
 Алексій III Комнинъ (Ангель), 100, 162.
 Алтарь храма св. Софїи, см. св. Софія.
 Амазонское море, 226.
 Амвонъ св. Софїи, см. св. Софія.
 Св. Амвросій Медиоланскій, 163, 173.
 *Ἀναγόρευσις (провозглашеніе императорѹвъ), XXXII.
 Анастасій (491—518), XXXI, XXXII, 53, 54, 252.
 Анна (вдова), 120, 147.
 Анонимъ (= Кодиць), 94, 96, 114, 125, 126, 127, 129, 146, 147, 149.
 Антиграфей, 10, 15, 16, 33.
 Антиминь, 174, 175; антиминь царскій, 173, 174, 175.
 Антипасха, XXXIX, 37, 38, 233.
 Антоній Новгородскій, 45, 96, 97, 110, 120, 121, 127, 133, 138, 139, 140, 146, 147, 148, 149, 156, 162, 163.
 Аноипатисса, 210.
 Аноипатъ, 42, 61, 63, 64, 205, 207.
 *Ἀπελατικός, 83.
 Апокомвій (епискомвій, ἀποκόμβιον, ἐπικόμβιον). 156, 157—158, 160, 161, 183, 184.
 *Ἀπόκρισμα, см. Отвѣтъ.
 Апокрисіарія, 58.
 Апоэнархій, 66.
 Апеида, 13, 15; апеида Триконха, см. Триконхъ.
 Аргаръ (ὁ ἄργυρος), 181.
 *Ἀργυροπράτης, 181.
 Ариадна, XXXI, 2.2.
 Аркадій (императоръ), XXI.
 Аркульфъ, 120, 240.
 Арсеній патріархъ, 142.
 Архидіаконъ, 150, 151, 153, 166, 181, 262.
 Архіерей, 69, 125, 152, 165, 171; архіерей русскіе, 57.
 *Ἀρχοντες τοῦ κοβουκλείου, 47, 48, 62.
 Аскритія, 9, 17, 18.
 Аспкритъ, 66, 252, 253, 254.
 *Ἀσπασμός, см. Цѣлованіе любви.
 Атриклинь, 30, 33.
 Аудиенціи посламя, см. Обряды.
 Аоанасій патріархъ, 109.
 Аонрь, см. св. Софія.

¹⁾ Указатель составленъ магистрантомъ С. Д. Рузскимъ, который весьма усердно помогаль мнѣ и при корректированіи, почему считаю для себя прїятнымъ долгомъ выразишь здѣсь ему искреннюю благодарность за оказанную мнѣ помощь.

- Баллахиъ** (надъ пудпитомъ, *κατηλόχιον*), 66, 67.
- Балдуинъ I**, 41.
- Балдуинъ II**, 46.
- Бани Зевксипа**, 93, 94.
- Бармы** (*barms*), см. Оплечье.
- Бесѣдка царская** (*ζῆνα*) въ Палатѣ 19 аккувитовъ, 201, 203.
- Благовѣщеніе**, 37, 38, 43, 47, 158.
- Валентинианъ**, 163, 173.
- Βαλτιδιον*, 53.
- Вальтеръ**, епископъ юрскій, 168.
- Ванды** (*βάνδον*), 70, 71.
- Βανδοφόροι*, 71.
- Βασίλειος*, XII—XIII.
- Οἱ βασιλικοί*, см. Царскіе.
- Βασιλειοπῖτωρ*, 234.
- Св. Василій Великій**, 27, 260.
- Василій I Македонянинъ**, XXXIV, XXXVI, XXXVIII, XL, XLI, 10, 39, 48, 52, 70, 91, 93, 95, 97, 150, 231, 232, 233, 247, 253; торжественный въѣздъ его въ Константинополь, 70, 91, 93; день его коронаціи, 48, 52; празднованіе его памяти (29 августа), 39.
- Василій II Болгаробойца**, XXVIII, 23, 24, 28, 57, 64, 171.
- Василій** (паракимомень, парадинастевонгъ), 14, 28, 29.
- Βῆλον σαρτόν, αἰρόμενον*, см. Завѣсы дверныя.
- Βῆλον ταγγάρων, βῆλα ταγγάρια*, 30; *βῆλον ταγγάρων* въ Юстиніанѣ, см. Юстиніанъ.
- Βῆλα, vela*, см. Рауги чиновъ.
- Vela*, см. Скинетры римскіе.
- Великій папъ**, см. Папъ.
- Великій эгеріархъ**, см. Эгеріархъ.
- Βεργίον*, см. Жезлъ.
- Веститоры**, 25, 44, 45, 46, 48, 50, 51, 58, 59, 66, 194, 206.
- Вестіарій** (*βεστιάριον*), см. Ризница царская.
- Вѣдомство вестіарія** (*τὸ ἀέκρετον τοῦ βασιλικοῦ βεστιαρίου*), 10.
- Вечерня**, 7, 263.
- Virga Mosaica*, XVIII.
- Витъ** (*βίτ*) (возгласъ препозита), 195.
- Владиміръ Святой**, XII, XIII.
- Влахернскій дворець**, 4, 36, 41, 58, 69, 129, 260.
- Вона дворець**, 29.
- Ворота большія Халки**, см. Халка.
- Ворота золотыя**, 45, 91, 92, 93.
- Ворота св. Эмилиана**, 45.
- Воскресенье Крестопоклонное**, 34; **Воскресенье Христово** (*ἡ Μεγάλη Ἡμέρα, Μεγάλη Κυριακή*), 17, 24.
- Βραβεῖον* магистра, 53.
- Врата храма св. Софіи**, красныя, западныя, южныя, см. св. Софія.
- Врумалія**, 11, 161.
- Всепощная**, 26.
- Βουβάλοι* (*vocales*), 192.
- Вуклеонтъ (дворецъ)**, 45.
- Выходныя книги**, XXX.
- Выходы царей**: ежедневные выходы и пріемы, 6 и слѣд.; воскресные выходы, 26 и слѣд.; праздничные выходы, 26 и слѣд.; большіе выходы въ храмъ св. Софіи въ великіе Господніе праздники: Рождества, Крещенія, Воскресенья, Пятидесятницы и Преображенья, 36 и слѣд.; средніе выходы, 37, 39, 220; выходъ въ Антипасху (при Василіи Македонянинѣ), 220, 221, 229 и слѣд.;—въ Благовѣщеніе, 95, 220 и слѣд.;—въ Рождество Богородицы, XVII, XXXVII, 220, 221;—въ Великую Субботу, XXXVII, 145, 220, 221, 224 и слѣд., 235, 236;—въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, XVII, 38, 65, 68, 220;—въ праздникъ възсоединенія церкви, 220, 233 и слѣд.; малые выходы, 38, 40, 237; выходъ въ Крестовоздвиженіе, 38, 237—244;—въ По-недѣльникъ первой недѣли Великаго поста, 38, 117, 210—256;—въ Воскресенье первой недѣли Великаго поста (недѣля Православія), 38, 244—249.
- Выходы въ дворцовыя храмы**, 36, 47, 261 и слѣд.
- Выходъ Пасхальный**, 45, 197 и слѣд.
- Выходъ Юстина** въ храмъ св. Софіи по случаю консульства, 77.
- Выѣзды торжественныя въ храмы**, 8; **выѣзды въ храмъ св. Апостоловъ**, XXXVIII, 39, 230, 231, 232;—въ храмъ св. Мокія, 232, 233.
- Вѣнецъ царскій**, 44, 45, 50, 57, 133, 195, 206.
- Галлерей Ахилла**, 94.
- Гвардейскіе отряды и гвардейцы**, 11, 12, 31, 33, 71, 76, 77, 78.
- Георгій Кипрскій**, 109.
- Георгій Моиахъ**, 52, 150, 250.
- Гинэковитъ св. Софіи**, см. св. Софія.
- Гласы (церковныя наѣвы)**: гласъ 1-й, 81, 82, 85, 186, 189, 192; гласъ 2-й, 87; гласъ 3-й, 79, 82, 83, 84, 86, 185, 188, 189, 190, 191; гласъ 4-й, 83, 84, 85, 191; гласъ 5-й, 84, 186, 189; гласъ 8-й, 81, 82, 83, 85, 87, 191.
- Гонорій (императоръ)**, XXI, 165.
- Грамота** (*ἡ ἀσφάλεια*) царя Ираклія къ патриарху Сергію, 63, 181.

Гранаца (γρανάτζα) (Кодичъ de offic., VII, 35), 53, 54.
 Св. Григорій Богословъ, 190.
 Григорій Великій (папа Римскій), 183.
 Гробница Мустафы, 96, 97.
 Гробница св. Мины, 183.
Далматика, 26, 55, 56, 212; dalmatica (= tunica dalmatica), 54; Ватиканская, 56, 198; ср. дивитисій.
 Давилида (Δαυλίδα), вдова Пелопонесская, 253.
 Дафна (дворецъ), XVIII, 9, 48, 49, 51, 57, 200.
 Августей (Αύγουστεύς, тронная зала), XX, XXIII, 25, 36, 44, 46, 48, 49, 50, 51, 57, 58, 59. Дверь въ портикъ «Золотая Рука», 59. Портикъ «Золотая Рука», XXIV, 36, 48, 59, 60, 61, 64, 65, 66. Храмъ св. Стефана, 22, 44, 45, 46, 50, 57, 66, 193, 197, 221; крестъ св. Константина въ немъ, 36, 45, 46, 50, 66, 76, 153, 193. Кипотъ Дафны (ὁ κοίτων τῆς Δάφνης), XXIII, 36, 48, 50, 51, 57, 58, 195, 197, 221, 229. Октагонъ (τὸ ὀκτάγωνον κουβόκληιον), XXIII, 36, 44, 48, 50, 51, 57, 58, 59, 160, 195, 196, 197, 199, 210, 221, 229, 234. Храмъ Пр. Богородицы, 49. Храмъ св. Троицы, 49; сго алтарь, 49; мѣсто съ мощами святыхъ (τὸ στανάλιον), 49; Крестильница (ὁ βαπτιστήρ), 49; три большіе креста въ ней, 49.
 Дверь гладкая (Πύλη γανωτή) Триконха, см. Триконхъ.
 Девтеревоптъ, 189.
 Девтеръ (начальникъ царской ризницы), 45, 47, 48.
 День восшествія на престоль, 160.
 Департаменты (τέκρητα), 33.
 Депутатъ (δευτάτος, deputatus), 165.
 Δεφένσωρ, defensor, см. Защитникъ Церкви.
 Διαβίκια (вм. διηγήσιον у Суиды), 51.
 Διζητήσιον, дивитисій (ср. далматика), 8, 25, 35, 36, 43, 45, 50—57, 58, 196, 197, 213, 214, 237, 245, 247.
 Диаскалія (διδасκαλείον), см. св. Софія.
 Димархъ, 10, 15, 41, 79; димархъ Венетовъ, 80, 84, 87, 187, 228; димархъ Прасиновъ, 85, 189, 190, 228.
 Димократъ, 81; димократъ Венетовъ, 74, 79, 80, 84, 87, 187, 189, 192; димократъ Прасиновъ, 82.
 Димоты загороднаго дима Венетовъ, 80.
 Димы XXII, 39, 41, 76, 80; димы Ипподрома, 76, 84, 190, 192, 228, 237, 243, 251.
 Дипавиты (Dipanitae), 71, 72, 73.
 Диптихъ консульскій, 212, 213, 214, 217.
 Διπтралια = dextralia, см. Сѣкиры.

Даватики Господа, см. храмъ Господа; даватики св. Николая, см. храмъ св. Николая; даватики Триконха, см. Триконхъ.
 Диаконикъ (Διακονικόν), 119; диаконикъ св. Софіи, см. св. Софія.
 Диакониссы, 140, 141, 144, 146.
 Диаконъ, 25, 26, 54, 56, 62, 63, 65, 119, 120, 144, 170, 153, 166, 167, 168, 177, 261.
 Ὁ διατρέχων, см. Курьеръ.
 Діатарій, 9, 16; діатаріи подѣльныя, 7, 9; діатаріи Большаго Дворца, 8, 44.
 Дни облачений (Ἡμέραι τῶν ἀλλαγμάτων), 31, 42.
 Доместикъ, 15, 16, 17, 48, 61, 79, 81, 278; великій доместикъ, 263; доместикъ иканатовъ (иканать), 11, 13; доместикъ нумеровъ, 41; доместикъ спафаріевъ царскихъ, 40, 48, 194, 208; доместикъ школь, 11, 12, 13, 18, 27, 71, 74, 79, 80, 83, 190; доместикъ экскувиторовъ, 11, 13, 27, 71, 73, 82; доместикъ канцеляріевъ квестора, 71; ὁ δομέστικος τῶν θεμάτων, XIV.
 Драконарій, 12, 70, 71.
 Драконтиа, 70.
 Древо Честное (Животворящій Крестъ), 237 и слѣд.
 Δρόμος δημόσιος, ὄξος, см. Почта государственная.
 Друнгарій выглы или числа, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 30, 31, 32, 33, 64, 71, 194, 207, 251, 254; друнгарій флота, 64, 191, 251.
 Δουκηνιάτορες, 71.
 Думникалія (Δουμνικάλιον, dominicale), 176.
Евагрій, 112, 113, 115.
 Евдокимъ (братъ Льва IV Хазара), 224.
 Евдомарія, 7.
 Евктирій (εὐκτήριον), 131; евктирій св. Ософилакта, см. Палаты Патріаршія.
 Евлогія (просфора), 182, 227.
 Евнухи, 47, 60; евнухи-протоспафаріи (οἱ εὐνοῦχοι πρωτοσπαθάριοι), 53, 58, 242.
 Евсевій, 71.
 Евтихиа (εὐτόχια, πτόχια), 70, 71, 153.
 Εὐτοχοφόροι, 71.
 Εὐτρεπίζειν (распредѣлять по отдѣламъ чины), 204.
 Евоимій (Патріархъ), 233.
 Екгенія, 65.
 Св. Елена (мать Константина В), XXIX, 55, 239, 242.
 Елена (дочь Романа I Лакапина), 234.
 Ἐχόκος, см. Защитникъ Церкви.
 Ἐνώτια, 21.
 Ἐπεύχων (поверъ), 253.

Епикомвій (ἐπικόμβιον), см. апокомвій.

Ἐπτακίνδηλος, 76.

Ἐσφάριον (= interula), 26.

Жезлы золотые остиаріевъ, 60; скривоновъ, 73.

Жезлъ Моисея (ἡ τοῦ Μωσέως ῥάβδος), XVIII, 36, 45—46, 50, 66, 76, 193.

Завтракъ царскій (τὸ κρᾶμα), 178, 179, 180, 248, 249.

Завѣсы Хрисотриклины, см. Хрисотриклинь; завѣса раздвижная (βῆλον συρόν), 62; завѣса подъемная (βῆλον αἰρόμενον), 62.

Завѣсы (βῆλα, vela) = отдѣлы чиновъ, 61, 63. **Запѣвалы** (κράκται), 73; запѣвала кувуклія (φωνοβόλος), 195.

Заутреня, 6.

Зауца парадинастевонть (отець цар. Зои), 28. **Св. Захарій**, 110.

Захарія (патріархъ), 239, 240.

Защитникъ Церкви (Δεφέντωρ, defensor, ἐκδικος), 165.

Златникъ, златница, 159, 160.

Знамена, 70, 71, 73, 76, 79, 88, 92, 154, 166, 188; знамена съ драконами, 71; знамена гвардейскихъ отрядовъ, 153.

Золоченое кресло въ Хрисотриклинь, см. Хрисотриклинь.

Золотая Палата, см. Хрисотриклинь.

Золотая Рука (ἡ χρυσή χεῖρ), см. Августей. **Зонари** 14, 29.

Зосима (геродиаконъ), 133, 138.

Зоя Карвупонсина (царица), 28, 128, 233, 250

Идикъ, 9.

Изображеніе Креста (съ Константиномъ В., Алексѣемъ Мих., Еленой, Марією Ильин. и патр. Никономъ), 55; изображеніе Отона II и Ософанія, 55; — царя Давида, 55; — Соломона, 55; — Романа I и Константина Багр, 55; — архангела Михаѣла, 70; — фортуны или викторіи (τύχη, νίκη), 70; изображеніе Евдокіи, Льва VI и Александра, 213; — Романа и Евдокіи, 213; — Балдуина II, 214; Михаѣла VIII Палеол. и Мануѣла II Палеол. съ сыномъ Иоанномъ VIII Палеол., 214, 216.

Иканаты, см. доместикъ иканатовъ; иканаты, 12.

Икона Спасителя въ Хрисотриклинь, см. Хрисотриклинь.

Св. Иларій, 27.

Илитоу (εἰλητόν), 156, 157.

Инды, 13.

Instrumentum pacis, 168.

Инархъ, 10, 16, 17, 27, 40, 72, 76, 77.

Ипатія (ὑπατεία, принятіе консульства), 217; ὑπατεῖαν δίδόναι, ῥίπτειν, 217 и слѣд.

Ипаты, 67, 68.

Иподіаконъ, 54, 119, 120.

Ипподромъ, 8, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 29, 30, 32, 35, 49, 50, 139, 253; его каюсма, 9, 11, 50; храмъ св. Стефана, 13, 14, 29, 30.

Ираклій (царь), XXXIV, 63, 126, 239, 240, 243.

Ирина Аѳинянка (жена Льва IV), 137, 209.

Ирина Хазарка (жена Константина V Копро-нима), 199, 219, 230.

Иродъ, 55.

Иоаннь Златоустъ, 19, 137, 179, 260.

Иоаннь Гаятакузинъ, 168, 177, 178.

Иоаннь Мистикъ, парадинастевонть, 28.

Иоаннь Постникъ, 27.

Иоаннь Предтеча, 96.

Иоаннь Цимискій, 28, 29.

Иосифъ парадинастевонть, 28.

Σαβαλλарій (καβαλλάριος), 42.

Кадило, 68.

Календарь придворный и церковный, 21, 22, 23.

Камары Хрисотриклины, см. Хрисотриклинь.

Камилавка, 33; ср. балахинъ.

Камисин, 42, 239.

Кампидукторъ, 70, 71; Campi ductor), 71.

Кампидукторин (καμπηδηκτορία), 70, 71.

Кандидаты, 14, 71.

Каниклій (ὁ ἐπὶ τοῦ κωνσταντείου), 48, 57, 59.

Канцелярין, 73; канцеляріе — иѣвліе, 73; канцелярій квестуры, 15, 71, 72, 221; καγκελάριος οἰκείος, 17.

«Καπλάτς, Δόμητι» (смотрите, Владыка), 68, 69, 106, 241, 246.

Кастрицій патріаршіи (καστρήσιος, castrensium), 223.

Κατάσεστα, 21.

Ὁ τῆς κατατάσεως, см. Церимоніарій.

Катепанъ спагаріевъ царскихъ, 40, 48, 59, 194, 208, 251.

Каюсма Ипподрома, см. Ипподромъ.

Квесторъ, 10, 15, 16, 27.

Катихуменія храма св. Мокія, см. храмъ св. Мокія;—св. Софіи, см. св. Софія.

Кедринъ, 28, 29, 128, 250.

Келеръ (Κελέρ), magister officiorum, 252.

Кентархи, 12.

Κηρία τῆς λητῆς, κηρία λητανία, 241, 242.

Кесарикій (κασαρίκιον), 21.

Кесарь, 20, 21, 53, 66.

Киннамъ, 252.

- Китониты, 16, 47, 48, 49, 50, 51; китониты нефельные, 9.
- Китонъ, 47; китонъ Дафны, см. Дафна.
- Клавдіанъ, 212.
- Св. Кладезъ (τὸ ἅγιον φρέαρ), см. св. Софія.
- Климентъ VIII (папа Римскій), 159.
- Клиръ, 119, 122; клиръ храма Господа, XXIV, 36, 68; клиръ царскій, 7, 262.
- Клисторій, 30, 247.
- Клиторологій Филооея, см. Филооея атриклинь.
- Ключарь дворцовый, см. Великій Папія.
- Кодикиллы (codicilli) консульскіе, 217.
- Кодинъ, I, II, III, IV, XVII, 4, 45, 52, 53, 54, 58, 59, 71, 94, 100, 119, 120, 137, 147, 161, 168, 177, 245, 259, 260, 261, 262, 263, 264.
- Κοιτῶνες, см. Покои царей.
- Коловий (κολόβιον, colobium), 8, 25, 26.
- Колонна Константина, 93, 258.
- Комиты, 12, 33; комитъ ставла, 80; к митъ стѣнь, 41; комитъ школь, 74.
- Консенсторія, 13, 31, 34, 36, 45, 49, 50, 65, 66, 67, 68, 69, 73, 77, 193, 198, 205, 208, 228, 229, 230, 241. Консенсторія Императорская, 68.
- Константинъ Великій, XXIX, 4, 45, 55, 71, 174, 235, 243; празднованіе его памяти, 39.
- Константинъ V Копронимъ (741—775), 137, 199, 219.
- Константинъ VI (сынъ Льва VI Хазара), 209, 224.
- Константинъ (сынъ Романа I), 64, 184.
- Константинъ VII Багрянородный, XVI, XXVIII, XXIX, XXXIV, XXXV, XXXVI, XL, XLI, XLII, XLIII, 3, 4, 5, 7, 10, 11, 14, 17, 18, 20, 21, 26, 28, 38, 39, 40, 52, 53, 54, 63, 64, 70, 72, 75, 78, 79, 108, 125, 127, 128, 159, 161, 170, 178, 179, 184, 220, 231, 232, 233, 234, 236, 237, 249, 250, 253.
- Константинъ VIII (сынъ Романа II), XXVIII, XXIX, 28, 57, 64, 171.
- Константинъ Манасся, 103.
- Констанцій II, 212.
- Констанцій Галль Кесарь, 212.
- Конха алтарная въ св. Софія, см. св. Софія; конха восточная въ Хрисотриклинь, см. Хрисотриклинь.
- Коше, 24, 46.
- Кориппъ (Corippus), 77.
- Κορνικίαι (cornicula=ruхides cylindricae), 44.
- Корона, 21, 24, 35, 36, 44, 45, 51, 55, 56, 58, 59, 150, 167, 174, 177, 180, 182, 196, 234; крестъ на ней, 21, 24; подвѣски (προπευδολία), 21, 54.
- Коронація царей, 20, 55, 70, 159, 160, 161, 173, 263; коронація кесаря, 20.
- Κράμα, см. Завтракъ царскій.
- Κρεμαστήρια, 21.
- Кресла царскія (σελλία), 35, 201; кресло золоченое, 26; кресло, обитое шелкомъ или бархатомъ (σελλίον βλαττόστρωτον), 20, 21, 26.
- Крестильница (=Баптистрий, βαπτιστήρ, βαπτιστήριον), 96, 97, 103, 104, 106, 141, 147, 148; большая крестильница, 146, 148, 149; малая крестильница, 146, 148; крестильница Дафны, см. Дафна.
- Крестовоздвиженіе, 38, 242.
- Крестоносець (σταυροφόρος), 46.
- Крестъ св. Константина въ храмъ св. Стефана Дафны, см. Дафна; 3 большіе кресты въ крестильницѣ Дафны, см. Дафна; крестъ серебряный въ Лихнахъ, см. Лихны; крестъ въ первой школѣ, см. Школы.
- Крещеніе (праздникъ свѣтовъ), 37, 38, 43, 50, 72, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 97, 157, 179, 186, 187, 189, 191, 196, 263.
- Κριτής τοῦ φοσσάτου, XIV.
- Круглое зданіе въ Школахъ (το στρογγυλον), см. Школы.
- Кувуклярія, 15, 23, 44, 47, 49, 50, 58, 80, 82, 160, 194, 226, 229, 239.
- Кувуклій, чины кувуклія (οἱ τοῦ κουβουκλίου), 14, 24, 35, 40, 41, 42, 44, 47, 48, 50, 51, 58, 59, 60, 62, 64, 66, 67, 68, 69, 70, 76, 130, 153, 155, 188, 193, 194, 209, 210, 229, 238, 239, 240, 242, 244, 248, 251, 252, 254, 256.
- Кувуклій патриаршій, кувуклісѣтъ, 63, 181; его препозитъ изъ діаконовъ, 63.
- Κυλίον, κυλίον, см. мѣсто горнее.
- Куполь на восьми колоннахъ, см. Школы (первая).
- Куропалата, XIV, 15, 53.
- Cursus publicus, см. Почта государственная.
- Курьеръ (ὁ διατρέχων), 16.
- Кухня или поварская (τὸ μαγειρεῖον), 9.
- Лавзіакъ, 6, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 17, 18, 29, 30, 31, 33, 35, 250; его двери: слононая дверь, 7, 8; гладкая дверь, 7; дверь изъ Орологія, 8; дверь въ Идикъ, 9; дверь въ кухню, 15; витая лѣстница (ὁ κοχλίας), 7; скамьи для чиновъ, 14, 15; скамья магдавитовъ, 15, 17. Храмъ св. Василія, 19.
- Лавуры (lavara), 70, 71, 73; λαβουρίαι, 71.
- Ὁ λαός, см. Народъ.
- Ларцы для царскихъ коронъ (κορνικίαι), 44.
- Левъ Великій, 4, 28, 98.
- Левъ IV Хазарь, 209, 224.
- Левъ V Армянинъ, 261.
- Левъ VI Мудрый, XXXV, XXXVIII, XXXIX,

XLI, XLII, 28, 39, 109, 128, 129, 220, 221, 224, 231, 232, 233, 249, 250, 252; по-
кушение на его жизнь, 232—233; праздни-
ваніе дня его кончины 11 мая, 39.

Левъ Грамматикъ, 51.

Леонтій (патрикій и стратигъ), 104.

Леунклавій, 51, 53, 56.

Ливелларій (τὸ λιβελλάριον), 70, 74, 79, 80, 81,
82, 83, 84, 85, 187, 252.

Λιβελήσιος (libellensis), 252.

Литургія, 7, 8, 13, 29, 30, 35, 37, 39, 47, 95,
129, 131, 132, 135, 147, 152, 157, 163, 167,
172, 178, 210, 221, 235, 244, 246, 247; ли-
тургія пасхальная, 140, 210.

Лихны, 74, 75, 76, 78, 79, 191, 192, 222; се-
ребряный крестъ въ нихъ, 74, 76; куполь
Лихнъ, 76, 79, 192.

Логовесій (λογωέσιον), чины логовесія, 74, 76.

Логовесь (дрома), 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21,
23, 26, 47, 48, 57, 252; — геніка, 27; — пре-
торія, 76.

Лоръ (ὁ λῶρος), 42, 43, 48, 51, 55, 56, 76, 179,
196, 202, 203, 205, 207, 208, 210, 211—214,
218.

Лутирь (λουτήρ), 103—106, 149; лутирь храма
св. Апостоловъ, 105; — храма св. Мокія,
105; — храма пресв. Богородицы Исто-
чника, 105.

Людпрандъ (епископъ кремонскій), 6, 25, 47,
57, 64, 70, 76, 78, 88, 171.

Лодовикъ IX Благочестивый, 46, 156, 240.

Μαγειρεῖον, см. Кухня.

Magister officiorum, 5, 22, 25.

Магистры, 11, 14, 15, 16, 22, 23, 26, 32, 34,
42, 53, 61, 62, 64, 67, 205, 207, 222, 230;
магистръ Венетовъ, 222; магистръ Праси-
новъ, 222.

Магистрисса, 210.

Маглавиты, 8, 9, 15, 48, 49, 50, 59, 67, 194,
207, 221, 244, 248, 252, 256.

Маглавій, 32, 48.

Магнавра, 9, 38, 238, 250, 251, 254, 257.

Макарій (патриархъ), 243.

Макронъ Кандидатовъ, см. Триклинь Кан-
дидатовъ.

Мантія, 26, 56, 167.

Мануилъ Комнинъ, 41, 137, 252.

Маппа (mapra, faciale, fazzoletto), 213, 217.

Маркъ (монахъ), 233.

Масло нардовое, благовонное (ή νάρδος), 226—
227.

Масляница (вторникъ), 135.

Матвѣй Корвинъ, III.

Μεσαυλον, 107; μεσαυλος θύρα,, 107.

Μεταστάσιμον, 15; μεταστάσιμον δίδοται, 250—251.

Мечъ (σπαθίον), 8, 12, 24, 26, 31, 32, 33, 46, 48.

Милій (τὸ Μίλιον, Miliare), 83, 91, 92—94, 95,
98, 103, 106.

Миллиарсіѣй, 58.

Минологіѣй Василія, 147, 242, 243.

Μίσα, missa (= отпускъ), 25; μίσας ποιῆν,
διδόναι, 25; μίσαι δίδονται, γίνονται, 25,
33, 248.

Минсураторъ, 35.

Митрополитъ, 125, 154.

Михаелиць (Триклинь), см. Палаты патриаршія.

Михаиль (патриархъ), 137.

Михаиль Палеологъ, 214

Михаиль (сынъ Андроника Старшаго), 137.

Михаиль III, XXXIV, XXXVIII, XL, 21, 48,
52, 96, 97, 150, 156, 244, 247.

Михаиль Рангавъ, 99.

Многоѣтіе (Πολυχρόνιον), 25, 36, 61, 65, 67,
73, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 154, 185,
186, 191, 192, 193, 194, 207, 223, 229, 238,
253—254.

Молельня (εὐκτήριον, capella), 127, см. также
св. Софія.

Монастырь пресв. Богородицы Евергетидской,
170.

Монограмма Христа въ вѣнкѣ (✠), 71; мо-
нограмма Юстиніана и Теодоры, 124.

Мутаторій (Митаторій), 50, 96; Мутаторій цар-
скій, патриаршія св. Софіи, см. св. Софія.

Мѣсто горнее (τὸ κοκλίον, κοκλίον), 125; — св.
Софіи, см. св. Софія.

Народъ (= димоты, ὁ λαός), 80.

Начальники гвардейскихъ отрядовъ, XV, 11, 12,
13, 14, 33, 71; начальники отряда нумеровъ
и стѣлъ, 33; — числа, 33; — эскувитовъ, 74.

Недѣльщики Этерія, см. Этерія.

Недѣля Православія, 135, 244, 245, 260.

Νεῦεν τῆ γλανίδι, διὰ τῆς γλανίδος, 62.

Νεῦμα λαμβάνειν (получить знакъ), 12; νεῦμα
διδόναι (давать знакъ), 12.

Нивелонъ (епископъ Суасонскій), 46, 156.

Νίκα (возмущеніе 532 года), 235, 252.

Никита (патриархъ), 135.

Никита Хоніатъ, 59.

Св. Никифоръ (патриархъ констант.), 104,
135, 137.

Никифоръ Вотаниатъ, 8, 142.

Никифоръ Фока, XXXI, XXXII, 4, 14, 21, 28,
29, 47, 57, 59, 64, 76, 88, 97, 138, 151, 171,
199; его торжественный въѣздъ въ Кон-
стантинополь, XXVIII, 8, 88, 93.

Николай Мистикъ (патриархъ), 128, 233.

Никонъ (патриархъ), 55.

- Ниспестіаріи (Νιψηστιαριοί), 60, 160, 207.
 Νιψηστιον (умывальникъ, тазъ), 60.
 Нобилиссимъ, 53.
 Новая Великая Церковь, 45.
 Повелла царя Ираклія, 59.
 Повелла Юстиніана, 126.
 Помники (οἱ νομικοί), 71, 72, 73; номикъ церковный, 71.
 Погаріи, 72, 222, 223, 230, 252, 253; погаріи парскіе, 66; погаріи Прасиновъ, 222, 223.
 Ο νόμιμος (гвардейскій отрядъ), 11, 12.
- Облаченія** парадныя чиновъ, 8, 18, 23, 35, 36, 40, 42, 43, 61, 76, 78, 179, 230, 262; облаченія царскія, 10, 21, 36, 39, 40, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50—78; облаченіе патриаршее, 55, 56.
- Обрядъ** ежедневныхъ собраний и присемовъ, 2, 4, 40, 21; 2, 4, 11, 13—15, 18, 21, 22, 24, 26, 30, 31, 42; — воскресныхъ собраний, 13, 21, 22, 26, 29, 33, 42, 51.
- Обряды** винопроизводства, 17, 18, 34, 35, 57, 58, 68, 75, 80; обрядъ производства въ побилиссима, 20, 173; — въ патрикии, XV, 13, 35, 58; — въ патрикии зосты, 138, 174; — въ проэдры, 14, 21, 23, 29; — въ магистры, 35, 67; — въ domestici и официалии, 17, 18; — въ кесари, XV, 21, 57, 58.
- Обрядъ** назначенія на должности, 17, 18.
- Обрядъ** приема пословъ (аудиенція), 3, 13, 17, 20, 66, 78;—приема Саракинскихъ пословъ, XXXIV, 71, 77, 78, 208.
- Обрядъ** восшествія на престоль, 4; — коронаціи, XV, XVI, 4, 98, 100, 109, 177, 178, 182; — коронаціи царицы, 58, 70, 173, 182; — коронаціи кесаря, 70, 173, 182.
- Обряды** церковныя, 25, 62, 63.
- Обрядъ** Антипасхи, 230, 232.
- Обрядъ** Крестопоклоннаго Воскресенія, 30.
- Обрядъ** Крестовоздвиженія, 243.
- Обрядъ** водоосвященія въ Крещеніе, 105.
- Обрядъ** Пасхальный, XXXVIII, XLII, 65, 172, 261 и слѣд.
- Обрядъ** Срѣтенскій, 94, 250.
- Обрядъ** Великой Субботы, XXXVIII, XLII, 141, 145, 229.
- Обрядъ** крещенія патриархомъ въ Великую Субботу, 146, 147.
- Обрядъ** омовенія и переоблаченія св. престола въ храмъ св. Софіи, 224—226.
- Обрядъ** поднятія честнаго Креста, 240—242.
- Обрядъ** Понедѣльника Пасхальной недѣли, XXXVIII, 231.
- Обрядъ** Рождественскій, XXIII, XXXVIII, 75, 172, 175.
- Обрядъ** христосованія царей съ чинами, 197—205; — царицъ съ придворными дамами, 209—210.
- Обѣдня**, 7, 15, 26, 27, 29, 229.
- Одежда** консульская (στολή ὑπατική), 211, 219.
- Октагонъ** Дафны, см. Дафна.
- Св. Ольга** княгиня, XXXIV, 17.
- Омофоръ**, 55, 56, 168.
- Омфалии** порфирыя въ Юстиніанѣ, см. Юстиніанъ.
- Оноподъ**, 36, 46, 48, 57, 60, 61, 61, 65, 66, 67, 193, 191, 198, 199, 205, 207, 208, 221, 230, 244; его пудшить (ποόλιπτον), 65, 66.
- Оплечье** царское или бармы (διάδημα), 55, 56, 215, 216.
- Орарь**, 62.
- Органщики** (οἱ ὄργαναριοί), 84.
- Ordo salutationis**, 2, 4.
- Орологій** св. Софіи, см. св. Софія; портикъ Хрисотрикліна, см. Хрисотриклінь.
- Оруженосцы** царскіе, 46, 67, 68, 194.
- Оружіе** парское, 40, 46, 64.
- Osculatorium**, 168.
- Osculum pacis**, см. цѣлованіе любви.
- Остіарій**, XXIV, 17, 21, 31, 33, 60, 61, 62, 63, 144, 200, 201, 202, 203, 209.
- Отвѣтъ** (ἀπεκρίματα) канцеляріевъ, 73.
- Отпускъ** по окончаніи утрени, 6; отпускъ послѣ приема (= μίσηα, missa), 25, 30, 32, 33, 34.
- Оффикиалии** (ὄφφικιαίοι), 26—27, 61, 66; оффикиалии ипарха (οἱ περὶ τὸν ὑπαρχὸν ὄφφικιαίοι), 76.
- Павель** Силенціарій, 96, 101, 102, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 128, 140, 146, 147, 149.
- Παγανὴ κοριακή*, 24, 34.
- Палата** 19 аккувиговъ, см. Триклінь 19 аккувиговъ.
- Палаты** патриаршія (Патриархатъ, τὸ Πατριαρχεῖον, τὰ ἱερὰ ἀνάκτορα), 133—135, 136, 138, 139, 140, 245, 248. Большой секретъ (Большая Палата), 134, 135, 238, 240, 245. Малый секретъ (Малая Палата), 135, 239, 240. Честное Древо (τὰ τέρμα ξύλα), 135, 237, 239—240, 241, 242, 243. Михаелицъ (триклінь), 137. Θετгалъ (ὁ Θέτταλος), 137. Оомантъ (Θωμαίτης), 137, 138, 139. Евктирій св. Оеофилакта, 135, 148.
- Палата** Школъ, см. Школы.
- Палата** Экскувиговъ, см. Триклінь Экскувиговъ.
- Палатинъ** (παλατίνος), 19.
- Paludamentum**, 56.

- Пантеонъ или сѣверная камара Хрисогри-
клина, см. Хрисогриклинь.
- Папа Римскій, 20, 63, 159.
- Папія, 7—9, 12, 14, 16, 17, 23, 25, 26, 33,
35, 47, 50.
- Парадинастевонть (*ὁ παραδυναστεύων*), 17, 22,
28, 40; *ὁ αἰ παραδυναστεύων*, 28.
- Паракимомень, 47, 48, 59.
- Паракиптикъ (*τὸ παρακλιπτικόν*), 130—131; — въ
храмѣ св. Софіи, см. св. Софія.
- Παρακλιπικόν*, 130.
- Παρεβδομάριος*, 7, 8.
- Партія (*τὰ μέρη*) Цирка или Ипподрома, 23,
72, 79, 232.
- Пасха, 34, 38, 42, 43, 61, 73, 81, 82, 84, 85,
87, 97, 156, 157, 171, 179, 186—187, 189,
191, 192, 195, 196, 197, 198, 211, 218, 219;
260, 263; Пасхальная недѣля, 199; поне-
дѣльникъ Пасхальной недѣли, 37, 38, 158;
вторникъ, 43.
- Патрикій, 11, 13, 20, 23, 26, 27, 28, 29, 30,
32, 48, 58, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 205, 207,
229, 238.
- Патрикія, 210.
- Патріархатъ (*τὸ Πατριαρχεῖον, τὰ ἱερά ἀνάκτορα*),
см. Палаты патріаршія.
- Патріархъ, 22, 33, 38, 46, 50, 51, 55, 56, 57,
58, 59, 63, 69, 91, 97, 103, 105, 106, 110,
117, 125, 126, 133, 134, 135, 136, 138, 139,
140, 141, 142, 146, 147, 150, 151, 152, 153,
154, 155, 156, 158, 162, 166, 167, 168, 169,
170, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 178, 180,
181, 182, 183, 184, 210, 223, 224, 225, 226,
227, 228, 234, 235, 238, 239, 240, 242, 243,
244, 245, 246, 247, 248, 255, 258, 259, 261,
262.
- Патріархи русскіе, 57.
- Пахимерь, 109, 137.
- Пелены Господни (*τὰ ἅγια σπάργανα*), 156.
- Пенула (*penula*, фелонь), 26.
- Переходы (галлерей) 40 мучениковъ, см. Хри-
сотриклинь; переходы св. Николая, см.
св. Софія.
- Петръ магистръ (*magister officiorum*), IV,
X, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXV, 3
4, 29, 59, 98, 130.
- Πεγέρνης*, XIV.
- Πέπτειν ἐπ' ἔδαφος καὶ προσκυβεῖν*, 19.
- Платно царское (русскихъ царей), 55, 56,
57, 216.
- Плащъ (*σαγίον*), 8, 23, 24, 30, 35, 42, 45, 50,
51, 55, 196, 237, 238, 245; плащъ красный,
23, 26, 27; плащъ, обшитый золотою кай-
мой (*σαγίον χρυσοπερικλίστων*), 21, 26, 47,
211, 251.
- Плиній Старшій, 227.
- «Повели, повелите» (*κελεύσατε*), возгласъ пре-
позита, церемоніарія и силенціарія, XXIV,
25, 30, 32, 33, 59, 61, 63, 65, 67, 68, 180,
195, 205, 206, 208, 210, 216.
- Подвѣски при коронѣ (*πρᾶπεν:ούλια*), см. Ко-
рона.
- Поіризины (священниковъ и архіереевъ), 54.
- Покои царей (*κοιτώνες*), 6, 7, 8, 10, 16, 35, 36,
46, 47.
- Полихроній (*πολυχρόνιον*), см. Многолѣтіе; *πολυ-
χρόνιον λέγειν*, 253.
- Помощникъ димарха (девертевонть, *ὁ δευτε-
ρεύων*), 85, 88; помощникъ папіи, 16, 44.
- Портикъ Ахилла, 91.
- Портикъ палаты 19 аккувитовъ, см. Три-
клинь 19 аккувитовъ; портикъ Школы, см.
Школы.
- Портняжная (*τὸ Ῥαφεῖον*), 9.
- Послы иностранные, 16, 17, 23, 27, 57, 70,
78, 205; послы саракинскіе, 43, 70, 76, 207.
- Почта государственная (*cursum publicum, δρό-
μος δημόσιος, ὄξυς*), 16, 17.
- Поясъ (*ζώνη*), 52, 53.
- Праздникъ Православія, 38.
- Празднованіе царями консульства, 218, 219.
- Преображеніе, 37, 43, 73, 97, 179, 187, 196.
- Препозитъ (*praepositus*), XXIV, 12, 13, 14, 15,
16, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 31,
33, 35, 40, 41, 42, 44, 47, 49, 51, 57, 58,
59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 77,
80, 82, 88, 150, 153, 154, 155, 160, 164,
169, 180, 202, 203, 205, 206, 209, 254;
ὁ ἐνδον προϊστάμενος, 202.
- Препозитъ патріаршій, 63, 181.
- Преполовленіе, 38, 50, 158, 233.
- Пресвитерь, 63.
- Св. Престоль (*ἡ ἅγια Τράπεζα*) въ храмѣ св.
Софіи, см. св. Софія.
- Приказы (*τέκρητα*), 41.
- Примикирій, 53, 60, 264; примикирій діста-
ріевъ, 16; примикирій чтецовъ, 71.
- Принятіе царями св. Тайнъ, 173—178, 210.
- Пріемные слуги, (*admissionales*), 2.
- Пріемы ежедневные, воскресные и др., см.
Выходы.
- Пріемъ высшихъ чиновъ въ портикъ Августея,
61, 64, 67; — въ Консистоіи, 68; торже-
ственный пріемъ димовъ, 39.
- Пріемы димовъ Ипподрома (*δοχαί*), 80; А) на
пути въ храмъ св. Софіи: 1-й пріемъ въ
Трибуналь, 74, 75, 79—81; 2-й — въ Па-
латѣ Школы, 81—83; 3-й — въ Халкѣ,
83—85; 4-й — внѣ рѣшетки Халки, 84—85;
5-й — у большихъ воротъ Халки, 85—86;

- 6-й — въ Орологіи св. Софіи, 86—87; Б) при возвращеніи изъ храма св. Софіи во Дворецъ: 1-й пріемъ у св. Кладезя, 185—188; 2-й — у желѣзныхъ воротъ Хита, 188—189; 3-й — въ Халкѣ, 189—190; 4-й — у Пропилея храма св. Апостоловъ, 190—191; 5-й — въ Трибуналѣ у Лихнѣ, 191—192.
- Пріемъ Юстиномъ II аварскихъ пословъ въ Консistoriи, 77.
- Principes senatus, 28, 29.
- Проедръ (Πρόεδρος), 28, 29, 64; проедръ синклита, 14, 28, 59.
- Прокопій Кесарійскій, 19, 20, 107, 108, 111, 113, 144.
- Проксимъ школъ (πρόξimos, προέξημος), 12.
- Προσκύνησις (поклоненіе царю), 3, 19, 20, 24, 60, 63, 67, 73.
- Протосакривтъ, 48, 49, 66, 252.
- Протовестіарій, 47, 48.
- Протовестіарить, 264.
- Протикторъ (προτίκτωρ, protector), 70, 71, 74.
- Протодиаконъ, 25, 166.
- Протоканонархъ, 71.
- Протомандаторъ экскувитовъ, 12.
- Прото нотарій, 48, 49, 66, 252.
- Протоспааріи, 14, 26, 27, 30, 36, 50, 59, 61, 67; протоспааріи бородатые, 60, 207; протоспааріи-евнухи, 209, 242; протоспааріи-хрисотриклиниты, 49; протоспааріи царскіе, 26, 27, 29, 30, 48, 49.
- Псалтырь, написанная для царя Василія II Болг., 23, 24.
- Παλαία (= εὐτόχεια), 70—71.
- Пульпитъ (Πούλιπτον), 63, 66, 67, см. также Оноподъ.
- Пѣвчіе (οἱ κρακταί) и поэты партій Цирка (димовъ), 72, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 185, 186, 188, 189, 190, 191, 192, 228.
- Пѣснопѣнъя чиновъ, 70, 72, 73, 192, 254, пѣснопѣнъя пасхальныя, 73.
- «Пѣть по римски» (ῥωμαϊστί), 72.
- Πόλι βασιλικαί (царскія врата), 100; — св. Софіи, см. св. Софія.
- Πόλη ὄρχια, 100; св. Софіи, см. св. Софія.
- Пятидесятница, 37.
- Р**авенская мозаика, 46, 55, 153, 160, 161.
- Ранги или отдѣлы чиновъ (βῆλα, vela), 13, 33, 35, 36, 60, 61, 202, 203, 204; ранги чиновныхъ дамъ, 209, 210; ранги чиновъ духовныхъ, 125.
- Τὸ ραφεῖον, см. портяжная.
- Ректоръ, 15.
- Референдарій, 50, 57, 58—59, 164, 169, 171.
- Ризница царская, 9, 10; ризница при храмѣ св. Θεодора, 36.
- Ризничій (σκευοφόλαξ) храма Господа, 68.
- Рождество пресв. Богородицы, 37, 38, 43, 158.
- Рождество Христово, XXXVII, 37, 38, 43, 50, 73, 81, 82, 83, 86, 97, 157, 179, 187, 188, 189, 190, 191, 196, 263.
- Романъ I Лакапинъ, XXXIV, XXXV, 28, 64, 161, 184, 233, 234, 236, 237, 258.
- Романъ II (сынъ Константина VII Порф.), XXIX, XXXVI, 10, 18, 28, 64, 78, 236, 237.
- Рукомойникъ золотой, 59, 60.
- Рѣшетка Халки, см. Халка.
- Σαχίον, sagum, см. Плащъ.
- Сакеллярій, 27.
- Саккосъ (σάκκος), 54, 55, 56, 216; саккосъ черныи, 52.
- Salutatio, 1, 3, 19; salutatio matutina, 1; salutatores, 2.
- Самона (патрикій, паракимомень), 128.
- Сарвараза, 239.
- Свѣчи процессіональныя (κηρία τῆς λιτῆς, κηρία λιτανίαιа, λιτανίαιа), 241, 242.
- Σεβαστοκράτωρ, XIV.
- Σέκρητον, τὰ σεκρητα, 135, 136, 137; σεκρητα, см. также департаменты; τὸ σεκρητον τοῦ βασιλικοῦ βεστιαρίου, см. Вестіарій; секретъ дамскій, 140; секретъ (=синклитъ) патриаршій, 134, 136, 137.
- Секретники, 33.
- Σελλίον βλαπτόστροφον, см. Кресла царскія.
- Σημειοφόροι, 71.
- Сергій (патріархъ), 63, 181.
- Сигма, см. Триконхъ.
- Сигнаторы (συνάτορες, signatores), 70, 71.
- Сигны (σίγνα), см. Знамена.
- Силенціарій, 14, 16, 17, 25, 30, 31, 32, 33, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 89, 194, 200, 201, 209, 239; силенціарій очередной недѣльный (ἐβδομαρίος), 10.
- Сильвестръ, папа Римскій (314—335), 26.
- Симеонъ Магистръ, 128.
- Симеонъ Θεσσαλονικійскій, 122, 126, 173, 175, 176, 177, 206.
- Симпоны (σύμπονοι), 16; симпонъ ппарха, 76.
- Синкеллъ, 171.
- Синклитъ (ἡ σύγκλητος), чины синклита, 13, 14, 16, 20, 21, 23, 24, 25, 29, 30, 31, 34, 35, 36, 40, 49, 58, 59, 63, 64, 66, 67, 68, 70, 72, 73, 76, 77, 78, 79, 88, 91, 134, 136, 140, 153, 164, 166, 169, 171, 172, 188, 194, 198, 205, 221, 223, 228, 229, 230, 240, 242, 244, 247, 248, 250, 254, 255; синклитъ духовный, патриаршій, 58, 63, 136, 153.

- Сирой (сынъ Хозроя), 240.
- Скамьи для чиновъ въ Лавзіакѣ, см. Лавзіакъ; — въ Триклиніѣ Эскувитовъ, см. Триклиніѣ Эскувитовъ; — въ Хрисотриклиніѣ, см. Хрисотриклиніѣ; — ипатовъ въ Юстиніанѣ, см. Юстиніанъ.
- Скарамангій (σκαραμάγγιον), 7—8, 12, 14, 18, 23, 24, 25, 26, 27, 30, 42, 48, 180, 197, 237, 238, 245, 247, 251; скарамангій бѣлый златотканый, 230; скарамангій пурпуровый, 231; скарамангій царскій, 9, 10, 16, 45, 46, 47, 50, 51, 55.
- Σκηπτοφόροι, 71.
- Σκευοφόροι, 71.
- Σκευοφύλαξ, см. Ризничій.
- Скилы (Σκύλα), см. Юстиніановъ Триклиніѣ.
- Скипетры (σκηπίονες), 70, 73, 76, 188, 207, 208, 212, 218; скипетры римскіе (vela), 70, 71, 153, 213; скипетръ—крестъ, 206, 207, 211, 213.
- Скривовы, 12, 73, 74.
- Славословія (ἄκτα, ἀκτολογία, acta) димовъ (паргій Цирка), XXIII, XXVII, 38, 39, 40, 41, 47, 70, 73, 75, 79, 81, 84, 85, 86, 88, 185, 186, 187, 189, 190, 191, 192, 197, 221, 222, 228, 230, 233, 234, 235, 236, 243; славословія на латинскомъ языкѣ, 70, 72.
- Созомень, 163.
- Солидъ (solidus aureus, νόμισμα), 58, 159, 160.
- Соломошь, 226.
- Сосудохранительница (σκευοφυλάκιον) св. Софіи, см. св. Софія.
- Св. Софія, XVIII, XXI, 8, 9, 24, 25, 36, 37, 38, 41, 50, 55, 57, 58, 59, 88, 90, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 101, 103, 105, 107, 108, 109, 112, 113, 114, 116, 118, 119, 121, 122, 125, 127, 129, 131, 132, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 169, 174, 175, 221, 223, 224, 227, 233, 234, 235, 238, 243, 245, 246, 254, 255, 256, 257, 258; атрій (дворъ) св. Софіи, 91, 93, 94, 97, 98, 103, 108, 110, 111, 150, 245, 246; Аонрь (Ἀβύρας, Ἄβυρ), 94, 96, 106; западная красныя врата (ὄραία πόλη), 37, 91, 95, 98, 99—109, 143, 150, 257, 258; южныя врата, 37, 234, 255. Орологій св. Софіи, 86, 87, 91, 92, 93, 94, 95—97, 98, 107, 150, 257. Нарѣкъ, 91, 101, 102, 103, 106, 10, 150, 151, 152, 153, 224, 235, 246; женскій нарѣкъ, 140, 141, 143, 145, 146. Гипэконить, 139—145.
- Мутаторій св. Софіи (Μητατόριον, μετατόριον, μετατόριον, metatorium, mutatorium), царскій, 105, 117, 119, 120, 127, 128—131, 132, 134, 135, 137, 138, 139, 151, 162, 163, 164, 167, 169, 178, 210, 224, 227, 247, 255, 258; мутаторій парицы, 209; триклиніѣ мутаторія, 132, 178; мутаторій патриаршій, 133, 135, 138, 139, 247; паракипстикъ (τὸ παρακιπτικόν), 129, 130—131. Катихуменіи, 134, 135, 139, 140, 141, 144, 145, 209, 238, 239, 240, 245, 246, 247, 248, 249, 256. Св. Кладезъ (τὸ ἅγιον Φρέαρ), 96, 98, 106, 128, 129, 132—133, 138, 141, 180, 182, 184, 185, 186, 210, 222, 223, 228, 230, 234, 243, 247, 255, 257; его портикъ, 184, 186. Амвонъ 110, 117, 154, 164, 165, 237, 242, 243, 246. Алтарь, 152, 153, 154, 155, 156, 163, 165, 168, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 223, 243, 246, 247, 249, 255; прага царскія (πόλαι βασιλικαί), 102, 109, 110, 154, 165, 166, 167, 168, 242, 255; βῆμα, 122, 123, 143, 170; горнее мѣсто (κοιλίον, κοιλίον), 126; св. престоль (ἡ ἅγια Τράπεζα), 102, 103, 114, 115, 116, 117, 124, 125, 126, 141, 142, 155, 156, 159, 160, 161, 162, 166, 167, 176, 177, 223, 242; море св. престола (θάλασσα, θαλασσίδιον), 225 — 226. Алтарная конха, 111, 112—117, 118, 119, 122, 123; алтарная преграда (κάγκελλι, κάγκελλα, δρόμακτα, κίγκλιδες, ἔρκος, στήθεα), 123, 124, 169, 171; σύνθρονος, 112, 113, 114, 115, 116, 126, 146, 162; тронъ патриарха, 125. Дяконикъ (διακονικόν), 113, 116, 117, 118, 119—120, 130. Жертвенникъ предложенія (προθήσεις), 113, 116, 117, 118, 119, 120, 121. Порфиновые колонны, 117, 118, 225; витая дерев. лѣстница (κοιλίας), 241.
- Сосудохранительница (ризнца, σκευοφυλάκιον), 119, 120, 140, 141, 143, 145—149, 226, 227, 240. Моельня (εὐκτήριον), 127, 162. Храмъ св. Николая, 127, 133, 142, 227; переходы св. Николая, 133, 135, 140, 141, 142, 143, 146, 227. Храмъ св. Петра, 127. Дидаскаліи (Διδασκαλείον), 241, 246.
- Софія Палеологъ, XIII, 20.
- Сочельникъ Крещенскій, 199.
- Спаэарикій, 13, 238.
- Спаэарин, 14, 46, 65, 66; спаэарин царскіе, 40, 48, 64, 65, 207.
- Спаэарокандидаты, 65, 66, 208.
- Спаэарокувикулярин, 58.
- Σπαθίον, см. Мечъ.
- Средняя Улица (ἡ Μέση ὁδός), 91—92, 93, 94, 106.
- Срѣтеніе, 158.
- Στενάκιον (мѣсто съ мощами святыхъ), см. храмъ св. Троицы въ Дафнѣ.
- Στήλαι κοινασιώριον, 31; ἱσταται κοινασιώριον, 67.
- Стефанъ (сынъ Романа), 64, 184.
- Стефанъ Новгородскій, 91, 92, 138, 142.

(тихарь (σπιχάριον), 8, 26, 53, 54, 55, 53.
 Στοχεῖν τὸ κλητώριον, 247.
 Стража придворная, 6, 11, 26, 60, 77.
 Стратиги, 13, 15, 16, 17, 18, 27, 48, 61, 63,
 64, 65, 66, 67, 205, 207, 229, 230.
 Стратигатъ, 66.
 Σρατοπεδάρχης μέγας, XIV; — τῶν μονα-
 βάλων, XIV.
 Суббота Великая, 25, 37, 43, 50, 159, 160.
 Судьи, 14, 15, 16.
 Сунда, 43, 51.
 Συστήματα τῆς πόλεως, см. Цехи городскіе.
 Σφραγίς, 81.
 Сѣкиры (διστράλια=dextralia), 31, 65.

Τ τὰ τὰ 8, 44.
 Теодолинда, королева Лангобардовъ, 183.
 Топотириты, 33; топотирить числа, 12; топо-
 тирить Школь, 12, топотирить Эскуви-
 товъ, 12.
 Трабея (trabea), 212, 213, 214; trabea gem-
 mata, 212.
 Трапезы любви (ἀγάπαι), 179.
 Трибуналь, 57, 70, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81,
 191, 221; дверь въ Палату Школь, 82, 190.
 Триклины гвардейскихъ отрядовъ, 69.
 Триклинь Давувиа, 69.
 Триклинь 19 аккувитовъ, XXIV, 57, 61, 192,
 196, 199, 200, 201, 205, 207, 224; портикъ
 Триклина, 198, 202, 207.
 Триклинь кандидатовъ (= макронъ кандида-
 товъ), XXIV, 13, 36, 68, 69, 192, 193,
 221, 228, 254.
 Триклинь Эскувитовъ (Эскувиты), XXIV,
 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 192, 221, 228,
 254; большая дверь въ Школы, 69, 73; боль-
 шой пульпикъ (μέγα πούλιπτον), 69, 73;
 скамьи для чиновъ, 71, 72, 73.
 Триконхъ (Τρίκογχος), XXII, 6, 42, 48; его
 фіала, 15; переходы (διάватики), 9, 41;
 Апсиды, 41, 42, 43, 48, 49; полукругъ
 (Сигма), 41, 42, 48, 49, 64, 66, 196; глад-
 кая дверь (γλαυτή πόλη), 48.
 Триптонъ, см. Хрисотриклинь.
 Τριψίδια, 227.
 Τριτοῦκτη (τριτοῦκτη, τριλέκτη), см. часы.
 Троица, 43, 50, 73, 81, 83, 84, 85, 87, 97, 157,
 179, 187, 196, 260.
 Тронъ царя (σέντζος), 26; тронъ въ Консисто-
 рии, 66; тронъ въ Хрисотриклинѣ, 16, 20,
 21, 35.
 Туника, 8, 24, 26, 53, 55, 56, 212; туника
 нижняя (ἑσωφόριον = interula), 26; tunica
 dalmatica, 53; tunica divitensis. divitesis
 = tunica dalmatica. 54.

Τὸ τομπάνιον, 33; τὸ τομπάνιον въ Юстинианѣ,
 см. Юстинианъ.
 Тѣлохранители царскіе, 41, 64, 70, 76.

Успение пресв. Богородицы, 260:
 Уставъ Придворный Византийскій, I, III, IV,
 V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XIV, XV,
 XVII, XXI, XXII, XXIV, XXV, XXVI
 и слѣд., 27, 28, 32, 33, 34, 37, 38, 42, 43,
 51, 52, 53, 56, 58, 59, 60, 62, 63, 72, 75,
 79, 99, 100, 109, 117, 130, 131, 133, 134,
 135, 136, 138, 139, 140, 141, 144, 152, 155,
 156, 167, 175, 176, 178, 182, 187, 197, 199,
 211, 217, 228, 232, 233, 236, 237, 239,
 245, 256, 259.
 Уставъ Церковный, 27, 42, 242.
 Утренняя, 7, 26, 29, 30, 35, 63, 237, 242, 244, 261.

Факларея (φακλαρία), 232.
 Фаръ, 10.
 Φατλίον, 151.
 Фибула, 8, 59, 174.
 Филакъ (Φύλαξ), см. Хрисотриклинь.
 Φίλημα τῆς ἀγάπης, εἰρήνης, см. цѣлованіе любви.
 Филосей атриклинь, XLII, 12, 26, 53, 135,
 161, 204, 206, 232; клиторологіи Филоея,
 IV, XXVIII, 39, 72, 179, 205, 231, 233,
 249, 256
 Фѣя, см. бесѣдка царская.
 Фіала Венетовъ, см. Хрисотриклинь; фіала
 Триконха, см. Триконхъ; фіала Юстиниана,
 см. Юстинианъ.
 Форумъ (φόρος, forum) Константина, 8, 37,
 33, 70, 91, 92, 93, 94, 103, 238.

Халка (ἡ Χαλκῆ), 9, 68, 70, 77, 83, 84, 85, 93,
 94, 189, 190, 228, 257; Хитъ Халки (τὸ τῆς
 Χαλκῆς Χιτόν), 188, 209, 222, 223, 228, 230,
 234, 257; большая дверь (= большія ворота),
 70, 77, 85, 86, 91, 94; бронзовая дверь,
 84; малыя желѣзныя ворота, 188, 222, 228,
 257; рѣшетка (ἀγκυλλόν) Халки, 70, 84, 85.
 Хартуларии (οἱ χαρτολάριοι), 33, 66; хартуларій
 вестіарія (ὁ χαρτολάριος τοῦ βεστιαρίου), 10;
 хартуларій геніка, 33; хартуларій ризницы,
 227; хартуларій стратіотика, 33.
 Хитонъ, 8, 53, 54, 56; χιτὼν κόκκινος χρυσο-
 ποικίλος, 53; χιτὼν λευκός χρυσοκόλλητος,
 διξητησοειδής, 53, 56.
 Хламида, 8, 24, 42, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 5,,
 58, 59, 167, 172, 173, 174, 179, 195, 196,
 210, 211, 237, 239; χαμύδες παγανκί, 25, 50,
 160; хламида бѣлая съ золотыми нашив-
 ками (λευκὸν χρυσόταβλον χλανίδιον), 43, 44

50, 164; *γλάνις ὀψίμαρος*, 25; *γλάνιδια ἀτρα-
βατικά*, 25, 43; *γλάνιδια τύρεα*, 43.
Ходъ крестный (*λιτή*), 36, 37, 38, 39, 45, 46,
103, 142, 221, 224; ходъ крестный въ
храмъ св. Ирины, 234, 235; ходъ крестный
изъ Влахернскаго храма въ св. Софію,
244, 245, 246.
Храмъ св. Апостоловъ, 36, 39, 82, 83, 145,
158, 174, 179, 220, 231; его катихуменіи,
174; пропилей, 190, 191, 222, 229; храмъ
св. Апостоловъ Петра и Павла, 108.
Храмъ пресв. Богородицы дворцовый, см.
Дафна; храмъ пресв. Богородицы Жезла,
45; храмъ пресв. Богородицы Источника,
45, 51, 131, 158, 174; храмъ пресв. Бого-
родицы Фара, 13, 26, 29, 30, 93, 229; св.
крестъ въ немъ, 13, 29; храмъ пресв. Бого-
родицы на форумѣ Константина, 70;
храмъ пресв. Богородицы Халкопратій-
ской, 36, 38, 91, 93, 145, 158.
Храмъ св. Василія въ Лавзіакѣ, см. Лавзіакъ.
Храмъ Влахернскій, 36, 50, 131, 158, 244, 250.
Храмъ Господа, 13, 36, 68, 70, 228, 229, 257;
крестъ въ немъ, 68; даватика Господа, 9.
Храмъ св. Ирины, 39, 142, 143, 235, 256.
Храмъ Иерусалимскій, 107, 243.
Храмъ Св. Креста, 243.
Храмъ Мокія, XXXIX, 50, 53, 93, 131, 154,
158; его катихуменіи, 50.
Храмъ св. Николая, см. св. Софія.
Храмъ св. Петра, см. св. Софія.
Храмъ свв. Сергія и Вакха, 107, 108, 118,
119, 130, 174.
Храмъ св. Раки (*τῆς ἁγίας Σοφοῦ*), XXXIX.
Храмъ св. Стефана Дафны, см. Дафна; — св.
Стефана въ Ипподромѣ, см. Ипподромъ.
Храмъ св. Θεодора, см. Хрисотриклинъ.
Хрисотриклинъ, 6, 7, 8, 9, 10, 13, 15, 16, 17,
18, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 34, 35, 36, 40,
41, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 51, 58, 172, 196,
211, 229, 238, 244, 251; восточная конха,
16, 17, 35, 47; икона Спасителя, 16, 35,
47, 229, 244; западная (лѣвая) камара,
9, 27; южная камара, 10, 16, 46; камара
св. Θεодора, 35, 51, 211; сѣверная камара,
(пантеонъ, *πάνθεον*), 41, 42, 47; храмъ св.
Θεодора, 9, 35, 36, 44, 45, 46; его ризница,
36, 44; серебряныя двери, 10, 16; завѣса
западная, 16, 17. Филакъ, 47. Порткъ
Трипетонъ или Орологій, 7, 8, 13, 14, 15,
16, 17, 18, 31, 35, 47, фіала Венетовъ,
10, 232. Даватики (переходы) 40 мучени-
ковъ (*τὰ διαβατικά τῶν ἁγίων τεσσαράκοντα*),
41, 44, 47, 48, 64, 196, 228.
Христосованіе царя съ чинами, 61, 172.

Хрисотриклиниты, 26, 27, 48, 60, 194, 221, 252.
Христофоръ (сынъ Романа I Лакапина), 64,
184.
Хронографія Θεοφана, 104, 116, 117, 124,
135, 163.
Царскіе (*οἱ βασιλικοί*), 15, 27, 49, 66, 194,
238, 256.
Царь большой (великій), 18, 61, 64, 161, 166,
171, 182, 184, 195, 201, 203.
Цари малые, 18, 57, 64, 161, 166, 171, 182, 184,
258.
Церемониарій, XXIII, XLII, 15, 17, 18, 22,
25, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 40, 57, 58, 59,
61, 65, 68, 69, 73, 74, 79, 80, 82, 84, 89,
153, 154, 164, 169, 171, 193, 194, 209, 239.
Церковь восточная, православная, XII, 25,
54; церковь западная, 53, 54.
Цехи городскіе (*συστήματα τῆς πόλεως*), 76.
Цицакій (*τὸ τζιτζάκιον*), 199—200, 230.
Цѣлованіе любви (*φιλημα τῆς ἀγάπης, εἰρήνης,
ἀσπαρμός, osculum pacis*), XVI, 59, 168—
169, 170, 171, 172, 210.
Часы (*τρισέκτη*), 255—256.
Четвергъ Великій, 224.
Чины духовные, 39, 58, 63, 72, 125, 171, 172.
Чины кувуклія, см. кувуклій; чины логоэсія,
см. логоэсій; чины синклита, см. синклить.
Число (*ὁ ἀριθμός, гвардейскій отрядъ*), 11, 12.
Шалка Мономаха, 216.
Шинакъ, 199.
Школы (гвардейскіе отряды), 11, 12.
Школы, 9, 73, 74, 209; первая школа, XXIV,
68; крестъ серебряный, 68, 69, 74; куполь
на 8 колоннахъ, 68; пятая школа, 74, 75;
крестъ въ ней, 74. Порткъ Школь, 74,
75, 81, 82, 83. Палата Школь, 74, 75, 77,
189, 190, 191, 222.
Щиты парадные, 41.
Экзархъ, 71.
Эклезіархъ, 71.
Экскувиты (гвард. отряды), 11, 12.
Экскувиты, см. Триклинъ Экскувитовъ.
Эпархъ (= ипархъ) города, 76.
Эсофорій, 25.
Этеріархъ, 8, 9, 14, 49; великій этеріархъ, 7,
264.
Эгеріоты, 7, 49, 59, 67, 207, 252; недѣльные
эгеріоты средней этеріи, 9; — великой
этеріи, 9.
Этерія, 48, 49, 50, 194, 221, 244, 248, 256.

- Ю**лианъ, 2.
- Юстинианъ I** Великій, X, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV, 3, 4, 5, 19, 20, 46, 55, 59, 96, 97, 107, 109, 114, 116, 129, 130, 153, 160, 218, 226, 235, 252.
- Юстинианъ II** Безносый, 104.
- Юстинианъ=Юстиниановъ Триклинь** (ὁ τρικλί-
νος τοῦ Ἰουστιανοῦ), 8, 13, 14, 15, 27, 30, 31, 32, 33, 34, 230; фиала Юстиниана, 232. Дверь въ Лавзіакъ, 15; дверь въ Скилы, 31, 32. Скамья для чиновъ (ипатовъ), 15, 33. Парадный вестибуль Скилы (Σκῦλα), 8, 9, 15, 16, 30, 31, 32. Завѣса съ выши-
тыми птицами (ζῆλον ταγγάριον), 30, 31. Омфалии порфиновые, 32; τὸ τύμπανον, 33.
- Юстинъ I**, XXXI, XXXII.
- Юстинъ II**, 212, 218.
- Я**щики для храненияъ облаченій царскихъ, 44; срв. ταβλία.
- Θάλασσα**, θαλασσίδιον, см. св. престоль св. Софін.
- Теодора** (Θεοδώρα), 20, 28, 59, 244, 247.
- Теодосій Великій**, XXI, 163, 173.
- Теодосій Младшій**, 163, 173.
- Теоктисть** (стратигъ, протоспаварій), 21, 28.
- Теофана** (жена Льва VI Мудраго), XXIX.
- Θεοφάνης** πρωτοβεστιάριος παραδυναστεύων, 23.
- Теофилактъ** (патріархъ, сынъ Романа I), XXXIV, XI, 132, 135, 162, 237, 248, 249, 258.
- Теофилъ**, XXXIV, 6, 21, 93, 98.
- Термастра**, 15, 16.
- Тетгаль** (Θέτταλος), см. Палаты патриаршія.
- Тома** (апостоль), XXIХ.
- Тома** (препозитъ патриаршіи), 181.
- Тома** (пресвитерь), 128, 233.
- Томантъ** (Θωμαίτης), см. Палаты патриаршія.
- Торакія** (Θοράκια), 179, 197—198, 213.
- Θορία ἄγια** (святыя врата), 101.
- Θοσιαστῆριον**, 170.

ЗАМѢЧЕННЫЯ БОЛѢ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПОСРАВКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдовало напечатать:
6	9 снизу	въ которомъ	въ которыхъ
6	6 »	σκατίας	σκατίας
8	18 »	138—139	438—439
9	21 сверху	онъ	царь
25	12 »	представляющее	представляющаго
28	11 снизу	sacculi	sacculi
33	11 »	τορπάνιον	τορπάνιον
37	1 »	Господнихъ.	Господнихъ праздниковъ,
38	17 сверху	причленъ	причленъ
42	10 снизу	I, 121	21, 121
43	16 сверху	при положеніи	при изложеніи
44	7 »	παπία	παπία
—	15 »	тамъ оставили	тамъ оставлялись
46	20 »	написанному	написаннаго
47	23 »	πρέλευσις	πρέλευσις
48	13 »	Македоняна	Македонянина
50	6 »	со свѣчами въ рукахъ	со свѣчею въ рукѣ *)
54	32—35 »	Divetesium, divetesis	Divitesium, divitesis.
55	5 »	полотенъ	полотнищъ
66	12 »	которые	которое
69	20 снизу	Но такъ какъ	Но
71	21 сверху	εὐτοχοφόροι	εὐτοχοφόροι
—	7—8 снизу	Очень возможно, что церковные νομικοί, о которыхъ идетъ рѣчь у К о д и н а	У К о д и н а
77	20 снизу	robes	ribes
—	1 »	καταχλαΐζουσιν	καταχλαΐζουσιν
88	19 »	посланнаго императора	посланнаго его императора
100	17 »	ἀνῆλθεν	ἀνῆλθεν
107	18 сверху	} ὥραία πόλη	} ὥραία πόλη
109	4 и 9 сверху		
113	1½ снизу	кивариемъ	кивориемъ
121	2 »	quod	quod
127	1 »	εὐκτήριον	εὐκτήριον
144	24 »	«О пѣсенномъ	«О пѣсенномъ
145	7 сверху	въ правой	въ лѣвой
153	4 снизу	за руки	за руку
158	6 »	вошедшій	вошедшаго
163	13 »	Valentiana	Valentiniana
—	11 »	egredimur	egredimur
165	12 »	obripentibus	obripentibus
168	12 сверху	снималъ мантию и хламиду	снималъ мантию
179	8 »	проходили	приходили
181	19 снизу	quo	qua
184	2 »	Рождества Христова	Рождества Богородицы
186	19 »	въ актологію	въ актологіи
190	12 »	Ostretvald	Ostervald
225	5 »	ἡάλασσα	ἡάλασσα
232	15 »	выѣзда	выѣзды
244	8 сверху	ατερіоры	ατερіоты

*) Пѣ рѣчь идетъ объ одномъ царѣ, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ слѣдовало напечатать «со свѣчею въ рукѣ» вмѣсто «со свѣчами въ рукахъ», а именно: стран. 69, 74, 82, 127, 133, 151, 152, 162, такъ какъ одинъ царь молился съ одною свѣчею въ лѣвой рукѣ.

На стр. 224—229 обрядъ переоблаченія св. престола въ храмѣ св. Софїи съ участіемъ царей соединенъ съ обрядомъ омовенія св. престола, хотя въ Придворномъ Уставѣ, т.-е. въ обрядахъ выходовъ въ Великую субботу, объ омовеніи св. престола въ этотъ день ничего не говорится, а по церковнымъ обрядамъ омовеніе св. престола въ храмѣ св. Софїи совершалось въ Великій четвергъ, безъ участія царей. Къ такому соединенію двухъ обрядовъ, т.-е. омовенія и переоблаченія, привело меня то обстоятельство, что въ обрядахъ омовенія, помѣщенныхъ въ Евхологии Гоара, также идетъ рѣчь о переоблаченіи, т.-е. сначала говорится о разоблаченіи, потомъ омовеніи и, наконецъ, объ облаченіи вновь, а въ Кристоферратскомъ спискѣ этого обряда самый обрядъ омовенія называется и разоблаченіемъ (*ἀπάφρα*). Въ виду этого я полагалъ, что переоблаченіе, совершавшееся въ Великую субботу, первоначально соединялось съ омовеніемъ, составляло одинъ обрядъ и позднѣе перенесено было почему-либо на Великій четвергъ. Это предположеніе, а слѣдовательно, и соединеніе обрядовъ омовенія въ Великій четвергъ и облаченія въ Великую субботу, послѣ изданія профессоромъ Н. О. Красносельцевымъ отрывковъ изъ древнѣйшаго устава Великой Церкви, представляется сомнительнымъ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ уставѣ, написанномъ въ IX в., мы читаемъ, что въ Великій четвергъ *μετὰ τὴν ἀπόλουσιν τῆς τριθέκτης γίνεται κατὰ παύσις τῆς ἁγίας τραπέζης*, а въ Великую субботу *περὶ ὄραν ἕκτην εἰσέρχεται ὁ βασιλεὺς καὶ ἀλλάσσει τὴν ἐνδοτὴν τῆς ἁγίας τραπέζης καὶ μετὰ τοῦτο θυμῶ ὁ πατριάρχης, καὶ ἀνοίγεται ἡ ἐκκλησία* ктл. *). Хотя и въ отрывкѣ изъ службы на Благовѣщеніе у проф. Красносельцева напечатано: *μετὰ τὴν ἀπόλουσιν τῆς τριθέκτης καὶ τὴν κατὰ παύσιν τῆς ἁγίας τραπέζης ἐξέρχεται ἡ λιτή* ктл., тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что по обрядамъ, напечатаннымъ у Гоара, и славянскимъ уставамъ, омовеніе (*ἔκπλυσις*) происходило въ четвергъ, я полагаю, что вмѣсто непонятнаго *κατὰ παύσις τῆς ἁγίας τραπέζης* слѣдуетъ читать *κατὰ πλῶσις τ. ἁ. тр.*, т.-е. омовеніе св. престола, тѣмъ болѣе, что написаніе того и другого слова отличается

*) Эти отрывки изданы въ статьѣ проф. Красносельцева: Типикъ церкви св. Софїи въ Константинополѣ IX в., помѣщенной во 2-мъ выпускѣ Лѣтописи историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ и потомъ изданной отдѣльной книгой, Одесса. 1892. См. стр. 93 и 96 отдѣльнаго оттиска. ср. стр. 53. Объ обрядахъ омовенія св. престола въ Великій четвергъ см., кромѣ того, статью того же проф. Красносельцева въ его «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по рукописямъ Соловецкой библиотеки. Къ исторіи православнаго богослуженія по поводу нѣкоторыхъ церковныхъ службъ и обрядовъ, нынѣ не употребляющихся». Казань, 1889, стр. 65 слѣд. (Отдѣльный оттискъ статей, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1887—1889 годы).

только одною буквою и притомъ очень схожою по начертанію. Какой-нибудь изъ переписчиковъ написалъ α вмѣсто λ и явилось *κατάπασις* вмѣсто *κατάπλοσις*. Такъ какъ эта поправка едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, то ясно, что и въ IX в., къ которому относятся изложенные нами обряды, облаченіе св. престола въ Великую субботу происходило съ участіемъ царя независимо отъ омовенія, совершавшагося издавна въ четвергъ, безъ участія царя. Въ виду всего вышесказаннаго въ изложеніи выхода Великой субботы правильнѣе было бы ограничиться однимъ облаченіемъ св. престола и не вносить ничего, относящагося до омовенія, тѣмъ болѣе, что объ участіи царя въ омовеніи св. престола обряды Придворнаго Устава ничего не говорятъ.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ ТАБЛИЦАМЪ.

Таблица I, къ стр. 50 слѣд.

Рисунокъ сдѣланъ съ копии, находящейся въ Христіанскомъ Музеѣ Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ. Подлинникъ рисунка въ рукописи сборника словъ св. Іоанна Златоуста, написанной для царя Никифора Вотаніата (1078—1081). Рукопись описана Монфокономъ въ его *Bibliotheca Coisliniana, olim Segueriana, Parisiis*, 1715, р. 132 sequ., гдѣ изданы и 4 миниатюры съ изображеніемъ Никифора Вотаніата въ разныхъ видахъ и одѣянїяхъ. Точныя раскрашенныя копии со всѣхъ 4 миниатюръ имѣются въ Христіанскомъ Музеѣ Академіи Художествъ ¹⁾.

Не имѣя подъ руками подобныхъ точныхъ копій съ миниатюръ IX—X вв., я взялъ миниатюры XI в. для иллюстраціи царскихъ облаченій, такъ какъ разница въ покроѣ и украшенїяхъ царскихъ облаченій X и XI вв. не настолько велика, чтобы при описаніи облаченій X в. ссылки на облаченія XI в. были невозможны.

Рисунокъ, воспроизведенный на этой таблицѣ, интересенъ и важенъ въ томъ отношеніи, что на немъ мы имѣемъ изображеніе царя въ далматикѣ = дивитисіи = саккосѣ безъ хламиды или лора, такъ что покрой дивитисіа, ничѣмъ не прикрытаго, является здѣсь вполне яснымъ и не подлежащимъ никакому сомнѣнію. Изъ этого рисунка видно, что царскій дивитисій въ XI в., какъ и въ X, представлялъ собою безполую узкую и длинную тунику, надѣвавшуюся съ головы, почему она и стала называться позднѣе мѣшкомъ (*σάκκος*). Такъ какъ въ это время она стала иногда дѣлаться очень узкою въ подолѣ, то для удобства надѣванія и

¹⁾ Относительно этой рукописи и ея миниатюръ ср. Н. П. Кондакова, *Исторія Византійскаго искусства и иконографіи по миниатюрамъ греческихъ рукописей*, Одесса, 1876, стр. 258.

хожденія внизу стали дѣлать спереди разрѣзь, доходящій до колѣнъ, чего прежде, когда туника эта дѣлалась къ подолу гораздо шире, чѣмъ вверху, сколько мнѣ извѣстно, не дѣлалось. Такой же разрѣзь стали дѣлать на груди, прикрывая его широкимъ, украшеннымъ жемчугомъ оплечьемъ, замѣнившимъ прежній расшитый воротникъ. На нашемъ рисункѣ оплечье сдѣлано изъ бѣлой шелковой матеріи, между тѣмъ какъ туника изъ синей, подобно тому, какъ и до сихъ поръ оплечье фелоней и стихарей дѣлается иногда изъ другой матеріи, чѣмъ вся остальная часть этихъ церковныхъ облаченій ¹⁾).

Рукава дивитисія = саккоса, въ которомъ изображенъ Никифоръ Вотаніатъ, къ низу расширяются, какъ у всѣхъ далматикъ, но на концѣ срѣзаны, повидимому, не прямо, а съ закругленіемъ къ низу (ср. табл. VI и IX). Дивитисій, какъ туника, подпоясывался обыкновенно поясомъ. Никифоръ Вотаніатъ подпоясанъ краснымъ поясомъ, унизаннымъ жемчугомъ, вслѣдствіе чего на дивитисіи образовались двѣ складки, идущія отъ пояса къ нижнему переднему разрѣзу. Очень вѣроятно, что въ этомъ поясѣ мы имѣемъ образецъ пояса, который давался высшимъ чинамъ вмѣстѣ съ дивитисіемъ и который назывался τὸ βαλτίδιον (уменьш. отъ лат. balteum или balteus, поясъ).

На рукахъ изъ подъ дивитисія выходятъ поручи нижняго хитона (interula), на который обыкновенно надѣвался дивитисій = далматика и который совершенно ясно видѣнъ на консульскихъ диктихахъ при болѣе короткой далматикѣ.

На головѣ у Никифора надѣта корона, украшенная жемчугомъ и драгоценнымъ камнемъ (въ срединѣ). Корона имѣетъ наверху крестъ, составляющій въ X в. отличительную принадлежность царской короны вмѣстѣ съ препендуліями, спускающимися отъ короны почти до плечъ.

Михаилъ архангелъ изображенъ въ такомъ же дивитисіи, какъ и

¹⁾ Проф. І. Стржиговскій въ своемъ изслѣдованіи о «Керченскомъ серебряномъ щитѣ», помѣщенномъ въ № 8 «Матеріаловъ по археологіи Россіи», издаваемыхъ Императорскою археологическою комиссіею, называетъ дивитисіемъ короткую тунику, въ которой изображенъ ѣдущій верхомъ императоръ на керченскомъ серебряномъ блюдѣ, и полагаетъ, что дивитисіемъ называлось домашнее платье (Hauskleid), хотя всѣ приведенныя имъ случайныя и частію неправильно понятыя цитаты изъ Придворнаго устава Константина Багрянороднаго указываютъ, напротивъ, что дивитисіемъ называлось парадное платье, предметъ параднаго облаченія, употреблявшійся въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ (стр. 18 слѣд.). Не имѣя возможности входить здѣсь въ болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса и отсылая пока читателя къ тѣмъ страницамъ своей книги, для иллюстраціи которыхъ данъ этотъ рисунокъ, я постараюсь въ возможно непродолжительномъ времени показать несостоятельность объясненій проф. Стржиговскаго, очевидно, очень мало знакомаго съ Придворнымъ уставомъ, и доказать, что тунику ѣдущаго верхомъ императора никоимъ образомъ нельзя считать дивитисіемъ.

царь, но дивитисій архангела проще: онъ сдѣланъ изъ гладкой бѣлой, а не вышитой матеріи. Подъ дивитисіемъ хитонъ съ поручами, а сверхъ дивитисія надѣта хламида съ нашивками патрикіевъ (*τὰ ταβλία*). Архангелъ правою поднятою рукою обращаетъ вниманіе царя на подающаго книгу св. Іоанна Златоуста и на писца, переписавшаго для царя слова Іоанна Златоуста и, быть можетъ, украсившаго списокъ миниатюрами. Какъ гласитъ стихотворная надпись, объясняющая миниатюру, архистратигъ вмѣстѣ съ святителемъ просятъ царя обратить благосклонное вниманіе и дать средства къ жизни въ награду за трудъ писцу, весьма наглядно изображенному маленькимъ человѣкомъ сравнительно съ архистратигомъ, святителемъ и царемъ.

Архангелъ, обращаясь къ царю, говоритъ:

Ἐγὼ μὲν εἶμι σὸς φύλαξ, στεφηφόρε,
 Ὡς ἔγνωσ αὐτὸς πραγμάτων τὰς ἐκβάσεις.
 Ὁ δ' αὖ γε ῥήσεις καὶ χρῶσθ' ἔχων στόμα.
 Ὁ συγγραφεὺς ἔστηκεν εἰς δυσωπίαν,
 Διτῶν σὺν ἡμῖν γραφέως τοῦ σοῦ χάριν,
 Ὅν εὐμενῶς βλέποις γε καὶ τρέφοις, ἄναξ.

Надписи надъ изображеніями гласятъ: 1) ὁ ἅγιος Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος, т. е. святой Іоаннъ Златоустъ.

2) Νικηφόρος ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς αὐτοκράτωρ ὁ Βοτανειάτης, т. е. Никифоръ во Христѣ Богѣ благовѣрный царь самодержецъ Вотаниатъ.

3) Ὁ ἀρχιστρατηγὸς Μιχαὴλ ὁ Χωνειάτης, т. е. архистратигъ Михаилъ Хониатъ (т. е. чтимый въ городѣ Хонахъ) ¹⁾.

Таблица II (къ стр. 52 слѣд., 212 слѣд.).

Диптихъ Флавія Феликса, славнѣйшаго мужа, комита и магистра (Flavii) Felicis v(iri) c(larissimi) com(itis) ac mag(istri), 428 г., замѣчательнъ, между прочимъ, тѣмъ, что его далматика и trabea имѣютъ форму, болѣе близкую къ первоначальной, чѣмъ эти же предметы консульскаго облаченія на большей части другихъ диптиховъ. Tunica dalmatica, надѣтая на хитонъ или нижнюю тунику, доходящую до ступней и имѣющую

¹⁾ О чудѣ архистратига Михаила въ Хонахъ, какъ причинѣ особаго почитанія его въ этомъ городѣ, рассказывается, между прочимъ, въ Минологіи Василія подѣ 6 сентября, когда праздновалась память этого чуда.

узкіе рукава, еще мало расшита узорами, а внизу на подолѣ ихъ и вовсе нѣтъ; она значительно короче нижней туники; рукава ея еще очень длинны и совершенно ясно отдѣляются ниже локтя отъ узкаго рукава внутренней туники на правой рукѣ, такъ что не остается никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ предъ собою именно *далматикку*. Накинутая сверхъ далматикки *trabea* напоминаетъ еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ *toga picta* или *palmata*, изъ которой она вышла и какъ она иногда еще называется: одинъ конецъ ея еще настолько широкъ, что закрываетъ животъ и ноги до колѣнъ, но другой конецъ уже настолько сдузился, что напоминаетъ позднѣйшій лоръ (*logos*, *λῶρος*) и ясно свидѣтельствуетъ о происхожденіи лора именно изъ *trabea* = *toga*. Въ пользу этого говорить и способъ надѣванія. *Trabea* накинута почти такъ же, какъ надѣвалась *toga*: однимъ концомъ своимъ (узкимъ), начинаясь почти у ступни, она поднимается на лѣвое плечо; откуда она, пройдя по спинѣ подъ правую руку, опять проходитъ чрезъ грудь на лѣвое плечо и по спинѣ спускается къ правой сторонѣ живота своимъ широкимъ концомъ, который, развертываясь и прикрывая животъ и частію ноги, опять собирается у лѣвой стороны живота и перекидывается чрезъ лѣвую руку, держащую римскій скиптръ, такъ что свѣшивается съ руки ниже колѣнъ, причемъ, на перегибахъ и сборахъ становится видна обратная сторона *trabea*, подкладка. Проходя во второй разъ чрезъ лѣвое плечо, *trabea* закрываетъ ту часть узкаго конца своего, которая проходитъ чрезъ лѣвое плечо въ первый разъ, такъ что свѣшивающійся съ лѣваго плеча узкій конецъ уходитъ подъ среднюю часть *trabea*, проходящую изъ-подъ правой руки чрезъ грудь на лѣвое плечо. На рисункѣ это не такъ замѣтно, но на гипсовой копіи, которая находится въ Христіанскомъ Музеѣ Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ и съ которой сдѣланъ этотъ рисунокъ, линіи *trabea* выступаютъ рельефно и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ правильности вышеописаннаго способа надѣванія *trabea* на диптихѣ Флавія Феликса. Какъ далматика въ верхней части, такъ и *trabea* украшена вышитыми розетками, помѣщенными въ вышитыхъ же квадратахъ и кругахъ (*toga picta*). Диптихъ Флавія Феликса изданъ много разъ. Кромѣ Gori, *Thesaur. Diptychorum*, Tom. I, Florentiae, 1759, Tav. II, онъ изданъ, между прочимъ, у Banduri, *Imperium Orientale*, pars IV, ad pag. 372 ed. Venet. 1729, у Louandre, *Les arts sompt*, I, pl. I и др. См. Wilh. Meyer'a, *Elfenbeintafeln d. k. Staatsbibliothek in München*, München, 1879, s. 62, подъ № 2. Подлинникъ находится въ Парижѣ. Относительно способа надѣванія *trabea* ср. диптихъ Пробіана, славнѣйшаго мужа, викарія города Рима у Wilh. Meyer'a (l. c.) Taf. II,

гдѣ на правой сторонѣ Пробіанъ изображенъ въ такой же далматикѣ и такъ же надѣтой трабеѣ, какъ и Феликсъ, но у Пробіана ни туника, ни трабеа не украшена вышитыми или затканными розетками и квадратами, а сдѣлана изъ тонкой и гладкой матеріи, которая вслѣдствіе этого ложится болѣе мелкими и мягкими складками. Относительно *toga picta* или *vestis picta* = *trabea* ср. Marquardt, *Privatleben der Römer*, I Theil, p. 545—547. Но Marquardt, слѣдя Vögelin'у и Wilh. Meyer'у, неправильно считаетъ часть трабеи, окружающую плечи, за отдѣльный предметъ облаченія; на консульскихъ диптихахъ трабеа вмѣстѣ съ оплечьемъ составляетъ еще одну одежду и еще не разложилась на отдѣльныя части, какъ это случилось позднѣе съ лоромъ. Ср. выше стр. 212 слѣд. этой книги.

Таблица III, къ стр. 54.

Изображеніе царя Михаила VIII Палеолога, жены его Θεодоры и сына Константина сдѣлана съ рисунка, приложеннаго къ послѣднему (VII) тому *Glossarium mediae et infimae latinitatis* Дюканжа, для иллюстраціи помѣщенной здѣсь извѣстной *Dissertatio* Дюканжа *de imperatorum Constantinopolitanorum seu de inferioris aevi vel imperii, ut vocant, numismatibus*. Такой же рисунокъ имѣется и въ его *Familiae Byzantinae*, на стр. 191 (ed. Venet.), но этотъ послѣдній рисунокъ сдѣланъ гораздо хуже.

Это изображеніе важно для насъ по формѣ предметовъ царскаго наряда въ концѣ XIII в., по возвращеніи византійскихъ царей въ Царградъ, при Палеологахъ. Къ сожалѣнію, оба вышеуказанные снимка не настолько отчетливо и хорошо сдѣланы, чтобы по нимъ можно было безошибочно судить о покроѣ лора, особенно той его части, которая окружаетъ плечи царя и спускается отъ шеи къ подолу. Судя по той части лора, которая идетъ поперекъ тѣла изъ-подъ правой руки на лѣвую, можно думать, что лоръ представлялъ собою тогда не нашивку на саквось, а отдѣльный предметъ облаченія, состоявшій изъ двухъ частей: передника съ оплечьемъ, надѣвавагося подобно епитрахили, и поперечной части, которая пристегивалась сзади или на правомъ боку. Лоръ царицы состоитъ также изъ двухъ частей: оплечья въ видѣ пелеринки и передника, спускавагося къ подолу. На передникѣ этотъ нашита или по нему вышита та часть лора, которая должна идти поперекъ тѣла отъ правой руки къ лѣвой, но которая у царицы иногда изображается въ видѣ

полотнища, идущаго справа палъво спизу кверху и оканчивающагося у правой руки, но не перекинутого чрезъ лѣвую руку, хотя встрѣчаются у царицы и перекидные лоры. Въ послѣдніе вѣка Византійскаго царства лоръ назывался діадимою (*διάδημα*), т. е. перевязью.

Далматика == дивитисій == саккосъ на Михаилѣ, какъ видитъ читатель, очень походитъ на платно нашихъ царей: рукава его такъ же широки и длинны, какъ и у платна, и самъ саккосъ получилъ форму широкаго кафтана и отличается отъ платна, въ которомъ изображенъ Алексѣй Михайловичъ на табл. IV, развѣ только тѣмъ, что къ подолу онъ не расширяется такъ много, какъ платно. Разрѣзъ внизу позволяетъ думать, что саккосъ Михаила Палеолога имѣлъ уже полы спереди, соединеніе которыхъ прикрыто лоромъ, хотя возможно и то, что этотъ разрѣзъ доходилъ только до колѣнъ, какъ на дивитисіи Никифора Вотаниата (см. табл. I). Далматика царицы не имѣетъ, повидимому, полъ спереди и по своему покрою отличается значительно отъ далматики царя очень широкими рукавами, на концахъ которыхъ пришиты кисточки, по всей вѣроятности для того, чтобы рукавъ висѣлъ во всю ширину разрѣза и не собирался въ складки (ср. далматику == саккосъ царицы на табл. IX).

Сынъ Михаила и Θεодоры, Константинъ, изображенъ въ хитонѣ съ узкими рукавами, а вмѣсто далматики == саккоса на немъ надѣта распитая бругами хламида.

Не менѣе далматикъ интересны короны Михаила и Θεодоры. Корона царя какъ нельзя болѣе походитъ на архіерейскую митру нашего и прежняго времени и весьма ясно говоритъ въ пользу того, что архіерейская митра по своему происхожденію и формѣ есть не что иное, какъ царская корона, развившаяся изъ довольно высокой, полусферической шапки, съ расширеніемъ въ верхней части или безъ онаго, съ отворотомъ внизу вокругъ головы ¹⁾).

Дюканъ же въ описаніи этого изображенія на таблицѣ, приложенной въ началѣ Gloss. Gr., называетъ корону Михаила Палеолога камилавкою. Почти такая же камилавка украшаетъ голову Балдуина на той же таблицѣ.

Подобной формы шапки на сановникахъ и самомъ царѣ встрѣчаются за долго до Михаила Палеолога въ качествѣ обыденнаго и офиціальнаго головнаго убора. Украшенныя жемчугомъ и драгоценными камнями, такой формы шапки получили значеніе коронъ и употреблялись уже при парадномъ царскомъ облаченіи, въ качествѣ царской короны. Въ этомъ

---

¹⁾ Ср. объясненія къ табл. V.

случаѣ съ этою формою шапки случилось то же, что и съ нѣкоторыми другими формами шапокъ и даже шлемами, получившими при извѣстныхъ украшеніяхъ съ металлическимъ кружкомъ (собств. вѣнцемъ, *διάδημα* или *στέμμα*) и безъ онаго, значеніе царскихъ королей, хотя и сохранившими свои первоначальныя названія ¹⁾).

Голова Константина, сына Михаила Палеолога, покрыта короною подобной же формы, но она гораздо ниже и не расширяется къ верху. Царица Теодора имѣетъ на головѣ корону, по своей формѣ, сходной съ тимпаномъ, называемую *τυμπάνιον* (Дюканжъ, Gloss. Gr. s. v. *τυμπάνιον*). Почти такая же корона украшаетъ голову Елены, жены царя Мануила Палеолога на изображеніи Мануила Палеолога съ семействомъ (см. Дюканжъ, Famil. Byzantinae и атласъ къ Dissert. de medii aevi numism.).

Въ правой рукѣ Михаилъ, Теодора и Константинъ держатъ скипетры; скипетръ царя оканчивается крестомъ, а скипетры царицы и царевича креста не имѣютъ. Въ лѣвой рукѣ Михаилъ держитъ акакію въ формѣ свитка въ шелковомъ футлярѣ или мѣшечкѣ ²⁾. Подъ изображе-

¹⁾ Происхожденіе различныхъ формъ королей изъ различныхъ головныхъ уборовъ: шапокъ, шляпъ и шлемовъ превосходно разъяснено Дюканжемъ въ XXIV Dissertation sur l'Histoire de Saint-Louis écrite par Jean de Joinville, въ которой разсматриваетъ разную форму короны французскихъ королей и говоритъ по этому поводу о коронахъ византийскихъ царей, послужившихъ прототипомъ для французскихъ. Существеннымъ признакомъ короны, образовавшейся изъ той или другой шапки, остается древняя діадема или въ формѣ металлическаго ободка вокругъ головы, или формѣ одного или двухъ рядовъ жемчуга и драгоценныхъ камней. Такъ какъ древнія короны — діадемы завязывались на затылкѣ особыми тесемками, которыя также украшались иногда жемчугомъ и оставались и тогда, когда короны получали форму металлическаго ободка, то, въ дополненіе къ объясненіямъ Дюканжа, позволю себѣ высказать предположеніе, что изъ этихъ завязокъ вышли такъ-называемыя *προπενδόλια*, т.-е. подвѣски, спускавшіяся отъ короны къ плечамъ около ушей, впереди ихъ. Не нужныя и не видныя назади, онѣ, можно думать, перенесены были на передъ и въ такомъ видѣ долго составляли существенный признакъ собственно царской короны, въ отличіе отъ кесарской.

²⁾ Считаю необходимымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, оговорить здѣсь неогворенный въ свое время (на стр. 167) переводъ слова *ἀράνηξ* у Кюдина de officiis, cap. XVII p. 93 посредствомъ слова акакія. Дѣло въ томъ, что какъ въ Gloss. Gr., такъ и въ своихъ изслѣдованіяхъ de numismatibus medii aevi подъ № XXIX (XXI) и въ XXIV Dissertation къ Исторіи Людовика Святаго Жуанвила (изд. 1850 г., стр. 102) Дюканжъ принимаетъ *ἀράνηξ* въ указанномъ мѣстѣ Кюдина не за акакію, а за жезлъ (*ferula, seu sceptrum imperatoris*). Между тѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи этого мѣста оказывается, что подъ *ἀράνηξ* нужно разумѣть не жезлъ, а акакію, и что на неправильномъ пониманіи этого мѣста Кюдина основано какъ разсужденіе о *parthex* въ первомъ изъ названныхъ изслѣдованій, такъ и описаніе облаченія царя во второмъ, гдѣ Дюканжъ говоритъ, между прочимъ, объ изображеніи Михаила Палеолога. У Кюдина, при описаніи облаченія царя, въ которомъ онъ принималъ участіе въ великомъ входѣ, сказано, что царь *τῇ μὲν δεξιᾷ χειρὶ κατέχει τὸν σταυρὸν, ὡς συνήθές ἐστι κρατεῖν τὸν βασιλέα, ὅταν καὶ τὸ στέμμα φορεῖ, τῇ δ' ἀριστερᾷ κατέχει ἀράνηξ*. Въ с. VI, p. 51 у того же Кюдина, при описаніи предметовъ царскаго облаченія, сказано: *τὸν δὲ γε σταυρὸν ἐν δεξιᾷ φέρει ἀεὶ, ἐν δὲ τῇ ἀριστερᾷ βλάτιον κώδιον ἐοικώς, δεδεμένον μετὰ μανδύλιου, καὶ καλεῖται ἀκακία*. Сопоставляя

женіями подписи, обозначающія изображенныхъ членовъ царственной семьи.

1) *Μιχαήλ ἐν Χριστῶι τῶι Θεῶι πιστὸς βασιλεὺς κ(α)ὶ αὐτοκράτωρ τῶν Ῥωμαίων.*

2) *Κωνσταντῖνος πορφυρογέννητος Κομνηνὸς ὁ Παλαιολόγος.*

3) *Θεοδώρα ἐν Χριστῶι τῶι Θεῶι πιστὴ βασίλισσα καὶ αὐτοκρατορίσσα Ῥωμαίων ἡ Κομνηνή.*

Таблица IV, къ стр. 55.

„Изображеніе царя Алексѣя Михайловича написано г. Солнцевымъ согласно съ современными сему государю портретами п свидѣтельствами иностранныхъ писателей. Царь представленъ въ полной царской утвари. На головѣ его шапка большого наряда, на персяхъ его св. бармы и крестъ, въ рукахъ у него скипетръ и держава. Становой его кафтанъ или платно изъ аксамита, украшенный драгоценными каменьями и жемчугами“ (Древности Россійскаго Государства, отдѣлъ IV, стр. 35).

Для насъ это изображеніе важно потому, что на немъ ясно видѣнъ покровъ царскаго платна и бармъ. Хотя платно вышло, повидимому, изъ

эти мѣста и смотря на изображеніе Михаила и другихъ царей этого времени, едва ли можно сомнѣваться, что подъ *ἄρθῆς* въ первомъ мѣстѣ разумѣется акакія, а жезлъ (*scertum*) называется крестомъ, такъ какъ скипетръ издавна у христіанскихъ императоровъ оканчивается или лабаромъ, или крестомъ, между тѣмъ, какъ жезлъ въ смыслѣ палки у *Κοδινά* называется *δικαίχιον* (см. р. 33, 45; ср. 20 sequ., гдѣ описываются жезлы чиновниковъ). *Дюканжъ* въ разсужденіи о *нарѣнкѣ*, находящемся въ его изслѣдованіи о монетахъ, говоритъ, что *нарѣнкомъ* позднѣйшіе византійцы называли то, что прежде называлось *labarum*. Но *labarum*, какъ и крестъ въ рукахъ царя замѣнили скипетръ римскій, такъ что если мы будемъ подъ *нарѣнкомъ* у *Κοδινά* разумѣть, согласно съ *Дюканжемъ*, жезлъ, то въ обѣихъ рукахъ у царя мы должны предположить не жезлу, чего никогда не бывало. Цари изображаются обыкновенно съ крестомъ на длинной рукояткѣ или лабаромъ на такой же рукояткѣ въ одной рукѣ и акакією или державою (*globus cruciger*, *σφαίρα, ἑμπετηρότος τοῦ σταυροῦ ἐν αὐτῇ*) въ другой или (на монетахъ) съ одной державой въ одной рукѣ, но никогда, сколько мнѣ извѣстно, не изображаются съ двумя жезлами, хотя бы въ разныхъ формахъ, т. е. въ формѣ креста и въ формѣ лабара. Да и самъ *Дюканжъ*, описывая *нарѣнкѣ*, изображаетъ его гораздо болѣе похожимъ на акакію, чѣмъ на жезлъ: *parthex ferulae solidae speciem praetulit, quae paulo longior, quam latior fait. Unde medicos quosdam ἄρθῆζας libros suos nuncopasse monitum a nobis ad Alexiadem, quod libri speciem ferulae referant.* Къ этому описанію всего болѣе подходят не жезлы, а именно акакіи, которыя и разсматривались одно время и часто изображались именно какъ *τόροι* (см. вышесказанное объ акакіи, стр. 217). Въ такомъ смыслѣ, очевидно, нужно понимать *ἄρθῆς* и у *Κοδινά* въ указанномъ и притомъ единственномъ мѣстѣ, на которомъ основано разсужденіе *Дюканжа*: ни въ Gloss., ни въ названныхъ выше изслѣдованіяхъ онъ не приводитъ другаго случая употребленія *ἄρθῆς* въ смыслѣ царскаго жезла ни изъ *Κοδινά*, ни изъ какого-нибудь другаго писателя.

широкаго верхняго кафтана (съ талією), но въ представленномъ здѣсь видѣ оно, по своему покрою, сдѣлано весьма сходнымъ съ далматикою = саккосомъ византійскихъ царей (ср. табл. III) и отличается отъ саккоса а) тѣмъ, что имѣетъ полы спереди и надѣвалось, какъ кафтанъ, а не чрезъ голову, какъ саккосъ и далматика, б) и тѣмъ, что къ низу платно значительно расширяется, такъ что въ подолѣ оно гораздо шире, нежели въ плечахъ и груди, между тѣмъ какъ саккосъ къ низу расширялся очень мало и дѣйствительно походилъ на мѣшокъ = *σάκος*. Полы платна прикрываются широкимъ вышитымъ и унизаннымъ жемчугомъ бордюромъ, который въ облаченіи византійскихъ царей и царицъ соотвѣтствуетъ той части лора, которая идетъ отъ шеи или ворота къ подолу и въ позднѣйшее время, когда лоръ раздѣлился на части, представляло или отдѣльное расшитое и богато украшенное полотнище, надѣвавшееся спереди въ видѣ передника, или нашивалось спереди въ видѣ болѣе или менѣе широкой полосы или бордюра, прикрывавшаго, быть можетъ, невидимыя подъ нимъ полы спереди, какъ на платнѣ нашихъ царей. Въ видѣ такой нашивки или бордюра передняя часть лора, свѣшивавшаяся отъ ворота къ подолу, является, между прочимъ, на изображеніи Мануила Палеолога и его семейства, данномъ въ *Familiae Byzantinae* Дюканжа (р. 197 ed. Venet.), который заимствовалъ это изображеніе изъ рукописи Діонисія Ареопэгита, присланной самимъ Мануиломъ въ монастырь св. Діонисія во Франціи (St. Dény). Ср. Labarte, *Hist. d. arts*, II, 190.

Оплечье царя Алексѣя Михайловича представляетъ собою широкій воротникъ, расшитый жемчугомъ и украшенный изображеніями святыхъ и драгоценными камнями. Такія и подобныя оплечья, вышедшія изъ средней части лора, покрывавшей крестъ-на-крестъ грудь и плечи, встрѣчаются и на изображеніяхъ царей, особенно царицъ византійскихъ, у которыхъ, благодаря особенностямъ ихъ костюма, лоръ подвергся измѣненіямъ и разложенію на части гораздо раньше, нежели у царей (ср. сказанное въ этомъ Очеркѣ, стр. 213 слѣд.). Діадимы или бармы нашихъ царей, сохранившіяся до нашихъ дней, описаны въ *Древностяхъ Государства Россійскаго*, отд. II, стр. 38 слѣд.

Таблица V, къ стр. 55.

Изображеніе креста Господня съ предстоящими съ одной стороны св. Константиномъ Великимъ, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патриархомъ Никономъ, а съ другой св. Еленою, матерью Константина и

царицею Маріею Ильичною. Таблица эта снята съ рисунка, находящагося въ Атласѣ Древностей Россійскаго Государства и описаннаго въ текстѣ, отдѣлъ V, № 1, стр. 3—6. Подлинникъ этого изображенія хранится въ алтарѣ надъ жертвенникомъ Распятской церкви при теремахъ Кремлевскаго дворца. Копіи съ него находятся въ нѣкоторыхъ другихъ храмахъ. По мнѣнію составителя описанія этого изображенія въ Древностяхъ, подлинникъ написанъ (масляными красками) въ началѣ патриаршества Никона.

Изображеніе это важно потому, что оно наглядно представляетъ тожество облаченій византійскаго и русскаго царя и патриарха и въ то же время свидѣтельствуетъ о томъ, что это тожество сознавалось ясно при Алексѣѣ Михайловичѣ. Хотя все изображенія имѣютъ иконописный характеръ, но, тѣмъ не менѣе, облаченія русскихъ царей, царицы и патриарха очень близки къ дѣйствительности и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ ихъ сознательно проведенномъ тожествѣ съ облаченіями свв. Константина и Елены, изображенныхъ въ облаченіяхъ византійскихъ царей и царицъ позднѣйшаго времени. Св. Константинъ изображенъ въ одноцвѣтномъ хитонѣ съ поручами, украшенными узорами, напоминающими узоръ лора. На хитонѣ надѣтъ (саккосъ = дивитисій = далматика) съ короткими рукавами, по своему покрою очень сходный съ платномъ Алексѣя Михайловича и саккосомъ патриарха Никона. Саккосъ Никона отличается только тѣмъ, что онъ разрѣзанъ по бокамъ и застегнутъ. Платно русскаго царя, на таблицѣ IV, имѣющее болѣе длинные и широкіе рукава, здѣсь изображено какъ нельзя болѣе сходнымъ съ саккосомъ св. Константина и патриарха. Оно, повидимому, только шире саккоса и, расширяясь къ подолу, какъ и платно на таблицѣ IV, имѣетъ спереди полы, соединеніе которыхъ прикрыто широкимъ бордюромъ, замѣнившимъ часть лора, спускавшуюся съ праваго или лѣваго плеча къ подолу или позднѣе отъ шеи въ видѣ передника или епитрахили. Съ такими же полами далматикъ = саккосы на царицахъ св. Еленѣ и Маріи Ильичнѣ. Бордюръ, или широкая, украшенная драгоценными камнями и жемчугомъ полоса, идущая отъ ворота до подола, изображена живописцемъ и на саккосѣ Константина; но живописецъ, повидимому, не ясно представлялъ себѣ покрой далматикъ = саккоса и лора и конецъ лора, спускавшійся съ праваго плеча къ подолу, изобразилъ въ видѣ бордюра спереди, а конецъ лора, идущій съ праваго плеча, спустилъ подъ другой конецъ лора, идущій изъ подъ правой руки чрезъ животъ на лѣвую руку, въ которой св. Константинъ держитъ свитокъ. Если бы спускающійся съ праваго плеча конецъ лора былъ соединенъ съ перед-

нимъ бордюромъ, то лоръ на св. Константинѣ надѣтъ былъ совершенно такъ же, какъ на диптихѣ консула Анастасія (таблица VIII) и множествѣ другихъ диптиховъ и изображеній византійскихъ царей въ парадныхъ облаченіяхъ. Такъ онъ, по всей вѣроятности, былъ изображенъ и въ оригиналѣ, съ котораго писалъ живописецъ изображение св. Константина. На св. Еленѣ лоръ является уже въ формѣ двухъ самостоятельныхъ предметовъ облаченія: оплечья и полотнища, идущаго изъ подъ лѣвой руки на правую и перегибающагося на животѣ. Конецъ лора, спускавшійся съ плеча къ подолу или позднее отъ шеи къ подолу въ видѣ передника, получилъ у нашего живописца форму бордюра, окаймляющаго полы далматинки—саккоса, какъ и у нашей царицы, у которой вмѣсто широкаго оплечья св. Елены имѣется только воротничекъ, надѣтый сверхъ широкаго мѣховаго воротника. Въ облаченіи русскаго царя отъ древняго лора осталась только верхняя часть, перекрещивавшаяся на груди, въ видѣ широкаго оплечья, какъ у св. Елены. Вмѣсто спускавшагося съ плеча или отъ шеи конца лора, какъ было сказано, является широкой, окаймляющей полы, бордюръ, какъ на далматинкахъ царицы: св. Елены и Маріи Ильиничны ¹⁾. Часть лора, идущая поперекъ тѣла изъ подъ одной руки на другую, у нашихъ царей и царицъ совсѣмъ отсутствуетъ.

У патріарха Никона лору вполне соответствуетъ омофоръ, одинъ конецъ котораго перекинуть чрезъ лѣвую руку, какъ у св. Константина, но омофоръ, соответствовавшій, какъ предметъ облаченія, лору консуловъ и царей, благодаря историческимъ условіямъ своего развитія, надѣвался нѣсколько иначе, нежели лоръ ²⁾.

Обращаясь къ коронамъ, украшающимъ головы царей, царицъ и патріарха, мы видимъ, что на св. Константинѣ изображена корона (*στέμμα*), очень похожая на теперешнюю архіерейскую митру, а митра патріарха Никона почти тождественна съ короной царицы Маріи Ильиничны, т. е. болѣе походитъ на царскую корону, чѣмъ на обыкновенную архіерейскую митру.

¹⁾ Замѣчательно, что у насъ саккосъ патріарха, въ отличіе отъ саккоса митрополитовъ, украшался такъ-называемымъ *пртерстикомъ*, т. е., унизанною жемчугомъ, камнями и расшитую полосую спереди отъ ворота до подола. Эту полосу можно также разсматривать, какъ остатокъ лора, т. е. той части его, которая у нашихъ царей и царицъ превратилась въ бордюръ спереди. Изображеніе такого саккоса см. въ Указателѣ для обозрѣнія Московской патріаршей (нынѣ Синодальной) ризницы, архіеп. Саввы, 5-е изд., Москва, 1883, табл. VI, гдѣ изображенъ саккосъ съ подобной нашивкой, хотя онъ названъ саккосомъ Всероссийскаго митрополита. Ср. приложенный къ этой книгѣ объяснительный словарь (стр. 16), гдѣ авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ употребленіи у насъ саккоса, названіе котораго, къ сожалѣнію, производится отъ еврейскаго слова, а не греческаго, какъ бы слѣдовало.

²⁾ Омофоръ принадлежитъ къ числу очень древнихъ предметовъ епископскаго облаченія и первоначально не имѣлъ характера и значенія лора.

Корона св. Константина, развившаяся из высокой шапки, закругленной наверху, очень близко подходит по своей формѣ къ коронѣ Михаила VIII Палеолога на таблицѣ III, гдѣ мы имѣемъ образецъ короны, какъ нельзя болѣе напоминающей архіерейскія митры. (Ср. корону Мануила Палеолога на указанномъ выше изображеніи его съ семействомъ). Хотя русскія архіерейскія митры не всегда имѣли такую именно форму, какъ показываютъ нѣкоторыя древнія русскія митры, сохранившіяся до нашихъ дней, но изображенія какъ русскихъ, такъ и греческихъ митръ, сколько мнѣ извѣстно, указываютъ, что преобладающею и давно установившеюся ихъ формою была именно та, которую мы встречаемъ на позднѣйшихъ византійскихъ царяхъ, т. е. высокая шапка съ ободкомъ вокругъ головы, получившая значеніе короны и называвшаяся потому у насъ то шапкою, то короною ¹⁾). Тождество митры съ царскою

¹⁾ У грековъ архіерейскія митры и теперь называются коронами. Этимъ же именемъ назывались и у насъ парадныя патріаршія митры, которыя имѣли даже ободки съ городками и ничѣмъ не отличались отъ царскихъ коронъ. Такъ, изъ митръ патріарха Никона, хранящихся въ Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) ризницѣ, одна митра называется *короною*, а другая *большою короною*. Та, которая называется *короною*, дѣлана въ Константинополѣ подъ надзоромъ самаго Константинопольскаго патріарха Іоанникія и въ февралѣ 1654 года привезена въ Москву, при грамотѣ вселенскаго патріарха къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ грамотѣ патріархъ говоритъ, что корона, какъ и заказанный вмѣстѣ съ нею саккосъ, сдѣланы по чину и образцу греческому (*ἐν τῷ σάκκῳ καὶ κορώνῳ μίαν... κατὰ τὴν τάξιν καὶ τὸν ἡμέτερον συνητασμόν, ... μετὰ ὅποια νὰ ἐκτελεῖ τὰς ἱεράς τελετὰς...*). Это обстоятельство лишаетъ возможности видѣть въ этой коронѣ результатъ какого-нибудь новшества Никона и заставляетъ признать такія и подобныя патріаршія короны вполне каноническими. На эти короны патріаршія и архіерейскія перенесено названіе другого рода головныхъ повязокъ и покрововъ, которые, какъ гласитъ преданіе, издавна употреблялись во время богослуженія въ нѣкоторыхъ (негреческихъ) церквяхъ епископами и которые назывались митрами, хотя митра и корона совершенно различнаго происхожденія и значенія (о позднѣйшемъ введеніи митръ = коронъ въ составъ облаченія въ западной и восточной церкви см. К г а u s' a Realencykl., II, с. 211 слѣд., гдѣ разобраны вкратцѣ и свидѣтельства объ употребленіи митръ = головныхъ повязокъ. О митрахъ нашихъ патріарховъ см. архіепископа Тверскаго, *Саввы*, Указатель для обозрѣнія Патріаршей (нынѣ Синодальной) Московской ризницы, Москва, 1883, изд. 5, стр. 12 и слѣд. Мнѣніе, что «въ IV в. митра была уже въ числѣ обыкновенныхъ принадлежностей епископскаго сана» (*ibid.*, Объяснительнаго словаря стр. 10) не можетъ быть подтверждено никакими серьезными доказательствами и опровергается многочисленными изображеніями патріарховъ, митрополитовъ и вообще епископовъ. Не говоря уже о болѣе древнихъ памятникахъ, даже въ Минологіи, составленномъ для Василія II Болгаробойцы, не только епископы, но и патріархи, кромѣ Александрійскаго, изображаются безъ митръ и саккосовъ, въ фелоняхъ и омофорахъ. Къ сожалѣнію, сколько мнѣ извѣстно, прямыхъ свидѣтельствъ о времени введенія коронъ = митръ въ составъ патріаршаго облаченія не имѣется. По словамъ людей, имѣвшихъ случай наблюдать церковные обычаи на греческомъ югѣ, митра, называемая постоянно короною, при совмѣстномъ служеніи нѣсколькихъ епископовъ, надѣвается тамъ только старшимъ (митрополитомъ, архіепископомъ или патріархомъ), а прочіе младшіе по чину епископы служатъ въ такихъ случаяхъ безъ митръ. Въ этомъ обычаѣ можно видѣть слѣды тѣхъ временъ, когда митру = корону имѣлъ право носить во время богослуженія только патріархъ. Проф. Е. Г о л у б и н с к і й въ своей Исторіи Русской

византійскою короною доказываетъ, что патріаршая, а потомъ и архіерейская митра сознательно дѣлалась въ формѣ царской византійской короны позднѣйшаго времени и сама по себѣ ничѣмъ не отличалась отъ царской, за исключеніемъ подвѣсокъ или нитей изъ жемчуговъ и драгоцѣнныхъ камней, которыя у царей и царицъ висятъ съ обѣихъ сторонъ около ушей. Это такъ-называемыя *προπευδούλια, κατάσειστα*. У нашихъ царей такихъ подвѣсокъ, сколько мнѣ извѣстно, на коронахъ также не было; не изображены онѣ и на коронахъ св. Константина и Елены, быть можетъ, потому, что живописецъ на оригиналѣ, съ котораго онъ писалъ изображенія этихъ святыхъ, не замѣтилъ ихъ или считалъ несущественными ¹⁾. У царицъ, впрочемъ, иногда такихъ подвѣсокъ не бываетъ, на сколько

Церкви, I, 2, стр. 230 слѣд. довольно много говоритъ о происхожденіи архіерейскихъ митръ. По его словамъ, употребленіе митръ при богослуженіи произошло отъ употребленія при богослуженіи въ греческой церкви маленькихъ плоскихъ скуфеекъ, прикрывавшихъ «гуменце»; изъ этихъ скуфеекъ у насъ современемъ вышли болѣе высокія шапки на твердой подкладкѣ, украшенныя разными изображеніями и узорами. Форму византійской царской короны позднѣйшаго времени митры приняли, якобы, потому, что греки, заимствовавъ у насъ въ XVI в. богослужебныя шапки, придали имъ форму коронъ позднѣйшихъ императоровъ, а отъ грековъ заимствовали эту форму коронъ для митры патріархъ Никонъ. Не считая возможнымъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого мнѣнія, замѣчу однакожъ, что ношеніе греческимъ духовенствомъ во время богослуженія скуфеекъ основано на очень сомнительныхъ свидѣтельствахъ, а показанія иконографическихъ памятниковъ и свидѣтельство Симеона Фессалоникійскаго доказываютъ, что греческое духовенство шапочекъ во время богослуженія не носило, кромѣ патріарха Александрійскаго. У насъ, дѣйствительно, можетъ быть, благодаря холоднымъ церквамъ такія шапочки или скуфейки употреблялись. Но что греки въ XVI вѣкѣ заимствовали у насъ подобныя шапочки или шапки, это тоже сомнительно. Изъ приведенныхъ проф. Голубинскимъ на стр. 225, прим. 3, фактовъ можно заключить, что, кромѣ патріарха Александрійскаго, давно употреблявшаго при богослуженіи головной покровъ, богослужебную шапку въ формѣ царской короны сначала имѣлъ только патріархъ Константинопольскій, потомъ Иерусалимскій и др. А такъ какъ на греческомъ югѣ, при соборномъ служеніи нѣсколькихъ архіереевъ, только старшій служитъ въ митрѣ, а остальные митры не надѣваютъ, то посоль нашъ, въ 1585 году видѣвшій служеніе Александрійскаго, Константинопольскаго и Антиохійскаго, естественно видѣлъ шапку только на Александрійскомъ, какъ старшемъ. Затѣмъ шапки въ формѣ царской короны стали усвоить себѣ другіе патріархи, митрополиты и т. д., пока она сдѣлалась принадлежностью всѣхъ епископовъ. Словомъ, съ архіерейскою шапкою въ формѣ царской короны случилось то же, что съ саккосомъ, который отъ патріарха перешелъ постепенно ко всѣмъ епископамъ. Какова бы, впрочемъ, ни была исторія архіерейскихъ митръ, несомнѣнно, что имъ сознательно и нарочито придана форма царскихъ коронъ позднѣйшаго времени и такимъ образомъ, въ составъ сначала патріаршаго, а потомъ епископскаго облаченія вообще вошелъ не только царскій саккосъ, вышедшій изъ далматика, но и царская корона.

¹⁾ Въ Древностяхъ Государства Россійскаго корона св. Константина названа кесарскою. Если держаться обычаевъ и порядковъ IX—XI вв., то корону св. Константина можно назвать кесарскою (τὸ κλαυρίκιον), потому что тогда кесарская корона отличалась отъ царской именно отсутствіемъ креста на верху короны и подвѣсокъ. Но вполнѣдствіи и цари носили при полномъ парадномъ облаченіи короны безъ крестовъ, какъ показываетъ корона Михаила VIII Палеолога (табл. III; ср. мой *Byzantina*, I, стр. 168; кн. II, см. указат.).

можно судить по рисункамъ съ старинныхъ изображеній (см. таблицу III и IX). Въ описаніи изображенія креста, находящемся въ текстѣ Древностей Россійскаго Государства, препепдуліями ошибочно названъ бѣлый платокъ, покрывающій головы царицъ и спускающійся на шею ¹⁾).

Таблица VI, къ стр. 57 слѣд.

На этой таблицѣ мы имѣемъ изображеніе Византійскаго царя въ такомъ облаченіи, въ какомъ обыкновенно совершались выходы въ храмъ св. Софіи, кромѣ перваго дня Пасхи. Царь, Никифоръ Вотаниатъ, изображенъ здѣсь въ дивитисіи = саккосѣ, надѣтомъ на внутренній хитонъ, хитонъ этотъ весь закрытъ саккосомъ, такъ что выходятъ изъ-подъ него только рукава хитона, украшенные поручами. Дивитисій имѣетъ такой же покрой, какъ и на табл. I, и сдѣланъ изъ голубой матеріи, затканной или расшитой золотыми листками. Хламида, накинутая сверхъ дивитисіи, темномалиноваго цвѣта и заткана такимъ же узоромъ, какъ и дивитисій. Надѣта она, какъ обыкновенно надѣвалась хламида, т. е. застегнута фибулою на правомъ плечѣ, причеиъ правая пола перекинута черезъ плечо; а лѣвая спускается отъ праваго плеча къ ногамъ, прикрывая переднюю часть тѣла. Вслѣдствіе такого способа надѣванія хламиды правая рука оставалась свободно и неприкрытою, а лѣвая совершенно закрывалась хламидою, такъ что, если нужно было что-нибудь сдѣлать лѣвою рукою или поднять ее, то она поднималась или вмѣстѣ съ хламидою, или хламида поднималась на лѣвой рукѣ, образуя складки. Для того, чтобы освободить и лѣвую руку, дѣйствовать которой подъ хламидой изъ тяжелой матеріи было очень неудобно, стали на лѣвой полѣ дѣлать вырѣзку клиномъ, верхній конецъ котораго приходился на груди, благодаря чему лѣвую руку можно было удобно поднимать. Въ такомъ именно видѣ является хламида на нашей таблицѣ. Въ верху на лѣвой полѣ хламиды сдѣлана нашивка, представляющая собою лѣвую половину $\tau\alpha\beta\lambda\acute{\iota}\sigma\upsilon$, т. е. таблички или нашивки патрикіевъ. Вмѣстѣ съ нашивкою на правой полѣ, перекинутой чрезъ правое плечо, нашивка лѣвой полы составляла цѣльную табличку, когда фибула и полы передвигались напередъ и хламида надѣвалась подобно плащу ($\sigma\alpha\chi\acute{\iota}\sigma\upsilon$) ²⁾. Образецъ такого способа надѣванія

¹⁾ Ср. объясненія къ табл. III, гдѣ я высказалъ свое соображеніе о происхожденіи этихъ подвѣсокъ.

²⁾ Византійскія хламида и плащъ представляютъ собою хотя не одну и ту же, но весьма сходнаго покрою одежду и отличаются, главнымъ образомъ, тѣмъ, что хламида дѣлалась изъ болѣе тяжелой, дорогой и затканной золотомъ матеріи, и составляла принад-

и ношенія хламиды мы имѣемъ въ одной изъ большихъ миниатуръ той же рукописи Иоанна Златоуста, изъ которой заимствованы и рисунки, часть занимающій (см. выше объясненія къ табл. I). Тамъ Никифоръ Фока изображенъ стоя въ такомъ же орнатѣ, какъ на нашей таблицѣ, но болѣе богатомъ и великолѣпною, а направо и налѣво отъ него стоятъ по два сановника, изъ которыхъ 3 одѣты въ хламиды, накинутыя подобно плащу, такъ что фибула застегнута ниже подбородка на груди и полы сходятся спереди, причемъ начинающіяся отъ фибулы двѣ части таблички образуютъ на груди широкую, закругленную наверху золотую нашивку, закрывающую почти всю грудь. Хламиды съ такими золотыми нашивками назывались, какъ мы видѣли (стр. 42 слѣд.), *χλαμίδα χρυσόταβλα*.

Голову царя украшаетъ вѣнецъ, который, по своей формѣ, представляетъ собою низкую шапку изъ красной матеріи, окруженную, въ видѣ околыша, золотымъ ободкомъ, украшеннымъ жемчугомъ. Верхъ шапки не виденъ, но чрезъ прорѣзь спереди видна красная матерія, изъ которой сдѣлана шапка. Спереди надъ ободкомъ виденъ крестикъ, сдѣланный изъ 4 жемчужинъ. Между щеками и усами отъ вѣнца спускаются жемчужныя подвѣски (*προπευδοβλια*). Ноги царя обуты въ красныя сапоги, расшитыя золотомъ и украшенные жемчугомъ; это — обувь, которая надѣвалась обыкновенно принявшими титулъ царя полководцами и которая потому часто упоминается у византийскихъ историковъ, какъ отличительный знакъ царскаго достоинства.

Царь въ благоговѣйной позѣ сидитъ и слушаетъ слова св. Иоанна Златоуста, который читаетъ монахъ Савва. Здѣсь мы имѣемъ сцену изъ частной, домашней жизни царя и потому царскій нарядъ на Никифорѣ является не совсемъ умѣстнымъ. Въ домашней жизни цари Византийскіе, какъ и всѣ монархи, царскаго орната не носили, а ходили въ обыкновенномъ, домашнемъ платьѣ, т. е., по всей вѣроятности, въ нижнемъ хитонѣ (*ἑσωφόριον*, *intergula*), на который, при выходѣ царя въ обыкно-

---

лежность высшихъ чиновъ и царя, украшалась, кромѣ того табличкою (*τὸ ταβλίον*), или нашивкою, служившею отличительнымъ знакомъ патрикіевъ. Потому хламида надѣвается высшими чинами въ торжественныхъ случаяхъ, какъ одежда полнаго парада, между тѣмъ какъ плащъ (*σαγίον*) для царя и высшихъ чиновъ, кромѣ военныхъ, служитъ полупарадною и даже служебною одеждою. Какъ сдѣланный изъ болѣе легкой и тонкой матеріи плащъ, застегнутый на груди, часто откидывался назадъ чрезъ плечи, между тѣмъ какъ тяжелая хламида, украшенная вышивками и узорами, неудобна была для такого откидыванія, благодаря которому руки дѣлались свободными. Для достиженія этой цѣли хотя отчасти, хламида большею частію застегивалась на правомъ плечѣ фибулой, причемъ разрѣзь приходился на боку, такъ что правая, по крайней мѣрѣ, рука дѣлалась свободною, а для лѣвой впоследствии стали дѣлать вырѣзку. Такимъ образомъ, византийскую хламиду болѣе или менѣе можно сравнивать съ древнеримскимъ *paludamentum*, между тѣмъ какъ *σαγίον* соответствуетъ римскому *sagum*. Ср. *Ma r q u a r d t*, *Privatleben*, I, s. 548 слѣд.

венные дни, надѣвался скарамангій, а въ большіе праздники сначала скарамангій, а потомъ дивитисій (см. выше, стр. 16 и 46). Не безынтересно было бы видѣть царя въ этомъ домашнемъ нарядѣ, но тогда царь не отличался бы ничѣмъ отъ многихъ другихъ смертныхъ, а потому онъ, какъ царь, изображенъ, по обыкновенію, въ царскомъ орнатѣ, хотя и не самомъ великолѣпномъ. Сидитъ царь, повидимому, не на тронѣ (*θρόνος* или *σύνζος*) собственно, а на замѣняющемъ его золоченомъ креслѣ (*χρυσοσελλίον*), на которое положена красная подушка (*σαμνάλιον*)¹⁾, хотя и это кресло можетъ быть названо трономъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Такъ какъ царское кресло дѣлалось выше обыкновеннаго, то подъ ноги подставлялась особая подставка или подножіе (*ὀποπόδιον*), которое на нашей таблицѣ изображено въ видѣ круглой скамеечки, обитой малиновою матеріею.

За царскимъ кресломъ виденъ киворій, стоящій на возвышенномъ полу, въ тронной конхѣ, довольно далеко отъ кресла. Киворій или камилавкій²⁾ закрытъ раздвижною завѣсою (*βῆλον σαρτόν*). Подъ нимъ стоялъ тронъ (*θρόνος*, *σύνζος*). Такъ какъ киворій изображенъ прямо за царскимъ кресломъ, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ (для показанія разстоянія?), то онъ представляется какъ бы стоящимъ надъ царскимъ кресломъ, что придаетъ этому креслу значеніе царскаго трона.

¹⁾ О царскомъ тронѣ и замѣняющихъ его креслахъ см. мою *Byzantina*, кн. I, стр. 14.

²⁾ Киворій (*τὸ κιβώριον*) называется камилавкіемъ (*τὸ καμελαύκιον*), сколько мнѣ извѣстно, только въ Придворномъ Уставѣ и въ Греч. Глоссаріи Дюкьянжа s. v. *καμελαύκιον* такого значенія не дано, почему Reiske въ своихъ комментаріяхъ (р. 652) объясняетъ значеніе этого слова, когда оно употребляется вмѣсто «киворія» въ Придворномъ Уставѣ, неправильно. Такъ какъ это обстоятельство не оговорено ни въ I кн. *Byzantina*, ни во II, то считаю долгомъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что толкованіе Reiske ввело въ заблужденіе г. Марковича, повторившаго неправильное объясненіе Reiske (см. предисловіе къ этой книгѣ, стр. XVIII слѣд.). Слово *καμελαύκιον* употребляется въ Придворномъ Уставѣ въ смыслѣ *κιβώριον*, когда рѣчь идетъ о балдахинѣ, стоящемъ въ Консistorіи (см. *Byzantina*, I кн., стр. 117 слѣд.; II кн., стр. 66 и 67). Подъ этимъ балдахиномъ или предъ нимъ становился царь, когда входилъ въ Консistorію и выслушивалъ привѣтствіе всего синклита. Этотъ моментъ въ разныхъ обрядахъ описывается такъ: I, 1, 11: τῶν δεσποτῶν ἱσταμένων ἔνωθεν τοῦ πολυπίτου ἔμπροσθεν τοῦ καμελαυκίου; I, 9, 83: καὶ ἵσταται (ὁ βασιλεὺς) ὑπὸ τοῦ καμελαύκιου ἐν τῷ πορφυρῷ λίθῳ (тоже, I, 10, 73); I, 23, 130: καὶ σπάντος τοῦ βασιλέως ὑποκάτω τοῦ καμελαυκίου εἰς τὸν πορφυροῦν λίθον; I, 30, 163: ὁ βασιλεὺς ἵσταται ὑποκάτω τοῦ καμελαυκίου ἐν τῷ πορφυρῷ λίθῳ (ср. I, 35, 181); I, 46, 232: σταντῶν τῶν δεσποτῶν εἰς τὸ κιβώριον ἐπάνω τῶν πορφυρῶν γριδελίων (ср. I, 46, 235, строк. 8 — 10); I, 38, 192: καὶ ἵστανται οἱ δεσπῶται εἰς τὸ κιβώριον. Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ несомнѣнно видно, что тотъ же самый балдахинъ надъ трономъ называется то *κιβώριον*, то *καμελαύκιον*, а потому объясненіе Reiske къ II, 15, 573 (здѣсь говорится объ украшеніи Консistorіи, которая называется триклиномъ, ἐν ᾧ καὶ τὸ καμελαύκιον ἵσταται) не совсѣмъ вѣрно. Въ *Comment.* 652 онъ говоритъ: Puto, fuisse triclinium, in cuius medio aut steterit columna cum superimposito umbello vel uranisco, aut pependerit polycandelum, a similitudine cum camelaucio sic dictum, quod camelaucium, hoc est infulam, almucciam (*un*

Предъ царемъ стоитъ монахъ Савва и читаетъ слова Иоанна Златоуста. Книга лежитъ на аналоѣ, съ подъемною верхнею доскою.

Монахъ Савва одѣтъ въ длинный, узкій хитонъ вродѣ подрясника или подризника, на который надѣта, повидимому, фелонь, такъ что можно думать, что монахъ Савва имѣлъ санъ священника. Надпись надъ монахомъ Саввою гласитъ: Ὁ ἐν μοναχοῖς ἐδ(σεβῆς) Σάββας καὶ πρ(εσβύτερος). Надъ Никифоромъ: Νικηφόρος ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὁ Βατανειάτης. Надъ рисункомъ надписано: Ὑψους ἀνάκτων εὐκλεῆς σκηπτουχία, | Ταῖς ἡδωναῖς τέλχθητι ταῖς ἐκ τῶν λόγων | Καὶ τὴν ψυχὴν τέρφθητι καὶ χαίρων κρότει, | Σοῖς οἰκέταις βράβευε χεῖρα πλουσίαν.

Таблица VII, къ стр. 197—198.

Ватиканская далматика, въ которую облачались западно-римскіе (германскіе) императоры при коронаціи, представляетъ собою единственный извѣстный мнѣ экземпляръ разрѣзной царской далматики (= дивитисія=сагбоса) и въ то же время самый великолѣпный образецъ греческаго ткацкаго искусства. Вся далматика сдѣлана изъ одного куска, по всей вѣроятности, специально для этого изготовленнаго. Толщина и тяжесть матеріи, роскошные узоры, вышивки и рисунки достаточно объясняютъ, почему эта далматика сдѣлана въ видѣ двухъ полотницъ, съ разрѣзами по бокамъ. Хотя далматика вообще дѣлалась безъ полъ въ видѣ мѣшка (σάκκος, ср. объясненія къ табл.), тѣмъ не менѣе для удобства надѣванія на ней дѣлался въ позднѣйшее, по крайней мѣрѣ, время разрѣзъ спереди въ верху (воротъ) и внизу (ср. табл. I и III и объясненія къ нимъ). Въ Ватиканской далматикѣ этихъ разрѣзовъ не сдѣлано, по-

---

bonnet) referret. Здѣсь вѣрно только то, что камилавкою называлась шапка съ круглымъ верхомъ и что отъ сходства съ нею стало называться камилавкою и поликандило, сдѣланное въ видѣ шапки. Отъ такого же сходства съ шапкою и киворіи съ круглымъ верхомъ назывались камилавками. Далѣе Reiske описываетъ форму шапки, называвшейся *καμελάβιον*, и указываетъ, какъ на образецъ камилавки, на шапки сановниковъ, идущихъ справа отъ Юстиніана на Равеннской мозаикѣ, воспроизведенной у Дюканжа въ *Familiae Byzant.* p. 97 (id. Paris=80 ed. Venet.) и на вышеназванную миниатюру изъ рукописи Иоанна Златоуста, на которой справа отъ Никифора Ватаніана стоятъ два сановника въ высокихъ шапкахъ съ сферическимъ верхомъ. Шапки сановниковъ Никифора дѣйствительно по своей формѣ на митры. Подобной формы шапки, конечно, надлежащимъ образомъ украшенныя, Константинъ Багрянородный прямо называетъ коронами въ 13 гл. de adm. imp., гдѣ онъ говоритъ, что варвары, а въ томъ числѣ и русскіе, часто просятъ у византійскихъ царей «царскихъ одеждъ и коронъ, которыя мы называемъ камилавками». Относительно образованія коронъ изъ разнаго рода шапокъ см. 24 Dissert. Дюканжа къ Исторіи Людовика Святаго Жуанвиля. Ср. описаніе табл. III.

тому что разръзъ для ворота испортилъ бы великолѣпный вышитый рисунокъ, изображающій Христа во славѣ, съ предстоящими силами небесными и святыми. Во всей далматикѣ сдѣланъ только одинъ разръзъ или, точнѣе, вырѣзка для продѣванія головы. Благодаря тому, что далматика вмѣсто поля имѣетъ разръзы по бокамъ, она могла надѣваться безъ складыванія и сжиманія матеріи, но непременно при помощи нѣсколькихъ человѣкъ, изъ которыхъ одни держали заднее и переднее полотнища (въ растянутомъ видѣ?) на уровнѣ головы, а другіе надѣвали отверстіе на голову, послѣ чего полотнища опускались безъ складокъ и поврежденія матеріи, узоровъ и рисунковъ. Весьма вѣроятно, что разръзныи далматикѣ высшихъ чиновъ были не такъ богато отдѣланы, какъ царскія, но онѣ также дѣлались изъ толстой вышитой златотканной матеріи и состояли изъ двухъ полотнищъ, покрывающихъ спину и передъ, а потому также походили на латы или панцыри, почему, какъ я предполагаю, и стали называться панцырями (θώρακια), бронями ¹⁾. Ватиканская далматика находится въ сакристіи храма св. Петра въ Римѣ, но когда и при какихъ обстоятельствахъ она туда попала, неизвѣстно. Подробное описаніе ея даетъ Францъ Боккъ въ своей книгѣ о регаліяхъ западно-римскихъ (германскихъ) императоровъ (F r a n z B o c k, Kleinoden des Römischen Reichs, стр. 95 слѣд.). Въ атласѣ, приложенномъ къ этой книгѣ, даны два хромо-литографированныя изображенія Ватиканской далматикѣ: одинъ изображаетъ переднюю сторону, а другой заднюю. Нашъ рисунокъ изображаетъ переднюю сторону и снятъ съ табл. XVIII атласа Бокка, который въ надписи къ этой таблицѣ называетъ ее Далматикою Льва III, XII в.

На рисунокѣ Бокка и нашемъ далматика перегнута не на срединѣ, а за воротомъ, потому задняя сторона кажется короче передней. При сгибаніи на срединѣ ворота, напротивъ, переднее полотнище будетъ короче задняго: переднее 1,395 Metr., а заднее 1,475.

---

¹⁾ Возможно, впрочемъ, что дивитисіи = саккосы назывались панцырями и не потому, что они были разръзные на бокахъ, а потому, что были сдѣланы изъ толстой златотканной парчи, были гораздо короче нижней тунки, имѣли короткіе рукава и, будучи безъ поля спереди, походили болѣе или менѣе на мѣшкообразные желѣзные сѣтчатые панцыри, которыя въ свою очередь назывались желѣзными хитонами (χιτών σιδηρός = Λογισα = Logica) и также были безъ поля спереди, а надѣвались съ головы, какъ саккосы безъ разръзовъ по бокамъ.

Таблица VIII, къ стр. 211 слѣд.

Диптихъ Анастасія, консула въ Константинополѣ 517 г. [Fl. Anastasius Paul(us) Pro(b)us Savinianus Pomp(eius) Anas(tasius)].

Консулъ изображенъ на диптихѣ въ моментъ начатія устроеннаго имъ для народа зрѣлища съ римскимъ скипетромъ въ лѣвой рукѣ и сверткомъ въ правой. Парадное облаченіе консула состоитъ, кромѣ нижней туники съ расшитымъ подоломъ и поручами на рукавахъ, изъ далматикки и трабеи. На ногахъ у консула бѣлая обувь, перевитая крестъ-на-крестъ ремешками, завязанными выше ступни. Словомъ, этотъ консулъ имѣетъ совершенно такіе же предметы облаченія, какъ и другіе консулы на диптихахъ, а въ томъ числѣ и Flavius Felix, изображеніе котораго мы имѣемъ на таблицѣ II, но какъ матерія, такъ и покрой далматикки и трабеи значительно отличаются и ближе подходятъ къ позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ этихъ парадныхъ одеждъ. Обѣ одежды сдѣланы изъ одинаковой и сплошь вышитой толстой матеріи, напоминающей нашу парчу. Вслѣдствіе этого, по всей вѣроятности, рукава далматикки сдѣланы короче и, закругленные на концахъ, внизу имѣютъ разрѣзъ, доходящій до соединенія рукава со станомъ подъ мышкою. Укороченъ рукавъ и разрѣзанъ внизу, вѣроятно, для того, чтобы удобнѣе можно было надѣвать далматикку и поднимать руку. На гипсовой копіи, находящейся въ Христіанскомъ Музеѣ Императорской Академіи Художествъ, разрѣзъ рукава внизу совершенно ясно видѣнъ, довольно хорошо онъ изображенъ и на снятомъ съ этой копіи занимающемъ насъ рисункѣ. Короткій рукавъ далматикки съ разрѣзомъ внизу, встрѣчающійся и на другихъ диптихахъ, напримѣръ, на диптихѣ Филоксена, изображенномъ у Vandugi, Imperium Orientale, pag. IV, ad pag. 372, весьма важенъ въ томъ отношеніи, что онъ служитъ древнимъ прототипомъ рукава позднѣйшихъ далматикъ, какова Ватиканская, изображенная на таблицѣ VII. Переходя затѣмъ къ трабеа, мы видимъ, что она почти уже вся получила форму позднѣйшаго лора: конецъ ея, проходящій изъ-подъ правой руки, значительно сдузился сравнительно съ трабеа Флавія Феликса и не закрываетъ и половины того, что закрываетъ соотвѣтствующій конецъ трабеи Флавія Феликса. Способъ надѣванія, одинаковый съ болѣею частію консульскихъ диптиховъ, также приблизился къ способу надѣванія лора. Какъ обыкновенно впоследствии надѣвался лоръ, не разложившійся еще на отдѣльныя части, такъ и трабеа нашего диптиха идетъ своимъ узкимъ

концомъ отъ ступней не на лѣвое плечо, какъ у Феликса, а на правое и, закрывая его, подходитъ подъ правую руку, изъ-подъ которой чрезъ грудь поднимается на лѣвое плечо, а съ него уже чрезъ спину проходитъ на правый бокъ, съ котораго чрезъ животъ переходитъ на лѣвую руку, держащую римскій скипетръ. Благодаря этому способу надѣванія трабеи и вышедшаго изъ нея лора, на груди трабеа правильно перекрещивалась и образовывала родъ нагрудника или оплечья; обстоятельство это позволило потомъ, когда лоръ сталъ слишкомъ толстъ и тяжелъ отъ украшавшихъ его драгоценныхъ камней и жемчуга и когда стало трудно обвивать его вокругъ шеи, выдѣлать эту часть лора въ самостоятельную часть, надѣвавшуюся на плечи въ видѣ широкаго воротника или оплечья, изъ-подъ котораго спускался или къ которому пристегивался узкій конецъ трабеи въ видѣ передника или широкаго полотенца, превратившагося, наконецъ, въ нашивку на далматикѣ = саккосѣ у царей, спускавшуюся отъ шеи къ ногамъ въ видѣ широкаго бордюра.

Подлинникъ диптиха Анастасія находится въ Берлинской Кунсткамерѣ. Издавъ G o r i, Thes. Diptych., II, tab. 11. О другой части этого диптиха и другихъ экземплярахъ того же диптиха см. Wilh. Meyer, Zwei Elfebeintafeln, p. 67—68, подъ № 14—17.

Таблица IX (къ стр. 202 и слѣд.).

На этой таблицѣ мы имѣемъ изображеніе царя и царицы, Никифора Вотагіата и Маріи, въ облаченіи, въ которомъ совершался выходъ въ 1-й день Пасхи ¹⁾.

Царь изображенъ въ саккосѣ = дивитисіи совершенно такого же покроя, какъ на табл. I; только матерія, изъ которой сдѣланъ саккосъ, великолѣпнѣе и гораздо болѣе расшита золотомъ. На саккосѣ надѣтъ лоръ, сдѣланный изъ очень толстой парчи и усыпанный драгоценными камнями и жемчугомъ, такимъ же образомъ, какъ надѣта трабеа на консулѣ Анастасіи (табл. VIII), т.-е. одинъ конецъ его отъ подола идетъ на правое плечо и, выходя изъ-подъ правой руки, своею серединою лоръ переходитъ на лѣвое плечо, откуда по спинѣ опять спускается подъ правую руку; изъ-подъ этой руки идетъ широкая полоса чрезъ животъ и поднимается на лѣвую руку, свѣшиваясь съ нея другимъ концомъ. Не

¹⁾ Рисунокъ сдѣланъ съ копии, находящейся въ Христіанскомъ Музеѣ Академіи Художествъ и снятой съ парижской рукописи Іоанна Златоуста. Ср. объясненія къ I табл.

смотря на это сходство въ способѣ надѣванія, между лоромъ Никифора Вотаніата и трабеею консула Анастасія большая разница. Трабея консула хотя и сдѣлана изъ златотканной толстой матеріи, но она еще состоитъ изъ одного куска и обвивается вокругъ тѣла болѣе или менѣе свободно. Матеріаль, изъ котораго сдѣлана трабея, хотя и довольно тяжель, но еще не настолько, чтобы обвиваніе трабеи было совсѣмъ невозможно. Но когда трабея=лоръ стала унизываться драгоценными камнями и жемчугомъ, она сдѣлалась до того тяжела и неудобна для обвиванія и перегибанія, что лоръ необходимо было раздѣлить на части, которыя можно было бы надѣвать отдѣльно безъ перегибанія по возможности.

Въ такомъ видѣ лоръ является на нашемъ рисункѣ. Хотя онъ расположенъ еще подобно консульской трабеѣ, но онъ уже состоитъ, очевидно, изъ отдѣльныхъ частей, концы которыхъ спрятаны или, быть можетъ, сшиты. Такъ, конецъ лора, идущій снизу вверхъ до подола спереди, очевидно, пришитъ или пристегнуть вверху подъ среднюю часть лора, перекрещивающеюся на груди. Если бы онъ составлялъ съ этою частью одно цѣлое, то онъ, при своей толщинѣ, не могъ бы висѣть прямо, а согнуть его весьма трудно безъ большихъ, некрасивыхъ и тяжелыхъ складокъ. Другой конецъ лора, идущій чрезъ животъ на лѣвую руку, состоитъ изъ двухъ частей: одна, широкая и украшенная, какъ и весь лоръ, камнями и жемчугомъ, идетъ поперекъ тѣла, начинаясь, вѣроятно, немного позади, подъ правой рукой; другая сдѣлана изъ болѣе тонкой и легкой шелковой матеріи, почти не расшитой золотомъ и не украшенной камнями, а только жемчугомъ, очевидно, для того, чтобы легко и удобно можно было ее перегибать чрезъ руку и чтобы она не слишкомъ оттягивала руку, въ которой царь держитъ акакію въ видѣ свитка (*τόμος*). Сравнительно большая ширина части лора, проходящей поперекъ тѣла, объясняется тѣмъ, что и на консульскихъ диптихахъ эта часть трабеи была гораздо шире остальныхъ частей.

Средняя часть лора, покрывающая плечи и грудь, начинается, по видимому, на груди и оканчивается подъ правой рукой, гдѣ начинается поперечный конецъ лора, но какъ средняя часть располагалась и надѣвалась, сказать трудно, такъ какъ неизвѣстно, какъ расположенъ былъ лоръ позади, на спинѣ. Видно только, что среднюю часть старались расположить такъ, чтобы положеніе лора на груди и плечахъ походило на положеніе средней части трабеа на консульскихъ диптихахъ, хотя и это стремленіе все болѣе и болѣе забывалось, такъ что средняя часть выдѣлилась въ вполне самостоятельный предметъ облаченія, въ оплечье,

какъ у царицы Маріи и у болѣе позднихъ царей (ср. выше, стр. 214 прим. 1 этого очерка).

Корона на царѣ надѣта такой же формы, какъ на табл. VI, т. е. имѣеть форму шапки съ широкимъ золотымъ ободкомъ, украшеннымъ жемчугомъ. Надъ лбомъ въ ободкѣ прорѣзъ, въ который вставленъ большой красный камень.

Въ правой рукѣ царь держитъ скипетръ въ формѣ лабара (*labarum*), на которомъ вмѣсто шелкового платка съ надписью и монограммою Христа придѣлана разукрашенная драгоценными камнями и жемчугомъ дощечка. Такой формы скипетры встрѣчаются часто на монетахъ.

Въ правой рукѣ у царя акакія въ формѣ свертка или свитка (*τόμος*).

Облаченіе царицы состоитъ изъ тѣхъ же предметовъ; сравнительно съ царемъ у нея нѣтъ только акакіи; но по формѣ предметы облаченія царицы значительно отличаются.

Корона царицы гораздо выше и по своему виду походитъ на короны царицъ временъ Палеологовъ, т. е. на *τιμῆαιον* (ср. описаніе табл. III). Подвѣсокъ, которыя украшаютъ корону Никифора и которыя по обрядамъ Придворнаго Устава составляютъ принадлежность и короны царицы, корона Маріи не имѣеть.

Скипетръ царицы Маріи заканчивается крестомъ на верху и вполне соотвѣтствуетъ подобнымъ скипетрамъ у царей.

Лоръ царицы, по своему покрою, значительно отличается отъ лора царя и, благодаря особенностямъ женскаго облаченія, гораздо дальше и раньше ушелъ отъ своего прототипа.

Часть лора, окружающая грудь и плечи, получила уже форму самостоятельнаго широкаго оплечья, изъ подъ котораго на груди выходитъ широкое полотнище и доходитъ до подола, представляя собою вторую часть лора, соотвѣтствующую на консульскихъ диптихахъ тому концу лора, который отъ подола поднимается на правое (а иногда на лѣвое) плечо.

Поперечная часть лора, идущая у консуловъ отъ праваго бока на лѣвую руку, у царицъ получила форму длиннаго, закругленнаго на верху и оканчивающагося острымъ угломъ внизу щита, который, поднимаясь отъ подола на лѣвой сторонѣ, оканчивается на уровнѣ локтей, будучи пристегнутъ здѣсь къ части лора, спускающейся отъ шеи къ подолу. Въ верху, гдѣ поперечная часть лора пристегивалась, выпускалась подкладка и надвигалась немного на лицевую сторону лора, въ подражаніе и воспоминаніе той манерѣ надѣванія этой части лора, при которой конецъ лора, проходящій поперекъ тѣла, перегибался для поднятія на лѣ-

вую руку, причемъ виднѣлась задняя сторона лора, подкладка, видная и на самомъ концѣ, спускавшемся съ лѣвой руки ¹⁾).

Такую форму щита, которая, съ перваго взгляда, можетъ показаться какою-то особенною принадлежностью облаченія царицы, поперечная часть лора приняла, благодаря тому, что эта часть траabei издавна была гораздо шире всей остальной траabei и, какъ мы видѣли на таблицахъ, изображающихъ консульскіе диптихи, прикрываетъ весь животъ. Если мы трабею, напримѣръ, консула Феликса (табл. II) спустимъ съ лѣваго плеча нѣсколько ниже, то закругленіе внизу будетъ приходиться у правой ноги и вся передняя поперечная часть траabei будетъ имѣть болѣе длинную, расширяющуюся къ верху форму, причемъ будетъ прикрываться болѣе правая сторона, чѣмъ лѣвая. Почти въ такомъ импено видѣ изображена поперечная часть *trabea* на диптихѣ неизвѣстнаго консула (верхняя часть диптиха отрѣзана), рисунокъ котораго приложенъ къ *Dissert. de numism. infer. aevi* (tab. I) Дюканжа—Gori, *Thes. Dipt.*, II, tav. II ad pag. 176. Нижній конецъ поперечной части траabei этого консула спущенъ до подола далматйки, и потому прикрываетъ гораздо болѣе правую сторону тѣла, чѣмъ лѣвую, такъ что лѣвая нога остается почти вся открытою.

Если эту часть консульской *trabea* сдѣлать изъ болѣе плотной и тяжелой матеріи и придать ей болѣе правильную форму съ закругленіемъ наверху, то получится фигура, почти тождественная съ тою, въ видѣ которой поперечная часть лора является на изображеніи царицъ Маріи и Теодоры. Такъ какъ занимающая насъ часть лора царицы Маріи представляетъ отдѣльную часть, то ей придана правильная форма и она сдѣлана безъ складокъ, которыя непременно были бы, если бы эта часть лора представляла конецъ лора, спускающійся съ праваго плеча чрезъ спину къ лѣвой ногѣ. Этихъ разъясненій, полагаю, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что щитовидная нашивка на царицахъ не представляетъ собою какого-нибудь новаго, особеннаго предмета облаченія, а тотъ же лоръ, поперечная часть котораго на другихъ изображеніяхъ царицъ (напримѣръ, на табл. III) является въ другомъ видѣ, въ

---

¹⁾ Щитовидная форма поперечной части лора у царицъ особенно бросается въ глаза на изображеніи царицы св. Теодоры, жены Теофила, въ *Минологіи* Василія, подъ 11 февраля (II, p. 181). Благодаря искусству и любезности Д. В. Айналова, приватъ-доц. Казанскаго университета, я имѣю, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ, раскрашенную съ подлинника фотографическую копию этого изображенія; щитовидная часть лора, какъ показываетъ моя копія, сдѣлана изъ того же матеріала, какъ оплечье и передняя часть, спускающаяся отъ ворота къ подолу. Посрединѣ щита большой крестъ темномалиноваго цвѣта, окаймленный жемчугомъ.

формѣ поперечной полосы, и болѣе походить на соотвѣтствующую часть лора царя.

Обращаясь къ далматикѣ царицы, мы видимъ, что она также отличается отъ обыкновенной далматики = саккоса царя тѣмъ, что рукава не только значительно шире, но и, кажется, пришиты къ поламъ далматики одною стороною расширенныхъ концовъ. Но такъ какъ на рисунокѣ этого видѣть нельзя, то, быть можетъ, широкій разрѣзъ рукавовъ, сдѣланныхъ изъ толстой матеріи, только пристегнуть задней стороною къ далматикѣ, чтобы рукавъ плотнѣе прилегалъ и не топорщился, ради чего къ нижнимъ концамъ рукавовъ далматики = саккоса царицы Θεодоры, жены Михаила Палеолога, пришиты тяжелыя кисточки, оттягивающія рукавъ. Во всякомъ случаѣ, покрой рукавовъ на обоихъ изображеніяхъ очень сходенъ. Въ остальномъ далматика = саккосъ царицы сходна съ далматикою царя и сдѣлана безъ поль, въ видѣ мѣшка ¹⁾.

Греческія надписи гласятъ: 1) надъ рамкой: Σκέποι σε Χριστός εὐλογῶν, Ῥώμης, ἀναξ, | Σὸν βασιλεῖδι τῆ πανευγενεστάτῃ = Владыка Рима, да хранить тебя благословляющій Христосъ съ всеблагороднѣйшею царицею.

2) Надъ царемъ: Νικηφόρος ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστός βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὁ Βωτανειάτης.

3) Надъ царицею: Μαρία, ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὴ βασίλισσα καὶ αὐτοκράτεισα Ῥωμαίων.

Таблица X, къ гл. IV, стр. 91 слѣд. ²⁾

Планъ нижняго этажа храма св. Софїи по Зальценбергу.

1) Орологій (стр. 95 — 97).

2) Лутиръ или дворъ (atrium) съ фїалою (чашею) по срединѣ (стр. 103—106) и портиками по сторонамъ.

3) Вѣйшій нарѣикъ (ἐξωνάρθηξ), представлявшій первоначально одну изъ сторонъ (восточную) портика, окружавшаго дворъ храма внутри стѣнъ. Арки восточной стороны или восточнаго портика, примыкавшаго

¹⁾ Въ обрядѣ коронованія царицы говорится, что она вводится въ Августей (тропная зала во дворцѣ Дафны) для коронованія *φροδοσα στοχάριον βασιλικόν* (Sacr. I, 41, 208). Подъ этимъ «царскимъ стихаремъ» разумѣется, очевидно, далматика, которая, когда рѣчь идетъ о царяхъ, въ Придворномъ Уставѣ обыкновенно называется дивитисіемъ (см. выше, стр. 52 слѣд.) или полнѣе *στοχάριον διβητήσιον*. Далматика царицы Марїи также можетъ быть названа «царскимъ стихаремъ», хотя особый покрой ея рукавовъ, явившійся въ позднѣйшее время, придаетъ ей своеобразный видъ.

²⁾ Направо отъ цифры 15, за пунктирной чертой должна стоять буква I. Ниже цифры 15, вмѣсто цифры 10, должна стоять цифра 16.

къ внутреннему нарёнку, представляли собою дверныя отверстія, соотвѣтствовавшія дверямъ внутренняго нарёнка. Три среднія отверстія, образуемая высокими, роскошно отдѣланными пилярами, были больше и красивѣе другихъ. Среднее отверстіе изъ этихъ трехъ, теперь задѣланное, называлось собственно красною дверью (*ἡ ὄραία πύλη*) А. Около этого входа находилась ниша съ завѣсою (*τὸ βῆλον* или *ἡ κορτίνη*), за которой царь снималъ или надѣвалъ корону и которая называлась потому мутаторіемъ (стр. 98 и слѣд.).

4) Внутренній нарёнокъ (*ἔσωνάρθηξ*), изъ котораго вели пять дверей во внѣшній нарёнокъ и девять дверей въ храмъ (Жилли). Средняя бѣлая дверь изъ внутренняго нарёнка во внѣшній называлась большою дверью нарёнка (*ἡ μεγάλη πύλη τοῦ ἀρθήξος*) В, а соотвѣтствующая ей дверь въ храмъ—царскими вратами (*αἱ βασιλικαὶ πύλαι*) С. (стр. 101 слѣд.).

5) Пространство подъ западнымъ полукуполомъ съ двумя нишами: а и в, своды которыхъ поддерживаются порфиновыми колоннами.

6) Пространство подъ куполомъ съ амвономъ с, находившимся ближе къ восточной аркѣ купола, чѣмъ къ западной, противъ св. вратъ алтаря, а не вправо отъ нихъ, какъ показало на планѣ Зальценберга d.

7) Алтарная конха, т. е. пространство подъ восточнымъ полукуполомъ, за восточною аркою купола (*arcus triumphalis*), съ двумя нишами по сторонамъ: е и f, изъ которыхъ сѣверная была лѣвымъ клиросомъ, а правая—правымъ клиросомъ. Между ними была солея g¹⁾. За солеею въ восточной части пространства подъ восточнымъ полукуполомъ была алтарная преграда съ св. вратами D въ срединѣ и по сторонамъ EF. За алтарной преградой стоялъ св. престолъ подъ киворіемъ G (стр. 111 слѣд.). Черточками обозначена предполагаемая линия алтарной преграды.

8) Восточная ниша алтарной конхи, въ которой помѣщалось сопрестолие (*σύνθρονος* или, правильнѣе, *τὸ σύνθρονον*), расположенное по стѣнамъ. Направо дверь h, чрезъ которую царь выходилъ изъ алтаря, идя въ свой мутаторій, а налѣво дверь i, ведшая въ ризницу и къ жертвен-

¹⁾ Въ дополненіе къ сказанному въ текстѣ книги этой относительно солей, считаю полезнымъ привести показаніе проф. Е. Г о л у б и н с к а г о, который осматривалъ св. Софію и въ своей Исторіи Русской Церкви (I, 2, 140) говоритъ: «Въ Константинопольской Софіи, если идти отъ запада къ востоку, отъ входа въ церковь къ алтарной апсидѣ, сначала встрѣчается возвышеніе пола на одну большую ступень между передними столбами купола, затѣмъ другое возвышеніе также на одну и нѣсколько меньшую ступень между столбами восточнаго полукупола, первое возвышеніе, представляющее весьма большую площадку, есть возвышеніе солей, второе алтаря». Но такъ какъ турки все-таки передѣляли эти возвышенія, именно скосили ихъ, сообразно съ положеніемъ ихъ миграба, то возможно допустить, что ими произведены приэтомъ болѣе радикальныя видоизмѣненія солей, чѣмъ какъ думаетъ почтенный профессоръ, полагающій, что, кромѣ скошенія, возвышенія эти остались безъ перемѣны.

нибу предложенія (πρόθεσις) к (стр. 124 слѣд.), если онъ не стоялъ въ самомъ алтарѣ ¹⁾).

9) Сѣверный квадратъ, рядомъ съ алтаремъ, служившій и называвшійся ризницею (σχευοφυλάκιον), съ находящимися тамъ священными предметами и реликвіями (стр. 119 и 120).

10) Женскій, сѣверный корабль или женское отдѣленіе (γυναικονίτις или γυναικίτης) нижняго этажа, съ сѣверными дверями храма Н, выво- дившими въ

11) женскій или сѣверный нарѣкъ (стр. 141 слѣд.).

12) Отдѣленіе Сосудохранилища по однимъ, Большая Крестиль- ница по другимъ (стр. 145 слѣд.).

13) Храмъ св. апостола Петра съ дѣями его (стр. 147).

14) Діаватики (переходы) св. Николая съ храмомъ его (стр. 141—142).

15) Діаконикъ въ южномъ или правомъ квадратѣ, съ паракип- тикомъ царя I и прилегающимъ къ нему царскимъ мутаторіемъ или митаторіемъ и его отдѣленіями К (стр. 128 слѣд.).

16) Южный, мужской корабль съ южными вратами L и примыгаю- щимъ къ нему св. Кладеземъ M (стр. 133) ²⁾).

17) Малая Крестильница (стр. 96—97; ср. 147 слѣд.).

18) Портки внутри двора св. Софїи (стр. 101).

19) Фіала во дворѣ или лугиръ въ тѣсномъ смыслѣ.

20) Авиръ и лѣстница (стр. 106) у западной стѣны двора св. Софїи.

Примѣч. Пристройки внѣ стѣнъ храма св. Софїи, обозначен- ные на планѣ Зальценберга, въ настоящемъ видѣ принадле-

¹⁾ Въ позднѣйшее время, въ XIV в., жертвенникъ стоялъ, повидимому, въ алтарѣ, какъ можно заключить изъ обряда коронаціи царя Мануила, совершеннаго въ 1391 г. Обрядъ этотъ описанъ участникомъ русскаго посольства, присутствовавшимъ при коро- націи, и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя подробности, дополняющія обрядъ коронаціи, заимствованный К о д и н о мъ у І о а н н а К а н т а к у з и н а (см. выше, стр. 167—168). Такъ, по словамъ нашего путешественника, царь предъ большимъ входомъ шель *въ алтарь* и оттуда сопровождалъ св. дары до св. вратъ алтаря, между тѣмъ какъ у К о д и н а ска- зано только, что царь шель къ жертвеннику, но гдѣ стоялъ жертвенникъ, не сказано (см. выше, стр. 123, прим. 1). Впрочемъ, и слова нашего путешественника не исключаютъ возможности помѣщенія жертвенника не въ самомъ алтарѣ, а возлѣ него, такъ какъ царь могъ и въ послѣднемъ случаѣ шествовать къ жертвеннику черезъ алтарь и, слѣдовательно, входить въ алтарь (описаніе коронаціи Мануила см. въ Исторіи Госуд. Россійскаго К а р а м з и н а, т. V, гл. I, примѣч. 133).

²⁾ Св. Кладеземъ называлась пристройка, въ которой находился самарейскій кла- дезъ, а равно и самый этотъ кладезь. Считаю нужнымъ замѣтить, что я употребляю форму «кладезь», а не «кладязь», такъ какъ кладезь есть именно та форма этого слова, изъ которой вышла русск. колодезь и которая, сколько мнѣ извѣстно, употребляется часто въ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ.

жать кромѣ круглаго зданія у сѣверо-восточнаго угла и Крестильницы у юго-западнаго, позднѣйшему времени и представляют собою большую частію, если не всѣ, турецкія передѣлки и прибавленія, хотя и построенныя на мѣстѣ старыхъ, исконныхъ пристроекъ, окружающихъ храмъ св. Софіи съ разныхъ сторонъ, особенно съ восточной и южной. Потому цифры и буквы, поставленныя въ предѣлахъ обозначенныхъ на планѣ новѣйшихъ пристроекъ къ храму, обозначаютъ только приблизительно мѣсто прежнихъ пристроекъ, а не указываютъ на то, что, напримѣръ, храмъ св. Петра занималъ все мѣсто теперешняго сѣверо-восточнаго минарета и что царскій мутаторій и св. Кладезь ограничивались нанесенными на планѣ чертами. Напротивъ, мутаторій занималъ, по всей вѣроятности, весь юго-восточный уголъ, продолженіемъ служилъ св. Кладезь, примыкавшій въ свою очередь къ пристройкамъ, на мѣстѣ которыхъ стоитъ теперь юго-западный минаретъ, такъ что здѣсь былъ рядъ смежныхъ и довольно обширныхъ пристроекъ, надъ которыми во второмъ этажѣ находились примыкавшія къ южнымъ катихуменіямъ царскій и патріаршій мутаторіи и Патріаршія Палаты, продолжавшіяся, вѣроятно, и надъ пристройками съ восточной стороны, надъ діаватиками св. Николая и другими, находившимися здѣсь помѣщеніями.

Таблица XI, къ стр. 118.

Планъ храма свв. Сергія и Вакха.

Храмъ свв. Сергія и Вакха, построенный Юстиніаномъ, весьма важенъ, по сравненію съ храмомъ св. Софіи, какъ въ архитектурномъ, такъ и археологическомъ отношеніи. Въ архитектурномъ отношеніи его планъ очень походитъ на планъ св. Софіи. Разница между ними заключается въ томъ, что куполь свв. Сергія и Вакха поставленъ на 8 столбахъ, а св. Софіи на 4-хъ среднихъ, причемъ восточная и западная пары столбовъ отодвинуты дальше за предѣлы куполовъ и служатъ опорою полукуполовъ, благодаря которымъ храмъ св. Софіи получилъ форму удлиненнаго параллелограмма, между тѣмъ какъ храмъ свв. Сергія и Вакха безъ нариска имѣетъ форму квадрата. Въ археологическомъ отношеніи храмъ свв. Сергія и Вакха важенъ потому, что, при сходствѣ въ планѣ съ св. Софіею, онъ даетъ возможность безошибочно опредѣлить

мѣсто алтаря въ св. Софіи и назначеніе боковыхъ нишъ алтарной конхи. Если можно еще сомнѣваться въ назначеніи этихъ послѣднихъ при взглядѣ на планъ одной св. Софіи, то планъ свв. Сергія и Вакха не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что боковыя ниши алтарной конхи св. Софіи не могли служить для цѣлей діаконака и жертвенника предложенія, а были клиросами въ нашемъ смыслѣ, между тѣмъ какъ для діаконака и ризницы назначались боковыя квадраты, которымъ въ храмѣ свв. Сергія и Вакха соотвѣтствуютъ угловыя помѣщенія на сѣверъ D и югъ E отъ алтарной конхи A, а нишамъ алтарной конхи ниши между восточными парами столбовъ B и C, лежація внѣ предѣловъ и линіи алтарной преграды. Мѣсто алтаря въ восточной Апсидѣ A въ храмѣ свв. Сергія и Вакха, не подлежащее никакому сомнѣнію, указываетъ ясно и на мѣсто алтаря въ храмѣ св. Софіи. Ср. стр. 118—119.

Казань, 30 декабря 1892.

ΕΙΩΜΕΝΕΙΜΙΟΝΦΥΛΑΞΕΤΕΦΗΦΟΡΕ
ΟΛΑΤ
ΑΤ

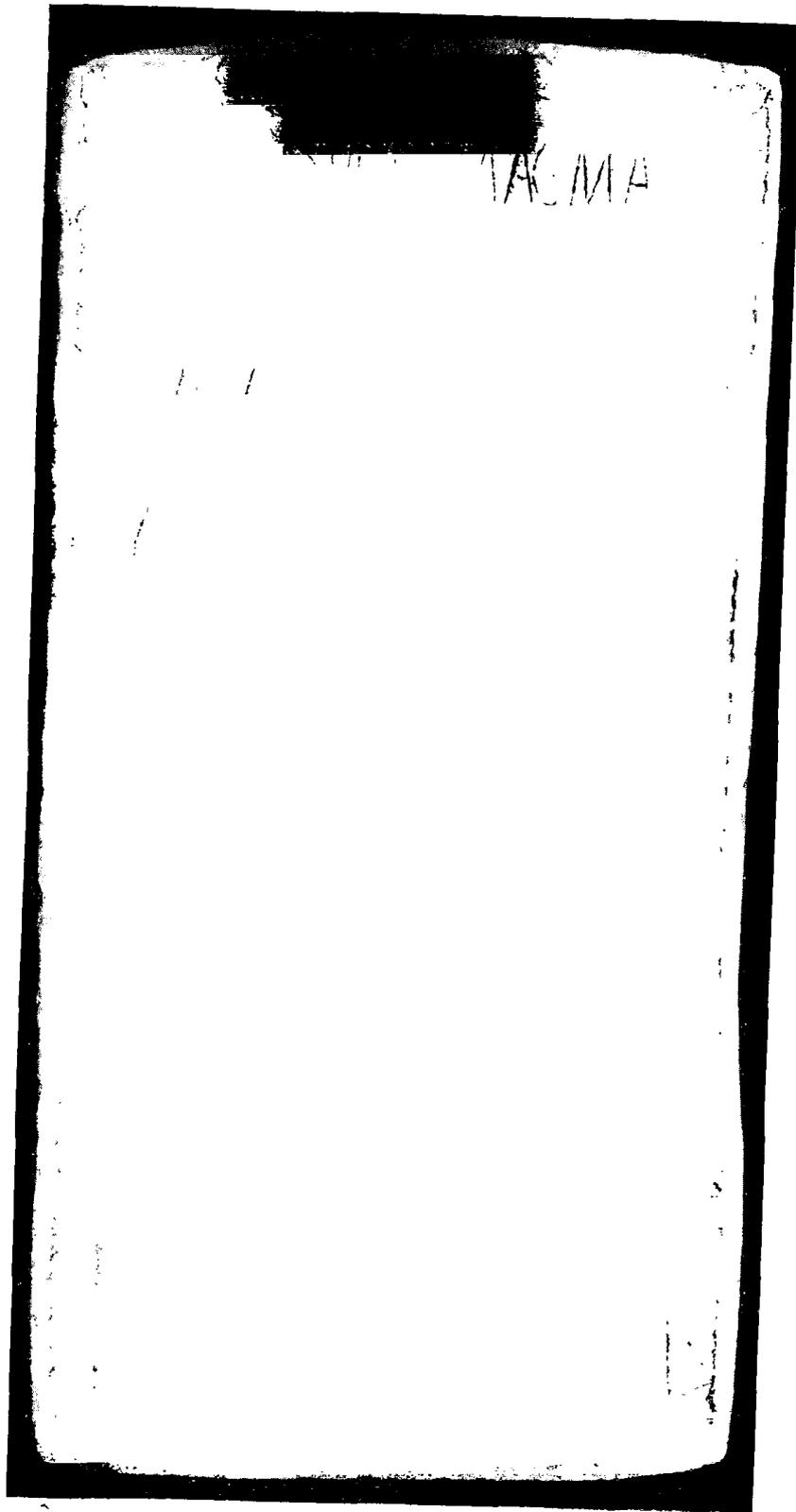
ΠΡΩΜΑ

Ω ΙΩ Ο

ΗΙΚΗΦΕΙΧΤΩ
ΒΑΓΙΛΕΥΣΑΝΤΟΚΡΑΤΩ

ΟΒΘ
ΤΑ
ΑΤ

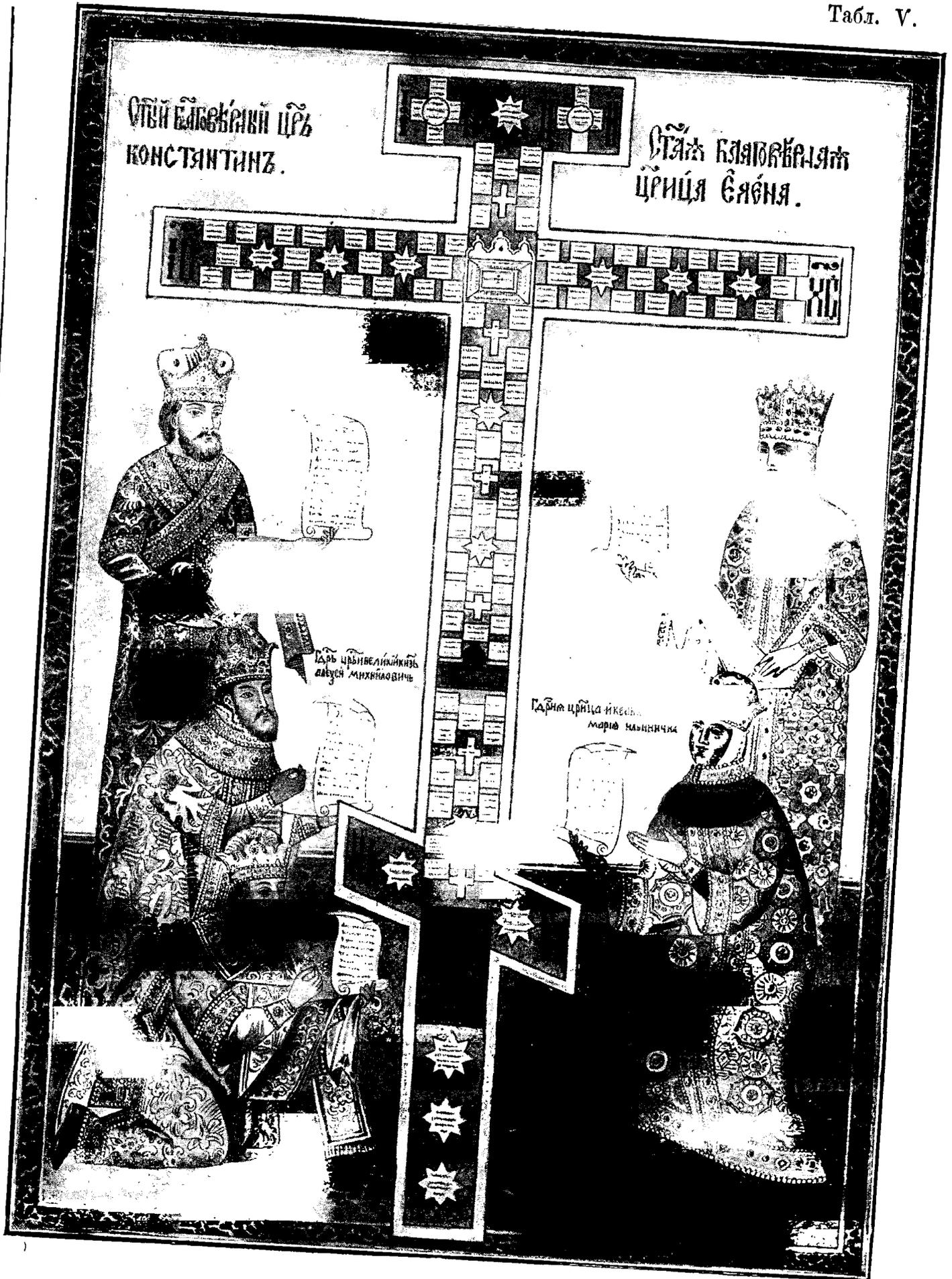

ΜΙΧΑΗΛ ΕΝ ΧΡΙΣΤΩ ΤΩ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΣ
ΘΕΩ ΠΙΣΤΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΠΟΡΦΥΡΟΓΕΝΝΗΤΟΣ
ΚΑΙ ΑΥΤΟΚΡΑΤΩΡ ΚΟΜΝΗΝΟΣ
ΡΩΜΑΙΩΝ Ο ΠΑΛΑΙΟΛΟΓΟΣ

ΘΕΟΔΩΡΑ ΕΝ ΧΡΙΣΤΩ ΤΩ
ΘΕΩ ΠΙΣΤΗ ΒΑΣΙΛΙΣΣΑ
ΚΑΙ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΙΣΣΑ
ΡΩΜΑΙΩΝ Η ΚΟΜΝΗΝΗ

СВЯТЫЙ ЕЛЕНОВИЧЪ ЦРЬ
КОНСТЯНТИНЪ.

СВЯТАЯ КЛАТОВИЧА
ЦРИЦА ЕЛЕНА.

ГДРЬ ЦРЬВЕЛИКЪ
ДАВУСЪ МИХИЛАВИЧЪ

ГДРНА ЦРИЦА ИКЕЛНА
МАРИА МАКНИЧНА

ἘΨΟΝ ΣΑΥΑΚΤΩΝ ΕΝ ΚΑΕΗΣΟΚΗ ΠΕΧΙ
ΚΑΙ ΤΗΝ ΨΥΧΗΝ ΤΕΡΦΘΗΤΙ ΚΑΙ ΧΑΡΑΝ ΚΡΑΤΕΡ

ΚΑΙ ΔΟΥΝΗΘΙ
ΣΟΙΣ ΟΚΤΙΓΡΑΙΟ

✠ ΘΕΗ ΜΟΝΑΧΟΙΣ ΕΝ
ΣΑΒΑΣ ΚΑΙ ΠΡ

ΝΙΚΗ
ΦΩ
ΡΟΣ
ΕΝ
ΧΩ
ΤΩ
ΘΥ

ΚΑΙ Α
ΚΡΑ
Μ
ΘΟ
ΤΑ
ΝΙ
ΠΙ
Α

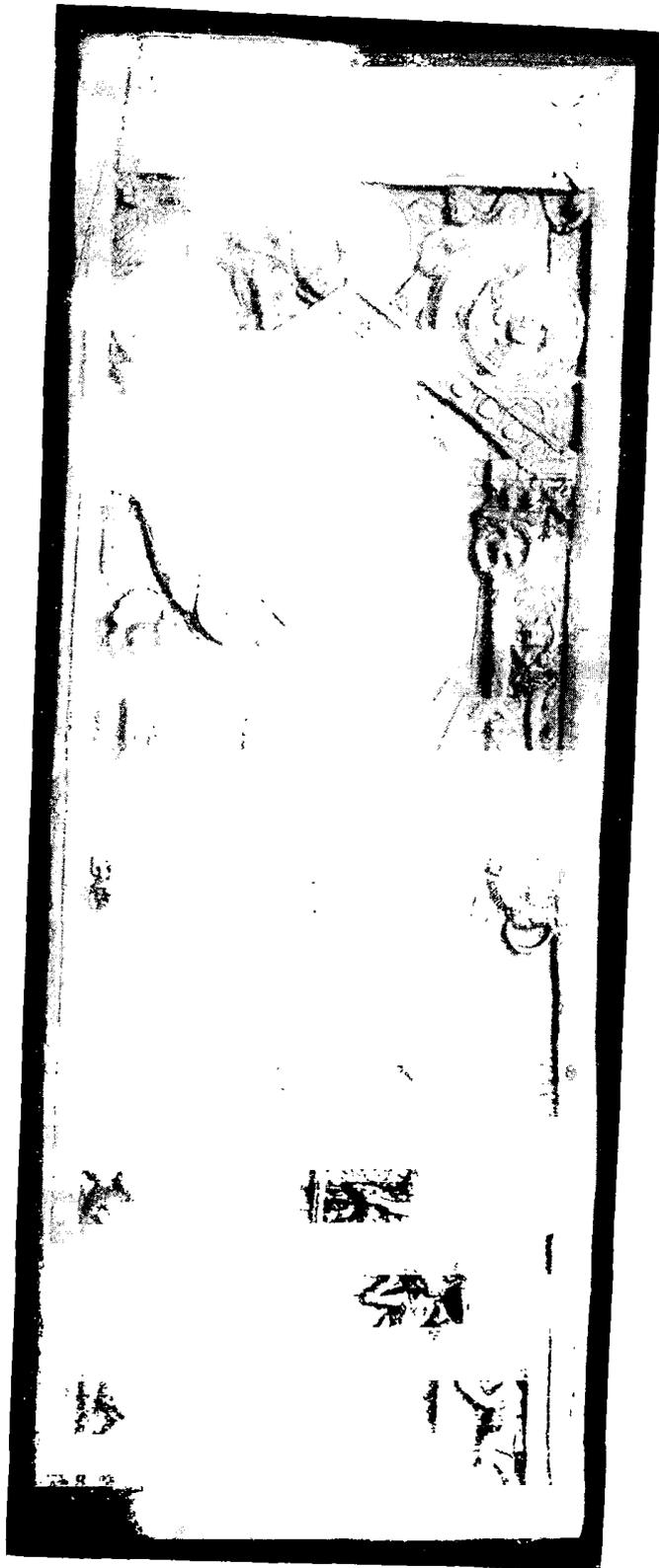
ΠΡΟΒΑΣ

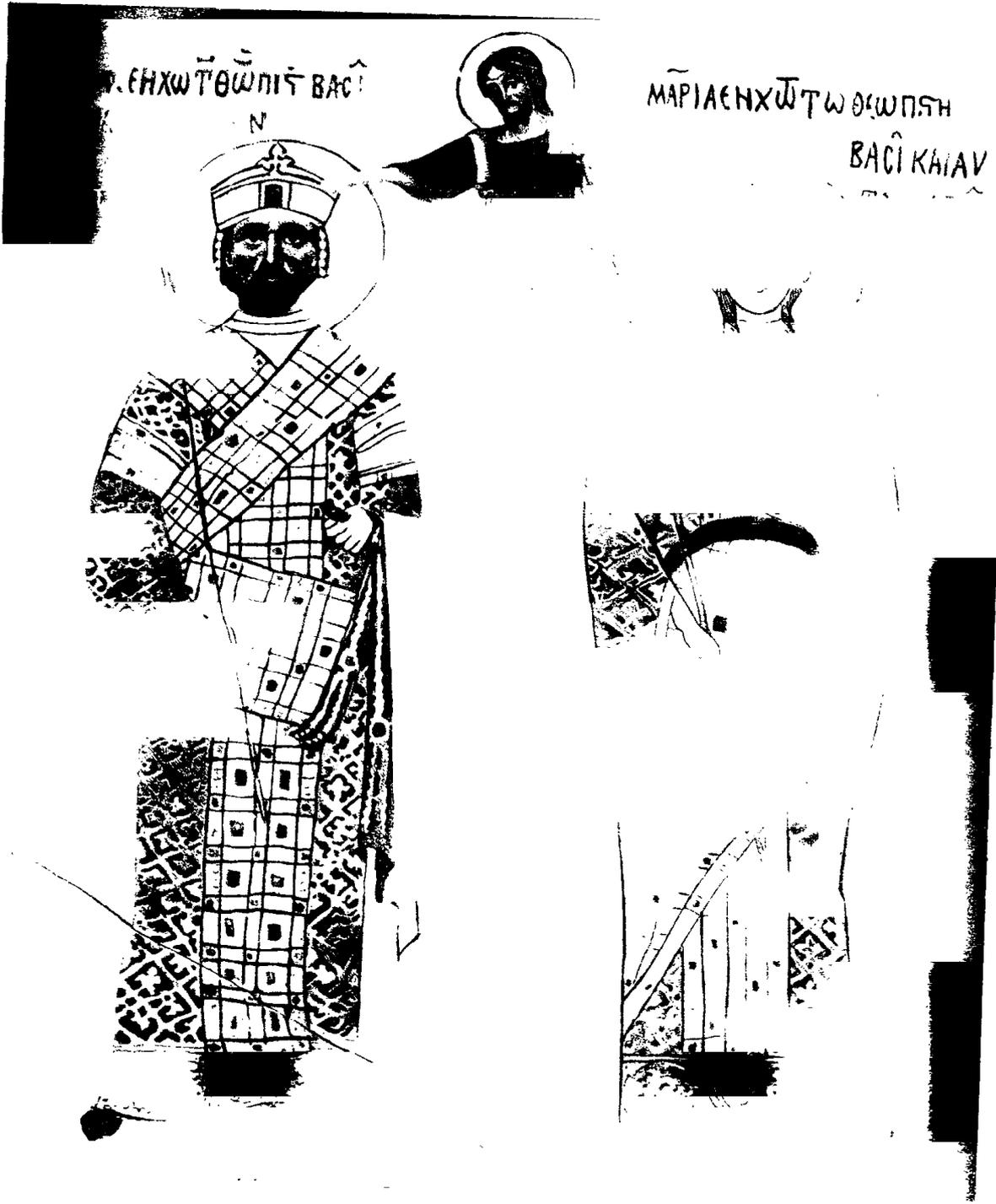

Лит. К де Кастелли В.О.11 д.№ 22 С.П.Б.

Табл. VIII.

Лит. К...

В. О. 11, д. № 22, с. д. б.

Табл. X.

